

Кристина Выборнова



Король

спасительница

Annotation

Студентка Соня, прямо как в сказке, вдруг оказывается спасительницей древнего короля из другого мира. Но на этом вся сказочность заканчивается. Король поселяется в Сониной квартире, король рассказывает, как его высокородные родственники обращали друг друга в прах, король называет всех вокруг, включая родителей Сони, низкими плебеями... Может, надо всеми силами стараться, чтобы он, наконец, ушел обратно в свой мир? И Соня бы это сделала, если бы взгляд короля не был иногда похож на взгляд бездомной собаки. И если бы не один детский сон... Это повесть о том, как меняет человека власть, ломая его мораль, личность и понимание человечности. Но также и о преданности своему народу, о долге, который выполняешь несмотря ни на что, а еще о настоящей дружбе и любви.

- [Кристина Выборнова](#)
 - [ПРОЛОГ](#)
 -
-

Кристина Выборнова
КОРОЛЬ И СПАСИТЕЛЬНИЦА

ПРОЛОГ

Сон этот приснился мне давно, когда мне было одиннадцать лет и я отдыхала в деревне у бабушки, но запомнился на всю жизнь.

Мне снилось, что я очутилась в какой-то красивой солнечной местности: кажется, на лугу. Судя по положению солнца, было утро, а судя по луговым цветам — где-то начало лета. Со мной была моя лучшая подруга Натка, и мы гуляли себе по этому лугу в свое удовольствие. Потом, неизвестно в какой момент, перед нами будто из-под земли выросли двое мальчишек примерно наших лет. Но выглядели они очень странно: в какой-то музейной разноцветной одежде — широких рубашках, жилетках, бриджах и высоких сапогах. Мало того, у них и волосы были длинные — у одного как на старинных картинах, вроде темного каре, а у другого — просто прямые и довольно тонкие светло-русые, зачесанные назад. У него еще было яркое и запоминающееся узкое лицо: прямой нос с небольшой горбинкой, впадина на подбородке, темные высоко поднятые брови и глядящие из-под них большие открытые глаза какого-то странного цвета: то ли голубые, то ли карие, я так и не поняла. Мы с Наткой насторожились — хоть и разодетые, все равно же мальчишки, но пацаны оказались довольно вежливыми. Они отвесили нам поклоны и неразборчиво представились какими-то странными именами, которые я сразу же забыла, только осталось в памяти ощущение, что имена до смешного похожи на женские. Что мы делали дальше, мне не запомнилось, а последней картинкой было то, что мы со светловолосым мальчишкой, откинувшись и держась за руки, крутимся на месте, а где-то сзади хихикает Натка.

Мальчишка, держа меня за запястья, тоже улыбался и, вроде бы, что-то говорил, но и звук, и картинка постепенно пропадали. В конце концов я проснулась с ощущением, будто он меня все еще держит за руки, и очень огорчилась, поняв, что это был сон...

В деревню к бабушке ехать не особенно хотелось. И времени не было — впереди еще половина сессии, и настроения — неохота в такую противную промозглую погоду, которая установилась в начале июня, мотаться по электричкам. Но бабушка точно обидится, если любимая внучка не придет к ней на день рождения и не привезет заодно семена для посадки. Особенно, конечно, семена. Ничего не попишешь, пришлось ехать.

Бабушка мне, конечно, обрадовалась и, когда я вошла в сад,

всплеснула коричневыми от загара руками:

— Ой, Сонечка, здравствуй, внученька! Чего это ты похудела вся? Небось, не ешь ничего?

— Да сессию сдаю, ба, не до еды, — вздохнула я.

— Ничего, бабушка тебя за один день откормит! Сейчас быстренько в магазин сбегаяю и покушаем с тобой... Ох, что ж ты заранее-то не предупредила, я бы все купила, а так ты у меня голодненькая...

— Да ладно, ба, давай я сама схожу, заодно и прогуляюсь, — предложила я ей. — А то в электричке засиделась.

— И то. Чего сидеть? Гуляй, пока молодая, — быстро согласилась бабушка. — Вон, через луг пройдишь — какая благодать-то! Сейчас сухо, дождик только вчера шел несильный...

В общем, я оставила вещи, взяла пустой пакет и кошелек и, выбравшись через заднюю калитку огорода, быстро зашагала по сыроватому лугу. Коровы, к счастью, поблизости не паслись, лошади тоже. Трава была ярко-зеленой и еще пока коротенькой, среди нее рассыпались одуванчики, лютики и какие-то белые цветочки, названия которых я не знала. Я, посвистывая, осматривалась по сторонам, и в конце концов пришла к выводу, что в давнем детском сне я видела именно наш луг, и как раз в это время года. Да, воображение у меня тогда было что надо. Какие мальчишки снились! А сейчас выросла — и пожалуйста, жду звонка Сашки уже неделю — и ни слуху ни духу. Правильно Натка говорит — сейчас ребятам надо на шею вешаться, и то стряхнут и не заметят... Ладно, ну его, Сашку, пока что. Все равно ничего не сделаешь!

Тут я вздрогнула от громкого мычания и повернула голову. Слева, от речки, медленно шла черная корова, а сзади ее погоняла хмурая толстая женщина с прутом. На пути коровы в траве я заметила что-то вроде обломка красивой мраморной колонны — откуда он тут может быть?? Корова, конечно, не обратила на него внимания, не обратила и женщина. Обе они то ли перешагнули, то ли обошли его, и продолжили свое шествие, мельком взглянув на меня похожими по выражению взорами. Обломок мрамора остался на месте. Я из любопытства подошла поближе, нагнулась и ухватила за него рукой...

Пространство вокруг меня чпокнуло и вдруг изменилось. Я оказалась вроде бы на том же лугу, и здесь тоже было начало лета, но небо стало каким-то другим — фиолетоватым, с продолговатыми облачками, а вдали вместо совхоза появился черный густой лес. Но это было еще не самое удивительное: я стояла, положив руку на подлокотник трона, высеченного из белого камня. На троне сидела такая же каменная, очень хорошо

сделанная фигура мужчины. В оторопении я посмотрела на нее.

Фигура, кажется, изображала королевскую особу, хотя короны у нее на голове не наблюдалось, зато имелись тщательно проработанный скульптором костюм и то ли плащ, то ли мантия. Костюм был, как я в полном уже очумении обнаружила, похож на одежду мальчиков из моего давнего сна. Да и лицо мужчины показалось мне относительно знакомым. Отцепившись от трона и попятившись, я принялась щипать себя, чтобы проснуться, но все — и луг, и трон, и статуя — осталось на месте. Значит, я куда-то попала? И куда? Тут-то небось до магазина топать гораздо дольше, чем из деревни — вон, какой луг заросший... Да может, это и не Земля! Ну вот, надо было меньше фантастики читать, Сонька!

Я снова подошла к статуе, принялась ее разглядывать и пришла к выводу, что и лицом она похожа на тех мальчишек, что я видела во сне. Может быть, время здесь идет по-другому, и такой мальчишка действительно жил когда-то? Наверное, был хорошим правителем, если ему поставили памятник? Да, только почему в чистом поле?!

Я положила руку на плечо статуе, чувствуя мучительное сожаление, что я не могу у нее ничего спросить и узнать.

— Эх, мы бы с тобой поговорили, если бы ты был живой! — вырвалось у меня.

И пространство снова чпокнуло и содрогнулось. Я зажмурилась и отдернула руку, а потом осторожно открыла глаза, надеясь, что оказалась дома.

Не тут-то было. Луг был тот же, трон тот же, а вот статуя — уже нет. Точнее, не было никакой статуи. Вместо нее сидел вполне живой человек в светлой пышной рубашке, коричневых бриджах и белых сапогах, в бежеватой помеси мантии с плащом. Его длинные прямые волосы оказались светло-русыми, а большие глаза — очень странного цвета — светло-карие вокруг зрачка и с серо-голубым ободком. Нос у него был прямой с горбинкой, ямочка на подбородке тоже имелась... Я застыла, не очень понимая, что мне делать. Неужели это и есть тот самый мальчик из моего сна? Но мы были ровесниками, а ему, похоже, около тридцати... Мужчина спокойно поднял на меня свои странные глаза, сменил положение на троне и что-то сказал высоким надменным голосом на совершенно непонятном языке.

— Не понимаю, — отозвалась я виновато. Он, не меняясь в лице, кивнул, протянув руку с увесистым перстнем, чуть дотронулся до меня и поинтересовался:

— Теперь ты меня понимаешь?

— Теп-перь да, — заикнулась я.

— В таком случае скажу еще раз — благодарю тебя, моя спасительница.

— За что? — очень глупо поинтересовалась я.

— За спасение меня, короля Лидиорета, от чар, которые превратили меня в статую, — пояснил он спокойно, все так же не меняясь в лице и редко моргая. — Как тебя зовут, моя спасительница?

— Соня. То есть София. Очень приятно, ваше величество.

— Мне тоже. Какой сейчас год и что творится в моей стране? — деловито поинтересовался король, вставая с трона и оказываясь ростом под два метра. Я заискивающе посмотрела ему в подбородок:

— Понимаете, я сама не отсюда. Я нечаянно здесь оказалась, даже не знаю, как. Кажется, я не из этого мира... И даже не знаю, как мне теперь обратно попасть...

— Обратно? В другой мир? — переспросил король, выслушав мой лепет без всякого удивления. — Покажи, где ты была, когда перенеслась сюда.

Я похлопала по подлокотнику трона.

— Вот за него взялась и уже тут...

— А, — сказал он. — Понятно. Оставь на подлокотнике свою руку.

Я послушалась. Он осторожно накрыл мою руку своей рукой — довольно-таки холодной, с длинными пальцами, чуть постоял молча и убрал руку обратно. Свет как-то изменился.

Я подняла голову и ахнула: мы стояли на нашем обычном земном лугу, вдали виднелся совхоз, и слышалось мычание коров! Трон исчез, и мраморный обломок тоже.

— Этот мир твой? — поинтересовался у меня король, будто речь шла об остановке метро.

— Этот, — кивнула я неловко. — Спасибо, ваше величество...

— Не за что. Я думаю, что мне тоже предпочтительнее будет жить в твоём мире.

— А... Вы не хотите в свой?

— Не особенно. Свой я уже видел. Не думаю, что за те годы, пока я был заколдован, там стало интереснее.

— А можно спросить? Почему вас заколдовали, ваше величество?

— Моя спасительница может задавать мне любые вопросы, — сообщил король совершенно обыденным тоном, убирающим торжественность слов. Я покраснела и потихоньку двинулась вперед по траве. Он зашагал рядом со мной, рассказывая:

— В общем-то, моя история довольно обыкновенна. Я происхожу из древней королевской фамилии. Многие поколения нашей семьи правили Варсотским королевством. Все мы вели обыкновенную жизнь — вначале моя мать превратила в камень отца, чтобы сесть на трон. Потом ее превратил в камень мой дядя. Дядю превратил в камень я, когда вырос... Даже, кажется, не в камень, а в дерево, ну это не важно... Оказавшись королем, я правил так, как у нас было заведено. Однако подданные в какой-то момент взбунтовались, прибегли к помощи соседнего королевства и превратили меня в статую, с тем условием, что я оживу только тогда, когда найдется человек, который искренне этого захочет. Они, видимо, были уверены, что такого никогда не найдется. И действительно, вряд ли нашелся бы, если б не ты.

— П-почему? — спросила я испуганно.

— Потому что простой люд никогда не понимает нужд и стремлений правителей, — разъяснил король. — Многие из них не могут уяснить той простой истины, что простолюдин — ничто по сравнению с королем, поэтому он не может чего-то от него требовать или на что-то жаловаться. Простолудин должен радоваться, когда король предлагает ему пожертвовать за него жизнью.

— Надо же... — сказала я с отвращением. Король перестал казаться мне привлекательным. С чего я вообще взяла, что это мерзкое существо может быть похожим на того мальчика из сна?! К тому же, король был явно опасным, не следовало его раздражать, но я не удержалась:

— А вы, небось, чересчур часто требовали, чтобы простолюдины жертвовали ради вас жизнью?

— По мере надобности, — серо-карие глаза короля спокойно смотрели вперед. — Много поколений это воспринималось как полагается. Однако в мое время простолюдины потеряли всякое понятие о чести и принялись думать только о себе.

— А надо было думать о короле? — ехидно спросила я.

— Конечно! — ответил он без тени сомнения.

— Ну и ну! Хорошо ты устроился! — сказала я, переходя на «ты» — он же мне тыкал. — Скажи-ка мне, я могу тебе говорить, что я думаю, или ты меня тоже в камень обратишь за любой чих?

— Спаситель короля считается равным ему, ты имеешь право говорить мне, что хочешь, и требовать от меня чего хочешь, — я тебе не откажу, — уверил меня король.

— Да ничего мне от тебя не надо... Только, знаешь ли, я тоже, как ты выражаешься, простолудинка, и ни к каким голубым кровям не

принадлежу.

— Ты не простолюдинка, — возразил он. — Ты моя спасительница.

— Да, это я уже слышала. Но я же до этого была простолюдинкой?

— До этого я тебя не знал.

— А если бы знал, небось, заколдовал бы на месте за такие речи?

— Что значит, если бы знал? Я же тебя не знал, — кажется, король слегка удивился. Он оторвал взгляд от дороги и посмотрел на меня. Видимо, в его стране как-то не так пользовались сослагательным наклонением либо мыслили по-другому.

— Ладно, неважно, — сказала я. — Значит, я могу тебе что-то приказать, и ты это сделаешь?

— Да, естественно.

— Ну, тогда иди... — я запнулась на полуслове. Очень хотелось отослать кошмарного короля обратно в его страну, но тогда получится, что я подбросила ее жителям громадную свинью. Они и так его еле заколдовали!

— Скажи-ка, если ты вернешься, ты что-нибудь сделаешь тем, кто тебя заколдовал?

— Конечно, превращу их в землю, например, — пожал он плечами.

— А если они уже умерли?

— Тогда их потомков.

— Но они же ни в чем не виноваты!

— Это неважно. При чем тут вина? Их наказание должно послужить примером к повиновению для других.

— А если не послужит? Вдруг опять взбунтуются?

— В таком случае буду уничтожать их, пока не прекратят бунтовать.

— А если вообще никого не останется?

— Пойду в другую страну.

— Мамочки... — простила я, схватившись за голову. Король посмотрел на меня с интересом, а у меня возникло ощущение, что я иду рядом с голодным бенгальским тигром, который не ест меня по неизвестно какой причине.

— Возможно, тебе не очень понятны проблемы людей королевской крови, — вдруг сказал он с легкой улыбкой. — Ведь ты, как сама сказала, была простолюдинкой, и тебе трудно пока что привыкнуть. Ничего, постепенно поймешь.

— Да не дай бог, — пробормотала я и принялась судорожно думать, куда его девать.

Ясно было, что король жутко опасен. И единственный сдерживающий

фактор для него — это я. Значит, придется стараться, чтобы он никому не причинил вреда. Я набрала воздуха и осторожно сказала:

— Послушай, а что ты здесь собираешься делать?

— Пожить в твоём мире там, где живешь ты. Отблагодарить тебя за спасение, отдохнуть и вернуться в свою страну, где снова править.

— Значит, у нас ты править не хочешь?

Король почему-то поморщился.

— Нет, не хочу. Управлять одновременно двумя мирами будет сложно, мне вполне достаточно и одного. Иногда от государственных дел нужно отдыхать.

— Да, не все время же надо убивать всех направо и налево, — фыркнула я.

— Я никого не убивал, — удивленно сказал король. — Особы королевской крови не унизятся до убийства. Если мне нужно, я превращаю простых людей в камни, деревья, в пыль, но причём тут убийства?

— Да ни при чём, — вздохнула я. — Послушай, ты не мог бы, если уж собрался жить в нашем мире, переодеться, или тебе принципиально ходить в мантии?

— Нет, — без колебаний ответил он. — Но ты должна показать мне, как у вас одеваются люди высокого происхождения.

— Так же, как и низкого, — буркнула я. — Впрочем, рубашку свою можешь оставить, у нас такие носят. А вот сапоги лучше бы укоротить до ботинок и сделать черными. А брюки у нас мужчины носят ну... Вроде моих, только с поправкой на мужской пол. Это джинсы называется.

Король кивнул, чуть замедлил шаг и снова зашагал быстрее. Но теперь плащ его исчез, сапоги превратились в черные полусапоги, а вместо бриджей и вправду возникли синие джинсы, немного нетипичного вида, но хотя бы не женские.

— Здорово! — не удержалась я. Он бросил на меня взгляд и вдруг быстро моргнул.

— Что?

— Колдуешь ты здорово! У нас люди не умеют колдовать.

— Спасибо за то, что хвалишь мое мастерство. Среди наших людей тоже нет сильных колдунов. Кроме особ королевской крови.

— А, ясно... Ну, значит так. Ты, когда мы выйдем в людное место, пожалуйста, старайся ни с кем не говорить, ты еще не очень знаешь мой мир... Кстати, как мне к тебе обращаться?

— Как хочешь.

— Тогда можно я буду звать тебя Лид, это хотя бы покороче?

— Как хочешь, — повторил он.

— А! И еще. Наших людей просто так в прах превращать не вздумай, а то будешь потом сам же собирать их из праха обратно. Понял? — сказала я строго. Лид спокойно наклонил голову.

— Естественно, моя спасительница, это не мой мир, и мне не нужны его жители...

— Меня тоже можешь называть Соней, — вздохнула я.

В магазин я вошла не без трепета. Вначале вообще хотела оставить Лида на улице, но побоялась, что он может что-то учудить без меня, и встала вместе с ним в очередь из мужиков в трениках и баб в платках и цветастых халатах.

— Во лохмы отрастил, — громко грянула одна из этих баб, поглядев на Лида. — Не поймешь, мужик или кто.

Я застыла в ужасе, ожидая, что баба сейчас осыплется на месте кучкой пепла. Но с ней ничего не случилось. И Лид, со спокойным достоинством вскинув голову, даже ничего ей не сказал и не опустил взгляд на ее уровень.

— Он еще и глухой, что ли? — рассмеялась неугомонная баба. Очередь вся заоглядывалась на нас и захихикала. Я покраснела, Лид остался спокоен и продолжал молчать. Ну и выдержка!

Через минуту его обсуждал уже весь магазин, довольно невежливо показывая пальцем. Продавщица так и покатилась со смеху, когда он молча отошел в сторону перед прилавком, пропуская вперед меня. Я со страшной скоростью купила хлеб, колбасу и яйца и выскочила из магазина. Король размеренным шагом вышел за мной и поинтересовался:

— Мы идем к тебе домой?

— Да, — выдохнула я.

— Что с тобой? Ты как будто смущаешься. Меня тебе стесняться не надо, мы с тобой наравне.

— Да я не из-за этого. А из-за людей в магазине. Они тебя не очень обидели?

— Как они могли обидеть меня? — Лид пожал плечами. — Обиду высокородному может нанести другой высокородный, а любые слова плебса — и хорошие, и плохие, ничего не значат для королей.

— Эх, и выдержка у тебя! — позавидовала я ему. — Я вон аж извелась вся...

— Ну что ж, тех, кто обидел тебя, я имею право превратить в пыль или камни, — сказал король спокойно. Я испуганно вцепилась ему в запястье.

— Ой, ой, пожалуйста, не надо! Ты не так понял. Мне было обидно не за себя, а за тебя.

— Как это?

— Ну, так и обидно. Что тебя оскорбляют. Чего тут непонятного?

— Не очень понятно. Ну ничего, мы выясним это позже.

— А почему ты молчал-то?

— Потому что ты сказала мне, что лучше не говорить. В этом я с тобой согласен — говорить там было не с кем...

— Ох, — сказала я. — Сейчас ты познакомишься с моей бабушкой... А может, лучше не познакомишься? Ты можешь, например, стать невидимым и подождать в саду, пока я поговорю с ней?

— Могу. Твоя бабушка меня не очень интересует. Ты живешь не с ней?

— Я живу даже не здесь, а в городе, в квартире с родителями.

— Тогда я пойду с тобой туда.

— И что? Поселишься в моей комнате?!

— Да, но я могу сделать так, чтобы кроме тебя меня никто не видел и не слышал.

— Прекрасно... — перспектива существовать нос к носу в одной комнате с королем меня не прельщала, но выбора не было. Что ж, буду спать в одежде. — Тогда подожди меня в саду. Лучше невидимым. И никого и ничего не трогай. И ни с кем не говори. Понял?

— Понял, понял, — сказал Лид, глядя на мое тревожное лицо, и вдруг улыбнулся, показав ровные белые зубы.

— Чего смешного? — удивилась я.

— Просто видно, Соня, что ты привыкла общаться с плебеями. Я все понимаю и запоминаю с первого раза, мне не нужно ничего повторять, — договорив, он кивнул мне и исчез. Я не без облегчения вздохнула и припустила к бабушкиному дому.

Во время неторопливого обеда я сидела как на иголках и отвечала на вопросы бабушки исключительно невпопад.

— Ты чего, Сонечка? — сказала она наконец. — Кавалер там тебя какой ждет, что ли? Так позови его сюда.

— Ой, нет! — воскликнула я в ужасе. — То есть никто меня не ждет. Это я задумалась.

— Ладно, думай-думай, в твоём возрасте это полезно, — вздохнула бабушка. — Это меня, старую, всякие мысли одолевают. Да еще голова иногда разболится или давление поднимется... Просто хоть криком кричи.

Еще некоторое время я слушала бабушкины жалобы на разнообразные болезни, пытаюсь одновременно прислушиваться к тому, что происходит в саду. Так что едва бабушка убрала посуду, я вылетела из дома как ошпаренная.

В саду никого не было. Меня бросило в жар, а потом в холод, когда я представила, что сейчас может творить убредший куда-то кошмарный король. Без особой надежды слабым дрожащим голосом я позвала:

— Лид...

— Да? — тут же отозвался спокойный высокий голос, и король проявился из воздуха в сантиметре от меня. Я вздрогнула:

— Ты почему сразу не показался?!

— Потому что ты просила меня оставаться невидимым.

— Ах, ну да, хорошо... Пойдем в конец сада.

В конце сада у нас был навал из полусгнивших бревен. Я подошла к нему и уселась, подумав, что, может быть, Лиду, как особе королевской крови, такое сиденье покажется недостойным, но он молча уселся рядом со мной и застыл, выпрямившись и вскинув голову, будто позируя на парадный портрет.

— Мы скоро поедem домой, — не зная толком, что говорить, пробормотала я. — То есть ко мне домой. Пожалуй, в электричке можешь оставаться видимым, только, все-таки ни с кем не разговаривай. Если тебя кто обидит, я сама с ними разберусь.

Король взглянул на меня скептически.

— Каким образом, Соня? Я не вижу у тебя никакого оружия, да и магическими способностями ты не обладаешь.

— Ну, зато у нас есть действующее законы. Я могу пригрозить, что вызову милицию... Ну, стражу.

— Так пока эта стража доберется до моих обидчиков, они будут уже далеко, — трезво заметил король.

— Ну, все равно! — отрезала я, стараясь по возможности твердо глядеть в его двухцветные глаза. — Я сама разберусь. Понятно?

— Да.

Я вздохнула с облегчением и вдруг вспомнила про бабушку и ее жалобы на головную боль.

— Слушай, Лид... — сказала я. — Ты ведь умеешь колдовать. А я твоя спасительница. А у меня есть бабушка. А у нее есть куча разных болезней: голова, давление...

— Простолюдины в старости страдают множеством недугов, — равнодушно подтвердил Лид.

— Я это знаю, — огрызнулась я. — Ты лучше вылечи мою бабушку от этих ее недугов. Я же тебя об этом прошу...

— Этого я сделать не могу, — сказал король, разглядывая верхушку яблони, потому что ниже его глаза, при вздернутом положении головы, не

опускались.

— Почему это?! — возмутилась я.

— Лечением занимаются только жалкие колдуны из простолюдинов. Нам, особам королевской крови, это не нужно: мы никогда не боеем.

— Значит, раз вам это не нужно, вы этому не учитесь?

Лид кивнул.

— Правильно. Какой смысл учиться ненужному? Простолюдинов и так намного больше, чем нас, королей, так что если их количество и сокращается из-за мора, это только к лучшему.

— Ну да! — сказала я. — Чудесно! Простор! По-моему, тебе для правления бы идеально подошла пустыня!

— Зачем мне править там, где никого нет? Не над землями мы властвуем, а над людьми.

— Так что же вы их лечить не умеете? Какая же польза от вашего колдовства?

— Любая — кроме лечебной. — Лид медленно опустил взгляд на мой уровень и, загибая длинные пальцы, перечислил:

— Я могу посещать иные миры, могу сделать любой предмет, если мне его хорошо описать, могу уничтожить и превратить в пепел любого...

— Кто тебя разгневает? — докончила я. Лид слегка удивился.

— Разгневает? Простолюдин не может меня разгневать. Я, конечно, превращу его в прах, если он нарушает мою волю, но гнев здесь ни при чем. Возможно, меня может разгневать равный мне...

— Возможно?

— Возможно, потому что этого никогда еще со мной не происходило.

— Ты вообще уверен, что ты не робот? — не выдержала я.

— Что?

— Робот — это такая машина, которая похожа на человека внешне, если тебе интересно. А на самом деле железная и с винтиками.

— Нет, я живой человек, — на полном серьезе отозвался Лид. — Железа в моей крови, думаю, не больше, чем у тебя. Не говоря о винтиках. Если ты имела в виду, что у меня железная выдержка, то благодарю тебя за комплимент, но любая особа королевской крови вела бы себя ровно так же.

«Ну да, как гадина хладнокровная», — подумала я мрачно, но не сказала этого вслух. На Лида, судя по всему, бессмысленно было даже ругаться — он все воспринимал как косвенную похвалу себе. Вот что значит многолетняя привычка к власти! Жуть. И как я с ним только домой поеду...

А поехать, ничего не попишешь, пришлось. В девять вечера мы с

Лидом влезли в заполненный вагон электрички и встали рядом у окна. Я молчала, король, к счастью, тоже. Без особого интереса он скользил взглядом по лицам сдавленных и вспотевших людей и медленно постукивал перстнем по поручню.

— Молодой человек, нельзя ли прекратить ваши стуки? — раздраженно поинтересовалась сидящая как раз рядом с этим поручнем худая женщина средних лет. Ясное дело, в ответ она получила ноль внимания и фунт презрения — стуки не стали ни чаще, ни реже. Я разом вспотела. Женщина повысила голос:

— Вы что, глухой?! Прекратите стучать, вы тут не один находитесь! Тут меня осенило.

— Извините, пожалуйста! — выкрикнула я радостно. — Он и правда глухой! И даже глухонемой! Сейчас я ему скажу, и он прекратит, хорошо?

— Ой, да ладно, пусть стучит, — сразу переключилась на мирный лад женщина. — И что это с ним такое случилось? Или это он с рождения?

— С рождения! — выпалила я. — Порок развития! Извините нас еще раз...

Стуки перстнем в это время прекратились. Я испуганно подняла голову и посмотрела на Лида. В его неподвижном взгляде не было никакого гнева, но чувствовалось легкое удивление, как если бы он вслух спросил меня «и какого черта ты на меня вешаешь всех собак?». Я угодливо улыбнулась. Он отвел глаза и величаво уставился в окно, а я принялась вытирать обильные поты.

— Надо же! — как собакой, умилилась королем женщина. — Какой умный, сам прекратил! Ну все понимает! А какой красивый парень, как жалко, что инвалид.

— Не иначе, родители рядом с Чернобылем жили, — вдруг вступила в разговор мрачная бабуля, сидящая рядом с женщиной. — Я их навидалась-то в свое время... И глухих, и слепых, и безруких... Ох! А какие грибы росли после аварии в тех лесах! Радиоактивные, ясное дело, но размеры...

Женщина поддержала разговор, который постепенно перешел на грибы и ягоды, уже не радиоактивные, а нормальные. Лид пялился в окно. Я молила небо, чтобы электричка чесала как можно быстрее.

Казалось бы, мольба моя была услышана: осталась всего одна остановка до Москвы. И вот на ней-то и начались неприятности. Для начала в вагон ввалились пьяные в хлам три здоровенных бугая. Наступая на все ноги, они пробрались в самую середину вагона и принялись матерно разговаривать дикими голосами. Все, кроме, конечно, Лида, забеспокоились и заоглядывались.

А пьяницам этого показалось мало: минут через десять они заскучали в своей компании и принялись лезть к людям. Пара мужчин отругнулась от них, и они, наконец, переключились на семейство, состоящее из бабушки, матери, дочери лет пятнадцати и маленького сына. Вначале из них просто сыпались какие-то невразумительные предложения и пожелания. Потом они принялись приставать к дочери. Мать попросила оставить дочь в покое, но, конечно, ее слова не возымели ровно никакого действия. Семейство попятилось — пьяницы теснили их в тамбур, продолжая напирать и приставать. Слышно было, как вдруг громко заревел сын. Часть вагона возмущенно перешептывалась, часть сидела с деревянными лицами. В числе последних был и Лид, все так же глядящий в окно.

И тут на меня наехало знакомое мне состояние, которое Натка называла «сам черт не брат»: впадая в него, я уже неоднократно вляпывалась в истории одна хуже другой. Однако сейчас мне было решительно по фигу, к чему приведет мое поведение: я ринулась в тамбур, пихнула одного из пьяниц в плечо и заорала:

— Вы чего это тут развоевались? Сейчас как милицию позову! А ну идите отсюда!

Слова мои возымели некоторое действие: один из пьяниц удивился и отвлекся от девочки, к которой приставал, второй прекратил выдирать у матери большую сумку, третий просто обернулся, и все трое уставились на меня налитыми кровью глазами. Поезд начал тормозить, и в это время тот пьяница, которого я хлопнула по плечу, замахнулся на меня кулаком. Пользуясь тем, что он еле держится на ногах, я быстро увернулась и отскочила, но меня ухватил за запястье другой пьяница. Несмотря на опьянение, держал он мертвой хваткой.

— А ну пусти! — гаркнула я. — Эй...

Больше я ничего не успела сказать, потому что увидела, что рядом с держащим меня пьяницей стоит Лид. Протянув руку, он быстро коснулся по очереди всех трех пьяниц и, нарушая свое амплуа глухонемого, тихо произнес какое-то длинное слово, завершившееся жутким шипением. В тот же миг пьяницы, потеряв интерес, похоже, не только ко мне, но и вообще ко всей этой жизни, как мешки рухнули нам на ноги. Лид брезгливо вынул из-под них ботинки и, поглядев на меня, кивнул в открывшиеся двери. Москва! Вот уж действительно, не заметила, как доехали...

На трясущихся ногах я вылезла на перрон, король вышел за мной. Двери захлопнулись и электричка отъехала.

— Лид! — выговорила я испуганно. — Ты что сделал с ними? Они жить будут?

— Наверное, если достаточно крепки, — отозвался король, посмотрев на меня. — Это не слишком сильное заклятье. Но почему тебя вообще волнует судьба этих вредоносных простолюдинов?

— Потому что я не хотела бы их убивать. Конечно, ты прав, они вредоносные, вон, как к людям приставали...

— Я имел в виду не это.

— А что?

— Они посмели поднять руку на мою спасительницу, то есть на высокородную особу, за что и были мной наказаны. Я прекрасно помню, что ты просила меня не вмешиваться, но я убедился, что твой способ борьбы с неугодными простолюдинами весьма неэффективен: впрочем, мне так показалось уже с самого начала.

Я даже остановилась от возмущения:

— То есть, получается, если бы я была такой же, как обычные люди, ты бы так и дальше спокойно смотрел, как нас колотят пьяницы?!

— Я опять тебя не понимаю. Ты не можешь быть такой, как обычные люди. Что означает твое «если бы»?

— Если бы — это что-то вроде альтернативной реальности.

— То есть, другими словами, это то, чего нет?

— Но могло быть!

— Но нет. В таком случае, зачем об этом размышлять — по меньшей мере, это бессмысленно.

— Ладно, неважно... — проворчала я, растирая красные следы на запястье от пальцев пьяницы. Король тоже посмотрел на мою руку, но промолчал. — Спасибо, ты хоть как-то вмешался.

— Я думаю, и в дальнейшем мне надо будет взять на себя твою защиту, — заметил Лид деловито. — Сама ты не справляешься.

— Ну хорошо, бери, все равно на меня не каждый день алкоголики нападают. Только пообещай мне вот что: что бы там тебе не показалось, не доводи до смертоубийства. Усыплай, парализуй, еще не знаю что, только чтобы все были живы! Понятно?

— Хорошо, я запомню твою просьбу, — согласился Лид и вполне земным жестом заправил за ухо лезущие ему в глаза волосы. — Твой дом далеко отсюда?

— Как тебе сказать... Не очень, — скисла я. — Только, пожалуйста, сделайся невидимым, иди в мою комнату и сиди там тихо. Я попозже подойду... И еще, кстати: я тебя познакомлю со своей лучшей подругой Наткой: мы дружим с детства, все равно тебя не удастся от нее скрыть.

— Она простолюдника? — поинтересовался Лид презрительно.

— Прекрати! — рявкнула я. — У нас тут вообще, кроме тебя, нет больше королей! Вот и цари себе тихо, пожалуйста!

Лид повернул ко мне голову: мне показалось, что в его взгляде на миг мелькнули вполне человеческие удивление и обида, но потом это выражение исчезло. Он кивнул и сказал снисходительно:

— Хорошо, Соня, я могу поговорить с этой Наткой, если тебе доставляет удовольствие беседовать с простолюдинками.

Я молча шла рядом, давя в себе желание вцепиться королю в волосы и повыдирать их все по одному. Кажется, в его обществе я тоже скоро стану далекой от гуманизма...

На подходе к моей квартире Лид, не прощаясь, исчез. Я уже было подумала, что он таки оскорбился и больше никогда меня не побеспокоит... В данный момент мне уже даже было чихать, кто от него пострадает, настолько я устала.

Дома все было как всегда: увидев возящуюся на кухне маму и засевшего в компьютер папу, я чуть не заплакала от умиления. Родители проявили более умеренную радость при виде меня и сообщили, что еда на плите и в холодильнике. Дрожащими руками я взяла себе бутерброд с колбасой и чай, и устроилась на кухне, не имея ни малейшего желания заходить в свою комнату.

— Соня, ну что ты тут сидишь? — не выдержала, наконец, мама, все время задевающая меня то рукой, то спиной. — Иди лучше к себе, отдохни, а мне еще на завтра надо приготовить...

— Давай я тебе помогу!

— Нет уж, моя дорогая, ты в прошлый раз так потушила мясо, что одни угольки получились. Замуж выйдешь, тогда и готовить научишься. Натка тебе звонила, иди лучше с ней поболтай.

— Ладно, — сказала я покорно и направилась, но не в свою комнату, а в ванную. Там я немного отдохнула, даже подремала, а проснулась почти в полной уверенности, что все произошедшее мне приснилось. Ну не может такого быть на самом деле!

Завернув мокрые волосы в большое полотенце, я решительно подошла к своей комнате и рывком распахнула дверь. Там было пусто, все выглядело как обычно. Я с облегчением рассмеялась и вошла. Дверь со стуком закрылась за мной.

И тут, будто этот стук был каким-то сигналом, все вдруг изменилось. Комната при неизменной ширине на моих глазах удлинилась раза в два, так что стала похожа на какой-то большой вагон. Первая половина этого вагона выглядела как обычно, моя мебель осталась на местах. Зато дальняя

половина...

Пол в ней был, кажется, мраморный или из какого-то еще в этом роде гладкого розовато-серого камня. Стены тоже были каменными, но белыми, с красивыми резными узорами из цветов и растений, причем земных: я узнала колокольчики, мать-и-мачеху, тысячелистник и даже одуванчики. С потолка свисала огромная развесистая люстра со множеством свечей — она была вся обвешана блестящими металлическими дубовыми листочками. Посреди этой великолепной комнаты торжественно высилась резная деревянная кровать с длиннющим светло-красным балдахином. В просвет между занавесями я увидела грудку подушек и штук семь одеял: видимо; король был из мерзлявых. Подтверждало это мое предположение и то, что как раз напротив кровати в стене был здоровенный камин, в котором с ревом лесного пожара полыхало высокое пламя. В окно, приобретшее форму арки и обросшее красными занавесями, виднелся наш двор, шпана, курящая на лавочке, гаражи и большая помойка.

— О господи, — прошептала я обреченно. — Лид!

— Что, Соня? — раздался его высокий голос от кровати, и секундой спустя король откинул балдахин и вылез на мраморный пол. Я не без изумления увидела на нем домашний костюм из льна, в точности скопированный с костюма моего папы. Бежеватый лен хорошо сочетался с его русыми волосами и двухцветными глазами, и вообще делал короля более похожим на человека.

— Ты можешь говорить громко, пока дверь закрыта, нас никто не услышит, — сообщил Лид. — Мои покои тоже видны только изнутри.

— Да, что покои, то покои, — пробормотала я. — Славно ты потрудился. Может, еще потрудишься и сделаешь между твоими и моими покоями дверь?

— Зачем? — удивился Лид. — Какая надобность городить лишние стены, когда комнаты и так маленькие? И какие причины у спасителя и спасенного таиться друг от друга?

— Такие причины, что я стесняюсь, — призналась я хмуро. — Мне нужно будет, скажем, сменить одежду, а при тебе это делать неудобно.

— Почему? Только простолюдины стыдятся самих себя, — обронил Лид с великолепным презрением, возведя к потолку двухцветный взор и изящно жестикулируя рукой с перстнем. — Высокородные особы понимают, что все в них достойно восхищения. Ты теперь не простолюдинка, Соня, поэтому тоже должна привыкнуть к этому...

— Знаешь что, Лид, ну тебя к черту! — не выдержала я, прервав его разглагольствования. — Если высокородность заключается в отсутствии

стыда, то я знаю, где ты найдешь много себе подобных — на нудистском пляже. А от меня отстань. Меня не так воспитывали. Понятно?

— Не все.

— А что именно тебе непонятно?

— Что такое нудистский пляж и ну тебя к черту.

— Нудистский пляж — это где все люди ходят в чем мать родила, а ну тебя к черту означает, что я с тобой не согласна и вообще не в настроении.

— Ну хорошо, — сказал Лид спокойно, усаживаясь на край своей величавой кровати. — Я не буду смотреть на тебя, если это тебе не нравится, но и стенка здесь ни к чему. Не хватало еще копировать простолюдинские привычки!

Я поняла, что, кроме этой Пирровой победы, мне ничего больше не светит, и сменила тему:

— Какие интересные узорчики на стенах. Ты их сам придумывал?

— Конечно, — Лид посмотрел вверх, и узор на стене на моих глазах медленно изменился, отрастив несколько дополнительных листьев.

— А почему именно из таких цветов?

— Они мне нравятся, — сказал Лид задумчиво, впервые обнаружив какие-то свои личные пристрастия, — я всегда, когда была возможность, украшал свое жилище именно так.

— Всегда? То есть ты хочешь сказать, что ты до сегодняшнего дня где — то видел эти цветы?

— Да, видел.

— А где?

— Трудно сказать... Видимо, в каком-то другом мире.

Больше его королевское величество со мной разговаривать не пожелало. Молча оно упокоилось на кровати поверх подушек и одеял и задернуло балдахин. Камин ревел и полыхал, от него тянуло жаром, но я не решилась просить короля прикрутить пламя. Вдруг уже заснул: примет еще меня спросонья за простолюдинку... Вздыхая, я под одеялом надела самую легкую пижаму, отбросила это одеяло в сторону и, пострадав от жары некоторое время, провалилась в тяжелый сон.

Проснулась я рано, часов в шесть — просто уже не могла находиться в такой жаре и духоте, которую бесперебойно поддерживал камин. Обмахиваясь обеими руками, я сползла с постели и включила свет. Комната Лида осветилась во всей своей музейной красе. Пошатываясь, я подшлепала босиком по мраморному полу к его кровати и решительно отдернула балдахин.

Король дрых на всех двенадцати подушках под всеми семью одеялами.

Лицо его во сне не было столь величественным, как при бодрствовании: скорее, усталым или хмурым.

— Ли-ид, — позвала я, потерябив его за плечо с решимостью отчаяния. Двухцветные глаза, медленно открывшись где-то наполовину, уставились на меня сквозь прямые коричневые ресницы.

— Пожалуйста, пригаси камин, — прошептала я умоляюще. — С ума сойдешь в такой жаре!

— В жаре? — удивился Лид и привстал на локтях. Действительно, по нему нельзя было сказать, что ему хоть чуть-чуть жарко. Задумчиво поглядев на меня некоторое время, он что-то вспомнил, пробормотал: «а, ну да» и уставился на правую стену моей комнаты, рядом со шкафом. В тот же миг там стало проявляться странное кривоватое окошко: видимо, Лид хотел спать и не старался навести красоту. Окошко само по себе распахнулось, и на меня повеяло свежим воздухом с улицы. Одновременно в противоположной стене поспешно образовалось такое же окно, которое тоже приоткрылось. Обеспечив таким образом мне вентиляцию, Лид брякнулся обратно как подкошенный и заснул своим королевским сном.

Я некоторое время с наслаждением проветривалась, после чего тоже задремала.

Проснувшись, я обнаружила, что Лид уже не спит. Он, облачившись в рубашку и джинсы, расхаживал по своей половине комнаты, внося доработки в настенные узоры. Камин прекратил жарить с такой силой и потух.

— Доброе утро, — крикнула я Лиду. Он слегка кивнул. — Слушай, что за душегубку ты устроил этой ночью? Жара была страшная.

— Теперь я сделал тебе окна, так что этого не должно повторяться, — отозвался Лид, не отрывая глаз от узора на стене.

— А тебе-то самому не жарко так спать?

— Мне? Ничуть. Все особы королевской крови всегда так спят... С определенного возраста. Лет до четырнадцати я спал так же, как и ты, — вдруг добавил он.

— А с чем же связано это все? — я кивнула на камин. — С внутренним похолоданием?

Лид улыбнулся:

— Почти так. Наша магия забирает много тепла из крови, днем при движении это не чувствуется, а в неподвижности, во сне — весьма. Поэтому чем более могущественен правитель в волшебстве, тем большая температура ему нужна по ночам.

— Семь одеял — это, видимо, высшая ступень? — проворчала я.

— Честно говоря, нет, — произнес Лид с явным сожалением и добавил с такой же явной завистью в голосе:

— Мой дядя спал на раскаленной жаровне, пока я не превратил его в дерево.

— Удалец, — вздохнула я. — И ты тоже ничего. Может, когда-нибудь и на большее количество одеял перейдешь.

— Вряд ли, — ответил король досадливо. — У меня с детства нет таких способностей, хотя я и тренировался по мере сил. Ничего не поделаешь.

— Действительно, — согласилась я и ушла переодеваться за дверцу шкафа.

Когда я вернулась, то обнаружила, что одно из моих кривых окошек постепенно выравнивается под пристальным взглядом Лида: король явно любил аккуратность и порядок.

Родители уже ушли на работу, в квартире было пусто, поэтому я вышла в большую комнату. За мной хвостом потянулся Лид.

— Не мешай мне, — предупредила я. — Мне надо готовиться к экзамену. Я буду читать, а ты делай, что хочешь: вон, телевизор посмотри.

Телевизором король умеренно заинтересовался, но когда я его включила, не выразил большого удивления. Внимательно выслушав мои указания, он уселся в кресло и принялся лихо щелкать пультом, сделав звук по моей просьбе довольно тихим.

Я читала учебник и искоса подглядывала в экран — мне хотелось понять, что из телевизионного репертуара Лиду понравится.

Путем такого тихого подглядывания я выяснила, что особенный интерес у короля вызывают вовсе не боевики, ужасники и другие страсти-мордасти, а, главным образом, реклама: он подолгу вглядывался в нее с умным видом, будто постигал какую-то истину. Второе место после рекламы у него прочно заняли мультики: так же внимательно и вдумчиво он в течение полутора часов смотрел подборку «Тома и Джерри», правда, при этом не улыбаясь и не смеясь.

Наконец я догадалась, что сюжет как таковой его, видимо, не интересует, а занимает что-то другое, и, не выдержав, спросила:

— Ты чего там высматриваешь? Удивляешься, как такое нарисовали?

— А что здесь удивительного? — получила я в ответ. — Живые картинки. Их нетрудно сделать. Вот, например... — Лид, безошибочно найдя нужную кнопку, выключил телевизор и пристально уставился на стену над ним.

Вскоре на стене образовалась яркая точка. Она быстро разрослась в

небольшой экранчик, в нижней части которого появился зеленый лужок, а в верхней — синее безоблачное небо. Еще через секунду на лужке начали распускаться разнообразные цветы, а по траве проскочил вначале заяц, а за ним — красивый коричневый конь. Он пробежался туда-сюда, следуя за поворотом глаз Лиды, и скрылся за краем экрана. Я заворожено смотрела этот импровизированный мультфильм, чувствуя что-то вроде deja vu: почему-то пейзаж казался мне очень знакомым... Но тут Лид резко закрыл глаза: экран погас.

— Здорово, — признала я. — Но у нас мультфильмы делаются просто из множества картинок, которые идут друг за другом с большой скоростью... — я замолчала, так как раздался звонок в дверь. — Подожди, Лид, я посмотрю, кто там. Вроде родителям еще совсем рано с работы приходить...

Я двинулась в прихожую. Лид, как привязанный, пошел за мной следом: неужели всерьез решил выполнять свои слова об охране меня от злобных простолюдинов?..

Наша с ним тревога оказалась ложной: в глазке нарисовалась Натка.

— Где ты там?! — закричала она через дверь. — Давай открывай! Чего вчера не позвонила?

— Сейчас открою, Нат. Лид, это пришла та самая моя лучшая подруга. Не вздумай ее заколдовывать, она хорошая.

Король с презрительным видом скрестил руки на груди. Когда я открыла дверь и на пороге возникла Натка — как всегда, юркая и худенькая, с гладкими черными волосами, зачесанными вбок, и радостной улыбкой на мелких зубах — он отступил назад и уставился на нее крайне неприятно пристальным взглядом.

— Ого! — воскликнула Натка, которая за словом в карман не лезла. — Не знала, что у тебя тут свиданка! А че такая нерадостная? Представь хоть кавалера-то.

— Знакомься, — сказала я мрачно, — король Лидиорет какой-то там по номеру, он мне не сказал, заколдованный доведенными до ручки подданными и нечаянно расколдованный мной. А это Натка.

— Что такое «доведенными до ручки»? — поинтересовался Лид.

— Очень недовольными, значит, — сказала я, а Натка неуверенно пискнула:

— Шутишь?

Впрочем, поверила она быстро, просто даже на удивление. Вопреки всем фильмам, где я видела подобные сюжеты, она не спрашивала, как мы с Лидом себя чувствуем, не пыталась вызвать милицию или скорую, а

довольно тихо выслушала повествование короля о том, кто кого заколдовал в его семье и как потом заколдовали и расколдовали его. В качестве доказательства я попыталась заставить Лида сотворить какое-нибудь мелкое чудо, однако он вдруг уперся и заявил, что ниже его достоинства показывать фокусы перед простолюдинкой, которая должна верить любому слову короля беспрекословно и без всяких доказательств.

— Но ты же не наш король, — увещевала я Лида. — Она о тебе не имеет понятия, вот и не верит.

— Почему, уже почти поверила! — радостно заявила Натка. — Только я чего-то запуталась: кто кого заколдовал и кто из нас простолюдинка.

Это, видимо, показалось Лиду настолько оскорбительным, что он впервые обратился непосредственно к Натке, отчеканив:

— Простолюдинка, конечно же, ты.

— Ну да? А Сонька кто?

У Лида сделалось такое лицо, что я не удивилась бы, если бы он наставительно произнес «не Сонька, а Софья Николаевна», однако он ответил:

— Соня — моя спасительница, а спасители равны королям и достойны больших почестей, чем самые близкие родные.

— Почему? — вмешалась я, услышав эту новенькую информацию.

— Все мы особенно ценим то, чего не понимаем, — философски отозвался Лид, красиво откинувшись в кресле: позы он вечно принимал — хоть каждую секунду фотографируй. — И любой из нас, властителей, очутившись на месте своего спасителя, ни за что не поступил бы так же. Поэтому спаситель ценится больше родственников, тем более, что родственники готовы заколдовать друг друга в любой момент, чтобы получить трон. Это естественно, но и понятно. А вот поступки спасителя — нет. За всю историю нашего рода у нас было только четыре спасителя. Это очень мало, если учесть, что род наш тянется более тысячи лет.

Лид умолк, сдвинув свои высоко поднятые брови: видимо, разговоры о родственниках портили настроение не только обычным людям, но и королям. Тактично помолчав несколько секунд, чтобы изобразить уважение к его королевской печали, я снова тихо заговорила:

— Лид, ну так ради меня, своей спасительницы, поколдуй чего-нибудь...

— Да не обязательно, — прошептала Натка, сидевшая, обхватив щеки руками. — Я уже поверила. Такое не придумаешь нарочно.

Однако Лид не счел нужным реагировать на ее слова и, уставившись в стену, небрежно сотворил на ней какую-то страшную безвкусную лепнину.

— Ой! — сказала Натка. — Какой кошмар. Да я говорю, не надо, я уже поверила.

Лид недовольно отвел глаза — лепнина исчезла. Повисло неприятное молчание.

— Знаешь что, — намолчавшись, сказала я королю, — Натка — моя подруга. Подруга, понятно? Будь уж добр не фыркать на нее. Понятно?

— Я не простолюдин, чтобы понимать все с десятого раза, — ответил он высокомерно.

— А с какого ты понимаешь? — засмеялась Натка. — С двадцать пятого, что ли?

Лид не считал нужным отвечать, но выражение его лица мне совсем не понравилось, и я попыталась отвлечь их друг от друга:

— Нат, ладно, не обращай на него внимания, в смысле, не мешай его величеству, давай учить, экзамен же послезавтра, а мы с тобой ни в одном глазу.

— Какой экзамен? — поинтересовался у меня Лид, красиво располагаясь в кресле.

— Математика, — вздохнула я, думая, что он хочет предложить мне помощь. Однако он только молча кивнул.

— А ты-то здесь на что? — поинтересовалась у него Натка. — Наколдуй нам шпоры.

— Если уж на то пошло, то на что здесь ты?! — отчеканил король, вскидывая голову. — И зачем тебе шпоры?

— Чтобы сдать экзамен. Шпоры — это подсказки.

Я уже открыла рот, чтобы поддержать подругу — идея использовать Лида на экзамене по образцу старика Хоттабыча показалась мне очень привлекательной, но он опередил меня, сказав с непередаваемым презрением:

— Не понимаю я, Соня, зачем ты все-таки имеешь дело с простолюдинкой, которая, к тому же, настолько глупа, что не может сама усвоить никаких знаний.

— Э! — обиделась Натка. — Чего это ты говоришь так, будто меня здесь нет? Вас там во дворце вежливости и этикету не учили?

— Вежливость распространяется на равных королю особ, — процедил сквозь зубы Лид, — и по нашему этикету о плебейх высокородные имеют право говорить, что они думают, невзирая на их присутствия или отсутствие.

— Кошмар, — сказала Натка.

— Этикет, — сказал Лид, пожав плечами.

— Ну хватит вам!!! — закричала я, бросив об пол учебник. — Не могу больше этого слушать! Лид, либо ты сейчас идешь смотреть мультики или еще что хочешь делать, либо мы с Наткой уходим!

Наверное, даже первооткрыватели Австралии не смотрели с таким удивлением и испугом на выползающую им навстречу ехидну, с каким Лид уставился на меня.

— Что с тобой, Соня? — любопытствовал он, насмотревшись.

— Взбрыкнула! — рассмеялась Натка. — Не пугайся, она эмоциональная у нас.

— Я не пугаюсь, — оскорбился в очередной раз король, — но не понимаю, что вызывает такие эмоции.

Натка, всегда довольно смешливая, поглядела на него и просто закатилась, загородив лицо руками.

— Лид, ради создателя, уйди! — попросила я, молитвенно сложив руки. — Посмотри телевизор, заодно увидишь, какие нормы поведения приняты в нашем обществе. Ты же не собираешься нам помогать, а так мы уж точно ничего не выучим.

Король очень неохотно, как большая непослушная собака, поднялся с кресла, проплыл мимо нас и утвердился в другом кресле у телика. Я облегченно выдохнула и сказала:

— Пошли на кухню.

Заниматься у нас сегодня получалось со скрипом. Я запретила Натке говорить о короле, пока мы готовимся, но она все равно то и дело отвлекалась, прислушиваясь к звукам в другой комнате, выворачивала шею, пытаясь что-то там увидеть, и периодически хихикала. Чтобы придать ей серьезности, я показала, сколько у нас осталось несделанных билетов. Натка ойкнула, и мы уже как следует углубились в занятия. Король нас не беспокоил и, судя по звукам, продолжал смотреть телевизор.

Наконец мы дозанимались до синих кругов в глазах. Я дрожащими руками налила нам чай и плюхнулась на табуретку. Натка искоса поглядела на меня и прошептала:

— Скажу я тебе, сглупила ты! Зачем ты это чудо расколдовала? Куда ты его девать-то будешь?

— Не знаю, — вздохнула я. — Он обещал сам уйти.

— Ага, уйдет он, как же, — фыркнула Натка. — У него дома его, судя по всему, не очень-то ждали, а тут ему и жилье, и еда...

— Да, кстати, может покормить его? — спохватилась я.

— Да сиди, не помрет он с голоду, твой троглотит. Вообще, чего я тебе скажу, лучше ты от него избавься. Он псих какой-то. У него идея фикс с

тем, кто простолюдин, а кто нет. И бесчувственный, как полено. И зря ты ему телик позволяешь смотреть — щас как увидит там чего-нибудь, вообще взбесится...

— Не пугай ты! — содрогнулась я. — Не взбесится, он спокойный. А таким поленом его воспитали. Я не знаю, как от него избавиться.

— Ладно, придумаем, — пообещала подруга. — Только ты не лезь на рожон — он же еще и колдует. Вот не думала, что в такую страшненькую сказочку когда-нибудь попаду!.. Все-таки дай ему чего-нибудь пожрать, чтобы пока не раздражался.

Я только рукой махнула, но все же сделала несколько бутербродов, уложила их на тарелку, налила компот и вышла в комнату. Натка пошла за мной, неся наши недопитые чашки.

Услышав наши шаги, Лид оторвался от телевизора и выключил его, как мне показалось, быстро и охотно.

— Иди сюда, ваше величество, — сказала Натка, отвешивая ему шутовской поклон. — Кушать подано, — она плюхнула чашки на низкий столик перед диваном, я поставила туда же блюдо. Лид подошел, расположился на диване таким образом, что рядом с ним вообще не осталось места, чтобы сесть нам, взял один бутерброд и осмотрел его с крайним подозрением и легкой брезгливостью. Мы молча стояли столбами по обе стороны от него, как пажи. Лид положил бутерброд, взял чашку и принялся так же скрупулезно изучать напиток.

— А ничего, что мы стоим?! — не выдержала Натка. Лид поднял на нее глаза и пожал плечами.

— Стойте.

— У нас, вообще-то, девушкам не принято стоять, когда мужчина расселся, — заметила Натка ехидно.

— Сядьте, — еще раз пожал плечами Лид и посмотрел на меня вопросительным взглядом, в котором так и висела надпись: «И чего эта поганая простолюдинка ко мне прикапывается?».

— Подвинься, — сказала я решительно. — Ты так расселся, что нам и устроиться негде.

Лид охотно послушался, освободив кусочек дивана аккуратно под одну меня.

— А я? — сказала Натка.

— А ты можешь сесть на кресло. Плебеи не сидят рядом с высокородными особами, — отпарировал Лид невозмутимо но, как мне показалось, с некоторым удовольствием. Натка закатила глаза, хмыкнула и с треском брякнулась в кресло. Рафинированный король поморщился и,

отвернувшись, начал осторожно обгрызать бутерброд.

— Ну и как тебе наша еда? — поинтересовалась я.

— Довольно невкусно, но, думаю, я привыкну.

— Не нравится, так наколдуй себе что-нибудь и не мучайся, — в сердцах сказала я. Лид кивнул:

— Да, думаю, я так и буду делать. Пожалуй, и тебе, Соня, лучше питаться тем, что я сделаю, а не этой странной продукцией. Зачем тебе плебейская пища?

— Ну, заладил, — рассмеялась Натка, — ладно, Сонь, я пошла. Приятного аппетита, ваше величество.

Король, конечно, не ответил: он усталился в тарелку и сосредоточенно наколдовывал там что-то сложное. Натка сочувственно похлопала меня по руке, хихикнула и смылась, а я снова осталась наедине с королем. К тому времени, когда я, закрыв за собой дверь, вернулась в комнату из коридора, перед ним на столе успело образоваться что-то вроде голландского натюрморта — какое-то мясо типа окорока, кувшины с непонятным напитком и незнакомой формы то ли фрукты, то ли овощи.

— Еда, конечно, моего мира, но не думаю, что она тебе повредит. Садись, — сказал Лид и подвинулся, разом освободив полдивана. Я сердито уселась как можно дальше от него и мрачно сказала:

— Слушай, Лид, говорю тебе сразу: из-за твоих закидонов я от подружки не откажусь. Мы вообще хотели вместе ехать в деревню, так что вполне могли тебя спасти вдвоем, и тогда она не была бы простолюдинкой.

— Но ты поехала одна.

— Ох, Лид... Ну у тебя же хорошее воображение! Вот представь, что нас было двое! Ты что, не можешь этого?

— Могу. Но ты же на самом деле была одна.

— Ладно, — я вздохнула, поняв, что король в этом месте непробиваем. — А ты, собственно, долго еще хочешь быть в нашем мире?

— Погляжу по обстоятельствам. Пока что меня тут все вполне устраивает. Единственное... — тут в его двухцветных глазах промелькнуло странное выражение, — я не очень понимаю, какие же нормы вашего поведения я был должен усвоить из телевизора?..

— Ой, — испугалась я, — ты какой канал смотрел?!

— Разные. Я переключал. Но, пожалуй, по ним по всем можно сказать, что ваши простолюдины еще более дикие, развратные и глупые, чем наши.

— Ну, знаешь ли... — начала я.

— Кстати, я так и не понял, почему ты запрещаешь мне кого-либо убивать, — прервал он меня, — когда только за это время я увидел

множество разнообразных смертей.

— Ну, это же фильмы... Ну, как представления разыгрывают. Это понарошку, понимаешь?

— Все я понимаю, у нас тоже были спектакли. Я имею в виду не их, а ваши новости. Там же, как я понял, все настоящее?

— Ну да, но не все же люди такие... Есть, которые нарушают наши законы...

— В таком количестве? — Лид покачал головой. — В общем, я понял: такие, как ты, тут в меньшинстве, и правильно я тебя решил взять под защиту.

— Ничего ты не понял! Телевизор просто собирает новости со всего мира, поэтому так и выглядит. На самом деле это все бывает гораздо реже...

— Но ведь это же действительно случается? Так какая разница, когда?

— А нет разницы? — спросила я, моргая.

— Не знаю, — вдруг ответил Лид, убрав свой декларативный тон и хмурясь, — я не вижу.

— Я хочу просто сказать, — забормотала я безнадежно, — что не надо за мной ходить по улице, как стража, потому что на меня не будут из-за каждого угла бросаться бандиты.

— Но из-за какого-нибудь же могут, а одного угла будет вполне достаточно.

— Значит, за мной ты будешь таскаться, а за Наткой — нет? И на нее могут напасть, — со злости поддела его я, думая, что он сейчас опять заладит про простолюдинов, но он вдруг ответил:

— Я не могу таскаться сразу за всеми.

— Ого! — удивилась я. — А чего это ты не говоришь ничего насчет того, что Натка плебейка?

— Потому что понял, что ты еще не понимаешь, как должен воспринимать мир высокородный человек. Ничего страшного, скоро научишься.

— Мечтай, — фыркнула я.

— Что? — удивился он.

— Не научусь, и не надеюсь.

— Все научались, — сказал король снисходительно, ковыряясь в каком-то затейливом зелено-синем фрукте, — я тоже учился в свое время, и, как видишь, вполне успешно.

— Куда успешнее, — сказала я с отвращением. — В общем, ладно, Лид, я сейчас снова буду учить, да еще придут мои родители, так что ты

можешь пока что посмотреть телевизор, до их прихода.

— Спасибо, Соня, я его насмотрелся, — Лид поморщился, — это плебейское искусство меня не прельщает.

— Тогда делай что хочешь, но мне не мешай, — подытожила я и взяла учебник. Лид кивнул, догрыз свой синий фрукт, поднялся и продефилировал мимо меня к книжным полкам, в которых и принялся копаться. После долгих поисков выбрав себе мою старую детскую книжку «Приключения Незнайки», он, вполне довольный, обосновался в кресле и принялся величественно изучать свою добычу. Я тихо засмеялась, прикрывшись учебником, и ушла на кухню.

...От нашего мирного времяпрепровождения нас отвлек звонок телефона.

— Что это, Соня? — спокойно спросил из комнаты Лид.

— Не трогай ничего, я сейчас! — крикнула я и вышла, но, оказалось поздно. Догадливый король уже успел определить источник звука и схватить трубку.

— Алло! — кричали из нее. — Кто это говорит?!

— А кто вам нужен? — к моему изумлению, спросил Лид и поднес трубку поближе к уху, так что я не слышала, что она сказала. Послушав некоторое время, он безапелляционно заявил:

— Нет, я ее не позову: она занята подготовкой к экзамену.

— Но... — обалдела я.

— Передать могу, — согласился король и ловко пристроил трубку на телефон.

— Тебе звонил какой-то плебей по имени Саша, — сообщил он.

— Саша?! — воскликнула я в отчаянии. — Ну конечно, как нарочно! Он же мне две недели не звонил, я так ждала, а тут ты его отбрил!

— Значит, правильно отбрил, — отрезал Лид. — Во-первых, тебе теперь вообще негоже искать пару среди низшего сословия, а во-вторых, если он так долго не звонил, значит, может не звонить и дальше.

— Угу, конечно, — сказала я, — ты мне лучше скажи, откуда ты научился пользоваться телефоном?

— По телевизору увидел, естественно, — Лид снова обосновался в кресле и возложил на колени «Приключения Незнайки», — я же говорю, что нам, высокородным, достаточно что-то показать один раз, и мы можем этим пользоваться.

— Ага, ага, я помню. Как тебе, кстати, книжечка? Интересно?

— Примитивно, — обронил Лид. — Видимо, это литература, направленная на воспитание плебейских детей. Но как отражение вашей

действительности — любопытно.

— Ладно, изучай, — сказала я безнадежно: все равно все что мог, король мне уже испортил. Вот и теорема никак не доказывалась...

С теоремой я промучилась еще часа два, пока в дверь не позвонили родители. Лид под моим взглядом молча скрылся в комнате, подхватив стопку книжек, я же, немного поговорив с родителями, зашла туда же и продолжила математические размышления.

Где-то к часу ночи я, кажется, начала ругаться вслух, потому что по мраморному полу королевской половины комнаты застучали размеренные шаги, и ко мне прибыл Лид, сменивший льняной домашний костюм на коричневатый кардиган и черные джинсы — именно в таком виде мой папа пришел с работы.

— Тебе нужно помочь, Соня? — поинтересовался он, склоняясь надо мной.

— Ну, нужно. Но ты же все равно не знаешь нашей математики.

— Я был в нескольких мирах, поэтому можешь мне поверить на слово: математика везде одинакова, разнятся только символы, — сказал Лид, ничтоже сумняшеся усаживаясь мне чуть ли не на покрытые одеялом ноги. — Но поскольку я понимаю ваш язык, то и все символы тоже. Думаю, я смогу подсказать тебе, что нужно сделать.

— Подсказывай, — зевнула я, протянула ему листочек и блаженно вытянулась под одеялом. Король принялся корпеть. Теорема, видимо, и вправду была смертоубийственная, потому что такой задумчивости на Лидовом лице я не видела с момента нашего знакомства. Он ничего не писал, только подносил листок к глазам и напряженно вглядывался в него, шевеля губами: может быть, считал про себя. Я так устала, что ухитрилась задремать, совсем забыв про него, и проснулась только от его негромкого окрика:

— Соня!

— А? — я с трудом разлепила глаза. Лид поймал мой сонный взор и кивнул на стену напротив. Там начала изящными готическими буквами вырисовываться формула. Вначале я просто тупо пялилась на нее, но потом до меня дошло, что действительно все начинает получаться! И только я обрадовалась, как формула, прервавшись на очередном знаке равенства, застопорилась. Я вопросительно глянула на Лида.

— И что? Ты дальше не знаешь?

— Знаю, конечно. Но ведь ты просила меня подсказать тебе, а не делать что-то за тебя. Я думаю, ты поняла ход моих мыслей.

— Ну поняла, а почему бы тебе за меня что-то и не сделать? — сказала

я недоволюно.

— Потому что это будет тогда мое дело, а оно твое.

— Ну и что?!

— Оно нужно для тебя, а не для меня, — попытался переформулировать Лид, догадавшись, что я его не понимаю. — Мне эти знания ни к чему, я и так ими обладаю.

— А зачем тогда вообще что-то делал?!

— Потому что ты просила.

— Уф, — только и сказала я, отворачиваясь к стене, — с ума сойдешь от твоей логики. Ладно, оставь тогда начало формулы, где есть, я завтра посмотрю и доделаю конец.

— Хорошо, — легко согласился Лид, поднялся с моих ног и утопал на свою половину к приглашающе ревушему камину. Все-таки в отсутствие Натки с королем было гораздо легче сладить... На этой мысли я и уснула окончательно.

На следующий день родители были дома, так что мне не удалось избавиться от сидения нос к носу с Лидом: в большой комнате пылесосила мама, сказав мне, чтобы я не путалась под ногами. Хотела прийти Натка, чтобы доучивать оставшиеся билеты вместе, но я мрачно отвергла ее предложение, не желая снова выслушивать их препирательства с королем. В конце концов я, что мне было делать, натащила в кровать еды с кухни, взяла учебник и тетради и принялась зубрить, посыпая все это крошками. Экзамен временно отодвинул на задний план все проблемы, включая короля.

Последний, кажется, чувствовал себя неплохо: несмотря на свои декларации, стянул у меня два бутерброда (причем молча и не спросив разрешения), запил все это каким-то наколдованным напитком, переколдовал домашний костюм на свою бежевую пышную рубашку и джинсы и, простучав чем-то подбитыми каблукастыми ботинками по мраморному полу, встал у окна и принял позу а-ля скучающий дворянин: скрестив руки на груди и откинув голову.

— Скучно тебе, да? — спросила я, стараясь скрыть надежду в голосе. — Тяжело все-таки так долго дома сидеть.

Король поднял брови.

— Скучно? Это простолюдины подвержены подобному чувству, мы же — нет. Скучно наедине со своими мыслями может быть только низкому плебею, мысли которого примитивны даже для него самого.

Я скривилась, почувствовав от этой фразы такой мерзкий привкус во рту, что даже отложила бутерброд, и сказала:

— Ну тогда, Лид, никакая я не высокородная, о чем тебе всегда и говорила. Я то и дело скучаю: мне хочется куда-то пойти, чего-то делать, а не сидеть дома.

Король слегка улыбнулся.

— Склонность искать занятие поинтереснее присуща всем, в том числе и мне, но мы отличаемся большой выдержкой, которая воспитывается в нас с детских лет. К тому же у меня была хорошая, скажем так, практика...

— Какая практика? — не поняла я.

— Ну, я ведь, собственно, провел много лет в виде статуи, прежде чем ты меня нашла.

— И что? Разве ты был в сознании?

— Конечно, — король аж удивился, — я просто не мог ни двигаться, ни говорить, но думать мог свободно.

Я содрогнулась, представив себе, О ЧЕМ можно думать в таком положении, но тут же вспомнила, что к королю не стоит подходить с человеческими мерками. Но язык мой уже начал говорить и выпалил:

— Кошмар какой! Разве не могли те, кто тебя заколдовывал, отключить твоё сознание?

— Могли, конечно, но ведь их замысел и заключался как раз в том, чтобы оставить меня бодрствующим в качестве мести, — Лид, говоря это, даже плечами пожал, настолько, видимо, это казалось ему само собой разумеющимся.

— Вот сволочи! — не выдержала я. Король презрительно махнул рукой, сверкнув перстнем при свете люстры:

— Плебеи. Они думали, что высокородного человека можно испугать их примитивными наказаниями. Я же говорю, что скука мне и так была не слишком знакома, а уж за годы, пока я был заколдован, она и вовсе исчезла бесследно.

Я отложила учебник, тоже подошла к окну и оперлась на подоконник напротив короля.

— Да, Лид, хоть мне твоя болтовня о высокородных и плебейх уже поперек горла, извини, стоит, но ты действительно необыкновенный человек. Другой бы на твоём месте просто свихнулся бы, да и все!

— Свихиваться было бы нецелесообразно, — объяснил король, постукивая пальцами по стеклу, — это то же самое, что наказать самого себя — этого-то заколдовавшие меня люди и добивались.

— При чем тут целесообразность, когда крыша едет?

— Что?

— Ну, идиома такая. Это значит, с ума сходишь.

Король вдруг рассмеялся, негромко и отрывисто. Смех у него, слава богу, был не королевский, презрительно-снисходительный, а обыкновенный человеческий.

— Хорошая идиома. Я ее запомню. Отвечая же на твой вопрос, конечно, когда крыша уже съехала, целесообразность тут ни при чем, но она же не может съехать сразу. Поэтому даже плебею вполне доступно принять меры, чтобы крыша не съезжала слишком уж далеко.

— А чего делать-то? — помотала я головой в усилии понять. — Я как представляю, что я заколдована, все понимаю, но не могу пошевелиться... А видеть и слышать ты мог?

— Конечно, нет.

— Ох, — содрогнулась я, — еще и видеть и слышать не могу, и нет почти никакой надежды, что меня кто-то когда-то спасет, и я, может быть, буду сидеть так вечно...

Король внимательно посмотрел на меня, и впервые в его коричнево-серых глазах появилось что-то вроде беспокойства.

— Знаешь, Соня, думаю, не стоит тебе развивать эту тему, а то крыша, как ты выражаешься, съедет у тебя прямо сейчас. Тебе еще долго нужно будет изгонять из сознания плебейские чувства, не стоит делать это сразу.

— Ладно, ладно, — пробормотала я, утирая пот со лба, — просто у меня хорошее воображение.

— Ну и что, у меня тоже, — вдруг отозвался он, — но я не понимаю, что ты так беспокоишься. С тобой ничего подобного не случилось. Или ты боишься, что случится? Вероятность этого практически нулевая.

— Ну при чем тут я! Я просто представила, что ты чувствовал, и ужаснулась.

— Интересная у вас всех манера, — сказал Лид задумчиво, — пытаться что-то чувствовать друг за друга. — Никак не пойму, в чем здесь смысл: вы же не эмпаты, насколько я понимаю.

— Это называется сострадание, — сказала я. — Ясное дело, ты не знаешь, что это такое.

— Действительно, — согласился король, наклонив голову. Глянув на меня сквозь завесу упавших на лицо светло-русых волос, он поинтересовался:

— Ты можешь попробовать мне это объяснить?

— Ну, — вдохновилась я, — для начала скажи, есть ли какой-то человек, к которому ты испытываешь... Не будем о любви, это смешно, но хоть какую-то симпатию?

— На данный момент к тебе, как к своей спасительнице, — ответил он без колебаний.

— Спасибо... — вздохнула я. — Ну так вот: представь, что меня заколдовали так же, как до этого тебя. Что бы ты испытывал?

— Но тебя же не заколдовали как меня, — король сдвинул брови в явной попытке осмыслить что-то для него невозможное.

— Ну и что! — сказала я терпеливо. — А ты представь, что заколдовали! У тебя же типа воображение!

— Эта ситуация нереальна, — отрезал Лид, — а в нереальной ситуации мои предполагаемые ощущения тоже будут не более реальными.

— Уф. Ну не из окна же мне бросаться, чтобы проверить реальность твоих чувств!

— Да, не стоит, — согласился король, взглянув вниз. — Впрочем, я понял. Сострадание — это род себялюбия. Простолюдины, представляя себя на месте пострадавшего человека, понимают, что с ними точно такая же ситуация не повторится, поэтому внутренне радуются этому, а внешне разыгрывают спектакль с постановкой себя на место другого, чтобы окружающие поверили в их благородство.

У меня отвисла челюсть.

— Ну, Лид... — сказала я, наконец, заикаясь. — Ну, знаешь... — Тебе хоть кол на голове теши!

— Это опять идиома или у вас такой род пыток? — любопытствовал он.

— Идиома! Она означает, что кто-то такой тупой, что просто ужас!

— Кто?

— Ладно, мне учить надо, — вздохнула я. — Почитай лучше книжку, может, там тебе лучше объяснят про сострадание и благородство.

Я отошла от кошмарного короля и, плюхнувшись на кровать, снова обложилась учебниками. Лид читать не захотел. Он побродил туда-сюда, потом обосновался на границе наших комнат, наколдовав себе большое чугунное кресло-качалку, уселся в него и задумчиво уставился в стену. Через некоторое время на ней пошел «мультик». Я краем глаза видела сумрачное облачное небо над бурным морем, большой пузатый корабль с зелеными парусами и плещущие из волн большие рыбы хвосты. Потом погода окончательно испортилась, из туч треснула разветвленная молния, парусник беззвучно закачался на здоровенных волнах, норовя хлебнуть воды...

Тут я обнаружила, что уже давно смотрю не в учебник, а на стену. Мыслетворчество Лида обладало каким-то магическим воздействием,

приковывая взгляд.

— Лид, извини, но ты меня отвлекаешь, — сказала я наконец со вздохом, — больно уж у тебя мультики здорово получаются. Теперь я не могу учить, не узнав, утонет корабль или нет.

— Ты бы, видимо, хотела, чтобы он не утонул, — легко догадался Лид, и картинка изменилась: волны начали успокаиваться прямо на глазах, небо расчистилось, и солнце осветило выпрямившийся кораблик, который надул паруса и радостно улепетнул за край картинки, пока его снова не вздумали топить. Мультик погас.

— Здорово! — повторила я.

— Спасибо тебе за похвалы, — торжественно поблагодарил меня Лид. — Эти движущиеся образы могут делать немногие из высокородных. Я же мог, и еще, к тому же, за время, пока был заколдован, это было практически моим единственным времяпрепровождением... Ладно, Соня, помни, что у тебя завтра экзамен. Действительно, не стоит отвлекаться.

Он снова ушел к окну, а я склонилась над учебником, но видела не текст, а неподвижную статую, которая столетиями смотрит в никуда каменными глазами, а перед ее мысленным взором качается в бурном море пузатый кораблик...

Перед экзаменом я, как всегда, поспала всего ничего, и, к тому же, когда я встала, меня трясло со страху, несмотря на жарящий Лидов камин: король еще почивал, поскольку было всего семь утра. Видимо, мое шарканье по комнате все-таки его разбудило, потому что минут через десять он пригасил каминное пламя, высунулся из-под балдахина и поинтересовался:

— Что с тобой, Соня? Ты больна?

— Нет, у меня экзамен.

— Я знаю, но спрашиваю не про это. Просто тебя явно лихорадит.

— Да говорю же, экзамен у меня! Волнуюсь я, — обреченно объяснила я недоуменно глядящему на меня Лиду. — Понятно, что это чувство тебе тоже незнакомо, но прими это как факт.

Лид поднял брови и, отделившись от кровати, подошел ко мне поближе.

— Я понимаю, про что ты говоришь, Соня, но не вижу причины для волнения. Разве ты чего-то не знаешь?

— Сейчас мне кажется, что я вообще ничего не знаю. Отвернись, мне надо переодеться.

Лид послушно повернулся как по команде «налево-кругом» и принялся вещать спиной:

— Ничего не знать, готовясь столько времени, может лишь глупейший из простолюдинов, а моя спасительница не может относиться к такому сорту людей. Зачем ты принижаешь перед собой свои знания?

— Ну хорошо, тогда я не все не знаю, а кое-что.

— В таком случае, чем паниковать, повтори это во время, оставшееся перед экзаменом, — посоветовал он.

— Да много там повторять!.. Я пока тут с тобой возилась, расколдовывала, время потеряла. Можешь повернуться, кстати.

Лид опять сделал «налево-кругом» и, посмотрев на меня, изрек:

— Если даже и много, то от причитаний это количество не уменьшится. Лучше бы ты сделала, как я говорю.

— А если попадется то, что я не знаю, и я не сдам?! — с надрывом провила я, пытаюсь, без особой, впрочем, надежды, надавить королю на жалость, и получила полный недоумения взгляд под снова поднятыми бровями.

— Я надеюсь, Соня, ты понимаешь, что важен не сиюминутный факт сдачи или не сдачи экзамена, а знания, которые ты получишь? Экзамен ты можешь сдать еще раз, когда будешь знать все.

— Ну да, конечно, остроумно, — выдохнула я, засовываясь в ботинки. — Остаться на осень. Меня родители убьют.

— У вас такие строгие порядки в семье? — принял мои слова за чистую монету король. — А, я понял по твоему лицу, что это опять какая-то идиома: В любом случае, пока я здесь, никто тебя убить не сможет.

— Ты, я надеюсь, не пойдешь со мной на экзамен? — спросила я с опаской и получила немедленный ответ:

— Пойду. Не беспокойся, я помню твои просьбы и не буду сам ни с кем разговаривать или мешать тебе.

— И не говори никому, пожалуйста, что ты король, — попросила я, сдаваясь, — все равно не поверят, только смеяться будут.

— Ну, от смеха простолюдинов мне, как у вас говорится, ни холодно ни жарко, — отмахнулся Лид, превращая домашний костюм в джинсы с пышной рубашкой, — но смысла доказывать свой титул у меня нет: я все равно хоть и король, но не вашего мира.

— Королей мира у нас вообще нет.

— У нас тоже. По крайней мере, не было, когда меня заколдовали.

Я кивнула, собрала учебники и вышла из квартиры, приняв от родителей пожелание ни пуха ни пера. Тогда же я вдруг заметила, что трясти меня перестало, и ужас перед экзаменом несколько отступил.

Король материализовался рядом со мной, как только я вышла на

лестничную клетку. Молча мы спустились по лестнице и возле дома столкнулись с Наткой.

— Опа! — воскликнула она. — Ты чего это, твое величество, на моцион собрался?

Лид, понятное дело, возвел глаза и не ответил, а я сказала:

— Он со мной, охраняет меня от чего-то там. Не разубеждай его: бесполезно.

— Очень надо, — передернула плечами Натка и поморщилась в Лидову сторону, после чего крепко схватила меня за локоть:

— Пошли быстрее.

Таким образом, мы с Наткой рысью помчались впереди, а Лид, видимо, считая ниже своего достоинства идти рядом с простолюдинкой, держался на некотором расстоянии от нас.

Как всегда, когда мы куда-то спешили, нас беспрерывно дергали прохожие с дурацкими вопросами и предложениями. Нам с Наткой попытались возле метро сунуть какие-то книги, а Лида пара человек спросила, как пройти к кинотеатру.

— Не знаю, я не из этого мира, — отозвался он спокойно, и прохожие, захихикав, отстали.

— Чего, ты, ваше величество, и на экзамен с нами попрешься? — поинтересовалась Натка, обернувшись.

— Не надо! — крикнула я, упреждая ответ короля. — Никто меня там не съест, а если двойку и влепят, то за дело... Надо было учить, а не с тобой возиться.

— Действительно, возиться со мной не стоило, — согласился король, — я уже давно не ребенок.

— А что, с тобой в детстве кто-то возился?! — изумилась Натка. — А я думала, розгами воспитывали, уж больно ты дружелюбный у нас вырос...

Я ткнула подругу локтем и опасливо обернулась на Лида. Король, конечно, не рассердился: ноги его машинально шагали за нами, а в глазах застыла задумчивость.

— Меня мало били, потому что даже родственник не имеет права сильно наказывать особу королевской крови, — сказал он медленно, со странным выражением голоса. — Я плохо помню то время, но, по-видимому, я воспитывался нормально: мои родители стали заколдовывать друг друга лишь по достижении мною шестнадцатилетия.

— Ишь ты, — хмыкнула Натка, — сразу чувствуется — благородные! Не какие-то плебеи...

— А почему плохо помнишь? — удивилась я, — я вот хорошо помню

свое детство.

Лид нагнал меня и пошел рядом, склонив голову.

— Почему? — спросил он негромко.

— Не знаю почему, помню и все!

— Неправда, — отрезал король, будто я уже была на экзамене, — наша память устроена так, что мы хорошо помним то, что мысленно несколько раз проигрываем про себя, вспоминаем. То, что не повторяется, довольно быстро исчезает из памяти.

— А, точно, — согласилась я, подумав, — ты прав, — ну и что, тебе неохота было вспоминать свое детство?

— Психологические травмы мучили? — фыркнула Натка.

— Действительно не хотелось, и незачем было, поскольку даже высокородные особы в детские годы проявляют замашки плебеев, которые вытравляются только со временем. Если бы я культивировал мое детское отношение к жизни, из меня получился бы плохой правитель.

— Ну да, а так вышел просто отличный! — рассмеялась Натка. — Аж заколдовали...

— Это ничего не доказывает и не опровергает, — ответил король, обращаясь при этом упорно ко мне, — загляните в свою историю и найдите хоть одного правителя, которым все были бы довольны, каким бы великодушным он ни был. Мы, высокородные, знаем, что каков бы ни был король, отношение к нему у народа на самом деле примерно одинаково, поэтому нужно править, как заведено, не пытаясь подладиться к плебсу.

— Он опять про свое! — Натка покрутила головой и побежала вперед. Я молчала. В словах короля была какая-то своя неприятная логика, которой я невольно находила подтверждение, но с которой ужасно не хотелось соглашаться.

Зато время за разговорами прошло незаметно — показалось здание университета.

— Лид, подожди нас здесь! — крикнула я и побежала нагонять подругу.

Мы быстро нашли аудиторию и сели в тоскливо ожидавшую своей участи очередь однокурсников, но говорили вовсе не о математике, а, ясное дело, о короле.

— Я поняла — этот твой Лид — окончательно двинутый, — шептала Натка мне в ухо, — давай его как-то убирать, а то мы с ним хлебнем... У него, похоже, было тяжелое детство, так теперь он на всех вымещает злобу.

— Да какую злобу! — возразила я. — Не видишь, что ли, какой он спокойный — как пень!

— Ладно, из меня психолог, как из тебя высокородная дама... Но ты подумай, как его убрать.

— Да я не знаю!

— Ну, скажи, что ты выходишь замуж, и в твоей комнате будет жить муж.

— Проверит. Где мужа-то возьмем в такой срок?

— У меня же брат...

— Нат, ты чего — ему пятнадцать лет!

— А что, думаешь, он разбирается?

— А ты думаешь, он совсем идиот? Он у меня все книжки перечел и весь телевизор пересмотрел! Его просто так не проведешь.

— Ну хорошо... Может, тебе уехать куда-то?

— Потащится за мной. И родители никуда поехать не согласятся так просто.

— Вот блин... А! Он же тебя слушается? Ты же его спасительница?

— Ну да.

— Тогда прикажи ему уйти! Просто прикажи!

— И чего? Он же уйдет в свою страну, и такое там устроит...

— А ты с него возьми слово, что он своих людей не тронет!

— Ага, так он меня и послушался.

— Все-таки попробуй, а если не выйдет, будем думать дальше. Не сидеть же сложа руки!

Сидеть дальше и не получилось — нас позвали в аудиторию. Взяв билет и прочитав его, я вдруг с удивлением ощутила, что все знаю и не боюсь. Одна из задачек не хотела решаться, но я все с тем же спокойствием корпела над ней и нашла-таки решение! В таком же аномально спокойном состоянии я ответила билет, получила пятерку и вышла из аудитории. Только после этого я поняла, в чем дело: по сравнению с королем все проблемы казались ерундой. В этом смысле полезно было бы не избавляться от Лиды, скажем, на летнюю и зимнюю сессии...

Лид ждал меня на улице, сидя на пригретой солнцем лавочке. Рядом с ним два мужика играли в шахматы, и он с интересом на них косился, но молчал: то ли не понимал ничего в этой игре, то ли не хотел подсказывать. Заметив меня, он оторвался от шахмат и посмотрел вопросительно.

— Пятерка! — радостно объявила я, показав ему пять пальцев. Король без удивления кивнул и одарил меня поощрительной улыбкой с барского плеча.

— Вот видишь, Соня, я же говорил, что никаких причин для волнения не было. Идем?

— Погоди, надо еще Натку подождать. Только не спрашивай, зачем! Она моя подруга.

— Ну хорошо, Соня, если тебе так нравится возиться с нижестоящими, мы подождем, пока она одолеет математику, — Лид пожал плечами и указал мне на лавочку. Мужики свернули шахматы и убрались, появилось место, на которое я тревожно примостилась и, подумав, начала осуществлять наш с Наткой план:

— Знаешь что, Лид, я не умею ходить вокруг и около. Скажи честно, разве тебе у нас нравится?

Лид посмотрел на меня. Его двухцветные глаза осветились изнутри солнцем и стали выглядеть еще страннее.

— Мне, собственно, везде неплохо, — сказал он. — Дело не в стране, а в человеке. Кого-то и самые прекрасные места не спасут от тоски, у вас есть подходящая пословица: не место красит человека, а человек место...

— Да-да, — не выдержав, прервала я его медленные плавные речи, — вот я, собственно, и хотела спросить, долго ли ты собираешься красить собой наше место?

Лид, чуть наклонившись, посмотрел на меня внимательней, в глазах его мелькнула то ли тревога, то ли недоумение, и он совсем по-человечески переспросил:

— Что-что?

— Не понял? — хихикнула я. — А еще высокородный... Ну, короче, я хочу спросить, только честно: как долго ты у нас собираешься оставаться?

— Пока ты не прикажешь мне уйти, — без обиняков ответил Лид. Конечно, нужно было тут же и сказать ему «вот сейчас и уходи», но я как-то упустила подходящий момент. Король снова на меня уставился, и мне казалось невежливым послать на фиг человека, который так внимательно глядит. Вот если бы он отвернулся, тогда бы я ему все выложила. Ну, может быть, в другой раз... Тут я поняла, что мы палимся друг на друга, а молчание затягивается и делается все более напряженным. Я поспешно спросила, просто чтобы разрядить обстановку:

— Значит, к себе домой тебе совсем неохота?

Лид отвел взгляд, покачал головой и слегка улыбнулся:

— Какой, Соня, у меня теперь дом. Из всех миров я связан только с тобой.

Я немного обалдела от этой красивой фразы. Хорошо, что король произнес ее своим любимым обыденным тоном, но и без того я не знала, куда деваться от смущения. Вот и выгони теперь его! Да, может, он не так и плох. Пусть поживет немного с нами, а потом я что-нибудь еще

придумаю...

Тут мысли о Лиде из меня улетучились: я увидела, как во двор из университета вышел Саша. Более того: он огляделся и направился ко мне. Я заволновалась, вытерла вспотевшие руки о платье, хотела встать, но передумала, закинула левую ногу на правую, а потом, наоборот, правую на левую, и уставилась на него исподлобья с нервной улыбкой. Лид наблюдал за этим молча и неодобрительно, но слава тебе господи, хотя бы не лез.

— Сонька, привет! — сказал Саша. — На что сдала?

— Н-на пять, — сказала я, почему-то задыхаясь, — а ты на что?

— Да четверку вляпали, представляешь?

— Четверка тоже хорошая оценка, — улыбнулась я.

— Для плебея, — неожиданно добавил Лид. Сашка чуть не подскочил на месте и ошарашено уставился на короля. Король продолжал спокойно сидеть и даже не глядел в его сторону. В конце концов Саша, видимо, решил, что это было обращено не к нему, потому что продолжил разговор со мной:

— Слушай, я тебе тут звонил, но твой папа сказал, что тебя не позовет. Чего, у тебя такие строгие родоки?

— Ужас, ужас, — закивала я поспешно.

— Жалко. А я тогда как раз хотел тебя в кино позвать. Ну, теперь этот фильм уже не идет...

— А других хороших нет? — спросила я с надеждой.

— Да откуда? У нас хорошие фильмы раз в сто лет показывают, — Саша говорил, глядя в сторону, и вообще, кажется, стремительно терял ко мне интерес. Что же это такое? Ведь он сам подошел! Я же не навязывалась! От беспокойства я сама не заметила, как закинула ногу на ногу, потом поставила ее на землю и собралась закинуть еще раз, но Лид вдруг снова подал голос, сказав с царственной укоризной:

— Соня, перестань.

Я застыла. Саша, впрочем, тоже. Наконец он посмотрел на короля и обалдело спросил:

— А вы-то вообще кто?

Пользуясь тем, что король с простолюдинами не разговаривал и потому молчал, я затараторила:

— А это наш родственник... Мой троюродный... Дядя. Из Подольска. Приехал Москву посмотреть.

— Да? Ну и как вам Москва? — с явным интересом обратился к королю Саша.

Проклятый Лид глядел в другую сторону и молчал. Мне ничего не

оставалось, как снова затараторить:

— Ему понравилось, только он еще мало где был, вот мама хотела его сегодня сводить в Третьяковскую галерею...

— Сонь, да я у него спрашиваю вообще-то.

— А он не разговаривает с простолюди... Фу ты, ну, он вообще задумчивый... То есть нет... То есть...

Я запуталась и умолкла, чувствуя, что выгляжу идиоткой, но не в силах придумать никакого логического объяснения поведению Лида. Король продолжал молчать и даже позу не сменил. Заинтересованный Саша обошел вокруг него, как вокруг столба, остановился перед его глазами и громко спросил:

— Вы меня слышите???

— Лид, ради бога, поговори с ним! — махнув на все рукой, заскулила я.

— О чем мне с ним разговаривать? — тут же повернулся ко мне король, опровергая возможные Сашины предположения насчет его глухоты.

— О чем хочешь! Ответь на его вопросы!

— Я не обязан отвечать ему.

— Сонь, он чего, серьезно только с тобой разговаривает?! — поинтересовался Саша.

— Не только. Но почти всегда, — ответила я и быстро покрутила себе пальцем у виска, надеясь, что король еще не изучил этот земной жест. Казалось бы.

— Я не сумасшедший, — тут же запротестовал Лид, — сумасшедшим я был бы, если бы стал разговаривать с этим недалеким простолюдином.

— Абза-а-а-ац... — протянул Саша, — слушай, дядя... Из Подольска, как тебя из твоего Подольска без смирительной рубашки-то отпустили?

— Саш, не приставай ты к нему! Чего ты лезешь? — тревожно сказала я, с опаской глядя на подозрительно неподвижное лицо короля.

— Ладно, до меня дошло: на тебя навесили сумасшедшего родственника. Сочувствую, — заключил Саша, махнул мне, и вдруг быстрым шагом направился к университету.

— Саш, ты куда... — сказала я несчастным голосом, но тут же безнадежно махнула рукой и злобно взглянула на проклятого Лида. И я его еще жалела! Он вот что-то меня жалеть не собирается, наоборот, портит мне все, что только можно!

Лид глядел вслед Саше.

— Станный человек, — сказал он с удивлением, — удивительно недалекий, самовлюбленный и обидчивый даже для таких примитивных

созданий, как простолюдины. Если ты хотела сделать его своим мужем, то я, видимо, появился как нельзя кстати. Пару подбирать себе сама ты тоже не умеешь. Впрочем, этого следовало ожидать.

— Что значит, захотела сделать мужем? — горько сказала я. — Если бы я даже и захотела этого, он бы не захотел сделать меня своей женой!

— И правильно, — согласился Лид невозмутимо, — он должен сам понимать, что он не пара для моей спасительницы.

— Он не знает, что я спасительница! Для него я простолюдинка, как и он!

— Тогда еще понятнее. Видимо, он предпочитает при прочих равных тех простолюдинок, которые не совершают при его появлении странных движений.

— Чего?! — заорала я, вскакивая. — Чего не совершают?!

— Странных движений, — повторил Лид, глядя на меня снизу вверх безмятежным взглядом.

— Иди ты к черту! Сейчас я тебе совершу странные движения! — взвизгнула я, впад в состояние «сам черт не брат», бросилась на короля и сделала то, о чем давно мечтала: вцепилась ему в оборчатый воротник и изо всех сил затрясла. Король не предпринимал никаких действий, только очень удивленно глядел на меня, а потом на его лице появилась странная, как будто даже смущенная улыбка. Он положил свою руку на мой судорожно сжатый кулак и спросил:

— Ты что хочешь, Соня?

От этого простого вопроса злость моя вдруг иссякла, будто ее и не было, зато покраснела я аж до самых пяток. Я поспешно отцепилась от короля, отодвинулась на край лавки и пробормотала:

— Ну ты, Лид, совсем человеческие чувства забыл, что ли? Ну, разозлилась я. Извини.

— Да нет, я понял, что ты разозлилась. Я не понял, что ты хотела сделать. Ты бы таким образом все равно не причинила мне вреда.

— Я и не хотела причинять тебе вреда, — буркнула я, — но мне надо было разрядить нервы. Ты никогда так не делаешь?

— Нет, высокородные этому не подвержены. Думаю, и ты избавишься от этой плебейской привычки. Теперь ты высокородная, поэтому запомни: если захочешь выразить на ком-то свое недовольство, готовься к причинению ему вреда как следует или скажи мне, у меня в этом больше опыта.

— Да кто бы сомневался! — фыркнула я и с облегчением встала, потому что из института вышла Натка.

— Пятерка! — крикнула она издали. — Ничего для плебейки, скажи, твое величество? А чего это вы такие встрепанные оба? Поцапались, что ли?

— Я с ней не ссорился, — оскорблено мотнул головой король.

— Это верно, я ссорилась с ним, — согласилась я со вздохом. — Ладно, Лид, ну тебя, в смысле, извини еще раз. Но, честное слово, разговаривать иногда с тобой, как дрова возить. Ты же смотришь наш телевизор и читаешь книги: чего притворяешься глупее, чем ты есть?

— Я никем не притворяюсь, но было бы странно ожидать даже от меня, что я за трое суток смогу полностью освоиться в незнакомом мире, — пожал плечами Лид.

— Да? А кто-то хвастался...

— Ладно вам, — вдруг сказала, хихикая, Натка, — пошли лучше домой, чайку попьем.

Всю дорогу домой я с королем не разговаривала, решив отдохнуть от его дуростей, и болтала только с подругой, и то об экзаменах.

Дома, конечно, никого не было — родители работали. Мы пошли на кухню — Лид, ясное дело, потащился следом, расположился на единственном мягком стуле со спинкой, вытянул ноги поперек всей кухни и принялся постукивать ногтями по столу, с которого я тем временем стирала крошки. Натка, хмыкая про себя, поставила электрический чайник и осведомилась:

— Осмелюсь спросить, твое величество, ты вообще чай будешь или что-то свое наколдуеть?

— Что такое чай? — поднял на меня глаза Лид. Я пожала плечами и кинула в мойку грязную тряпку.

— Ну, что... Травка такая, заваренная в воде.

— Листочки, а не травка, — поправила меня Натка.

— Тебе я вопроса не задавал, — отрезал король и снова обратился ко мне:

— Хорошо, можешь дать чай и мне.

Я сердито сунула в чашку с кипятком пакетик и пододвинула к королю. Тот принялся брезгливо рассматривать, как от пакетика в воде расплывается коричневое пятно, Натка, закатывая глаза и корча рожицы, нарезала хлеб, а я устало втиснулась на табуретку рядом с углом стола.

— Не садись там, — одернула меня подруга, — замуж не выйдешь.

— Конечно, не выйду, если Лид и дальше будет разгонять моих кавалеров, — буркнула я, и, не выдержав, пожаловалась: — представляешь, Нат, он Сашку прогнал.

— Я не прогонял его, — четко сказал король, — он ушел сам, из-за своей же глупости.

— Ничего себе у вас тут без меня была Санта-Барбара, — почему-то с завистью произнесла Натка и отхлебнула чай не присаживаясь, поскольку сесть было некуда.

— Лид, подвинься, ты тут не один, — раздраженно сказала я. К моему удивлению, король без возражений потеснился и оказался по одну сторону стола, а мы с Наткой — по другую. Пока он, держа чашку чуть ли не двумя пальцами, с тем же брезгливым видом прихлебывал чай, Натка со значением покосилась на меня, потом откашлялась и произнесла:

— Сонь, а ты уже спросила у его величества, долго ли оно будет тут у нас ошиваться?

— Спросила.

— И что оно ответило?

— Оно ответило, что пока я не прикажу ему уйти.

Лид, которому наш разговор почему-то не казался оскорбительным, подтверждающе кивнул. Натка поглядела на меня и подтолкнула под столом ногой.

— Ну и? Когда ты прикажешь ему уйти?

Я открыла было рот, но проклятый король тут же уставился на меня во все глаза, а глаза у него были немаленькие, да еще какие-то нехорошо пристальные. Но ладно бы еще в них была только наглость и презрение — так нет же, мне почудилось, что взгляд у него сейчас — почти как у старой бездомной собаки, которая в непогоду приходила к бабушке в сарай. Такое же ожидание: впустят — не впустят? Выгонят — не выгонят?

Практически уверенная, что это все — только мои фантазии, я все равно никакими силами не могла заставить себя заговорить. Подруга решила помочь мне и сама повела беседу:

— А, ну да, ты же боишься, что если Лид вернется к себе, то заколдует своих подданных...

— Почему ты этого боишься, Соня? — удивился король, перестав лупиться на меня во все глаза и поднимая брови.

— Потому что не хочу быть косвенно виноватой в их гибели, — объяснила я хмуро. — Сострадание. Как ты сказал, род эгоизма...

— Но ты же можешь взять с него обещание, что он их не тронет! — гнула свою линию Натка.

— Да? А где гарантия, что он эти обещания выполнит?!

Тут Лид, видимо, наконец обиделся, потому что встрял в наш разговор:

— Высокородные всегда держат данное слово. Конечно, плебеям,

среди которых ты вращалась, Соня, этого не осмыслить...

— Ну так и в чем проблема? — обрадовалась Натка, — дай ей слово, что не тронешь жителей своего мира!

Король, конечно, ничего ей не ответил и только молча посмотрел на меня.

— Да, Лид, дай мне такое слово, — сказала я твердо, — люди не виноваты, что я тебя расколдовала.

— Хорошо, — король пожал плечами, явно снисходя к моим капризам, — если тебя это так волнует, я клянусь, что не буду наказывать свой народ за то, что он меня заколдовал.

— А за все остальное будешь наказывать?

— Ну естественно, без страха перед наказанием королевская власть неэффективна.

Я в задумчивости уткнулась в чашку. Картинка вырисовывалась невеселая. Ничто не мешает Лиду, вернувшись, придраться к каким-нибудь мелочам и заколдовать столько людей, сколько ему будет угодно. А суда по лицу короля, просить его, чтобы он не наказывал никого, явно пока не стоит: он и так был раздражен присутствием Натки. Придется еще подождать, втереться к нему в доверие. Ох, не перегнуть бы палку!..

Натка, как всегда, поняла меня без слов и опасный разговор не возобновляла. Затянувшееся молчание нарушил сам король, оставивший чашку и вымолвивший:

— Надо тебе сказать, Соня, что ваш чай — весьма неприятный напиток, по крайней мере, для тех, кто не увлекается настойкой горькоцвета. Думаю, он даже ядовит, так что тебе вовсе не стоит его пить.

— Много ты понимаешь, Лид! — рассмеялась я. — Ты же не вынул вовремя пакетик, вот чай и перезаварился!

Король глянул на меня со сдержанной претензией, дескать, «а ты меня нарочно не предупредила, что я должен его вынимать?», но ничего не сказал, чтобы, наверное, не потерять достоинство, и просто отодвинул чашку еще дальше. Натка, хихикая, встала, подобрала ее и вылила в мойку. Я тоже встала и начала мыть скопившуюся посуду. Подруга тем временем ругалась с королем, который требовал, чтобы посуду помыла она, дабы я не марала свои достойные ручки черной работой, а потом не хотел передвигать стул, чтобы освободить ей проход. Я уже не обращала на них внимания, и даже наоборот, включила воду посильнее, чтобы ничего не слышать. Конечно, это привело к тому, что скрип ключа в двери первым уловил Лид. Он насторожился, приподнялся со стула и бессловесно растворился в воздухе. Не успели мы с Наткой удивиться и обрадоваться

этому, как в комнату вдруг гораздо раньше времени ввалились запыхавшиеся и встревоженные родители.

— Привет, а я на пять сдала, — заговорила я, выходя им навстречу из кухни.

— Да-да, — кивнула мама рассеянно, — молодцы — молодцы, привет, Наташа... Сонь, представляешь, нас тут с папой срочно командируют на открытие филиалов... В Индию, — добавила она, не дожидаясь моего вопроса, — так что придется тебе тут месяцок похозяйничать... И, главное, так резко... Коля, ты не видел ту синюю сумку, в которую все влезало — та, что с несломанной молнией?.. О чем я говорил а-то? А, месяц придется тебе одной побыть. И, главное, резко так сказали, у нас самолет, представляешь, завтра в шесть утра — а мы не собраны, ничего... Конечно, без присмотра я тебя не оставлю — я и Наташиной маме позвонила, и тете Кате, и бабушке...

— В деревню? — поразилась я, — зачем?

— Да нет, другой бабушке. Они тебя будут навещать, а ты тут не свинячь, не вздумай никуда допоздна ходить, мы будем звонить каждый вечер...

— Да вы не беспокойтесь, я за ней присмотрю! — похлопала по мне Натка.

Я кисло улыбнулась. В любое другое время командировка родителей не вызвала бы во мне ничего, кроме радости от единоличного обладания квартирой и другого заманчивого времяпрепровождения — но сейчас надо мной, как Дамоклов меч, висел король, и я бы предпочла не оставаться с ним с глазу на глаз. Но что тут поделаешь...

— Иногда, может быть, с нами не будет связи, — озабоченно наставляла меня мама, судорожно копаясь в вытащенном из-под кровати чемодане, — не беспокойся, это уже под конец командировки, где-то последнюю неделю. Сразу предупреждаем. Ты не видела мой зеленый костюм?

— Какой?

— Зеленый, ну тот! Ты что, не слушаешь меня, что ли?

— Наверное, в шкафу, — сказала я апатично, чувствуя, что ужасно устала и мне просто необходимо хотя бы некоторое время не видеть Лиду. — Мам, вам ванна не нужна сейчас? Я пойду вымоюсь, пожалуй...

— А я вам помогу собраться, — предложила Натка. Мама кивнула — Натка уже лучше меня знала, где что лежит у нас в квартире. Я молча вынула из шкафчика полотенце и убрела.

Через полтора часа ко мне в дверь ванной стукнула мама и

поинтересовалась, утонула я, превратилась в рыбу или просто потеряла совесть и забыла, что родители тоже хотят когда-нибудь принять душ. С большим сожалением я вылезла наружу, но к себе не пошла, а крутилась то в большой комнате, помогая собираться родителям, то на кухне. Натка часов в девять ушла, а в десять родители собрали все чемоданы и принялись меня выгонять спать.

— Сейчас, сейчас, — пообещала я, — только чайку попью...

С этими словами я попятилась на кухню, оставив дверь слегка приоткрытой, чтобы там не мог появиться Лид. Чай я пить не стала, а просто молча уселась на стул, подперла голову руками и уставилась в окно, за которым еще по-летнему были сумерки...

В конце концов родители уснули, и я тоже начала клевать носом, но нежелание видаться с Лидом пересиливало. Я задремала, положив голову на руки.

Разбудила меня крадущаяся в ванну мама, прошипев: «Ты что тут делаешь?! Иди в постель немедленно!». Я с трудом отклеилась от стола, распрямила затекшие руки и поглядела на часы — ого, уже три часа ночи! После этого пришлось-таки пойти в мою, а точнее сказать, в королевскую комнату. Одно радовало, что в такую позднь Лид, скорее всего, спит...

Лид не спал. При виде меня он поднялся из своего чугунного кресла-качалки и отложил в сторону очередную книжку — на этот раз «Приключения Чиполлино».

— Что ты делала столько времени, Соня? — поинтересовался он чуть ли не с интонацией моих родителей.

— А ты будто не знаешь, — огрызнулась я.

— Почему я должен это знать?

— Ты же невидимый можешь ходить, где хочешь, и подглядывать...

— Поглядывать? — король поднял брови, лицо его приняло брезгливое выражение. — Зачем мне унижаться до этого?

— Затем, чтобы узнать, где я была — может, меня там волки съели. А ты же меня охранять решил...

— Я подумал, что твои родители вряд ли отпустят тебя ночью на улицу, — здраво заметил Лид.

— Соображаешь, если хочешь, — вздохнула я и, кивнув на «Приключения Чиполлино», поинтересовалась:

— И почему ты все время читаешь какие-то детские книжки?

— В них больше картинок, — вдруг ошарашил меня король на полном серьезе. Я вылупила на него глаза.

— Да зачем тебе картинки, ты что, читать не умеешь?!

— Умею, конечно, но, во-первых, в таком виде книги привычнее для меня — у нас они всегда были оформлены таким образом, независимо от содержания. Я считаю, что это правильно — хотя бы видно, что печатники приложили старания, а ваши издания, которые для взрослых, как ты выражаешься, даже в руки брать не хочется, — он кивнул на валяющийся У меня рядом с кроватью детектив в мягкой обложке с тонкими желтоватыми страничками.

— А во-вторых, картинки помогают мне лучше представить ваши реалии, они для меня непривычны.

— Да, много ты получишь реалий из «Чиполлино», — рассмеялась я. — На всякий случай, учти, что у нас по улицам не ходят живые помидоры и луковицы.

Лид тоже рассмеялся:

— Я понимаю, Соня.

— А по содержанию эта книжка тебе нравится?

— Не слишком. Но в ней весьма наглядно изображен бунт вашего плебса против властей.

— Между прочим, власти там — оторви и брось, а плебс — очень даже хороший, — заметила я, садясь на кровать и обнимая подушку.

— Конечно, — согласился король, — ведь автор этой книги — сам плебей, разве он мог сделать плебс ограниченным и низким, каков он есть на самом деле? А что такое «оторви и брось»?

— Это значит — очень плохие... Знаешь что, хотя власти там, конечно, изображены карикатурно, это не значит, что на самом деле они прекрасные. Почитай хотя бы биографию самого Джани Родари...

— Давай, — согласился король, выжидающе на меня глянув. Я развела руками.

— У меня сейчас, наверное, нету. Давай я тебе в интернете завтра найду, если интересуешься...

— А что такое интернет?

— Лид, я спать хочу. У меня уже язык не поворачивается...

— Ты уверена, что это не от вашего чая? Ты его опять пила? — вдруг пристал ко мне король с озабоченным видом — кажется, чай произвел на него неизгладимое впечатление.

— Ничего я не пила, — пробормотала я, зарываясь в подушку, — просто сидела на кухне, а потом... Уснула... — еле договорив это, я уснула сама и даже не слышала, как улегся Лид.

Проснувшись я от необычной тишины. В роскошное окно на Лидовой половине било солнце, камин не горел, сам король отсутствовал. Дверь в

комнату была прикрыта неплотно.

Я подскочила на постели, все вспомнив. Родители, значит, ночью уехали, а в квартире теперь хозяйничает король! Даже не переодев пижаму, я побежала в большую комнату, уже ожидая увидеть в ней интерьер примерно как в Лидовой половине.

Но в комнате ничего не изменилось. Сквозь полузадернутые шторы тоже било солнце, а сам король ковырялся в компьютере!

При виде того, как он лихо щелкает кнопками, я ярко представила кучу испорченной информации, стертые диски, удаленные важные документы родителей и аж взвизгнула:

— Лид!!!

Король слегка вздрогнул — я уже заметила, что он не любит громких резких звуков — и обернулся ко мне.

— Что с тобой, Соня?

— Чего ты забыл в нашем компьютере?! Ты же не умеешь им пользоваться!

— Почему не умею? — оскорбился Лид. — Я видел по телевизору, как его включать, а дальше здесь все написано, я же понимаю ваши языки.

— Ты ничего не удалял?

— Нет.

— Точно? Ну-ка дай я посмотрю корзину, — я, дернув за проводок, увела мышку прямо из-под его украшенной перстнем руки. Король, похоже, впал в шок от такого нахальства, поэтому даже не сразу начал возражать, а только через минуту полез в амбицию:

— Соня, когда ты перестанешь принимать меня за плебея? Я же говорил тебе, что уровень моего развития несравним с простым народом...

— Да-да, конечно, ты у нас умница, — пробормотала я, поспешно копаясь в корзине, а потом в папке рабочих документов родителей. Кажется, все и правда было в порядке. Я перевела дух и перешла к менее животрепещущим вопросам:

— А что ты там искал-то?

— Биографию Джани Родари, как ты и сказала.

— Ты и в интернет зашел?!

— Пока что нет, — признался Лид, — я встал незадолго до тебя, так что не успел этого сделать...

Почему-то мне показалось, что он врет — скорее всего, у него просто не получалось найти выход в интернет, но пресловутая дворянская гордость не давала этого признать. Немного поразмыслив, стоит ли пускать его в интернет, я решила, что днем раньше, днем позже он все равно туда

доберется, и, скрепя сердце, открыла ему браузер.

— На тебе твой интернет. Вот это поисковик. Напечатай в эту строчку слова, которые ты ищешь, и он тебе выдаст список статей и сайтов, где они упоминаются. Понял?

— Да, а что такое сайты?

— Не могу объяснить, сам увидишь... Покопайся тут, походи по ссылкам, а я пойду чайку попить... Только не вздумай ничего скачивать, и, если компьютер будет выть, закрывай страничку — это антивирус у нас такой.

Лид с напряжением выслушал пачку этой явно сложной для него информации, но ничего не переспросил и молча кивнул. Я улепетнула на кухню, надеясь, что король, как и все новички, зависнет в интернете надолго, а я смогу делать, что хочу. Не тут-то было. Уже через пятнадцать минут он нарисовался на пороге кухни, красиво опершись о притолоку. Домашний льняной его костюм сменился каким-то обалденным нарядом — белой широкой рубашкой с открытым воротом, бежевыми бриджами, короткими коричневыми сапогами и широченным красным платком, обмотанным вокруг талии. Посмотрев мне в чашку, где плескался чай, он вдруг сделал такую выразительно-брезгливую физиономию, что я со смеху чуть не облилась, и уместился на табуретку.

— Ты что, читал про испанских тореадоров? — спросила я его сквозь смех.

— Откуда ты знаешь?

— По костюму, конечно. Ты как сорока — что видишь, к себе тащишь...

— Сорока — это птица?

— Да, такая черно-беленькая, трескучая... Бутерброд будешь?

— Не стоит, — отказался Лид и наколдовал посреди стола «голландский натюрморт» из жареной птицы, непонятных желтых фруктов и серебряного кувшина с каким-то напитком, — я бы и тебе советовал лучше не употреблять такую пищу.

— Не стоит, — передразнила я его, скорчив величественное лицо, и полезла в холодильник.

Дальше мы принялись завтракать, периодически все-таки пытаюсь сагитировать друг друга на привычную для каждого из нас еду. Мирно шипел электрочайник, и шумела вода в раковине, которую я открыла, чтобы она охладила сваренные мной яйца. Без других людей, как я замечала уже в который раз, Лид становился вполне выносимым, и я даже подумала, что могла бы легко потерпеть его коммунальным соседом до

конца родительской командировки. Но, конечно, как только эта мысль пронеслась у меня в голове, начались неприятности. А попросту говоря, дверь кухни вдруг резко распахнулась, и я увидела свою бабушку по папиной линии. От неожиданности я подавилась и судорожно раскашлялась, Лид же явно хотел в первый момент исчезнуть и даже немного растворился в воздухе, но потом, видимо, передумал и уплотнился обратно. Бабушка смотрела на нас, сжав губы в сморщенную точку. Я продолжала кашлять, и король, несколько секунд задумчиво на меня поглядев, вдруг врезал мне меж лопаток. Рука у него оказалась тяжелой — мой кашель враз оборвался, и стало относительно тихо, не считая шума воды. Бабушка выключила краны и снова повернулась ко мне. В отличие от той доброй бабули, что жила в деревне, она была весьма сварливой и вредной. У нас она, к счастью, бывала очень редко, потому что, по традиции всех свекровей, ненавидела мою маму. Меня она, впрочем, тоже недолюбливала, и не иначе решила нанести мне визит пораньше просто затем, чтобы отделаться и потом больше не казать носа, но присутствие Лида явно что-то изменило.

Бабушка превратила губы из сморщенной точки в узкую, накрашенную фиолетовой помадой полоску, поправила худой рукой курчавые, тоже немного фиолетоватые волосы и поинтересовалась:

— Это что это у тебя, Софья, за гости с утра пораньше? Родители не успели за порог выехать, а ты тут сидишь в чем мать родила и хахалей водишь? Прекрасно воспитали! Вся в мать!

— Он не хахаль, — сказала я со всей искренностью, одернув пижаму и предостерегающе глянув на Лида, чтобы он молчал.

— А кто же? — подняла выщипанные брови бабушка. — Подружка, то ли? Ты меня за кого принимаешь — я, слава богу, в три раза больше, чем ты, прожила.

— И что? Мы просто ждем Натку, он пришел чуть пораньше. Видишь, какой у него костюм — он из театральной студии актер, мы сейчас вместе на спектакль пойдем.

— Актер погорелого театра, — хмыкнула бабушка язвительно. — А что ты за него говоришь — он из немых?

— Я говорю, потому что ты обращаешься ко мне, а если что-нибудь спросишь у него, он тебе, наверное, ответит... — я повернулась к королю и сделала большие глаза.

— Ну и что вы скажете насчет Софьиного вранья? — язвительно обратилась к нему бабушка. Паршивый Лид прямо смотрел на нее и молчал.

— Лид! — зашипела я.

— Что, Соня? — тут же повернулся ко мне омерзительный король.

— Поговори с бабушкой!

— О чем?

— О том, что она спрашивает.

— Она ни о чем не спрашивает, она демонстрирует тебе свою неприязнь и презрение. Я бы на твоём месте не допускал такого отношения.

— Ишь ты какой! — обалдела бабушка. — А я тебя забыла спросить, как к своей собственной внучке относиться!

— Что значит — «своей собственной»? Она тебе не ровня, — бросил Лид с королевским презрением.

— Лид, помолчи! — застонала я, уже начиная жалеть, что заставила короля открыть рот. Бабушка, которой и так-то повода не нужно было, теперь с полным правом устраивала скандал:

— Ты как со мной говоришь! Нахал! Я тебя старше в пять раз, молокосос!

— Такого не может быть, ты сама говорила, что старше Сони только в три раза, — отозвался король. — Неужели ваши старые простолюдины ещё и считать не умеют? — обратился он ко мне. Я исподлобья глянула на него.

— А ну пошел вон из квартиры!!! — заходила тем временем бабушка. — Сейчас я Коле позвоню, расскажу, кого его фифа к себе таскает! Я милицию вызову! Будешь ждать, пока милиция приедет или сам пойдешь?! У меня половина отделения знакомых!!

Король сидел, как столб — бабушкины оскорбления его, конечно же, не трогали. А я просто не знала, что делать — положение было безвыходным. Зная бабушку, нечего было и надеяться быстро ее успокоить и уговорить не жаловаться родителям. И страшно подумать, что будет, если она пожалуется... В отчаянии я посмотрела на короля.

— Что мне сделать с этой старой простолюдинкой, Соня? — вполне правильно понял он мой взгляд.

— Сделай хоть что-нибудь, чтобы она родителям не пожаловалась! Только без вреда для нее!

Король кивнул с некоторым разочарованием, что-то пробормотал и повел рукой. Орущая бабушка разом сбавила громкость, широко зевнула и начала валиться на пол. Лид, конечно, и не подумал привстать, я еле-еле успела вскочить и поймать ее у самого пола. Но бабушка вдруг растворилась у меня в руках, да так резко, что я от неожиданного изменения центра тяжести чуть не ухнула носом в линолеум. С трудом

выпрямившись, я устало спросила:

— Лид, ты что с ней сделал?

— Усыпил и отправил к ней домой — она подумает, что все произошедшее ей привиделось. Но, честно говоря, если бы ты позволила мне обратить ее в пыль, мир бы не много потерял.

— Ты не знаешь ее как следует — бабушка не такая и плохая... — вяло заспорила я.

— Но достаточно несдержанная и глупая, чтобы довести до слез мою спасительницу.

— Я не плачу! — рявкнула я. — А если и плачу, то только из-за тебя и твоего ослиного упрямства! Иди в интернет или в другую комнату, а то я опять начну тебя трясти, как вчера...

Лид пожал плечами и поднялся с величественно-оскорбленным видом, но в это время раздался звонок в дверь. Я метнулась в прихожую и впустила Натку.

Она скинула пыльные босоножки, поглядела на меня и сидящего спиной к нам в кресле короля и хихикнула:

— Ух ты, вы опять успели поругаться? Вас прямо не оставишь. Сонька, чем ты оскорбила наше величество?

— Никто никого не оскорбил, здесь была моя бабушка.

— Ой, эта старая гримза? Тогда ясно. Хорошо я ее не застала.

— Думаю, еще застанешь — она же проснется, подумает, что ей все, что произошло, приснилось, и опять притащится, я ее знаю. Лид, знаешь что, держись поближе к моей комнате — не надо тебе попадаться ей на глаза...

— Эту твою просьбу я выполню с удовольствием, — согласился Лид.

— Надо же, эта старая гадюка даже пришельцам из других миров не нравится! — констатировала Натка с восхищением. — А я-то думала, они с нашим величеством споятся... Я прямо начинаю о нем уже хорошо думать... Я чего пришла-то, Сонь, — спохватилась она, поворачиваясь ко мне, — экзамены-то уже все, история у большинства, кроме двоечников, автоматом... Наши хотят отпраздновать, съездить в парк на пикничок. Пойдешь?

— Я-то пошла бы, но ведь он с нами потащится, — сказала я тоскливо, кивая на королевскую спину. Спина тут же продемонстрировала мне профиль, заправила прямые волосы за ухо для лучшей слышимости и поинтересовалась:

— Куда ты собираешься ехать, Соня?

— На пикник с однокурсниками.

— Компания плеебеев для тебя теперь не подходит.

— Я забыла тебя спросить, чего мне подходит! Ты можешь сидеть тут безвылазно, а я лично буду ходить, куда захочу!

Король развернул кресло и поглядел на меня.

— Не стоит так упорствовать в своих дурных привычках, иначе ты от них никогда не избавишься, — сказал он, изящно поведя рукой, — но если ты решила все-таки направиться туда, то я, конечно, пойду с тобой, поскольку ваш мир и до того не вызывал у меня доверия, а теперь, когда я посмотрел в ваш интернет, я точно знаю, что мои опасения за твою жизнь не беспочвенны.

— Ох... — простонала я, представив, каких дурацких подборок мог начитать в интернете Лид — и ведь теперь его не разубедишь. — Ладно, иди с нами, но не мешайся. Выбери, что тебе больше нравится — быть моим дядей из Подольска или невидимым.

— Не сказал бы, чтобы меня устраивала какая-то из этих ролей, — начал возражать упрямый как баран король, но тут Натка ойкнула. Мы повернулись и увидели, что на пороге прихожей опять стоит моя бабушка. Черт бы побрал этот бесшумный замок!

Бабушка пожевала губами и проговорила:

— Мда, сон-то был в руку. Что у вас тут за гулянка, Софья? — поинтересовалась она, заглядывая на кухню, — не успели родители уехать, она тут сидит в чем мать родила, и навела каких-то тореадоров! Вы кто такой?

— Это мой знакомый, мы вместе пришли, — поспешно сообщила Натка.

— Ну конечно, пришли вы. Да вы и не уходили, кого вы хотите обмануть, я вас в семь раз старше! Вся кухня водкой провоняла, отсюда чувствуется!

Я с запозданием поняла, что напиток в кувшине Лида, скорее всего, был алкогольным. Хотя я сомневалась, чтобы король глушил водку, но бабушке было достаточно и обычного вина, чтобы устроить светопреставление.

— Развели тут гулянку! Вся в мать! Я сейчас позвоню родителям-то, пусть они послушают...

— Лид!.. — застонала я в отчаянии. Король произвел вялый взмах рукой. Бабушка прекратила орать, сладко зевнула и начала падать на ковер. На этот раз ее подхватила Натка, и она растворилась в ее руках. Подруга недоуменно заморгала и поглядела на короля.

— Действительно, Соня, думаю, стоит на время уйти из этого дома, —

обратился он ко мне, — а то, думаю, скоро усыпление этой скудоумной простолюдинки станет для меня утомительной традицией. Превратить ее в пепел было бы эффективнее, я сразу это сказал...

— Ну! — оживилась Натка. — Тут я полностью тебя поддерживаю, твое величество!

Но ей все равно не удалось угодить королю. Он перевел свои двухцветные глаза на потолок и провозгласил:

— В который раз убеждаюсь, что простолюдины более жестоки друг к другу, чем могут быть жестоки к ним высокородные правители. Причем если наша жестокость является лишь следствием необходимости, то их — вызвана чистым злорадством, глупостью или завистью.

Натка беззвучно хлебнула ртом воздух. Мне снова почудилась в словах Лида какая-то толика справедливости, и от этого настроение мое окончательно испортилось. На пикник совсем уже не хотелось. Но перспектива еще одной встречи с бабушкой радовала меньше, поэтому я наклонилась и вытянула из-под маминой кровати пыльный серый рюкзак.

— Нат, отстань ты от его величества, ты его не переговоришь, помоги мне лучше собраться...

На время сборов король, к счастью, отвязался от нас и ушел в свою — мою комнату — наверное, читать. Нам сразу стало гораздо веселее. Я выяснила у Натки, что пикник будет проходить в лесопарке на Лосином острове, что несколько человек притащат многоспальные палатки и будут там ночевать, да и мы сможем, если захотим, остаться. Представив себе сочетание «король плюс многоместная палатка», я содрогнулась и честно сказала:

— Теперь я, Нат, вряд ли захочу...

— Ты так говоришь, будто у тебя грудной младенец, — вознегодовала подруга. — Его величество само к нам привязалось, пусть само и разбирается, чего ему лопать и где спать, я так считаю.

— Ну, я тоже... — сказала я уныло.

— Не говорила ты с ним еще? — оглянувшись на дверь комнаты, понизила голос подруга.

— После тебя? Нет, я подождать хочу, а то мне как-то страшно.

— Ну, это понятно... Ладно, Сонька, прорвемся, я с тобой. Давай этому величеству придумаем, кто он такой будет, если ему неудобно быть невидимым дядей из Подольска. Еще надо что-то такое выдумать, чтобы его вечные приколы вроде как оправдать... За иностранца он не сойдет?

— Не знаю, он же говорит без акцента... И вообще, больше всего он похож не на иностранца, а на того, кто он и есть: на инопланетянина.

— А кроме этого?.. Слушай, а давай все-таки он у нас будет приезжий — ну не найдешь таких в Москве. Необязательно делать его родственником, пусть будет какой-нибудь там сын друга твоего папы. Приехал Москву посмотреть и успокоить нервы.

— Нервы?

— Ну да. Он же часто ведет себя, как больной, так давай он у нас приедет лечиться от этих, как их... Неврозов, психозов и клинических депрессий. Ему типа нужно развеяться. А другим скажем, чтобы его не беспокоили, пусть, типа, отдыхает...

— Не согласится он ни за что. Он терпеть не может, когда его больным считают. Тем более, на голову.

— Ага, у кого что болит... — проворчала Натка и снова понизила голос:

— А я сейчас на улицу выйду и звякну Гошке с мобилы, сразу предупрежу, он остальным скажет, чтобы к нему не лезли, и все дела.

— Давай! — обрадовалась я и сказала громко:

— Нат, тебе же тоже собраться надо. Ты иди, а я пока тут закончу.

Натка деловито кивнула и выбежала из квартиры. Я закрыла за ней, подумав, задвинула еще и щеколду, чтобы избежать неожиданных приходов бабушки, и пошла посмотреть, что там делает Лид.

Его величество сидело в кресле, пялилось на стенку и изволило пускать мультики. На этот раз картинка показывала жуткую грозу, льющуюся из синей беспросветной тучи. Беззвучно сверкали молнии. Гроза обливала беспомощную кучку каких-то деревенских домиков. Зрелище было настолько впечатляющим, что я зависла на пороге, пялясь в стену. К тому же, у меня возникло опасение, что гроза является отражением внутреннего королевского состояния, хотя он и утверждал, что не подвержен гневу. Возможно, опасалась я зря, потому что, хотя я ничего не говорила, но гроза начала проходить, тучи расползлись в стороны, и над деревенькой повисла толстенная двойная радуга.

— Красота! — искренне похвалила я. Лид обернулся на звук моего голоса — мультик тут же погас.

— Спасибо. Ты имела в виду грозу или радугу?

— Да все вместе, в сочетании... Слушай, Лид, я тут уже собралась, сейчас подождем Натку и поедем... Мы... То есть я подумала — наверное, не стоит называть тебя своим родственником. Я скажу, что ты просто знакомый моего папы из другого города, что ты приехал отдохнуть от нервной работы и тебя нельзя дергать. Годится?

Лид кивнул.

— Хорошо. Если это действительно заставит простолюдинов не разговаривать со мной, будет еще лучше.

— Можешь даже сказать им, что ты король, — предложила я великодушно.

— Чтобы они подумали, что у меня не все дома? — вдруг усмехнулся Лид, глянув на меня. Я спрятала глаза и пробормотала:

— Какое тебе дело, что подумают простолюдины...

— Это хорошо.

— Что хорошо?

— Что ты начинаешь свыкаться со своим высоким положением.

— Да здорово! Сейчас от счастья запрыгаю, — бросила я и пошла делать бутерброды для пикника.

Выйдя из дома с рюкзаком, бутербродами и Лидом, я поймала Натку на полпути к вокзалу — ехать пришлось опять на электричке. Я уже морально готовилась к новым приключениям, но все обошлось. В вагоне было свободно, поэтому мы облюбовали пару сидений, засунули короля в угол, а сами уселись рядышком и принялись болтать ни о чем. Я уже успела привыкнуть к присутствию Лида, так что он меня не стеснял — все равно наши разговоры наверняка казались ему недостойными его королевского внимания. Король пялился в окно, изучая проплывающие мимо бетонные заборы, исписанные хулиганскими надписями. Иногда он даже немного вытягивал шею, чтобы прочитать конец того или иного ругательства. Натка, уткнувшись мне в плечо, давилась смехом, я пыталась делать невозможное лицо и отворачивалась. К счастью, проехать нужно было всего пять остановок. Мы вышли из электрички на небольшой станции и заглядывались в поисках однокурсников, но их почему-то не было.

— Странно, — удивилась Натка и с подозрением поглядела на Лида. Тот ответил ей нелюбезным взглядом и вскинул голову.

— Сейчас позвоню кому-нибудь, — сказала я, доставая мобильник. — Маринке, например...

Маринка, до которой я дозвонилась, радостно сказала, что они, оказывается, перепутали время, Натке сказали неправильное, а большая часть народу пришла пораньше. Так что остальные теперь должны добираться до места по отдельности. А они, дескать, встретят нас на детской площадке у края парка и проведут вглубь.

Не будь тут короля, я бы точно сказала вслух, что думаю о своих безалаберных однокурсниках, но сейчас мне лишний раз не хотелось подтверждать его мнение о «тупых плебеях», поэтому я, изобразив кислую улыбку, передала информацию Натке. Та выслушала меня, явно хотела

выругаться, но покосилась на короля и тоже передумала. Мы молча двинулись с вокзала, пыхтя от жары под нашими увесистыми рюкзачками. Лид шел следом налегке, грациозно помахивая руками и изучая окрестности. Солнце, как назло, вышло из-за тучи и начало печь, а до лесопарка нужно было еще пройти не меньше километра по открытому пространству. С каждым шагом мне становилось все жарче, а смотреть на короля все противнее. Но я, конечно, крепилась и молчала, и первой подала голос Натка.

— Ну, я понимаю, я... — сказала она задумчиво. — Я плебейка и все такое, мне можно всякие тяжести таскать, но ты бы, твое величество, хоть у своей спасительницы рюкзак принял, а?

— Взять у тебя рюкзак, Соня? — как послушный робот, без интонации, поинтересовался король.

— Ну возьми, — отозвалась я в некотором сомнении и стянула с себя рюкзачок. Лид легко взял его чуть ли не одним пальцем и, не глядя, протянул Натке. Та выпучила глаза:

— Чего ты мне-то его даешь?!

— Ты сама сказала, что поскольку ты плебейка, то можешь таскать тяжести...

Тут мы все остановились, потому что Натку скрючило от смеха. Король недоуменно глядел на нее, а я только устало вздыхала.

— Ой, вот дает! — икнула Натка. — Ой, аж слезы на глазах. Надо же, чего выделяет! Убери от меня этот рюкзак!

— Лид, в нашем мире считается невежливым мужчине нагружать женщину тяжестью, — принялась объяснять я недоумевающему королю. — Считается вежливым наоборот, при первой возможности взять все тяжести у женщины.

— У любой женщины? — уточнил король.

— Да, у любой.

— И любой мужчина, даже высокородный?

— Да хоть принц Уэльский! — отрубила я решительно. Принц Уэльский на Лида почему-то подействовал. Он перестал совать мой рюкзак Натке, совершил несколько манипуляций рукой, и моя поклажа взлетела в воздух и закачалась над нашими головами. То же самое попытался сделать и Наткин рюкзак, причем вместе с самой Наткой.

— Эй, поаккуратнее колдуй, а! — завопила она, болтая ногами. Я кинулась выпутывать подругу из лямок под отстраненным взглядом Лида, который, видимо, решил, что он уже и так совершил все, что мог. Кое-как мне удалось расстегнуть лямки, рюкзак взмыл вверх, а Натка упала на

меня. Я с трудом удержала ее, мы хихикнули, поглядев друг на друга, и пошли вперед. Рюкзаки летели над нами.

— Ой, — вдруг сообразила я, — тут же, хоть и пустырь, но люди могут попадаться — еще увидят... Знаешь что, Лид, если можно, опусти рюкзаки так, чтобы они летели прямо за нашими спинами, будто прикреплены.

Король кивнул и вроде бы ничего не сделал, но рюкзаки тут же уткнулись нам в лопатки, а мы для конспирации вделись в лямки.

Таким образом мы достигли, наконец, лесопарка и нырнули под тень деревьев.

— Слушай, где там должна быть эта детская площадка? — спросила я у Натки. — Не пойму, куда идти.

— Ну пошли по этой тропинке, — предложила Натка беззаботно.

Тропинка была узенькой, мы шли гуськом, причем вредный Лид вклинился между мной и подругой. Идя за ним, я видела, как он внимательно разглядывает деревья и кусты — может, ищет материалы для своих «мультиков»?..

Тропинка оставалась такой же узкой, а детской площадки не было видно. Людей тоже не попадалось, только иногда слышались в отдалении весьма нетрезвые голоса. Я поежилась и прибавила шаг, но тут впереди что-то затопало и затрещало. Из-за поворота тропинки резко выскочил здоровенный бежевый пес — боксер, плоскомордый, слюнявый и ощеренный.

— RRRRRRR!!! — сказал он. Впереди идущая Натка ойкнула и спряталась за короля, я быстро наклонилась и схватила какую-то палку, которая оказалась тонкой и трухлявой. Лид бросил на нас взгляд через плечо, но шаг не замедлил и не убыстрил, продолжая идти вперед.

— RRRРАВ! — выдал пес, и вдруг начал пятиться, потому что король загородил ему весь проход. Все же на остатках упрямства он попытался броситься на Лида, сделал маленький скачок вперед, втянул носом воздух и застыл, мелко дрожа. Король тоже остановился и, видимо, хотел что-то сделать, но тут из-за поворота показалась отдувающаяся полная женщина в просторном белом сарафане.

— Чарли, иди сюда! — крикнула она лениво.

— Вы чего такую собаку выпускаете без поводка? — возмутилась Натка. — Она нас тут чуть не съела!

— Девушка, он не кусается, — протянула баба презрительно, — сами, небось, дразните, вот и лает на вас...

— Не дразнили мы его! — поддержала подругу я. — Почему вы его на поводок не возьмете? Ведь даже по закону положено!

— Плевала я на закон, навывдумывали, будут мне тут всякие дуры указывать. Спасибо скажи, что не загрыз, — бросила баба и попыталась отпихнуть с дороги стоящего как столб Лид. Король брезгливо отшатнулся и коснулся бабы кончиком пальца. Баба всплеснула руками и вдруг пропала. А через секунду на ее месте возникла собака ровно такой же породы — боксер, только женского пола и совершенно беззубая.

— Фаф! — сказала она офигело. — Шаф-шаф-шаф!

Настоящий боксер задрожал пуще прежнего, заскулил и начал пятиться в кусты, но Лид вдруг, изящно наклонившись, одной рукой поймал его за шкурку, а другой достал из воздуха нечто вроде поводка с двумя крючками. Поводок подлетел к ближайшему дереву и завязался вокруг него на узел. После этого король аккуратно прицепил оба крючка к ошейникам собаки и бывшей хозяйки. Обе псины выли и скулили, как ненормальные. Лид смерил их спокойно-скупающим взглядом, выпрямился, повернулся ко мне и сказал:

— Пойдем, Соня.

— Гм, Лид, спасибо тебе, конечно, — заговорила я в сомнении, — вообще-то ты прямо мою давнюю мечту исполнил...

— Я рад.

— ...Но все-таки это нехорошо. Они тут с голоду помрут. Особенно она, у нее же нет зубов...

— Не помрут, — качнул головой король, начиная идти вперед, — это заклинание не вечное. Оно продержится не больше суток. Ты ведь сказала мне не доводить до смертоубийства, я помню это.

— А, ну тогда ладно, — сказала я неуверенно. Тут Натка захохотала во весь голос.

— А у тебя юморок, твое величество! Бабу в беззубую шавку превратить! Кстати, чего этот бульдожка как тебя понюхал, так весь затрясся?

— Животные боятся высокородных, они чувствуют сильную магию в нас, — машинально ответил Лид, и, видимо, спохватившись, что разговаривал с простолюдинкой, вздернул голову на прежнюю недостижимую высоту и умолк.

— Животные, говорят, не любят плохих людей, — прошептала Натка мне на ухо.

— Не знаю, — прошептала я в ответ, — а я вот не люблю плохих животных. Он нас чуть не сожрал.

— Уже защищаешь свое величество?

— Натка, отстань. Скажи лучше, где тут эта площадка?

— Не знаю — мы, наверное, заблудились. Позвоню сейчас Маринке.

Разговор с Маринкой затянулся. Мы успели протопать, наверное, километр, прежде, чем Натка положила трубку и мрачно сказала:

— Короче, мы не туда пошли. Нужно искать какую-то перпендикулярную тропку, а где — не знаю.

— Вы заблудились, Соня? — тут же поинтересовался Лид, оглянувшись на меня.

— Не вы, а мы, — поправила я. — По-моему, да.

— Не мы, а вы, — поправил меня он. — Я могу перенести нас куда угодно.

— Нам нужно к Марине... Не знаю, как ты это сделаешь.

— У тебя нет предмета, принадлежащего ей, или ее портрета?

Я пошарила по карманам.

— Какие там предметы...

— А у меня ее фота есть в мобильнике! — обрадовалась Натка. — Мелкая, правда, но, может, пойдет тебе?

Она сунула мобильник королю под нос. Тот, щуря двухцветные глаза, взгляделся, поперебирал пальцами в воздухе, будто настраивал невидимую гитару, и застыл.

— Ну чего, не выходит? — поднялась я на цыпочки.

— Почему? Эта простолюдинка там, за деревьями, — король жестом бронзового памятника вытянул руку вперед. Натка ускорила шаг и побежала. Через полминуты мы слышали ее вопль:

— Детская площадка! Идите сюда!!!

— Вот спасибо, Лид! — сказала я обрадовано и побежала за подругой. Король, не меняя скорости, брел следом, поэтому на детскую площадку прибыл уже тогда, когда мы с Наткой стояли в самой гуще одноклассников.

— А быстро вы нашлись, — сказала Марина и вдруг увидела подходящего Лида, — ой, а это кто?

— Помните, я вам рассказывал? — прошептал наш очкастый отличник Гоша, оглядываясь.

— А! — зашумели все громогласно. — Нервнобольной друг семьи!

— Тише! — зашипела я страдальчески. — Лид, иди сюда!

Лид пошел, сопровождаемый двадцатью любопытными взглядами, которые его, конечно, ничуть не смутили. Костюм тореадора он под моим давлением все-таки сменил, наколдовав прежнюю пышную рубашку. Снизу все равно остались коричневые ботинки и сапоги до середины икры — видимо, старомодный Лид джинсы все же недолго любил. Но больше всего привлекал внимание не его костюм, не высокий рост, не длинные,

убранные во что-то вроде мальвинки, волосы, и даже не странные двухцветные глаза, а именно манера держаться, по которой за версту было видно, что он не из нашего мира. Однокурсники несколько оробело хихикали и пихали друг друга локтями.

— Куда теперь, Соня? — подойдя, поинтересовался у меня Лид.

— Сейчас пойдем на одну полянку, там можно палатки поставить и костерок разжечь, — ответила ему Марина. — Да вы не беспокойтесь, отдыхайте...

Лид, естественно, ничего не ответил и пошел рядом со мной. Счастливица Натка нырнула в гущу однокурсников и о чем-то заболтала там, а люди, шагающие рядом со мной и торжественным королем, почему-то все как один помалкивали, а если я к ним обращалась, бормотали что-то неразборчивое. Не выдержав, я отправилась на поиски Натки, нашла ее, и вокруг нас тут же образовалась мертвая зона, потому что король, конечно же, все это время тащился за мной. «Ладно еще псих, но ведь он здоровенный такой!» — уловила я чей-то опасливый шепот.

— Эх, Лид, смотрю, ты такой компанейский человек, — вздохнула Натка. — Люди к тебе так и тянутся, так и тянутся...

— Люди ко мне не тянутся, и правильно, потому что они мне не нужны, — отрезал король. Я про себя отметила, что он все-таки начал отвечать Натке, хоть и противным голосом — уже хоть какой-то прогресс.

— А мы вам мешать не будем, не волнуйтесь, — лебезливо влезла в наш разговор Марина, глядя на короля так, будто и правда знала, что он — король, а она — простолюдинка. — Там место хорошее, даже купаться можно. Для нервной системы очень полезны водные процедуры.

— Соня, ты же сказала, что они не будут со мной разговаривать, — вдруг предъявил ко мне претензию король. Марина пискнула:

— Ой, извините, молчу-молчу, — совершила что-то вроде полупоклона и исчезла за спинами однокурсников. Натка рассмеялась. Мне было далеко не так весело. Сама бы я с очень даже большим удовольствием приняла упомянутые «водные процедуры», но неизвестно, как на это среагирует король, не полезет ли в воду за мной, а если полезет, то в каком виде — во всей одежде или вовсе без оной, что, впрочем, одинаково подтвердит его полную ненормальность в глазах моих однокурсников. Пока я думала, как под шумок объяснить Лиду, что такое плавки, мы, наконец, куда-то пришли.

Это оказалось и правда очень красивое место: небольшая круглая полянка, поросшая какими-то мелкими белыми цветочками и мягкой, будто причесанной травкой. Вокруг нее росли сосны, в середине виднелось

большое кострище, но мусора, к счастью, было совсем немного, и тот кто-то сгреб в одну кучу.

— Ух ты, прямо рай! — воскликнула Натка.

— Ага, — согласилась я.

— А это здесь зачем? — поинтересовался Лид у меня, показывая на мусор.

— Низачем. Это отходы.

— Значит, надо их убрать.

— Надо, так убери, — огрызнулась я, — а мне и так хорошо. Если хочешь знать, для Москвы тут вообще чисто.

— Да, а для болота — сухо, — издевательски сообщил король, разглядывая замшевый сапог, намоченный в небольшой дождевой лужице с краю поляны.

— Нет, как они грызутся! — сказала Натка с восторгом. — Это же обалдеть!

Мы замолчали. Король отошел на несколько шагов, а мы с Наткой побежали на чей-то зов помогать распаковывать палатку. В очередной раз пробегая по поляне с кучей разномастных колышков, я краем глаза заметила, что мусор исчез, на его месте выросли элегантные синенькие цветочки вроде очень мелких незабудок, а в цветочках сидит Лид и созерцает все происходящее на поляне с королевским презрением.

Я тяжело вздохнула и вручила колышки Лене Тяпкиной. Та заботливо посмотрела на меня и сказала:

— Сонь, а чего ты рюкзак-то не снимешь? Тяжело ведь! Помочь тебе?

— Какой рюкзак? А, рюкзак, — спохватилась я, вспомнив о своей невесомой поклаже. — Да-да, сейчас сниму.

— И Наташа тоже в рюкзаке чего-то ходит... Неужели вам не тяжело?

— Да, они у нас легкие... Натка!!!

Натка подлетела ко мне на всех парах. Я взяла ее за локоть, отвела немного в сторону и прошипела:

— Мы забыли про рюкзаки! Давай их снимать.

— Блин, — спохватилась Натка, — давай, а как?

— Пошли вон под ту сосну, все равно на нас сейчас никто не смотрит, кроме Лида...

Встав под сосну, мы с трудом вынули руки из лямок. Рюкзаки остались висеть за нами.

— Черт, — срезюмировала подруга и попыталась нырнуть под рюкзак, но тот оставался на ее спине, как пришитый. Смотрелось это все, учитывая свободно свисающие лямки, весьма неестественно.

— Лид! — зашипела я неохотно и поманила короля рукой. Тот поднялся из цветочков и поплыл к нам.

— Рюкзаки с нас сними, — переводя дыхание, попросила я. Король шевельнул пальцем, и тут же раздался дикий грохот: это в разом упавших наземь рюкзаках застучали друг об друга посуда и другие мелкие бьющиеся предметы.

— Ну, ваше величество, если что разбил, сам чинить будешь! — сообщила ему Натка, копаясь в рюкзаке. — Не, у меня, вроде, все цело... А у тебя, Сонь?

— У меня тоже.

— Ну естественно, — оскорблено встрял Лид, — неужели ты думаешь, что я не учитывал, снимая заклятье, что там может быть нечто бьющееся?

— Я вообще не думаю, потому что только недавно переродилась из тупой простолюдинки в твою спасительницу, — отмахнулась я от него и пошла к палаткам, волоча рюкзак за собой. По пути я наткнулась взглядом на синие цветочки, пощупала их ботинком, потом, присев, рукой, а потом что-то заставило меня оглянуться.

— Сонка, — тоже глядя на меня, сообщил подошедший король. Я вздрогнула.

— Чего??

— Нет, это цветы так называются, у нас.

— Красивые, — одобрила я и сорвала пару штучек. — А почему они сонки — спать от них, что ли, хочется?

— Колдуны из простолюдинов варят из них так называемое сонное зелье, — король слегка усмехнулся, — но на самом деле, чтобы заснуть от них, нужно съесть примерно две таких поляны...

Я хихикнула.

— Да, теперь у нас благодаря тебе будут расти инопланетные цветы.

— У вас их и так много, — отозвался король, глядя на меня сверху вниз.

— В смысле?

— В буквальном. У вас много цветов и растений из других миров. Ничего удивительного, попасть в другой мир, как ты должна была понять, не так уж трудно.

— Ух ты-ы-ы... — протянула я, растопыривая глаза, — здорово!

— Ты говоришь, как я в детстве. Меня тогда тоже почему-то привлекал этот факт.

— Мда, почему-то, — пробормотала я, вздыхая и ощущая что-то вроде досадливой жалости к Лиду. — Ладно, посиди пока тут, нам палатки надо

поставить и костер развести... И вот еще что. Мы тут, может, купаться будем. Так пока я не скажу, ты в воду не лезь.

Лид приподнял брови.

— Почему? Я умею плавать.

— Мы купаемся в определенной одежде, так я хотела, чтобы ты...

— Да, я знаю, в купальниках и плавках. Видел по телевизору. Чего ты хотела?

— Гм, теперь уже ничего. Садись в цветочки, а я побежала.

Король послушно уселся и, запрокинув голову, уставился на кроны сосен. Некоторое довольно долгое время мы с Наткой от него отдыхали, ставя палатки, разжигая костер и пересмеиваясь с однокурсниками. Немного портило нам удовольствие лишь то, что последних приходилось убеждать, что «папин друг» хоть и немного странноватый, но не буйный, и никому по случайности врезать не может. Драться, конечно, королю помешало бы не излишнее человеколюбие, а излишняя гордость, но я про это промолчала, и постепенно все, в том числе и мы с Наткой, успокоились.

Но вскоре снова нашлась причина для волнений: ребята начали настойчиво агитировать нас купаться.

— Тут озерцо за деревьями, классное такое! — искушала нас Марина. — Вода хорошая, искупнитесь с дороги!

— Ну, э... Может, мы попозже... — протянула я, переглядываясь с Наткой.

— Да ладно вам, чего вы! Пошли! — гаркнул тощий загорелый Пашка Симкин и решительно потянул меня за руку к деревьям, закрывающим озеро. Я неуверенно упиралась. Конечно, такую картину король мог наблюдать со стороны недолго — он возник рядом со мной так неожиданно, что я чуть не подпрыгнула, и подозрительно спросил:

— Тебя избавить от этого простолюдина, Соня?

— Нет, нет! — испугалась я за Пашку и выдрала руку. — Он так шутит. Просто он нас с Наткой купаться зовет.

— А вы не хотите?

— Мы хотим.

— Так идите, — разрешил Лид. Натка раскланялась перед ним.

— Вот спасибо-то, ваше величество. Пошли, Сонь, правда. Пусть он чего хочет, то и делает.

Король, конечно, не хотел ничего, кроме как тащиться за нами хвостом. Под его унылой охраной мы пролезли сквозь буйные заросли молодых кустов и оказались на берегу маленького то ли озерца, то ли пруда. Он был немного заросшим, в него насыпалось довольно много хвои,

но вода грязной не казалась. На другом берегу было несколько купальщиков — парочка парней, мужик с собакой и семейство с детишками мал мала меньше. Я разделась до купальника и двинулась к воде, косясь на Лида. Тот с большим достоинством и эстетизмом тоже начал раздеваться.

— Абзац, как на подиуме, — хихикнула мне на ухо Натка, — слушай, Сонь, а в чем у них купаются?

— У них — не знаю, но насчет наших купальников он в курсе, — успокоила я ее.

— Уф, слава богу, а то я думала, по полной с ним тут опозоримся... Хотя ничего: придумали бы, что он сторонник нудизма.

Я ничего не ответила, с напряжением глядя на Лида. Под его костюмом действительно оказались нормальные то ли черные, то ли синие плавки — я вздохнула с облегчением. Фигурой король, оказывается, вышел хоть куда, поэтому без одежды, что бывает редко, выглядел не хуже, чем в ней. Несмотря на аристократично бледную кожу, он не производил впечатления задохлика — даже можно было разглядеть кое-какие мышцы, что удивительно при том, что, судя по всему, он давно уже в своей жизни напрягал только пальцы и горло для колдовства. Может, втихую качается или сколдовывает с себя лишний жир?... Пока я размышляла над этим, Натка уже успела окунуться. Я с удовольствием последовала ее примеру — озеро оказалось и правда теплым.

— Класс! — воскликнула Натка, переворачиваясь на спину и отбрасывая мокрые волосы. — Иди к нам, Лид, чего ты там встал!

— Мда... — неуверенно поддержала ее я. Король с достоинством равномерным шагом вошел в воду и величаво поплыл к нам по-собачьи. Позади меня громко хрюкнула Натка, и тут же забулькала — не иначе, утонула со смеху. У меня тоже улыбка поползла на уши. Хотя, конечно, король плыл не в точности, как собака — он греб руками несколько размашистей и медленнее, но все равно смотрелось это ужасно смешно.

— Ы-ы-ы-ы... — простонала Натка, выныривая возле меня.

— Ой, — тихо сказала вежливая Лена, — все-таки какой интересный человек этот ваш знакомый... — с этими словами она поспешно отплыла подальше, и вокруг нас снова образовалась мертвая зона. Однокурсники сбились в кучку в стороне, и оттуда доносился подозрительно громкий ржач. Я даже не сердито, а уже грустно посмотрела на приближающегося собачьим стилем Лида и вздохнула:

— Значит, ты умеешь плавать, да?..

— Как видишь, — отозвался он и, к счастью, перевернулся на спину.

— Гм, вижу, — пробормотала я, — ну, плавай-плавай, вот тут у берега,

а мы на середину озера сплаваяем пока, ладненько?

Король как-то недовольно прищурился и, кажется, собрался возражать, но тут влезла Натка.

— Скажи, ваше величество, — прошептала она с наипочтительнейшим видом, — а у вас все таким стилем плавают, или только особы королевской крови?

— У нас все плавают разными стилями, — недовольно отозвался Лид, видимо, приняв, наконец, Натку, как неизбежное зло. — Я, естественно, тоже. Такой стиль я использую, когда нужно плыть медленно.

— А если быстро? — заинтересовалась я. Король удивился.

— Куда здесь плыть быстро, Соня? Этот водоем очень небольшой.

— Ну просто так. Интересно на стиль посмотреть, — пристала к нему я.

— Ага, — поддержала меня Натка и явно приготовилась еще посмеяться. Король посмотрел на меня, потом молча опустил голову в воду, так что его волосы распределились по поверхности, как светлые водоросли, и сделал непонятный комплекс взмахов руками и ногами. Через секунду он бы уже чуть ли не на середине озера и продолжал продвигаться странными подпрыжками, поднимая порядочные брызги.

— Ни фиги себе, — пробормотала Натка, — наше величество, оказывается, баттерфляем умеет.

— Это баттерфляй?

— Что-то вроде. Самый тяжелый стиль — видишь, как он над водой поднимается? Я в бассейне занималась, так и не научилась. Здоровенный же он у тебя, сил девать некуда...

— Почему у меня-то... — вяло заспорила я, но меня отвлекло брызгучее прибытие Лида. Король остановился, высунулся из воды, отморгался и первым делом уставился на меня.

— Здорово! — похвалила я его. Лид промолчал, кажется, удивился, но явно остался доволен и снова улегся на спину.

Вылезли из воды мы быстро. Впрочем, я могла бы посидеть и подольше, но неожиданно с другого конца озера приплыли двое мелких пацанов, которые принялись брызгаться друг в друга. Часть брызг тут же попала на короля, а волны, поднятые пацанами, плеснули ему в лицо. Лид, конечно, никак не отреагировал, лишь чуть повернул глаза в их сторону и, как кит, выпустил из носа презрительный фонтан попавшей в него воды, но пацаны продолжали брызгаться. В следующий раз брызгами окатило с ног до головы меня, и теперь королевский взгляд в сторону мальчишек стал куда более внимательным.

— Лид, пошли, — сказала я поспешно, — я уже замерзла вся.

— Неудивительно, если учесть, как ты позволяешь обращаться с собой простолюдинским отпрыском, — обронил король, но все же двинулся к берегу.

— Мда, а пацаны-то и не знают, что их чуть не заколдовали, — прошептала Натка мне в ухо. Но тут ничего не знающие пацаны окатили и ее, да так, что она стремглав выскочила на берег вслед за мной.

Мы вернулись к палаткам. Люська Ферзина позвала нас к костру и вручила сосиски на кривых палочках. Лид брезгливо отложил свою палочку в сторону и отряхнул руки, но хотя бы промолчал.

— Девчонки, слышите, а вы ночевать-то, что, не будете? — поинтересовался у нас Пашка, кидая в костер сучки.

— Ну почему, — вздохнула я, тоскливо поглядывая на короля, — мы бы, в общем, не против, но вот ему... Эммм... Неудобно спать во многоместной палатке.

— Тебе тоже, Соня, не стоит спать на земле, и с таким количеством... Человек, — сообщил Лид безапелляционным тоном — хорошо еще не упомянул про простолюдинов, наверное, не хотел лишних выяснений.

— Ха! — уставился на него Пашка. — Да ты найди мне палатку, где спят не на земле!

Поганый король отвернулся от него, как от пустого места, и не ответил, но Пашку, к счастью, отвлекла верная Натка, изо всей силы ткнув в него острой веткой и громогласно извинившись.

— Лид, чего тебе опять надо?! — зашипела я в непросохшее после купания королевское ухо, пока Пашка и Натка выясняли отношения. — Я хотела бы тут остаться на ночь, но у нас с Наткой нету никаких палаток, мы можем спать только во многоместных. Мы всегда так делали, и ничего с нами там не случится! А ты, если это унижает твое достоинство, можешь поспать на улице или наколдовать себе личную палатку!

— Соня, зачем ты проявляешь лишние эмоции? При твоём положении это не нужно, я не плебей и сразу тебя пойму. Если ты хочешь остаться, я сделаю для тебя и себя отдельное место ночлега...

— Только дворец не строй! — предупредила я. Король взглянул на меня укоризненно, дескать, «сколько можно считать меня тупым плебеем» и пожал плечами.

— А Натка? — напомнила я без особой надежды. — Пусть она тоже будет с нами.

— Вот как раз она прекрасно проведет время в многоместной палатке, — король кивнул на мою подругу, которая болтала и хохотала с

Пашкой и девчонками. Я завистливо вздохнула — вокруг нас с Лидом, конечно же, была большая мертвая зона...

День пикника проходил как всегда, суматошно и весело: часть однокурсников купалась, часть болтала и ела; потом все собрались возле костров и принялись играть в разные устные и настольные игры типа мафии, домино, шашек и монополии. Лиду, конечно, тоже предлагали, он, естественно, не отреагировал, и я осталась рядом с ним, как унылый страж. Натка бегала между однокурсниками и нами с Лидом, но иногда заигрывалась и про нас забывала. Постепенно вечерело. Настроение у меня портилось не по дням, а по часам, раздражение накапливалось, и я чувствовала, что вот-вот взорвусь. Лид сидел на земле с каменным лицом, скрестив ноги и выпрямив спину, с руками на коленях, как статуэтка некоего вредного божества...

...Марина подошла к нам, конечно, очень вовремя — я уже дошла до ручки и готова была завопить Лиду, чтобы он убирался обратно в свое королевство и погубил там сколько ему нравится людей, а меня оставил в покое.

— А что вы тут одни сидите? — кокетливо спросила она у короля и отбросила длинные темные волосы. — Вам не скучно?

— Нет, — прошипела я сквозь зубы. — То есть ему весело, а меня никто не спрашивает.

— А, вы не любите большие компании? — вошла Марина в положение нервнобольного, наклоняясь к королю. Король оцепенел от такого хамства и только смотрел на нее широко открытыми двухцветными глазами.

— А давайте мы отпустим Соню, и я сама с вами посижу, — пела Марина дальше. Тут уж на нее вылупилась и я. Чего это с ней? Неужели положила глаз на короля, и это после всего, что я о нем наплела?!

— Ну так что? — липла Марина. Король вдруг очнулся от столбняка, сменил положение и небрежно сказал мне:

— Соня, если тебе действительно хочется этих плебейских развлечений, можешь идти. Я буду здесь.

— И правильно, побудьте, вам нужно сейчас в тишине побольше посидеть, — не преминула подольстить ему Марина. Король не ответил. Я встала и поманила однокурсницу к себе.

— Поди сюда. Лид, я сейчас поговорю с ней и верну ее...

Отведя недовольную Марину подальше от короля и сунув ее за елку, я быстро зашептала:

— Ты чего это, а? Он тебе что, понравился?

— А почему нет? Я такого красавца даже во сне не видела!

«А я вот видела... — подумала я. — И даже очень похожего... Ага, всем, кроме характера». А вслух зашипела:

— Я же вас предупреждала, что у него с нервами непорядок! Он очень странный!

— Ты же говорила, что он не опасный.

— Ну, говорила, — признала я с неохотой.

— Ну и все! А странности его меня не волнуют. То есть, волнуют... — она мечтательно улыбнулась, — знаешь, у него вид и манеры, как у потомственного аристократа... Ой, ты чего так морщишься?

— Комар укусил, — буркнула я и вдруг почувствовала раздражение теперь уже против Марины. Да чего я буду ее отговаривать?! Пусть себе сидит со своим «потомственным аристократом» сколько влезет, а я хоть отдохну!

— Ладно, уговорила, — сказала я угрюмо, — но не удивляйся, если он тебе вообще отвечать не будет, у него очень много странностей.

— Не беспокойся, уж я его разговорю, — беспечно отозвалась Марина, снова поправила волосы, одернула узкие джинсы и, бодро перебирая изящными туфельками на небольшом каблучке, ринулась к королю. Я же сплюнула с досады, и, загребая землю кроссовками, пошла к однокурсникам.

К моему удивлению, король не прогнал Марину враз и даже не заколдовал. Они мирно сосуществовали рядом: издали я видела беспрерывно открывающийся и закрывающийся Маринин рот и Лидов отрешенный взгляд, которым он водил по поляне, иногда задерживаясь на мне. Жаль только, что от частого оглядывания у меня затекла шея и окосели глаза, и к тому же, я даже не запомнила, во что мы играли: в карты, шашки или вообще в мафию.

— Э, высокородная Сонька, очнись от транса! — толкнула меня под ребра Натка. — Никуда твое величество не сбежит, и Маринка это счастье у тебя не отберет, она ему на фиг не нужна.

— Чего ты несешь чепуху! — вскинулась я. — Как будто мне он зачем-то нужен!

— Ну так и забудь про него, а то вы так через всю поляну переглядываетесь, что скоро оба шеи свернете, — рассмеялась Натка.

— Да ну тебя к черту, — выпалила я и решительно погрузилась в игру, попутно с удивлением обнаружив, что играем мы все-таки в карты. Спина у меня так и чесалась, в затылке зудело, а в голове плавали разные картины того, что сейчас может сделать король с Мариной, а также Марина с королем... В любом случае, будет скандал, а разбираться мне! Но все-таки

я подавила искушение оглянуться, нарочно посмотрела в другую сторону и разом позабыла про Лида: к нашему костру в компании каких-то двух бородатых парней подходил Саша. Я положила карты на колени, схватила их снова, чуть привстала, села обратно, хотела поправить волосы, но вдруг вспомнила обидные слова короля о «странных движениях» и застыла столбом.

— Привет всем! — поздоровался Саша бодро, подходя к костру и потирая руки над пламенем. — Примете одиноких путников в свою обитель?

— Примем! — сказала я не своим, каким-то петушиным, голосом. Саша посмотрел на меня сквозь костер и улыбнулся.

— А, Сонь, и ты тут тоже? Как поживает твой психованный родственник?

— Нормально, — выдавила я, борясь с огромным искушением обернуться и поглядеть, не появился ли прямо за моей спиной Лид. Саша беспечно кивнул и продолжил, обращаясь уже не ко мне, а ко всем сразу:

— А мы тут с корешами гуляем. Тоже сессию празднуем.

— Позвольте присоединиться, красны девицы и добры молодцы? — басом поинтересовался один из его бородатых спутников.

— Присоединяйтесь! — зашумели все. Саша плюхнулся у костра обидно далеко от меня и крикнул.

— Вот и классно. Тем более, что у нас с собой было. А у вас?

— А как же ж? — залихватски отозвался Пашка Симкин. Раз далось характерное стеклянное позвякивание. Люська поморщилась.

— Ну во-о-т, ребят, вы чего, не можете хотя бы разок без выпивки обойтись? Тут и милиция иногда ходит.

— Да ладно, Люсь, — тут же прервал ее Пашка, — чего нам милиция, мы же не забулдыги, мы простые студенты, по чуть-чуть квасим. Тем более, повод есть! Ну не сердись, Люсенька!

— Алкоголик будущий, — пробормотала Люська и отвернулась. Мы с Наткой тоже недовольно поморщились, но Пашка, Саша с бородачами и еще парочка девчонок уже развели бурную деятельность и раздавали нам пластиковые стаканчики. В мой стакан Саша что-то плеснул, в наступившей темноте я не поняла, что, но, понюхав жидкость, тут же ее вылила.

— Чего это за дрянь? Денатурат какой-то, — проворчала Натка, следуя моему примеру.

— Ох, какой ужасный коньяк, — вздохнула Люська и выпила. После «ужасного коньяка» пришел черед какого-то там тоже не очень хорошего

вермута, который все тоже, ругая, выпили, а я опять пить не стала, будучи в полном расстройстве: Саша совершенно не обращал на меня внимания, общаясь то с пацанами, то с нашими девчонками, Светкой и Таней. Параллельно всему этому продолжалась игра в карты, и вскоре коньяки, вермуты и прочие напитки оказали на некоторых однокурсников нехорошее действие. Они начали путать ходы, масти и обвинять в этом друг друга. Пашка схватил за грудки одного из бородачей, Саша, молодец, пытался их разнять, что ему кое-как удалось.

— Ребята! — закричал он как-то чересчур громко, и его голос гулко ухнул в лесную тишину. — Чего мы ссоримся-то, ребята?! Давайте споем чего-нибудь!

— Давайте! — тоже излишне громко согласилась Люська и неверной рукой отложила карты. — Знаете, мне так нравятся русские народные песни, я только слов не помню, но одна такая клёвая есть... Ай, люли-люли! — закричала она вдруг безо всякого предупреждения.

— Тише, Люська, тише! — зашикали на нее те однокурсники, которые лучше переносили алкоголь. — Ты чего, с ума сошла?!

— Ну чего эти все люли-люли? — поморщился Саша, со всей силы откидываясь на жалобно скрипнувшую палатку. — Давайте чего-нибудь нормальное. Из русского рока, например...

— На поле танки грохота-али... — тут же затыкнул Пашка.

— Ну, пошло, — глубоко вздохнула Натка. — Так я и знала, что опять пьянка будет... Может, позовем наше величество и слиняем? Или оно тоже не дурак клюкнуть?..

Величество звать не понадобилось. Обернувшись, я увидела, что король стоит за моей спиной с крайне брезгливым выражением на лице. В этот раз я его вполне понимала. Мимо меня к костру прошла злая и напряженная Марина, выхватила у кого-то стаканчик и опрокинула его в себя залпом: я, мстительно хихикая про себя, подумала, что охмурение короля явно закончилось провалом.

— Эти простолюдины так слабы, что не умеют даже противостоять алкоголю, — констатировал король, изящно опускаясь рядом со мной на траву, — думаю, тебе не стоит тратить на них свое время...

— Опа! — закричал вдруг Саша. — Да это же дядя! Из Подольска! Приветствую вас! Вы все еще только с Сонькой разговариваете?

— Это не дядя!!! — громогласно запротестовала Люська. — Это этот... Нервнобольной друг семьи!

Сашка и половина подвыпивших однокурсников расхохотались. Я покраснела, Натка наморщилась, Лид не повел бровью.

— Дядя из Подольска, может, вы изволите с нами оттянуться? — наклоняясь вперед, интересовался у короля Саша. — Налить вам рюмочку чая?

Гадкий король даже сейчас не подумал раскрыть рот, и его от нечего делать раскрыла я:

— Саш, он не пьет. Да и тебе тоже хватит...

— Как хватит, так и не отпустит! — воскликнул Саша. — Вы глядите, — обратился он к бородачам и Пашке, — дядя только с Сонькой разговаривает, и все! А мы его внимания недостойны, наверное! Да, дядя? Кстати, как тебя там по имени?

— Сашка, ты перепил, — вмешалась Натка решительно. — Давайте закругляйтесь, ребята, а?

— Ладно тебе, Нат, мы только начали! Только дядя нас, жалко, не уважает, а то мы бы тут душевно посидели... — кривлялся Саша, который нравился мне с каждой секундой все меньше и меньше. К моему ужасу, он и правда попытался всунуть в неподвижные королевские руки бумажный стаканчик с каким-то алкоголем. Я посмотрела и перепугалась: на лице Лида сквозь королевское величие вдруг проступила вполне живая человеческая эмоция — то ли гадливость, то ли отвращение, но рта он не раскрыл и ничего не сделал. Тогда Саша, к моему ужасу, принялся, бормоча «Сонька, напои дядю с рук», совать стакан мне. Я отшатнулась назад, чуть не упав, Лид придержал меня за плечи, и неизвестно, чем бы это все кончилось, если бы вдруг во тьме не раздался зычно-скучный голос:

— Так, ну что, распиваем, уважаемые?

«Ай-люли-люли» и «на поле танки грохотали» смолкли вместе с бурным обсуждением карточной игры. Мне показалось, что кругом вообще все умерли, так стало тихо. В этой тишине слышался мягкий топот и похрапыванье, и темнотищу прорезали два ярких синих луча фонариков. Я заморгала и неосознанно вцепилась в Лидово плечо, готовясь к неизбежным неприятностям.

Так и есть: фонарики держали двое конных милиционеров. Один был тощенький, но с очень хитрым лицом, а другой — приземистый и недовольный. Он и заговорил:

— Так, что у нас тут, уважаемые? Распиваем в лесопарковой зоне? Костры жжем? Ну, все понятно, Дима, составляй протокольчик...

— Мы ничего не распивали! — трезвым от испуга голосом запротестовал Пашка. — Сок мы пили, товарищ милиционер!

— Ага, — подтвердила Люська, икая, — мы же не забулдыги, мы студенты! У нас сессия!

— Знаю я ваш сок, уважаемые, — отмахнулся приземистый, неуклюже сползая с коня и подходя поближе. — От вашего сока у нас измерительные приборы ломаются. Что это за бутылочки?

— Они тут раньше были...

— Конечно, конечно, раньше они были... Дима, протокол составляй. Значит так, уважаемые студенты, сворачивайте пьянку и пройдемте с нами. Штрафики вам полагаются серьезные. Ну, чего сидим, мадам?! — обратился он вдруг непосредственно ко мне. — Я вас должен каждого отдельно приглашать?!

— А я тут при чем? Я не пила! — рывкнула я в ответ.

— Вы тут все не пили, так не пили, что не продохнуть, — издевательски сообщил худой милиционер, тоже слезая с коня. — Ну-ка, давайте посмотрим...

Он осекся, потому что раздался громкий звон и треск. Оказывается, кто-то из бородачей кинул пустую бутылку об толстое бревно, так, что она разлетелась на мелкие осколки. Пока милиционеры лупились на бутылку, Сашка и бородачи вдруг вскочили и резво бросились в лес, хрустя ветками. За ними понесся Пашка Симкин. Через секунду их не стало видно.

Щуплый милиционер попытался бежать за ними, но тут же вернулся.

— Ну чего, Дим? — равнодушно спросил плотный. — Сбежали алкаши?

— Сбежали, хрен теперь найдешь.

— Ничего, их тут еще много осталось. Так, уважаемые, хватит шуток, у меня вот тут дубинка, огрею, мало не покажется. Давайте все свои паспорта и будем разбираться, протокольчик составлять...

Люська заревела в голос.

— Раньше надо было соображать, мадам, раньше, — спокойно говорил плотный милиционер, забирая у нее из дрожащей руки паспорт, — сейчас уже плакать поздно...

— Слушай, твое величество, сотвори чего-нибудь, а? — не выдержала Натка. Лид вопросительно посмотрел на меня. Я усиленно закивала. Король кивнул тоже, неспешно встал и, пройдя прямо по догорающему костру, встал лицом к милиционерам.

— Здравсьте! — развел руками тощий. — Это что еще за явление?

— Эти простолюдины находятся в моем ведении, — информировал его Лид.

— Чего?! — офигели оба милиционера.

— Оставьте в покое этих простолюдинов, они находятся в моем ведении, — спокойно повторил король, которому выдержки было не

занимать. Милиционеры переглянулись: казалось, они хотят рассмеяться, но почему-то не решаются.

— В каком еще твоём ведении? Ты кто вообще такой? — наконец поинтересовался плотный.

— По-видимости, я единственный высокородный на этой планете, кроме моей спасительницы, поэтому я прослежу, чтобы эти простолюдины не принесли больше вреда, чем они приносят обычно.

— Господи, псих! — почти восторженно сказал тощий милиционер и медленно потянулся к кобуре на поясе. У меня молнией пронеслось в голове, что Лид может вовсе не иметь представления об огнестрельном оружии. Они же его пристрелят, колдун он — не колдун!!! Ну уж нет!

— Лид, осторожно! — рывкнула я, со всей силы налетая на короля и пихая его в бок.

— Соня, отойди! — неожиданно цыкнул он на меня почти что с моей интонацией, и, выставив вперед одну руку, отодвинул меня другой. Я вылезла из костра и растерянно глянула на тлеющие кроссовки. Лид сказал поспокойнее:

— Они не причинят мне вреда. Нет таких простолюдинов, которые не подчинились бы приказу высокородного...

Голос его звучал как-то странно, разносясь по всем окрестностям, как пропущенный через усилитель. Милиционеры стояли, безвольно уронив руки, их лошади пятились и храпели, потому что Лид медленно шел вперед, равномерно повторяя странным голосом:

— Оставьте этих простолюдинов, я за них отвечаю.

— Слушаюсь... — вдруг согласным хором сказали милиционеры, пуча глаза.

— Уходите, вы мне тут больше не нужны, — подвел итог Лид, небрежно махнул рукой, спокойно повернулся и пошел обратно ко мне. Милиционеры с противоестественной лихостью взгромозились на храпящих и ржущих скакунов, шлепнули их по крупам и скрылись в темноте, оставив на память о себе только валяющиеся на земле Люськин паспорт и фонарики. Лид, подойдя к костру, поднял один из них и с интересом осмотрел — наверное, прикидывал, не может ли он сделать такой же. Я, наконец, затушила кроссовку и оглянулась. Однокурсники сидели трезвые и тихие, с обалдело-восхищенными лицами.

— Вот это да! — наконец сказала Люська Лиду. — Как здорово, что вы их уговорили! Спасибо вам! Вы, наверное, гипнотизером можете работать!

Лид, понятно, не ответил, а посмотрел на меня и сообщил:

— Соня, наша палатка стоит вон там, где цветет сонка. Думаю, тебе

уже нужно лечь спать.

— И Натке, — поставила я условие, мрачно на него глянув.

— Как хочешь, — недовольно отозвался Лид и канул во тьму — видимо, направился к своей свеженаколдованной палатке.

— Уф, Сонька, и правда, пошли уже дрыхнуть, — дернула меня за рукав подруга. — Вот я перепугалась, думала, кранты! Пашка кретин, Сашка придурок, чего ты в нем нашла, наше величество и то лучше...

— Это да.

— Да-то да, но если бы тебя тут не было и менты к тебе не прикопались, он бы и пальцем не пошевелил, так что ты особо не радуйся.

— Почему не радуйся? — удивилась я.

— А потому, что ему пофигу все люди. У него ничего личного. Если бы его не ты, а какая-нибудь баба Дуся спасла, он бы за ней ходил, а в твою сторону и не чихнул, так что ты губу не раскатывай, а думай, как от него избавиться!

— Да чего ты ко мне привязалась! Ничего я не раскатываю! Я вообще спать хочу, пошли, наконец, в эту палатку!

— Гм, — сказала подруга каким-то противным голосом, но больше ничего не произнесла, взяла меня под руку, и мы, не попрощавшись с охающими и обсуждающими милиционеров однокурсниками, направились в ту сторону, где предположительно стояла Лидова палатка.

Скоро, когда мы уткнулись в елки, оказалось, что направление я запомнила неверно. Потирая лоб и выгребая из волос кору, я без особой надежды протянула:

— Ли-ид, ты где?

— Я здесь, — тут же отозвался негромкий голос короля, и метрах в пяти от нас вспыхнул свет. Оказалось, это зажегся обыкновенный с виду костер из кучи то ли набранных, то ли наколдованных Лидом дров. Рядом с костром торчала слепленная по образу и подобию временных жилищ однокурсников синяя трехместная палатка.

— Мда, потрясные хоромы, твое величество, — зевая, похвалила Натка, — с Люськиной палатки, что ли, скопировал? Вон даже растяжки так же неправильно прикреплены.

Король бросил на нее нелюбезный взгляд, но подруга его не заметила, потому что встала на четвереньки и поползла во вход. Через секунду раздался ее сильно приглушенный вопль «ни фиги себе!», сопровождаемый эхом, которого уж никак не могло быть в такой маленькой палатке. Я, вздохнув, хотела было полезть следом за ней, но вдруг поняла, что мне хочется еще посидеть на воздухе. Наколдованные королем внутри палатки,

несомненно, грандиозные хоромы, никуда не сбегут, но там, небось, опять жарища от камина, а здесь тихо и прохладно... И вообще — неужели я не имею право хоть час в день побыть в одиночестве, без короля?

— Лид, знаешь что, иди спать, а я еще тут побуду, — решительно сказала я, и, подкатив к себе большое бревно, уселась на него. Лид немного постоял неподвижно, видимо, прикидывая, что делать, после чего вдруг тоже, подогнув ноги, опустился на бревно и сообщил:

— Я подожду тебя, Соня. Как показывает недавний опыт, в одиночку тут находиться небезопасно...

— Да, кстати, Лид, здорово ты их загипнотизировал.

— Спасибо, хотя превратить их в пыль было бы и быстрее, и лучше для общества.

— Ничего не лучше, наши друзья сами виноваты, ведь пить здесь действительно нельзя... Только ты все-таки поосторожнее. Видел, что он тянулся к поясу? Там у него был пистолет. Ты знаешь, что такое огнестрельное оружие?

— Теперь знаю, после просмотра вашего телевизора, — Лид кивнул. — Но если тебе известно про это оружие, зачем ты сама появилась рядом со мной?

— Так я думала, что тебе неизвестно, и попыталась просто тебя отпихнуть в сторону.

— Ясно, — сказал король после паузы с непонятной интонацией и замолчал. Я тоже молчала, забыв, чего еще хотела ему сказать. Затянувшуюся тишину нарушать уже было, вроде как, неудобно, хотя мне поговорит хотелось. Я кашлянула и втянула руки в рукава: из леса веяло сыростью. Но неунывающие однокурсники, кажется, и не думали ложиться спать: от их костров вдруг послышались гитарные переборы, и хор нестройный голосов запел «луч солнца золотого». Лид, изогнув брови, прислушался и слегка поморщился.

— А ты умеешь петь? — поинтересовалась я.

— Петь? — удивился король. — Нет, высокородным это не нужно.

— Я знаю, что нам много чего не нужно, — сказала я, сдерживая раздражение, — но вообще-то слух у тебя есть или нет? В ноты ты попасть можешь?

— Не знаю, я никогда не пытался этого сделать, — последовал безмятежный ответ. — Развлечениями у нас занимаются плебс, у высокородных множество других дел.

— Ну ты даешь, — покачала я головой. — Как это у тебя получилось вообще НИКОГДА не петь? Слушай, а попробуй повторить за мной то, что

я спою.

— Зачем?

— Ну, Лид, жалко тебе, что ли? — пристала к нему я — неожиданно мне очень захотелось узнать, есть ли у короля слух, или он будет фальшивить похуже моих однокурсников. Лид поглядел на меня, опять приподнял брови, медленно опустил их на место и с достоинством проговорил:

— Хорошо. Пой, если тебя это развлекает, я повторю за тобой. Но я думаю, это мне не составит труда.

«Ну погоди ты у меня, труда тебе не составит», — подумала я сердито, и, выбрав одну из самых длинных песен, какую мы пели в нашем университетском любительском хоре, пропела все пять куплетов без пауз. Вот пусть теперь повторяет, как хочет, раз такой умный!

...Когда я закончила, Лид немного помолчал, спокойно и задумчиво глядя на меня, а потом негромко запел. Голос у него был не сильный и не звонкий, но в ноты он попадал, как я, скрепя сердце, была вынуждена признать, не хуже меня, а кое-где и лучше. Помимо этого оказалось, что все пять куплетов король тоже ухитрился запомнить. Вывалил он их как машина, без интонации, глядя на огонь, но опять же ни слова не перепутал! Вот ведь зараза непогрешимая! С ним и вправду комплекс неполноценности обрешь!

Видимо, уловив мой сердитый взгляд, король умолк на повторе конца пятого куплета и спросил с неподдельным интересом:

— У меня есть слух, Соня?

— А ты сам не слышишь, что ли? — буркнула я. — Конечно, есть. Еще и абсолютный, небось...

— Абсолютный?

— Это когда можешь угадать любую ноту не глядя.

— Нет, это вряд ли. И вообще, мне показалось, что ты все же поешь по-другому.

— Ну да, я это делаю с интонацией, а не как компьютерная программа...

— Ты просила меня повторить за тобой, я повторил, — сказал Лид вроде бы бесстрастно, но мне вдруг почудилась в его плохо освещенном костром лице какая-то обида. Может, недоволен, что я его не оценила? Не зная наверняка, так ли это, я все ж на всякий случай похвалила короля:

— А в ноты ты попадаешь здорово. И слова с одного раза запомнил! Молодец.

— Спасибо, — отозвался король серьезно и уставился в пламя, — но

все-таки, думаю, у меня нет большой склонности к этому развлечению.

— А к чему у тебя есть склонность? — поинтересовалась я, зевая и грея руки меж коленей. — К мультикам, что ли?

— Да, к ним, и еще...

Лид, не договорив, протянул руки к костру. И тут языки пламени начали стремительно менять форму и цвет. Миг спустя на дровах стоял переливающийся пламенный конь, потом он, поперебивая копытами, переродился в огромный красный цветок с белой сердцевинкой, а цветок рассыпался на множество белых искорок, как салют, а искорки, собравшись в кучку, имитировали какую-то птицу с длинной, как у гуся, шеей и пушистым хвостом...

Я сидела молча, загипнотизированная этими пламенными фигурами, как до того мультиками. Фигуры беспрерывно сменялись, некоторые превращались в искры и улетали вверх, некоторые утекали куда-то в землю. Я даже забыла о холоде, руки совсем перестали мерзнуть, и придвинулась поближе к королю, чтобы не упустить момент, когда он будет делать очередную красивую фигурку. Лид сидел почти неподвижно, так же вытянув вперед руку и, слегка перебирая пальцами, смотрел на огонь немигающим взглядом, в котором мне почудилось что-то вроде вдохновения, какое бывает у художников. Неожиданно я подумала, что, может быть, он не такой формальный и противный, каким кажется. Может, как пишут в романах с мягкими обложками, которые любит читать Наткина мама, его суровый облик скрывает ранимую душу?

Правда, еще немного поразмыслив, я вынуждена была откинуть версию о ранимости королевской души, уж больно она не соответствовала действительности. Остановлюсь-ка я на том, что король не такой кошмарный, как я думала... Но тут мне снова стало обидно. Я вспомнила слова Натки о том, что если бы Лида расколдовала некая баба Дуся, он бы ходил за ней, а на меня, если бы и увидел, даже внимания бы не обратил, не говоря уже о том, чтобы меня защищать!

— Что ты, Соня? — услышала я удивленный вопрос Лида — видимо, от обиды я начала громко вздыхать и возиться, сама того не замечая.

— Ничего, — ответила я сдавленным голосом, но тут же не выдержала:

— Слушай, Лид, ты нас, особенно меня, в очередной раз спас и все такое. Но вот если бы тебя расколдовала какая-нибудь баба Дуся из деревни, ты бы ради меня и пальцем не шевельнул!

— Ты снова говоришь о том, что нет, Соня, — заметил Лид, — и я все еще не понимаю, какой в этом смысл. Какая еще баба Дуся, когда меня

освободила именно ты?

— Но ведь могла бы и баба Дуся! — упорствовала я со слезой в голосе — не иначе, на мне сказалось нервное потрясение после милицейского визита.

— Начнем хотя бы с того, Соня, что эта баба Дуся никогда не привела бы меня на встречу со своими однокашниками-плебеями, которые бы так пострадали от неумеренного потребления алкоголя, что едва не были арестованы местными стражниками, — сообщил Лид снисходительно. — А дальше я даже продолжать не буду, поскольку это все заведомо не имеет смысла. Что за неистребимая склонность к альтернативной реальности у вашего народа?

— Имеет это смысл, вовсе даже имеет, — упорствовала я, сердито на него глядя. — Ты что, Лид, не понимаешь, что если для тебя все равно, кто тебя спас, баба Дуся или я, то это говорит о твоём отношении и к людям вообще и... лично ко мне!

— Если судить по твоему поведению, Соня, оно тоже не говорит ничего хорошего об отношении лично ко мне, — вдруг выдал король, кажется, даже с претензией в голосе, — но я не делаю на основе этой явно недостаточной информации поспешных умозаключений и не рассказываю тебе часами про несуществующую бабу Дусю.

— Чего ты выдумываешь, где я тебе часами про бабу Дусю рассказываю?! Я пять минут назад сказала, что если бы на моем месте была баба Дуся...

Король неожиданно рассмеялся. Я осеклась и посмотрела на него. Он перестал смеяться, и мы пару секунд помолчали, в каком-то умственном затруднении глядя друг на друга.

— Ладно, Соня, лучше мне, да и тебе тоже, пойти спать, — наконец сказал Лид своим обычным тоном, медленно и аккуратно вставая с бревна. — И учти, если твои простолюдины опять нарежутся, я не стану отмазывать их от стражников.

— Господи, Лид, ты где таких слов набрался?! — ужаснулась я.

— По телевизору. А что не так со словами?

— Ой, завтра объясню. Я жутко хочу спать...

Глаза у меня просто слипались. Я вползла в палатку и даже не заметила, превратил ее Лид во дворец или нет, просто нащупала что-то вроде кровати, улеглась на нее и натянула себе на нос какую-то тряпку, похожую на одеяло.

Просыпалась я постепенно, причем от каких-то крайне некомфортных ощущений. Мне казалось, что я отлежала себе левый бок, но как только

переворачивалась, тут же отлеживался правый. В результате, устав от такого сна, больше, чем отдохнув, я открыла глаза, обалдело помаргивая, подняла голову, чтобы осмотреться, и дар речи, которого и так-то почти не было с утра, у меня окончательно исчез.

Вначале мне показалось, что мы заночевали в готическом соборе — украшенные сложной мелкой резьбой белокаменные стены уходили вверх, на бесконечную высоту, откуда падал белесый рассеянный свет — наверное, солнечный. Из узких и высоких стрельчатых окон, расположенных по периметру громадного круглого зала, где мы спали, можно было разглядеть лес и палатки однокурсников вдаль. А вот вместо двери я с изумлением обнаружила низенький и круглый палаточный вход, застегнутый по периметру противокомариной сеткой. Пол, как и стены, был белым и отполированным, из чего-то типа мрамора. На нем стояли две огромные кровати с уже привычными для меня балдахинами. Возле одной ревел камин — значит, в ней покоился Лид, а в другой, с довольной ухмылкой развалившись среди кучи разномастных подушек, дрыхла Натка. Надо же, как король ее устроил, будто она и не простолюдинка, все-таки он действительно не такой плохой, как я думала. Вот у меня, например, кровать даже неудобнее...

Очень недовольная королевским поведением, я сползла со своего ложа на пол, где лежало что-то вроде большого плетеного коврика для собак, повернулась и неожиданно обнаружила, что всю ночь проспала на круглом каменном столе, используя вместо одеяла бахромчатую белую скатерть. Меня разобрал такой смех, что я аж зажала рот рукой, чтобы не разбудить своих друзей, и, шлепая по холодному скользкому мрамору, отправилась на поиски второй кровати. Ее почему-то не оказалось, а судя по свету, было совсем еще рано, и мне снова захотелось спать. Вздыхнув, я полезла к Натке. Но выяснилось, что моя маленькая подруга каким-то непостижимым образом заняла все двухметровое ложе, и когда я, устраиваясь, начала пихать ее в бок, недовольно заворчала:

— Сонька, ну чего ты лезешь?! Я спать хочу!

— Я тоже! — прошептала я сердито. — И не буду больше этим заниматься на столе!

— Чем заниматься?

— Спать! Подвинься.

— У, — непонятно сказала Натка и откатилась на сантиметр. Я кое-как улеглась, и мы принялись спать дальше. Но скоро я поняла, что моя лучшая подруга во сне — это просто наказание. Только я начинала засыпать, она вдруг переворачивалась, или брыкала меня ногой, или начинала

разбрасывать лишние подушки, а в довершение всего вдруг захрапела. Я подскочила и возмущенно затрясла ее за плечо.

— Нат, перестань!

— Чего перестань?

— Все перестань! Лягаться, переворачиваться, храпеть!

— Мда? — ехидно сказала подруга, не открывая глаз. — А дышать тебе не перестать?

— Дыши, — разрешила я, — но только тихо, а то храпишь же.

— Это потому, что я на спине.

— Так перевернись на бок.

— А на боку неудобно... И вообще, Сонь, иди к себе ложись!

— Так нету больше кроватей! Лид, наверное, нам одну на двоих наколдовал!

— С него станется, — Натка разлепила один глаз и зевнула, постепенно приходя в себя. — Ну давай его разбудим и попросим вторую кровать.

— Пошли.

Мы слезли на пол и подшлепали к королевской кровати. Нас сразу же обдало жаром из огромного камина. Натка, обмахиваясь одной рукой, поскреблась другой в задернутый балдахин:

— Э, твое величество! Ты там спишь, нет?

— Ли-ид! — вторила я ей хриплым голосом. Балдахин не пошевелился.

— Ли-и-ид!!! — угромчилась я.

— Э-э-эй!!! — бешено заорала Натка. Клацнули пружины — видимо, король на кровати вздрогнул и подскочил. Секундой спустя из-за балдахина высунулось его очумелое лицо.

— Что тебе нужно? — поинтересовался он величественно, но тоже хрипло, обращаясь почему-то к Натке.

— Мне-то ничего, но кто-то из нас тут до трех считать не умеет, поэтому у Сони нет кровати, — ехидно отозвалась подруга. Король перевел взгляд вначале на меня, потом на голубое небо за окном, и на лице его появилась легкая ошарашенность. Снова посмотрев на меня, он задал логичный вопрос:

— Соня, где ты спала все это время?

— На столе, — вздохнула я.

— Зачем? Я сделал спальные места для всех.

— Я просто устала, не поглядела, куда ложусь. А теперь поглядела, и вот...

— Где твои спальные места-то, покажи! — сказала Натка, усмехаясь.

— Да, а то мы с ней не можем спать на одной кровати, — добавила я. Король кивнул:

— Конечно, ведь она тебе не ровня...

— Нет, — прервала его я, — она храпит и лягается. Пошли скорее и найди мне кровать, спать охота!

Король, нелюбезно на нас поглядывая, вылез из недр кровати. Он тоже оказался босиком, в домашнем костюме моего папы. Шлепая по мрамору уже шестью босыми ногами, мы отправились на экскурсию по залу. Дойдя до кровати, на которой спала Натка, Лид остановился и недоуменно поглядел на меня.

— Вот кровать для тебя, Соня. Не понимаю, почему ты не могла ее отыскать сама... — он умолк, но на лице его я прочла продолжение фразы: «а вместо этого подняла меня в чертову рань со своими глупостями».

— Прекрасно, — фыркнула Натка, — положим, эта кровать Сонькина, но проблема осталась: где тогда должна спать я?!

— Вот здесь, — снова удивился Лид и указал на тот самый большой собачий коврик, что валялся возле стола. Натка разинула рот, потом хлопнула себя по коленям и начала громко ржать. Собор, в который превратилась наша палатка, ответил ей громopodobным эхом. Лид поморщился, поднес руки к ушам, но на полпути остановил их и, глянув на меня, спросил:

— Ты что?

— Ничего!!! — рявкнула я вместе с палаткой-собором. — Только ты мне уже надоел!!! Сворачивай этот коврик и канай отсюда в свою страну!! И заколдовывай там кого хочешь, потому что мне не жалко людей, которые выращивают у себя таких королей!!!

— Это не коврик, — заспорил Лид, потихоньку отступая от меня, — это циновка, на ней спят все наши простолюдины, и никто так не кричит.

— Да уж, по ней похоже, что на ней поспали все ваши простолюдины, — сквозь смех выдавила Натка. Я же продолжала кричать:

— Циновка?! Так вы там все еще и китайцы??! Вот и спи сам на этом коврике, а нам кровати нужны! Обоим!

— Ты хотела сказать обеим?!

— Ты меня еще и поправлять будешь?! — завизжала я. Собор возвратил визг в десятикратном усилении. Лид, видимо, чтобы перекричать его, тоже несколько повысил голос:

— Конечно, я имею право исправлять недочеты твоего воспитания и образования, как равный тебе!

— Это тогда будет не равный, а высший! — крикнула я.

— Выше некуда! — гаркнул в ответ Лид.

— Ребята, кончайте, а то я умру со смеху, — простонала Натка. Я замолчала, не потому, правда, что послушалась ее, а потому, что выдохлась, хотя и злилась по-прежнему, и мне все еще очень хотелось спать. Король же вдруг смерил нас обоих, то есть обеих, таким взглядом, что у меня прямо-таки сердце ушло в пятки, и я поняла, что испытывали заколдовываемые им жертвы. Вот с чего я взяла, что он безопасен, ведь он сам мне неоднократно доказывал, что это вовсе не так! Ну и что, что я его спасительница, мама мне недаром говорила, что я даже святого доведу, а уж привыкшего к поддакиванию и беспрекословному повиновению короля — и подавно!

Лид медленно поднял руку, а у меня подкосились ноги, и я вцепилась в Натку, в вялой и бесполезной попытке спрятаться за нее. И тут раздался оглушительный щелчок, и по гладкому полу во мгновение ока расплзлась сеть уродливых трещин. А в их эпицентре из мрамора начало что-то вылезать. Мы с Наткой выпучили глаза, а король вдруг развернулся и, не дожидаясь, пока непонятная штуковина окончательно вылезет, направился обратно к своему ложу, по дороге оскорбленно бросив через плечо:

— Высокородным должна быть присуща сдержанность, и чтобы сообщить о своем неудовольствии, не обязательно выбирать самое неурочное время.

— А я не заметила, где спала, я устала! — крикнула я ему вслед из остатков гонора, но он, не среагировав, скрылся за своим балдахином. А нечто, все это время со скрипом растущее из пола, тем временем расти прекратило и неожиданно оказалось огромной кроватью из серого камня.

— Кровать... — нерешительно констатировала подруга и добавила:

— Кажись, он сильно разозлился.

Я была того же мнения, поскольку нововыращенная кровать каким-то образом отражала всю степень Лидового недовольства: она была шершавой, грубой квадратной формы, будто ее тесали топором. Высокие спинки украшали барельефы в виде смухорченных звериных физиономий, а балдахин был черным.

Мы осторожно подошли к адскому ложу и еще более осторожно пощупали его.

— Мда, — сказала Натка, как самая решительная отдергивая балдахин, — ух ты, гляди, Сонь, а бельешко-то все-таки не черное!

— Ну да, — отозвалась я без энтузиазма.

Белье было холодного пепельно-серого цвета, будто саван привидения.

На многочисленных подушках по серой поверхности еще было вышито черными нитками что-то неприятное: то ли морды, то ли кости.

— Господи прости, — пробормотала подруга, — ну, будешь тут спать?

— Еще чего! Это, между прочим, для тебя наколдовали, — попяtilась я. Натка нахмурилась и почесала в растрепанной голове.

— Знаешь чего, Сонь... Я, конечно, понимаю, что у нашего величества юморок такой, но давай лучше вместе на той кровати поспим. Я с краю лягу, честное слово.

— Давай! — обрадовалась я. Мы теперь уже дружно попяtilись от кровати, которая зловеще колыхала черными занавесями, и устроились вполне уютно и с комфортом, потому что места действительно оказалось полно.

— Эх, Сонька, — прошептала Натка, взбивая третью подушку, чтобы придать более удобное положение голове, — затянули мы что-то с возвращением нашего величества в его мир, а надо этим заняться. Ты посмотри, ты его сегодня прямым текстом к себе послала, а он не пошел. Щас как выйдет из повиновения... Ну ладно, вернемся, тогда подумаем, — закончила она, закрывая глаза, и сладко засопела. Я повернулась на другой бок, чтобы не видеть черной кровати, и, что удивительно, тоже заснула почти мгновенно.

Разбудила меня Натка, потряся за плечо:

— Эй, вставай, Соня-засоня! Завтрак проспидь. Его величество уже чего-то там наколдовало и лопаает.

Я сладко потянулась и бросила взгляд в одно из окон. Теперь явно было около двенадцати часов. Я чувствовала себя выпавшейся, полной сил и очень благодушной — от истеричной злости, которая одолевала меня ранним утром, не осталось и следа. Во мне даже появилась тень сожаления, что я так вопила на Лида.

Упомянутый Лид расселся за тем самым столом, на котором я проспала первую половину ночи, и принимал какую-то сложную трапезу. Взгляд, которым он наградил меня, был, конечно, не слишком благосклонным, но хотя бы не таким бешеным: видимо, и на него сон повлиял благотворно. Сдержанно поприветствовав нас, он по уже утвердившейся традиции предложил мне на пробу свою еду, а я по традиции отказалась, пробурчав «у нас бутерброды».

Завтрак прошел в молчании. Король, видимо, все еще дулся, а мы плотно забили рты едой, потому что проголодались. Под конец трапезы у Натки зазвонил мобильник. Это оказалась ее мама, которая интересовалась, как мы там и не собираемся ли домой.

— В общем-то, да, пора, — сказала мне подруга, нажав отбой, — вроде наотдыхались, уже, даже устали...

— Да уж, — согласилась я и скрепя сердце обратилась к королю:

— Лид, мы едем обратно в Москву. Ты тоже?

— Естественно, — поднял брови король, — еще не хватало оставаться здесь с твоими скудоумными друзьями.

Насчет скудоумных друзей мы с Наткой ничего не возразили, молча собрали рюкзаки, встав на карачки, расстегнули противокомарную сетку и вылезли из собора на улицу.

— Ой, хорошо как на солнышке, — потянулась я, и обнаружила, что к нам идет Люська.

— Вы что, уже уезжаете? — огорчилась она.

— Угу, — буркнула я. — Дела.

В это время на свет божий выбрался Лид, даже на четвереньках ухитряясь сохранять королевскую осанку. Встряхнувшись, он прошелся вокруг палатки, повыдергал колышки, после чего взял самую палатку двумя пальцами за острый верх и, смяв, поднял над землей.

— Эх, жалко, такой был красивый собор, — глубоко вздохнула Натка, не замечая удивленного Люськиного взгляда.

Кратко простившись с однокурсниками, мы прошли через лесопарк и как раз успели на двухчасовую электричку. Король всю дорогу гнетуще молчал, то есть, если я к нему обращалась, что-то отвечал, но сам разговор не заводил. Вот еще новости! Не собираюсь я лелеять Лидову гордость и просить у него прощения! Да и не за что мне! Это еще он должен перед нами извиниться за свои коврики и дьявольские кровати!

Но тем не менее, у нас с Наткой разговор тоже не клеился, и мы сидели тихо, опасливо поглядывая на короля, а тот время от времени тоже нехотя косился на нас.

На полдороге от вокзала Натка с тщательно скрытым, но явственным для меня облегчением отделилась от нашей компании и направилась к себе домой, прошептав мне на прощанье:

— Я скоро приду, а ты пока там с ним не очень-то...

Я не поняла, чего я «не очень-то», и по-прежнему молча побрела по королевским пятам: дорогу к моему дому Лид, кажется уже помнил лучше меня самой.

Наконец-то показался наш подъезд: я убыстрила шаги, почти побежала, а потом резко остановилась как вкопанная.

У подъезда, оперев руки в бока, стояла моя бабушка.

— Ну-ну, — произнесла она зловещим тоном, пожевав губами, — и

где это ты, внученька, всю ночь-то моталась? И что это за охламона с собой привела, а?! Сны-то мне, оказывается, вещи снятся!

— Я-а не привела, — пробормотала я, пятась обратно к королю, — он просто меня проводил, чего такого-то...

— А ничего, только ты дома-то не ночевала. Я еще утром к тебе заходила, звонила и по телефону, и в дверь, где-то ты шаталась с охламоном своим, родителей позорила!

— Так я, наверное, уже ушла тогда!

— В пять утра?

— А зачем ты так рано приходила? — обалдела я.

— У меня бессонница, — сообщила бабушка, — сны замучили. Ты мне который раз снишься, и охламон этот тоже! Стоит тут, смотрит на меня, как король какой!

— Бабушка, — прошипела я, оглядываясь, — не знаю, что тебе снилось, но ничего подобного...

— Ты бы помолчала лучше! Я тебе в десять раз старше! Заходи, заходи в квартирку-то, сейчас я Коле позвоню и спрошу, можно тебе по ночам-то разгуливать или...

Бабушка вдруг резко всхрипнула. Глаза ее медленно закрылись, и она начала валиться на асфальт. Я, как всегда, дернулась, чтобы ее подхватить, но она, тоже как всегда, растворилась, не коснувшись земли.

Мы с Лидом посмотрели друг на друга и вдруг одновременно начали смеяться.

— Ой, — выдавила я, — третий раз волшебный, может, она перестанет, а, как думаешь?

— Не знаю, — сквозь смех отозвался Лид, — но ты заметила, что она с каждым своим появлением делается старше? Вначале говорила, что в три раза, потом в семь, а теперь уже в десять!

— Действительно, — поразила я, — неужели она так и до ста дойдет?

— Может, и дойдет, если навестит нас еще двадцать семь раз, — что-то подсчитав, на полном серьезе отозвался Лид, — если предположить, что один десяток она проходит за три явления... — Он не договорил и снова засмеялся.

— Все-таки придумай что-нибудь, — попросила я его, вытирая слезящиеся глаза, чтобы попасть ключом в замок, — а то каждый день это терпеть...

Король задумался на секунду и выдал мне веер вариантов:

— Я могу лишить ее возможности двигаться, могу превратить в какое-

нибудь животное, если ты не любишь, когда простолюдинов превращают в предметы, могу лишить ее разума окончательно...

— Ты что, Лид, с ума сошел! — замахала я руками. — Это же моя бабушка!

— Я просто предлагаю, — сказал король довольно мягко, будто хотел меня успокоить, и, войдя в комнату, конечно же, прямым движением к компьютеру.

Я плюхнулась на диван и кинула под него свой рюкзак.

— Слушай, Лид, а давай, когда она опять притащится, ты ее загипнотизируешь так же, как тех милиционеров?

— Это можно, но действие гипноза кончится, а память останется.

Мы оба снова задумались. Бабушка превращалась в неразрешимую проблему.

— Что-то я даже не знаю, что и делать, — протянула я наконец растерянно, — ты, я вижу, тоже?

— Почему, у меня есть много вариантов, но ты так ограничила меня в средствах... — обиженно заметил Лид.

— Не в средствах, а в казнях, — вздохнула я. — Пойду яичницу пожарю, может, голова лучше работать станет...

Натка прибежала к нам уже часа через два. Мы, к тому времени, отчаявшись придумать план избавления от постоянных визитов бабушки, занимались кто чем: я читала, а Лид рассеянно ковырялся в интернете.

— Всем привет! — воскликнула подруга. — Чего кислые такие? Не помирились еще?

— Никто здесь без тебя не ссорится, — недоброжелательно отозвался Лид, и я поспешно его перебила:

— Да все нормально, Нат, просто мы всю голову сломали, не знаем, что с бабушкой делать. Она опять явилась! Не запирайтесь же от нее, и не усыплять же бесконечно! Лид ее предлагает превратить в собаку, но я как-то против...

Король, отвернувшись от компьютера, серьезно кивал, подтверждая мои слова.

Натка поглядела на нас, вылупив глаза, и вдруг рассмеялась:

— Ну вы даете! Да чего тут сложного? Зачем ее заколдовывать! Просто когда она в следующий раз припрется, пусть Лид исчезнет, она увидит, что ты сидишь дома одна или со мной и у тебя все в порядке, и больше приходить не будет — ты что ее не знаешь, что ли? Она раньше тебе и звонил а-то раз в пол года!

— Ой, — сказала я, заморгав и удивляясь, как мне не пришел в голову

такой простой и логичный выход, и посмотрела на Лида.

Король тоже посмотрел на меня, после чего красиво уронил с колена левую руку, а ладонью правой подпер голову, и с выразительным достоинством произнес:

— Господи! Охренеть можно среди этих ламеров.

— Кого?! — вздрогнула я. — И вообще, что ты ругаешься? Где ты взял такие слова?

Я не ожидала получить на свой риторический вопрос никакого ответа, но тем не менее получила: Лид молча постучал пальцем по монитору. Мы с Наткой подошли поближе, увидели какой-то форум и хором прочли:

— «Господи, да пусть сам чинит свой комп, от этих ламеров можно охренеть».

— А-а-а, — сказала Натка с серьезным видом, — тогда знаешь, твое величество, ты неправильно употребляешь это слово. Ламеры — это те, кто плохо разбирается в компьютерах.

— А твои однокурсники хорошо разбираются? — поинтересовался у меня король.

— Ну, как сказать, — удивилась я, — в основном не очень, только на уровне пользователей...

— Ну, значит, я сказал правильно, — заключил Лид и, встав из-за компьютера, прошел мимо нас к книжному шкафу и принялся рыться в нем. Мы с Наткой только пожали плечами и дружно захихикали.

Остаток дня прошел, против моих ожиданий, довольно мирно: нам даже удалось сходить в магазин без королевского сопровождения, убедив его, что мы вернемся через десять минут. Возвращаясь, мы на пороге столкнулись с выходящим королем, который, как оказалось, воспринял выражение насчет десяти минут буквально, и, поскольку оных минут прошло уже целых двенадцать, направился на поиски меня. Потом мы с Наткой на скорую руку приготовили ужин, поели и помыли посуду. Король на все это время вклеился в телевизор: он, рассевшись в кресле, смотрел там что-то очень внимательно и даже не моргая.

— Гляди, чего зырит, — подтолкнула меня Натка, кивая на экран, — в самый раз ему, скажи?

Я хмыкнула. Лид смотрел какую-то документально-историческую передачу про королевей.

— По родственникам скучаешь, что ли, твое величество? — поинтересовалась моя подруга. — У нас таких на Земле раньше тоже полно было...

— Да у нас и сейчас есть короли, просто в других странах, — добавила

я. Лид обернулся на мой голос и, плавно жестикулируя, изрек очередную сентенцию:

— Те, кого ты называешь королями, Соня, на самом деле такие же плебеи, как и все остальные в этом мире. Кроме тебя, конечно.

— Спасибоочки, — ошарашенно сказала я, — и как это ты их отличаешь?

— Только глупый плебей будет навешивать на себя такое количество бессмысленных побрякушек, думая, что это поднимает его значимость, — Лид на секунду обернулся к телевизору, где очень кстати появился портрет какого-то надутого и расфуфыренного старинного монарха. — Высокородным подобные фокусы смешны, потому что их превосходство и так неоспоримо.

— Почему неоспоримо? А если вот я, например, его начну оспаривать?

— Тогда он тебя заколдует, да и все, — догадалась Натка. Лид поморщился и сделал жест, как бы отгоняющий муху:

— Не вмешивайся в наш разговор, я тебя ни о чем не спрашивал. Как ты станешь оспаривать это, Соня? Возьми меня и любого из своих знакомых...

— Например, Сашу, — влезла Натка снова. На этот раз король не отреагировал, решив, видимо, не прерывать свою мысль:

— ...Любого из своих знакомых и меня. Располагают они подобной колдовской силой? Имеют ли такую же память и такой же уровень знаний? Могут ли так же быстро ориентироваться в незнакомом мире?

Тут он замолк и посмотрел на нас, судя по всему, ожидая оаций.

— Ну нет, — вяло буркнула я, — но и я ничего такого не имею, ты один у нас эксклюзив.

— Ты имеешь все это, но просто в другом виде, — изрек король, пристально на меня посмотрев, — ты сама знаешь, что таланты могут распределяться по-разному, у меня, можно считать, они распределены равномерно, а у тебя сосредоточены в одном... — он рассеянно оглядел люстру, видимо, подыскивая слова —...в одном, как вы говорите, духовном плане.

— Он это к тому, что спасти его мог только сильно неординарный человек, — зевнула Натка, поджимая ноги и кладя голову на диванный подлокотник, — и не сказать, чтоб он был неправ, а, Сонь?

— Меня или не меня она спасла, это значения не имеет, — холодно отозвался Лид, — это ее личное свойство, оно у нее есть априори, и именно поэтому она и стала моей спасительницей, а не наоборот.

Мы вылупились на него и молчали. Король тоже молчал и продолжал

смотреть на меня как-то выжидающе: возможно, снова хотел, чтобы я его за что-то похвалила, но я, хоть убей, не могла понять, за что, поэтому только пробормотала:

— Ой, Лид, тебе бы на философский факультет поступать: ты иногда так говоришь, что ничего понять нельзя.

— Можно все понять, — Натка поудобнее устроилась на подлокотнике, — сначала он похвалил себя, потом тебя. Осталось только обругать меня и остальных плебеев, и от этого он обалдеть как вырастет в твоих глазах, не правда ли, Сонька?

— Да ничего подобного... — начала я возмущенно, но мою речь прервал телефонный звонок. Натка не успела слезть с дивана, я запуталась в ее ногах, поэтому подошел Лид.

— Да, — сказал он, — не знаю, туда ли вы попали. Рыбкины? Соня, твоя фамилия Рыбкина? Значит, здесь. Нет, их нет. Да, живут, но нет, потому что уехали. Соня? Соня есть, но она...

Я выпуталась из Наткиных ног, подбежала к королю и, выхватив трубку из его руки, завопила в нее:

— Алло!

— Соня, здравствуй, как твои дела? — весело прозвучал у меня в ухе голос моей троюродной сестры Иры.

— Нормально...

— У тебя там гости, что ли, да? Какой-то странный мужик подошел...

— Да, гости, не обращай внимания.

— Ну, я тебе не помешала, — продолжила Ира тоном утверждения, — я так испугалась, слушай, что вас дома нет!

— А чего?

— А мы же хотели к вам заехать с Леней и Маришкой! Заодно встретимся, да?

— Да... — отозвалась я без положенной радости в голосе и не удержалась:

— А вы на сколько?

— Да на недельку только, у меня тут выставка-ярмарка, а Леня сказал, что меня одну не отпустит, а мама уехала, так что и Маришку ни с кем не оставишь. А я вспомнила, что мы все хотели повидаться, и вы нас столько раз приглашали!

— А-а-а, — сказала я, — действительно, приглашали, только, понимаешь... — тут меня насторожил странный шум в трубке. Давя в себе панику, я спросила:

— А вы вообще где?

— На вокзале, такси ловим! — радостно отозвалась Ира, — к вам поедем! Вот хорошо, что ты дома. А мама с папой-то скоро приедут?

— Через месяц. Они в командировке...

— Ух ты... Сейчас, Маришка, не плачь, сейчас дядю поймаем и поедем... Ну давай, Сонь, как приеду, поболтаем, а то деньги кончатся, ага?

— Ага, — согласилась я и, положив трубку, уставилась в никуда мимо Лида и Натки. Они посмотрели на меня с одинаковым беспокойством на лицах, и даже одновременно открыли рты, но первой успела издать звук подруга:

— Сонь, это чего, Ирка щас приедет, что ли?

— Что ли, — мрачно подтвердила я. Вообще-то мне очень нравилась моя троюродная сестра и ее муж Леня, они были люди совершенно простые, но веселые и приятные, и мы с родителями искренне звали в гости их и их четырехлетнюю дочку Маринку, которую еще ни разу не видели вживую, но все это было до Лида...

— Что делать-то? — спросила я с отчаянием, поглядев на Натку. — Не в гостиницу же их посылать!

— Ну, вообще-то, могли бы и предупредить, что на башку свалятся.

— Нат, да они не со зла, просто не подумали, ты их не знаешь, что ли!

— Соня, мне опять нужно будет заколдовать каких-то неугодных тебе простолюдинов? — услужливо осведомился король.

— Нет, не нужно, — сказала я с расстановкой, поворачиваясь к нему и, задрав голову, глядя в его двухцветные глаза, — эти люди — мои родственники, они скоро приедут и будут неделю жить здесь, в большой комнате. Как хочешь, но надо сделать так, чтобы они не знали, что ты тоже у меня живешь. Понятно?

— Значит, везде, кроме пределов твоей комнаты, мне лучше быть невидимым? — спокойно уточнил король. Облегченно выдохнув, про себя, что он, хотя бы, не спорит, я прикинула и ответила:

— Нет, пожалуй, не надо. Будь видимым, только притворяйся, что явился ко мне в гости откуда-то с улицы. В дверь звони. Они, конечно, подумают, что ты мой поклонник, но в этом ничего особенного нет, в отличие от проживания...

Король кивнул.

— Ну ладно, раз договорились, то хорошо, а теперь иди в мою комнату и не мешайся: я буду убираться.

— Почему ты: для этого есть она, — Лид кивнул на Натку.

— Она тоже будет, — успокоила его я. — Нат, поможешь? А тот тут

такой бардак накопился...

— Не робей, подруга! Щас разберемся. Ваше величество, — Натка поклонилась королю чуть ли не в ноги и указала ему на дверь моей комнаты, — пожалуйста в свои покои. Дать вам с собой какое-нибудь увлекательное чтение: журнал «Мурзилка» или что-то в этом роде?

— Нат!

— Молчу-молчу, Сонь. Где у тебя веник?

Подождав, пока оскорбленный Лид, наконец, убредет, мы побежали наводить порядок. Торопились мы изо всех сил, но, конечно же, все равно не успели: приехавшие родственники застали нас взмыленными и со швабрами наперевес. Ирина с порога радостно обняла меня и чмокнула в щеку, оставив на ней пару грамм косметики. Несмотря на мужа и дочку, она была старше меня всего лишь на два года и выглядела соответственно: высокие каблуки, джинсовая мини-юбка и коротенькая красная кожаная курточка. Это еще не считая зверски накрашенных глаз и губ и волнистых каштановых волос до плеч. Ее Леня тоже мало изменился, оставшись все таким же простым крепким парнем небольшого роста, стриженным почти под ноль, тоже в кожаной куртке, только черной и широкой. Он приветственно улыбнулся мне, показав не слишком ровные зубы.

— Ма-а-а-ам... — длинно запищало вдруг что-то около моей коленки. Вздвогнув, я опустила глаза.

— А кто это у нас там? — весело поинтересовалась Натка, умеющая обращаться с детьми. Я же лишь стесненно хмыкнула, глядя, как Ира ловко распаковывает красный комбинезончик, в котором заключается небольшая юркая девчонка с широко расставленными темными глазами и двумя тощенькими, но туго заплетенными русыми косичками.

— Сейчас, Маришка, будем кушать и спать, — сказала Ира, снова повернувшись ко мне, и дальнейший наш разговор проходил так:

— Сонь, а я тебя даже не узнала! Ты так изменилась, такая стала взрослая!

— Ма-а-ам, ку-у-ушать...

— Да, Мариша... А мама твои с папой в командировку поехали, да? Все у них нормально на работе?

— Да, все норма...

— Ма-а-ама! КУШАТЬ!!!

— Сейчас, Маришка, сейчас, я разговариваю... Она капризничает, устала после поезда... Куда можно сумки поставить?

— Э-э-э... В комнату.

— Ма-а-а-ама!!!!

— Леня, заноси в комнату вещи. Ой, Наташ, это ты? У тебя прическа другая, да? Вы еще дружите? Вот здорово!

— А-а-а-а-а!!!!

— Мариша, не плачь, сейчас я уже иду... Соня, а ты на каком же теперь курсе учишься? На третьем? А не работаешь пока?

— Нет...

— А я опять работаю после декрета, меня в тот же секретариат взяли... Леня, ты ей туфельки сними. А сюда я на ярмарку приехала, с сережками, браслетиками — я тебе показывала свои браслетики?..

— Нет...

— МАМА!!!

— Да-да, Маришенька, да-да.

— Ира, пойдем в комнату, покормлю вас всех! — взмолилась я, не в силах больше выдерживать этих воплей. И тут раздался громогласный и торжественный звонок в дверь. Мы все, даже неугомонная Маришка, умолкли. Вспомнив про бабушку, я заранее вспотела, но прежде, чем успела что-то предпринять, Ира ничтоже сумняшеся отодвинула щеколду и воскликнула:

— Кто там? Заходите!

На пороге холла с утомленно-недовольным видом нарисовался король в своем обычном полутореадорском костюме с высокими сапогами и белой рубашкой. С некоторым трудом отыскав меня глазами, так как для этого ему пришлось глядеть практически сквозь Иру, он изрек:

— Соня, я пришел к тебе в гости.

— Вот так сюрприз, — вздохнула я, — ну, заходи.

— Это кто? — поинтересовалась Ира в полный голос.

— Да, мой знакомый, — отмахнулась я, — ты проходи, проходи.

— Соня, погоди, ведь ему надо тапочки дать, он же в сапогах не пойдет в комнату...

— Да я разберусь, иди отдыхай, — вытеснила я ее за дверь коридора и, повернувшись, смерила короля таким взглядом, что на его ногах мгновенно оказались тапочки, весьма похожие на папины.

Мы молча прошли друг за другом в квартиру. Оказалось, что за полминуты нашего отсутствия там все успело как-то так измениться, что у меня создалось ощущение, будто я пришла в гости. На кухне шумела вода и слышались Маришкины вопли, а Леня, вольно расположившись на диване, щелкал пультом, выбирая между новостями и футболом. Рядом с ним на столике уже откуда-то появилась бутылка пива. Впрочем, при виде Лиды он с готовностью подскочил, протянул крепкую руку и громогласно И весело

представился:

— Леонид! Будем знакомы.

Король посмотрел на протянутую ему ладонь, как на дохлую крысу, уселся на другой край дивана и промолчал. За него поспешно ответила я:

— Его зовут Лид.

— Леонид? Тезка, значит! — вольно проинтерпретировал Леня непонятное ему имя и обрадовался еще больше. — Да садись поближе, чего ты грустный такой? Пивка хочешь?

— Нет, — отозвался Лид сквозь зубы, уловив мой зверский взгляд.

— А чего так? — искренне озаботился Леня и даже протянул к королю руку, будто хотел пощупать ему лоб. — Болееешь, что ли? Да ладно, по чуть-чуть можно, за встречу-то!

— Нельзя, — отрезал король. Смотреть на это все без нервного содрогания было невозможно, и поэтому когда меня из кухни позвала Ира, я с радостью капитулировала, предоставив королю самому налаживать контакт с моим родственником. В конце концов Лид и так находится в более выгодном положении...

В кухне был дым коромыслом в буквальном смысле: на плите дымилась большая кастрюля, на табуретке стоял большой таз с налитой водой, и в нем Ира мыла Маришку. Та подпрыгивала и повизгивала, но хоть не орала. Натка тем временем разливала чай и нарезала хлеб.

— Ир, зачем так-то? Ведь ванная есть, — удивилась я, вставая на пороге. Ира, уже успевшая переодеться в коротенький голубой халатик, глянула на меня и убрала с лица мокрые пряди волос:

— А, Сонь, спасибо, да просто она вот так любит плескаться, пока я готовлю. Мне Наташа тазик дала...

— Ма-ма! — требовательно повысила голос Маришка. — Когда кушать?

— А сейчас макарончики сварятся, и будем все кушать, — отозвалась Ира с готовностью, — там еще дядя пришел... Как его зовут, Сонь?

— Лид.

— А, тоже, значит, Леня, — аналогично мужу недослышала она и рассмеялась, — значит, тезки они у нас с тобой! А кем он у тебя...

— Ма-ма! Хо-чу конфетку!

— Да, сейчас, подожди... А кем он у тебя работает?

— Управляющий он у нее, — усмехнувшись, ответила за меня Натка.

— А, вот как, то-то я смотрю, он такой серьезный, — с уважением сказала Ира, доставая из кармана сплюснутую конфету и сунув ее в Маришкины мокрые руки.

— А почему у дяди волосы длинные? — поинтересовалась Маришка, подняв на меня глаза.

— Ему так нравится, наверное, — неловко пожала я плечами. Маришка помотала головой и заявила строго:

— Дяди должны ходить стричься, чтобы быть аккуратненькими, как коленка!

— Ты даешь! — закатилась Натка. — Маришка, не забудь это при Лиде повторить — то-то он взбесится!

— Бесить его не надо, — сказала я, укоризненно взглянув на подругу.

— Конечно, не надо, — с готовностью согласилась почему-то Ира, — мало ли, как мужчина ходит. Ему лучше знать!

— Да, и почему это не Ирка Лида расколдовала? — шепнула мне Натка, помешивая в кастрюле. — Она бы на него молилась, наверное... Все, народ, макароны сварились! Пошли, Маришка, кушать!

Ира решила, что есть мы должны все вместе за круглым столом в большой комнате: видимо, у нее в семье так было принято. Оставив что-то гнущую Маришку на Наткино попечение, мы застелили стол скатертью, притащили посуду и дополнительные стулья, и, наконец, уселись. Лид с Леней все это время торчали на диване: король выглядел таким же недовольным, а Леня — таким же довольным происходящей между ними беседой.

Ирина тем временем хозяйничала: навалила всем по горе макарон, налила чаю, нарезала помидоры и плюхнула посреди стола пакет с конфетами. Меня посадили напротив Лиды, и мы уставились друг на друга, как двое утопающих, цепляющихся за одну доску в бурном море.

Родственный ужин происходил при уровне шума, близком к невыносимому: по-прежнему вопил что-то телевизор, сквозь него прорывались крики Маришки, требующей не макарон, а сразу конфет, Леня что-то разъяснял королю, который его не слушал, об особенностях работы в автосервисе, а Ира пыталась рассказать сразу все новости за те годы, что мы не виделись. Оказалось, что львиная доля наших общих знакомых тоже пережилась и повыходила замуж и завела детей.

— Так рано? — робко удивилась я насчет одной из девушек.

— А что? Нормально! — тоже удивилась Ира. — Двадцать лет ей уже! Тебе вон сколько? Двадцать один, да?

— Да.

— А тебе, Леня?

Король, поняв по ее взгляду, что обратилась она к нему, сдвинул брови в явном затруднении. Наверное, он раздумывал, считать ли те несколько

веков, что он провел в виде статуи, своим возрастом, но потом, видимо, все-таки решил не считать, потому что сдержанно произнес:

— Тридцать.

— Ну? — почему-то обрадовался Ирин муж. — А мне двадцать девять!

— А вы когда жениться будете? — вдруг доброжелательно поинтересовалась у меня Ира. Я от неожиданности подавилась и фыркнула чаем, Натка сочувственно постучала мне по спине.

— Попозже, — прохрипела я, откашлявшись, — не сейчас. Денег, понимаешь, на свадьбу мало.

— А вы у родителей попросите, неужели не помогут? — озаботилась Ира.

— Помогут, но мы попозже! — воскликнула я в отчаянии, не зная, как отвязаться. К тому же еще король, который мог бы и прервать весь этот дурацкий разговор, безмятежно ковырялся в тарелке, не думая подавать голос.

— Ну ладно, можно и попозже, — наконец разрешил нам Леня, а Ира добавила:

— Только на свадьбу позовите обязательно-обязательно!

— Конечно, как же без вас, — вздохнула я и поспешила перевести разговор в более нормальное русло:

— Ир, а что ты везешь на выставку-то?

— Ой, я тебе сейчас все покажу, только Маришку уложим... Я браслеты делаю, ну, разрисовываю, а еще серьги собираю и из камушков, и из войлока... Выставка через два дня, а мне еще тут надо наборчик браслетов доделать, но Маришка мешала, она у нас чуточку капризная, да, Мариш? А здесь, я думаю, и Леня с ней погуляет, и твой Леня, и ты... А я пока доделаю.

— Ма-ма! Да-а-ай конфетку!

— Ты уже одну скушала, нельзя.

— Ну да-а-а-ай!!!

— Ладно, возьми последнюю и иди.

Маришка, хапнув «последнюю» конфетку в горсть, слезла со стула и резво устремилась к серванту, где начала со скрипом водить пальчиками по стеклу.

— Детей нужно воспитывать в послушании, иначе они будут непригодны даже для плебейской работы, — вдруг подняв голову, сказал король с большим количеством живых интонаций: у него явно наболело. Родственники поняли из его слов все, что могли понять, и, как ни странно,

согласились.

— Да, — сказал Леня, — ты прав. Я Ирке и говорю: чего из нее вырастет, если ты ей будешь потакать? Я говорю, с ней поосторожнее надо!

— Надо не говорить, а поступать поосторожнее, — отозвался король сквозь зубы, но, к счастью, этот его пассаж заглушил рев болельщиков в телевизоре.

Ужин продолжился все в той же аварийной обстановке. Наконец макароны были съедены — даже Лид, кажется, по инерции съел половину своей порции — и Натка по позднему времени удалилась. Мы с Ирой убрали со стола, и все семейство, уютно уместившись втроем на диване, принялось смотреть телик на сон грядущий. Наступила относительная тишина, нарушаемая только ревом и хрипами — фильм, который они глядели, оказался триллером. Улучив момент, я поймала взгляд Лида и, изогнув шею, показала головой в сторону двери. Король медленно поднялся и сообщил голосом плохого актера:

— Мне пора, Соня. Я пойду домой.

— Да-да, иди-иди, — согласилась я. Лид молча прошел в коридор, только у самого выхода из комнаты оглянулся, бросив взгляд на по-прежнему смотрящее ужасик довольное семейство. И взгляд этот опять был, как у бездомной собаки, которую выгоняют за порог. Хотя, конечно, может, я снова приписываю ему чувства, каких у него нет... Но, в принципе, почему бы бесприютному Лиду, у которого не осталось ни дома, ни родителей, не завидовать моим родственникам?

Прочувствованно вздыхая, я пожелала троице на диване спокойной ночи, показала, где лежит постельное белье, и вошла к себе в комнату.

Как только щелкнула дверь, в ней тут же проявилась прежняя торжественная обстановка, а посреди нее — недовольный король, который, не дав мне слова сказать, тут же изрек неприятным тоном:

— Не знаю, Соня, как ты решилась терпеть у себя дома этих плееев в течение целой недели: на мой взгляд, и одного дая общения с ними слишком много. Муж твоей родственницы не понимает половины слов, сама она крайне недоразвита, а их отпрыск вообще находится по развитию где-то на границе между человеком и обезьяной, причем я не поручился бы, что человеческого в ней больше.

Я устало поглядела на Лида, махнула рукой, отвернулась и пошла к своей кровати, по дороге говоря:

— Нормальные родственники. Не нравится — меньше выходи из комнаты. Ребенок просто маленький. Небось сам таким же был. Все. Я хочу спать.

— Хорошо, Соня, спи, — отозвался Лид неопределенным тоном, но все же отошел на свою половину комнаты и, судя по громкому реву пламени, врубил камин...

...Я подскочила на кровати, не понимая, что меня разбудило. В окно било солнце, но еще явно было рано. К тому же в моей комнате было что-то странное, она будто бы уменьшилась в размерах, и в ней чего-то не хватало... Тут до меня дошло, что она просто приняла обычный вид, а не хватает в ней Лида. Сон мигом слетел, меня бросило в жар, а в голове закружился миллион вариантов произошедшего: пока я спала, родственники довели короля до ручки, он превратил их в пыль, и убоявшись моего гнева, смылся; король все же выпил Ленкиного пива, отравился им и отправился к себе лечиться; король просто решил не иметь со мной больше дела, раз у меня такие родственники, и самоустранился... «Вот радость-то» — как-то неуверенно подумала я и поморгала, потому что в глазах щипало. Может, каминный дым не выветрился?.. Но правда, куда же он подевался, ничего мне не сказав?

Вскочив, я обежала все углы комнаты, зачем-то заглянула под кровать и в шкаф, приоткрыла окно, вывесилась в него, убралась обратно, и, окончательно расстроившись фортеlem, который выкинул неблагодарный король после всего, что я для него сделала, без всякой надежды прошептала:

— Лид, ты где?

— Я здесь, — раздался вдруг за моей спиной королевский шепот, от которого я с испугу подскочила на полметра и разом рассердилась:

— Что еще за фокусы?! Почему ты не показываешься?!

— Дверь приоткрыта. Закрой ее, и все появится.

— Действительно, — удивилась я и прихлопнула дверь комнаты, — что это она распахнулась-то?

— Она не распахивалась, — ответил проявившийся Лид. — Просто в течение ночи и утра к нам пять раз приходил этот плебейский ребенок... Кстати говоря, он и сейчас только что ушел. Видимо, этим и разбудил тебя.

— А тебя?

— А я уже не спал.

— Ох, — вздохнула я, присаживаясь на край проявившейся королевской кровати и потягиваясь, — Лид, ну наколдовал бы ты щеколду, что ли. Чего ждал-то?

— Пока ты проснешься. Может быть, среди ваших детей так принято — забегать в комнаты посреди ночи — и я, сделав замок, вызвал бы твое недовольство.

— А ты что, так боишься моего недовольства? — поразилась я. Лид неопределенно приподнял бровь.

— Не боюсь, но и ничего приятного в постоянных спорах тоже нет.

— Это да, — согласилась я, — но я тебе разрешаю, делай щеколду...

Не успела я договорить, как вдруг дверь резко и без стука распахнулась. Лид и его часть комнаты исчезли, а я вместо королевской кровати оказалась верхом на тумбочке и уже было приготовилась рывкнуть на Маришку, но вдруг показалась голова Иры.

— Сонь, ты не спишь? — радостно поинтересовалась она. — Иди кушать, я уже все приготовила.

Я посмотрела на часы: было девять утра. Ну что ж: мои родственники всегда вставали рано... Вздыхнув, я прямо в пижаме пошла за своей троюродной сестрой в большую комнату.

Там уже снова был накрыт стол, посреди него опять стояла громадная кастрюлища, только не с макаронами, а с гречкой, и огромная миска салата. Леня в исподней майке и трениках вольготно расположился на диване и играл с гогочущей Маришкой, тыча ее пальцем в живот, на мой взгляд, довольно-таки сильно. Маришка от тычков падала на диван и опять вскакивала, как неваляшка.

— Ой! — спохватилась Ира, усадив меня, и сама тут же вскакивая. — Я же тебе вчера не показала мои вещички!

Сбегав в угол комнаты, она притащила оттуда плотно набитую брезентовую сумку и начала прямо на стол выкладывать разноцветные сережки, браслеты и заколки. Я с любопытством их рассматривала и даже по настоянию Иры примерила кое-что, но для меня ее украшения были чересчур крупными и цветастыми, так что когда я их надевала, у меня напрочь исчезало лицо. Все же по Ириному активному настоянию я приняла в подарок и навесила на уши огромные зеленющие серьги из грозди прозрачных пластмассок. Сестра успокоилась и принялась показывать мне деревянные расписные браслеты, которые понравились мне гораздо больше: на них были разные узорчики вроде цветов, листьев и зверушек. Один зеленый браслет с орнаментом из листочков почему-то напомнил мне о Лиде: чем-то была похожа его лепнина на этот узор...

— Нравится? — допытывалась у меня Ира. — Они у меня очень быстро раскупаются, но эти еще не особенно хорошие. Там на ярмарке будет конкурс деревянных изделий, я для него доделываю комплект из кулончика и трех браслетов: сегодня докрашу, а завтра уже залакирую.

— Покажешь? — заинтересовалась я, но тут Маришка, которой надоели Ленины тыканья в живот, завопила на всю квартиру: «мама,

кушать!!!!» и Ира начала поспешно вываливать кашу ей на тарелку. В это же время позвонили в дверь. Я пошла открывать и, ясное дело, увидела на пороге недовольного Лиды, который снова формально пробормотал, что он ко мне в гости, на ходу превратил сапоги в тапочки и двинулся в комнату.

Родственники так обрадовались ему, будто они им сделали хоть что-то хорошее: Ира тут же придвинула ему стул и шлепнула перед ним тарелку, а Лёня сказал:

— О, привет, к своей пришел? Давай с нами завтракать.

— Мне не нужно, — холодно отозвался Лид, отодвигая тарелку.

— А что, невкусно? — искренне огорчилась Ира.

— Не обращай на него внимания, он просто дома поел, — поспешно сказала я, — Лид, ты чай будешь?

— Нет. Что это за варварские украшения висят в твоих ушах, Соня?

— Это сережки, — прошептала я, опасливо глядя на сестру, — их Ира сделала.

— В этом я не сомневался...

К счастью все это время, заглушая противную речь короля, снова вопила Маришка, которой срочно понадобилась шоколадка. Шоколадки у нас не оказалось, Ира сунула ребенку очередную конфету и со вздохом облегчения плюхнулась рядом с Лёней, который по-хозяйски обнял ее за плечи. Лид смотрел на них исподлобья и постукивал перстнем по краю пустой тарелки. К счастью, родственники оказались совершенно нечувствительными к чужому настроению: единственное, на что хватило Иры, так это заботливо спросить, чего мы такие грустные и не поссорились ли.

— Нет, — ответила я сквозь зубы.

— Вот и хорошо, не ссорьтесь, вы так друг другу подходите, — подумала, что польстила она нам и, встав, начала сгребать свою разноцветную бижутерию со стола обратно в сумку. — Сонь, слушай, я сейчас на ярмарку поеду, ты меня проводишь? Боюсь в метро заблудиться с непривычки.

— Да конечно, провожу с удовольствием. Только...

— А с Маришкой Лёня посидит, да, Лень?

— Ну да, мы посидим, — согласился Лёня и подмигнул королю, который тут же решительно сообщил:

— Соня, я поеду с тобой.

— Не надо, Лид, — сморщилась я, изо всех сил пытаюсь придать голосу дружелюбное и заботливое выражение, — я быстро вернусь, тут ехать-то всего полчаса.

— Но значит, обратно ты поедешь одна?

— Какой ты заботливый! — восхитилась Ира. — Леня меня тоже, когда познакомились, всегда до самого дома провожал и маме сдавал с рук на руки!

Леня польщено гыкнул, король сделал брезгливое лицо и отвернулся, и в этот момент в дверь снова позвонили. Я опять пошла открывать и обнаружила в глазке странный набор: а именно, Натку и мою бабушку.

— Ли-ид! — позвала я короля сладким голосом. — Поди-ка сюда!

Король почти тут же объявился в коридоре и с любопытством на меня посмотрел, но я сразу сменила выражение голоса и прошипела:

— Там бабушка! Иди в ванную, запришь и не выходи, пока она не уйдет!

— Может быть, мне тогда просто стать невидимым?

— Можно, но ванную все равно запри, а то родственники спросят, где ты.

Король деловито кивнул, и, с трудом переступив через батарею папиных ботинок, загораживающих проход, залез куда ему было сказано. Я с облегчением вздохнула и открыла.

— Привет! — воскликнула Натка. — А мы тут с твоей бабушкой по дороге встретились. Я ей сказала, что у тебя гости, но...

— Вот мне и интересно, какие это гости, Софья, — мрачно dokonчила бабушка. Выглядела она невыспавшейся, под глазами ее были мешки.

— Мои родственники! — улыбаясь, доложила я. — По маминой линии, помнишь, ты их как-то видела?

Бабушка с подозрением приоткрыла коридорную дверь, и к нам влетел шум из комнаты, где Леня опять включил телевизор, а Маришка снова что-то выканючивала. Видимо, этого оказалось достаточно, чтобы бабушка мгновенно потеряла всякую охоту сидеть у меня в гостях. Отпрянув от двери и застегивая пальто обратно, она сухо заявила:

— Не беспокойся, Софья, я только на минутку заглянула, потому что твой отец попросил меня проследить, как ты там. Но, я вижу, за тобой и без меня проследят, так что я пойду. Посплю.

— Что, даже и чайку не попьете? — лицемерно пропела Натка.

— Чайку я попью дома, в тишине, а от этих шумных родственников по линии Софьиной матери у меня может подскочить давление, — бабушка скупно кивнула мне на прощанье, открыла входную дверь и простучала толстыми каблуками по холлу.

— У-у-ф, — Натка, закатив глаза, сползла по зеркалу, — наконец-то она перестанет к тебе являться. А чего твои там в комнате так орут?

Передрались, что ли? И где наше величество?

— Я ему сказала запереться в ванной... Лид, выходи, все нормально.

Король послушался и молча вылез. С трудом развернувшись втроем в тесном коридоре, мы вывалились в комнату, где Ира уже успела собраться на свою ярмарку и ждала меня. Мне жутко не хотелось катать короля по метро, поэтому я повторила, что съезжу с Ирой без него, а чтобы не ехать обратно одной, захвачу с собой и Натку.

— Не волнуйся, ваше величество — белый день на дворе! — успокоила его подруга. — А если ты новостей насмотрелся, так там преувеличивают.

— Ну хорошо, — явно с огромным скрипом согласился Лид и посмотрел на меня, — но тебе не стоит сильно задерживаться.

— Не буду, — пообещала я искренне, потому что мне тоже не хотелось оставлять его надолго — мало ли, что он еще может отчебучить. Впрочем, Леня, кажется, с ним вполне ладит, да и Маришку тоже возьмет на себя, так что я имею право немного развяться.

— Ну, мальчики, мы пошли! — игриво сообщила Ира, закалывая волосы огромной пестрой заколкой, видимо, собственного производства. — Не хулиганьте тут и следите за Маришкой!

Леня сказал «угу», а король молча прошел к книжному шкафу и решительно извлек оттуда книгу «Волшебник Изумрудного города», явно намереваясь скоротать время моего отсутствия за поучительным чтением.

Выйдя на улицу, я с удивлением заметила, какая там теплая погода. Солнце светило так ярко, что свежая июньская листва казалась желтой, а асфальт — белым. Мы взяли друг друга под руки и девичьей шеренгой замаршировали по тротуару, болтая о том-о сем. Натка, конечно, не могла удержаться, чтобы не поинтересоваться у Иры:

— Ну и как тебе новый Сонькин кавалер?

— Он такой красивый, такой серьезный, — отозвалась Ира с почтением, — сразу видно, что много знает. Только лицо у него все время грустное почему-то.

— Ты, может быть, хотела сказать, «спесивое и надутое»? — хмыкнула Натка. Ира заморгала на нее.

— Не-е-ет, не спесивое, я же говорю, грустное! У него какое-то несчастье в семье, что ли, Сонь?

— Угу, несчастье, — пробормотала я. — Он сам.

— Зато вы так друг другу подходите! — снова соскочила Ира в привычную для нее сторону разговора. — Вы даже лицами немного похожи.

— Да ну? — развеселилась Натка, глядя на меня. — Слушай, Сонь, когда ты вот так хмуришься и губу выдвигаешь, действительно прямо одно лицо с его величеством!

— Натка! — рявкнула я. — Сейчас я не губу выдвину, я тебе по башке двину, если ты не прекратишь! Чего тебе надо?!

— Ой, ты чего? — испугалась Ира.

— Не обращай внимания, не знаешь, что ли, что запальный шнур у нее короткий, — рассмеялась Натка и взъерошила мне волосы, — ладно, остывай, подруга, больше не буду...

Я махнула рукой и тоже засмеялась.

Выставка-ярмарка самодельных украшений проходила в огромном светлом павильоне. Мы с Наткой, проводив Иру на место, обегали его весь, жадно разглядывая многочисленные прилавки и постанывая при виде цен: денег у нас с собой было совсем немного. В ажиотаже я даже позабыла про короля, и напомнила мне о нем, как это ни странно, подруга:

— Слушай, Сонь, а домой-то ехать не пора? Мы уже, наверное, целый час тут шастаем, как бы наше величество скандалить не начало...

— Ну и пусть скандалит, — раздраженно отозвалась я, бросая обратно на прилавок серьги, которые уже совсем было собралась купить, — он мне надоел уже так, что сил моих нет. Знаешь, Нат, наверное, я все-таки с ним поговорю. Пусть он к себе уходит. Мне, конечно, его народ жалко, но и я ни в чем не виновата!

— Это да, — вздохнула Натка, — ну пусть он тебе хоть пообещает, что мстить не будет... Вроде бы, он пообещал это пообещать?

— Ага.

— Ну вот и все, и не заморачивайся. Когда ты с ним говорить-то собралась?

— Наверное, как родственники уедут, а то еще при них неудобно...

Подруга, подумав, кивнула:

— Да, так будет лучше.

К своему дому я подходила уже без Натки, поскольку та пообещала родителям съездить с ними на дачу. Прошагав по жаркому асфальту, я с облегчением нырнула в прохладный подъезд и звякнула в свою дверь.

Открыл мне Лид. Почти дочитанный «Изумрудный город» он держал наперевес, зажав пальцами нужную страницу.

— Ну как тебе? — не выдержав, улыбнулась я и кивнула на книжку.

— Неплохо. По крайней мере, образы правителей там более адекватны, хотя иногда выглядят излишне сусально...

Я его не дослушала: меня встревожила полная тишина в квартире. В

большой комнате никого не оказалось, телевизор не работал, ребенок не орал, но эта тишина почему-то неприятно подействовала мне на нервы.

— А где Леня? — спросила я с тревогой.

— Он пошел, по его словам, в магазин за молоком, но, думаю, он хотел пополнить запасы своего алкоголя.

— Пива, что ли? А, понятно, — я успокоилась. Значит, Леня с Маришкой пошли гулять. — Ну и хорошо, отдохнем от них немного...

— Да, отдых от этих шумных простолюдинов, несомненно, требуется, — согласился король, опускаясь на диван. — Твоя поездка прошла нормально?

— Очень даже хорошо, — откликнулась я с энтузиазмом, распуская растрепавшиеся волосы, чтобы расчесать их и снова завязать в хвост. — Там столько красивых украшений, жалко только, что дорогие очень, не купишь...

— Если ты любишь украшения, то могла бы попросить меня сделать тебе несколько. Деньги тебе теперь не нужны.

— А ты умеешь?

— Конечно, это нетрудно.

Король отложил книгу и выжидающе посмотрел на меня, видимо, ожидая заказов. Некоторое время я постояла среди комнаты, борясь с жадным желанием, прежде чем выгнать Лида, наказыывая ему кучу золота, серебра и драгоценных камней, но потом решила не идти на такие сделки с совестью и с рассеянным видом заявила:

— Да ладно, попозже... И куда подевалась моя расческа...

Так же рассеянно я забрела в свою комнату, не глядя протянула руку к тумбочке, и вдруг мои пальцы наткнулись на холодные металлические прутья.

Удивленно опустив глаза, я увидела довольно изящную полукруглую клетку. А в клетке, занимая чуть ли не весь ее объем, сидел совершенно незнакомый мне зверек. Был он почти шарообразным, с шелковистой бежевой шерсткой и коротенькими лапками, а мордочка была похожа на мышиную, но при этом сильно сплюснутую, будто у персидского кота: влажный коричневый нос находился почти вровень с большими черными глазами. Вместо ушей росли шерстяные кисточки. Создание поглядело на меня, и, беззвучно открывая маленький розовый рот, отчаянно запрыгало в клетке.

— Ой, Лид! — умиленно взвизгнула я. — Это что за зверушка?

— Это лийтан, наше местное животное. Грызун, вроде ваших мышей, но гораздо более безобидный. У него почти тупые зубы и неразвитые

голосовые связки.

— Он не может пищать? Жалко... — я, просунув сквозь клетку палец, попыталась погладить лийтана, но он продолжал открывать рот и отчаянно прыгать. У меня мгновенно появилось нехорошее подозрение.

— Лид, — сказала я, резко поворачиваясь к королю, — ты почему его наколдовал?

— Потому что у других наших животных голосовые связки есть, — безмятежно отозвался король, — и они могли бы кричать так же, или даже громче, чем этот плебейский ребенок. Конечно, было бы эффективнее превратить его в предмет, но ты мне это запретила...

— Ребенок?! — пришла в ужас я, глядя в круглые глаза лийтана и находя в них явное сходство с Маришкиными. — Лид, ты что сделал?! Зачем ты ее заколдовал?

— Она мне мешала, — последовал спокойный ответ. Лийтан-Маришка начал биться об клетку, король глядел на это со скучающим лицом.

— Ч-чем она тебе мешала? — еле выдавила из себя я.

— Коротко говоря, всем. Почти сразу после вашего ухода ее отец тоже ушел, по его словам, на десять минут. Я сразу подозревал, что десять минутами он не ограничится, но это неважно. Главное, что за полчаса этот ребенок успел попросить разных сладостей, сказать, что ему скучно, холодно, жарко, что он хочет к папе и маме, играть и гулять. Я сказал ей, чтобы она перестала, иначе я сделаю так, что она не сможет мне мешать, но она не послушалась, и... — Лид кивнул на клетку. Зверек прижался к прутьям носом и глядел на меня, беззвучно хлопая губами. Чувствовалось, что он плачет. Глядя на Лида и преодолевая сильное желание чем-нибудь в него изо всей силы швырнуть, я прошипела, выдавливая по слову сквозь стиснутые зубы:

— А ну. Немедленно. Преврати. Ее. Обратно.

— Пожалуйста, раз ты пришла и готова терпеть эти бессмысленные крики, — охотно согласился король и щелкнул по прутьям. Клетка почернела и распалась, зверек выпрыгнул из нее на пол, постепенно меняясь в цвете и размере, пока не превратился в скорченную в комочек Маришку. Она подняла голову, глянула на нас полными слез глазами и зашлась пронзительным плачем.

— Ну, ничего-ничего, — бестолково выдавила я, склоняясь над ней, — успокойся...

— Те-тя... Те-тя Соня... — заикаясь, выдавила Маришка. — Я не могла говори-и-и-ить!

— Ты и так редко пользуешься даром речи, — презрительно заметил

король.

— А ну уйди! — выпрямившись, рывкнула я. — Даже не разговаривай со мной, колдун чертов! Ты сам хуже ребенка, тебя на минуту оставить нельзя!

— Тебя не было два с половиной часа, а не минуту, — холодно оповестил Лид. — И я не делал ничего такого, чего ты бы мне не разрешила. Я никого не убил и не превратил в предметы. Если ты все равно чем-то недовольна, уточни свои просьбы.

— Да, спасибо тебе, что ты ее не убил, — я с отвращением посмотрела на него. — Только она целых два часа просидела в тесной клетке, жутко испугалась, да еще и билась о прутья. Тебе ее совсем не жалко?

— Нет, металл клетки не драгоценный, и я могу сделать еще.

— Я о ребенке, — прошипела я, глядя по голове ревущую Маришку.

Король недоуменно пожал плечами.

— Ты опять имеешь в виду ваше сострадание, Соня? Чувствовать за нее? Но почему я должен ее жалеть? Она не получила никаких повреждений.

— Ну да, кроме психических... Если ребенок теперь заикой станет, что я Ире скажу?!

— Что она должна научить свою дочь слушаться старших и делать то, что нужно, с первого раза. Иначе в ее жизни это будет иметь последствия похуже превращения в лийтана, — отчеканил Лид и торжественно удалился в сторону своей кровати, видимо, не желая смотреть, как я сюсюскаюсь с плебейским ребенком.

Впрочем, сюсюканье мое затухло в том концерте, который устроила Маришка. Вырвавшись из моих неловких рук, она бегала по всей квартире и громко орала, а я носилась за ней уже не совсем с утешающим, а скорее с воинственным криком: «успокойся!!!». Король предусмотрительно из комнаты не выходил.

В таком виде и застал нас вернувшийся Леня, и сразу же оказалось, что в деле успокаивания дочери он тоже не ас. Попросту говоря, мы начали носиться за Маришкой вместе, предлагая ей конфетки, погулять, порисовать и другие блага. Маришка по ходу дела сдернула скатерть, разбив пару чашек, и мое стремление утешить бедняжку начало уже давать сбои, когда из моей комнаты молча вышел Лид. Направлялся он явно к компьютеру, но по дороге наткнулся на орущую Маришку, брезгливо обошел ее и негромко произнес:

— Замолчи, ты снова мешаешь мне и Соне.

И, будто эти слова были волшебными, Маришка разом захлопнула рот,

задрожала и полезла на колени к отцу, испуганно глядя в королевскую спину. Король же, не устаивая ее больше своим вниманием, залез в интернет и принялся там ковыряться.

— Уф, Ленька, здорово у тебя получается! — восхитился Леня. — Ее обычно даже Ира по три часа успокаивает... Сонь, чайку сделаешь?

— Конечно, — улыбнулась я одной стороной рта и двинулась на кухню. Нет, не буду я откладывать разговор с королем. Хватит с меня. Давно надо было понять, что в нем нет ничего хорошего, и что для него формальности вроде «простолюдин-не простолюдин» и «должен-не должен» важнее любых человеческих чувств, которыми он, впрочем, не обладает. Да, не даром Натка сказала мне тогда про гипотетическую бабу Дусю — и ведь правильно сказала! Это я вечно пытаюсь исправить неисправимое... Ну уж нет, я уже и так достаточно наказана судьбой за то, что его расколдовала. Я прикажу ему уйти не через неделю, а прямо завтра.

До ужина король вел себя тихо, но мою решимость это не поколебало. Маришка успокоилась, но ходила как в воду опущенная, и когда пришла с ярмарки Ира, тут же подбежала к ней, обняла за талию и принялась неразборчиво жаловаться на то, что ее превратили в зверька и она не могла говорить. Ира, конечно, отнеслась к этим сведениям соответственно, то есть всерьез не восприняла, но потрепала дочь по голове и выдала ей громадную шоколадку и маленькую тряпичную куклу, а сама пошла на кухню. Маришка уронила шоколадку, схватила куклу обеими руками, и, на глазах перевоплотившись из тихой мученицы в прежнего чертенка, побежала, подпрыгивая, всем ее показывать. К моему изумлению, в своем круге почета она не обошла и короля, сунув куклу ему в район уха и завопив: «смотри, смотри какая!» Лид, с некоторым трудом скосив глаз назад, посмотрел и сказал, обращаясь ко мне:

— В моем детстве у нас были похожие игрушки.

— Да ну, ты что, играл в куклы? — добродушно рассмеялся Леня. Лид на это никак не отозвался, Маришка убежала к отцу, а я, тоже не испытывая охоты вести задушевные беседы с королем о том, в какие куклы он играл, пошла на кухню к Ире. Та, заколов волосы и периодически облизывая кисточку, уже трудилась на кухонном столе над росписью деревянных браслетов для конкурса.

— Нравитфя? — шамкнула она сквозь кисточку. — Я их назову «луговые цветы» — видишь, тут и колокольчик, и ромашки, и часики...

— Здорово, — искренне отозвалась я и со вздохом уселась напротив нее, положив локти на застеленный бумагой стол.

— Фяс тут офтавлю, — Ира вынула кисточку изо рта и облизнулась

языком всех цветов радуги, — пусть посохнет, а завтра в обед приду с ярмарки и лаком покрою... Ой, что мы сидим-то?! Надо же мужчин кормить, сейчас ужин буду делать!..

— Сиди, я сама чего-нибудь сварю, — махнула я рукой. — Тем более, что я не голодная, а Лид тоже есть не будет, потому что уходит. Ты же уходишь, Лид? — громко обратилась я к королю, высунув голову в кухонную дверь. Он молча кивнул, встал из-за компьютера, аккуратно и ровненько задвинул обратно стул и, глядя перед собой, прошел в коридор. Хлопнула входная дверь, я с облегчением вздохнула: еще целых три часа, пока родственники не поужинают и не лягут спать, можно будет с ним не видаться...

Повидаться нам и правда, к моему вящему удовольствию, не удалось: когда я пришла, Лид уже спал, задернув балдахин, и я последовала его примеру.

Утро встретило меня, если можно так выразиться, пронзительной тишиной. Крайне удивившись, я соскочила с постели, глянула на часы и удивилась еще больше: уже десять!

В большой комнате было аккуратно убрано, кровать застелена, и на столе лежала записка от Иры:

«Сонечка, мы все вместе пошли гулять по Москве, а потом на ярмарку. Вернемся к обеду».

— Понятно, — сказала я в воздух и отправилась на кухню ставить чайник. Конечно же, уже пятнадцать минут спустя в моей комнате завожился король, и вскоре явился пред мои очи, снова одетый в домашний папин костюм и тапочки. Я молча смерила его взглядом, поправила закипающую на плите кастрюльку с яйцами и другой рукой чуть подвинула деревянный браслет, который Ира почему-то положила сохнуть на полочку над плитой, где стояла солонка и лежали спички. Надо бы его переложить, а то мало ли что...

Но тут меня отвлек заговоривший король:

— Соня, ты, видимо, на меня сердишься?

— Как ты догадался? Поистине королевская сообразительность, — отозвалась я язвительно, но Лид, ясное дело, принял мои слова за комплимент.

— Спасибо. Догадаться нетрудно, потому что ты избегаешь разговоров со мной. Я понимаю, что это из-за превращения ребенка...

— Поздравляю.

— ...Но не понимаю, чем это так уж выбивается из обычного моего поведения?

— Ты совершенно прав. Ничем! — подтвердила я со вздохом.

— В таком случае, почему ты сердишься только сейчас? — вдруг поставил меня в тупик король. Я задумалась, глядя на поочередно всплывающие в кипящей воде яйца, помолчала и честно ответила:

— Не знаю. Наверное, накопилось.

— Понятно, — Лид, несмотря на недостаток места, умудрился совершить торжественный проход туда-сюда по кухне. — Но все же хочу тебе напомнить, что, несмотря на свою высокую приспособляемость, я нахожусь в твоём мире всего лишь немногим больше недели.

— Так мало?! — изумилась я. — С ума сойти. А мне показалось, что уже целая вечность прошла...

— Мне тоже, — согласился со мной Лид и, развернувшись, снова совершил проход через кухню. Но на этот раз куда менее удачно: плечом он слегка задел хлебный шкафчик, тот вздрогнул и тряхнул прикрепленную к нему висящую над плитой полку, да так, что все с нее посыпалось прямо на конфорки. Солонка отскочила и упала на пол, спички попали в грязную замоченную сковороду, а Ирин расписанный браслет нырнул прямиком в кастрюлю с кипящими яйцами! Вокруг него тут же поплыло красочное пятно. Представив себе лицо Иры, я вскочила и крикнула не своим голосом:

— Ой, Лид, достань его!!!

Король вздрогнул от вопля и сделал такое, что я пришла в еще больший ужас: попросту сунул руку в кипящую воду и, вытащив браслет, протянул его мне на ладони. Рука его была в черных потеках краски и до самого запястья покраснела от ожога. Над всем этим ужасом виднелось Лидово лицо с его обычным спокойным выражением.

Мне стало нехорошо и так бросило в жар, будто это не король, а я сунула в кипяток обе руки, да еще голову в придачу. Взяв с ладони короля треклятый браслет, я бросила его на стол, схватила Лида за больную руку повыше запястья и быстро заговорила:

— Ты чего делаешь, а?! Больно? Иди сюда, да сюда иди, говорю. К раковине!

Включив холодную воду, я насильственно сунула под струю руку Лида, повторяя дрожащим голосом:

— Ты чего? Совсем не соображаешь? Что ты творишь?

— Ты же сама меня просила вытащить браслет, — голос Лида прозвучал, в отличие от моего, спокойно, но с оттенком удивления.

— Не рукой же! Ты же колдовать умеешь!

— Да, но ты крикнула так резко... В общем, быстрое действие мне

легче совершить руками, чем думать, что там наколдовать.

— Так я и знала, не подумал, — пробормотала я, начиная судорожно копаться в шкафчике с лекарствами. — Да где тут хоть что-нибудь от ожога?! Черт, даже бинта никакого н-нет... Лид, извини меня-а...

— Ты что, Соня, плачешь?! — изумился король, заглянув мне в лицо. — Из-за браслета?

— Лид, ну ты совсем, что ли?! — застонала я. — Из-за тебя! Мне тебя жа-алко! Тебе же больно!

— Так ведь тебе же нет?

— Ох, отстань... Зачем ты вообще сделал такую глупость, ведь ты же сам знаешь, что ты не железный, и лечить тебя тут других колдунов нет!

На меня опять недоуменно посмотрели большие двухцветные глаза, а их владелец ответил:

— Я это сделал, потому что ты меня попросила. Я же говорил тебе, что должен выполнять любую просьбу своей спасительницы. Тут совершенно не из-за чего плакать.

Я ответила ему безнадежным взглядом, вытащила, наконец, кусок бинта и вытерла им нос.

Потом я, шмыгая, намазывала бестолкового короля противоожоговой мазью и бинтовала ему руку, а тот сидел на табуретке, кажется, вполне довольный жизнью, но по-прежнему несколько недоумевающий, чего я так расстраиваюсь, если больно не мне, а ему...

Я же поглядывала на браслет, вокруг которого расплывалось на столе черное пятно, и чувствовала, что наконец-то я хоть что-то поняла про короля, и от этого понимания меня наполняла такая жалость, что приходилось снова шмыгать носом.

— Браслет, — вдруг подал голос Лид, тоже глядящий на стол. — Краски потекли, видимо, твоя родственница не закрепила их.

— Да ладно, черт с ним, — отмахнулась я. — Что теперь, помирать, что ли, из-за этого браслета? Не беспокойся, Лид, я перед ней извинюсь.

— Зачем? Я могу его восстановить.

— Да ладно тебе... — начала я, но король меня уже не слушал. Взяв браслет здоровой рукой, он пристально вгляделся в него, и на размазанном грязно-черном фоне начал проступать цветочный узор. Он был похожим на тот, что рисовала Ира, но все-таки немного не таким — у Лида, как у каждого художника, был свой индивидуальный стиль. Браслет у него выходил, если можно так выразиться, поаристократичнее, а завитушки и листики — поизящнее, что, конечно, не удивительно, если учесть, что он рисовал не кисточкой.

Как раз тогда, когда я завязала на бинте последний узелок, король положил на стол законченный браслет, выглядевший так, будто его никогда и не роняли ни в какой кипяток.

— Не в точности похоже, — критически оценил он сам свою работу и добавил:

— Но, думаю, твоя суматошная родственница это вряд ли заметит.

— Если заметит — расскажем все, как было, — мягко отозвалась я. — Ничего страшного. Спасибо тебе, Лид. И не суй больше руки ни в кипяток, ни в мясорубку, даже если я буду очень тебя об этом просить и умолять. Ладно?

Король слабо улыбнулся, видимо, показывая, что оценил мой юмор, и торжественно кивнул.

Родственники пришли, как и обещали, к обеду, одновременно с Наткой, и застали нас с королем мирно сидящими рядышком на диване. Мы делали вид, что рассматриваем репродукции в большой книге о художниках, но на самом деле Лид по моей просьбе показывал с помощью мультиков, какие в его королевстве носили украшения. Натка при виде нас подняла брови, а Ира сразу обратила внимание на Лидову руку, забинтованную по самое запястье:

— Ой, где это ты так?!

— Кипяток, — отозвался Лид кратко и правдиво. Натка снова бросила на меня взгляд, на сей раз восхищенно-опасливый, я сердито затрясла головой, показывая, что она додумалась до ерунды. Подруга хмыкнула слегка разочарованно и пошла с Ирой на кухню, помогать с обедом.

Ира оказалась умнее, чем полагал самонадеянный Лид: конечно же, она сразу заметила изменения, и, придя с кухни, недоуменно сказала:

— Ой, мой браслет как будто кто-то перерисовывал...

— Это Лид, — поспешно выпалила я, — но виновата я, извини, пожалуйста. На браслет попал кипяток, и часть рисунка расплылась, а Лид умеет рисовать, и он тебе узор восстановил... Не сердись?

— Ну конечно нет! — всплеснула руками Ира. — По-моему, получилось просто здорово! Леня, ты так хорошо рисуешь! Но зря ты с больной рукой так мучился: я бы и сама подрисовала, подумаешь...

— Нет, я мучился не зря, — изрек король, подумал и уточнил:

— И не мучился.

Тут меня с кухни позвала Натка, которой требовалась помощь в вытирании посуды. Как только я вошла, подруга быстро прикрыла кухонную дверь, посильнее включила воду и, склонившись к моему уху, сказала громким шепотом:

— Сонька, чего тут у вас было? Ты с ним говорила?

— О чем? — удивилась я. — ...А, об этом. Неа. Совсем из головы вылетело. И вообще, я же хотела отъезда родственников подождать.

— Да я помню, но только смотрю, вы с вашим величеством сидите растрепанные и радостные, будто поцапались, а потом помирились. И что у него с рукой?

— Ох, — вздохнула я и коротко пересказала Натке весь случай с браслетом. Подруга слушала, морщась и крутя себе длинную челку, а под конец изрекла:

— Мда...

— Чего мда? — напряглась я.

— Да ничего: клиника какая-то.

— Вот именно, Нат! До меня только сегодня дошло, понимаешь? — от полноты чувств я со всхлипом набрала воздух. — Он не жестокий и не равнодушный. Он больной! Инвалид, понимаешь?

— Чего инвалид?! — отвесила челюсть подруга. — Умственного труда?!

— Не совсем... Ум-то у него есть. У него чувств нету, но только не потому, что нету, а потому что их с детства в нем давили! Он их выражать совсем не умеет! Я до этого думала, что ему на всех наплевать...

— А теперь чего?

— А теперь поняла, что ему действительно наплевать на ВСЕХ! На себя тоже! То есть он искренне не понимал, чего я его жалею, если больно не мне! Вот поэтому и он никого ни любить, ни жалеть не умеет, потому что его самого никогда не любили и не жале-е-ели...

— Ну, пошла, — махнула рукой подруга, присаживаясь за стол, — хуже Маришки. Чего ты расхлюпалась?

— Жалко его.

— Этого еще не хватало... Ладно, пускай ты права, но Лид из-за этого лучше, что ли, делается? И не вздумай учить его жалеть, и тем более, любить — а то я тебя знаю!

— А что я делаю-то? Просто стараюсь с ним по-человечески разговаривать.

— Ну хорошо, разговаривай. Обратного-то отправлять его когда будешь?

— Вот, как и говорила, через недельку где-то... — пробормотала я неразборчиво и вздрогнула от звука открывшейся двери: на кухню всунулся Лид.

— Твои родственники спрашивают, куда вы запропастились, — сказал он, меряя меня непонятым взглядом, — а я присоединяюсь к их вопросу.

— Да идем мы, идем, твое величество, не извольте казнить, — проворчала Натка и, подхватив посудную гору, двинулась в большую комнату.

После обеда, за которым король даже что-то съел, мы расползлись кто куда: Натка снова убежала по зову своих родителей, Маришка под столом играла с новой куклой, а ее родители развалились на диване в сытом полусне. Мы же с Лидом удалились в нашу комнату, где король, остановив взгляд на моей книжной полке, проявил интерес к атласу звездного неба. Я предупредительно вытащила его сама, чтобы он не травмировал обожженную руку: все-таки ему явно было больно, потому что он старался не шевелить пальцами и брал все только левой. Лид с любопытством поразглядывал созвездия нашего полушария и заметил:

— Честно говоря, на вашем небе я видел от силы половину из них.

— Еще бы, — вздохнула я, — у нас же тут Москва, смог... Да и вообще, звезды в нашей полосе видны плохо: туч много. Вот на юге... Или в горах... Мне всегда астрономия нравилась, и как наука, и просто на звезды смотреть... Я ведь, когда доучусь, по специальности буду физик-астроном! — объявила я с гордостью. Лид задумчиво подняв глаза, оглядел собственную потолочную лепнину.

— Знаешь, Соня... — медленно произнес он. — Здесь есть один мир, где очень хорошо видны звезды. Если хочешь, я тебя могу туда отвести.

— Я не против, но... Где это он «здесь»? — я испуганно оглядела комнату. Король улыбнулся и качнул головой:

— Здесь, то есть недалеко от твоего подъезда, за гаражами, как они называются...

— «Ракушки»?

— Да. Когда я вынужден был приходить к тебе в гости, я проходил через улицу и заглянул туда. Проход в другой мир сейчас весьма устойчивый, опасаться нечего, по крайней мере, если я буду с тобой.

— Я и не опасаюсь, — отозвалась я правдиво, — у меня просто дух захватывает. Я же тут с детства живу... И за этими гаражами тысячи раз лазала! То есть я все это время ходила мимо здоровенной дырки в другой мир?!

— Ну да, — подтвердил Лид и вскинул голову. По его домашней одежде пробежал переливчатый свет, и она превратилась в «костюм тореадора». Король поправил манжету над забинтованной рукой, слегка притопнул ногой, видимо, уминаясь в сапоге, и сказал:

— Пойдем, Соня?

— Пошли. Только через дверь, чтобы родственники знали, что мы

идем на улицу.

Упомянутые родственники на мое сообщение о том, что мы пойдем прогуляться, почти никак не прореагировали, только Ира пробормотала: «идите-идите, подышите».

На улице как раз дышать-то было особенно нечем: сгустились жаркие безветренные сумерки. Лид, как и обещал, завел меня за ряд ржавых и ободранных гаражей. Под ногами у нас хрустело битое стекло и осколки кирпичей, сзади по спине скребли ветки каких-то дремучих кустов.

— Ой, Лид, тут далеко? — пропыхтела я. — А то тут скоро не только ты, но и я буду в бинтах...

— Нам вот сюда, — отозвался Лид, показывая на узкий проход между двумя гаражами. Он тоже был наполнен битым кирпичом и засажен вездесущими дремучими кустами до такой степени, что туда могла бы влезть, наверное, только Маришка, да и то с трудом.

— Где дыра? — предъявила я королю претензию.

— Вот, — показал он на переплетение ветвей. — Ты ее просто не видишь, Соня. Чтобы пройти в нее, надо отодвинуть эту ветку и идти вперед.

— Там некуда идти.

— Будет куда, — успокоил меня Лид и, взявшись за длинную прямую ветку, отодвинул ее вверх. — Проходи.

Я вздохнула, подняла ногу, размышляя, куда же ее поставить, если нет места, все же опустила куда попало, и вдруг нога встала на ровную твердую почву. Изображение у меня в глазах будто разломилось надвое, я зашаталась и попыталась поймать взгляд Лида.

— Шагай дальше, Соня, шагай, — подбодрил он меня, — а то у тебя, по вашей пословице, одна нога здесь, другая там...

Положив руку мне на плечо, он аккуратно подтолкнул меня вперед. Расколотый мир у меня в глазах дрогнул и почернел. Ноги встали на твердую поверхность, в лицо пахнуло довольно-таки прохладным ветром со странным, каким-то сухим и сладким запахом. Видела я пока что вместо обещанных звезд сплошную темнотищу, и поэтому боялась двигаться. За мной появился Лид: он вылез из межмировой дырки, и, все еще придерживая за плечо, продвинул меня на пару шагов вперед.

— Ну? — прошептала я, мотая головой в надежде хоть что-то разглядеть. — Звезды-то где?

— Почти везде, — ответил король, у которого, видимо, зрение адаптировалось быстрее моего. — Мы стоим на горе.

— Ну?! — снова сказала я, изо всех сил вытаращила глаза и была,

наконец, вознаграждена: тьма начала рассеиваться. Вначале я увидела далекие желтоватые огоньки где-то внизу, но потом поняла, что это, скорее всего, какие-то постройки: уж больно огоньков было много, и все они собрались в одном месте. Постепенно подняв голову, я увидела в буквальном смысле звездный купол. Миллионы крупных ярких звезд светили вниз с совершенно чистого неба. Ни одно созвездие не было, конечно, мне знакомо, о чем я слегка пожалела. Почти ровно над нашими головами висела большущая красновато-бурая туманность, а в ней, как голубые лампочки, горели несколько крупных звезд.

— Ничего себе... — пробормотала я. — Тут, кажется, неподалеку сверхновая рванула. Видишь сколько пыли и газа?

— Где? — заинтересовался Лид.

— Вот это красное облако. В нем торчат громадные молодые звезды. Наверняка кто-то из них тоже скоро рванет, через пару миллионов лет.

— Ну что ж, столько мы здесь не пробудем, так что это нас не касается, — заключил прагматичный король.

— А Луны у них, что ли, нету? — подумала я вслух.

— Что в этом такого? В моем мире ее нет тоже.

— Правда? Как вам, наверное, ночью неудобно было ходить в древние времена...

— Не знаю, Соня, видимо, я родился во времена достаточно древние, но уже тогда в темноте люди предпочитали ходить с фонарями.

— С тобой, Лид, только на звезды смотреть, — рассмеялась я. — Никакого у тебя полета фантазии.

— Какого еще полета? — озабоченно поинтересовался невидимый король за моей спиной. Представив его лицо, я опять рассмеялась.

— Ну, любого... Знаешь, мы вот с Наткой смотрели на небо и думали про бесконечность Вселенной, и про то, что, наверное, где-то есть инопланетяне...

— Правильно вы думали, — подтвердил король. — Инопланетяне есть. Например, это я. Или ты: зависит от точки зрения. А вот зачем вы думали про бесконечность, не понимаю.

— Мы пытались как-то ее представить, — призналась я.

— Это не получится, — тут же припечатал меня Лид. — Бесконечность — математическая абстракция, даже высокородные не обладают достаточной отвлеченностью воображения, чтобы представить ее.

— Лид, давай хоть сейчас не будем про высокородных и плеев! — взмолилась я. Король недовольно шевельнулся — видимо, передернул

плечами; но все же ответил:

— Хорошо. Но про плебеев я и не говорил.

— Да-да, — сказала я и оторвала взгляд от звезд, чтобы еще раз поглядеть, где мы находимся. Прояснившееся зрение тут же порадовало меня информацией о том, что мы стоим на вершине довольно-таки высокой, хотя, кажется, и не слишком крутой горы, склон которой усыпан большими валунами. Справа свет звезд что-то загораживало — видимо, еще более высокая гора, а вот слева была, кажется, низина, и в ней горели многочисленные огоньки. Я вытянула шею и сделала несколько шагов, вглядываясь в них. Меня пробрала легкая восторженная дрожь, когда я попыталась представить, что за существа могут здесь жить и как они могут при этом выглядеть. Страшные, наверное, как незнамо что... А может, наоборот, красивые, вроде Лиды...

— Осторожно — край! — вдруг грянул голос короля прямо мне в ухо: крепко схватив за плечо, он потянул меня назад. Тут я с опозданием поняла, что действительно стояла в паре сантиметров от края, и меня в очередной раз пробрала дрожь, только уже не восторженная. Мы снова сместились на безопасную середину, я отдышалась и спросила:

— Лид, ты что, хорошо видишь в темноте?

— Не знаю, насколько хорошо, но, видимо, лучше тебя. Наше ночное зрение, как и у вас, черно-белое, но, надо полагать, почетче.

— Слушай, а ты был раньше в этом мире? Не знаешь, кто тут живет?

— Нет, не был, миров слишком много, они все переходят друг в друга, нужный можно найти только случайно, — сказал Лид очень странным пониженным и сдавленным голосом, будто сообщал мне какие-то личные подробности своей биографии, и замолчал.

— Интересно было бы узнать, кто тут живет... — повторила я.

— Живет — и пусть живет себе. Не стоит без причины беспокоить созданий, живущих в других мирах.

— А по какой причине их можно побеспокоить?

— По причине завоевания, например, — радостно ответил король. Я прыснула.

— Ага, а то вдруг кого не того в темноте завоюешь...

Лид сдержанно хихикнул. Отдельно от его царственного вида это хихиканье прозвучало вполне прозаически, будто рядом со мной стояла Натка. От этого ощущения мне вдруг стало очень спокойно и уютно. И что же так изменилось-то? А, вот что — я больше не боюсь короля. Может, конечно, и зря, но уж теперь ничего не поделаешь...

Я снова подняла глаза и, к своему удовольствию, увидела, как по небу

чиркнуло несколько ярких метеоритов, оставляя за собой светлые полосы-хвосты.

— Звезды падают, — сказал Лид.

— Это метеориты, — сказала я. — Если бы звезда упала, мы тут с тобой костей не собрали бы.

— Конечно, — согласился Лид. — Просто у нас есть такое фигуральное выражение.

— Да ты что? У нас тоже. А вы желания не загадывали, пока звезда падала?

— Нет... — протянул Лид в явном сомнении. — Я не помню, но скорее всего, нет. Какие у нас там желания, — добавил он со вздохом.

— Э-э-э-э... Тридцатый дворец? — предположила я. — Заколдовать родного брата так, чтобы он не расколдовался обратно? Захватить власть навсегда и быть деспотом и самодержцем?

— Какие-то у тебя, Соня, несмотря на мои старания, упрощенные представления о высокородных, — явно обиделся Лид.

— Ну, рассказал бы побольше, были бы усложненные.

— Нет, пока что тех сведений, что у тебя есть, достаточно. Ты и без того относишься к высокородным предвзято, поскольку выросла среди плебса, а уж если я тебе расскажу подробности...

— Тебе они самому-то нравятся, эти самые подробности? — не выдержала я.

— Нравятся-не нравятся — это не критерий истинности, — мрачно сказал король за моей спиной. — И даже правильности. Чаще всего одну приятную и полезную вещь может складывать множество неприятных и бесполезных, или даже вредных. Именно этого никак не может понять плебс, и потому он плебсом и остается. Невозможно сделать так, чтобы всегда было хорошо.

— Да, но это не значит, что надо делать так, чтобы все время было плохо.

— Ты права, — неожиданно согласился король. — Это тоже крайность. Другое дело, что при определенной силе воли можно привыкнуть к этому «плохо» и превратить его для себя в «приемлемо».

— Приемлемо для меня лично тоже неприемлемо! — выразилась я, вперив глаза в большую синюю звезду над самым горизонтом. — По мне, так уж пусть лучше будет сначала как следует плохо, а потом — как следует хорошо, чем вначале плохо, а потом приемлемо.

— Конечно, — снова согласился король каким-то улыбчивым тоном, хотя я и не знала наверняка, улыбается он на самом деле или нет. — Это

гораздо лучше...

Мне не хотелось никуда уходить, королю, видимо, тоже. Мы, наверное, еще не меньше получаса простояли на вершине горы, пока наш разговор не сделался таким философским, что мы сами перестали себя понимать, да еще вдруг начал дуть порывистый ледяной ветер.

— З-знаешь ч-что, Лид, пойдем домой, — сказала я, стуча зубами. — Вроде я насмотрелась на звезды, и вообще у меня зашел ум за разум. Дырка же никуда не денется? Можно еще будет сюда вернуться?

— Да, можно, — король шевельнул рукой на моем плече. — Идем, Соня...

Наш мир встретил нас прежней противной духотищей и густыми сумерками. Мы с большим трудом выпутались из кустов и вылезли из-за гаражей. Оказалось, что на улице не так темно, как я сначала подумала: было только восемь вечера, и народ повсюду шастал туда-сюда. На лавочке сидело несколько старушек, по двору с воплями бегали дети. Краем глаза я уловила силуэт пробегающей мимо девчонки, похожей на Маришку, и, вспомнив про родственников, начала прикидывать, чем бы их покормить на ужин.

Однако когда мы явились домой, оказалось, что родственники представлены одним Леней, который сообщил, что Ира с дочкой гуляют в нашем дворе.

— А-а-а, так значит, это я Маришку видела, когда сюда шла, — сказала я Лиду. Тот равнодушно качнул головой, как бы показывая, что меня слышит, но до моих родственников-плебеев ему по-прежнему как до лампочки. Вздохнув, я пошла мыть посуду, после чего заманила короля в кухню на перевязку. Рука его выглядела не слишком прекрасно, но кожа, вроде бы, слезать не собиралась и пальцы гнулись, так что я просто применила все ту же мазь и сменила бинт. После этого король отправился в Интернет, я — читать, а Ленья — смотреть телевизор...

...Из полусонного покоя меня вывел тревожный голос Лени:

— Куда это Ирка с Маришкой подевались?

Я, тоже мигом встревожившись, вскочила с дивана и увидела, что Ленья стоит у окна одетый, с мобильником в руках.

— Недоступен, — сказал он, поймав мой взгляд.

— Может, разрядился... — вякнула я неуверенно.

— Пойду лучше на улицу посмотрю. Сколько раз ей говорил, заряжай телефон...

Продолжая ворчать, Ленья удалился. Я прилипла к окну, но там уже стало совсем темно, и ничего нельзя было разглядеть. Раздался телефонный

звонок. Это оказалась Натка, которая всегда звонила в тревожные моменты, как чувствовала. Я рассеянно поболтала с ней минут пять, глядя в спину Лиду и прислушиваясь к шагам в холле. Там действительно вскоре кто-то быстро затоптал, и в квартиру ввалился Ленья.

— Их нет нигде! — отдышавшись, брякнул он. — Весь двор обежал!

— Ох, — сказала я в ужасе.

— Ты чего? — встревожилась в трубке Натка.

— Да Ирка с Маришкой вышли гулять во двор и пропали...

— А наше величество их ни во что не превратило?

— Нет, оно у меня было на глазах...

— Все равно привлеки его к поискам, может, чего сообразит. А я к вам сейчас тоже забегу, помогу, — деловито заключила Натка, и, прежде чем я успела возразить, кинула трубку.

— Лид! — позвала я жалобным голосом. — Ира и с Маришкой пропали! Что делать?

— Успокойся, Соня, — посоветовал мне король и медленно поднялся из-за компьютера. — Собственно, где они должны были быть?

— Да во дворе гуляли! — вмешался Ленья. — Я их в окно видел.

— Когда в последний раз видел?

— Примерно часов в восемь...

— А сейчас полдесятого, — сказала я, глянув на настенные пластмассовые часы, и поежилась. Мне почему-то все время было холодно, несмотря на сегодняшнюю духоту, и изнутри поднималось какое-то мрачное предчувствие. — Лид, пойдем во двор, поищем их!

— Поищем — это как? — поднял брови король. — Будем заглядывать под лавки и кусты?

— А чего ты предлагаешь?! — сердито закричал на него несчастный Ленья, у которого сдали нервы. — Как еще искать?!

Король посмотрел на меня.

— Соня, ты хочешь, чтобы я поискал твоих родственников, или предпочла бы еще от них отдохнуть?

— Ищи, конечно! — вскинулась я. — И хватит выпендриваться, не до тебя мне...

Лид кивнул, сказал «пойдем» и широкими шагами прошел в коридор. Мы с Ленией подхватились и понеслись за ним следом.

Во дворе уже никого не осталось не столько из-за времени, сколько из-за того, что с душного неба стал накрапывать дождик. Лид прошелся по двору туда-сюда, подошел к качелям и вдруг заключил их в объятия. По крайней мере, так это выглядело со стороны, но на деле, видимо, давало

много пользы, потому что, закончив обниматься с качелями, Лид уверенным шагом переместился к детской карусельке и заключил в объятия ее. Леня тем временем о чем-то расспрашивал выползшего из подъезда дедка с палочкой, так что королевы экзерсисы наблюдала я одна.

Наобнимавшись с каруселькой, Лид так же решительно подошел к большой ветле, которая росла на краю детской площадки, и положил на нее здоровую руку. Некоторое время он стоял неподвижно, будто прислушивался, после чего лицо его вдруг стало очень серьезным и напряженным. Сдвинув брови, он медленно, будто бы неохотно, пошел к чернеющим неподалеку гаражам.

Тут у меня сдали нервы. Я подбежала к королю, схватила его за манжету и жалобно заскулила:

— Лид! Ты чего тут изображаешь фильм ужасов?! Лучше сразу скажи, что случилось, а то мне сейчас плохо станет!

— Как же, скажет он тебе! — раздался вдруг за моей спиной насмешливый Наткин голос, и мне сразу стало в три раза легче. — Эффектность — это наше все, скажи, твое величество?

— Ты еще зачем пришла? — резко осведомился король.

— А свитой буду.

Лид ничего не ответил и торжественно утек за гаражи. Мы с Наткой, подозревая и Леню, медленно потащились за ним. Чем дальше мы пробирались, тем однозначнее я понимала, в чем дело. Поэтому я уже вовсе не удивилась, когда Лид остановился возле знакомой щели между гаражами и показал мне на сломанную ветку.

— Вот. Судя по всему, Соня, этот малоразумный ребенок увидел, откуда мы с тобой выходили, и захотел посмотреть, что там. Его мать, скорее всего, пошла за ним...

— И где они?! — прохрипел Леня. Лид кивнул на сломанные ветки.

— Там. В другом мире.

— Где?! — взвизгнула Натка.

— Он не имел в виду на том свете, — поспешила я успокоить всех, — он имел в виду буквальный другой мир, мы туда недавно ходили на звезды смотреть.

— А-а-а, — поняла подруга.

— Вы чего, очумели все, что ли?! — заорал Леня диким голосом. Я его, конечно, понимала, но Лиду такое бурное выражение чувств решительно не понравилось.

— Замолчи! — приказал он таким зловещим тоном, что Леня мгновенно заткнулся и только тяжело дышал. Медленно поведя рукой, Лид

вытащил из воздуха большой старинный фонарь и, подняв его, сказал:

— Проходите туда.

— Ох, — простонала Натка, — ноги сломать можно. Там хоть светлее?

— Нет, темнее, — Лид покачал фонарем, — поэтому возьми его и иди.

Натка послушалась, взяла фонарь, сделала шаг и исчезла. В руке Лида сразу же образовался второй фонарь, который он вручил Лене, и третий, для меня. Подпихивая что-то обалдело бормочущего Леню в спину, я уже довольно уверенно шагнула и оказалась на вершине горы. Король прошел последним.

В другом мире за время нашего с Лидом отсутствия не посветлело: звезды по-прежнему сияли, метеориты по-прежнему падали, и пахло чем-то сладким. Я, подняв фонарь, взгляделась сквозь пляшущие тени и позвала:

— Ира! Марина!

— Тише! — вдруг зашипел на меня король.

— Чего? — удивилась я. — Как тише, если их искать надо?

— Все равно не кричи, — велел Лид и напряженно застыл, то ли вслушиваясь, то ли вглядываясь куда-то.

— Если честно, твое величество, — прошептала Натка, — ни фига это место не романтическое. От него мороз по коже дерет! И чего вы только с Сонькой тут забыли...

Лид, игнорируя ее, осторожно свесился с края обрыва, покачал фонарем и, выпрямившись обратно, сказал мне:

— Как я и думал, там проходит дорога. Мне уже в прошлый раз это показалось...

— Какая дорога? — прошептала я. — Куда??

— Вот именно, — сказал Лид, наклонился и вдруг изо всех сил обнялся со стоящим на краю валуном. Потом разжал руки и снова обнялся, с еще большей экспрессией. Мы все вздрогнули, Леня жалобно спросил: «чего он выделяет, а?».

— Так, — сказал король, медленно разжимая объятия. — Плохо. Даже очень плохо.

— Ты не понравился камню? — мрачно пошутила Натка. Лид медленно встал на ноги, стряхивая пыль с забинтованной руки, и ответил:

— Нет. В этом мире мое колдовство почти не действует. Колдовать я буду хуже какого-нибудь простолюдинского колдуна. Единственное, что я понял, что твоих родственников, Соня, подобрали воины-простолюдины, проезжавшие по нижней дороге в сторону жилья, — он показал на желтые огоньки.

— Там деревня какая-то, что ли? — спросил Леня.

— Я думаю, что там королевство. Примерно такое, какое было в свое время у меня самого. И правит им король, который имеет обыкновение брать в плен забредших в его владения простолюдинских женщин. Не знаю, чем они могут привлекать высокородного, но такое довольно часто встречается, а потому наиболее вероятно. Видимо, по его мнению, красота может компенсировать недостаток ума и воспитания.

— Значит, Ира теперь кто? — спросила я.

— Рабыня или пленница, — информировал король.

— А ребенок? — пискнула Натка.

— Потенциал. Она тоже женского пола.

— Что же делать?! — воскликнули мы хорovým шепотом.

— Разумнее всего было бы вернуться в ваш мир и найти там другую симпатичную простолюдинку.

— Слушай, ты! — зарычал Леня, порываясь схватить короля за грудки. — Трусишь, так вали отсюда! Свою жену бросай!

— Не трогай меня, — брезгливо приказал король и уселся на валун, поставив фонарь на колени и величаво выпрямившись. — Я не прошу тебя бросать жену. Поступай, как считаешь нужным. Просто я сам не имею привычки носиться за разбегающимися и теряющимися простолюдинами, но если тебя это развлечет, то иди.

— Леня, погоди его колотить, — попыталась я успокоить издавшего рык Ириного мужа. — Он король. И он не трусит, ему просто на всех чихать. Сейчас я с ним договорюсь. Лид, слушай, я не хочу с тобой ссориться, просто скажу тебе, что я в любом случае иду с Леней. А ты как знаешь.

— Догадывался, что ты это скажешь, Соня, — сказал Лид мрачно и оглядел всех нас. — Хорошо, но тогда осознайте, что там, куда вы идете, вас с большой вероятностью могут убить, а я в этом мире — небольшой помощник.

— Почему небольшой? — встряла Натка. — Ты вон какой здоровый! Руки-ноги есть? По башке кому-нибудь дать можешь? Ну и достаточно! Сходи только в наш мир, наколдуй нам всяких там луков, мечей и стрел, и возвращайся!

— Что вы будете делать со всем этим оружием? — поинтересовался Лид насмешливо. — С ним надо уметь обращаться. Ничего я вам не дам, вы перестреляете и перережете друг друга. А себе оружие создать мне и здесь сил хватит, хотя уйдет больше времени... Надо спуститься с горы на дорогу, — сказал он каким-то другим, не похожим на себя голосом, словно перешел из дворянского режима в деловитый. — Я проведу Соню, ты,

Леня, Натку. Если начнете падать, делайте это молча. И фонари надо погасить.

Свой фонарь он тут же и задул. Я принялась дуть на свой, но фитиль только лучше разгорался, и в конце концов я в буквальном смысле плюнула на огонь, тогда только он потух. Остальные тоже кое-как справились со своими фонарями. Постояв пару минут, чтобы глаза привыкли к темнотище, мы поползли с горы. Она оказалась неожиданно крутой и высокой, да еще очень мешались валуны. В процессе спуска я, кажется, наобнималась с королем на сто лет вперед: он то и дело стаскивал меня с очередного камня, взяв под мышки или за талию. Неподалеку в том же режиме кряхтели Натка и Леня.

— Лид, — прохрипела я, кашляя сладковато пахнущей местной пылью.

— Еще недолго осталось, Соня.

— Нет, я хотела спросить, тебе не тяжело меня таскать? У тебя же рука...

— Нет, не тяжело, — выдохнул король мне в лицо; его волосы проехали по моему носу. — Осторожно, камень.

— Ого, — раздался вздох Натки, — кажись, почти доползли.

И точно: перевалив через последние камни, мы прыгнули на ровную поверхность. Кажется, это и правда была дорога, мощенная крупным булыжником.

— Тут светло-то бывает? — вздохнула я, чуть не подвернув ногу. — Ли-ид...

Король мрачно застрял посреди дороги. Услышав меня, он медленно подошел к краю и уселся, свесив ноги в канаву.

— Так, — произнес он. — Теперь я догадываюсь, куда мы попали. Мир Долгой Ночи. Нарочно не придумаешь...

— А чего?

— Здесь живут люди, но действует не всякое колдовство. Здешние короли поэтому очень сильные колдуны, и, если ничего не изменилось... В общем, Соня, если ты встретишься со здешним королем, то сразу поймешь, что зря жаловалась на меня. Правители Мира Долгой Ночи обычно предпочитают стиль правления вроде абсолютного деспотизма, когда король, подобно плебею, вместо того чтобы делать то, что должно, идет на поводу у своих мелких желаний. За это мы всегда презирали здешних правителей. Только им до нашего презрения как до лампочки! — заключил он вдруг жизнерадостно.

— И что будем делать? — спросила я тихо.

— Надо идти в королевство. И говорить с нынешним королем.

— Кто с ним будет говорить?! — ужаснулась Натка.

— Я, естественно, — сказал Лид. — С простолюдинами он общаться не будет, только с равным.

— Равным-то равным, только он, небось, может здесь колдовать, а ты...

— Что делать. Как у вас говорят, ворон ворону глаз не выклюет...

— Ага, — вздохнула я и нервно зевнула.

— Соня, ты устала? — немедленно озабочился мной Лид. — Сейчас уже поздно по вашему времени, лучше бы поспать несколько часов. Я найду подходящее место — вон там, например, среди деревьев.

— А если рассветет и нас заметят?

— Не рассветет. Еще дня два не рассветет, — успокоил меня Лид. — И не заметят, мы уйдем подальше от дороги. Пошли.

— Какого хрена! — возбух Леня. — Потом подрыхнете! Надо Ирку искать!

— Иди и ищи, — пожал плечами Лид. — Я тебя не задерживаю.

Леня осекся под напором королевского равнодушия и, что-то бормоча, послушно побрел вместе с нами вглубь леса.

Лид протащил нас довольно далеко, по-прежнему запрещая зажигать фонари. Я не переломала себе ноги об упавшие деревья каким-то чудом, и не упала сама только потому, что король цепко держал меня за руку. Леня, судя по шуму, пару раз ронял себя и Натку, но Лид продолжал чесать вперед не оглядываясь, а я просто почти ничего не видела в темноте.

Наконец мы вылезли на небольшую полянку, окруженную толстенными деревьями вроде наших дубов. С них периодически падали нам на головы и плечи тяжелые холодные листья. Сама поляна поросла высоченной, но очень тонкой и сухой травой, которая громко, как папиросная бумага, шелестела. Опять пахло чем-то сладким, и этот запах уже начал действовать мне на нервы.

— Здесь мы будем ночевать, — объявил Лид и без лишних слов плюхнулся прямо в траву.

— Костерчик бы зажечь, а, твое величество? — жалобно сказала Натка. — Или хоть одеял нам каких наколдуй — холодно же.

— Ага, — поддержала ее я, обнимая себя за плечи, потому что была в летнем платье с короткими рукавами и не догадалась захватить из дома ветровку. Лид поглядел на меня снизу вверх, прикрыл глаза и с явным напряжением принялся делать руками замедленные движения, будто пытался разрезать ребром ладони студень. В воздухе перед ним медленно,

чуть ли не по миллиметру, начала проявляться какая-то белая вязаная тряпочка вроде покрывала. Я в молчании наблюдала за этим: Лидово напряжение вдруг так передалось мне, что я начала машинально стискивать кулаки, как бы помогая ему. Тряпочка рождалась в час по чайной ложке. Натка вздохнула и принялась рвать изобильную траву, проворчав:

— Ну ладно, сено — тоже хороший утеплитель.

— Это он че, колдует?! — потрясенно прошептал Леня за моей спиной.

— Ну да, — сказала я тоже шепотом, — но в нашем мире это у него гораздо лучше выходило...

— Он серьезно, что ли, король?

— Ох, Лень, серьезней некуда.

— А где ты его взяла?

— Нечаянно расколдовала, — буркнула я и пошла помогать Натке рвать травку, чтобы скоротать время. Леня, подумав, присоединился к нам, видимо, чтобы просто чем-то занять руки. Поэтому через полчаса, к тому времени, как Лид дотворил свое белое покрывало, полянка уже выглядела так, будто по ней прошла хорошая сенокосилка, а мы собрали небольшой стожок.

— Соня, — негромко позвал меня король. Я подбежала, отряхивая руки, и получила в них покрывало.

— Вот, — сказал Лид и добавил устало: — если бы я его соткал вручную, по-моему, было бы быстрее. Тяжелый мир для колдовства.

— Спасибо большое, — сказала я, заворачиваясь в тряпочку, — а Натке и Лене...

— Они вполне обойдутся травой, — отрезал король. — Я не буду тратить часы, изготавливая постели для них.

— А для себя?

Лид, уже успевший подтянуть к себе какую-то длинную корявую палку и начавший колдовать над ней, закрыв глаза, пробормотал:

— ...Тем более.

Я поняла, что ничего от него не добьюсь, и со смущенным видом потащила на кучу сена к Натке и Лене, чувствуя себя какой-то нехорошо избранной со своим белым покрывалом.

— Ну чего, шиш он нам сложил? — поняла все по моему виду Натка и повернулась к Лене. — Привыкай, Лид у нас только Соньку обслуживает... Ладно, твоего покрывала вообще-то как минимум на двоих хватит.

— Я курткой обойдусь, — вздохнул Леня. — Сонь, он костер разведет?

— Вряд ли, он опять чем-то занят.

— Давай тогда ты, у тебя же зажигалка есть, — деловито приказала ему Натка. Леня кивнул. Мы очистили кусок поляны до земли, чтобы не устроить в здешнем сухом лесу пожар, натаскали веток и развели огонь, на всякий случай небольшой. К королю приставать было бессмысленно: он усиленно колдовал, поэтому мы грустно сели на корточки вокруг пламени и уставились друг на друга.

— Пожрать-то он нам теперь тоже не наколдует? — поинтересовалась Натка. — Эх, надо было из дома чего-нибудь взять...

— Не знаю, может, и наколдует, если я попрошу, — сказала я неуверенно.

— А он тебя чего, так любит? — спросил Леня тусклым голосом.

— Не знаю, — ответила я честно. — Просто у них, у королей, принято слушаться своих спасителей. Я же говорю, расколдовала я его. А заколдовали — подданные, которым он надоел хуже горькой редьки...

— Да, странный мужик, — согласился Леня и сделал запоздалое открытие: — Так его не Леонидом, что ли, зовут?

— Его зовут Лид, — вздохнула я. — А полное имя Лидиорет.

— Бабское какое-то... А фамилия у него есть?

— Не знаю, не спрашивала, но похоже, что нету. Он не с Земли, понимаешь? Не из нашего мира.

— Башка трещит, — мрачно ответил на это все Леня. — Если я закурю, этот твой ругаться не будет?

— Не знаю, наверное, нет... Отойди на всякий случай за дерево, чтобы не видел.

Леня кивнул и вышел за круг света, падающий от костра. Я тоже выпуталась из покрывала, оставив его Натке, и пошла выяснять насчет еды.

Лид все колдовал над палкой, творя из нее что-то плохо видимое при слабом звездном свете. Вроде бы, он почти заканчивал, поэтому я тихо подала голос:

— Лид, извини, что я тебя тереблю...

Он поднял глаза.

— Ничего страшного, Соня, я хотя бы отдохну от здешнего процесса колдовства.

— Э-э-э, с отдыхом, как раз, наверное, не получится, — сказала я виновато. — Мы есть хотим...

Лид со вздохом кивнул и махнул забинтованной рукой, как бы покоряясь судьбе.

— Хорошо, идем.

Мы вместе подошли к костру. При свете пламени я разглядела

странную штуковину, которую волок за собой Лид. Это оказалось что-то вроде тонкого длинного меча из светлого, почти белого металла. Одна сторона меча была острая, другая — в мелких крючках и зазубринах. Перед тем как сесть возле нашего костра, Лид пижонским размашистым жестом воткнул меч в землю, и огненные отражения мелко задрожали на блестящем лезвии и рукоятке со сложной мелкой резьбой.

— Ого! — подняла большой палец Натка. — Круто сотворил, твое величество! А зазубрины зачем? Хлеб этой стороной нарезать? А в ручке открывалки нету?

— Этим мечом можно наносить колющие, рубящие и режущие удары, — информировал Лид холодным голосом. — Впрочем, нарезать продукты им тоже можно, как всяким ножом.

— Да уж, было бы только, что нарезать...

Лид перевел глаза на меня.

— После этого оружия я могу сделать только простые продукты вроде хлеба и воды.

— Ну и ничего, — успокоила я его. — Хоть с голоду не помрем... — Но, взглянув на меч, все же не удержалась и упрекнула:

— Может, у тебя бы осталось побольше сил, если бы ты так не расписывал его рукоятку. Сделал бы простой, гладкой, да и все!

Лид не рассердился, но одарил меня снисходительно-жалеющей королевской улыбкой.

— Попробуй, Соня, поднять за гладкую ручку предмет такого веса и помахать им, — предложил он, щелкнув по мечу. — Он просто выскользнет у тебя из рук. Ты думаешь, что я не понимаю, где я нахожусь? Меня тоже совершенно не волнует красота оружия, но оно должно быть... Эргономичным, если это правильное слово.

— Правильное, — вздохнула я и тоже пощупала эргономичный меч, который оказался холодным, как лед. — Лид, хлеб колдовать будешь, сотвори заодно себе бинтов.

— Не буду я тратить на это силы, — отрезал король и, снова закрыв глаза, с мученическим видом выдавил из воздуха кривую буханку темного хлеба и какое-то странное деревянное ведро вроде ушата, наполненное водой. Закончив, он перевел дыхание. Мы с Наткой неосознанно сделали то же самое.

— Все, теперь ешьте и спите, — приказал король, встряхивая руками, будто они у него затекли, и поднялся.

— А ты куда? — озаботилась я.

— Надо что-то придумать с охраной поляны, чтобы нас не могли

застать врасплох, — обернувшись, сообщил Лид и канул во мрак. Мы с Наткой подозревали Леню и принялись за свой тюремный ужин. Правда, хлеб и вода производства короля оказались хорошего качества, так что особенно сетовать нам не пришлось.

Лид вернулся минут через пятнадцать, с сонным и бессильным видом плюхнулся прямо на землю впритык к костру и улегся на бок лицом к пламени. Проигнорировав наши попытки отодвинуть его от огня и сунуть ему оставшийся кусок хлеба, он немедленно заснул мертвым сном.

— Фу ты, господи, — выдохнула Натка. — Ладно, давайте тоже спать. Леня, сгребй угли подальше от его величества, а то он себе все волосы сожжет...

— И сена на него набросай, они, колдуны высокородные, сильно мерзнут во сне, — вспомнила я. Леня с мрачным видом потеревил угли кроссовкой, бросил на Лида клок травы и плюхнулся в стог сена. Мы с Наткой тоже были не в том настроении, чтобы болтать и делиться впечатлениями, поэтому завернулись в белое покрывало, как в кокон, и уснули.

...Проснулась я от холода и неудобных кочек под собой. По часам было пять утра, но небо осталось таким же черным, а звезды не собирались исчезать. Похлопав обледеневшим носом, я поняла, что если не встану и хоть немного не разомнусь, точно не усну обратно. Осторожно, чтобы не будить Натку, я выползла из-под покрывала, встала на скрюченные ноги и обнаружила, что костер практически погас. Король по-прежнему лежал на том же боку, только теперь его поза больше походила на позу эмбриона. Голова его и рука покоились практически на вяло мерцающих углях. Я поспешно отгребла угли в сторону и отправилась за дровами.

В лесу мне показалось уже не так и темно, наверное, зрение все-таки адаптировалось. Я немного отошла от периметра поляны, ухватила толстую ветку... И вдруг над моей головой вспыхнул яркий свет!

Меня чуть нехватила кондрашка. Я резко развернулась, подняв свою ветку для замаха на предполагаемого врага. Но оказалось, что надо мной прямо в воздухе транслируется «мультик»: по ярким глубоким цветам и форме «экрана» я мгновенно узнала творчество Лида. Только на этот раз мультик правильнее было бы назвать не мультиком, а фильмом, хоть и каким-то очень запутанным. Мелькали лица, пейзажи, иногда сливаясь в такую мешанину, что ничего нельзя было разобрать. Промелькнула и физиономия Натки, и часть моей квартиры, а потом вдруг появилась я сама. В Лидовой интерпретации я себе решительно не понравилась, потому что стояла, уперев руки в бока, с гадливо перекошенной физиономией и

взглядом, полным отвращения, и что-то говорила, беззвучно открывая рот. Речь моя, явно обвиняющая, длилась не меньше минуты, а потом я резко исчезла, изображение смазалось, и постепенно проступил знакомый мне пейзаж. Кажется, это был наш деревенский луг, но не солнечный, а с нависшими над ним унылыми серыми тучами. И этот луг не кончался лесом, а уходил в какую-то печальную бесконечность...

Я отвернулась от странного «мультика», подобрала выроненную палку и медленно пошла дальше. В поисках дров я прошла по всему периметру поляны, и через каждые несколько шагов на моем пути загорались висящие в воздухе «мультики», причем так резко, что я пару раз даже чуть не вскрикнула от неожиданности. К тому времени, как я вернулась обратно, подпирая подбородком кучу дров, мне стала ясна простая до гениальности мысль Лида: любой неподготовленный человек, над которым в темноте резко зажжется «мультик», вскрикнет или ахнет, или хотя бы затрещит ветками, таким образом оповестив о своем присутствии... Правда, не факт, что сам король, дрыхнувший мертвым сном, проснулся бы от какого-то повизгивания...

— Соня, зачем ты ходила вокруг поляны? — вдруг раздался у меня под ногами шепот невидимого Лида. Оказывается, он не спал и смотрел на меня, приподнявшись на локте.

— Я... Костер хочу опять разжечь, уж очень холодно. Здорово ты придумал «мультики» повесить.

— Это единственное, что легко у меня здесь получается, приходится обходиться, чем есть.

— А почему ты проснулся? Я же не кричала, кажется.

— Я просыпаюсь, когда любой из этих, как ты выражаешься, «мультиков», загорается.

— Ясно... А что за путаницу они показывают?

— Я проецирую в них свои сны, — сказал Лид и начал подкладывать дрова в костер красивой аккуратной решеточкой. — Спи, Соня, еще рано. Но запомни на будущее: здесь нельзя ходить поодиночке. Если что, буди меня или своих подручных простолюдинов.

— Угу, — согласилась я и пошла укладываться. Оказалось, что моя подручная простолюдинка Натка смотала на себя почти все покрывало. Кое-как с ругательствами вытянув из-под нее кусок, я завернулась в него и уснула.

Второй раз я проснулась от голосов над моей головой и, разлепив глаза, осовело уставилась в по-прежнему черное небо. Теперь мои наручные часы показывали одиннадцать утра.

— Проснулась, Сонь? — поинтересовалась Натка, подходя и присаживаясь возле меня на корточки. — Наше величество выспалось и изволило расширить меню. Кроме хлеба и воды у нас теперь есть вяленое мясо и вот этот синий фрукт лично для тебя по благу. Мне он его надкусывать запретил.

— Ой, Нат, да не обращай ты на него внимания, сейчас между всеми разделим, — отмахнулась я, вставая.

Леня у бодро горящего костра с усилием грыз кусок вяленого мяса, а король опять занимался колдовством над какими-то палками. Я проглотила свою долю хлеба с мясом, и, поднеся синий фрукт ко все еще воткнутому в землю Лидову мечу, разрешила его на четыре почти равные части. Натка и Леня довольно зачавкали, но король, когда я попыталась подсунуть ему его долю, решительно отказался, сообщив противным голосом:

— Соня, избавь меня от демонстраций своего мелкого демократизма, я занят.

— Подумаешь, — обиделась я и незаметно для себя съела королевскую долю. Когда я, облизывая синие от сока пальцы, устроилась у костра на свернутом покрывале между Леной и Наткой, Лид, наконец, прекратил колдовать и поднял с земли небольшую, но очень странную штуковину, похожую на игрушечный арбалетик и сделанную из того же светлого металла, что и меч.

— Это что такое? — тут же спросила Натка.

— Шипострел. Стреляет металлическими шипами с ядом или с усыпляющим настоем.

— А у тебя какие? — встревожилась я. — Ядовитые или усыпляющие?

— Усыпляющие, — успокоил меня король. — убивать кого-либо здесь будет крайне нерационально, потому что нас тогда будут пытаться задержать гораздо более старательно, из-за мести.

— Гуманный повод... — проворчала Натка. Лид же снова уселся у костра, скрестив ноги и положив обожженную руку на рукоятку меча, торчащего из земли.

— Послушайте меня, — произнес он негромко, но значительно, оглядев нас всех. Что-что, а уж ловить внимание король умел: мы уставились на него, как загипнотизированные.

— Так вот, — продолжил Лид после порядочной паузы. — Я продумал путь наших дальнейших действий. В нынешней ситуации нам, чтобы выйти обратно с наименьшими потерями, нужно делать три вещи: блефовать, запугивать и мародерствовать. С последнего мы и начнем, — заключил он, не обращая внимания на Леню, подавившегося мясом. — Нам

нужно добраться до местного короля. Но, во-первых, это очень неблизко, а во-вторых, без надлежащего вида он не воспримет нас всерьез. Значит, нам нужна карета или повозка. Делать ее для меня сейчас слишком долго, значит, возьмем на дороге, пока темно. Я буду пользоваться своим оружием, а вы возьмете палки или камни...

— О, господи, — сказала я в ужасе. — Лид, ты что, собрался прирезать кого-то из местных солдат?

— Нет, конечно, они могут быть опасны. Лучше подойдет кто-то из мирных простолюдинов, — деловито сообщил король.

— Даже не думай! — закричала я шепотом. — Усыпи их, но не убивай.

— Я так и собирался сделать. Я ведь только что сказал тебе, что убивать здесь нам невыгодно... Меня беспокоит не это, а то, что карету надо будет привести в соответствующий нашей с тобой высокородности вид...

Лид озабоченно повел руками в воздухе, покачал головой, резко встал и сказал:

— Нет, никуда не годится. Не снимайтесь пока с места, я попытаюсь увеличить свою силу.

— Как? — заинтересовалась Натка. Король ее вопрос проигнорировал, зато подошел к ближайшему дереву и крепко с ним обнялся. И тут началось нечто странное: дерево издало скрип, как рассохшаяся доска, и видимая нам при свете костра часть ствола начала стремительно сереть. Потом скукожилась и начала отваливаться кусками кора, обнажая гладкую сухую древесину, со щелканьем стали отпадать мелкие веточки, и когда они падали, было видно, что листья на них тоже совершенно жухлые, как сморщенные тряпочки. Через минуту от живого дерева осталась одна мумия. Лид разжал руки, брезгливо стряхнул с себя труху и кору и шагнул к следующему стволу...

Спустя двадцать минут все деревья, окружающие поляну, засохли в ноль и стали похожи на декорации к фильму ужасов. Лид снова подошел к нам, на ходу встряхивая руками и прислушиваясь к чему-то ему одному понятному, как пианист перед игрой.

— Ну, хотя бы что-то, — сказал он удовлетворенно. — Теперь я смогу колдовать быстрее. Соня, тебе нужна еще какая-то еда?

— Нет, — прохрипела я, стараясь не глядеть на дохлые деревья. — Что-то аппетит пропал.

— Да пошли отсюда! — подытожил Леня, вставая. Лид кивнул, подобрал с земли свой мини-арбалетик и закинул его на плечо, а меч воткнул себе куда-то за спину. Я аж вздрогнула, но потом поняла, что у него

просто там расположены ножны. Поглядывая на спокойно сияющие в просветах между ветвями звезды, мы устремились за широко шагающим королем в сторону дороги, морально готовясь заниматься мародерством.

Дорога была все на том же месте, все такая же пыльная, неровная и пустая. Лид быстро прошел по ней до небольшого поворота и велел нам с Наткой засесть в густых кустах у обочины, а Лене молча указал на канаву.

— Это еще почему так? — возмутилась я.

— От женщин в бою толку меньше, — объяснил Лид и с деловитым видом тоже улегся в канаву.

— Ничего не меньше, — нервно возразила я, сжимая в потной руке заранее приготовленную палку. — Я тоже к вам в канаву хочу!

— Соня, не капризничай, — оскорбительно оборвал меня король. Я временно сдалась, и мы принялись ждать, на кого напасть.

...Через полчаса у нас с Наткой затекли ноги и мы начали ходить кругами по кустам. Через час мы вылезли на дорогу и принялись уныло переходить ее туда-сюда. Король упорно продолжал сидеть в канаве и нам запретил продвигаться вдоль дороги хотя бы на сантиметр. Леня вздыхал и, судя по запаху, курил.

— Ну и когда тут кто-то проедет?! — не выдержала я наконец.

— Соня, имей терпение, — спокойно отозвался Лид. — Здесь не МКАД.

Натка прыснула, но тут же напряглась и прислушалась.

— Ребят, может, я ошибаюсь, но по-моему кто-то едет...

Я тоже прислушалась и уловила отдаленный топот копыт. Ноги у меня сделались ватными, я попятилась к канаве и ощупью принялась спускаться в нее. Лид одним рывком втянул меня вниз и сделал то же самое с лезущей за мной Наткой. Мы взяли палки наизготовку и вытянули шеи, вглядываясь и вслушиваясь.

Топот и грохот резко угромчились, будто на нас пер целый скорый поезд... я охнула и осела на землю под рукой короля, резко надавившей мне на плечо.

— Эй, ты чего? — пискнула Натка, с которой поступили аналогично.

— Жить хочешь? Пригнись! — кратко отозвался Лид и сам нагнул голову. Я мало что понимала, до меня дошло только, что мародерствовать мы пока не будем. Грохот стал маловыносимым, что-то несколько раз проехалось, казалось, прямо по нашим головам. Потом все затихло. Я осторожно пощупала давящую мне на плечо шершавую от бинта руку Лида.

— Что там такое было?

— Несколько карет, судя по всему, со стражами дороги.

— А, гаишники, — хмыкнула Натка.

— А чем они плохи-то? — спросил Леня.

— Нам нужна одиночная карета. И встречаться с теми, кто приближен к здешней власти, тоже пока ни к чему.

— Блин, — сказал Леня сквозь зубы, опускаясь обратно в канаву. — Найду Ирку, вообще на улицу выходить ей запрещу...

Теперь мы сидели, уже не вылезая на дорогу и практически молча. Прошло еще часа полтора, мы все извелись и извертелись, а Лид был спокоен и неподвижен.

— Лид, вас что, в детстве тренировали на терпение? — наконец, прошептала я. — Или ты сам по себе такой?

— Что ты имеешь в виду? Здесь негде особенно проявлять терпение. Тебе и самой будет гораздо легче ждать, если ты перестанешь все время менять позу...

— Едет!!! — вдруг прервала нас Натка придушенным воплем. — Едет кто-то!

Король прислушался.

— Звук другой. Это одна карета. Приготовьтесь.

— Что нам делать?! — отчаянно пискнула я.

— Не лезть впереди меня, — ответил он.

Грохот и скрип быстро приближались: видимо, карета чесала на всех парах. Как же мы успеем быстро ее остановить — она же просто пронесется мимо?! Лид, видимо, подумав о том же, одним прыжком выскочил из канавы и бегом попятился метров на двадцать. Я тоже принялась вылезать, но ничего толком не успела сделать.

Из-за поворота, кренясь, вылетела высоченная штуковина вроде английского кэба: на ней был прикреплен фонарь, и при его свете я увидела лицо держащего вожжи человека и морду животного, которое тащило весь этот транспорт, и чуть не прынула назад. Животное напоминало толстую облысевшую лошадь со складчатой, как у носорога, шкурой и сплюснутой мордой, из которой во все стороны торчали зубы и выпученные глаза, а возница оказался человеком с черным лицом и черными глазами, к тому же заросшим черной курчавой бородой: светились лишь белки глаз и зубы, почти такие же здоровенные, как у лошади.

Квазилошадь неслась на всех парах, и вряд ли мы бы сумели ее остановить, если бы не Лид.

Он встал посреди дороги, раскинув руки, и перед ним образовался громадный, в два его роста, «экран», который вспыхнул так резко, что мы

на секунду зажмурились. А когда открыли глаза, оказалось, что экран показывает нарезки из «Тома и Джерри».

Нервный смех Натки в данной ситуации прозвучал неадекватно, но я ее понимала, потому что сама едва не захохотала в голос. Главное, что мультик произвел нужное впечатление: возница натянул вожжи, закрывая глаза локтем, а лошадь затрубила, как слон, и принялась, упираясь, тормозить передними ногами. Мы с Наткой подхватились и кинулись бежать к карете, размахивая палками. Уже подбежавший Леня попытался обойти начавшую вдруг буйствовать лошадь, а Лид вскочил на козлы и, выдернув из-за спины меч, с широким размахом опустил его на голову возницы.

— Мама! — услышала я свой визг и сочувственный голос Натки:

— Да ладно тебе, он его плашмя приложил...

И точно: возница осел на козлах обалдевший, но явно живой и неизрубленный. Лошадь затрубила пуще прежнего и принялась биться, лягаясь одновременно передними и задними ногами. Лид спрыгнул с козел и, проносясь мимо нас, приказал:

— Откройте двери, посмотрите, кто внутри!

Мы послушались. Я забежала на правую сторону кареты и уже начала думать, как мне нащупать у незнакомой штуковины дверную ручку, когда дверь вдруг распахнулась сама и из нее выскочила толстая женщина в черных тряпках. Пока я думала, как ее ловчее приложить палкой по голове, она отпихнула меня в сторону, и, вопя громким голосом что-то неразборчивое, бросилась к лесу.

— Леня, поймай ее! — снова раздался откуда-то повелительный голос Лида. Леня догнал женщину и, ухватив за необъятную талию, принялся оттащить от кустов. Мы с Наткой подоспели ему на помощь, и кое-как втроем нам удалось задержать ее и даже подтащить обратно к карете, хотя вопила и лягалась она ужасно.

Лид, оказывается, тоже не сидел на месте, а висел на лошади. Он буквально повис на шее у отчаянно трубящего животного, крепко сцепив руки в его небогатой гривке. Животное брыкалось, Лида иногда подбрасывало в воздух так, что тело его становилось параллельным земле, но король неизвестно зачем продолжал этот аттракцион и упорно цеплялся.

— Лид! — заорала Натка, уворачиваясь от лежащейся бабы. — Может, хорош?! Что ты делаешь?!

— Мы не сможем ехать, пока он так себя ведет! — отозвался Лид, бодро подлетая вверх, и заговорил уже не с нами, а с лошадью каким-то странным, с небольшим эхом голосом:

— Тише, успокойся, стой смирно...

Квазилошадь гипнозу, видимо, не поддавалась. Она дернула мордой и лягнула ногами так, что король отцепился от нее и отлетел на дорогу. Я невольно вскрикнула. Но Лид сразу же вскочил, снова подбежал к лошади и ухватил ее обеими руками прямо за морду, глядя ей в глаза. При свете фонаря я увидела его лицо, на котором почему-то промелькнуло крайнее отвращение...

И тут я поняла, что лошадь дергается уже скорее по инерции. Вскоре колебания ее тела затухли окончательно, и она встала смирно, но поза ее была неестественной, как у заводной игрушки. Выпученные глаза неподвижно смотрели вперед, а из пасти высунулся широкий красный язык, да так и остался висеть. Больше она, если не считать сопения, не шевелилась.

Лид медленно разжал руки, глубоко вздохнув, оторвался от лошади и так же неторопливо подошел к нам. Толстая баба в наших руках дернулась и проявила дар членораздельной речи, громко завопив:

— Не убивай нас, высокородный господин! У нас уже были стражники, они уже забрали у нас все сбережения и животных! У нас осталась только повозка!!!

— Повозка мне и нужна, — без лишних сантиментов отозвался Лид. Баба жалобно завывала:

— Хорошо, берите и повозку, только нас в живых оставьте!!!

— А что, ваших сородичей часто грабят и не оставляют в живых? — поинтересовался Лид прозаическим тоном, так что с бабы слетел весь пафос. Она пожала плечами и неуверенно пробормотала:

— Частенько, честно говоря... Вы ведь колдуете, значит, родственник его величества Съедина, вы сами знаете...

— Кого съедим? — удивился Леня.

— Это их короля так зовут, — пояснила Натка. Напряжение еще спало. Баба у нас в руках приободрилась, распрямилась и заискивающе запела:

— Конечно, король Съедин правильно поступает, что все у нас забирает, а то мы будем слишком гордые и богатые. Ведь нельзя же быть богаче его...

— Богатство короля не исчисляется золотом или вещами, — презрительно сказал Лид. — Для высокородного колдуна, который может создать себе, все, что хочет, это такая же пыль, как та, что у тебя под ногами.

— Вам виднее, — услужливо согласилась баба. — Но король Съедин почему-то богатство любит... А вы, высокородный господин, нездешний,

что ли? Цвет лица у вас не нашенский.

— А простолюдинок ваш король тоже имеет обыкновение красть? — поинтересовался Лид, проигнорировав ее вопрос. Баба захмыкала.

— Ну да, есть такое... у него, говорят, во дворце сплошной женский пол: все слуги, все фрейлины, даже вроде конюхи.

— И что, они там добровольно сидят?! — изумилась я.

— Да что ты, деточка, — повернулась ко мне баба. — Просто их вначале в темнице держат, а потом по надобности выпускают и заколдовывают, вон как ваш господин дуделу нашего заколдовал... — она кивнула на стоящую в прострации квазилошадь. — А заколдованные они что им прикажешь, то и делают...

— Мда, железные нервы у вашего короля, — проворчала Натка, тоже покосившись на лошадь. — Жить среди зомби... Если они еще и языки так высовывают...

— Далеко до вашего короля ехать? — продолжил выяснять насущные вопросы Лид.

— Далеко, — с удовольствием сказала баба. — Слава ночи, на окраине живем. Редко грабят. По этой дороге суток трое пути.

— Это с отдыхом для животных?

— Ну да, конечно, а как оно без отдыха-то повезет.

— Повезет, — сказал Лид мрачно.

— Ну, без отдыха тогда дня полтора. Только королевский замок стоит на острове посреди глубокой реки. Через мост пускают высокородных...

— Ну и в чем проблема?

— Только высокородных, говорю, без слуг. Если они, конечно, не девушки, — хихикнула баба.

— Господи, — вздохнул Лид и медленно всунул меч обратно себе за спину. — Хорошо, там разберемся. Соня, Натка, Леня, отпустите ее.

Мы с облегчением разжали руки. Баба не сбежала. Огладив черные волосы, заплетенные в толстые косы, она проникновенно сказала Лиду:

— Да ты лучше не ходи туда. Ты больно добрый, высокородный господин. Ты оттуда живой как пить дать не выйдешь.

Уголок губ Лида неожиданно дернулся в слабой усмешке.

— Про мою доброту интересно было бы послушать народу, которым я правил... Видимо, как говорят у моей спасительницы, все познается в сравнении. Больше ты мне не понадобишься.

С этими словами он сдернул с плеча шипострел, оттянул на нем рычажок и отпустил обратно. Небольшой шип с чем-то, вроде широкого пропеллера на тупом конце, вылетел из него и воткнулся женщине острием

куда-то в район предплечья. Она ойкнула, закатила глаза и обрушилась на землю, отдавив нам ноги.

— Суток двое проспит, как и ее муж, — деловито сообщил Лид, закидывая шипострел обратно на плечо. — Натка, Леня, оттащите их в кусты. Хороший тут, оказывается, плебс. Запуганный.

— Конечно, это просто прекрасно! — гневно сказала я. — Мечта каждого правителя!

— Я имею в виду, что это хорошо для нас, если они сильно боятся высокородных, — невозмутимо разъяснил Лид. — Соня, я знаю, что плебеи вообще, а в вашем мире — в особенности, способны проводить часы, рассуждая об этических вопросах, но сейчас времени у нас нет. Садись в карету, или, если хочешь, со мной на козлы.

— Ты поедешь на козлах?! — изумилась я. — А как же твоя высокородность?

— Чем это ей повредит? Я хочу посмотреть, как будет управляться животное. Если все будет нормально, передам управление Лене, а пока нам не улыбается всем улететь в канаву из-за неумения твоего родственника.

Натка и Леня, оттащившие несчастных бывших владельцев кареты в лес, вернулись в препоганейшем настроении.

— Здорово, — ворчала подруга, распахивая дверцу. — Просто фильм ужасов. Мы изображаем разбойников с большой дороги, а кругом черные люди, лошадь-зомби и карета-призрак...

— Они не черные, а загорелые, — поправил ее Леня. — Просто очень сильно.

— Ладно-ладно, — буркнула Натка и захлопнула за собой дверцу. Карета качнулась на высоких рессорах.

— Соня, что ты делаешь? — позвал меня Лид. — Садись.

— Ничего, — неловко сказала я, потому что пыталась украдкой запихнуть в пасть лошади-зомби клочок травы в надежде, что она подаст признаки жизни. Король мои манипуляции заметил и резко повторил:

— Что ты делаешь? Садись, он не будет есть. Ему теперь ни еда, ни сон не нужны.

Свесившись с козел, он протянул мне руку. Ухватившись за нее, я с трудом взлезла на верхотуру и вопросительно поглядела на освещенное висячим фонарем Лидово лицо. Король успокоительно кивнул мне:

— Все пока что идет нормально, Соня, даже лучше, чем я предполагал. Теперь нам нужно всего лишь придать надлежащий вид нам и карете, пока мы не въехали в королевство...

Он дернул вожжами. Лошадь-зомби послушно тронулась с места и

побежала, набирая темп. У меня застучали зубы от дорожных булыжников, я чуть не потеряла равновесие и ухватила за королевский локоть.

— Ох, ну и дороги у них!

— Зато пробок нет, — неожиданно изрек Лид и снова негромко и не по-королевски, будто Натка, хихикнул.

Некоторое время я провела с королем, завернувшись от холода в наше единственное белое покрывало. К резким поворотам и наклонам, которые совершала карета, а также к зубодробительной трясучке я кое-как адаптировалась, но все-таки на особенно крутых виражах пару раз попыталась свалиться с козел. Лид каждый раз хватал меня в последний момент, бросая из-за этого вожжи — хорошо, что лошадь-зомби бежала на автопилоте.

— Ну все, Соня, хватит, — решительно сказал король, поймав выпадающую с козел меня в третий раз. — Иди сядь внутрь, там безопаснее, и позови сюда Леню. Надеюсь, что при всем своем небольшом уме он до следующей ночи научится править каретой...

Он натянул вожжи, и лошадь послушно встала. Уцепившись за руки Лида, я спрыгнула с козел и, припадая на обе ноги, пошла куда сказано.

Внутри кареты было тепло и довольно уютно: там напротив друг друга стояли два диванчика, плетенные из веток, и горели стоящие под ногами наши фонари. Я передала просьбу короля Лене, опустив нелестные характеристики его умственных способностей. Леня кивнул и выбрался наружу. Через полминуты карета снова тронулась и загрохотала по булыжникам. Натка молча, зажав руки между колен, посмотрела на меня.

— Замерзла, Нат? — сказала я озабоченно. — Хочешь покрывало?

— Да ну, не надо... Эх, Сонька, и во что мы ввязались... Наше величество, конечно, крут, но боюсь что этот их король, который кого-то там съест, куда покруче будет. И главное, не такой принципиальный.

— Зато он дурак. Кто еще будет отбирать мелочь у подданных и натаскивать себе полный дворец женщин?

— Псих, вот кто, — отрезала Натка. — А баба верно сказала: наше величество слишком доброе и правильное... Не говоря уже о том, что колдовать тут как следует не может. Мы-то ладно, но стоит этому Съедину тебя в плен взять — и хана. Наш дурак высокородный за тебя последнюю рубашку отдаст, и вот тут-то нам и крышка.

— Нат, во-первых, не преувеличивай, — поморщилась я. — Никаких рубашек он за меня пока не отдавал, а руку в кипяток сунул, по-моему, просто от неожиданности и по глупости. И во-вторых, не преуменьшай: никакой он не дурак, а как раз таки очень умный. И ничего он не добрый,

так что от сострадания у него руки уж точно не опустятся.

— Ладно, ладно, разошлась... — хмыкнула Натка. — Ты за него сама смотри не отдай последнюю рубашку.

— У меня платье, — буркнула я и забилась в угол, прислонившись виском к зарешеченному окну...

Ехали мы долго-долго: я уже даже начала забывать, как это бывает, когда у тебя не стучат зубы и не подпрыгивают коленки. В довершение всех бед было ужасно душно, потому что на окошках кроме решеток оказалось еще и что-то вроде мутных стекол, а других отверстий в карете не было. Мы с Наткой тупо пялились друг на друга, судорожно зевая от духоты, пока светильники сжигали последний кислород.

Наконец подруга не выдержала:

— Уф! Я больше не могу. Просто дышать нечем. Давай попросим их остановиться?

— Как? — поинтересовалась я. — Распахнем дверь и вывалимся на ходу из кареты?

Карета, будто в подтверждение моих слов, сильно накренилась, проходя поворот. Натка слегка стукнулась об окно и потеряла висок.

— Кошмар какой-то, надо же так лихачить! Лид, наверное, родился он у нас, мотоциклистом стал бы... Слушай, Сонька, поддержи фонарь, я поищу, вдруг здесь есть какая форточка или отдушина.

Я в сомнении пожала плечами, но все же фонарь взяла и подняла его так высоко, как могла. При этом неверном качающемся свете Натка принялась обшаривать руками стенки кареты, которые тоже оказались черного цвета. Возле окон защелок найти не удалось, возле дверей дополнительных форточек — тоже. Натка подумала, потом решительно заправила волосы за уши и встала ногами на свое сиденье. Я машинально подняла фонарь. Подруга поковырялась под потолком и вдруг радостно воскликнула:

— Ого! Есть. У них тут вроде окошка для общения с кучером. Сейчас я его открою...

Карета снова пошла на поворот, и Натка чуть не кубарем слетела обратно на пол, однако что-то сделать все же явно успела: к нам вошла струя свежего воздуха, и стал слышен разговор Лени и Лиды. Точнее сказать, монолог, потому что, как всегда, говорил один Леня:

— ...И чего, значит, твои тебя не ждали? Ты, значит, у нас на Земле остаешься жить? А работать кем собрался?

— Работать? — переспросил Лид с дворянским удивлением. Натка фыркнула.

— Ну да. Как деньги-то на семью зашибать — ведь ты на Соньке женишься, — уверенно определил Леня мою судьбу. Лид в ответ, понятно, просто промолчал. Некоторое время слышался лишь грохот и цоканье копыт, а потом Леню вдруг осенило:

— О! Слушай, Лид, ты знаешь кем можешь работать? Этими... Которые в газете.

— Журналистами? — предположил король снисходительно.

— Да нет... Ну, которые там: «сниму порчу, наведу приворот, верну мужа навсегда, вылечу от выпивки»... Маги, короче.

Лица Лиды мы с Наткой не видели, о чем в данный момент горячо пожалели. Наконец король выдал из себя:

— Порчу? Приворот??

— Ну да. И от пьянки излечу, и на картах погадаю. Знаешь, как востребовано, какую эти все колдуньи в пятом поколении деньгу зашибают — даже моя теща как-то раз ходила, 10 штук туда отнесла! И это они еще неизвестно какие колдуньи, а ты-то вон как можешь, тебе, может, сразу и 15 штук дадут!

Натка не выдержала, снова вскочила на диванчик, и, приблизив лицо к окошку, закричала туда:

— Соглашайся, Лид! Прямо так и вижу объявление: «потомственный колдун в бесконечном поколении, король другого мира. Наколдую что угодно, излечу стиранием в порошок, превращу вашего врага в крысу или козла, гарантия сто процентов!»

Я покатила со смеху, Леня тоже расхохотался. Не смешно было, конечно же, одному Лиду.

— В вашем мире, — сказал он оскорбленно, — нет никаких колдунов, даже слабых. Эти объявления в газету дают шарлатаны, которые не заслуживают ничего, кроме превращения в пыль.

— Ну тем более, тогда у тебя и конкурентов не будет! — сказал Леня.

— В вашем мире мне и так нет конкурентов. И я никогда не стану заниматься лечением от пьянства каким-то простолюдинов, и тем более налаживанием их любовных отношений.

— Лид, а ты вообще-то можешь сделать приворот?! — заинтересовавшись, крикнула я. — В смысле, колдовством вызвать у кого-то любовь?

— Никогда этим не занимался и не собираюсь, — сказал король. — Это ниже достоинства любого высокородного. Леня, останови карету. Я пересяду внутрь, а Натка сядет к тебе.

— Зачем это?! — закричала было я, но Натка махнула на меня рукой:

— Да ладно, я хоть проветрюсь.

Карета так резко качнулась вперед, будто лошадь со всей силы дала по тормозам, и встала. Натка ушиблась об стену затылком, а я — носом об ее колени, поэтому Лида, распахнувшего дверцу, мы встретили змеиными взглядами.

— Что с тобой, Соня? — тут же поинтересовался он у меня, конечно же, проигнорировав подругу.

— Да ничего! — прошипела я, потирая нос. — Ты бы посильнее затормозил, а то мы еще в лепешку не превратились!

— Это не я. Каретой управлял Леня, — сообщил король с оттенком некоролевского злорадства в голосе и, устроившись рядом со мной на сиденье, продолжил своим обычным тоном:

— Он обучается не слишком хорошо, но чего еще ожидать от простолюдина. Натка, выходи, ты нас задерживаешь.

— А почему, собственно, она должна выходить?! — снова окрысилась я. — Тут полно места — кроме нас еще пять человек бы влезло! Или опять потому, что она простолюдинка?

— Ну конечно, — сказал Лид с усталым видом. — Простолюдины никогда не сидят в одной карете с высокородными, а тем более — с королями, и нам, если мы хотим, чтобы нас принимали всерьез, нужно соблюдать все эти правила.

— Да ладно, я уже сказала, что пойду я, — Натка перелезла через наши ноги и спрыгнула на землю. — Сонька, побереги энергию для этого короля, который Съедин.

С тем она и захлопнула дверцу. Карета покачалась на рессорах и рванула с места: все-таки Леня был лихачом...

Лид пересел на диванчик напротив меня, вытянув ноги вперед, взял фонарь и принялся медленно водить им, осматривая внутренность кареты, и, кажется, делая для себя какие-то отметки. Я уже знала, что внутри кареты смотреть абсолютно не на что, поэтому разглядывала самого короля, потому что лицо его казалось мне каким-то странным. К тому времени, как Лид поставил фонарь, я поняла, в чем дело: его кожу, волосы и одежду покрывал порядочный слой мелкой ржаво-коричневой пыли. Пыль не только сделала его из русого шатеном, но еще и въелась в мимические морщины, из-за чего король стал выглядеть лет на двадцать старше. Пышная рубашка, белая сзади и кирпичная спереди, тоже прибавляла колорита.

— Хихи, — сказала я. Лид поднял глаза.

— Что?

— Ты весь в пыли: прямо слой лежит.

Лид не удивился.

— Конечно, здесь же нет асфальта. Пыль лежит между булыжниками, а ветер и лошадь ее поднимают... В том числе поэтому я и не могу ехать наверху. Ладно, это неважно, сейчас мне нужно заниматься каретой. Скажи сразу, если тебе нужна какая-то еда, потому что потом я буду занят.

— Пока не нужна, но наколдуй заранее, — попросила я, подумав. — И воду тоже.

Лид кивнул и с некоторым трудом произвел хлеб, мясо, парочку то ли овощей, то ли фруктов, и два ведерка воды. Одно он отдал мне, а водой из другого стер пыль со своего лица и рук. Потом, приоткрыв дверь, ловко выплеснул грязную воду на улицу и сел неподвижно, прикрыв глаза и странновато скрючив пальцы.

— Лид, ты бы все-таки бинт новый еще наколдовал... — начала я, бросив взгляд на кирпично-рыжую и растрепанную повязку, но король уже не реагировал, а вокруг нас что-то начало происходить.

Карета постепенно менялась. Для начала изменилась форма: вместо углов появились плавные переходы и округлости, двери мягко выгнулись наружу, и воздух странно загудел, видимо, от изменившейся аэродинамики. Решетки на окнах исчезли, а на стеклах появились разноцветные витражи: их Лид прорабатывал довольно долго, я даже успела понять, что, когда он слегка мотает головой, не понравившаяся ему деталь исчезает. Через полчаса, удовлетворившись, наконец, витражами, король поехал дальше: диванчик подо мной вдруг вспучился и зашерстился. Я подскочила с испугу и заглянула сама под себя. На меня посмотрел предмет мебели с резными деревянными ручками, выгнутой спинкой и пухлым сиденьем с вышитыми неразборчивыми вензелями. Все это имело благородный кремовый цвет, благодаря коротко стриженной шкуре неизвестного зверя, которым было обито. Поглядывая на короля, я медленно опустилась обратно, а Лид уже вовсю занимался полом. Из черного, неровного и грязного он превратился в гладкий, деревянно-бежевый и тоже грязный, потому что с нашей обуви и одежды все время летела пыль. На стенах стала медленно нарастать светло-розовая ткань, видимо, для обивки. Росла она долго: я даже успела перекусить, — и, наконец, стянувшись в одну точку на потолке, медленно разгладилась. Но оказалось, что это еще не все: по ткани пошел мельчайший красный узорчик из листиков и завитушек. Ну и ну! Такую старательность Лиду бы да в мирных целях! За кой ему так тщательно оформлять карету, в которую, скорее всего, никто, кроме нас самих, и не заглянет?

Но прерывать короля было бесполезно, это я прекрасно понимала, поэтому стиснув зубы переждала без малого час, пока он расписывал ткань. Под занавес Лид, приподняв ладони, образовал под потолком что-то вроде полностью стеклянного фонаря и зажег его.

В карете явственно посветлело и стало превосходно видно, какие у нас обоих грязные руки, ноги и одежда.

— Ну вот, — сказал Лид, оглядываясь. — Вроде бы все. Я сделал ее такой, какой была наша обычная карета для официальных визитов. Думаю, вполне достаточно.

— Мне тоже так кажется, — согласилась я.

— Тебе нравится?

— Ага, красиво, конечно, только мы к этому всему совершенно не подходим.

— Да, нужны еще костюмы, — согласился Лид, — сделаю их позже, когда руки хоть немного отдохнут... — он пошевелил пальцами. Я опять вспомнила про бинт и попыталась сподвигнуть короля сменить его, он опять отмахнулся, но потом, поскольку я не отставала, все же неохотно смотал бинт со своей руки и выбросил на улицу, а вместо него вытащил из воздуха какую-то подозрительную тряпку вроде серой марли и обмотался ею. Протестовать у меня уже не было сил: он постоянной тряски и духоты у меня гудела голова, а еще минут через сорок начало попросту укачивать.

— Лид! — взмолилась я, подняв глаза на отдыхающего от колдовских трудов короля. — Может быть, можно хоть на чуть-чуть остановиться?

— Лучше не надо.

— Ну тогда отпусти меня на улицу, я там отдышусь. С Наткой местами поменяюсь... А то меня, извиняюсь, конечно, здорово мутит в твоей карете. И как вы сами-то в них ездили?

— Дело привычки, меня в детстве тоже всегда тошнило, — подбодрил меня король. От его откровений мне стало еще хуже, я прямо почувствовала, что зеленею, но тут Лид, к счастью, встал и приказал в открытое «окошко общения с кучером»:

— Останови карету.

Карета встала довольно мягко, что меня удивило, потому что я заранее готовилась ушибиться об королевские колени. Через пару секунд дверь распахнулась, и внутрь заглянула веселая и очень грязная Натка.

— Ну как? — поинтересовалась она с гордостью.

— Что? — прохрипела я, жадно вдыхая воздух.

— Ну как я вожу карету? Правда лучше, чем Леня?

— Из-за твоего вождения Соне стало плохо, — не преминул сообщить

король.

— Лид! — рыкнула я. — Плохо мне стало просто от духоты, а Натка и правда гораздо лучше управляет. Можно тогда я с ней посижу, а тебе мы пришлем Леню?

— А кто тебя будет удерживать при поворотах? Ты несколько раз падала.

— Да Натка так поворачивает, что крена почти нет. И я сама буду держаться!

— Ну хорошо, — согласился Лид недовольно. — Но тебе не стоит задерживаться.

— Ага! — радостно пообещала я и захлопнула дверь.

— Ого, какая она стала, — сказала Натка, кивая на карету. Карета и правда изменилась: теперь она и снаружи выглядела, как выходец из сказки про Золушку: выпуклые бока, переходящие в изящную остроконечную крышу, витражные окошки, большущие красные вензели на дверях... Сама карета стала то ли белой, то ли светло-голубой, и такой же цвет приняли ее колеса. Грязный сгорбленный Леня, держащий вожжи, и мрачно-оцепенелая складчатая лошадь-зомби контрастировали с этим добросказочным видом то такой степени, что спереди карета имела совершенно другой вид, нежели сбоку и сзади.

Переглядываясь и хихикая, мы с Наткой согнали Леню с насиженного места и взобрались туда сами. Перед нами расстилалась тихая темная дорога, все так же светила вверху густая россыпь звезд, а над нашими головами качался фонарь.

— Но! — крикнула Натка и хлопнула вожжами. Лошадь-зомби, разгоняясь, затопала вперед.

— Удобная лошадка, — сообщила подруга, повернув ко мне пыльное лицо. — Ей управлять — как машину водить, чего прикажешь, то и делает, бежит, как заводная. Как думаешь, это из-за того, что ее Лид так заколдовал?

— Да, наверное... Нат, еду хочешь? Я взяла с собой.

— Давай, есть хочу, как волк, вот что значит физическая работа... Сколько мы уже едем-то, а, Сонь?

— Часов шесть, по-моему.

— Черт, как мало-то... До этого самого Съедина еще больше суток тутукать. И что обидно: не так уж и хочется до него доехать.

— Это точно, — я поежилась и попыталась представить здешнего короля, потом вдруг представила и начала пытаться не представлять. Пока я всем этим занималась, Натка стала беспокойно наклонять голову из

стороны в сторону.

— Что это шумит... Колесо, что ли, отваливается, или наше величество опять форму кареты поменяло...

— Где шумит?

— А вот послушай.

— Да, вроде есть что-то, — признала я. — Как будто сзади грохочет...

— Мда? Ну-ка поддержи, — Натка пихнула вожжи мне в руку и, извернувшись и уцепившись за крышу кареты, ухитрилась встать на ходу. Пока она исполняла этот акробатический номер, я, потев от напряжения, проходила крутой поворот. К счастью, лошадь-зомби и сама не имела желания свалиться в канаву, поэтому все обошлось благополучно. Как только карета выровнялась, подруга плюхнулась рядом со мной. Лицо у нее стало каким-то странным.

— Ты чего, Нат? — забеспокоилась я.

— За нами кто-то едет, то ли одна, то ли две кареты, — подруга отобрала у меня вожжи и сильно шлепнула ими, подгоняя лошадь. — Я пока поеду побыстрее, а ты спроси у Лида через окно, чего делать.

— Ладно, — согласилась я и заорала дурным голосом:

— Лид, за нами кто-то едет! Что делать-то?!

Король внутри завозился: через миг его лицо появилось за окном напротив моего.

— Не останавливайтесь, — велел он. — Лучше увеличьте скорость. Если это обычные крестьяне, они за нами не погонятся.

— А если погонятся?

— Значит, это стража.

— Ох. Натка, быстрее!!!

Натка опять треснула по ороговевшей лошадиной спине. Лошадь-зомби послушно и равнодушно почесала еще быстрее: грохот булыжников под колесами кареты перешел в рев. Нас стало кренить на поворотах, как подруга ни старалась выровняться. А проклятая дорога, казалось, только из одних поворотов и состояла.

— Лид, посмотрите как-нибудь, гонятся за нами или нет? — отчаянно попросила я, снова склоняясь к окошку. — Мы не встанем на такой скорости!

— Не надо вставать, — быстро отозвался король и внутри кареты что-то неразборчиво замелькало. — Я сделаю заднее окно.

— Ну как? — закричала я, поскольку больше он ничего не говорил. — Лид, ну как?!

Лицо короля снова появилось прямо перед моим, он серьезно

посмотрел мне в глаза и коротко сообщил:

— Это стражники.

— Блин! — послышался в отдалении голос Лени. Я напряженно уставилась в двухцветные королевские глаза.

— Лид, что нам делать-то?

— Не замедляйтесь и не останавливайтесь. Езжайте на такой же скорости, пока я вам не скажу встать. Передай это Натке.

— Я слышала! — гаркнула подруга.

— Не вставайте и не высовывайтесь за крышу или вбок — они могут стрелять, — скороговоркой пробормотав эти ободряющие сведения, Лид исчез из окошка. Мы с Наткой, не сговариваясь, вцепились друг в друга: карета снова поворачивала. На этот раз накренило нас так, что выпрямились мы каким-то чудом. Я получила по голой ноге колючей веткой с обочины и сдавленно зашипела.

— Долго нам так гнать-то, Сонь?! — крикнула Натка, напряженно глядя вперед.

— Пока Лид не скажет остановиться!

— Хоть бы побыстрее он сказал!

Тут я была с ней согласна. Оказалось, что на такой скорости пыль летит в лицо гораздо сильнее: мне через минуту запорошило все глаза, я принялась их протирать. Этим же занималась и Натка, пользуясь прямым отрезком дороги. Потом снова пошли повороты. Мы ничего толком не видели, потому что нельзя было высовываться, и ничего не слышали, кроме рева колес собственной кареты, но от этого нам было еще жутче. Это походило на страшный сон, в котором бежишь сломя голову неизвестно от кого, и не знаешь, потерял он твой след или выскочит из-за ближайшего угла...

Тут я обрадованно вострепелась: за окном появилось чье-то лицо. Но это оказался Леня.

— Это-самое... — выговорил он, тяжело дыша. — Лид говорит, чтобы вы не забывали не высовываться, а то у нас зад кареты весь в стрелах уже.

— Мы помним! Все?!

— Не... А это, когда остановитесь, ничего не говорите, если к вам не обращаются! И ничего не спрашивайте! Вообще молчите, пока Лид не выйдет, поняли?!

— Да поняли! — гаркнула я. — Когда останавливаться?!

— Скоро уже!

Голова Лени исчезла. Начался одновременно поворот и спуск. Карета угрожающе убыстрилась, лошадь механически замельтешила ногами. Тут

меня прошиб холодный пот: в конце спуска виднелся еще один крутой поворот, а рядом с ним явственно блестела вода!

— Натка... — начала я.

— Не паникуй, сама в панике! — заорала в ответ подруга. Вместе мы ухватились за вожжи и натянули их, зачем-то упираясь еще и ногами, будто это могло как-то помочь.

Лошадь-зомби равнодушно замедлилась, легко сдерживая вес наезжающей на нее кареты. Видное мне переднее колесо прошло в паре сантиметров от края дороги и сбросило в воду несколько мелких камней. Скорость упала почти до нуля, и теперь уже явственно был слышен нарастающий грохот сзади.

— Это-самое! — закричал в окошке снова вынырнувший Леня. — Лид говорит, если сейчас встанете, так и ладно!

— Мы уже встали, — сквозь зубы сообщила Натка и выплюнула горсть пыли. Я принялась протирать глаза. Кареты стражников, ясное дело, нас догнали: одна из них, громко прогрохотав по камням, обогнала нас слева и, развернувшись, загородила всю дорогу, вторая, наверное, осталась сзади.

Стражниковая карета оказалась высокой и угловатой, почти такой, как была наша, только не черного, а, кажется, синего цвета. Запряжена в нее была примерно такая же лошадь, только она, в отличие от нашей, храпела, рычала, скалилась и встряхивала головой, всячески выражая недовольство. Фонарь кареты бил нам в глаз, и подходящие пять фигур виднелись мне черными силуэтами, вырезанными из бумаги. Силуэты подошли под наш фонарь, но светлее не стали: это оказались очень загорелые люди с короткими квадратными черными бородами, в черных остроконечных шапках и неких помесях кольчуги и бронежилета — металлических пластинах, надетых на темно-синие рубашки. За плечами у них были луки. Других подробностей я не разглядела, потому что один из стражников подошел вплотную и начал вопить, брызгая слюной:

— Кто вы такие?! Как вы смели не остановиться перед стражей его величества короля Съедина?!

— Э... — начала я.

— Тебя никто не спрашивает!!! — завопил стражник. — Где ваш хозяин?! Или у вас нет хозяина? Вы, значит, это карету угнали?! А, так вы, оказывается, женщины...

Тут на его лице появилось выражение, которое нам с Наткой решительно не понравилось. Я уже начала прикидывать, как мы спрыгнем и спрячемся под днищем кареты, а потом сиганем в кусты, но тут, к

счастью, скрипнула дверца и послышался голос Лида:

— Почему вы остановили мою карету?

Говорил он размеренно и спокойно, и только я, наверное, уловила в его интонации едва заметное напряжение. Стражники отошли вправо и заморгали, мы с Наткой тоже свесились, чтобы посмотреть, что их так впечатлило.

То, что я увидела, впечатлило и меня: Лид умудрился за короткое время наколдовать себе костюм, и теперь в луче света, падающем из открытой двери кареты, стоял настоящий король.

Облачение его было по преимуществу светлым — в нем чередовались белые, бежевые и кремовые цвета, — и состояло из белой пышной рубашки, кажется, той самой, в которой я его расколдовала, надетого на нее сверху белого полуприталенного пиджака-камзола, расшитого блестящим серебристыми нитями, бежевых бриджей и мягких сапог из светлой замши. На плечах его болталась короткая, не достигающая до земли, мантия, подбитая снизу белой блестящей тканью, а сверху — бежевато-матовая. Держалась она большой металлической застежкой у горла в форме изящного листочка. Помимо этого на чистых и аккуратно разложенных по плечам королевских волосах красовался тонкий обруч, по виду из того же белого металла, что и его меч. Никаких украшений на обруче не было, только посередине в него был вмонтирован большой и гладкий камень красно-оранжевого цвета, который смотрел вперед, словно какой-то неприятный глаз. Все это дополнялось неестественно-прямой осанкой, слегка приподнятыми бровями и общим выражением лица короля, будто он хотел бы сплюнуть на стражников, но не уверен, стоит ли на такие мелочи тратить слюну.

Я уважительно поежилась. Хотя наряд Лида действительно не поражал сложностью по сравнению с одеждой земных королей, но в целом впечатление он производил глубочайшее. Стражники тоже некоторое время очухивались. Потом тот, что вопил на нас, выступил вперед и уже гораздо менее наглым голосом сказал:

— Здравствуйте, высокородный господин. Я начальник стражеского подразделения Офух.

Лид, понятное дело, промолчал. Стражник с забавным именем продолжил осторожным и хитрым голосом:

— Простите, если мы вас побеспокоили, но нам нужно знать, кто и зачем едет по этой дороге. Она ведет в королевство.

— Мне и нужно в королевство, — бросил Лид и снова замолчал, причем, кажется, это молчание было некомфортным для всех, кроме него.

— А позвольте узнать, кто вы, высокородный господин? — наконец поинтересовался стражник.

— Я Лидиорет, король Варсотского королевства, направляюсь к вашему королю.

— Понятно, — кивнул стражник, и голос его стал еще хитрее. — Значит вы, ваше величество, чужеземец? И, сдается мне, не из этого мира. Ясно...

Нам с Наткой было видно, что он сделал своим помощникам незаметный знак рукой, и они окружили короля. У меня душа ушла в пятки, как у Лида — не знаю, потому что он даже не повел бровью, только брезгливо произнес:

— Не дотрагивайтесь до моей кареты.

— До кареты, конечно, не будем, — пророкотал Офух, — а вот до вас, ваше величество, придется... — он снял с пояса толстенную веревку. Натка горестно пискнула и зажала себе рот. Лид перевел на Офуха глаза и, смерив его совершенно пустым взглядом, произнес без выражения:

— Вы хотите меня разгневаться?

Офух, окончательно обнаглев, рассмеялся:

— Ну и чего вы нам сделаете-то, а? Заколдуете? А вы небось и не знаете, что в нашем мире все чужие колдуны слабее ребенка?

Мы с Наткой молча вцепились друг в друга. Не действует здесь никакой блеф! Ужас какой!

— Я это знаю, — ответил тем временем Лид. — Но ко мне это не относится.

— Да ну? — Офух упер руки в бока. — А ну, ребята, давайте...

Лид приподнял руку, и вдруг что-то сдвинулось в моем восприятии мира: все замельтешило, и король, и стражники поплыли перед глазами. Потом картинка сфокусировалась обратно, и я уже в отличной четкости видела, как Лид протянул к стражнику, стоящему рядом с Офухом, обе руки и сделал ладонями манящий жест. Стражник медленно шагнул пару раз, а потом его фигура вдруг потеряла всякую четкость, расплылась и рассыпалась искрящейся пылью у ног короля, а Лид поднял все такие же равнодушные и холодные глаза и поглядел на начальника стражи.

Всем, кроме, конечно, короля, стало нехорошо. Натка уставилась на меня расширившимися глазами, меня несколько замутило от всего происходящего. Стражники среагировали активнее: попросту говоря, они кинулись врассыпную. Часть, пихая друг друга, принялась влезать в стоящую перед нами карету, часть убежала назад. Офух, как самый смелый, на бегу успел прокричать: «Простите нас, ваше величество! У нас служба

такая! Добро пожаловать в наше королевство!», — после чего быстро взобрался на козлы и натянул вожжи. Лошадь попятилась, открывая проход. Я оглянулась на Лида, но он стоял неподвижно, даже не думая заходить обратно в карету. Я повернулась к Натке, которая уже было собралась хлестнуть нашу лошадь, и очень вовремя поймала ее за руку:

— погоди, не надо пока ехать! Он стоит.

— От него бы тоже уехать, — буркнула подруга, отпуская вожжи.

Стражники, видя, что мы не едем, решили смыться сами: мимо нас прогрохотала вторая карета, обдав Лида пылью: он поморщился и спродуцировал в воздухе небольшую молнию, которая треснула над головами стражников, вызвав громкие панические вопли.

Наша композиция оставалась в неподвижности до тех пор, пока не улеглась пыль и грохот от карет не затих вдали. После этого король разморозился, сменил остекленевший взгляд на нормальный и, подойдя к нам, подал мне руку:

— Слезай отсюда, Соня.

— Не слезу, — сказала я мрачно. — С чего ты решил, что если ты не на Земле, то можешь убивать всех направо и налево?

Лид слабо улыбнулся:

— Соня, я никого тут не могу убить. По крайней мере, это займет больше получаса, а за это время убиваемый, скорее всего, просто сбежит.

— А как же тогда?..

— Картинка. Мультик, как ты выражаешься. Здесь темно, поэтому трудно отличить его от настоящего человека, — Лид слегка махнул рукой. На дороге появился стражник с испуганным лицом, который рассыпался на блестящую пыль.

— Ух ты, он даже объемный, — оживилась Натка, вертя головой. — Ты, Лид, голограммы можешь делать!

— Я и сделал. Ну?

Он посмотрел на меня и снова протянул руку. Я охотно уцепилась за нее, спрыгнула на землю, и тут меня накрыла запоздалая мысль:

— Лид! А что будет, когда эти стражники пересчитаются?! И где же Леня?!

Только я сказала это, как из кареты вывалились на дорогу два человека. Это оказался Леня, который с довольной улыбкой тащил подмышкой безвольно повисшего толстого бородатого стражника.

— Ого! — разинула рот Натка. — Как это?

— Да мне Лид сказал, чтобы я взял шипострел и лег под диван. И если стражники его окружают, чтобы я присмотрел себе одного, а потом, когда

Лид сделает так вот рукой и все поплывет, подстрелил его и втащил к себе в карету. Получилось! Сам удивляюсь.

— А как же ты его подстрелил, если все плыло? — удивилась Натка.

— Так я же был к этому готов: плыло-то не особо, просто они все перепугались, Лид их еще видом своим шарахнул по мозгам...

Король стоял рядом и слушал все это, снисходительно улыбаясь. Потом его взгляд переместился на меня, и я, без труда уловив в нем ожидание, с улыбкой похвалила его:

— Лид, здорово все получилось! Какой ты молодец!

— Спасибо, — сказал король и посмотрел на Леню. Я даже подумала, что он добавит что-то вроде «Леня тоже здорово мне помог», но он только сказал:

— Унеси его подальше в лес и садись править каретой. Соня, пойдем со мной, нужно сделать тебе соответствующий костюм. И больше ты не будешь ездить рядом с кучером, это опасно.

— А меня похвалить, твое величество?! — закричала сверху Натка. — Клево я гнала-то, а?!

— Неплохо, — Лид милостиво кивнул. — Из вас с Леней вышли бы расторопные слуги. Теперь отправляемся, встречные стражники больше препятствий нам чинить не должны.

Оставив ошарашенных Леню и Натку переваривать его «комплимент», он втянул меня за руку в карету и захлопнул дверцу.

Усадив меня на диванчик, король велел мне по возможности не шевелиться и заработал руками в воздухе, как будто действительно что-то ткал. На мне постепенно начал проявляться наряд. Лид решил нарядить меня в тон себе и карете: то есть, в светлое, только моя одежда имела не бежевый, а голубоватый оттенок. Я старательно не двигалась и осматривала себя не без любопытства: мне было интересно, как в Лидовом королевстве одевались высокородные женщины. Оказалось, что тоже не слишком навороченно. Мой наряд состоял из небесно-голубого платья в пол с длинными широкими рукавами, плиссированного сверху донизу, и с широким поясом, кажется, из голубой парчи. Сверху на платьеросло что-то вроде длинного камзола без рукавов, из жесткой парчи тоже голубого цвета с белой вышивкой. На ногах появились синие полусапоги с застежками из темно-голубых камушков, бусы из таких же камней выросли на шее в несколько рядов. Дальше Лид занялся моей прической — волосы сами по себе полезли куда-то вверх, и я уже подумала, что они сейчас упрутся в потолок, но длины, к счастью, не хватило, потому что они у меня всего лишь до плеч, да еще и сильно вьющиеся. Уложившись в затейливую

прическу, волосы немного осели, и сверху их придавило украшение вроде головной повязки, сделанной из рядов мелких бус — наверное, все с теми же синими камушками.

Сережек, суда по ощущениям в ушах, мне не досталось, зато на пальце вскочило крупное кольцо с водянисто-голубым камнем вроде аквамарина. После этого Лид с явным облегчением уронил руки на колени и посмотрел на меня с видом художника, хорошо поработавшего над картиной.

— Ну как? — спросила я, несмело хихикая и поглаживая то платье, то кольцо.

— Все хорошо, женские наряды я делать умею.

— Нет, в смысле, как я выгляжу?

— Так же, лицо я тебе не менял, — удивленно ответил король.

— Тьфу ты! Вас никогда в вашем средневековье не учили делать комплименты? Или ты не знаешь, что это такое? — добавила я, взглянув на его озадаченное лицо.

— Почему же, знаю, только кому я сделаю комплимент, если похвалю твое платье? Себе?

— Ох, — сдалась я. — Короче, Лид, наколдуй мне зеркало, если не трудно.

— Трудно, — признался король, прикрывая глаза и откидывая назад голову. — Извини, Соня, но лучше потом...

— Да ничего, — смирилась я. — Отдыхай, дома на себя посмотрю, если выживем...

Под однообразный грохот колес и цоканье прошло еще пять тягучих часов. За это время мы всего лишь пару раз остановились размяться. Кругом было все так же темно, только вдали за деревьями иногда светились огоньки домов. Стражники больше не показывались. У нас в карете периодически появлялись то Натка, то Леня — смыть пыль и перекусить. Король, которого, кажется, добило моделирование моего наряда, вытаскивал еду из воздуха молча, но в час по чайной ложке, а его меню опять ограничилось кривоватой формы караваями хлеба и водой в ведерках. На ночь он нам останавливаться запретил категорически, тем более, что места становились все менее дикими и все более открытыми, да и домов прибавлялось, и начали появляться встречные крестьянские повозки.

Леня королевское решение поддержал и вызвался управлять каретой. Уже полностью одуревшая Натка залезла внутрь к нам, пребывающим в мутной дремоте, и мы принялись устраиваться на ночь. Пока мы с подругой делили один диванчик, Лид успел на другом уснуть, и через некоторое

время его начало явственно трясти.

— Это что с ним? — удивилась Натка. — Вроде дорога почти гладкая.

— Холодно ему, тут же печки нету, — я озабоченно посмотрела на Лида и попыталась завернуть его в наше единственное белое вязаное покрывало, которое уже стало далеко не белым. При этом я нечаянно задела королевскую руку и ужаснулась:

— Просто как лед! Интересно, что с ним будет, если его не греть?

— Экспериментировать не надо, — решила Натка. — Давай сами его погреем, нам тут без него крышка.

Я согласилась, мы пересели к королю, прислонились к нему с двух сторон и набросили сверху покрывало, и такой мирной троицей, наконец, уснули.

Ночь прошла, конечно, так себе: спать сидя в принципе неудобно, а нашу шаткую конструкцию еще к тому же на каждом повороте бросало от стенки к стенке, так что то меня, то Натку придавливало тяжелым королем. Мы начинали визжать, Лид неосознанно отдергивался, и все вновь успокаивалось. Но все же как-то я ухитрилась доспать почти по восьми утра и, решив, что теперь с меня достаточно, открыла глаза. Моя голова лежала на ледяном даже сквозь одежду плече Лида, шея жутко затекла, левая рука вцепилась в запястье левой же королевской руки, а правая — в руку Натки. Видимо, так мы все во сне пытались удержаться. С трудом подняв тяжелую голову и разжав сведенные пальцы, я посмотрела в заднее окошко кареты, которое было прозрачным, и вдруг заметила, что на улице явственно посветлело. Небо стало темно-голубым, звезды с него постепенно исчезали, а деревья по сторонам дороги прорисовывались достаточно четко, чтобы можно было понять, что у них красные стволы и мелкая синяя листва. Они стояли в высокой траве, очень сухой и выжженной, светло-желтого цвета. За деревьями мелькали ряды круглых одноэтажных домиков, по виду из красной глины, с соломенными крышами. Возле домиков бродили местные жители в черных одеждах, волоча за собой многочисленную скотину — знакомых мне носорогоподобных лошадей и каких-то немыслимо-круглых высоченных серых животных с малюсенькими головками, похожих разом на слона, корову и динозавра. Некоторые жители, идущие по обочине, провожали нашу карету пристальными взглядами.

Меня это все встревожило, и я решила от греха подальше разбудить короля. Отцепив от его мантии сонную Натку, я постучала по Лидовому плечу.

— Эй! Просыпайся!

Лид с трудом приоткрыл глаза. По их взгляду можно было сказать, что король не понимает, на каком он свете.

— Ли-ед, — настойчиво повторила я. — Просыпайся. Светать начало. Кругом жителей кучи ходят, на нас глядят как-то нехорошо.

— А чего им хорошо глядеть, при их-то короле, — откликнулась проснувшаяся Натка, но Лид встревожено выпрямился и тоже посмотрел в окно.

— Скоро мы должны приехать к замку Съедина. Натка, скажи Лене, чтобы в ближайшем же месте, где есть деревья, он остановился. Ты пересядешь к нему.

— А что будем делать на мосту-то? Их же не пустят в замок, как простолюдинов, — вспомнила я.

— Женщин пустят, — возразил Лед.

— А Леня?

Король вздохнул.

— Ну, уже по традиции посадим его под диван. Если стражники распространили о нас правильные слухи, никто нашу карету не станет обыскивать...

— Ну ладно, — сказала я, пытаюсь поправить перекосившееся за ночь украшение для волос.

— Давай я, — предложил Лид и повернул его одним ловким движением, дернув меня за все волосы разом. Я зашипела от боли. Натка сочувственно похлопала по моему парчовому плечу.

— Бедняга ты, Сонька. Мало того, что тебя нарядили, как снегурочку, еще и за волосы дерут... Тяжело же было древним дамам... Леня, как безлюдно будет, карету останови!

Безлюдное место обнаружилось только через полчаса — на повороте под прикрытием хилых деревьев. Натка рысью полетела наружу, а к нам вбред сонный Леня, закатился как бревно под диван и задал храпака. Я упихала его вглубь ногой и расправила платье на весь диванчик, чтобы ничего не было видно. Лид, покачав головой, согнал меня с места и постелил на диванчик наше многострадальное вязаное покрывало, так, что оно свешивалось до пола. Дальше мы поехали в напряженном молчании. Минут через десять я задула все фонари и принялась обмахиваться рукавом, потому что становилось все светлее и жарче. Из заднего окошка начали бить странные голубоватые лучи, а потом над дорогой поднялось маленькое, но зверски яркое голубое солнце и принялось шпарить.

— Да, теперь я поняла, чего у них все жители черные, а трава выжженная, — проворчала я, пытаюсь спрятаться в тень. — Их планета

вращается вокруг голубой звезды.

— Этого солнца? — Лид кивнул в окно.

— Да. У голубых звезд очень сильное излучение. Как бы Натка там не сгорела.

— У нас скоро будут другие заботы, кроме того, сгорела ли Натка или нет, — мрачно заметил король. — Загар — это самое меньшее, что с нами может случиться в этом королевстве, если твои друзья-простолюдины будут вести себя как обычно, то есть как попало...

Я собралась было возмущенно поинтересоваться, какая муха его укусила и чего он придирается, но вовремя поняла, что король просто таким образом выражает свою тревогу, и промолчала. Зато неожиданно подала голос с улицы Натка:

— Э, вы там! Лид! Мы сейчас идем серпантином с горы, а внизу я вижу здоровенный замок, который торчит посреди реки! Это оно?

— Да. Выбери место поглуше и останови карету, — приказал Лид. — Нам нужно будет подготовиться.

— Ладно!

Минут через пятнадцать Натка, как и обещала, остановилась, я растолкала Леню, и мы все вывалились из кареты в негустой сухой горный лес, который рос на склоне. Окружающий мир показался мне неожиданно большим и недружелюбным — может, из-за холодного голубого света солнца. Усевшись в сухую траву, мы, щурясь, принялись разглядывать друг друга.

— Да, вы нарядились прямо как король и королева, — констатировал Леня, поглядев на нас с Лидом. — Чего, у него так и ходят?

— Не всегда, это парадная одежда, — неожиданно ответил Лид и движением плеч поправил выползающий из-за спины меч. — Теперь послушайте меня. Когда мы войдем в замок, я начну вести себя, как положено королю.

— А сейчас ты что делаешь? — удивилась я.

— Нет, полностью как положено. Поэтому не удивляйтесь, не возмущайтесь и не говорите мне про демократию и прочую белиберду, про которую вы любите толковать в своем мире, на самом деле живя ровно так же, как те простолюдины, которыми правил я... Соня — моя спасительница, она высокородная, поэтому обращаться ко мне, если я ее ни о чем не спрашиваю, может только она. Вы ни к ней, ни ко мне обращаться не должны, потому что вы наши слуги.

— Спасибо, — фыркнула Натка.

— Пожалуйста, — бросил в ответ Лид. — Я знаю, что все

простолюдины в душе мнят себя высокородными, но если вы меня не слушаетесь, это может стоить вам или нам всей жизни. Понятно?

— Чего уж там...

— Значит, вы к нам с Соней не обращаетесь. Вы должны идти позади нас, не забегать вперед и не отходить вбок. Дверь перед нами открыта там свои слуги есть. В общем, ваша главная задача — чтобы вас не было видно и слышно. И, повторяю, это уже и к тебе, Соня, относится: что бы я ни сделал во дворце, даже если это вам кажется глупым, жестоким, нетолерантным, бессмысленным и так далее — МОЛЧИТЕ! — выделив последнее слово голосом, Лид добавил:

— И не пересмеивайтесь и не переглядывайтесь.

— Кошмар какой, — схватилась за голову Натка. — Аршин проглотить, что ли?

— Не вредно было бы, — отпарировал Лид. — И теперь про тамошнего короля. С ним буду говорить я, вы даже не пытайтесь. Соня, ты просто кивай, а вы даже не смотрите на него. Не подходите к нему на такое расстояние, на какое подойду я, лучше отступите шагов на семь и готовьтесь.

— К чему? — напряженно спросила я.

— Ко всему, Соня. Это же король. Запомните еще несколько жестов: если я сниму перстень и снова надену его на тот же палец, постарайтесь убежать насколько можно дальше от меня и короля, а если я сниму перстень и надену его на другую руку, наоборот, как можно быстрее подойдите ближе и встаньте рядом со мной. И после этого делайте все, что я вам прикажу. Все ясно?

— Ясно, — нестройно отозвались мы, дружно глядя на королевский перстень.

— Лид, а Ирку-то мы как искать будем? — добавил Леня с беспокойством.

— Искать не будем. Для начала пойдем официальным путем, потому что, судя по всему, с таким королем чем неофициальнее себя поведем, тем опаснее, — Лид оглядел нас всех и поднялся. — Идемте.

— Напугал-то, напугал, — ворчала Натка, бредя по сухой траве рядом со мной. — Лишь бы впечатление произвести. Теперь даже если ничего не случится, мне этот их король будет в кошмарах сниться... И наш, конечно, тоже...

Я промолчала.

Спуск с горы прошел без осложнений: лошадь на то и была зомби, что чесала без усталости, и через час мы оказались у подножья.

— Река! — слышался крик Натки. — Какие-то стражники к нам идут!

— Стой, — кратко скомандовал Лид, поправил тряпку, закрывающую Леню, переглянулся со мной и, сделав свое королевское выражение лица из разряда «некуда тут сплюнуть», распахнул дверцу кареты. Внутри хлынули солнечные лучи и поток жаркого воздуха, и всунулись два стражника. В чем они были одеты, я не заметила, заглядевшись на их здоровенные мечи.

— Что вам нужно? — холодно выплюнул из себя Лид. Стражники, До которых, видимо, дошел слух о короле, вжали головы в плечи, насколько позволяли черные колпаки. Один из них с удовольствием вообще отпрянул, а второй, явно жалея, что не может сделать так же, пробормотал:

— Прошу прощения, король Лидиорет и высокородная дама, но вы находитесь на въезде в замок его величества короля Съедина, а мы должны открыть вам проезд по мосту.

— Так открывайте, — произнес король тем же змеиным голосом, слегка подняв брови.

— Слушаюсь, — тоскливо произнес стражник. — Но... Видите ли... Въезд в замок положен только высокородным, а ваш кучер...

— Она женщина. Думаю, король Съедин не будет против.

— Женщина? А, тогда другое дело, я не разглядел, очень уж она пыльная... Подъезжайте, сейчас я вам открою цепь, только дам наставления вашему кучеру...

Стражник хлопнул дверцу, и мы услышали его слова, обращенные к Натке:

— Слышь, ты, сейчас я цепь отстегну, ты проезжай прямо по ней через мост, держись правого края и не останавливайся. В реку не харкай, это заповедник его величества. Переедешь через мост и попадешь в преддворие замка, там все кареты оставляют. Вы тоже свою оставьте, позвоните гонгом в ворота двора и ждите слугу, он вас проводит. Поняла все? Смотри, если чего перепутаешь, не твой, так мой король тебя заколдует...

— Да поняла я, поняла, — отозвалась Натка. — Цепь-то открывай. Но, пошла!

Карета загрохотала как-то по-другому, слабо и с расстановкой.

— Мост покрыт каменными плитами, — поймав мой вопросительный взгляд, объяснил Лид.

— А где река?

— Посмотри в заднее окно, ее видно, она широкая.

Я обернулась и увидела ослепительно блестящее на солнце водное

пространство по обеим сторонам от моста. Вдали виднелся ряд стражников, которые, видимо, нас и задерживали, цепь я не разглядела. Вода реки, несмотря на то что в нее нельзя было харкать, все равно имела непривлекательный и мутный болотно-зеленый цвет. Тоже мне заповедник...

Пока я размышляла таким образом, фигурки стражников стали совсем маленькими, а карета начала замедлять ход. Я увидела в заднее окошко, как покрытие моста сменилось обычной красноватой землей с порядочными колеями от предыдущих карет. На нас упала тень: мы въехали под высокие густые деревья. Покачавшись по колеям, карета вдруг остановилась. Я было успокоила себя, что это ненадолго, но Натка прокричала в окошко:

— Эй, вы там заснули, что ли? Приехали!

— Лид, я боюсь, — призналась я шепотом.

— И совершенно правильно, — удовлетворенно заметил король и, распахнув дверцу, жестом пригласил меня выметаться.

Я вылезла в красную пыль и встревожено огляделась.

Оказались мы на чем-то вроде несовременного аналога автостоянки: небольшая поляна, обсаженная по краям высокими развесистыми деревьями, была сплошь заставлена разномастными каретами. Обернувшись назад, я увидела аллею, по которой мы, надо полагать, и приехали, а посмотрев вперед — высоченную серокаменную стену, из-за которой торчало множество шпилей и остроконечных красных крыш. Стена имела в себе ворота, рядом с которыми висели диких размеров гонг и великанский молоток.

— Мда, стучать два раза, — пробормотала Натка, слезая с козел.

— Леня, выходи, — оглядевшись, сказал Лид вполголоса. — Здесь никого нет, это, так сказать, последняя рекреация. Вы все помните?

— Пытаемся, — слегка улыбнулась подруга и переглянулась со мной.

— А с лошадью чего? — поинтересовался выползший из-под дивана Леня. — Может, корма ей дать?

— Лошадь? — король как-то мрачно оживился и широкими шагами обошел карету. Мы рысью поспешали за ним.

— Покормим ее, а, Лид? — повторила за Леней я. — И пусть поспит, наконец. Она так хорошо бегала...

— Она не будет есть и спать, Соня. И свое она отбегала: скоро мое колдовство закончится, а без него она уже не выживет. Но пользу она мне еще принести может...

С этими словами король подошел к лошади-зомби, которая все так же стояла с вываленным языком и выпученными глазами, обнял ее руками за

шею и своим весом наклонил ее морду вниз. Лошадь вздохнула, будто просыпаясь, язык ее убрался, глаза на секунду живо сверкнули, оглядев нас всех, а потом она вдруг резко осела вниз и рассыпалась под ногами короля черной пылью.

Мы мрачно молчали. Лид слегка помахал здоровой рукой, прислушиваясь к себе.

— Да, очень полезная лошадь, — пришел он к выводу. — Надеюсь, она нам еще сослужит хорошую службу... Леня, Натка, идите ударьте в гонг, это всегда делают слуги.

— Слушаюсь, — вздохнула подруга и пошла за нетерпеливо устремившимся вперед Леней. Вскоре их скрыли от нас другие кареты. Лид, Переступив через пыль, оставшуюся от лошади, подошел ко мне. Я молча посмотрела на него, он на меня.

— Там нельзя будет разговаривать, как мы привыкли, — вдруг сказал он. — Так что, если что...

Дальнейшие его слова заглушил звонкий — презвонкий удар гонга, от которого у меня даже заложило уши. Хлопая себя по уху, я вопросительно посмотрела на короля. А он вдруг наклонился, взял меня за плечи и со словами «если что, на прощанье», слегка поцеловал в щеку. Я вскинула глаза и открыла было рот, но говорить уже было не с кем: Лид отошел от меня и встал прямо, как столб, наблюдая, как створки каменных ворот двора медленно и скрипуче открываются. Я тоже приняла официальную позу и сжала губы. Мне было понятно одно: если уж король начал так себя вести, то дело действительно плохо.

Ворота разошлись не полностью, но достаточно, чтобы туда с легкостью мог пролезть человек, и из образовавшейся щели вышла высокая девушка в черном платье с голубым узором. Смерив нас пустым взглядом, она равномерно, как робот, произнесла:

— Добро пожаловать, высокородные господа. Я отведу вас на аудиенцию к королю Съедину, если он соблаговолит вас принять.

— Соблаговолит, — бросил Лид. — Король никогда не заставит ждать другого короля. Если, конечно, не хочет сделаться ему врагом.

Служанка равнодушно выслушала эти запугивающие слова, даже не моргая. Видно было, что она намертво заколдована. При мысли, что что-то такое могли сделать с Ирой и тем более с Маришкой, меня пробрала дрожь, но я постаралась сохранить неподвижность.

— Идите за мной, высокородные господа, — тем временем выговорила служанка, развернулась и канула в щель. Лид едва заметно кивнул мне и пошел вперед. Я двинулась за ним, отставая на шаг, а Леня с Наткой

засеменили совсем позади.

Через ворота мы проникли в огромный полукруглый двор, весь обложенный камнем: на его стенах изнутри были сложные мозаики из разноцветного гранита, из-за чего он напомнил мне какую-то станцию метро. Как раз в духе метрополитена, дальше двор переходил в колоннаду, которая относилась, кажется, уже к самому королевскому замку: по крайней мере, громадное многоугольное здание из красного и серого гранита с множеством остроконечных башенок на замок весьма походило.

Мы затопали по крупным булыжникам вслед за служанкой. Во дворе, оказывается, происходила некая вялая жизнь: туда-сюда, не глядя по сторонам, ходили как в замедленной съемке другие слуги, конечно же, все женского пола. Шастали они, видимо, по каким-то хозяйственным нуждам: кто-то из них тащил блестящую и расписную, но весьма грязную и жирную посуду, кто-то волок детали конской упряжи, кто-то нес в охапке ворох пышных тряпок — надо полагать, в стирку. Но все это происходило в гнетущем молчании. Мы тоже, конечно, не разговаривали, поэтому когда вдруг раздался пронзительный женский голос, я едва не подпрыгнула.

— Здравствуйте, господа! Вы из откуда приехали-то? — поинтересовался он, и из-за колоннады вышла очередная женщина, но, кажется, не служанка: на ней было пышное-препышное розовое платье, а на голове высилась дико наверченная прическа из неестественно-белых, особенно для здешних жителей, волос. «Не иначе, парик», — подумала я и с любопытством поглядела на Лида, ожидая его реакции на странную особу, реакции не было: король пронес себя мимо дамочки, как мимо пустого места. Дамочка быстро обежала его и сказала обиженным тоном:

— Эй, вы чего не разговариваете? Я фрейлина его величества, между прочим!

— Фрейлина? — Лид на миллиметр поднял одну бровь. — Ты не высокородная.

— Как это я не высокородная?! — заорала фрейлина на весь двор тоном базарной торговли. — Это ты, может, не высокородный, а меня сам его величество фрейлиной назначил!!!

— Высокородность назначить нельзя. Но то, что их король так делает, многое о нем говорит, — вдруг повернувшись ко мне, сообщил Лид. Я, придав лицу как можно более снобистское выражение, закивала. Натка и Леня, слава богу, молчали. Наша сопровождающая служанка уже затерялась среди колонн, поэтому мы, ускорившись, продолжили движение, а «фрейлина» бегала вокруг нас, наступая себе на платье, и все вопила, что она высокородная. В конце концов на ее крики явился еще один человек,

тоже слуга, но, что удивительно, мужского пола. Он был совсем молодым, в ярко-зеленом камзоле и таких же бриджах.

— Лалина, отойди от его величества, — принялся увещевать он буйную фрейлину, хватая ее за обширное платье. — Ты что, хочешь, чтобы тебя обратили в пыль?

— Вот пусть только попробует! — топнула туфлей девица. — Я скажу его величеству, он заколдует...

— Да отойди ты, отойди, — устало повторял молодой человек. С трудом оттерев своим телом фрейлину, он обратился к Лиду:

— Ваше величество, вам не сюда, главный вход правее...

С этими словами он слегка коснулся Лидового рукава, видимо, чтобы привлечь к себе внимание. Король брезгливо отстранился от его пальцев и вдруг, к моему ужасу, с силой толкнул слугу в плечо, так что тот отлетел на несколько шагов и ошарашено сполз по колонне на пол. Лид как ни в чем не бывало пошел дальше. Я чуть было не бросилась поднимать слугу, но вовремя вспомнила Лидовы инструкции и, сжав зубы, отвернулась. «Даже если мое поведение кажется тебе жестоким и странным»... Да, король предупреждал не зря, но у меня возникло опасение, что если он будет и дальше так обращаться с людьми, после того, как мы выйдем из дворца, я не смогу смотреть на него без тошноты. Лид тем временем, видимо, решил немного прояснить ситуацию и сообщил мне своим противным королевским тоном:

— Здешние простолюдины не помнят, что к высокородным нельзя прикасаться.

— К фрейлине он очень даже прикасался, — сквозь зубы отозвалась я.

— Фрейлина... Да. Король, во дворце которого согласны служить только заколдованные или дураки — это диагноз.

Произнося эту приятную фразу, Лид и не подумал понизить голос, и эхо разнеслось по всему большому залу, в который мы вошли. Я поперхнулась, но ничего не ответила — может быть, у высокородных считается нормальным говорить друг другу гадости... Натка сзади тоже подозрительно кашлянула, однако промолчала.

Наша путеводная служанка исчезла намертво, затерявшись среди других заколдованных баб в темных одеждах, которые ходили по большому залу со снежно-белыми стенами. В зале горел камин и стояли столы с разнообразной едой. За столами сидело несколько дам, судя по огромным платьям и высоченным прическам, тоже фрейлины. Они громко хихикали, ковыряли костями в зубах и кокетничали со стражниками, которые тоже сидели за этими же столами. Стражники в ответ похихатывали, утираясь

рукавами. Лид посмотрел на это все, и лицо его приняло такое выражение, будто он увидел полный угол тараканов. Что-то подсказало мне, что на этот раз он не слишком-то притворяется.

— Здравствуйте, господа!!! — громко заорали нам фрейлины и стражники. Я шепотом сказала «здрасьте», король же отвернулся от них, и, пройдя на середину зала, встал там. Мы застыли с ним рядом, не понимая, чего ждем.

Вдруг сзади послышался поспешный топот. Я повернулась и опять увидела слугу в зеленом: потирая плечо, видимо, ушибленное об колонну, он все же спешил к нам, на ходу говоря:

— Прошу прощения, ваше величество, что ваша провожатая затерялась: почти все служанки здесь зачарованы. Позвольте мне проводить вас к королю Съедину.

— Провожай, — кивнул Лид. Слуга пару раз поклонился мне и королю и припустил вперед, где виднелся проход в другой зал.

В этом самом другом зале было почти пусто, не считая парочки вездесущих служанок и не менее вездесущих фрейлин. Из зала слуга вывел нас на темную и узкую лестничную клетку и сказал, указывая на каменную винтовую лестницу:

— Прошу вас сюда.

— Вверх или вниз? — поинтересовалась я.

— Вверх, — отозвался он охотно. — Нам нужно попасть в галерею, чтобы дойти до королевской башни...

Замолчав, слуга припустил вверх. Лестница оказалась бесконечной, и вскоре у меня начали заплетаться ноги и закружилась голова, так что я оперлась на Лидово плечо. Король внимательно посмотрел на меня и взял под руку. Сзади слышалось пыхтение, Натка даже пару раз ойкнула, но повернуться и посмотреть на нее я не решалась.

Наконец подъем прекратился, и мы вылезли с лестницы в открытую галерею. Жаркий ветер взъерошил мне и королю волосы, по нам забегали яркие полосы солнечного света, который проходил между частыми столбиками, подпирающими крышу. Слуга было почесал быстрее, но король вдруг замедлился, а потом и вовсе остановился и, опершись руками о колонны, посмотрел вниз. Я, что было делать, тоже встала и тоже посмотрела и увидела, как выглядит часть замка с высоты. Видимо, он состоял из нескольких башен, между которыми были внутренние дворы.

— Ваше величество... — неуверенно позвал нас слуга.

— Подойди сюда, — велел ему Лид. Тот приблизился и предусмотрительно встал на почтительном расстоянии от короля, а Лид

приказал:

— Расскажи мне, что это за башни. Гости королевского замка всегда должны знать, что в нем где находится.

— Да, конечно, — согласился слуга безропотно и, тыкая пальцем в воздух, начал перечислять:

— Вот эта высокая узкая башенка — наблюдательная, в ней всегда есть стражники, вот это башня, где живут придворные, это бывшие покои родителей короля Съедина, мир их пыли... То есть праху. Его величество лично заколдовали их за государственную измену.

Лид коротко кивнул, показывая, что это все ему знакомо не понаслышке. Слуга ткнул в толстую башню с плоской крышей и сказал:

— А это — крепостная башня. Здесь держат девушек, которые потом становятся служанками или фрейлинами его величества.

— И много их там? — не выдержав, влезла я.

— Сейчас — нет, всего лишь пятьдесят человек, высокородная дама, — почтительно ответил слуга. — Обычно бывает больше.

Лид разговора о крепостной башне почему-то не поддержал: наоборот, вдруг пристал к слуге с требованием описать остальные башни. Дальше ему потребовалось знать, откуда открывается лучший вид на реку. Слуга что-то нудно и гладко объяснял, и я, наконец, перестала слушать. Солнце постепенно поджаривало меня, а сочувствие к слуге исчезало: чего жалеть человека, напрочь лишённого чувства собственного достоинства? Если бы какая-нибудь высокородная рожа посмела пнуть меня, она бы этот день надолго запомнила, а этот распинается...

Краем глаза я увидела, что Натка и Леня зевают, прислонившись к балюстраде, и, наконец, сказала:

— По-моему, мы слишком задержались.

— Да, идем, — согласился со мной король и выразительно глянул на слугу. Тот сразу же побежал вперед.

Жаркая галерея кончилась, но после нее пришлось опять спускаться по винтовой лестнице. Я уже мысленно приготовилась попасть в зал, где нас встретит таинственный Съедин, но вместо этого мы вдруг оказались в сумрачном внутреннем дворе. По его каменным плитам стремглав носилась стайка девчонок мал мала меньше, издавая визг и писк.

— Это что такое?! — изумилась я.

— Это будущие служанки, — с готовностью отозвался слуга. — Король Съедин взял их у родителей.

— Понятно...

Будущие служанки в ходе игры пересекли нам дорогу. Лид, не

останавливаясь, приподнял руки и плавно развел их. Дети вокруг нас разлетелись в стороны, открывая проход, как будто их кто-то дернул сзади за платья. Некоторые не удержали равновесия, шлепнулись на плиты и заревели. Тяжко вздыхая, я заспешила за пересекающим двор Лидом, который, конечно, даже не обернулся.

— Не ревите, девчонки, ладно вам, — сказала Натка вполголоса, а Леня добавил шепотом:

— Маришки тут нет...

Лид резким движением заложил руку за спину, и они замолчали. Мы снова залезли в башню, где нас опять ждала лестница, только на этот раз не винтовая, а прямая, из белого камня. После лестницы мы прошли через три зала, в каждом из которых обстановка была пышнее, чем в предыдущих. От обилия картин, украшений, драгоценных камней и металлов у меня зарябило в глазах. Четвертый зал оказался еще более пышным, но при этом довольно странным. На полу его лежали узорчатые ковры в синих тонах, с потолка свисала огромная люстра со множеством висюлек, судя по виду, из драгоценных камней вроде изумрудов, рубинов и топазов. Сам потолок был сводчатым и темно-голубым. Я разглядела на нем роспись: множество звезд, а среди них — обведенные рамочками надутые физиономии темноволосых мужчин и женщин в громадных коронах. Видимо, здешние короли то ли приравнивали себя к светилам, то ли намекали на то, что они, такие хорошие, явились к народу прямиком из космоса.

Опустив глаза, я наткнулась ими на противоположную стену, которая была вся сплошь увешана разнообразным оружием и доспехами. Меня эта коллекция заинтересовала в том смысле, нет ли среди нее ружья, ружья не оказалось, я с облегчением перевела взгляд и обнаружила у второй стены еще одну коллекцию, а точнее сказать, хаотичную кучу самых разнообразных предметов, явно сделанных в разные времена и в разных местах. В основном здесь превалировали яркие ткани и драгоценности, но были также и статуэтки, и чьи-то облезлые шкуры, и картины, и какие-то, судя по всему, культовые штучки вроде алтарей и жертвенных чаш. Так и не поняв, что это такое, я повела глазами дальше и наткнулась на трон.

Он торчал возле стены, то ли золотой, то ли позолоченный, и громадный. Его спинка, состоящая из множества толстых пик, никак не хотела заканчиваться и тянулась чуть ли не до самого потолка, вызывая у меня ассоциации с трубами органа. Рядом с тронном росло из пола нечто вроде копья, на котором держался круглый герб: темно-синий фон и пять звезд разных размеров, расположенных буквой «х».

— Вот, — сказал слуга шепотом. — Это тронная зала. Подождите,

пожалуйста, его величество здесь.

— А где его величество? — поинтересовался Лид без церемоний. — Или вы его не предупредили о моем появлении?

Слуга замялся.

— Нет, конечно, ваше величество, о вашем появлении все знали заранее, но, видимо, такова была воля короля Съедина, может быть, его задержали важные государственные дела...

Лид качнул головой и едва заметно усмехнулся, но вышло у него это так презрительно, что и без слов было понятно, какого он мнения о самом Съедине и его делах, а также обо всем королевстве в целом. Слуга окончательно смешался и молча отступил в дальний угол. В молчании прошло минут пятнадцать. Натка и Леня тоскливо мялись на синем ковре, я разглядывала люстру.

Наконец послышались громкие щелкающие шаги, и в стене рядом с тронном открылась почти незаметная до того дверь. Из нее быстро вышел король... Я посмотрела, и глаза у меня полезли на лоб.

Почему-то мне казалось, что Съедин должен быть мужчиной лет сорока или даже пятидесяти. Он представлялся мне похожим на злого колдуна из фильмов — большущим, зловеще нахмуренным, со сросшимися бровями...

Но король Съедин, представший перед нами, выглядел от силы лет на восемнадцать. Преувеличенно прямая и царственная, как у Лида, осанка, не скрывала его подростковую худосочность и небольшой рост. На нем был жутко навороченный костюм, который невольно останавливал глаз: ярко-красная рубашка, на ней — ярко-голубой жилет, на жилете — ярко-синий камзол, а сверху на все это была наброшена огромная и широченная темно-синяя мантия, вся в крупных белых звездах, как у чародея из мультика. Брюки у него оказались тоже красными, типа галифе: они несуразно увеличивали королю верхнюю часть ног, а высоченные и блестящие черные сапоги с острыми носами и длинными шпорами на пятках, напротив, делали нижнюю часть ног от колена до стопы неестественно узкой. Кроме этого, король Съедин имел широкий пояс, на котором висели черные перчатки, стеклянный флакончик с розовой жидкостью и что-то вроде кривого короткого кинжала. Это еще не считая колец, брошей и свисающих отовсюду цепочек из серебра и золота. Корона тоже останавливала взгляд: она была здоровенной, видимо, серебряной или платиновой, и состояла, как и спинка трона, из множества длинных пик, среди которых затесались крупные золотые звезды и синие прозрачные камни. Заглядевшись на корону, я не сразу даже нашла под ней лицо короля. Оно было не особенно

и грозным, худым, но юношески гладким и довольно бледным. Из черт лица бросались в глаза удлинённый подбородок, небольшие тонкие губы и, в особенности, глаза, глубоко сидящие под прямыми черными бровями. Они были двухцветными, как у Лида: в середине темно-голубыми, а по краям — практически черными. Взгляд короля Съедина, в отличие от спокойного взгляда Лида, был каким-то лихорадочно-тяжелым, но все же короли неожиданно оказались сходны друг с другом. Может быть, из-за того, что у обоих были тонкие носы с небольшими горбинками, а может, из-за одинаково уложенных прямых длинных волос, хотя у Съедина они были чуть короче и чуть растрепанней, пепельно-черного цвета.

Король-подросток вторично оглядел нас исподлобья, слегка задержав взгляд на мне, что вызвало у меня сильное беспокойство, которого я постаралась не показать, резко дернулся к трону и, взгромоздившись на него, сказал хриплым ломающимся голосом:

— Король Лидиорет, приветствую вас в моем королевстве и моем дворце.

— Здравствуй, король Съедин, — кивнув, отозвался Лид, к моему удивлению, совершенно житейским тоном. Съедин зыркнул на него и, вздернув подбородок, гаркнул на повышенных тонах:

— Кто дал вам право называть меня на ты? Или у вас в королевстве каждый плебей равен с королем?

— У нас в королевстве внешние формальности общения и излишняя пышность всегда считалась уделом плебеев, — отвечив Лид светски-гадкой улыбкой. — Какая, в сущности, высокородному разница, уважительно ли его назвали, если он уважает сам себя?

— Вы в моем королевстве, король Лидиорет! — напыжившись, снова рявкнул Съедин. — Мне все равно, как у вас там на родине делают, у меня извольте соблюдать мои правила!

— Хорошо, я буду называть вас на вы, хотя меня и удивляет ваше внимание к плебейским нормам общения.

Я переглотнула, думая, не перегибает ли Лид палку. Но, видимо, все же король умел обращаться с себе подобными, потому что Съедин нас не заколдовал и даже, вроде бы, не особо разозлился, а закинул ногу на ногу и, совершив небрежный взмах отягощенной кольцами рукой, прохрипел:

— Раз вы мои гости, садитесь.

Позади нас возникли два больших шикарных стула: на Натку с Леней, конечно, никто не рассчитывал. Лид, не заставляя себя долго упрашивать, уселся, я уселась тоже. Съедин снова напыжился, явно пытаясь казаться грозным, и быстро спросил:

— Из какого вы королевства, король Лидиорет?

— Из Варсотского.

— А, да, я слышал о вашем мире, — Съедин нарочито небрежно кивнул. — Говорят, у нас были общие предки.

— Даже более того: говорят, что короли Варсотского королевства много веков назад поселились в вашем мире и основали династию, — отозвался Лид все тем же спокойно-житейским тоном. — Думаю, с этим и связана ваша старинная роспись на потолке этого зала, где показывается, что вы пришли со звезд.

Съедин резко задрал голову вверх, показав тощую шею и острый кадык. Его корона звонко стукнула по трону. Он ничего не ответил на Лидовы слова, но когда опустил голову, я заметила, что расстановка сил между королями будто бы слегка изменилась в Лидову пользу. В это время Съедин посмотрел на меня и без церемоний поинтересовался:

— Зачем вы приволокли в мой тронный зал своих слуг и фрейлину?

— Это не фрейлина, — сказал Лид, ловко пустив мимо ушей вопрос о слугах.

— А кто? Ты же не колдунья, девушка, я вижу, — малолетний король нагло подмигнул мне. Я неловко отвела глаза.

— Это Соня, — сказал Лид негромко. — Она моя спасительница.

Съедин снова посмотрел на меня, на этот раз не масляным, а внимательным и даже как будто обиженным взглядом.

— Зачем ты его спасла? — вдруг поинтересовался он.

— Хотела и спасла! — не успев подумать, брякнула в ответ я и сама чуть не померла от ужаса. Тут, разряжая обстановку, прозвучал негромкий смех Лида.

— Прямота, Соня, конечно, естественна для вашего с королем Съедином возраста, но вы друг друга не так поняли. Любому королю всегда хочется узнать, что двигало спасителем, когда он это спасение совершал.

— Мной двигало... — начала я и откашлялась, как на экзамене. — Мной двигало... Ну, много что. Во-первых, я не поняла, куда я попала, во-вторых, из людей вокруг была только статуя, а говорить она не умела, в-третьих, она была похожа на... — тут я вовремя сообразила, что ни к чему мне распространяться о своих снах, и скомканно dokonчила:

— ...Похоча на человека. Вот я и подумала, что если бы он был живой, я бы с ним поговорила. И сказала, что жалко, что он неживой...

Съедин откинулся на спинку трона и презрительно расхохотался. Ржал он старательно и долго, а я смотрела на него и думала, что всегда терпеть не могла закомплексованных подростков.

— Женщины... — выдохнул он наконец сквозь смех. — Что с них взять, ни ума, ни логики. В общем, по случайности вас расколдовали, я понял.

— Как говорят в мире моей спасительницы, случайность — это непознанная закономерность. Ну а что до женского ума и логики, то они, несомненно, проявляются гораздо лучше, если женщина не заколдована.

Вывалив все это, Лид с безмятежным видом уставился в глаза Съедину. Натка позади моего стула тихо икнула, мне вспомнилась известная присказка «сделал гадость — сердцу радость». Съедин, явно не умеющий скрывать свои эмоции, то ли в силу возраста, то ли темперамента, раза три переменялся в лице и, остановившись на самом мерзком его выражении, прошипел:

— Между прочим, ваше величество, до меня тут дошли сведения, что вы обозвали мою любимую фрейлину простолюдинкой. А ваша спасительница-то тоже не высокородная изначально. Высокородной ее сделали вы, так же, как я — свою фрейлину.

— Простите, ваше величество, — почти ласково сказал Лид. — Но вы, как говорят в мире моей спасительницы, сейчас сравниваете пень с ярмаркой.

Съедин в ответ молча и зловеще сморщил нос. Я заерзала на стуле, поглядывая на Лида и не понимая, почему он все время лезет на рожон: эдак мы отсюда точно живыми не выйдем, если он будет продолжать хамить... Но, видимо, для высокородных в разговоре считалось нормальным периодически показывать зубы, потому что нас опять благополучно не заколдовали. Наоборот: Съедин перестал морщить нос, сошел с трона и направился к нам широкой покачивающейся походкой обычного нахального юноши, по дороге небрежно шевельнув пальцем. В результате перед нами образовался развесистый стол с яствами, а напротив нас — еще более развесистый стул-трон, на который и пересел Съедин, пригласив нас:

— Можете разделить со мной трапезу.

Лид кивнул, но ничего не взял, и, мало того, еще и схватил меня сразу за обе руки под столом, при этом не меняя светского выражения лица. Я же почувствовала, что моя благостная улыбка явно покривилась, а по спине пошли ледяные мурашки. Близкое соседство со Съедином и его непонятное поведение действовало мне на нервы. Прав был Лид: от короля, как бы он ни выглядел, можно ожидать чего угодно...

Съедин тем временем посмотрел нам за спину и сказал недовольно:

— Если вы тут вообще находитесь, смерды, вы должны обслуживать

господ.

Леня и Натка молча вылезли из-за наших кресел. Натка взяла кувшин и принялась наливать из него вино в чашку Съедина с таким выражением лица, будто еле сдерживалась, чтобы не плеснуть этим вином в физиономию короля-подростка. Леня же весьма неловко пытался прислуживать мне и Лиду. Возле меня он налил на стол лужу из вина, и я поспешно заставила ее рюмкой, а обслуживая Лида, чуть не задел его плечо. Король быстро прянул назад, прижимаясь к спинке стула: по нему было видно, что сегодня он уже напинался слуг.

— Экий дурак, — небрежно сказал Съедин, вдруг кивнув на Леню. — Ничего не умеет, и страшный к тому же.

С этими любезными словами он соорудил на длинном лице мерзкую улыбку и медленно потянулся к Лене. Лид так же медленно поднял руку, как бы перегораживая путь его руке, и тоже расцвел улыбкой, которая могла соперничать со Съединовой по гадостности. Некоторое время короли молча глядели друг на друга, потом оба одновременно опустили руки. Я разжала кулаки, а Натка слегка выдохнула. Леня, оценив обстановку, шлепнул нам на тарелки последний кусок еды и юркнул за спинку Лидового стула. Съедин принялся ковыряться у себя в блюде золоченой вилкой; я, хоть у меня и не было аппетита, попыталась из вежливости сделать то же самое, но Лид снова, будто сторожил, поймал под столом мои руки. Съедин же неожиданно решил покачаться на стуле. Конечно, из-за большого веса золоченого предмета мебели, затея ему не удалась. Малолетний король, кажется, смутился или что-то в этом роде, потому что начал говорить преувеличенно громко, глядя на Лида:

— Ну так вот, король Лидиорет. О вас я теперь знаю. Не хотите узнать обо мне? Толпа называет меня жестоким правителем, но я просто не даю никому сесть мне на шею. Те, кто пробует это сделать, добром не кончают. Вот, например, как мои родители...

«Не иначе, мама заставляла в комнате убираться», — подумала я. Съедин же продолжал, ускоряя темп речи:

— Народ у меня в стране сплошь тупой и трусливый, а родственники мои доброго слова не стоят. Когда я их кого заколдовал, кого прогнал, стало гораздо лучше. Я король, и живу как хочу. Между прочим, уже многого добился. Вот, видите, у стены — это трофеи, которые я собирал из завоеванных соседних областей. К счастью, есть у меня тут вид простолюдинов, которые не только тупые, но и агрессивные, им все равно надо было дать повоевать, ну, я и даю. А в награду им достаются некоторые из моих заколдованных служанок. Кстати, вы тут что-то говорили про то,

что не заколдованные женщины могут быть умными — так это полная чушь! Я-то с ними имел дело, можете мне поверить. Тупые, нахальные, ничего не соображают, а мнят о себе почище, чем высокородные дамы! Вот фрейлины у меня не заколдованные, потому что эти хоть понимают, как вести себя с королем, но таких среди моего быдла меньшинство, конечно же. Кругом все такие кретины, что даже не смешно: простолюдины в большинстве своем не достойны существования, высокородные — дураки или предатели... Их даже наказывать скучно. Скука это все... В общем, сами знаете. Не знаю, за что там завидуют королевской участи.

Лид вдруг вполне серьезно и, кажется, искренне, кивнул, но сказал вовсе не то, что можно было от него ожидать:

— Ваши политические взгляды определяются возрастом. В такие годы я и сам имел подобные. Но со временем вы поймете, что если мы видим кругом лишь скуку и гадость, то это всего лишь оттого, что они отражаются в нас, как в кривом зеркале, а другие аспекты ускользают. И не стоит недооценивать простолюдинов: в большой массе они не так глупы, какими кажутся, и могут повредить даже высокородным.

— Вы меня тут чего, учите?! — вдруг взвизгнул Съедин и пошел пятнами. Лид в ответ только молча пожал плечами, выразив лицом вежливое недоумение от таких сильных проявлений эмоций. Съедин явно почувствовал себя неудобно от своей несдержанности, сверкнул глазами, застыл лицом и вдруг с видом игрока, скромно выкладывающего на стол туза, произнес:

— Ну, я понимаю, ваше величество, почему вы боитесь простолюдинов. Вы же позволили им себя заколдовать до такой степени, что вас даже понадобилось спасать... — он презрительно кивнул на меня. — И еще, вы так самонадеянны, что подумали, будто я не знаю, как обстоят дела в вашем королевстве. Но дыры между мирами еще не закрылись, как говорится. Так что я прекрасно знаю, что в вашей стране уже двести лет как республика, а у вас власти больше нет, вы — неприкаянный изгнанник, а не король.

Он триумфально фыркнул и откинулся на спинку стула, скрестив руки на груди. Лид своих эмоций, если они у него и были, на лице не отразил, только вытащил руки из-под стола и, пощелкивая ногтем по тонко звянящему бокалу, спокойно ответил:

— Король Съедин, не титул делает меня высокородным, и его отсутствие ничего меня не лишает, если, конечно, я сам не решу, что я без титула в чем-то ущербен... — сделав какую-то очень многозначительную паузу, он договорил:

— А то, что меня могли заколдовать один раз, не означает, что у меня нет силы, чтобы, например, обратить в пыль весь этот дворец. Вы же понимаете, что я не боюсь возвращаться в мою страну и могу вернуть власть, но пока что мне просто не нужно этого.

Моя бы воля, я бы Лиду даже похлопала. Съедин совершил что-то странное со своим лицом — губы его скривились сначала в сторону правого уха, потом — в сторону левого, остановились посередине и буркнули:

— Вообще-то, у меня не так много времени, как у вас, потому что я королевством управляю. Говорите, зачем вы явились ко мне.

— Да, вы правы, я тоже не хотел бы здесь задерживаться. Ваши стражники захватили в плен родственницу моей спасительницы и ее дочь. Я пришел просить вас вернуть их нам.

Съедин вздернул брови:

— Какое вам дело до простолюдинок? Вы из-за них потащились в другой мир? И еще меня потом в чем-то обвиняете? Прекрасно!

— Мне — никакого до них дела, — ответил Лид честно. — Но моей спасительнице они родственницы, она попросила меня помочь, а своему спасителю мы в просьбах не отказываем...

— Ну да, конечно, вы не отказываете, — пробормотал Съедин, глядя на Лида почему-то с явной завистью. — Ну а что вы мне дадите, король Лидиорет, если я их отпущу?

— А что я могу дать вам, чего вы сами не можете сделать? — ответил Лид вопросом на вопрос. — Ведь переговоры между высокородными обычно не похожи на торговлю.

— Это вы так ловко подводите меня к тому, чтобы я отдал их вам просто так? — поинтересовался Съедин с умным видом и противно хмыкнул. — А если я откажусь?

— А зачем конкретно они вам нужны? Ведь у вас множество других служанок.

— Не вам решать, кто мне нужен! — загоношился Съедин, опять явно сиюсь предать себе грозности и величия. Лицо его несколько покраснело, корона сползла на одно ухо. Я даже чуть не хихикнула, но вдруг увидела то, что заставило меня застыть от ужаса: Лид медленно снял перстень с левой руки и надел на забинтованную правую. Почему?! Что он увидел особенного? Ведь Съедин весь разговор себя так вел!

За спиной я услышала шумное сопение Лени, а под Наткиными руками слегка хрустнула спинка моего стула. «Не паникуй! — шикнула я сама на себя. — Все ведь в порядке!»

Но все было не в порядке. Съедин потянулся, заложив руки за корону, и лениво сказал:

— А знаете, ваше величество, мне плевать, на рынке мы или не на рынке, потому что вы пока что в моем королевстве. Я этих простолюдинок верну, если вы мне отдадите свою спасительницу... Не навсегда, конечно, на пару недель будет достаточно.

Я уставилась на Лида, а он бросил быстрый взгляд на меня, и в его глазах я вдруг уловила отражение моей паники.

— Я не ее господин, и в любом случае у нас высокородные друг другом не торгуют, — коротко ответил король вроде бы спокойно, но после маленькой паузы. И эта пауза явно не укрылась от Съедина: он почувствовал, что начал набирать очки, и, расцветя мерзостной улыбкой, протянул:

— Ладно-ладно, я шучу, король Лидиорет. Давайте мне тогда вашу служанку.

Лид, полуобернувшись, поглядел на Натку, и на лице его появилось такое искреннее раздумье, что я чуть не убила его на месте. Почувствовав мой зверский взор, король отвернулся от Натки и произнес с явным сожалением:

— Это служанка моей спасительницы.

— А я ее не отдам! — подала я голос, хриплый от долгого молчания, и запоздало прокашлялась.

— А мне все равно! Я у вас сам все, что нужно, возьму! — радостно сообщил Съедин. — В нашем мире вы, король Лидиорет, имеете силы, как мои дурацкие простолюдины, только на то, чтобы поболтать!

— Вы знаете, что это не так, — Лид неожиданно поднялся со стула и, обойдя стол, бесстрашно встал вплотную к Съедину. — Или вам не рассказала ваша стража?

Съедин быстро спрыгнул с трона и, задрав голову, с вызовом глянул на высокого короля снизу вверх.

— А вы посчитали, что я такой же трус и дурак, как моя стража? — издевательски поинтересовался он. Обстановка накалялась прямо-таки на глазах, но Лид сделал еще одну попытку разрядить ее.

— Вы не трус и не дурак, король Съедин, — сказал он негромко, но с легким эхом — не иначе, опять пользовался своими гипнотическими штучками. — Но это не такой вопрос, чтобы нужно было идти на принцип. В сущности, делить нам с вами нечего. Ваше достоинство совершенно не пострадает, если вы пожертвуете двумя простолюдинками, вместо того чтобы вступить в никому не нужный конфликт.

Сьедин прищурился.

— Вы не учите меня, ваше величество. Меня родители учили. Видели, где они теперь?!

И он резко повел рукой.

Тут я в полном ужасе почувствовала, как непонятная сила срывает меня со стула и несет над столом прямо к королям. Я увидела, что Лид машинально вздернул ладонь, видимо, пытаясь помешать Сьедину, а тот триумфально завопил:

— Ничего ты не можешь!!! Так я и знал!

Воздух толкнул меня в лицо, я полетела спиной вперед и с жутким треском плюхнулась обратно на стул, стукнувшись об него всем, чем только можно было стукнуться. В глазах у меня потемнело от удара, но я восприняла это даже довольно спокойно: в сущности, не все ли равно, с синяками меня обратят в порошок или без них?.. Ничего не вышло! Лид же нас предупреждал! Но этот пацан из меня слезы не выжмет, я ему покажу!

В ярости я как пружина вскочила со стула, ко мне прибавилась Натка с большим блюдом наперевес и Леня с шипострелом. Сьедин только дернул бровью, и шипострел вдруг, изогнувшись, как живой, повернулся, выстрелил в самого Леню и рассыпался в пыль. Леня, закатив глаза, рухнул на синий ковер. Сьедин же с прямо-таки праздничным выражением лица сделал еще один легкий жест, и что-то засвистело. Краем глаза я увидела, что в нас, снявшись со стены, летит вся громадная коллекция оружия, подумала, что надо пригнуться, и тут же осознала, что просто ничего не успею сделать.

А дальше все произошло за какие-то две секунды. Лид быстро развел руки, и мы с Наткой, как девчонки во дворике замка, просто разлетелись в разные стороны. Оружие с шумом попадало, я проехала по холодному гладкому полу, но еще прежде, чем я остановилась, король выдал прямо перед носом Сьедина огромный «мультик»: пронзительно-фиолетового цвета клыкастую красноглазую морду, которая разинула громадную пасть и беззвучно зарычала. Конечно, Сьедин не очень-то испугался этого гибрида нашей мультипликации и Лидового воображения, но от неожиданности слегка замялся и приостановил руку на полумахе. Это дало Лиду полсекунды временного преимущества, которым он воспользовался крайне эффективно: коротко размахнувшись, правой рукой с тяжелым перстнем он с громким треском вделал Сьедину по физиономии.

Тут стало понятно, что каковы бы ни были магические способности обоих королей, в весовых категориях они явно друг с другом несравнимы. Худосочный низенький Сьедин зашатался от удара двухметрового Лиды,

как березка на ветру, и повалился на пол, корона слетела с его растрепанных волос и закатилась куда-то под стол. Но Лид продолжил избиение, причем в весьма грубой форме: напрыгнув на короля, он всем своим весом прижал его к полу, зажав ему рот ладонью.

Мы с Наткой подскочили к этой красочной группе одновременно и с двух сторон.

— Лид, что теперь?! — заорала моя подруга.

— Девочки, идите сюда, — быстро велел король, не оборачиваясь. — Держите ему руки... Нет, не так. Пальцы зажмите!

Я изо всех сил прижала Съединову ладонь к его собственной груди, ощущая, как мне в руку впиваются острые холодные камни перстней. Лид слегка ослабил хватку, но продолжал зажимать Съединов рот и весьма грубо выкручивать ему запястья, не давая им согнуться. Застыв в неудобной позе, он зашевелил пальцами, и из-под них медленно стала выползать длинная мохнатая веревка.

— Соня, прижми мне руку так, чтобы локоть не отходил в сторону, — быстро попросил Лид. Я, не имея больше свободных конечностей, просто навалилась на него боком. Это и правда помогло: веревка заструилась быстрее. Через пару секунд Лид прекратил производить ее и начал обматывать Съединовы руки, начиная с пальцев, практически виток к витку, так что скоро у него получилось что-то вроде кокона.

— Ваше величество, — раздался вдруг позади нас знакомый голос. — Может, я чем подсоблю?

Обернувшись, я увидела слугу в зеленом, про которого уже успела позабыть. Выходит, он не ушел из тронного зала?

Лид, однако, не оценил явного воодушевления, светящегося на лице слуги и, быстро производя какую-то несимпатичную тряпку, бросил сквозь зубы:

— У меня нет повода тебе доверять.

— Да я же стражу не позвал! И не позову! Этого короля, ваше величество, весь народ ненавидит!

— Интересно, — пробормотал Лид, с усилием запихивая сделанную тряпку в рот полубессознательного Съедина. — Ненавидит весь народ, а расправляюсь с ним почему-то я... Соня, Натка, сядьте на него, пока я сделаю веревку для ног.

— Может, я хоть вашему другу противоядие дам?! — маялся без дела несчастный слуга.

— Он мне не друг. Ему не нужно противоядие, напои его вином, он проснется. Только не тем, конечно, что на столе.

— Знаю-знаю, да у меня есть фляжка, — вздохнул слуга и склонился над храпящим Ленею.

Тем временем Лид в рекордные сроки завершил обвязывание Съедина веревкой. Теперь тот не смог бы пошевелить и пальцем, даже если очень бы захотел. Но, судя по закрытым глазам, он пока что не хотел вообще ничего, потому что был без сознания. Под глазом у него разрастался громадный фингал, а на скуле кожа была рассечена, видимо, камнем из Лидового перстня.

— Бандитские разборки какие-то, — пробормотала Натка. — А еще приличные люди, короли...

Лид поднялся на ноги, посмотрел сначала на спеленутого Съедина, потом на пошатывающегося Леню, который уже успел встать, опираясь на слугу, и сказал:

— Это ненадолго, у нас почти нет времени. Леня, Натка, завалите его стульями и оружием и идем в крепостную башню. Даже бежим. Быстро! А ты с нами.

Он схватил одной рукой за локоть слугу, другой — за руку меня, и, перейдя на бег, устремился к выходу из тронного зала. Через пару секунд позади раздался топот, и Ленин запыхавшийся, но удовлетворенный голос сообщил:

— Завалил его как следует!

— Так ему и надо! — с энтузиазмом воскликнул слуга, но вдруг глаза его остановились, а лицо стремительно потеряло всякое выражение.

— Лид, ты что сделал?! — закричала я.

— Ему так и надо, а мне тебя не надо, — Лид слегка оттолкнул от себя заторможенного слугу. — Выходи из дворца и не останавливайся, пока не дойдешь до границы королевства.

— Слушаюсь... — протянул слуга и удалился походкой зомби.

— Лид, он мог бы нам помочь! — возмутилась Натка.

— Здесь ни от кого нельзя принимать помощь.

— А где эта башня-то, ведь замок громадный?! — ужаснулся Леня.

— Я помню, где она. До конца этого зала и вниз по лестнице. За мной.

Лид снова схватил за руки, только теперь уже меня и Натку, и мы почти кубарем покатались по скользким мраморным ступенькам вниз. Да, видимо, зря я подумала, что когда мы победили Съедина, самое худшее осталось позади. Судя по жуткой Лидовой спешке, все только начиналось...

Все в том же лихорадочном темпе мы вывалились во внутренний дворик, пробежались через него и снова нырнули в какую-то башню.

Дальше я окончательно потеряла ориентировку, только перед глазами мелькали залы, галереи и бесконечные лестницы.

Когда я уже решила, что мы будем носиться так целый день, Лид вытащил нас в очередной внутренний дворик и вдруг резко сбавил темп.

— Что там? — задышавшись, спросила я.

— Это вход в крепостную башню, — Лид кивнул на громадную железную дверь в стене перед нами. Леня, прежде чем мы успели его остановить, ринулся вперед и рванул дверь на себя. Она, к нашему удивлению, спокойно открылась, и на нас глянули два крайне удивленных стражника. Лид как-то странно выдохнул, и вдруг весь мир вокруг потерял устойчивость и поплыл у меня перед глазами. Когда он собрался обратно, Леня уже сидел на одном поверженном стражнике, а Лид, придерживая коленом другого, вил из воздуха веревку. Стражники сопротивлялись вяло, на их лицах разрастались шикарные синяки.

— Что, твое величество, понравилось кулаками махать? — хмыкнула Натка, и, перескочив через стражника, понеслась вверх по обязательной винтовой лестнице. Я собралась было броситься за ней, но король с Леней оттерли меня и проскочили вперед.

Лестница вывела нас в странное помещение, похожее то ли на шикарную тюрьму, то ли на неуютную гостиницу: беломраморный коридор загибался по круглой форме башни, а в его стенах с обеих сторон виднелись золоченые двери с окошками, забранными изящными решетками. Едва выйдя в этот коридор, мы чуть не столкнулись с еще двумя стражниками. Однако на нас они никак не среагировали, а может быть, нас и не заметили, потому что громко орали друг на друга.

— Как они сбежали?! — вопил стражник постарше басом.

— А я не знаю! — отзывался другой плачущим тенором. — Мы их только полдня назад привезли! Я и не думал, что она, да еще с ребенком.

У меня похолодели руки. Король ничтоже сумняшеся поинтересовался у стражей:

— Кто у вас сбежал?

Уверенный и грозный вид короля, видимо, убедил стражников в том, что его присутствие в башне нормально, а может, они не успели об этом подумать, потому что начали поспешно оправдываться:

— Новые пленницы, высокородный господин, их привезли только несколько часов назад. Женщина в штанах и девочка лет пяти... Да мы найдем их, честное слово, не обязательно же сразу докладывать его величеству...

Второй стражник тем временем распахнул ближайшую к нам

золоченую дверь и горестно глянул внутрь. Мы выглянули у него из-за спины и увидели нечто вроде дешевого гостиничного номера с узкой кроватью, высоким стрельчатым окном со ставнями и умывальником у стены. Из постельного белья присутствовала почему-то лишь одна подушка, да и та валялась на полу. А рядом с ней лежала Маришкина резинка с шариками...

— Черт, да куда же они делись?! — заорал сзади меня Ленья.

— А я откуда знаю! — нервно дернулся стражник и обернулся на зов другого стражника. — Да, иду. Сейчас из угловой башни подойдет начальник, будем разбираться... — сообщил он уныло, попятившись, пробрался сквозь нас и пошел по коридору кому-то навстречу. Лид, как подброшенный пружиной, вдруг метнулся к окну и одним пинком распахнул ставни.

— Эй, ты что?! — подскочила к нему я, сунулась в открывшееся окно и невольно отшатнулась: жутко далеко внизу блестела широкая река в обрамлении заросших травой синих берегов. Я перевела взгляд на короля и увидела, что он быстро вьет веревку.

— Э, вы там что, выброситься решили? — слышался обеспокоенный голос, и между нами попыталась втиснуться Натка. Лид невежливо отодвинул ее локтем и прошипел, не разжимая губ:

— Не мешай.

— Чему не мешай?! — вышла из себя я. — Что ты делаешь? Ты решил быстро повеситься?! Где нам искать Иру и Маришку? Куда мы сейчас пойдем??

Король кивнул в окно и коротко сообщил:

— Туда. Нельзя, чтобы нас увидел начальник стражи.

— Ты с ума сошел?! Тут высотыща!

— На веревке спустимся вон на ту крышу, которая покрывает внешнюю стену, — Лид, опустив голову и прикрыв глаза, напрягся, и под окном с внешней стороны из камней с треском выскочил кривой железный крюк. Как король закрепил на нем веревку, я не увидела, потому что меня отвлек вопль Лени:

— Слушайте, я никуда не пойду, пока Ирку не найду!!! Драпайте сами!

Король глянул на него через плечо, и я подумала, что он сейчас скажет что-то в своем стиле вроде «хорошо, оставайся, мне-то что», но он вдруг бросил:

— Не дури, здесь ты ее не найдешь. Вылезай в окно, берись за оба конца веревки и спускайся.

— А эти как? — кивнул на нас Ленья, быстро перейдя из истеричного

режима в деловитый. — Они ж не слезут.

— Слезут, — сказал король и пихнул Леню к окну, в которое тот довольно-таки быстро и уверенно вылез.

— Лид, я немножечко того... Высоты боюсь... — неожиданно тонким голосом пискнула Натка. Король никак не прореагировал на это сообщение, то есть не произнес ни слова, зато с гримасой легкой брезгливости вдруг дернул мою подругу за обе руки на себя. Подтащив Натку таким образом к окну, он ловко ухватил ее под мышки, насильственно пропихал в узкий оконный проем и вывесил наружу. Тут я просто закрыла глаза, и только слышала свист ветра и вопли Натки и Лиды:

— Ааааа! Ваше величество, я больше не буду над тобой издеваться!! Выпусти!!

— Прекрати вопить и вставь руки в эти петли.

— Ай! Это наручники?!

— Если ты будешь падать, то не оторвешься от веревки и далеко вниз не пролетишь, там узлы и Леня.

— Ай! Высоко!

— Слезай, будет ниже, — посоветовал Лид с усмешкой. Я робко открыла глаза и увидела пустое окно без всякой Натки и короля, с озабоченным лицом тянущего ко мне руки.

— Не-е-е... — пятясь, начала я блеющим голосом, но тут Лид, впервые на моей памяти, кажется, по-настоящему разозлился.

— Да что же это такое, Соня?! — выкрикнул он мне в ухо, хватая меня за запястья и рывком подтаскивая к окну. — Тебя еще не хватало! Нет времени! Лезь! Что ты трусишь, как простолюдинка?!

— Я и есть простолюдинка! — взывала я, с ужасом чувствуя, как меня выпихивают в окно. Некоторое время я сопротивлялась, растопырившись в оконном проеме, как Иванушка-Дурачок, которого Баба-Яга сует в печь, но соперничать с Лидом по силе мне долго не удалось. Я повисла в жаркой и ветреной пустоте, чуть не теряя сознание от ужаса, бессмысленно скребя ногами по гладким камням и ощущая, как мне на руки надевают что-то мохнатое и затягивают так, что становится больно. После этого спасительные руки короля вдруг разжались, и я поехала вниз гибнуть...

Гибель мне так и не удалась: веревка, оказывается, была в частых крупных узлах, и в первом же веревочные «наручники», охватывающие мои кисти, застряли намертво. Немного придя в себя, я уперлась ногами в стену, приняв сидячее в воздухе положение, и, морщась, подергала руками, пытаюсь пройти узел. Это мне не сразу, но удалось, и я поехала дальше, правда, теперь уже придерживаясь руками и топая по стенке ногами,

потому что страховочные наручники безбоянно врезались в запястья. Теперь я была уже в состоянии поинтересоваться судьбой остальных, взглянув сначала себе под ноги, а потом вверх. Под ногами обнаружилась голова Натки, а наверху — висящий Лид. Я успокоилась и принялась штурмовать следующий узел...

Слезали мы, как ни странно, совсем недолго. Еще пару раз проехавшись между узлами, я вдруг коснулась ногами твердой поверхности и увидела под собой рыжую черепицу. Наручники не развязывались никакими силами, но конец веревки лежал совсем рядом, поэтому я просто присела и попятилась, протаскивая руки через него. Веревка выскользнула, а я села и уперлась в кого-то, то ли Натку, то ли Леню, живая и здоровая, но по-прежнему в наручниках.

— Ой, Сонька, осторожней! — пискнул Наткин голос. — У нас тоже руки связаны, нечем держаться!

— Извини... — я захлебнулась от ветра и перевела глаза на короля, который как раз спрыгнул на крышу. Он обошелся без наручников, поэтому просто отпустил веревку и несколько раз с явным усилием повел рукой в воздухе. На конце веревки, шипя, вспыхнул огонек и побежал по ней вверх, как по фитилю. Не говоря ни слова, Лид наклонился ко мне, вытащил из-за спины меч и зазубренной его стороной перепилил наручники. Я радостно махала затекшими пальцами, пока Лид занимался Леней и Наткой. Закончив, король сунул меч обратно и велел нам:

— Вставайте, нам нужно как можно быстрее выйти из замка.

Леня встал сам и поднял Натку. Та сказала, щурясь от голубого света:

— А как выйти? Пока что мы можем только ходить по его стене. Тут же опять высоко.

Я тоже поднялась, опершись на королевскую руку, и, осторожно балансируя на покатой черепице крыши, глянула вперед, а потом себе за спину. Впереди был очередной темный внутренний дворик, а за спиной — река. Она порядочно приблизилась, но до ее поверхности было все-таки не меньше десяти метров... Вдруг Лид развернул меня лицом к реке и встал сзади, крепко обхватив за плечи. Во мне зашевелилось нехорошее подозрение, которое превратилось в ужасную уверенность от вопроса Лида:

— Леня, ты умеешь плавать?

— Умею.

— Хорошо, бери Натку, а я Соню. Пройдем вниз по течению как можно дальше.

— Слушай, а если там мелко?

— Там не мелко, я же расспрашивал слугу. Река судоходна в этом месте, под стеной проходят корабли...

— Вы чего, убийцы, а-а-а-а... — вопль несчастной Натки постепенно затих, потому что Леня схватил ее в охапку и сиганул со стены вниз. Через пару секунд раздался внушительный плюх.

— Лид... — заскулила я.

— Закрой рот, — посоветовал король. — И нос. И не бойся.

Я молча развернулась к нему и уткнулась лицом в его грудь, таким образом сплющив себе нос, чтобы он перестал дышать, а губы просто сжала. Вообще-то я довольно неплохо умела нырять, но никогда не прыгала с такой высоты, поэтому сейчас озадачилась двумя вещами: покрепче вцепиться в короля и никуда не смотреть.

Лид правильно истолковал мою позу как готовность номер один, сделал пару скользящих шагов, и мы полетели. Не успела я уже который раз за день вспомнить всю свою жизнь, как по моим ногам что-то ударило, причем очень мощно и болезненно: я даже не сразу поверила, что это вода. Вокруг вскипело, забурлило, меня обожгло холодом с ног до головы, потому что погрузились мы полностью, и даже, кажется, достали до дна. Но я продолжала вцепляться в короля одной рукой, а остальными конечностями принялась изо всех сил барахтаться, не особенно, впрочем, надеясь, что мне хватит воздуха...

Пришла в себя я уже на поверхности, кашляющая и бьющая по воде руками, как эпилептик. Рядом всплыл мокрый Лид, которому, судя по движениям, сильно мешали меч за спиной и я в правой руке. Вода была мутной и холодной, сильное течение несло нас куда-то мимо высоких синих берегов. Я завертела головой, пытаюсь найти Натку с Леней. Лид, поняв меня, высунул из воды руку в обвисшем рукаве и показал вперед:

— Вот они, Соня.

— Живые, — облегченно выдохнула я.

— Почему бы нет, тут не такая большая высота, — заметил король — судя по тону, он уже успокаивался. — Сбрось верхнюю одежду, Соня, чтоб легче было плыть.

Я кивнула и с удовольствием выпуталась из парчового кафтана. Лид тоже упростил свой наряд, скинув мантию и камзол.

— А корона твоя потерялась, да? — спросила я, скользнув взглядом по его волосам.

— Выкинул, — пренебрежительно отозвался король, улегся на воду и устремился вперед. Я подгребала как могла, и вскоре мы догнали Леню с Наткой.

— Уф, какое тут течение! — выкрикнула подруга, глядя на меня безумными глазами. — Нас так несет!

— Пусть несет, не сопротивляйтесь, — быстро сказал Лид, выглядывая что-то вдали. Я тоже посмотрела и увидела, что берег делается пологим и вдаётся в реку, как полуостров. Видна была длинная мель из белого песка.

— Тут вылезем или дальше проплывем? — поинтересовалась я деловито, поудобнее ухватываясь за королевское плечо. Лид сделал странное движение, будто хотел обнять воду, и ответил:

— Думаю, надо выйти.

— А что с Ирккой-то?! — снова отчаянно произнес Леня — впрочем, здесь я его понимала. — Что теперь?

— Теперь нам нужно убежать от мести Съедина, если мы хотим вообще остаться в живых.

— А зачем тогда высаживаться на этом берегу? — не поняла я.

— Там стадо, — непонятно объяснил король. Я прищурилась и увидела, что по полуострову действительно бродит куча здешних «лошадей».

— Лид, а где Ирка с Мариной? Куда они сбежали? — поглядела на короля Натка. Тот качнул головой и просто ответил:

— Не знаю. Какие-то догадки, конечно... — Тут он замолчал, потому что, как и все мы, уткнулся в мель и был вынужден встать на четвереньки.

— Тьфу! — свирепо сказала Натка, сплевывая песчаную воду. — Лучше Съедин, чем такое спасение!

Продолжая ворчать, подруга, пошатываясь, встала вертикально и похлопала по воде к заросшему травкой берегу. Я поспешила за ней, на ходу выжимая волосы. Лид шел следом, продолжая придерживать меня за плечо...

И тут кто-то громко сказал:

— Леня?

— Ира?! — отозвался Леня неверящим голосом и, выпучив глаза, уставился на густые синие кусты. Мы все сделали то же самое и увидели, как из кустов медленно выбралась обсыпанная листвой Ира во влажной и сморщенной — видимо, выжатой — одежде. А у нее на плечах сидела такая же влажная и выжатая Маришка!

Мы с Наткой издали серию визгов и наперегонки бросились к ним обниматься. Леня, обогнав нас в три прыжка, первым ухватил жену и дочь в охапку. На них потекли ручьи с его одежды...

Пощупав Иру и убедившись, что она вполне живая, я отцепилась от нее и обернулась. Совсем близко, шагах в трех, но не вплотную к нам,

стоял Лид. Вид у него был мокрый, величественный и задумчивый.

— Да, смелая женщина... — произнес он, встретившись со мной взглядом, и впервые в его голосе за все время, когда он говорил о простолюдинах, я уловила оттенок уважения.

— Кто смелая? — услышала Ира и рассмеялась, облачиваясь на Леню. — Да что ты, я тут чуть с ума не сошла! Мы как раз не знали, что теперь делать-то будем, сидели обе ревели! Представляешь, Сонь, — перевела она взгляд на меня, — Маришка как пролезла в гаражи и исчезла. Я давай за ней! А там — темнотища! Я ее схватила, а она кричит...

— Мы упали и как по горке съехали, — dokonчила Маришка, посасывая собственную мокрую прядку.

— Ну да... А внизу нас чуть каретой не задавило. Из нее выскочили эти самые стражники, нас схватили... Ох, и вопили же мы обе, — Ира с облегчением рассмеялась и покачала головой.

— А потом мы ехали, ехали, — продолжила Маришка и сморщилась. — Не останавливались. Меня тошнило...

— Как мы тебя понимаем, — с душой сказала Натка. — Ну что, Ир, дальше-то?

— Нас как только привезли и заперли, я сразу решила сбежать! Потому что про их короля наслушалась такого незнамо чего... Ужас просто. Мы туда только вошли, а я смотрю, окно открывается! Наверное, они не думали, что с такой высоты слезть можно.

— Да, мы тоже не думали, — буркнула я и покосилась на Лида. Ира радостно тараторила:

— А я же, Сонь, тебе рассказывала, что я еще в школе скалолазаньем занималась! С Маришкой, конечно, немножко неудобно было, но что делать... Там простыни были такие хорошие, пышные, и много... Я их все порвала, веревку длинную сделала, Маришку к себе платьем, которое мне дали, примотала — и за окно, на крышу. А с крыши — в воду. Хорошо, я нырять умею, хотя Маришка перепугалась, но я ей рот зажала как следует...

— Ирка, ты вообще! — прокомментировал Леня.

— А к чему ты привязала веревку и куда ее потом дела? — полюбопытствовала я.

— Привязала? Да там в комнате под окном есть крюки, на них подоконник лежит, удобные такие... А потом, когда спустилась, просто за один конец потянула, и вся веревка у меня оказалась — нас так учили в кружке... Я ее с собой в воду взяла, чтобы не увидели. Слушайте, что это, вообще, за место и чего творится, а?

— Это другой мир, Лид — король и колдун, но тут колдует плохо, поэтому дал по морде тутошнему королю, и теперь нам надо бежать, — скороговоркой сообщила Натка. Ира вылупила глаза, и Леня отвел ее в сторону, чтобы дать более подробные объяснения. Лид все это время выжимал одежду, с беспокойством поглядывая на реку. Когда по пути он нечаянно взглянул и на меня, я поспешно спросила:

— Опять мародерствовать будем? Ведь обратно надо.

Король покачал головой.

— Нет, Соня, теперь у нас нет столько времени. Если мы в ближайший час не окажемся у дыры между мирами, Сьедин нас точно нагонит.

— Надо было ему получше вделать, — пожалела я, тоже нервно оглядываясь. — Ну так давай переноситься. Ты ведь это можешь?

Лид покачал головой.

— А как тогда? — ужаснулась Натка.

— Стадо, — сказал король со вздохом и пошел вверх по пологому склону. Я потащилась следом, Натка по пути отстала.

Вскоре мы с Лидом выбрались на ровный синий лужок, где мирно паслось лошадиное стадо. К счастью, пастуха нигде не было, потому что все лошади были привязаны к колышкам длинными цепями. Они отрывали траву, мотали головами, дергали ушами, жевали и чавкали. Мы с Лидом молча постояли, глядя на них, потом король сумрачно сказал:

— Соня, иди к своим простолюдинам, что тебе тут смотреть.

— Мои простолюдины без меня не заболеют, — хмуро усмехнулась я и уселась на траву. — Раз уж я высокородная, я так поняла, что теперь мне на роду написано смотреть всякие мерзости. Давай, Лид, а я хоть посторожу...

Король кивнул и медленно направился к ближайшей лошади, характерно поднимая руки... Я отвернулась, а когда повернулась снова, король шел ко второй лошади, а по ветру струился черный порошок.

Лид сразу взял хороший темп. Несчастные животные при виде него громко трубили, метались и били копытами в тщетной попытке защититься, но привязи держали их крепко. Лошадь — порошок. Лошадь — порошок.

Я обреченно смотрела, чувствуя, как начинаю проникаться королевским фатализмом. Да, лошадок жалко, но другого выхода нет, значит, все идет так, как надо...

Правда, корни высокородности явно еще не успели во мне как следует прорасти, потому что я периодически отворачивалась, сдержанно шмыгая.

В один из таких моментов рядом послышался полный ужаса Ирин голос:

— Господи, что он делает?!

— А-ай, мама, слоников жа-а-алко! — заревела Маришка.

— Да колдун он, — отозвался голос Лени с хмурой досадой. — Я же вам рассказал.

— А зачем он так развлекается?!

— Чтобы силу набрать, — пояснила я, не открывая глаз. — Нам нужно выйти из этого мира... Нат, ты тут?

— Тут, — сочувственно отозвалась подруга.

— Лошади кончились?

— Две осталось. Теперь одна... А, чего-то он ее не трогает. Обратно пошел. Значит, хватит ему, наверное.

Я открыла глаза. К нам по синей траве, встряхивая руками, шел сосредоточенный Лид. Первым делом он тревожно уставился на меня, и я, как могла, изобразила успокаивающую улыбку. Король кивнул и обратился к нам всем:

— Не гарантирую, но попробую. Скорее всего, перенос получится неполный, придется еще дойти, но, я надеюсь, недалеко.

— А если два раза перенести? — сказала я.

— Можно два, но все равно между переносами время должно пройти, сразу у меня сил не хватит. Встаньте рядом со мной. За руки браться не надо, просто стойте...

— Лид, а чего мы так спешим? — Натка, вопреки королевским словам, подхватила меня под локоть. — Неужели этот Съедин успеет очухаться? А может, его до завтра не найдут?

— Очень маловероятно, — качнул головой Лид. — Но даже если и так, все равно, чем быстрее мы покинем этот мир, тем лучше...

Он раскинул руки крестом, как пытающаяся взлететь птица, но не махнул ими, а просто сильно, напрягая пальцы, вытянул в стороны. Голубой солнечный свет вокруг нас померк, все кругом зашаталось и исчезло.

— Ай! — вырвался у меня короткий вопль, и я шлепнулась на колени в какую-то чавкающую жижу. Переноситься оказалось больно: меня словно ущипнули одновременно за все тело и выбросили. Куда?..

Я поморгала, не понимая, почему кругом так темно: ведь сейчас же еще день! Но оказалось, что ночь в королевстве Долгой Ночи может наступить и до захода солнца: небо, которое виднелось сквозь листву деревьев, было свинцовым от туч. На лицо мне плескал дождь, а под ногами текли потоки.

— Вставайте, вставайте, — услышала я настойчивый голос Лида к

послушно поднялась.

— Мама, больно! — выла несчастная Маришка.

— В порошок превращаться еще больнее, — своеобразно успокоил ребенка Лид.

— Ты не страшай, — шикнула на него Натка. — Лучше сказал бы, где мы есть!

— Довольно близко от горы, к счастью. В лесу у дороги. Если поторопимся, дойдем до вершины минут за двадцать.

— Черт, как же мокро... — простонала подруга. — Я, наверное, никогда не высохну...

— Ладно, главное, живы! — рассудила Ира. — Ведите нас, мальчики.

«Мальчики» повели, точнее, заскользили по раскисшей земле впереди нас. Мы почавкали следом. Маришка перекочевала с Ириных на Ленины плечи и неожиданно перестала вопить: видимо, поняла, что бесполезно.

Спешили мы как на пожар, а гроза над нами тем временем тоже набирала обороты: пару раз так сверкало и грохотало, что мне казалось, будто молния попадает лично в меня. Ощущения были точнехонько как в кошмарном сне: страшно, за тобой кто-то гонится, ты хочешь бежать, но скользишь на месте...

К тому же меня одолевало навязчивое желание поговорить с Лидом. В голове крутилась мысль «может, в последний раз», которую я тщательно отгоняла, но она возвращалась на место. В конце концов я прибавила шаг, и, нагнав короля, выдохнула:

— Вот кошмар! Еще и гроза.

Лид на миг поднял взгляд и мягко отозвался:

— Нет, гроза — это как раз очень хорошо, Соня. Надеюсь, она нам поможет не хуже этих лошадей...

— Как? — выкрикнула Натка. — Убьет на месте, и нам не надо будет больше бегать?!

Король фыркнул и промолчал. Лес неожиданно кончился, и мы выбежали на покрытый травой и камнями пустырь. Вдали виднелись две круглые горы, похожие на горбы верблюда. Лид показал на них и повернулся ко мне:

— Нам нужно на вершину той горы, что ниже.

— И это называется недалеко?! — ужаснулась я. — Да тут же переть и переть!

Гроза вделала мне по лицу куском дождя, и я обреченно замолчала. Мы с плеском перебирали ногами, дождь стучал мне по макушке с барабанным звуком. Чуть ли не в трех шагах от нас сверкнула огромная

разветвленная молния, от грохота заложило уши, и при синем свете вспышки я увидела ставшее жутко напряженным лицо короля.

— Что, Лид?! — крикнула я, обретя возможность слышать.

— Съедин, — ответил он коротко и вдруг, как пастушья собака, несколькими движениями согнал нас в одну кучу, а сам снова вытянул в стороны руки. Хочет опять нас перенести? Но он же не отдыхал! Хватит ли ему сил? Тут явно все решало время... Я увидела, как слой дождя перед нами помутнел и начал принимать очертания низенькой худой фигуры в высокой короне. Ира с Маришкой завопили не своими голосами. Лида, видимо, это зрелище тоже простимулировало: все снова помутнело, меня опять ущипнули за все тело, только на этот раз щипок был куда дольше и сильнее. Но все же в глазах у меня прояснилось, и я вместе с остальными выпала на склон горы и принялась судорожно по нему карабкаться, прекрасно понимая, что все это бесполезно. Ведь если Съедин нас нашел, он уж точно сможет перенестись следом!

...Конечно, так он и сделал перед самой вершиной, материализовавшись на большом мокром камне. Ветер развеивал его мультипликационную мантию, дождь громко стучал по короне и обливал украшенную синяком физиономию. Глаза же у него были жутко злющие, но взгляд их почему-то напомнил мне взгляд Наткиного брата, когда он проигрывает в компьютерную игру. Мы сбились в кучу и попятились, продолжая задом подниматься на вершину, а Лид, тоже пятясь, шел за нами и перед медленно надвигающимся Съедином.

— Никуда ты здесь не убежишь! — завопил Съедин. — Предатель!

— Кого я предал? — поинтересовался Лид.

— Свой дворянский род! — забрызгал сквозь дождь слюной Съедин. — Ты напал на короля из-за каких-то простолюдинок!!! Я тебя...

Он поднял руку. Лид тоже поднял руку, и вдруг что-то полыхнуло мне по глазам, а в уши ударил тяжкий грохот. Оказывается, между королями треснула молния. Пока и так-то контуженный Съедин сориентировался в пространстве и снова попытался что-то наколдовать, мы уже почти добрались до вершины.

— Высокородные, — равномерно говорил Лид, отступая и тесня нас собой, — должны быть умнее и лучше плебеев. А плебеи — глупее и хуже высокородных. Если получается наоборот, то надо менять народ и власть местами.

— Не учи меня, проклятый демократ!!! — завизжал Съедин и снова замахал руками. Ближайшие камни взорвались с осколками, один из которых впился мне в щеку. Натка взвизгнула, и я с ужасом увидела, что в

ее голову попал сделанный Съедином огненный шарик, опалив ей волосы. А Маришка, которую снова держала на руках Ира, вдруг неестественно застыла и стала серой и однотонной.

— Она каменная! — услышала я жалобный Ирин вскрик.

— Ничего, бери ее и иди в свой мир! — не оборачиваясь, крикнул Лид и опять поднял ладонь. Между королями снова шарахнула молния. Потом еще одна. Потом еще. Съедин, плохо видимый сквозь свет, явно опять пытался что-то наколдовать: Леня с ругательством отскочил в сторону, потому что его ботинок вдруг осыпался черным порошком. Обернувшись, я с облегчением увидела, как Ира и каменная Маришка исчезли во влажном воздухе, но тут порошком стал кусок моего рукава, который, к счастью, был длиннее пальцев.

— Лид, дыра!!! — завопила я не своим голосом, и вдруг чуть ли не в сантиметре от себя увидела Съедина — видимо, он перенесся через молнию. Король-подросток скорчил зловещую физиономию, которая вдруг подействовала на нас всех как катализатор: Леня схватил Натку и отпрыгнул назад, Натка по пути панически махнула на Съедина рукой, так, что у него слетела корона, я с визгом изо всех сил припечатала грязным ботинком ему ногу, а король, видимо, решив, что мне причинен какой-то вред, одним прыжком вклинился между нами, отпихнул Съедина и, пятясь в дыру, поднял обе ладони.

Громадная ветвистая молния треснула прямо перед нами, загородив щуплую фигуру короля-подростка, и зверски загрохотала. Мы вывалились из мира Долгой Ночи в узкий проход между гаражами. Лид, уже в процессе падения, резким движением сложил руки на груди крест-накрест. Светящаяся от молнии дыра на миг расширилась, а потом со свистящим звуком схлопнулась, и вырвавшимся из нее потоком мокрого горячего воздуха нас отнесло назад и повалило друг на друга.

Свет погас, вокруг стало тихо и темно. Я, запрокинув голову, смотрела на звезды... Опять звезды?! Опять темно?! Машина вдалеке бибикает, душно, воздух пахнет бензином... Нет, мы в Москве. А, ну да, здесь же, наверное, ночь... Интересно, сколько времени прошло?..

— О-ой, — раздался стон Натки. — Леня, слезь с моей ноги... Надо бежать...

— Никуда не надо бежать, — сказал Лид, силуэт которого я уже сумела разглядеть в сумерках. — Я закрыл дыру между мирами. Здесь моя сила гораздо больше, ее хватило на это...

— Ох, ужас, — пробормотала Ира. — Ох, что это вообще было...

— Последствия плохого воспитания вашего ребенка. Если бы не ваша

вседозволенность, он бы не пролез без спросу за эти гаражи...

— А можно этого ребенка-то расколдовать?! — поинтересовался Леня с понятным беспокойством. В темноте послышался глухой стук — видимо, каменную Маришку уложили на землю.

— Не подгоняй меня, — огрызнулся на него Лид. — Думаю, вы проживете пару минут без диких воплей вашего дитя... Соня, ты не ранена?

— Вроде нет... Лид, а можно свет включить и Маришку все-таки расколдовать?

Вместо ответа король достал из воздуха фонарь, свет которого удачно упал на гранитную статую Маришки, сидящую на земле со сжатыми руками, выдвинутой губой и зажмуренными глазами. Ира завсхлипывала. Я выразительно посмотрела на короля. Тот со вздохом протянул правую руку в мокром и грязном бинте и постучал по каменной голове. Гранит пошел трещинками, отвалился кусочками, и нашим обрадованным взорам предстала живая-здоровая Маришка. Она ревела:

— Ма-а-ма, ну почему меня все время за-кол-до-вы-ва-юу-у-ут?!

— Ну ладно тебе, дочка, это один разик, — успокоила ее Ира. — Просто тот дядя злой колдун...

— Он не злой колдун, это бессмысленное определение, — тут же влез Лид, который, подняв фонарь, внимательно осматривал место бывшей дыры. — Он просто король, как и я. Выходите отсюда, я за вами.

Мы, шатаясь, начали выбираться из-за гаражей на детскую площадку. Лид вышел за нами через минуту, но его фонарь уже не понадобился, потому что над площадкой горел электрический. При нем стало прекрасно видно, что мы похожи на кучку клочкастых оборванцев: Натка с растрепанными полусожженными с одной стороны волосами, Леня с исцарапанным лицом, в дырявых штанах и одном ботинке, мы с Лидом в старинных нарядах, с которых ручьем текла грязная вода... За спиной короля по-прежнему торчал меч, а у меня перед глазами повисло сбившееся с волос украшение. Я вяло выдернула его и отбросила в кусты.

— Господи, ну и вид у нас, — подала озабоченный голос Ира. — Пойдемте скорее домой отчищаться... Ой, что это я, — спохватилась она, поглядев на короля, — даже тебя не поблагодарила. Спасибо тебе, если бы ты за нами не пришел, мы бы с Маришкой там пропали.

— Да, спасибо, Лид, ты клевый мужик, — с силой кивнул Леня и протянул королю пятерню. Лид посмотрел на нее в брезгливом сомнении прямо-таки было видно, как высокородность борется в нем с нежеланием затевать склоку на пустом месте. В конце концов он медленно протянул

руку и совершил с Леной осторожное рукопожатие. Натка при этом невежливо хыкнула, но тут же подошла и с брызгами похлопала короля по мокрому плечу:

— Присоединяюсь. Если бы ты молчал и только что-то делал, было бы гораздо лучше, твое величество, потому что по делам, в отличие от слов, ты хороший парень. Только в окно меня больше не пихай, идет?

— И меня. Хотя тоже спасибо, что помог моим родственникам, — добавила я, смеясь, и, подойдя к королю с другой стороны, подумала даже, не чмокнуть ли его ответно в щеку, но потом как-то застеснялась. Лид, кажется, застеснялся тоже: я уже который раз замечала, насколько он не привык, чтобы его кто-то хвалил, но все же осмотрел нас всех сверху вниз, как добрый властелин послушных подданных, и негромко ответил:

— Спасибо вам за похвалы. Пойдемте домой.

Дома было еще светлее, чем под уличным фонарем, поэтому зайдя и увидев друг друга, мы разразились несколько нервным, но веселым смехом. В ванную выстроилась очередь, как и к Лиду, который, словно швея пополам с дизайнером, восстанавливал нашу одежду, даже мое платье, хотя здесь его надеть можно было разве только на какой-нибудь маскарад. Выйдя из ванной, восстановленную одежду мы упихали в стирку, а сами переоделись кто во что может. К тому же я подстригла Натку под каре, вровень с обожженным куском волос. Король, не заходя в ванную, как-то обрел чистые волосы, наколдовал себе такой же, как раньше, костюм, только сухой, и я, наконец, смогла осмотреть ему руку и сменить бинт. Несмотря на кошмарные и антисанитарные условия, в которых мы находились последние два дня, королевская рука не воспалилась и даже немного поджила.

— Ой, я, наверное, ярмарку пропустила, — огорченно сказала Ира, выходя из кухни с тарелкой бутербродов в одной руке и браслетом в другой.

— Пропустила? — поглядела я на короля, устроившегося рядом со мной на диване. Тот, повернув голову, смерил меня сонным взглядом и пробормотал:

— Вряд ли. Время возле дыр между мирами обычно течет медленнее, чем в самих мирах. Скорее всего, мы вернулись в тот же день, точнее, в ту же ночь, из которой ушли.

— Пять утра, — сказала Натка и зевнула. — Но число точно сегодняшнее, то есть, завтрашнее. Тьфу ты. Короче, Ир, твоя ярмарка сегодня.

— Здорово! — обрадовалась Ира и тоже зевнула. — Пойдем,

Маришка, спать. Лид, ты же тоже останешься?

— Я здесь всегда и был. У Сони в комнате. Просто она просила не говорить вам об этом.

— Почему? — рассмеялась Ира. — Это же так интересно, Сонь. Как будто прямо в кино сходила!

— Ну, ты понимаешь, я...

— Да ладно тебе, главное, сейчас мы все знаем...

— Не все, — вдруг плаксиво влезла Маришка и тыкнула пальчиком в Лида. — Чего они меня все время превращают?!

— Да не все, доча, я же тебе объясняла, это был дядя злой колдун...

— Значит, Лид тоже злой колдун! — сделала логичный вывод Маришка. — Он меня, пока вас не было, в кого-то превратил и в клетку посадил! Меня только тетя Соня выпустила!

Ира и Леня ошарашено вылупились на Лида. Мы с Наткой переглянулись. Король особенно никак не отреагировал.

— Ты правда ее во что-то превращал?! — поинтересовалась Ира, на лице которой теперь что-то не было видно благодарности.

— Правда, — кивнул не к месту честный Лид.

— Зачем?!

— Чтобы не кричала, она мне мешала.

— А мы тебе не мешаем?! — нахмурившись, зарычал Леня. — Может, ты и нас во что-то превратишь?!

— Будете мешать, превращу, конечно.

— Ну ты хорош! Совсем, что ли, оборзел?!

— Ребята, да ладно вам, — попыталась примирить их Натка. — Все устали как собаки... Давайте завтра с утра на свежую голову поругаетесь.

— Еще не хватало на свежую голову с ним ругаться! — Леня повернулся ко мне. — Ты почему не сказала, что он такой?!

— Вначале вы бы все равно не поверили, а потом я говорила! Я вам говорила, что он король!

— И что, король у них это сволочь, что ли?

— Не сволочь, но ему все равно на всех людей. Кроме меня, да и то только потому, что я его спасла! Не принимайте вы на свой счет! — принялась сбивчиво объяснять я. Ира молча и мрачно поглядывая на меня, прижала к себе Маришку, а Леня повернулся к королю и, потрясая кулаком, рявкнул:

— Слушай, ты! Если ты еще раз мою дочку или жену тронешь, я хоть колдовать не умею, а тебя по стенке размажу! Понял?!

— Что мне нужно понимать? — голос Лида неожиданно гулко

разнесся по квартире. — Вам ведь это все приснилось. Вы спите.

— Я? — сказал Леня и, закрыв глаза, уснул стоя. Ира и Маришка уронили головы и засопели. Лид медленно встал с дивана, шевельнув пальцем, заставил его разобраться и самозастелиться бельем, после чего мои родственники проплыли по воздуху и аккуратно уместились под одеяло, где и продолжили дрыхнуть с умиротворенными лицами.

Мы с Лидом и Наткой молча переглянулись. Натка сказала шепотом:

— Меня не вздумай усыплять. Я сама пойду на кухню посплю, все равно родителям сказала, что у вас переночую. Не горюй, твое величество, Сонькины родственники люди хорошие, но простые...

— С чего ты взяла, что я горюю? — прошипел в ответ Лид. — Подобных колебаний настроения у простолюдинов от любви до ненависти я навидался за время своего правления, это для них естественно.

— Ну как хочешь, — вздохнула Натка, махнула мне и по-хозяйски полезла в мой одежный шкаф за постельным бельем для себя. Король молча развернулся и канул в мою комнату. Я понуро потащила за ним. Меня все время тянуло извиниться, но я никак не могла решить, кто же больше неправ: король или родственники. Я так задумалась, что даже не пожелала королю спокойной ночи, и он тоже молча ушел на свою половину, где тут же заревел камин. Я свернулась под одеялом комочком: почему-то мерзли руки и ноги, и вообще после всех переживаний меня неуютно трясло. В конце концов я кое-как уснула, но ничего хорошего из этого не вышло, потому что мне немедленно начал сниться выскакивающий из-за каждого угла Съедин с искаженной физиономией, собственные руки, превращенные в пыль и осыпающиеся, Натка с горящими волосами и Лид, убиваемый молнией...

— Соня.

Негромкий, но озабоченный королевский голос, раздавшийся прямо надо мной, вырвал меня из очередного кошмара.

— А?! Чего?! — с испугу рывкнула я, приподнимая голову и тараща глаза на маячащее вверху королевское лицо. Лид успокаивающе положил руку мне на плечо.

— Ничего. Ты кричишь.

— А... Это мне кошмары снятся. Извини, если разбудила... И вообще мне после всех этих приключений как-то нехорошо и трясет.

— Мне тоже, — сказал Лид, по своему обыкновению уселся мне чуть ли не на ноги и чихнул.

— Будь здоров, — пожелала я машинально. Король, еще не изучивший эту фигуру речи, ответил на нее буквально:

— Потом, может, и буду, но сейчас навряд ли, — и чихнул еще раз.

— Кто-то говорил, — заметила я тоже несколько насморчным голосом, закладывая руки за голову, — что высокородные не подвержены болезням.

— Наверное, у вас более агрессивные... — Лид помолчал, вспоминая слово. — Микробы.

В подтверждение своих слов король чихнул еще раз.

— Некогда мне с тобой возиться, — забубнила я. — У самой сейчас сил нет, саму трясет...

— Я и не прошу возиться со мной.

— Выпей чего-нибудь горячего и вообще погрейся, — все же посоветовала я. — Сделай свой камин посильнее и сиди возле него, авось пронесет... — Тут мне пришлось замолчать и самой набрать воздух для большого чиха.

— У тебя то же самое, — заметил Лид чуть ли не с удовлетворением и поплотнее уселся на моей ноге.

— Слезь с ног, — сказала я сердито, прикрывая нос одеялом. — Ты слон, а не король... И давай лечиться завтра, я спать хочу, ты можешь сам...

Не договорив, я закрыла глаза и провалилась в сон, несмотря на собственный насморк и тяжелого короля, который так и не слез с моей ноги.

Спала я на этот раз безо всяких кошмаров и проснулась довольно поздно — часов в одиннадцать. На ноге все еще что-то покоилось, но не так глобально — она даже не очень затекла. Подергав лодыжкой, я разлепила глаза, глянула вниз и увидела весьма странное зрелище. Оказывается, король так и не отбыл к себе. То ли я, заснув, опять мешала ему какими-то звуками, то ли он тоже быстро задремал, но теперь на моей ноге лежали его голова и подложенные под нее руки, а остальное сползло на пол. Конечно, его колотила дрожь, правда, не особенно сильная, зато мне было жутко жарко. Наверное, он сделал посильнее камин.

Некоторое время я молча смотрела на короля и решала, пошевелить мне ногой или нет. Лид спал с мирным видом, иногда потряхиваясь от своего колдовского озноба, лицо его из-за аристократичной бледности, на которую не повлияло даже голубое солнце, и правильных тонких черт производило впечатление какой-то торжественно-печальной музейности. Скользнув взглядом по его частично лежащим на одеяле волосам и забинтованной руке, подложенной под голову, я опять вспомнила его жуткий фортель с доставанием браслета из кипятка, и мне снова стало так жалко короля, что я хлюпнула. Хлюп получился звонкий, так как простуда

моя к утру не совсем прошла. Поспешно прикрыв лицо рукой, я придушила в себе зреющий чих и продолжила раздумывать. Теперь, после наших приключений, у меня появились надежды, что Лид вполне может превратиться в нормального человека. Ведь он же нам помогал, да так, что даже Съедин назвал его демократом! Это уже кое-что. Теперь мы с Лидом стали душевно гораздо ближе, и если я применю все усилия, буду часто разговаривать с ним на народно-миротворческие темы, то, может быть, он даже...

Тут, увлекшись мыслями об исправлении короля, я в энтузиазме дрыгнула ногой. Лид, чуть окончательно не свалившись от этого на пол, в последний момент ухватился за край кровати и, сонно моргая, выполз обратно.

— Доброе утро, ваше величество, — хихикая, сказала я. — Ты что тут делаешь-то? Неужели так и заснул?

Король огляделся, сфокусировал на мне глаза и с достоинством встал, убирая волосы с лица и стряхивая какие-то пылинки с рубашки. Почистившись, он соизволил, наконец, ответить и на мой вопрос довольно хриплым голосом:

— Да, так и заснул — наверное, не рассчитал силы.

— Какие силы? Чтобы дойти до кровати?

— Силы при колдовстве, — объяснил Лид и взмахом руки погасил жарящий камин. — В королевстве Долгой Ночи мне приходилось тратить их помногу, и от этого, бывает, начинаешь неожиданно и быстро засыпать. Это свойство колдунов.

— Высокородных?

— Любых, — порадовал меня Лид демократичным ответом, достал откуда-то позолоченный гребень с завитушками и принялся медленно причесываться. Я, подобрав ноги, уселась на постели, достала щетку и занялась тем же самым. Периодически то король, то я издавали громкий чих и шмыгали носами.

— Мда, похоже, наша простуда не прошла, — сказала я, чихнув в очередной раз. — Как себя-то лечить, я хоть знаю, а вот чего тебе дать...

Лид махнул рукой.

— Можно то же самое. Или вообще ничего не давай, должно само пройти, у высокородных чистая линия, на нас все заживает быстрее и проходит без осложнений. Вот рука моя уже почти зажила.

— Не потому ли, что руку твоей чистой линии моя грязная линия намазала противоожоговой мазью? — проворчала я и встала. — Я в комнату, а ты тогда через входную дверь прибывай, как обычно.

Родственники мои уже были на ногах и встретили меня дружным шмыганьем носами. Натка, видимо, уже успела проснуться и уйти к себе домой. Леня листал телик, завернувшись в шарф, Маришка мелко чихала, а Ира, покашливая, замазывала себе тоналкой синяки под глазами.

— Привет, — хрипло сказала я.

— Привет, Сонечка, — отозвалась сестра таким же хриплым голосом. — ужас, представляешь, мы все простыли. Или инфекцию какую-то подхватили, я не знаю... Ты тоже кашляешь?

— Угу.

— Ну, значит, инфекция... Мне еще такие дурацкие сны всю ночь снились! Такая путаница в голове теперь... У Лени, вроде, тоже были какие-то кошмары.

— Не помню, — проворчал Леня в шарф.

— ...Да и Маришка все ворочалась и ворочалась. И теперь рассказывает мне что-то про злых колдунов.

— Да, меня превратили... — начала выкрикивать Маришка, но тут, к счастью, раздался громкий звонок в дверь. Я пошла открывать ипустила короля.

Семейство отнеслось к нему по-свойски. Леня кивнул, а Ира сказала:

— Привет, Лид.

Король кивнул тоже и уместился на диван рядом со мной. Тут на лицо моей сестры набежала какая-то тень, она посмотрела на короля нехорошо пристальным взглядом. Я напряглась. Но Ира вдруг хрипло рассмеялась:

— Слушай, до меня только сейчас дошло, что тебя не Леня зовут! Что же ты нас не поправлял?

Лид пожал плечами.

— Меня не волнует, как меня называют... — конечно же, он хотел добавить «простолюдины», но не стал.

— У него такое сложное имя, что он привык, — объяснила я с улыбкой.

— Да? Лид ведь сокращение? А как полностью? Лидиобет, кажется, да?

— Лидиорет, — хором поправили мы с королем. Ира хихикнула.

— Ой, прости. Действительно, какое имя сложное. А вместе с отчеством это как будет?

Лид посмотрел на меня, отвел взгляд, приподнял брови, и, видимо, сам удивляясь тому, что у него выходит, медленно произнес:

— Лидиорет Сераногелиевич.

Я, не удержавшись, прыснула. Родственники пооткрывали рты.

— Ни фиги себе! — произнес Леня от всей души. — А фамилия-то у тебя какая?

Теперь на лице короля отразилось что-то вроде смеси затруднения и опаски. Он начал выговаривать с какой-то несусветной интонацией:

— Ратсанатла...

— Чеготла?! — не удержалась даже я. Лид вздохнул и сказал:

— В общем, Королёв.

— Господи, надо же, такая простая фамилия, а такие имена! — закономерно поразила Ира. — Как так получилось-то? Это дедушка, что ли, вас так назвал, или вы не русские?

— Мы не русские.

— А почему Королевы тогда?

— Я перевел фамилию, — объяснил Лид.

— Понятно... Это с какого же языка?

— С варсотского, — выдал Лид очередную абракадабру.

— А есть такой? — почтительно поинтересовалась Ира.

— Есть.

— А я не знала...

Лид пожал плечами, как бы говоря, что это ее проблемы, что она, малограмотная, не знает столь распространенного языка, и, встав с дивана, направил свои стопы к компьютеру. Ира уважительно поглядела ему в спину, сказала «ух ты, ух ты», докрасила глаз, отложила зеркальце и сказала мне:

— Сонь, ты уж, пожалуйста, моих тут покорми, а то мне на ярмарку бежать надо.

— Конечно, о чем разговор, — согласилась я машинально. Ира чмокнула меня, Леню и Маришку и удалилась. Некоторое время мы сидели в относительной тишине — даже Маришка была вялой и не бесилась, как обычно. Потом я пошла на кухню и попыталась покормить всех свежесваренными макаронами и колбасой. Энтузиазма эти блюда не вызвали: что король, что Леня вяло поковырялись вилками, оставили тарелки и разбрелись в разные стороны: Лид — обратно к компу, а Леня — в ванную, греться и лечиться от чиха и насморка.

Когда Леня удалился, король отодрался от какого-то форума, который листал, подошел ко мне и предложил:

— Соня, давай я наколдую что-нибудь более съедобное, чем эти блюда.

— Тс-с-с, — сказала я, кивнув на сидящую в углу Маришку, которая перестала шмыгать носом и вылупила на нас глаза. Король

пренебрежительно дернул головой:

— Не обращай на нее внимания: что бы она ни рассказала, ей все равно никто не поверит.

— А вот поверит, поверит! — возмутилась Маришка и подбежала к нам. Лид, не обращая на нее внимания, уже принялся наколдовывать на столике голландский натюрморт. Маришка жадно уставилась на странную липкую сладость вроде нашей пахлавы и громовым шепотом сказала:

— Лид, а дай мне это, а то я маме с папой расскажу, что ты колдун!

— Думаю, если тебя превратить, скажем, в стул, ты ничего не расскажешь, — равнодушно отпарировал Лед. — А пользы принесешь несравненно больше.

Маришка юркнула мне за спину и умолкла. Повернувшись, я уже не увидела ее — наверное, убежала на кухню.

— Садись, Соня, — предложил Лид и подвинулся. Я уселась рядом с ним и только протянула руку к еде, как из-за столика высунулся Маришкин хитрый глаз.

— Тетя Соня! — прошептала она. — А можно мне это?

Тут она протянула руку и вцепилась в «это» всеми пальцами, подтаскивая его к себе.

— Марина... — простонала я. Лид поморщился и чуть шевельнул рукой. Липкая сладость из Маришкиного кулака пропала бесследно. Девчонка горестно повернула к себе пустую ладонь и скривила рот, готовясь к реву.

— Будешь опять кричать, превращу в статую, — пообещал Лид, бросив на нее взгляд. — Ты должна научиться себя ограничивать, потому что второй раз в другой мир я за тобой и твоей матерью не пойду.

— Прямо не пойдешь? А если тебя тетя Соня попросит? — ехидно протянула Маришка.

Король посмотрел на меня с большим намеком в глазах. Я, поняв, что он хочет, повернулась к Маришке и сказала строгим голосом:

— Нет, не попрошу, потому что ты правда незнамо как себя ведешь.

— А как надо знамо? — живо спросила Маришка, забираясь рядом со мной на диван и выворачивая шею, чтобы глянуть мне в лицо. — Как надо, чтобы вы дали это?..

— Нет тут никакого «этого»! Ты же видишь, мы его и сами не едим.

— Точнее, мы вообще ничего не едим, потому что ты нам мешаешь, — добавил Лид.

— А вы дайте это, не буду меша-ать... — заныла девчонка.

— Лид, не обращай на нее внимания, — вздохнула я и взяла чью-то

жареную ножку. — Слушай, вот ералаш получился с твоим отчеством и фамилией! Я поняла, что твоего отца звали Сераногелий, но что это за слово на «р» ты выговаривал? У тебя правда такая фамилия?

— У нас нет фамилий в вашем понимании, — улыбнулся Лид. — Я просто хотел сказать на своем языке «король», но потом решил, что вы этого просто не выговорите, и перевел.

— Значит, «король» по-твоему это ратса... ратса...

— Ратсанатла, — снова произнес Лид с непередаваемой интонацией, как бы немного взлаяв в конце слова.

— Ничего себе, длинно-то как.

— У нас одно слово состоит из нескольких коротких. Как у вас в японском, например, или в древних индийских языках.

— Ты уже и наши языки изучил? — поразила я.

— Конечно, нет. Просто прочитал про их особенности.

— Слушай, и как же я тебя понимаю?

— Из-за колдовства. На самом деле я говорю по-своему, а ты — по-своему. Чтобы ты могла услышать слово, как оно звучит на моем языке, мне приходится отменять заклинание, а потом творить его снова.

— Понятно... А если перевести все части этого ратсанатла, какой смысл получится?

— Ратсанатла — буквально значит «высокородный колдун, занимающий трон», — информировал Лид без интонаций, словно толковый словарь.

— У-у-у-у, — протянула я. — А я думала, что это какой-нибудь там «орел, летящий под облаками, держа в лапах лавровый венок» или что-то в этом роде.

— У нас не водятся орлы.

— Я пошутила, — пробормотала я сквозь обгладываемую некуриную ножку, неприятно пораженная королевским буквализмом. Лид пожал плечами и вгрызся в нечто вроде развесистого бутерброда с мясом.

— Гамбургер, — завистливо констатировала Маришка, все еще сидящая рядом со мной на диване. Лид слегка вздрогнул — видимо, успел уже забыть об ее присутствии, и отошел:

— Нет, это не имеет отношения к вашим химическим продуктам для плееев.

— А это вы есть будете-е?

— Да что это-то?! — воскликнула я.

— Сладкое...

— Ли-ид, — позвала я тихонько. Король взглянул на меня

двухцветными глазами, в которых затаилась легкая насмешка, и отозвался:

— Что «Лид»? Ты сама запрещаешь мне ее заколдовывать и применять к ней силу, а по-другому от нее не избавишься.

— Так наколдуй ей ее «это» и пусть идет! — потребовала я в сердцах. Лид покачал головой.

— Не буду.

— Почему?!

— Принципиально.

— Лид, да при чем тут принципиальность?

— При том, что это бесполезно. Если ей наколдовать это, через минуту она попросит что-то другое, и так далее.

— Не попрошу! — конечно же, заканючила Маришка и потянула к Королю руки. — Да-ай это сладкое-е!

— Оно несладкое, — сказал Лид с каменным спокойствием, которому я отчаянно позавидовала. — Это что-то вроде вашего пирога, и липкое оно из-за теста, а не из-за сахара.

— А сладкое у вас что-то есть? — не сдалась Маришка и пощупала большой медный кувшин с напитком.

— Да, правильно, это, — равнодушно сказал Лид.

— Дай?

— Ну возьми, — неожиданно согласился король. Я тут же заподозрила неладное, отдернула кувшин от Маришки, понюхала его, потом отхлебнула, закашлялась и воскликнула в ужасе:

— Лид, да оно же алкогольное!

— Ну да.

— Тут же градусов чуть ли не как в коньяке!

— Вот именно. Поэтому если она выпьет достаточное количество, то, по крайней мере, сегодня надоедать нам не будет.

Я вылупилась на короля.

— Ты с ума сошел?! Поить ребенка?

— Ну и что? — явно не понял Лид. — Я, будучи ребенком, тоже это пил.

— Нечего равнять двадцать первый век со своим средневековьем. У нас алкоголь детям запрещен, — буркнула я, отставляя кувшин на другой конец стола. — Плохо они от него развиваются. Умственно, — многозначительно поглядев на короля, я постучала себе пальцем по лбу. Тот намека не понял, а посмотрел на Маришку и произнес со вздохом:

— В таком случае, другого выхода, кроме превращения в статую, я не вижу.

Я, честно говоря, тоже не видела другого выхода, поэтому в затруднении промолчала. К счастью для меня, в дверь снова позвонили. Оказалось, пришла Натка.

— Привет всем! — воскликнула она, входя. — Привет, твое величество! Как делишки? Трапезничаєте? И с ребенком подружились?

— Забери ее, — приказным тоном сказал Лид. — Она мешается.

— Лид, ну ты вообще обнаглел, что ли? — возмутилась я. — Натка тебе не слуга!

— Да ладно уж, подсоблю вам, — хмыкнула подруга. — А то, я смотрю, вы уже до ручки дошли. Пойдем, Мариш, в шашки поиграем, пусть они тут воркуют...

Натка увела Маришку в угол с игрушками, но «поворковать» нам с Лидом все равно никто не дал: из ванной вылез Леня. Король движением пальца убрал недоеденный натюрморт, подтянул к себе лежащее на ручке дивана очередное чтиво: «Денискины рассказы» — и уткнулся в него. Отмокший Леня вновь включил телик и сквозь него принялся, периодически чихая и сморкаясь, высказывать нам всем свои суждения о мировой политике. Я кивала, Натка с Маришкой играли в шашки, Лид не слушал. К счастью, увлекшийся Леня на нас и не смотрел, поэтому все были довольны.

Еще больше довольство усилилось с приходом Иры. Она влетела в квартиру на всех парах в припляску и прискачку, чмокнула в щеку меня, Леню и Натку, и воскликнула:

— Ребята, поздравьте меня! Я выиграла конкурс лучших деревянных изделий! Особенно им браслет, который Лид подрисовал, понравился! У меня на радостях даже простуда прошла! Представляют, мне премию дали! Ой, Лид, какой ты умница!

В порыве чувств она обняла короля вместе с книжкой. Король ошарашенно уставился на нее, переглянулся со мной и неуверенно сказал:

— Спасибо.

— Из спасибо шубы не сошьешь! — хихикнула Ира. — Держи, я тебе конфеты принесла. А на нас на всех — тортик!

— Сладкое! — завопила Маришка из угла. — Мама, дай!!!

— Сейчас, моя хорошая, сейчас... Сонечка, пошли чайник поставим, чтобы на всех.

Я кивнула, встала и громко чихнула.

— Будь здорова, Соня, — пожелал король и сунул мне в руку принесенные Ирой конфеты. Я машинально сомкнула пальцы на коробке и пошла следом за сестрой.

Ире, как всегда, удалось легко собрать всех на общее чаепитие. Королевскую коробку конфет мы тоже выставили на стол: король, конечно, не возражал. Пока Маришка, злорадно на него поглядывая, одну за другой заглатывала конфеты, Ира со вздохом сказала мне:

— Ну вот, через три дня нам уже уезжать надо. Так быстро...

— Угу, — согласилась я. — Ну ничего, еще по Москве погуляем, в музей вместе сходим...

— Давай. Слушайте, а приезжайте с Лидом в августе к нам. Мы вам комнату выделим, купаться будете, с нами гулять.

— Гм, постараемся, — ответила я смутно.

— А что? У Лида отпуск кончится?

— Ага, — обрадовалась я.

— Ну ладно... Но на свадьбу нас позовите обязательно! — снова повторила Ира свой постоянный рефрен.

— Уж будь спокойна, — хихикнула Натка. — Я лично прослежу.

...Через три дня, прохладным солнечным утром мы с королем провожали родственников на вокзал. Точнее, провожала-то я, а Лид как всегда потащился за мной. Я немного опасалась, не вытворит ли он чего, впервые войдя в метро, но, как оказалось, опасения мои были совершенно беспочвенны. Короля не пришлось вынимать из проходных ящиков и стаскивать с эскалатора, а станции, видимо, показались ему похожими на привычные для него дворцы, поэтому он их даже не особенно разглядывал. Конечно, заставить его уступить место дряхлой старушке мне не удалось: он игнорировал мои намекающие взгляды, — но, к счастью, бабуле уступил Леня, а я сделала себе заметку на будущее объяснить королю нормы нашей вежливости, раз уж он тут собрался торчать со мной всю оставшуюся жизнь...

Родственники прощались так же, как и здоровались: весьма бурно. Уже зайдя в поезд, они несколько раз выбегали обратно, чтобы сказать нам еще что-то. Прodelывали они это в разном составе, протискиваясь через других входящих пассажиров: Ира с Леней, Ира с Маришкой, Ира отдельно, Леня отдельно, передающий слова Иры... Наконец мрачная седая проводница, которая, кажется, уже нас запомнила, предупредила, что поезд сейчас отправится. Ира, выскочившая к нам с Маришкой, в очередной раз чмокнула в щечку меня и Лида, который явно пытался увернуться, но не успел, и сказала:

— Пока, Сонечка, пока, Лид. Пишите нам обязательно! И звоните! Маришка, а ты попрощалась?

— Пока!!! — гаркнула Маришка и, подумав, снабдила нас странным

напутствием:

— Живите и не ругайтесь.

— Молодец, — рассмеялась Ира и нырнула вместе с дочкой в поезд, который уже трогался. Через пару секунд ближайшее к двери окно съехало вниз, и в него высунулось все семейство, включая и Леню, которое улыбалось и махало нам. Я крикнула «пока!» и замахала в ответ, а Лид приподнял ладонь и один раз слегка согнул пальцы.

Поезд величаво отбыл и, показав нам хвост, скрылся в мутной московской дали. Мы с королем взглянули друг на друга.

— Ну вот, — сказала я со вздохом. — Наконец-то тебе можно будет не прятаться. Хотя это тоже временно — ведь потом приедут мои родители...

— Сделать жилье, в котором сколько угодно комнат, для меня нетрудно, — отозвался Лид. — Так что тесно не будет.

— Я не про тесноту. Ведь тебя же все равно придется прятать от родителей...

— Всегда? — произнес король с сомнением. — Собственно, зачем? Они все равно ничего не смогут мне сделать.

— Ладно, посмотрим, — пробормотала я в замешательстве, вдруг поймав себя на том, что начинаю раздумывать, в какой бы форме познакомить Лида с мамой и папой. Вроде бы, мы хотели его к себе отправить... Но теперь мысль эта казалась мне какой-то отвлеченно-неестественной, так что я решила подумать ее потом, тем более что у меня зазвонил мобильник. Это оказалась бабушка, та, которая из деревни.

— Как ты там, Сонечка? — поинтересовалась она озабоченно. — Без мамы-папы-то?

— Да нормально, ба, — заверила я.

— А кушаешь-то что? Небось, ерунду какую-нибудь?

— Да нет, я готовлю...

— Ну смотри... А то приехала бы ко мне в гости пожила. И мне повеселее, и тебе и покушать будет, и все. И воздух свежий, не то, что в Москве.

— Это, конечно, да, — вздохнула я. — Но у меня тут... В общем, не могу я.

— Что, с Наташкой не хочется расставаться? — судя по голосу, бабушка улыбнулась. — Так и ее привози, подумаешь. Как вы вон маленькие вместе у меня отдыхали, помнишь?

— Помню. Натку, конечно, хорошо бы взять, но она тут ни при чем...

— Кавалера нашла! — радостно догадалась бабушка.

— М-м-м, не совсем, но... — замычала я, стараясь отвернуться от

Лида.

— Ну ладно, разберетесь, куда денетесь. Главное, чтобы парень хороший был. Хотя ты у меня плохого не выберешь. Приезжай, приезжай, и кавалера с собой бери, и Наташу. Дом большой, всем места хватит. Я за печкой, вы с Наташкой — в комнате, а кавалер — на веранде — как хорошо-то!

— Хорошо, — хихикнула я, представив Лида на нашей крошечной терраске, заваленной пустыми корзинами и ржавым садовым инструментам. — Ладно, ба, постараемся приехать...

— Кто это звонил, Соня? — конечно же, сразу поинтересовался король, когда я попрощалась с бабушкой и упихала мобильник обратно в карман.

— Бабушка. Другая, — уточнила я, увидев выражение лица короля. — Та, которая в деревне, где я тебя расколдовала.

— Расколдовала ты меня в моем мире, — поправил Лид. — Просто там такая же дыра между мирами, как и та, что была в твоём дворе за гаражами. И чего хочет от тебя эта старая простолюдинка?

— Старая простолюдинка приглашает нас всех в гости. Даже тебя, — фыркнув, сказала я. — И не знаю, как ты, но я лично хочу съездить. Я не обязана торчать целыми днями в Москве.

— В таком случае я, конечно, поеду с тобой.

— На здоровье, но учти, что бабушка собралась поселить тебя на веранде, а это место проходное, так что дворец там наколдовать не удастся.

— Я думал, Соня, ты за время, которое мы провели в мире Долгой Ночи, успела понять, что бытовые удобства для меня не очень важны, — слегка удивился король.

— Да, но для тебя важна печка, а на терраске ее нет... — я задумалась.

— Это неважно, разберемся, — Лид, безошибочно найдя вход в метро, придержал для меня стеклянную дверь.

— Тогда ладно. Но еще учти, что с нами поедет и Натка... Не будем про плебеев, ладно? — я просительно глянула на короля. Тот вздохнул.

— Хорошо, не будем...

От этой реплики я прямо-таки пришла в восторг и радовалась весь путь домой. Дома я тоже радовалась, пока в дверь не позвонила Натка и не поинтересовалась с порога:

— Чего это у тебя такая физиономия гордая, как будто ты тигр-людоеда укротила?

Я покосилась назад: в комнате король читал книгу — и ответила полупшепотом:

— Да нет, ничего, это я за Лида радуюсь. Он прямо становится на человека похожим.

— Хм, — ответила на это Натка с несколько скептическим видом. — Вообще-то, человеком он всегда и был. Другое дело, каким...

— Нат, в окно он тебя выпихивал по делу! — зашипела я. — Меня он тоже туда пихал!

— Ладно-ладно, — подруга придержала меня за плечо, чтобы снять босоножку. — Чего нам ссориться из-за какого-то величества...

— К бабушке моей в гости поедешь? — поспешно сказала я, идя за ней в комнату. — Она звала.

— Поеду, чего не поехать-то. Привет, твое величество. Опять малышовые книжки читаешь, компенсируешь детские травмы? Ты, значит, тоже едешь с нами к Сонькиной бабушке?

Лид, заложив пальцем мою старую затрепанную книгу про Буратино, утвердительно кивнул.

— Ну так и чего сидим, если едем? — Натка уперла руки в бока и оглядела нас. — Сонька, собираться пошли. Ко мне по дороге к вокзалу зайдем, мне там взять — всего ничего...

Поездка в электричке, к счастью, обошлась без приключений. Народу было мало. Мы с Наткой, по приобретенной в Съединовом королевстве привычке, пристроились по обе стороны от короля, так что болтать нам приходилось, наклоняясь через него друг к другу. Лид, кажется, был этим слегка недоволен, но молчал и в наш разговор не вмешивался.

Пока электричка неторопливо тащиась в сторону деревни, погода все портилась. В открытые окна начали залетать порывы ветра, четкие тени от солнца пропали.

— У, по-моему, мы под тучу въехали, — констатировала Натка. — Сонь, ты брала зонтик?

— Неа.

— Тогда опять одна надежда на наше величество, — подруга зябко передернула плечами и стянула на груди вырез кофты. — Кажись, все-таки полило...

И точно: вылезали из вагона мы уже под плотными струями дождя и в сопровождении рычащих раскатов грома. Лид, не замедляя шага, сделал какое-то непонятное телодвижение, и над нами образовалось что-то вроде сухой зоны, будто нас накрыло большим невидимым зонтом. За краем этого зонта продолжался ливень.

Лид посмотрел на меня.

— Так достаточно, Соня, или воду под ногами тоже надо убирать?

— Достаточно, достаточно, — кивнула я поспешно. — Только давайте с вокзала уйдем, а то внимание привлекаем...

Выйдя со станции, мы зашлепали напрямик по тропинке через луг. На лугу торчали плохо видимые за завесой дождя коровы. Увидев Лида, они в большинстве своем с громким испуганным мычанием шарахались в стороны и пытались убежать, натягивая привязи. Тропинка была узкой, по бокам ее стояла длинная и мокрая трава, так что наши ноги вскоре тоже стали мокрыми до колен.

— Лид, — нарушила молчание Натка. — А где эта дыра-то в твой мир, куда Сонька провалилась?

— Там, — Лид показал рукой вперед и влево. — Ближе к реке.

— А можно будет туда еще разок сходить, или это опасно? — спросила я.

— Почему опасно? Естественно, можно.

— Опасно потому, что жители твои тебя уже один раз заколдовали...

— Это ничего не значит. В таких случаях многое зависит от стечения обстоятельств и удачи. Подобным образом и мне удалось заколдовать своего дядю, который был намного сильнее меня — частично обманом, частично обстоятельства помогли, но, думаю, второй раз бы не получилось. Так что не беспокойся за меня. Тем более, если ты помнишь, Съедин упоминал, что в моей стране теперь республика, и это значит, что у власти стоят плебеи, которые забыли, что такое настоящий высокородный и настоящий король...

— Ага, забыли как страшный сон, — хихикнула Натка. — Ты, твое величество, значит, домой все-таки не собираешься?

— Если туда пойдет Соня, я тоже пойду.

— Не патриотичный ты, — упрекнула его подруга. — Никакого у тебя чувства родины, одно чувство Соньки какое-то...

Король, к моему удивлению, в ответ лишь хихикнул. Положительно, он очеловечивался прямо на глазах.

К тому времени, как мы дошли до бабушкиного дома, дождь уже кончился, остались только радуга вверху и грязнящие лужи внизу. С трудом обойдя одну из таких луж, я вырвалась вперед, впрыгнула на крашеное крыльцо, покрытое раскисшей тряпкой, и толкнула дверь.

— Ну вот, не заперто, значит, бабушка дома. Заходите!

Натка вбежала за мной, король, пригнув голову и вежливо пошаркав ногами об тряпку, вошел последним и как раз успел придержать падающую на пол ржавую лопату, которую я нечаянно задела.

— Это и есть веранда? — уточнил он, оглядываясь.

— Угу, — сказала я. — Не говори, что я тебя не предупреждала. Вот тут вдоль стены — садовые инструменты, а вон там в углу — корзины, зато есть диван, так что спать можно...

Лид хотел что-то сказать, но не стал, потому что слышались шаркающие, но быстрые шаги и из сеней вышла улыбающаяся бабушка.

— Приехали! — взмахнула она руками. — Ну надо же, молодцы какие. А вы бы предупредили, что сегодня-то, я бы вам котлеток наделала, салатика... Ну проходите, проходите. Ой, вы же все мокрые! По лугу, что ли прошли? Надо же было по дороге... Ну ничего, сейчас я вам чайку горяченького...

Повернувшись, она пошла вглубь сеней. Мы направились за ней.

Пока бабушка ставила чайник, я потянула оглядывающегося Лида в большую комнату, оклеенную кусками разномастных обоев. Основное убранство этой комнаты составляли кровати, стоящие вдоль стен, хотя еще имелись шкаф, стол и две табуретки. Король огляделся с неоднозначным выражением лица, но свои комментарии, к счастью, оставил при себе и молча плюхнулся на одну из табуреток. Мы с Наткой, расположившись на двух противоположных кроватях, принялись рыться в рюкзаках, выискивая сухие вещи для переодевания.

Минуты через три явилась бабушка с чайником. Она сказала Лиду «подвинься-ка» и плюхнула чайник на деревянную подставку посреди стола, после чего снова обратила взгляд на короля.

— А ты, значит, Сонин кавалер? Давай хоть познакомимся с тобой: я Нина Алексеевна.

— Меня зовут Лидиорет.

— Как-как? Имя такое интересное, я боюсь не запомню его...

— Мы его Лидом называем, — сообщила я бабушке. — И ты лучше тоже так зови.

Бабушка обрадовалась.

— Вот спасибо, а то у меня память-то уже не очень стала... Ты нерусский, что ли, или просто родители так назвали?

— Он у нас из семейства беженцев, — хмыкнула Натка. Бабушка прищелкнула языком.

— Бывает... Чего только не бывает в наше время... Работаешь хоть?

— Нет.

— В смысле, у него сейчас отпуск, — быстро сказала я. — А так он этот... Вроде управленца.

— Менеджер? Сейчас все менеджеры стали, у кого ни спроси — что за профессия, не пойму... Ну а зачем понимать, главное, чтобы хорошо

работали, деньги получали. Ведь семью же кормить надо.

— Еда и деньги для меня не проблема, — информировал бабушку король.

— Это ты молодец, — одобрила она. — Сейчас ведь время такое, такие мужики бывают, что господи прости. Лежат на диване тунеядствуют, а жены по работам как савраски бегают-бегают, бегают-бегают...

— Видимо, эти мужчины считают себя высокородными? — сделал вывод Лид.

— Ой, и не говори, — согласилась бабушка, расставляя на столе чашки. — Как короли какие, а у самих ни ума, ничего... А жены-то зачем-то с ними носятся, не бросают.

— Судя по нравам здешних мужчин-плебеев, женщины могут опасаться, что следующий будет еще хуже. А скорее всего, и сами женщины страдают скудоумием, поэтому не могут размышлять логически.

— Хорошо ты как говоришь-то! — неожиданно похвалила короля бабушка. — Складно так. Сразу видно, образование у тебя хорошее. Где же вы познакомились-то, Сонечка?

— Да так, на прогулке, — бормотнула я.

— Молодцы, — неизвестно за что опять похвалила нас бабушка и пододвинула под королевский нос банку с вареньем. — Ты кушай, что ты сидишь, вон, худенький какой, бледненький...

Лид вылупился на бабушку ошарашенным взглядом: видимо, бледненьким и худеньким его никогда в жизни никто не называл. Натка от смеха подавилась и фыркнула чаем себе на брюки. Я тоже еле сдержала улыбку. Король кое-как вернул лицу нормальное выражение и величаво сообщил моей бабушке:

— Это не бледность, это просто такой цвет кожи. Что касается худобы...

— А ты позагорай, — вдруг прервала его на полуслове бабушка. — Позагорай у нас в садике, вот и не будет цвета кожи белого.

— Ага, — сдавленно прошептала Натка. — Будет красный.

— Не будет красного, — услышал ее король. — Никакого не будет, на высокородных загар не ложится.

— Чего он сказал там? — обратилась ко мне бабушка, озабоченно щурясь.

— Он говорит, Нина Алексеевна, что у него родители были рыжие, поэтому загореть он не может, — невинно хлопая глазами, сообщила Натка. — Но мы позагораем вместо него, да, Сонь? А его покормим. Пусть он будет не бледненьким и худеньким, а бледненьким и толстеньким!

— Натка, — протянул Лид, задумчиво меряя ее взглядом. — Все-таки чувствуется, что тебя никогда никто не заколдовывал...

— А ты не пугай, твое величество, мы пуганые. Вон ешь лучше котлету, толстей.

— Ешь-ешь, — согласилась с подругой бабушка. Лид глянул на меня со слабой неуверенной улыбкой. Я тоже улыбнулась и кивнула. Король послушно ухватил котлету и принялся ее жевать.

Пока королевский рот был занят едой, я поспешно переключила бабушкино внимание на вопросы нашего ночлега. Бабушка охотно отвлеклась, залезла в шкаф и принялась пересчитывать простыни и наволочки. К концу обеда каждого из нас уже ждала стопка чистого белья, накрытая подушкой.

— Я вон там буду, за печкой, девчонки — в комнате, а ты на терраску иди. Там чуть прохладновато, конечно, но ты у нас мужчина, тебе ничего не будет, — сообщила бабушка Лиду. Король, к моему изумлению, кивнул с явно польщенным видом.

— Ба, как раз вот прохлада ему не очень-то... — не выдержала я, но тут меня прервал сам Лид:

— Соня, не беспокойся.

— Ладно, — пожала я плечами и, взяв белье, пошла застилать свою кровать. Лид удалился на терраску, откуда тут же послышался грохот — видимо, садовый инструмент король все-таки уронил. Бабушка на это не среагировала, только, одобрительно кивая, сказала:

— Устраивайтесь, устраивайтесь... Только дома не сидите, чего сидеть. В садик вон сходите, в лес прогуляйтесь, в речке покупайтесь...

— Да, да, обязательно, — согласилась я сразу со всеми ее предложениями. — Мы разберемся.

Мы и вправду разобрались. Закончив застилать постели и переодевшись в сухое, я и Натка пошли на терраску, решив предложить королю прошвырнуться по окрестностям.

Веранда выглядела как обычно. Сидящий на аккуратной застеленной кровати король выжидающе на нас глянул.

— Гляди ты, цел, а мы уж думали, что тебя лопатой убило, — хихикнула Натка и попыталась приподнять упомянутую лопату. Лопата, хоть и была просто прислонена к стене, даже не шелохнулась. Подруга недоуменно посмотрела на собственную руку. Я заинтересовалась и в свою очередь попыталась оторвать от стены грабли, но они будто приросли к обоям.

— Лид, это ты, что ли, сделал? — поинтересовалась я у короля. Тот

кивнул:

— Мне надоело, что тут все падает.

— А если бабушка захочет что-нибудь взять?

— На твою бабушку заклятье не распространяется, — успокоил меня король. — На нее эти инструменты будут падать так же, как раньше. Что ты собираешься сейчас делать, Соня?

— Мы с Наткой собрались прогуляться. Как я понимаю, ты все равно с нами, так что пошли. Заодно, может, и в твой мир сходим?

— Хорошо, — в голосе короля проскользнуло легкое недовольство, он покосился на Натку, явно имея в виду, что предпочел бы прогуливаться без нее. Но я сделала вид, что ничего не поняла, и на прогулку мы отправились втроем.

Некоторое время пришлось протащиться вдоль шоссе, по которому сновали брызгучие машины, обходя грязные лужи и ежась от ветра. Из-за каждого забора на нас, захлебываясь, брехала собака, а куры начинали истошно вопить: видимо, чувствовали тяжелую Лидову ауру. Поэтому когда мы, наконец, свернули на луг, то дружно вздохнули с облегчением. Распугивая коров, быков и лошадей, мы пошли по тропке, ведущей к реке. У самой реки после дождя стоял легкий туманчик и паслось большое стадо грязных коз.

— Что-то я не соображу, где дырка, — сказала я, оглядываясь. — Даже не знаю, как в нее тогда попала...

— Ближе к берегу, — Лид уверенным шагом двинулся прямо на коз. Стадо бросилось врассыпную, так что король напомнил мне катер, разрезающий грязную пенную воду. Встав на внешне ничем не отличающийся от других кусок луга, густо поросший клевером, он кивнул мне.

— Вот здесь вход, Соня.

— Странно, — почесала в затылке Натка. — Если эта дыра в таком видном месте, сюда тутошние должны пачками проваливаться, я уже про животных молчу...

— Не в каждую дыру между мирами можно войти просто так, — изрек король, глядя в бледно-розовое закатное небо. — Здесь нужно встать на определенную точку, с которой будет видна часть моего мира, и взяться за нее, тогда можно будет пройти.

— А, точно! — вспомнила я. — Я увидела что-то вроде обломка колонны, схватилась за него и попала к тебе!

— Скорее всего, это была часть моего трона, искаженная дырой, — Лид медленно потоптался на месте, сдвигаясь на сантиметр вправо-влево, и

осторожно ухватил меня за край рукава. — Вот эта точка, иди сюда, Соня...

— А я? — тут же подскочила к нам Натка.

— От тебя все равно никуда не деться, — отозвался король с досадой, которая вдруг передалась и мне. Действительно, надо было нам пойти сюда вдвоем. Но не бросать же теперь подругу... Я вздохнула и тоже взяла ее за руку. Как раз в это время король подтянул меня к себе, и я слегка подпрыгнула от волнения, снова увидев лежащий на траве обломок колонны.

— О, вижу — вижу! — сказала и Натка, дыша мне в затылок. — Что нам теперь, всем за него хвататься?

— Не надо, достаточно будет меня, — король наклонился и пощупал обломок. И снова, как полмесяца назад, мир вокруг чпокнул и изменился. Подняв глаза, я увидела, что туман исчез, деревня вдали сменилась черным лесом, а небо здесь не закатное, а, кажется, дневное, но не голубое, а блекло-фиолетовое. Прямо на наши макушки светило солнце, белое и чуть большего, чем наше, размера, а вот под ногами был все тот же луговой клевер, только разбавленный еще какими-то незнакомыми растениями. Переведя взгляд на Лида, я увидела, что он стоит с непонятным лицом, молча положив правую руку с оставшимися на ней слабыми следами ожога на подлокотник мраморного трона.

— А что, у вас симпатичненько, — нерешительно сказала Натка вполголоса и, наклонив голову, оглядела трон. — Это на нем ты, значит, сидел?

— Да, на нем, — Лид, как мне показалось, с удовольствием снял руку с подлокотника и сделал шаг в сторону, потянув меня за собой. Я потянулась охотно — мне при виде трона тоже стало как-то не по себе. Поспешно, чтобы отвлечь короля от возможных мрачных мыслей, я поинтересовалась:

— А тут что, никакого жилья поблизости нет — просто лес и все?

— Не знаю, — Лид, щурясь, поглядел вдаль. — При мне это была самая граница королевства: чтобы добраться до жилья, надо было пройти через лес. Думаю, и сейчас так же, если стоящие у власти плебеи за время республиканства не растеряли все владения...

— Значит, тут и клевер растет, как у нас?

— Трудно сказать, Соня, у кого он растет. Я встречал его по меньшей мере в сорока мирах, и везде он, если можно так выразиться, чувствовал себя, как дома.

— В сорока мирах? Зачем ты так по мирам-то скакал? — удивилась Натка. — Завоевывали вы их, что ли?

— Только последний самонадеянный плебей может считать, что удержит власть одновременно в двух мирах. Завоевание всегда связано с полным переселением, как это было у предков Съедина.

— А зачем же ты гулял по мирам? — спросила я, слегка дернув его за руку.

— Именно что гулял, Соня, — король начал медленно идти куда-то вперед. — Такое бывает у высокородных в детстве и юности, когда психика схожа с плебейской.

— Ну понятно, сейчас-то, в старости, тебе не до таких глупостей, — усмехнулась я.

— Это не глупости. Просто удовольствия не доставляет, — сказал Лид откровенно. — Только по тебе могу примерно вспомнить свои тогдашние впечатления от других миров...

— Да уж, счастье, что я еще не настолько облагородилась, что могу что-то ощущать, — согласилась я и вздрогнула от неожиданно раздавшегося над головой шума и треска. — Ой, Лид, что это такое?

Король ничего не ответил. Задрав головы, мы дружно уставились в небо, и как раз очень вовремя, потому что из-за леса показалась неуклюжая конструкция, по всей видимости, деревянная. Она имела три пары длинных квадратных крыльев и моторчик сзади, который трндел на всю ивановскую и испускал черный густой дым.

— Судя по всему, мой народ дошел до изобретения самолетов, — сказал Лид. — Если это, конечно, можно так назвать.

— Лид, он что, падает?! — я продолжала тревожно следить за неуклюжей этажеркой, которая покачивалась в воздухе, то снижаясь, то опять взмывая.

— Нет, он так летит.

— У него двигатель горит!

— Я не большой знаток двигателей, но, видимо, он просто так работает, — успокоил меня король. Тем временем самолетик с грехом пополам пересек небо и скрылся вдаль, оставив после себя лишь толстый дымный след. Я повернулась и откинулась назад, провожая его глазами. Лид, чтобы я не упала, ухватил меня за вторую руку и подтянул на себя.

— Да, у вас тут, оказывается, цивилизация... — я опустила слезящиеся от солнца глаза и забыла, что хотела сказать, потому что наша поза в сочетании с окружающей обстановкой вызвала во мне мощное deja vu. Чтобы задержать это ощущение, я неосознанно снова откинулась назад, глядя на короля, и тут в голове щелкнуло: до чего это похоже на мой детский сон! Случайно или нет? А Лид действительно лицом очень

напоминает того мальчишку, с которым мы тогда кружились, взявшись за руки. Или не лицом, а просто прической и цветом глаз? Самым простым было бы спросить это у короля, но я никак не могла сформулировать вопрос так, чтобы он прозвучал невинно и между прочим, а прямо поинтересоваться, не видел ли он меня раньше во сне, у меня как-то не поворачивался язык. Тем более, что Лид молчал и глядел на меня чуть напряженно и опять с бездомно-собачьим выражением. Возможно, пребывание в месте, где его заколдовали, просто портило ему настроение, но я, поглядев ему в двухцветные глаза, как всегда загипнотизировалась и рот открыть не смогла.

Битых три минуты мы провели в неподвижности, сцепившись, уставившись друг на друга и молча нюхая воздух, в котором медленно рассеивалась гарь от изобретенного в Лидовом мире самолета. Потом я вдруг вспомнила, что мы тут вроде бы не одни, и, отцепив от короля одну руку, хлопнула ею себя по лбу:

— Ой, что мы тут застряли! Натка-то где?

...Натка, подперев подбородок кулаками, сидела на мраморном троне и рвала травинки торчащими из босоножек пальцами.

— Во, наконец-то! — обрадовалась она, когда мы подошли к ней. — А то я уже не знала, куда самоустраниться. Думала, если еще полчаса простояте, пойду вас пощупаю, вдруг опять окаменели.

— Что ты выдумываешь, какие мы полчаса стояли?! — возмутилась я. — Пять минут от силы!

— Двадцать, — со вздохом уточнила подруга и сунула мне под нос часы. Король недовольно поглядел на нее и резко сказал:

— Сойди с трона.

— А чего? Это тюряга не для плебеев, а для высокородных?

— Вот именно. К тому же, не стоит лишний раз прикасаться к предмету, на котором много веков было сильное заклятье.

— Спасибо за заботу, ваше жадное величество, — проворчала подруга и слезла. — Ну чего, куда пойдем? Наведаемся в гости в республику или боимся? Судя по самолету, прогресс у них идет полным ходом.

— Не боимся, но не стоит, — ответил король сразу за себя и меня. Я согласно кивнула:

— Действительно, давайте где-нибудь еще прогуляемся. Тяжелое какое-то это место.

— Ничего не тяжелое, нормальное, — пожала плечами Натка. — Ну ладно-ладно, Сонька, идем.

Из Лидового мира мы вылезли в молчании и так же молчаливо

побрели домой. Бабушка сидела на лавочке возле веранды и чистила картошку: наверное, на ужин. Натка покосилась на меня, вздохнула и предложила:

— Давайте я вам помогу, что ли, а то прямо не могу никак ощутить свою нужность...

— Давай, — согласилась бабушка без ложного стеснения и радостно подвинулась. Натка плюхнулась рядом с ней, а король, не замедляя шага, убрел в сад. Я пошла за ним. В саду мы уселись на уже знакомый нам штабель бревен и уставились на закат. Король находился в непонятном настроении и упорно молчал, поэтому я решила сама начать разговор и спросила:

— Лид, слушай, а как будет на твоём языке, например, «здрасьте»? Или просто фразу какую-нибудь скажи, а потом мне переведи.

— Зачем это тебе, Соня?

— Просто интересно, как звучит. А тебе разве не интересно, как на самом деле звучит мой язык?

— ...Интересно, — согласился король явно только из вежливости, однако все-таки чуть согнул указательный палец, отменяя заклинание, повернулся ко мне и выдал быструю, как пулеметная очередь, фразу на своём варсотском языке, которая показалась мне похожей одновременно и на лай собаки, и на кулдыканье индюка, разбавленное беличьим цоканьем. К фразе Лид присовокупил мое имя, но так взвыл на его конце, что я его еле узнала: прозвучало это как «Соня-а-а-а!!!». Я вздрогнула, хотя судя по лицу короля, он сказал что-то нейтральное или даже приятное, и отозвалась:

— Ну и язык у тебя, Лид.

Король вскинул на меня глаза, видимо, в свою очередь удивившись моему произношению его имени, снова согнул палец, возвращая нам взаимопонимание, и сказал:

— Никогда бы не подумал, Соня, что вы говорите с такими слабыми интонациями.

— А ты для меня воешь и лаешь, — призналась я несколько смущенно. — Что ты сказал-то?

— Я спросил, что за птица ходит вдоль забора за твоей спиной.

Я обернулась.

— А, это цыпленок опять от соседей пролез. Бабушка их гоняет... Разве ты кур еще в интернете не видел?

— Может, и видел, но я не сосредотачивался на птицеводстве.

— Ну ладно, а теперь скажи, как будет «здрасьте», а я за тобой

повторю. И не спрашивай зачем, мне просто нравится учить языки. Я, между прочим, уже знаю английский и пол французского.

— Это похвально, — сказал Лид с улыбкой и просьбу мою выполнил. «Здрасьте» по-варсотски звучало как «авилекса-а-а-а!!!». Пока я пыталась выговорить это с нужной интонацией, аж вспотела. Лид следил за мной внимательно и сочувственно, иногда сообщая правильный вариант произношения, причем каждый раз за забором отзывалась лаем соседская собака. Наконец я добилась того, что собака залаяла и на меня, сочла, что теперь говорю правильно, и решила в качестве ответной услуги обучить короля говорить «здрасьте».

— Авилекса-а-а, — сказала я, глядя на Лида и от стараний потряхивая головой. — Здравствуйте. Здравствуйте. Ну, повтори.

Лид, догадавшись по жестам, что я от него хочу, покорно взвыл:

— Здра-а-асте!

— Да не так агрессивно. Здрасьте.

— Здра-асьте, — согласился Лид с меньшей аффектацией — интонацию он ловил хорошо. Я вскочила с бревна, потеряла руки и огляделась вокруг, думая, какими бы еще словами нам с королем обменяться, когда кусты смородины затрещали и из них высунулась Натка.

— А, это вы, — сказала она. — А меня Нина Алексеевна послала посмотреть, кто там орет и гавкает. Вы чего, опять полаялись, что ли?

— Нет, мы учим языки друг друга. Я знаю, как по-варсотски здраасьте. Авилекса-а-а!

— Ой, чего ты орешь-то? — подскочила на месте подруга.

— Так положено. А Лид умеет здраасьте говорить. Лид, скажи.

— Здрасьте, — сообщил король с видом ученой собачки, поглядел на мою подругу и поинтересовался:

— На-а-тка-а-а??!

Натка попятилась.

— Слушайте, ну вас в баню. Пойду лучше картошки почищу.

— Ага, иди... Да, это Натка, — повернулась я к королю. — А это дерево. Солнце. Небо. Земля...

Засиделись мы до первых звезд. Не знаю, как королю, а мне наши упражнения доставляли истинное удовольствие. Король, впрочем, тоже не особо жаловался, повторял за мной слова, говорил в ответ свои, иногда сопровождая их для доходчивости «мультиками», и потихоньку ел с куста белую смородину. Натка за нами больше не приходила — видимо, испугалась королевского лая, но я и сама утомилась и, встав с бревна, принялась переступать отсиженными ногами. Король поглядел на меня,

подумал и вполне самостоятельно сформулировал по-русски предложение:

— Соня-а, иди до-ом?!

Я хотела было ответить ему что-нибудь на его языке, но поняла, что забыла все слова. Лид и в этом сумел меня обскакать...

В это время король обратился мне уже нормальным образом:

— Соня, я думаю, достаточно? Пойдем в дом?

— Пошли. Надо же, у тебя такая хорошая память, ты так быстро все запоминаешь.

— Высокородные все такие, — отозвался Лид равнодушно. — Это нормальная наша скорость усвоения информации, просто на языке она лучше чувствуется.

— Эх, а я уже все твои слова поперезабыла.

— Ничего, все равно тебе мой язык не понадобится.

— Мало ли, что мне не понадобится! — уперлась я. — Мне интересно, и все, Ладно, пошли.

Ужин прошел без происшествий. Бабушка и Лид каким-то образом ухитрились отлично общаться, при том, что каждый говорил о чем-то своем. Часов в одиннадцать вечера мы с Наткой начали зевать, и бабушка с непочтительным напутствием «иди, иди отсюда» удалила короля на терраску. Лид без возражений ушел: похоже, он тоже клевал носом. Но я сама заявила к нему минут через пятнадцать под предлогом пожелания спокойной ночи, хотя на самом деле мне было любопытно, куда же он втиснет на веранде камин и как спрячет его от бабушки.

Меня ждало разочарование: никакого камина нигде не оказалось. Лид, уже превративший свою одежду в льняной папин костюм, приветственно кивнул мне.

— Что ты хотела, Соня?

— А где камин?

— Здесь его делать затруднительно.

— Ну вот. И чего теперь, всю ночь будешь мерзнуть? Ты же в сосульку превратишься, — укорила я безалаберного короля и хотела было присесть на его разобранную постель, но Лид вдруг крепко ухватил меня за локоть и поднял обратно.

— Осторожно, Соня.

— А чего... — начала я и осеклась: от кровати исходил такой жар, словно под ней развели громадный костер. Странно еще, что белье не горело.

— Я сделал жаровню внизу, ее не видно, — объяснил Лид с удовлетворенным видом, сам присаживаясь на свое огнедышащее ложе.

— Ну молодец, — хмыкнула я. — Ты у нас нигде не пропадешь...

...у бабушки мы провели шесть дней, которые прошли как-то незаметно и, что совсем уж удивительно, без всяких мерзких происшествий, связанных с королем. Может быть, Лид все-таки действительно обжился: по крайней мере, бормотания насчет простолюдинов и благородных я слышала все меньше, зато научилась хорошо различать королевские эмоции. В принципе, они ничем не отличались от эмоций обычного человека, разве только были чуть более сдержанными. Я теперь и сама не понимала, почему первое время считала его кем-то вроде тигра-людоеда в человеческом обличье. Вначале я на всякий случай старалась присутствовать при всех его разговорах с бабушкой, но потом махнула на это рукой, поскольку король не говорил и не делал ничего плохого, а в его рассуждения бабушка либо не вслушивалась, либо понимала их по-своему, так что между ними царили мир и взаимопонимание. С Наткой король, кажется, окончательно смирился: по крайней мере, разговаривал он с ней уже нормально, практически как со мной. Правда, возможно, это было связано с тем, что подруга старалась вежливо самоустраниться, если нам приходила охота прогуляться или посидеть в саду. Впрочем, в Лидов мир мы больше ни с Наткой, ни без нее не ходили, просто гуляли по ближайшим окрестностям. А вот на бревнах в саду сидели каждый вечер, продолжая изучение языков друг друга. Король по-прежнему не испытывал по этому поводу никакого энтузиазма, однако обучался со страшной скоростью. Уже на второй вечер он худо-бедно формулировал корявые предложения по-русски и объединял их в целые фразы. У меня с варсотским, который оказался жутко сложным языком, были отношения похуже, но и я день на четвертый, выпучивая от усилий глаза, сумела провить и прогавкать несколько самостоятельно построенных предложений так, чтобы Лид мог понять, о чем это я. Пару раз во время наших уроков мимо по поручениям бабушки сновала Натка, скребла пальцем в ухе и вздыхала: «Опять разлаялись на сон грядущий», но ответом ей было лишь бодрое мое и королевское хихиканье.

Иногда наше с Лидом общение затягивалось далеко за полночь: мы уходили из сада и перемещались на терраску, пристраивались рядом на еще не нагретую жаровней кровать и разговаривали. Я часто садилась на своего любимого астрономического конька, но король, кажется, слушал мои рассуждения о космосе с некоторым интересом, хотя, как я уже заметила, мышление у него было сугубо практическое и теории его не слишком интересовали. Типичный наш разговор протекал обычно как-то так:

— ...И когда масса становится такой, что она сама притягивает свой

же свет, тогда из звезды получается так называемая черная дыра, — ораторствовала я, размахивая руками перед королевским носом и глазами.

— А где она? — помолчав, интересовался король.

— Как это где?

— Где-то от вас поблизости есть черная дыра?

— Нет, слава богу, а то нас давно бы в нее втянуло... И вообще, Лид, черные дыры — это что-то вроде теории.

— То есть существование их не доказано? Их никто не видел?

— Ну еще бы.

— Так может быть, их и нет?

— А может, есть! По крайней мере, по расчетам похоже на то...

— Может быть — это не доказательства. Зачем выстраивать теории, которые все равно никак не проверишь? Какая от этого польза?

— Лид, ну какой ты дремучий! — в очередной раз сокрушалась я от средневекового королевского мышления. — Теории можно выстроить заранее, а проверить потом, когда будут технические возможности.

— В таком случае, надо искать возможности быстрее, — решительно заявлял король.

— Как уж получается...

— Судя по вашему телевизору, Соня, вы не особенно и стараетесь.

— Ну Ли-ид! Что ты все сводишь к своей любимой политике? Вот захватишь наш мир, тогда и правь, как тебе нравится, а сейчас отстань. Я тебе не про то рассказываю.

— Вашего мира мне еще не хватало, — смеясь, отзывался Лид и добавлял примирительно:

— Ладно, Соня, излагай дальше свои теории, я послушаю...

Обычно после таких слов желание «излагать теории» у меня резко пропадало, я некоторое время мрачно помалкивала, а потом от нечего делать начинала уговаривать короля показать «мультик». Лид эту просьбу всегда выполнял очень охотно, единственное что, как всякий художник, терпеть не мог работать на заказ, особенно если заказчиком выступала иногда присоединяющаяся к нам на просмотрах Натка. В этом случае, продемонстрировав парочку кривеньких картинок в стиле «нате и отвяжитесь», он все равно съезжал на что-то свое. Иногда это было нечто вроде географического познавательного фильма, когда «камера» летела высоко над неизвестными нам, но красивыми местами с городами, реками и морями; иногда короткие сюжетцы, чаще всего с участием земных и неземных зверей, которые гонялись друг за другом, играли или прятались. Иногда это и вовсе были абстрактные переливы, периодически

приобретающие форму сложных узоров или цветов. Вот эти картинки были особенно гипнотическими: я вклеивалась в них намертво, и, если бы король не прерывался сам, вполне могла бы просидеть не двигаясь до утра. Еще пару раз я под вечер разжигала в саду костер специально для того, чтобы король мог продемонстрировать мне свои огненные фигуры. А потом оказалось, что подобные же штуки он умел вытворять с водой, причем и с речной, и с текущей из поливного шланга, и даже со стоящей в ведре. Он либо делал из воды текущие прозрачные фигуры, либо показывал в ней объемные мультики. Как-то утром бабушка несколько раз прошла мимо нас, неподвижно застывших и напряженно глядящих вглубь ржавой бочки с дождевой водой, и наконец спросила, не напекло ли нам голову. Я, с трудом оторвавшись от созерцания объемных рыб из Лидового мира, ходящих в глубине, заверила бабушку, что с нами все в порядке. Бабушка нам, кажется, не слишком поверила, так что мы, чтобы не нервировать ее, налили воды в ведро и удалились досматривать рыб под сень дремучей разросшейся вишни...

С Наткой мы иногда тоже гуляли, когда, как выражалась подруга, «его величество изволило отдыхать». Разговора об отправке Лида в его мир мы больше не поднимали, и более того, теперь это казалось мне совершенно невозможным. Уж очень мы сроднились с королем. И даже не столько сроднились, сколько... В общем, я старалась о наших отношениях не задумываться, но подспудно из всех сил надеялась, что это именно с Лидом я встречалась во сне, и что он тоже об этом помнит, и я ему нравлюсь не только из-за благодарности за спасение, а за какие-то личные качества.

...На утро седьмого дня нашего житья у бабушки меня растолкала хихикающая Натка.

— Ну чего? — недовольно пробормотала я, щурясь на ее освещенное солнцем лицо.

— Хочешь эксклюзив? — прошептала подруга, улыбаясь до ушей и оглядываясь.

— Ну?

— Пошли смотреть, как его величество дрова колет!

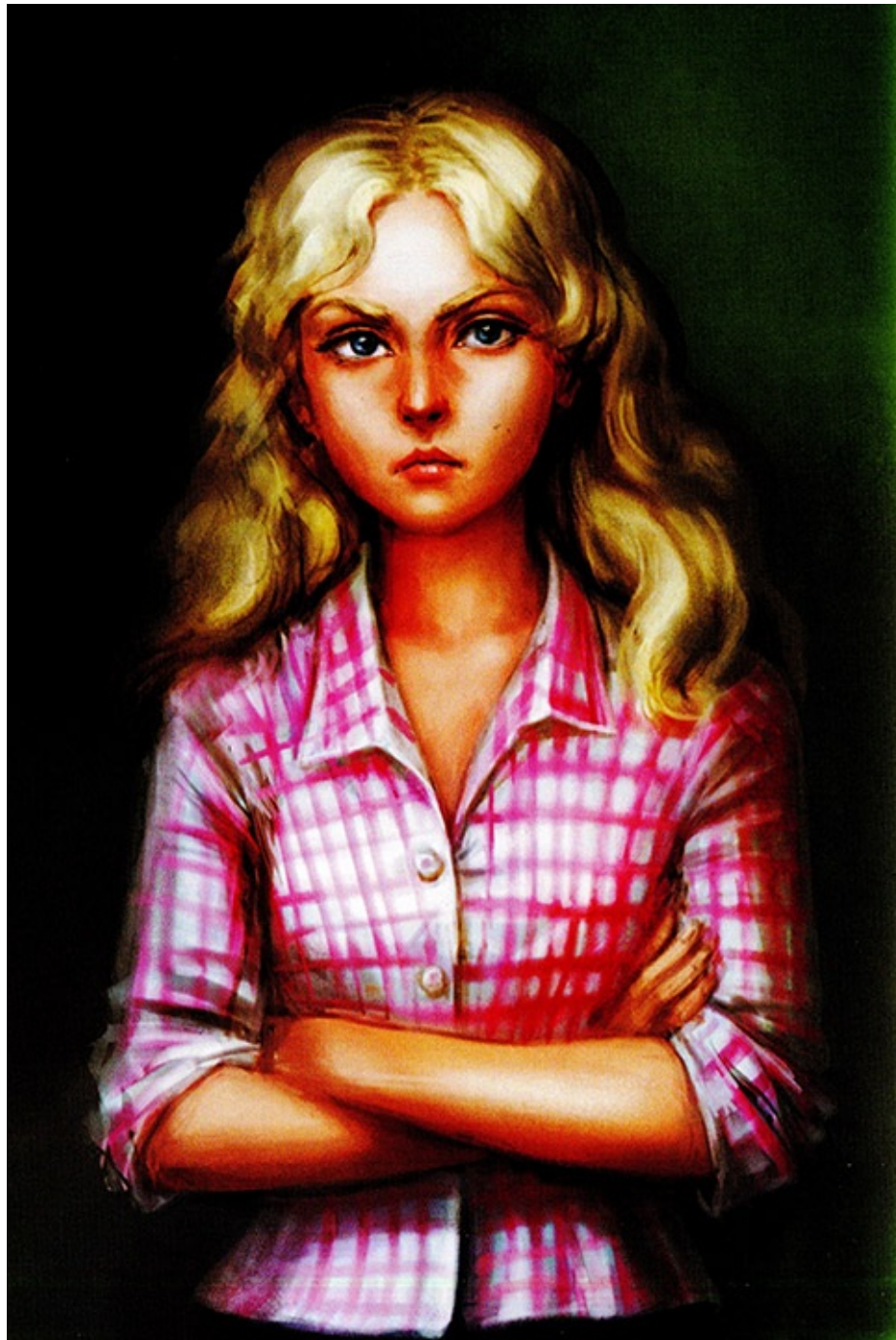
— Дрова?! — изумилась я. — Зачем это ему?

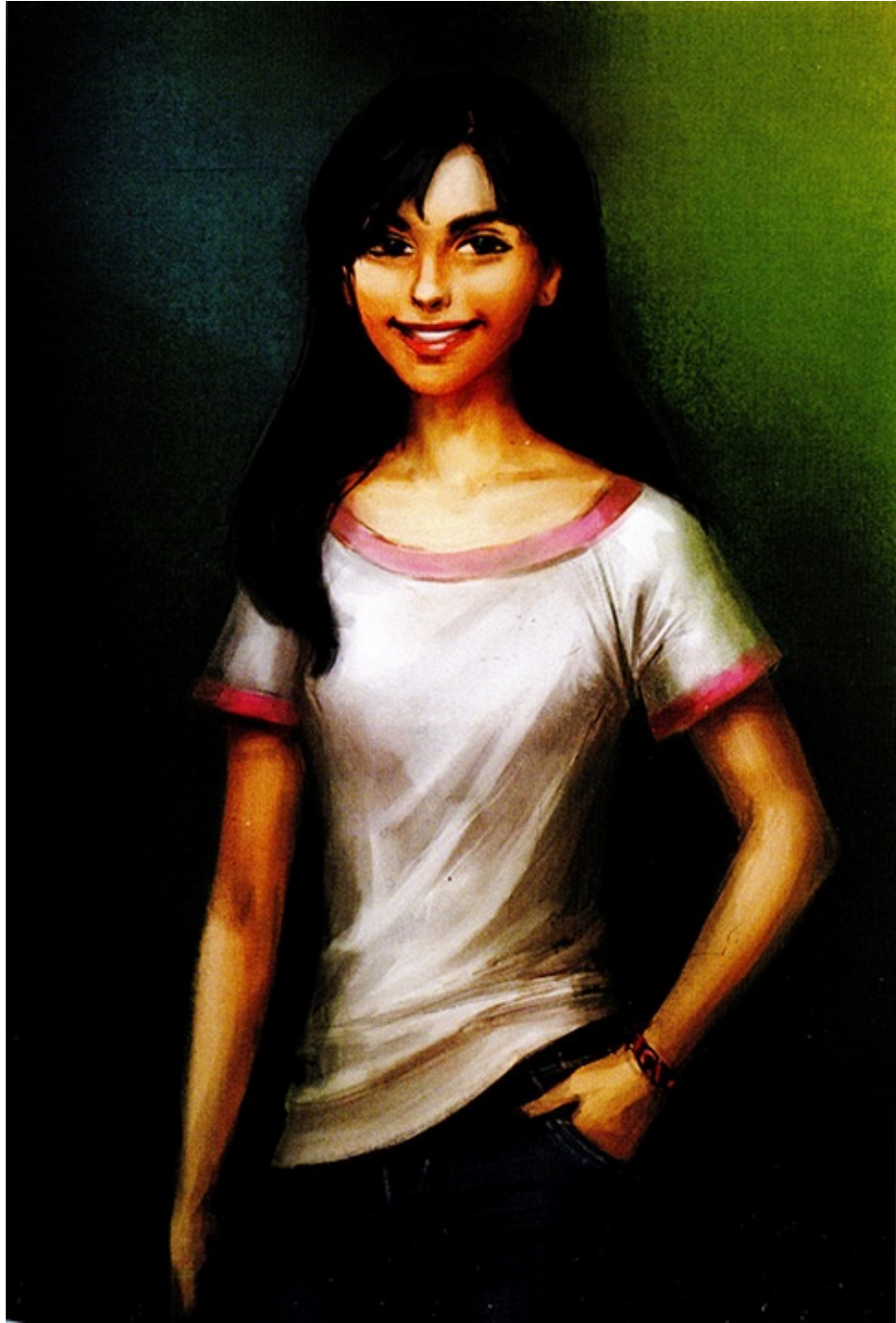
— Твоя бабушка попросила, а он перед ней выслуживается как перед твоей родственницей... Короче, быстрее одевайся, а то все пропустишь...

Наткины уговоры подействовали: я натянула платье и босиком вылетела следом за подругой в сад. Простучав пятками по пыльной тропинке, мы одновременно остановились и уставились на то, что

происходило возле пленницы.



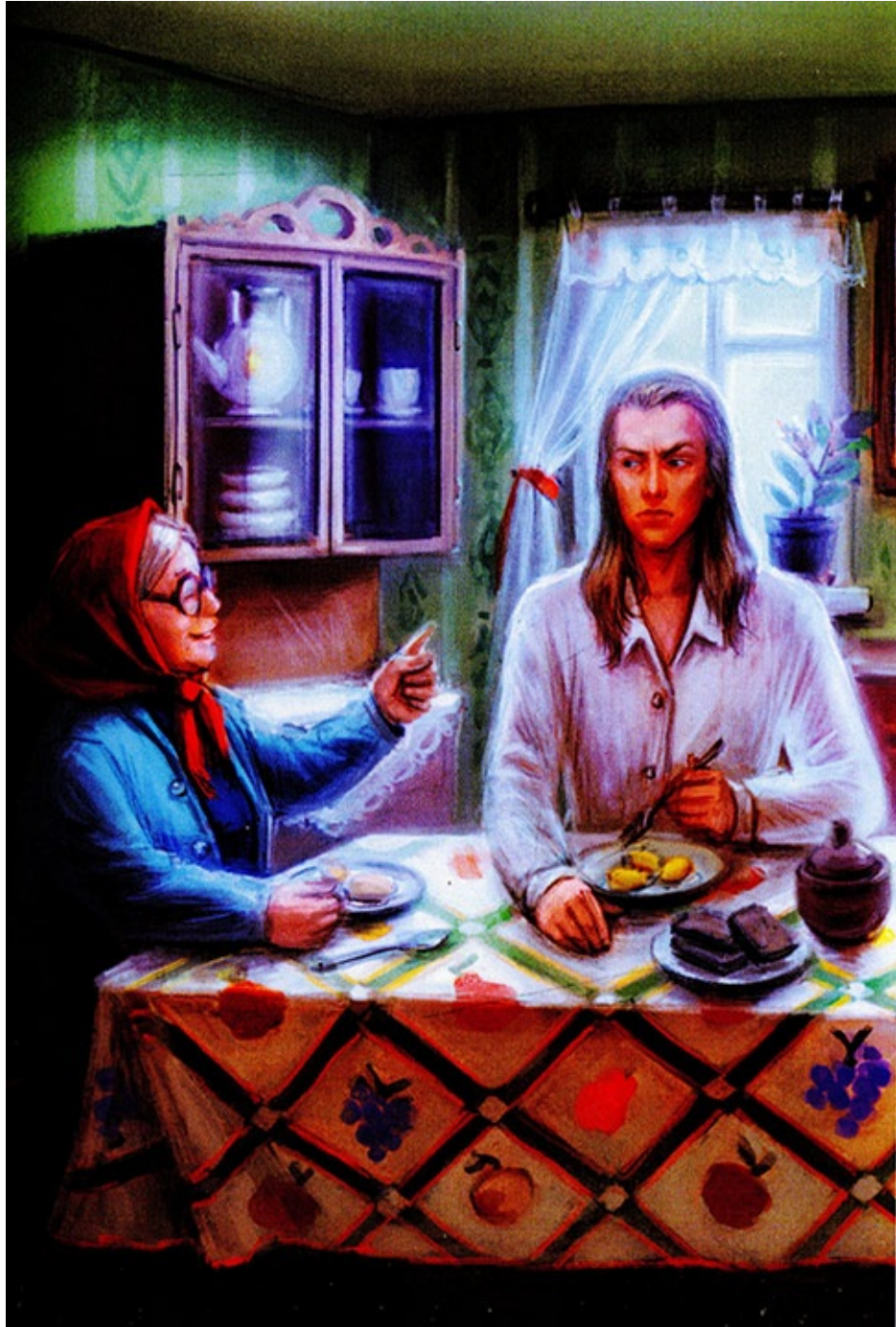














Бабушка возилась с умывальником, наливая в него воды и поглядывая туда, где под кустом сирени торчал король, как всегда, при полном параде, в белой рубашке, бриджах и сапогах, и действительно пытался рубить дрова. Видимо, такой работе во дворцах все-таки не учили, потому что он явно старался действовать топором, как мечом. Присмотрев одно бревно, он с силой размахивался, занося топор над плечом, и с треском опускал, а потом

пытался поднять обратно. Но маленький и туповатый бабушкин топорик вонзался в толстенное бревно намертво, поэтому король некоторое время, с брезгливым лицом и прямой спиной, но при этом воровато поглядывая на бабушку, вхолостую слегка поднимал и опускал получившуюся конструкцию, а как только бабушка отворачивалась, делал быстрый жест рукой, и злосчастное бревно разваливалось пополам. Тут бабушка поворачивалась, одобрительно кивала, говорила «давай-давай», и король с меланхоличным видом принимался за другое толстенное бревно...

— При-хи-хи-вет, — не совсем вежливо поздоровалась с ним я. — Дрова рубишь?

— Доброе утро, Соня, — кивнул мне Лид, одаривая почти нормальной, а не королевской, улыбкой. Тут я поймала себя на том, что уже слишком долго смотрю в его подсвеченные солнцем глаза, и отвела взгляд.

— Проснулась, Сонечка? — заговорила со мной бабушка. — Я вот твоего попросила дрова нарубить. Не умеет, конечно, парень-то городской, но смотри, как старается.

— Угу, — сказала я, искоса подглядывая за тем, как «городской парень» пытается отцепить от топора очередное бревно.

— Да ты не втыкай так глубоко-то, — вдруг обратилась к королю бабушка, — оно и не будет застревать. И ногой все время придерживай, а не кое-как. Только ногу себе смотри не отруби...

Лид, внимательно выслушав эти ценные указания, послушно уперся в бревно ногой и, применив явно нешуточные усилия, выдернул топор, который чуть не стукнул его по лбу из-за непогашенной инерции. Король ловко отшатнулся сам от себя, вернулся в исходное положение, и, не изменившись в лице от нашего с Наткой невольного дружного смеха, продолжил рубку. Бабушкины советы упали на хорошую высокородную почву: Дело явно пошло на лад даже без применения колдовства. Лид умудрился самостоятельно разрубить здоровенное бревно, помотав головой, вытряс из волос щепочки и уставился на меня.

— Молодец, — похвалила я, подходя к нему поближе. — Не тяжело?

— Нет, просто непривычно, я этим никогда не занимался раньше, используя такое орудие, — Лид кивнул на топор. — Мы уж если не колдовали, то пользовались или мечом, или немного похожим на это инструментом, но раза в два больше и острее.

— А почему ты бабушкин топор не наточил? Разве не можешь?

— Могу и точил, только это не слишком помогало. Здесь техника важнее.

— Ну ты уже научился. Молодец, — одобрила я еще раз, зная, что

недохваленный в прошлой жизни король всегда хорошо на это реагирует, а мне хотелось посмотреть, как он радуется. Лид, конечно, обрадовался, чуть улыбнулся и сказал: «Спасибо, Соня».

— Вот видишь, как надо, — услышала я вдали наставительный голос бабушки, обращенный к Натке. — Хвалить надо мужиков за все, хвалить, тогда одна не останисся. А ты вот девчонка хорошая, но резкая... Кавалера-то нет еще?

— Неа.

— То-то и оно.

— Ладно, если найду, буду хвалить за каждый чих, — пообещала Натка и радостно ускакала по садовой дорожке. Король снова занялся дровами, набирая темп: то ли он и правда так воодушевился моей похвалой, то ли ему просто хотелось побыстрее со всем этим разделаться. Видимо, более верным было все-таки мое второе предположение, потому что стоило бабушке взять лейку и уйти от нас в огород, как король положил топор и, шевельнув пальцем, превратил оставшиеся дрова в мелкие поленца.

— Эх ты, Лид, — укорила я его, смеясь, — труд сделал из обезьяны человека, а ты филонишь...

— Колдовство — это тоже труд, — обиженно запротестовал король. — Оно кажется тебе со стороны легким только потому, что не выражается в физических усилиях, но на самом деле мы долго учимся.

— С детства? — я уселась на бревно и натянула платье на колени, глядя на короля снизу вверх. Он, тоже посмотрев на меня, сел напротив на другое бревно и отозвался:

— Да, практически с рождения.

— Ну еще бы: представляю, что бы мог нечаянно натворить маленький ребенок с вашей-то силой, если его не обучать...

— Нет, — Лид качнул головой. — Наша сила в детстве очень небольшая, как у колдунов из простолюдинов. Но, в отличие от них, мы умеем ее увеличивать... — он несколько помрачнел.

— Да, я видела, как, — вздохнула я, вспомнив лошадей в Съединовом королевстве. — Это что вам, сразу коня подсовывают и велят стереть в порошок?

— Нет, начинают с более мелких зверей или даже с насекомых, потом, по мере роста силы и мастерства, переходят на крупных, — сообщил король нетипичной для него скороговоркой. Невооруженным глазом видно было, что ему неприятно об этом вспоминать.

— Ты что, Лид, любил животных в детстве? — поинтересовалась я

недоверчиво.

— Любил? — переспросил король.

— Ну, то есть, тебе жалко их было превращать в пыль?

— Жалко? А, да, эмпатия... Я не помню, Соня. Это было больше двухсот лет назад. Вполне возможно, что мне был присущ простолюдинский образ мышления, как всем детям...

— Ну вот, опять простолюдины: а так все хорошо начиналось... — вздохнула я. Король вскинул ладонь в красноречивом жесте, явно призывая меня не перебивать. Я послушно умолкла, и Лид продолжил:

— ...Но в любом случае, я даже сейчас не нахожу ничего привлекательного в уничтожении тех, кто ничем не мне угрожает и ни в чем не провинился, без необходимости. Даже и при необходимости, как это было в Море Долгой Ночи, это часто... Неприятно, если я правильно употребил это слово.

— Правильно, почему нет-то?

— Потому что я редко пытаюсь назвать свои собственные чувства. В воспитании высокородных это не поощряется, скорее наоборот.

— Ну, чувствам мы тебя научим, дело наживное! — сообщила я с энтузиазмом. — Тем более, что они у тебя есть, просто ты не знаешь, как их правильно называть. Вот, например, сейчас, когда ты воспользовался колдовством и треплешься со мной вместо того, чтобы честно порубить дрова, это называется лень...

— Соня, спасибо, но я не до такой степени не разбираюсь в чувствах, — смеясь, ответил Лид. — И здесь ты все-таки не права: ты знаешь, что мне нетрудно сделать что-либо руками, но если колдовством это быстрее и рациональнее...

— Ага, — захихикала я. — Лень — двигатель прогресса.

— Соня, ты иногда ведешь себя хуже Натки, — серьезно сообщил король и вскинул голову.

— Ну ладно, ладно тебе, — я потянулась вперед и похлопала надутое королевское величество по нагретому от солнца плечу. — Кстати, сейчас твои чувства называются обида...

— Господи, Соня, хватит уже, — недовольно сказал король почти бабушкиным тоном — наверное, со своей чуткостью к любой речи он невольно словил какое-то из ее выражений.

— Хорошо, — сказала я, не обижаясь. Королевское недовольство скорее обрадовало меня. Оно означало, что Лид все-таки относится ко мне не как к памятнику на постаменте, которому надо непрерывно и формально поклоняться, а как к живому человеку. Король, довольный моей

сговорчивостью, кивнул, и обида с него слетела. Он посмотрел на меня широко открытыми глазами и явно собрался что-то сказать, когда из глубины сада снова выбрела бабушка. Она тащила за собой на рогульке с колесиками гремящий пустой бидон.

— Лид, ты сходил бы со мной за водичкой, — обратилась она к королю. — Раз дрова наколот. А то мне тяжело набирать-то, колодец глубокий.

Король хлопнул на меня глазами вроде бы вопросительно. Я с силой кивнула. Лид кивнул тоже, покорно встал и потащился хвостом по тропинке за бабушкой и ее гремющим бидоном. Я хмыкнула и, откинувшись назад, проводила эту вереницу довольным взглядом.

— Любуешься? — раздался сзади шепот незаметно подошедшей Натки. — Выдрессировала?

— А чего? Скажешь, не дрессируется?

— Не знаю... По-моему, и обычного-то парня невозможно исправить, а уж наше-то величество... Это оно просто так воспитано, что раз спаситель сказал, то встал и побежал, а так он был нам показал... как дрова рубить.

— Между прочим, он уже и к простолюдинам нормально относится! — похвасталась я. — Научился!

— Угу, научился. А ты тоже научилась людей простолюдинами называть.

— Нат, ну чего ты к словам-то придираешься?! — аж привстала я от возмущения. Подруга вздохнула.

— Да не, я ничего. Просто, по мне, ты его все-таки за кого-то не того держишь. Потом сама же обижаться будешь.

— Не буду, не буду, — успокоила я ее. — Пошли завтрак готовить.

Готовить завтрак в деревенских условиях тоже было не намного легче, чем рубить дрова. Пока Натка шипела над не включающейся электроплиткой, я скребла морщинистую прошлогоднюю картофелину тупым ножом и вздыхала:

— Надо было все-таки вчера не лениться и в палатку сходить...

— Надо было не в палатку сходить, а Лида попросить побольше жратвы наколдовать, — пропыхтела Натка, в сороковой раз втыкая плитку в искрящую розетку. — А то вчера наелись, а сегодня его бабушка захомутала и привет... Во, зажглась! Ты начистила?

— Тут начистишь, — сказала я жалобно.

— Ну давай тогда в мундире сварим, — быстро нашла выход подруга. — Только достань ту кастрюлю, которая не дырявая: синюю

такую, облезлую...

Я залезла на разошедшуюся табуретку и протянула ей искомую кастрюлю. Мы принялись варить картошку. Бабушка с Лидом где-то застряли и не появлялись, что, впрочем, было неудивительно: колодец находился у реки, возле подвесного моста, ведущего в соседнюю деревню, так что пока они проберутся через луг...

Картошка у нас уже почти сварилась, когда, наконец, снаружи загремел бидон и послышались неожиданно громкие и тревожно-возбужденные голоса. Кажется, кроме Лида и бабушки, там был кто-то еще. Мы с Наткой переглянулись и дружно выбежали на крыльцо.

Оказывается, король с бабушкой по пути действительно обросли свитой из наших соседок: высокой тощей тети Кати и пухлой тети Ларисы. Обе они что-то одновременно говорили, всплескивая руками. Я расслышала только одно слово «убились» и испуганно уставилась на бабушку и Лида, ища на них повреждения. Но король был явно спокоен и здоров, а бабушка хоть и здорова, но совсем не спокойна. С расстроенным видом стянув с головы белую косынку, она взглянула на меня и сказала:

— Ох, девочки, какой кошмар-то...

— Кошмар! — подхватила тетя Лариса. — Прямо на глазах!

— А потому что нечего ездить где попало! — мрачно отрубил тетя Катя.

— Катя, это же мальчишки, они всегда так... — заспорила бабушка. Король, глядя поверх их голов, молчал.

— Что случилось-то?! — воскликнула я, начиная уже не на шутку нервничать. Бабушка и соседки заговорили с новой силой.

— Да все этот мост, Сонечка, не ходите туда хоть вы, я вас умоляю... У меня просто ноги не идут... — забормотала бабушка.

— А потому что понастроят черт знает чего и ходят довольные! — прорычала тетя Катя.

— Катенька, ну почему черт знает чего, это ж хороший мост, кто ж тут виноват... — снова запела тетя Лариса.

— Лид! — сказала я в отчаянии. — Да в чем дело-то?! Мост, что ли, обвалился?

— Нет, с мостом все в порядке. Просто с него упал ребенок кого-то из здешних жителей, — с видом информационного бюро сообщил мне король. Бабушка внесла в его сухую речь трагичности:

— Да это же Толька, Сонечка, не помнишь Тольку? Он Иринки сын, которая Кольки жена, сына Марии Степановны, которая соседкой Кати была, а потом в совхоз переехала! Десять лет ему... Ох, не могу я...

— Ладно, Алексеевна, сама жива не будешь, — похлопала по ней тетя Катя. — Из-за дураков переживать. Он поехал, дурак такой, по подвесному мосту на велосипеде. Конечно, свалился.

— А, — наконец, поняла я. — В речку, что ли?

— Какая там речка, Сонечка, — запричитала тетя Лариса. — Там речка метр шириной, а поперек нее плиты бетонные лежат, так он на них...

— Елки-палки, — сказала Натка. — А он живой вообще?

— Живой, но весь переломанный. Уж теперь в больнице наложится, — поджав губы, сообщила тетя Катя. Меня передернуло.

— Ужас какой... А кто там был, неужели помочь ему не могли?

— Так мы там и были, мы и свидетели, — вздохнула бабушка, держась за голову. — Он на краю только повисел чуток, а кто до него по мосту-то добежит? Длинный мост-то. Я даже попыталась, а уж поздно было...

— Тебе, Алексеевна, больше всех надо, — вставила тетя Катя. — Сама бы сверзилась еще. Как он упал, из той деревни прибежали, мы тоже спустились, скорую вызвали, подождали, пока приедет его соскребет, то есть заберет, и сюда. А что там делать? Жить, говорят, будет. Может, поумнее зато станет.

— Вряд ли, — неожиданно подал голос король. Тетя Катя покосилась на него и согласилась:

— И то верно. Ну, девчонки, принимайте Алексеевну, а то она сама не своя, а мы пошли, нам в совхоз еще надо...

Тетя Катя и тетя Лариса развернулись и удалились, продолжая громко переговариваться и причитать. Бабушка, держась то за голову, то за сердце, поползла в дом. Мы с Наткой ухватили ее под руки. Я слышала королевские шаги за спиной, но не оборачивалась, пытаюсь подавить расплзающееся где-то внутри холодное тяжелое чувство. Чтобы хоть на минуту отвлечься и собраться с мыслями, я активно занялась бабушкой, а Натка от меня не отставала. Активничали мы до тех пор, пока бабушка не сказала, что с нее достаточно и одного пузырька валокордина, а сейчас она просит убрать из-под нее девять из десяти подушек и дать полежать спокойно. Мы отвязались. Натка ушла к выкипающей картошке, а я, быстро глянув на короля, вышла из дома и направилась в сад. Лид пошел за мной.

Остановившись возле штабеля из бревен, где мы по вечерам учили язык, я уставилась на короля и, не в силах больше выносить неизвестности, спросила:

— Лид, что там такое случилось?

— То, что тебе рассказали. Какой-то местный ребенок ехал на велосипеде по подвесному мосту, не удержался и упал вниз, — сообщил

король.

— При вас?

— Да, мы это видели.

— А ты что, пытался его удержать, что ли?

— Я? — Лид сначала чуть сдвинул, а потом поднял брови. — Нет, конечно.

— Почему?!

— А зачем мне это было делать?

— Ты ведь мог его спасти! Тебе это ничего не стоило!!!

— Я много чего могу, Соня, но ты не просила меня его спасать.

У меня глаза полезли на лоб.

— Как... как я могла тебя просить, — начала я, заикаясь, — когда меня там и не было?

— Совершенно верно, тебя там не было, — подтвердил король и умолк, будто эта фраза решила все проблемы.

— Ты что хочешь сказать, а?! Что ты нормально относишься к людям только при мне?!

— Да, ты правильно меня поняла, — согласился Лид, величаво наклоняя голову. Я уже заметила, что чем сильнее он волнуется, тем медленнее двигается и тем длиннее говорит, но сейчас его волнение меня не растрогало: я и сама волновалась дальше некуда.

— То есть без меня... Даже если бы он насмерть разбился... Ты бы...

— Мне нет дела до здешних простолюдинов.

— А если бы я там была, ты бы его спас?!

— Скорее всего, да. Я знаю, что ты сочувственно относишься к своим простолюдинам, и такие мои действия тебе понравились бы.

Я вдруг прямо физически почувствовала, как у меня на голове появляются седые волосы. Превращение стоящего напротив меня Лида из практически родного человека обратно в бездушное средневековое чудище повергло меня в ужас.

— Господи, какой же ты расчетливый и предусмотрительный, — сказала я с омерзением, — и ведь даже не стесняешься.

— Почему я должен стесняться? — удивился король.

Вот чертов инопланетянин! Опять все сначала! А я-то думала...

— Потому что такое поведение — это жуткое лицемерие! — закричала на него я. — И лучше бы ты сразу сказал, что тебе плевать на всех, это было бы честнее, чем плевать выборочно!!!

— Тьфу ты, Соня, мне не плевать на всех! — парадоксально выразился король, тоже повышая голос. — Мне не плевать на тебя, поэтому я

стараясь вести себя так, чтобы ты была довольна. Что для этого делать, я знал. А сейчас ты снова противоречишь сама себе и меняешь условия!

— Где это я противоречу?

Лид глубоко вздохнул.

— Когда ты только меня расколдовала, мы договорились о том, что я не буду заколдовывать твоих простолюдинов смертельным колдовством и не буду с ними разговаривать. Я помню, что обещал. Разве я это хотя бы один раз нарушил по своей воле?

— Ну нет, — буркнула я, глядя в землю.

— Вот именно, — продолжил отчитывать меня омерзительный король. — А ты почему-то разозлилась, когда я превратил в животное ребенка твоих родственников, хотя это далеко не смертельное колдовство. Еще ты злилась, что я не разговариваю с простолюдинами, хотя сама просила с ними не разговаривать. Поскольку другого выхода не было, мне пришлось самому свое обещание и нарушить, начать говорить, тогда ты почему-то успокоилась... Теперь ты злишься из-за того, что я не спас какого-то простолюдинского ребенка, который имел глупость заниматься тем, что он не умеет. Ты не предупреждала меня, что нужно спасать всех простолюдинов от их глупостей, да еще и в твое отсутствие.

— Господи, я не знала, что об этом нужно предупреждать! — чуть не плача, сказала я. — Я даже об этом не задумывалась! Это же естественно: помочь человеку!

— То, что для тебя естественно, для меня далеко не очевидно, — отрезал Лид. — С твоей точки зрения это, как ты говоришь, человек, а с моей — простолюдин, да еще и чужой. Чтобы ты лучше поняла, для меня это все равно, что никто. Если о сохранности простолюдинов своего мира мы еще можем заботиться, поскольку это наша, так сказать, вотчина... Но и там «заботиться» это не значит предупреждать каждый несчастный случай своими силами. Скорее, устраивать жизнь так, чтобы этих случаев было меньше.

— Но тут ведь жизнь не устроена... А если бы он погиб... — прошептала я. Лид по своей королевской привычке вскинул голову, в его ответном голосе прозвучали стальные нотки:

— Соня, я давно понял, что ты хотела сказать. Ты опять имела в виду ваше сострадание и так далее. Разве для тебя до сих пор не очевидно, что я этого не имею? Я, конечно, подлаживаюсь под твое восприятие, чтобы порадовать тебя, но это не значит, что я превратился в здешнего плебея. Ты моя спасительница, я чту тебя за это, но я сразу видел, что ты другая и твое восприятие мира не такое, как у меня. Если бы я так же, как ты, проявлял

возмущение криками по поводу каждого нашего несходства, я бы давно остался без голоса. Ты не во всем соответствуешь тому, чего можно ожидать от высокородной дамы, вряд ли это можно изменить, поэтому я просто старался подлаживаться под тебя. Но ты, по-моему, принимаешь меня за кого-то другого, — вдруг повторил он слова Натки. — Я и не плебей, и не из этого мира, и такое поведение, какое тебе привычно, для меня неестественно. Я слежу за собой при тебе, но в другие моменты я все равно буду поступать так, как считаю правильным я сам.

— То есть не помочь ребенку это очень благородно, правильно и достойно короля? — поинтересовалась я нехотя, еле ворочая языком от понимания бесполезности наших прений.

— Что такое «правильно», я вообще не представляю, — отозвался Лид холодно. — Благородный я по происхождению, и никогда не слышал, чтобы благородные манипулировали словами типа «правильно» или «верно». Скорее «должно-не должно». И заниматься мелочами действительно недостойно короля. По крайней мере, я не вижу в этом никакого смысла. Тебя же, чтобы хотя бы ты порадовалась спасению, с нами не было.

— Не было, а я все равно узнала. Видишь?

— Вижу. Мне часто трудно предсказывать твои реакции, они для меня нелогичны. Это просто очередной случай.

— Действительно, — тихо согласилась я и продолжила сдавленным голосом: — Только не очередной, а пусть будет последний... Вход в твой мир отсюда близко, так что уходи, пожалуйста, к себе. Я тебя и правда принимала не за того, а с тобой настоящим я никогда не договорюсь. Меня от такого поведения с души воротит.

— Хорошо, если ты мне приказываешь, я уйду, — голос Лиды, в отличие от моего, был не сдавленным, а вполне спокойным: либо его королевское величество так хорошо умело владеть собой, либо тоже понимало, что лучше завершить наше общение именно сейчас.

— Только жителей своих не заколдовывай. Помнишь, ты обещал, — буркнула я мрачно.

Лид посмотрел на меня. Взгляд его был прямым, но непроницаемым и прохладным, как у Снежной королевы мужского пола: никаких тебе бездомных собак. Впрочем, может, я сама себе это бездомно-собачье выражение и придумала, как и остальные человеческие черты короля?

— Что я-то обещал, я всегда помню, — произнес он значительно. — И заколдовывать жителей моего мира за то, что они когда-то заколдовали меня, я не буду... — он чуть приподнял правую руку, на которой еще были видны слабые следы ожога, и сразу же опустил ее.

— Прощай, Соня. Благодарю тебя за то, что спасла меня.

— Прощай, Лид, — отозвалась я и проглотила огромный комок в горле. Король медленно повернулся ко мне спиной. Я решила было, что он исчезнет, но он просто ушел по тропинке вглубь сада. А, ну да, ему же на луг...

Пару минут я стояла неподвижно, сминая подол платья и борясь с собственными ногами, которые вдруг захотели понестись следом за королем.

«А смысл-то какой? — сказала я себе. — Ты что, будешь приносить ему извинения? За что? Лучше стой тут, а то совсем плохо будет».

Постояв еще немного, я неожиданно для себя сорвалась с места и стремглав понеслась в конец сада. Сад был пустым. Переводя дыхание, я уперлась ладонями в калитку, глядя в щель между досками, есть ли кто на лугу, и готовясь к спринту. Но на лугу никого не было, и на меня навалилась жуткая пустота. Даже не знаю, что это было: то ли злость на Лида, что он оказался вообще не таким, как я думала, то ли обида, что мой красивый сон так некрасиво сбылся, то ли что-то вроде чувства разочарованного собственничества по отношению к королю: кто мне теперь будет наколдовывать что угодно и бежать во все стороны по любому моему капризу?.. От современных парней такого отношения не дождешься... Тут на меня вдруг нахлынули воспоминания о приключениях в Съединовом королевстве, о том, как король сердито пихал меня в окно и обнимал перед тем, как сигануть в воду с десяти метров, и как он потом простужено чихал и спал у меня на ногах; о его картинках...

Тут мне стало совсем плохо. Не знаю, что бы я вытворила, но тут послышался топот босых пяток, и по тропинке ко мне прилетела обеспокоенная Натка.

— Э, Сонька, ты чего? — сказала она, пытаясь отодрать меня от калитки и заглянуть в лицо. — Ты чего ревешь-то? Опять наше величество довело? Где оно, кстати?

— Вы-ы-ыгнала-а-а! — завывала я на всю деревню.

— Блин, — емко выразилась подруга. — Чего бы вот мне раньше не прийти. Куда он потопал?

— К себе! В страну! Совсем выгнала! Мы же хотели... Ну невозможно с ним, Нат.

— Это-то конечно, — неожиданно согласилась подруга. — Я еще удивлялась, как ты с ним столько времени проводишь.

— Так, может, и ладно, Нат, а? К лучшему это?

— Ну ясно, к лучшему. Родители твои приехали бы, куда бы мы его

дели? Не до пенсии же прятать...

— И проблем от него была куча.

— Да вообще одни проблемы.

— А что я реву, так это привыкла просто... Как-то неожиданно...

Пройдет?

— Конечно, пройдет! — воскликнула Натка с энтузиазмом.

— Ага-а, — сказала я, икая. — Потому что сил уже нет.

— Ну нет — и не надо. Пошли, пошли, — приговаривала подруга, отрывая меня от калитки и таща за руку в сад. Я покорно волоклась за ней, не понимая, на каком я свете.

Следующие несколько часов я запомнила плохо. Кажется, Натка подлила мне в чай бабушкиного валокордина, потому что я уснула и проснулась уже когда стемнело. Голова была тяжелая, в груди тоже было тяжело. С трудом я подавила в себе желание пойти на терраску, где мы с королем обычно сидели в это время, и, злобно сжав зубы, принялась ходить по комнате из угла в угол. Натка молча наблюдала за мной, но не трогала, зная по опыту, что мне нужна разрядка. Бабушка, не обладающая подругиной тактичностью, да, к тому же, сама расстроенная, только выйдя из своей комнатки, тут же поинтересовалась:

— Ты чего бегаешь-то, Сонечка?

— А она просто так, — объяснила Натка.

— А Лид-то где?

— Эм-м-м... Скажем так, уехал.

— Вы что, поссорились? — всплеснула руками бабушка. — Ну как же так, что случилось?

— Бабушка!.. — застонала я, хватаясь за голову.

— Нина Алексеевна, ей не до того, — перевела Натка.

— Ну так ты мне расскажи, — потребовала бабушка.

— Они... Как бы это сказать... Уж очень разные были. Прямо-таки из разных социальных слоев. Вот.

— Какие еще слои? Какая разница, слои или не слои, такой хороший парень... — запричитала бабушка.

— Это вы, Нина Алексеевна, просто его плохо знаете, — стойко отвечала Натка.

— Это вы, девчонки, людей плохо знаете! — подбоченившись, расстроено закричала бабушка. — А я сразу вижу, кто хороший, а кто чепуха безголовая! Вот этот ее однокурсник по институту, Сашка, что ли, в городе его видела — вот он чепуха!

— Не могу с вами не согласиться, — фыркнула Натка.

— А Лид не чепуха!

— Ну, может, не чепуха. Но он такой сложный, что нормально общаться с ним невозможно.

— Сложный... Все вам простых подавай. Где теперь хорошего такого парня найдешь? Так тебя любил, все за тобой ходил, а ты...

— Если он так меня любил!!! — заорала я, не выдержав. — То чего это я должна его искать?! Пусть сам приходит и ходит за мной дальше, а я тут ни при чем!!!

С этими словами я вынеслась в сени и с грохотом захлопнула дверь...

На другой день ничего кардинально не изменилось, разве только бабушка перестала ко мне приставать, видимо, поддавшись на уговоры Натки. Но мерзкая тяжесть в груди и желание расшибить что-нибудь об кого-нибудь все еще нарастали во мне. От безысходности я прошлась по саду, пиная ни в чем не повинные кусты смородины, но это мне особенно не помогло. Натка следила за мной из-под яблони, делая вид, что читает, и ждала, пока я выдохнусь.

Выдохлась я часам к девяти вечера. Притащившись к подруге под яблоню, я плюхнулась на траву, скорчилась, обняв колени, и жалобно проскулила:

— Нат, ведь должно же стать легче?

— Ясно, должно, всю жизнь убиваться, что ли.

— А почему не легче?

— Ты чего, шутишь? Один день всего прошел! Помнишь, сколько ты ревела, когда тебя Вовка бросил?

— Какой Вовка?

— Ну и ну. Который в школе еще, в одиннадцатом.

— А-а-а, — с трудом вспомнила я. — Так он же вообще идиот какой-то был.

— Вот именно. Если ты по идиоту неделю ревела, что уж про короля говорить.

— Он тоже на идиота тянет.

— Да нет, наше величество было умное, — неожиданно запротестовала подруга. — По-своему, конечно. Ум у него практический такой. Типа как так схитрить или пригрозить, чтобы чего тебе надо от всех добиться. Так он же, считай, политик, да еще и наследственный. У них там, небось, гены уже в виде скипетра и державы, а ты хочешь от него чего-то.

— Не «чего-то», а чтоб не врал и не притворялся.

— Так он и не врал. А если бы не притворялся, ты бы его уже недели две назад отсюда выставила, а то он этого не понимал.

— А чего ему надо-то было, Нат?

— А ты сама как думаешь? — подруга фыркнула.

— Я просто думала, что я для него... Что он меня...

— Ну конечно, ты для него и он тебя. За километр видно было. Но толку-то в этом? Ты думаешь, что каждый, кто в тебя втюритя, тут же должен стать таким, как ты себе идеал представляла?

— Да какой там идеал, — махнула рукой я. — Хоть бы на людей не плевал и простолюдинами не обзывался... Это я чего, много хочу?

— По отношению к королю-то?! А ты думаешь, мало, что ли? Он уж такой есть.

— Мне не нравится, какой он есть!

— Ну так ты его и выгнала: сиди радуйся... И нечего драться, — опытная Натка ловко увернулась от моих тянущихся рук и отсела подальше. — Что делать, Сонька. Нельзя же только с куском человека дело иметь, все остальное тоже брать приходится...

— Не хочу все остальное! — стукнула я по яблоне.

— Ну так и сиди.

— И сижу.

...На второй день мое состояние изменилось, но отнюдь не в лучшую сторону. Теперь на место злости пришла тоска. Игнорируя бабушку и Натку, я торчала в кухонном углу возле печки практически целый день, только к вечеру, как заблудший таракан, выползла на воздух.

— Что, не звонил он тебе? — тут же заинтересовалась бабушка, которая стирала в саду.

— Да откуда ему там звонить, — сказала я в сердцах и ушла под яблоню. Натка пошла за мной, и мы повторили вчерашний разговор, изредка переставляя слова. После этого мне всю ночь снилось, как я ругаюсь с королем. Но самое страшное было не это, а то, что я проснулась и осознала, что ругаться мне больше не с кем. Неожиданно я осознала еще одну вещь: я теперь Лида и увижу только во сне! Это ведь не Земля, где зашел в интернет и хотя бы на фото поглядел. Мы никогда не увидимся! Совсем никогда!

Тут из меня потек слезный ручей. Бабушка была на кухне, так что громко реветь я не стала, подавила основные потоки и на трясущихся ногах пошла разыскивать Натку. Подруга сидела на лавочке и озабоченно ела котлету. Я молча схватила ее за руку, подняла и потащила за собой. Увидев знакомую яблоню, Натка впала в панику и заорала:

— Нет уж, Сонька, давай лучше возле дома посидим!

— Я не могу возле дома. Я реву, — объяснила я, вытираясь подолом.

— Ну и ладно, поревешь и перестанешь.

— Нат, а получается, что мы ведь никогда...

— Ну а что ты хотела, если ты его сама выгнала? — скороговоркой затараторила подруга и сунула мне под нос половину котлеты. — Что ж он к тебе пойдет, он же у нас высокородный и все такое, типа своего спасителя не смеет послушаться...

— Да уж, как что хорошее, так он не смеет...

— А ты уверена, что если он припрется обратно, это будет что-то хорошее?

Я откусила котлету и примолкла. Остаток дня мы сидели возле дома и вели тот же разговор, что и под яблоней. Бабушка молча и сочувственно приносила нам еду.

...В какой-то момент я будто бы очнулась ото сна, встряхнулась и посмотрела на часы. Было уже десять, за кустами сирени краснел закат. Потом я огляделась вокруг и увидела лавочку, заставленную пустыми тарелками из-под наших обедов и ужинов и Натку, остервенело чешущую искусанные комарами голые ноги. Поймав мой взгляд, подруга тоже посмотрела на меня и спросила несколько севшим голосом:

— Ну чего? Очухалась, что ли?

— Вроде бы, — отозвалась я неуверенно, попыталась осторожно подумать о короле, и тут на меня снова накатило.

— Нат, — затянула я. — А мы ведь никогда...

— Да почему никогда-то?! — вышла из себя Натка. — Вон на лугу дыра, пропихивайся в нее и вперед, в объятия нашего величества!

— Дыра! — я даже привстала, так как умудрилась совсем забыть про такую возможность. — Нат, а если он ее закрыл? Он же умеет!

Подруга снисходительно на меня глянула.

— Он что, по-твоему, дурак, что ли? На что хочешь спорим, на месте она. Можно прямо сейчас туда пойти, наше величество вытащить и дальше с ним валандаться!

— Почему сразу «валандаться»? — обиделась я. — На самом деле хорошего даже больше было, правда?

— Правда, почему нет.

— А если его так воспитали, так кто же виноват?

— Теперь мы... То есть я хочу сказать — никто.

— Нат! Да у тебя свое мнение-то есть?! — разозлилась я. Подруга опасно покосилась на меня.

— Ну, мало ли, какое у меня там мнение... Ты еще драться полезешь, я тебя знаю...

— А ну говори! — потребовала я угрожающе.

— Да чего тебе говорить? По-моему, его величество, конечно, не фонтан. Наследственность у него странная, детство тяжелое. Ты с ним если свяжешься, хлебнешь, это факт. Причем этот случай еще цветочками покажется. Но с другой стороны, если на все это плюнуть, то он парень хороший. Да и тебе подходит. И ты ему нравишься, это мягко сказано. В принципе, и людям его можно обучить помогать. Знаешь, как собачку, дрессировкой. Если ты от него не будешь все время требовать кристальной честности и чтобы он превратился в твоего принца, то вы, глядишь, и сживетесь. В общем, что есть, то есть, все равно другого короля взять негде. Думай, Сонька.

Я и правда задумалась. Слезы высохли, мозги переключились в более деловое русло. Я честно попыталась прикинуть, насколько мне нужен Лид и готова ли я терпеть жуткие черты его характера и мировоззрения ради его достоинств?

Трезвого анализа не вышло, все время вспоминалась какая-то фигня: то как он совал руку в кипяток, то как расписывал Ирин браслет, то как мы смотрели на звезды в мире Долгой Ночи, то опять картинки...

— Пошли в дыру, — сказала я, махнув рукой, и решительно встала.

— Э, куда! — Натка ухватила меня за руку. — На ночь глядя? А чего Нине Алексеевне скажем? Ведь неизвестно, насколько мы туда запихнемся. И собраться надо. Еда, одежда. Кто его знает, куда там это оскорбленное величество от дыры убрело. Его еще теперь найди... Короче, давай завтра утром, а то и днем. Если не передумаешь.

— Эх, передумать бы надо, — вздохнула я, впрочем, без особой надежды, и пошла в дом собираться.

Бабушке мы сказали полуправду, сообщив, что отправляемся за Лидом мириться, что дорога неблизкая, и мобильной связи с нами может несколько дней не быть. Бабушка наше решение крайне одобрила и пообещала успокоить родителей. В общем, из нее вышел бы отличный Лидов верноподданный. Помимо всего прочего, увидев, что мы собираемся, она наготовила нам еды и настойчиво совала теплые вещи. Мы, памятуя о том, что в мире короля было лето, пытались отказаться, но по паре брюк и по шерстяной кофте на каждую нам все же перепало. Засыпала я, подпирая спиной лежащий рядом туго набитый рюкзак, но впервые за эти дни относительно спокойно...

Проснувшись я рано — часов в восемь, и, поняв, что будить Натку бессмысленно, тихонько пошла на терраску пить чай. На улице было серо, небо заволокло низкими тучами, ветер с шумом гнул кусты сирени. То ли

терраску продувало, то ли меня просто колотила дрожь, но я обхватила себя руками за плечи и принялась нервно трясти ногой, раздумывая, как я буду разговаривать с Лидом при встрече. А если он еще не отошел за эти три дня? Ведь его величество, кажется, обиделось...

Чтобы отвлечься от нервных мыслей, я стала допихивать в рюкзак вещи, которые потенциально могли бы нам пригодиться. Когда молнии окончательно перестали застегиваться, я махнула рукой и уселась на бывшую Лидову кровать, не зная, чем еще убить время.

Но тут, к счастью, из сеней послышались шаркающие шаги. Я подумала было, что это бабушка, но это оказалась заспанная донельзя Натка с одним открытым глазом.

— Ты чего рюкзак по полу таскаешь? — укоризненно поинтересовалась она.

— Собираюсь я. Как-то сон не идет.

— Наверное, он весь у меня остался, сон, то есть... — подруга зевнула во весь рот и обреченно посмотрела на меня. — Ну ладно, щас я соберусь...

Наткино «щас» затянулось почти до одиннадцати утра: только к этому времени она пришла в себя и выразила готовность куда-либо двигаться. На улице по-прежнему дуло, но дождя не было. Бабушка выдала нам от плохой погоды так называемые «ветровочки», которые подозрительно походили на старые куртки моего папы, и добавила еще один пакетик с бутербродами.

— Ну, мы пошли, — наконец-то выйдя за порог, сказала я. Бабушка кивнула и строго произнесла:

— Давайте там, не ссорьтесь. И без него не возвращайся!

— Постараемся, — буркнула я и потащила следом за Наткой в сад, закрывая лицо воротником от ветра.

В этот раз с нами не было короля, чтобы распугивать луговых коров, и теперь дело обстояло наоборот: коровы распугивали нас. Из-за трех кругов вокруг быков и коня наш путь к дыре сильно удлинился, но наконец-то показалась и река.

— Нат, — забеспокоилась я. — А если мы дыру не найдем?

— Будем искать. Да я помню, где она.

— А если ее там нету?!

— Да есть, есть. Чтобы мне всю жизнь каждый день термех сдавать! — поклялась Натка. От этой страшной клятвы я немного успокоилась, но все равно не могла как следует унять колотящееся сердце.

Место, где должна быть дыра, мы узнали по характерному пятну темного клевера. В опасной близости от этого пятна паслась огромная

черная корова на длинной цепи.

— Ой, черт, — сказала Натка. — Ну ладно, ничего, она вроде не злая. Давай ты будешь за ней смотреть, а я — искать, откуда видно колонну.

Не дожидаясь моего ответа, она принялась перетаптываться по пятаку, а я посмотрела на корову. Корова подняла большие глаза и тоже уставилась на меня. Потом тряхнула головой и пошла к нам, волоча по траве цепь.

— Натка, — сказала я предостерегающе, — она к нам идет. Ты дыру нашла?

— Не совсем, — отозвалась подруга, нервно оглядываясь. — Но так или иначе, этот пятак скоро кончится, так что...

Я испуганно глянула на нее. Неужели дыра все-таки закрыта? Нет, такого быть не может... А если и правда?! От ужаса я совсем забыла про бредущую к нам корову, и она сама напомнила о себе, ткнув мокрой мордой меня в шею. Я нетерпеливо отодвинула морду ладонью, а другой рукой постучала по подруге.

— Ну что, Нат, наш...

Я умолкла на полуслове, потому что окружающий мир щелкнул, и в глаза мне ударило солнце. Я увидела трон и чуть не заплакала от облегчения. Натка тоже выглядела довольной.

— Ну вот, — сказала она, засучивая бесконечные рукава своей ветровки. — Я же говорила... Э, а она-то тут зачем?!

— Кто?

Подруга кивнула назад. Я обернулась и увидела, что за моей спиной с застенчивым видом стоит корова, а ее цепь тянется из пустоты, начинаясь прямо в воздухе.

— Ой, — отскочила в сторону я.

— Это ты ее, что ли, сюда притащила? — поинтересовалась Натка и махнула на корову рукавом:

— Кш, пошла!

Корова попятилась, но никуда не делась. Мы огорченно посмотрели друг на друга.

— Ну вот, не было печали, — наконец, проворчала Натка. — Теперь ее обратно тащить. Она же чья-то.

— Не знаю, чья. Ну давай попробуем ее вернуть... — отозвалась я без особого энтузиазма.

Следующие пять минут мы в поте лица пытались запихать корову обратно в дыру, но отдельно этого сделать никак не удавалось. Только если Натка клала одну руку на животное, а вторую — на трон, они обе временно

исчезали из этого мира, а потом со щелчком появлялись в том же составе.

— Нат, да в чем дело-то? — сердито сказала наконец я, разозленная глупой задержкой.

— Она за мной идет, вот в чем. И не отвязывается.

— Так, может, оставим ее, где есть?

— По-моему, не стоит. Там цепь как-то странно в воздухе натянута, как бы наши жители сюда не зарулили.

Корова, пользуясь паузой, начала щипать местную траву. Натка вздохнула.

— Сонь, может, ты попробуешь?

— Может, лучше ты? — протянула я умоляюще — мне почему-то казалось, что как только я выйду из Лидового мира, во второй раз попасть туда больше не смогу. Натка снизошла к моим капризам, опять положила руки на корову и трон, и снова они с животным несколько раз появились и исчезли. При последнем появлении у Натки было лицо, однозначно говорящее о том, что ей все надоело. Она и корова снова пропали, и на этот раз их не было довольно долго. Наконец я посмотрела на часы, увидела, что прошло пять минут, и, не на шутку забеспокоившись, уже протянула руку в сторону трона, когда передо мной снова возникли Натка и корова. Только в этот раз с локтя подружки свисала намотанная цепь, завершающаяся грязным стальным колышком.

— Короче, Сонька, отогнать я ее не смогла, так что просто отвязала, — сообщила Натка и с размаху вонзила колышек в землю. Корова опять начала щипать траву.

— А что вы там так долго делали? Друг за другом гонялись? — спросила я.

— Почему долго-то? По-моему, даже полминуты не прошло.

— Как полминуты! Пять минут или даже больше!

— Ладно, какая разница... Ого.

Натка застыла, глядя вдаль. Я, наконец, тоже туда поглядела и удивилась.

В Лидовом мире явно давно и прочно царила осень. Листья на кустах и деревьях стали ярко-красного и рыжего цвета, трава выцвела и пожелтела. Хотя было безоблачно и сухо, но отнюдь не тепло — ветер дул не хуже, чем в деревне у бабушки. Я в недоумении поглядела на темно-красную стену леса вдаль и пожалала плечами:

— Сезоны у них тут быстро сменяются, что ли... Хорошо хоть теплую одежду взяли.

— Ну и куда пойдем? — Натка оглядела пустынный луг.

— Наверное, к лесу, Лид говорил, что если его пройти, то за ним начинается город.

— Да, только его, вот именно, вначале пройти надо... Ты спички взяла?

— Угу.

— Ну пошли.

Мы пошуршали по высокой траве. Пасущаяся возле трона корова выдала нам вслед задумчивое «му». Все шло как-то не так. Никакого намека на присутствие Лида, бесконечное поле, спокойно светящее сверху белое солнце... Ко мне в голову начали закрадываться нехорошие мысли о том, что мы можем никогда и не найти короля среди этих необъятных просторов. Правда, когда я озвучила эти мысли Натке, она успокоила меня:

— Да ладно, этот уж не потеряется. Зуб даю, скоро мы встретим каких-нибудь стонущих под его игом жителей.

— Ты думаешь, он опять захватил власть?

— А почему бы и нет. Это же его страна... Уф, наконец-то лес.

— Наконец-то? — переспросила я в сомнении, глядя в темную чащу. Местные деревья походили скорее на очень высокие кусты со спутанными серыми стволами, через которые было трудно пролезть. Внизу стояла сухая трава, посыпанная опавшими листьями. Что-то слегка потрескивало и ворковало — наверное, какие-то птицы. Потом треск вдруг усилился, и мы задрали головы, высматривая самолет. Но на безоблачном небе ничего не показалось, а треск постепенно затих вдаль.

— Гм, — сказала Натка, переступая с ноги на ногу. — Ну пошли в лес, что ли.

— А мы там не заблудимся, а, Нат?

— Не знаю. Давай на всякий случай фонарики вытащим и ножи, чтобы зарубки делать.

Опустив рюкзаки на траву, мы долго ковырялись в них, выискивая нужные предметы. За это время успела усилиться и утихнуть еще парочка подозрительных тресков, а самолета так и не показалось.

Наконец мы умяли вывалившиеся из рюкзаков лишние вещи, вскинули сами рюкзаки на спины, и крадучись, держа в левых руках фонарики, а в правых — тупые столовые ножи, взятые у бабушки, вступили в темный лес.

Под нашими ногами захрустели листья, они же сыпались нам на плечи, когда деревья колыхались от ветра. Шли мы, наверное, две минуты, а мне уже стало не по себе.

— Нат, мы с пути-то не собьемся?

— А у нас нет толком никакого пути. И вообще, мы с тобой астрономы, значит, будем держать путь по солнцу. Видишь, вон оно, между ветками? Пошли туда, там как раз вроде деревья чуть пореже стоят.

— Ага. Пошли, — я кивнула, и, глубоко вдохнув, сделала вслед за подругой несколько шагов...

Мне в лицо ударил свет, земля куда-то провалилась, и под ногами захлюпало. Приземлившись то ли в грязь, то ли в лужу, я вскочила и поняла, что деревья кончились. Наш дремучий лес оказался лесополосой шириной от силы метров тридцать, и мы, пройдя ее насквозь, очутились в болотистой канаве-низине. Рядом, на некотором возвышении, была насыпь из чего-то вроде белого утрамбованного песка с камнями. В ней виднелись глубокие колеи явно колесного происхождения.

— Ну вот, опять дорога, — сказала я, отряхиваясь. — Прямо так же, как когда к Съедину ходили.

— А дороги-то у них тут, между прочим, так себе... — начала Натка, но ее слова прервал оглушительный треск вперемежку с громкими выстрелами, и из-за пышного дерева, закрывающего дорогу, взметая песок и мелкие камушки, выехала несусветная конструкция. Основу ее составляло нечто вроде плохо сбитого деревянного ящика, который подпрыгивал на громадных колесах, также с деревянными спицами, зато имеющих нечто вроде велосипедных шин. Спереди к конструкции была привязана большущая одиночная лампочка, изображающая фару, которая явно держалась на одном гвозде, а из-под днища вверх выгибалась грубо сделанная труба, и эта труба трещала, стреляла и плевалась клубами черного дыма. В недрах «машины» я с трудом разглядела человеческую фигуру, замотанную прокопченными тряпками по самые глаза, будто мумия. За дымом водитель нас, кажется, и вовсе не заметил, машина проследовала мимо на скорости детского велосипеда и кое-как скрылась за поворотом.

Откашляв дым, мы с Наткой потрясли головами, чтобы в ушах утих треск, и переглянулись.

— Ну чего, — сказала подруга, — голосовать не будем?

— Обойдемся, — кивнула я.

— Тогда пошли.

— Вдоль дороги?

— Да тут все равно недалеко. Лид своих недооценил, королевство-то расширилось, — Натка кивнула себе за спину. Я повернулась и даже вздрогнула.

Оказывается, мы находились на довольно большом холме. Дорога

сбегала с него вниз, петляла между деревьями и впадала в расстилающийся от края до края горизонта неприятный на вид город с невысокими треугольными домами, серыми квадратными промышленными постройками и торчащими между ними заводскими трубами, которые старательно коптили небеса. Квадраты черной земли распаханых полей поблизости от городской окраины делали картину еще более сумрачной.

— Здоровенный какой, — помолчав, сказала я. — Наверное, Лид туда пошел?

— А куда бы он еще делся. Такое не пропустишь. Эх, выехали на природу, называется... Пошли, что ли, чего стоять? — подруга вздохнула и потихоньку начала спускаться с холма. Я, тоже вздыхая и хмурясь, поспешила за ней.

Оказалось, идти нужно было весьма далеко. Пока мы топали по обочине, мимо нас пропылила еще парочка здешних пародий на машины, но основным транспортом тут, как вскоре выяснилось, были все-таки не они. Когда мы спустились вниз и пошли среди полей, движение чуть усилилось, и из прилегающих дорог принялись выезжать облепленные грязью скрипучие телеги, запряженные кем-то, кого можно было бы с натяжкой назвать лошадьми, если бы не ветвистые рога, лопухастые уши, козлиные бороды и неестественно-белые пушистые шкуры — животные почему-то все были голубоглазыми альбиносами. В телегах ехали на кучах сухой травы или грудах грязных овощей замызганные хмурые люди: что мужчины, что женщины — в однотонной сероватой одежде. На нас они не обращали особенного внимания: видимо, мы со своими темно-серыми куртками хорошо вписались в общую картину.

Однако, по мере нашего приближения к городу, за первенство с телегами стал соперничать еще один вид транспорта, похожий на большие мотоциклы с колясками, только приводимые в движения педалями, как велосипеды. На этих велосипедомотоциклах сидели личности как мужского, так и женского пола, с неизвестно чем гордыми физиономиями. Судя по всему, они относились к более зажиточному слою населения: их наряды не состояли, как у крестьян, из серых лохмотьев, а были довольно красивыми и аккуратными, хотя, на мой вкус, и несколько простоватыми, безо всяких узоров, приглушенно-пастельных цветов. Разглядеть их как следует мне не удалось: велосипедисты носились куда быстрее здешних машин.

Я проводила взглядом очередную велосипедистку в бежевом платье с закрытым воротом, переходящем в такой же бежевый накиннутый на голову платок, отшатнулась от очередной телеги с грязным стариком в лохмотьях,

и, восстановив равновесие и оглядевшись, увидела, что по обеим сторонам дороги наконец-то появились дома. Они были одноэтажными и походили на странно выросшие деревенские колодцы, потому что состояли из круглого основания, накрытого громадной двускатной крышей, спускающейся чуть ли не до земли. Крыши покрывали либо пропитанные чем-то черным доски, либо тонкие металлические листы, наложенные друг на друга, как черепица. Те из домов, что выглядели побогаче, чаще всего были покрашены в спокойные чистые цвета вроде кремового, светло-терракотового или светло-зеленого, окна у них, как веночками, оплетались вырезанными из дерева лаконичными узорами, чаще всего растительными.

— А тут не так противно, как кажется, — прошептала я, тихонько подтолкнув Натку в бок. Она кивнула.

— Да, неплохо. Но не думаю, что наше величество задержалось бы на этой окраине. Конечно, не факт, что это здешняя столица, но давай, что ли, все равно попробуем дойти до центра...

— Дойдем, — отозвалась я. — А вот ночевать где...

Подруга призадумалась и ничего не ответила. Мы пошли дальше, продолжая зевать по сторонам.

Домов становилось все больше, транспорта тоже, и наконец-то появились пешие жители. В основном они были заняты какими-то хозяйственными хлопотами: либо волокли мешки, корзины и полотняные кошелки с продуктами, либо тащили на привязи животных. Одна из этих зверушек здорово напугала нас с Наткой, поскольку издали походила на низкорослого медведя, но, подойдя, мы разглядели у нее копыта и маленькие рожки.

— Хм, — сказала Натка. — Коза, что ли?

— Типа того, — согласилась я шепотом, косясь на хозяйку «козы». Эта высокая худая женщина в закрытом по горло длинном темно-синем платье и чем-то вроде белой банданы с отворотами, тоже слегка покосилась на нас и, тут же отведя взгляд, с прямой спиной проследовала дальше. Я вообще заметила, что здешние люди довольно сдержаны в эмоциях и вежливы — никто ни на кого не глазел, а говорили они между собой, несмотря на язык, не слишком громко, так что я даже не могла разобрать слова. Да, выходит, сдержанность у Лида — национальная черта?..

Но едва я подумала об этом, как нам навстречу попала очередная велосипедистка весьма экстравагантного вида: платье ее было хоть и не пышным, зато вырвиглаз-розовым и блестящим, белая меховая накидка слегка прикрывала плечи и оставляла на свободе глубоченное декольте, в ушах болтались огромные серьги, а неестественно-красные волосы

напоминали свежее воронье гнездо. Поглядев на ее глуповато-довольную физиономию, я сразу вспомнила Съединовых фрейлин и хихикнула. К моему удивлению, реакция местных жителей на эту красотку оказалась почти такой же: парочка проходящих мимо крестьян поспешно отвернулись, а стоящая возле своего дома женщина поджала губы с видом глубокого презрения и неодобрения. Девушка, ничего не замечая, счастливо укатилась вдаль. Я успела заметить, что у нее двухцветные, желто-серые глаза. Колдунья, значит...

— Во чучело, — прокомментировала Натка мне на ухо. — Ну и вырядилась... Слушай, Сонька, кажется, это какой-то завод?

Я, подняв голову, оглядела трехэтажное здание из серого камня, огороженное мощных забором и снабженное тремя огромными дымящими трубами, и сказала:

— Похоже... Давай его обойдем, вроде там дальше опять дома идут.

Натка кивнула. Народу прибавилось: часть его крутилась возле завода с непонятными целями, а часть, судя по черным от копоти лицам и рукам, являлась собственно рабочими. Вот эта публика разговаривала между собой куда громче, и до нас донеслось звонкое подвывание и гавканье.

— Сонька, — шепнула подруга тревожно. — Чего-то я не понимаю, что они говорят.

— Потому что они говорят по-варсотски, — уверенно отозвалась я. — Лид так же гавкал.

— Класс! А почему же Съедина мы понимали? Он русский, что ли?

— Нет, просто Лидово заклятье действовало, а сейчас... — тут до меня тоже дошло, и я закончила упавшим голосом: — ...Не действует.

— Мда. То есть мало того, что мы не знаем, куда идти, так еще и ничего не понимаем.

— Почему «ничего»? Я понимаю немного, — заспорила я. — Лид же меня учил, я думаю, что если буду прислушиваться, что-нибудь разберу...

По собственному же совету я прислушалась, и тут же мне в ухо бросилось знакомое слово «ратсанатла», произнесенное высоким рабочим.

— Он говорит что-то о короле! — приостановившись, прошептала я. — Нат, ратсанатла — по-варсотски «король»!

— А чего он при этом такой злющий? — опасливо спросила подруга.

— Да просто у варсотов сильная интонация... — заспорила я неуверенно, потому что рабочий действительно произнес слово «король» с лицом, перекошенным явно не от избытка дружелюбия. Более того, лица окружающих его людей скривились аналогично. Натка схватила меня за руку и утащила за угол забора.

— Ну вот, как я и говорила: Лид захватил тут власть и, судя по всему, проводит чистки, — прошипела она. — Либо они просто республиканцы, но лучше у них ничего не спрашивать. Раз он у власти, наша задача будет полегче, только как бы не побили... И когда только он успел за три дня революцию повернуть?

Я неуверенно пожала плечами.

— Не знаю, Нат, наверное, у них не осталось высокородных сильных колдунов...

Обойдя завод, мы быстрым шагом двинулись сквозь город. Дома стали попадаться и двух- и трехэтажные, они соединялись друг с другом высокими арками, а между ними петляла дорога, по-прежнему песчаная, хотя иногда, у того или иного дома, были участки, вымощенные камнями. Транспорт ездил уже почти беспрерывно: кое-где телеги с продуктами образовывали что-то вроде пробок. Люди тоже сновали во множестве, и вид у них был по-прежнему сдержанный, хмуроватый и вроде бы чем-то озабоченный. Неужели Лид с досады на меня действительно натворил тут дел?

Навстречу нам попался пацан в смешной совершенно плоской и круглой серой кепке без козырька, который тащил пачку больших бумажных листов: судя по всему, здешние газеты или журналы. Вывернув шею, я машинально попыталась что-нибудь прочесть, но вид варсотской письменности, похожей на бесконечный набор петелек и хвостиков, хаотично разбросанных по бумаге, миглом охладил мой пыл, да к тому же я, заглядевшись, налетела на прохожего. Тот строго посмотрел на меня. Я от нечего делать промямлила по-русски «извините», он произнес в ответ что-то похожее на «чунга-чанга» и нырнул в подворотню.

— Интересно, далеко до центра или нет? — подумала я вслух, оглядываясь.

— Народу вроде становится больше, значит, не очень, — отозвалась Натка вполголоса. — Только вот даже если мы очутимся в центре, как дать о себе знать нашему величеству?

— Может, поищем его дворец? Я могу попытаться спросить у прохожих. Правда, я забыла, как будет дворец: то ли айргав, то ли юйргав, но...

— Не, давай пока про «гав» не будем, — решила Натка. — Вначале хоть немного осмотреться надо. Пошли просто так.

Мы пошли и шли до тех пор, пока у нас не начали гудеть и отваливаться ноги. Солнце явственно опустилось, от домов потянулись длинные тени. Центра города все не было, либо мы его пропустили. По-

прежнему ездил транспорт, сновали прохожие и попадались заводы и фабрики, которые зачастую несусветно воняли. На улицах появились лотки, с которых торговали едой и какими-то мелкими бытовыми товарами, но разглядывать их у нас не было сил. Еле держась на ногах, мы, не сговариваясь, нырнули в подворотню, остановились возле очередного двухэтажного дома, покрытого облупленной белой штукатуркой, и шлепнулись во дворике на чахлую осеннюю травку.

— Фу, — сказала Натка после пяти минут молчания. — Надо поесть.

— Угу, — сказала я, снимая ботинок и разглядывая огромную мозоль. — У тебя пластыря нет?

— Не взяла. Тоже обе ноги стерла. Да это еще ладно, а вот когда у нас еда кончится, а денег-то местных не будет...

— Нат, не нагнетай, еды у нас полно, — оборвала я ее. — Дня на три точно хватит.

— Ну да, а потом-то? Ты, Сонька, еще не оценила размер здешних городов?

— Оценила, — призналась я уныло, разворачивая бутерброд. — Но, может, Лид хоть как-нибудь... Вот только как?

— Надо все-таки привлечь его внимание, — сказала подруга. — Чтобы он понял, что мы вообще тут...

Поедая бутерброды, мы раздумывали над способами привлечения к себе внимания короля. Как назло, самые оптимальные из них были самыми противозаконными. Конечно, если бы мы совершили, к примеру, сенсационное ограбление, вести о нас наверняка дошли бы до короля, но так как мы не представляли, что же все-таки надо украсть, чтобы это стало сенсацией, план пришлось отменить за нереальностью и опасностью исполнения. Больше ничего в наши головы не пришло. Доев бутерброды и собрав рюкзаки, мы встали и потащились дальше.

Город не кончался. Машины трещали, телеги грохотали, варсоты гавкали, то есть разговаривали, а фабрики дымили, так что у меня наконец начала болеть голова. Натка тоже морщилась и терла виски. Да еще к тому же стремительно темнело, дорогу стало плохо видно. Машины зажгли свои фары, а некоторые дома — окна, но свет их был тусклым, а фонарей попадалось не так много, как хотелось бы. К тому же, они горели мертвенно-синим светом, от которого становилось не по себе.

— Газ это горит, что ли? — вслух подумала я.

— Неа, — сказала Натка. — Гляди.

Она ткнула пальцем вперед. Я присмотрелась. По тротуару перед нами медленно брел мужчина в длинном приталенном пиджаке и такой же

смешной плоской кепке, как у пацана с газетами. Остановившись перед каждым фонарем, он делал в воздухе несколько напряженных движений руками, будто крутил невидимую мясорубку, и фонарь через пару секунд загорался.

— Колдун, — догадалась я.

— Угу. Используют магию в мирных целях. Пошли, что ли, за ним, хоть не так страшно.

Я молча ухватила подругу за руку. Прохожие на улицах все убывали, транспорта тоже стало меньше, и все, кроме освещенных фонарями участков, погрузилось в опасную темноту. Я опять устала и хотела есть и спать, но не представляла, где здесь можно переночевать безопасно для жизни.

— Ночью лучше не идти, — оказывается, подруга думала о том же. — Давай искать, куда деваться будем. Может, в подворотню какую?..

— Не знаю, Нат, — все подворотни, которые черными провалами виднелись по правую руку, мне откровенно не нравились. — Может, лучше тут останемся?

— Тут? На тротуаре спать или на дороге?

Я вздохнула. Мы продолжали тащиться за фонарщиком, запахивая куртки, так как становилось все холоднее. На небе высыпали крупные красивые звезды, появилась синеватая спиральная туманность, но эти астрономические штуки нас мало утешили. Мы уже даже не разговаривали, а продолжали бессмысленно шаркать, приноровившись к похоронному шагу впередибредущего колдуна.

Но тут и колдун решил нас предать: он зажег очередной фонарь, что-то пробормотал и вдруг вошел в ближайший дом, хлопнув тяжелой дверью. Мы в затруднении остановились. Я изо всех сил уставилась во тьму, пытаюсь понять, что находится вокруг нас, и увидела тусклый блеск впереди.

— Нат, по-моему, там река, — сказала я неуверенно.

— А... Точно. Широкая какая. Смотри, у них тут и мостик есть: вон на нем огоньки горят... Кстати, мостик — это хорошо.

— Да? — с сомнением буркнула я.

— Да. Под ним как раз можно переночевать. Все приличные бродяги в книжках всегда ночуют под мостами.

— Ну да, а если здешние бродяги тоже так делают?

— Тогда хотя бы с дороги сойдем, на берегу устроимся. Пошли?

— Давай.

Натка сделала мне странный знак растопыренными пальцами,

скрючилась и принялась красться по обочине, приближаясь к мосту. Я, приняв аналогичную позу, устремилась за ней.

Берег реки с нашей стороны был довольно-таки высоким: мы сразу не разглядели его уклон и чуть не попадали кубарем, но нас, к счастью, задержали сухие кусты. С шелестом продравшись сквозь них, мы все-таки попали под мост. Глаза у меня уже привыкли к темноте, да к тому же, огоньки домов и фонарей отражались в речной воде, так что я смогла разглядеть, что никаких бродяг здесь нет.

— Уф, — облегченно выдохнула Натка. — Наверное, у них какая-то другая культура. Тут явно никто никогда не ночевал. Даже тряпок и мусора нету. Давай устраиваться, но смыться на всякий случай нужно будет сразу, как начнет светать...

Зайдя поглубже под каменный свод моста, мы повытаскивали из рюкзаков все тряпки, какие только были, и расстелили их на влажноватой траве, подсвечивая себе фонариками, убирая фонарики обратно, Натка деловито заметила, что в крайнем случае, если будем помирать с голоду, их можно будет продать. Я кивнула, поскольку такая возможность уже не казалась мне чем-то невероятным. Костер мы разводить побоялись, не зная тутошних законов, пить некипяченую воду из реки, конечно, тоже не стали, поэтому распили остатки чая из моего термоса и заели бутербродами с колбасой, которые могли быстрее всего испортиться без холодильника. Такой ужин вызвал у нас дружную икоту.

— Кто-то — ик — вспоминает, — сказала Натка, укладываясь на свои тряпки и заворачиваясь в куртку. — Наверное, Лид, чтоб ему — ик — пусто было...

— Или — ик — бабушка, — предположила я, тоже возясь среди моих несчастных летних платьев и кофточек. — Или родители... Ик. Нет, не они, все равно икаю...

— Да ну их всех, — Натка сначала икнула, а потом зевнула. — Давай спать.

— Угу, — сказала я, и, несмотря на неудобное ложе, холод, стертые ноги и икание, немедленно уснула мертвым сном.

Для того чтобы подняться на рассвете, никаких усилий нам не потребовалось: когда наши часы показывали около шести утра, мы проснулись сами, от жуткого холода и густого тумана, стоящего у реки. Наши постели из тряпок пропитались влагой так, что их можно было выжимать, но сушить их мы возможности не имели, пришлось запихать в рюкзаки как есть. В довершение всего, от спанья на твердой земле у нас ныло все тело, а ноги, не забывшие вчерашнюю ходьбу, противно гудели.

Когда я, кряхтя, охая и приплясывая от холода, пыталась помыть в реке испачканные землей руки, мне пришло в голову, что еще немного, и Лид, даже если мы его найдем, может нас и не узнать...

Завтрак наш состоял опять из бутербродов и холодного чая: мы начали распивать Наткин термос. Под конец трапезы подруга озабоченно встряхнула его, видимо, пытаясь определить количество оставшейся жидкости, и протянула:

— От силы на сегодня хватит. Надо срочно воду искать.

Я хмыкнула и кивнула на реку. Подруга сказала:

— Ну да. Но я бы тут костер не разводила. Может, побезлюднее место найдем. Хотя давай все-таки на всякий случай наберем воды в пустой термос, что-то я не видела тут колодцев...

Пока мы возились, туман успел немного рассеяться, сквозь него начали пробиваться желтоватые лучи восходящего солнца. Дыша на обледенелые руки, мы вылезли из-под моста, пролезли сквозь кусты и, осмотревшись, несколько опешили от неожиданного зрелища.

Река оказалась не такой широкой, как мы подумали ночью, но за полукруглым каменным мостом, перекинутым через нее, начинался как будто совершенно другой город. Мы увидели широкую мощеную улицу, по обеим сторонам которой стояли дома из белого и красного камня, явно очень старые, не выше трех этажей, но красивые и изящные: с галереями наверху и острыми крышами, окаймленными резными украшениями. Даже неизменные подворотни выглядели по-другому: проемы их имели форму звезд со сглаженными короткими лучами. Кое-где эти лучи пообломались, видимо, просто от древности построек. Некоторые дома оканчивались подобием коротких башенок со все теми же любимыми местными жителями треугольными крышами, и в этих башенках виднелись маленькие окошки-бойницы без всяких стекол. Было тихо и безлюдно, красивую улицу освещало восходящее солнце.

— Да, — произнесла Натка, которой первой удалось закрыть разинутый рот, — кажется, из промзоны мы вышли. Тут, наверное, дома где-то времен Лида. Скорее всего, нам туда и надо, но осторожно: небось, там всякие богатеи живут, а у нас с тобой сейчас вид неподходящий...

Я молча кивнула. Быстрым шагом мы пересекли мост и, опасливо оглядываясь, устремились вперед по шикарной улице, которая шла немного на подъем. По дороге я, конечно, продолжала разглядывать красивые дома, поэтому уже издалека заметила, что резная деревянная дверь одного из них приоткрылась. Я ущипнула Натку, мы замедлили шаги и вытянули шеи, готовясь, если что, задать стрекача.

...Из старинного дома вылезла толстая пожилая варсотка в облезлом сером платье и кое-как намотанном черном платке. Под мышкой у нее был плетеный квадратный короб, наполненный какими-то тряпками Кряхтя, жительница ловким ударом пятки захлопнула дверь и устремилась по внешней лестнице, идущей вдоль стены дома, на третий этаж, в галерею. Оказавшись наверху, она принялась деловито вытаскивать тряпки из короба и развешивать их на веревке, протянутой между изящными галерейными столбиками. Обалдело проследив за этим процессом, мы переглянулись и убыстрили шаги. И теперь я начала замечать то, что раньше не бросилось мне в глаза: старинные дома были кое-где замазаны облупленной штукатуркой, обрушенные галерейные столбики были заменены досками и палками, а на самих галереях и между балконами сушилось белье. А последний дом улицы перед перекрестком вообще оказался переделанным в завод: из его крыши, покрытой потемневшей, но красивой росписью, торчали три большущие трубы.

— Прогресс у них везде пробрался, — хихикнула несколько расслабившаяся Натка. — Наверное, здесь был край города, когда еще заколдовывали Лида. Вот и дома сохранились, только живет в них уже кто попало.

— Ну а не кто попало где-то тоже должен жить, — заметила я. — Наверное, мы просто не дошли еще до нужного места...

— Наверное, — вздохнула подруга и глянула на часы.

Снова постепенно начали появляться машины, телеги и велосипеды. Одна из машин заглохла посреди дороги, обмотанный тряпками водитель-мумия выбрался из нее, отодвинул несколько держащихся на честном слове досок и, запустив руки в механизм, принялся с усилием там ковыряться. Прохожие и другие повозки молча обходили и объезжали его, не говоря худого слова и, как всегда, вежливо отводя взгляды, только какая-то велосипедистка, очередная расфуфыренная дамочка с декольте, неожиданно остановилась, протянула руки и что-то неблагозвучно загавкала. Я поняла три слова: к моему удивлению, два из них были «плебей» и «король», а третье — глагол «ехать». Водитель сломанной машины вытащил руки из механизма, пожал плечами, и, глядя на дамочку, как на больную, выговорил несколько слов в ответ. Дамочка взвизгнула, расширила глаза и, показывая на него пальцем, обратилась к прохожим с гневной речью. Прохожие, поеживаясь и переглядываясь, начали ускорять шаги. Натка тоже схватила меня за руку и потянула за собой. Мы нырнули в звездчатую подворотню, и я посмотрела на подругу.

— Ты чего, Нат? Я хотела послушать, она что-то говорила про короля.

— Да? Ну, не знаю, просто я увидела, что от нее все шарахаются...

— Так им, наверное, к королю не хочется, а нам-то наоборот!

— Не знаю, мне тоже что-то к королю расхотелось. Не понимаю я, что тут творится, — задумчиво пробормотала Натка. — Ладно, пойдем дальше.

Вылезать из подворотни мы не стали, потому что она все равно вела на параллельную улицу, которая оказалась даже более светлой и широкой. Народу здесь тоже было много и все прибавлялось, причем некоторые люди были с тяжелыми, наполненными чем-то корзинками и котомками, которые тащили с деловым и озабоченным видом.

— Надо же, — шепнула Натка. — Будто в Москве к метро идем...

— Ага, — прошептала в ответ я. — Значит, там впереди какое-то важное место. Может, как раз, дворец...

— Увидим.

И мы действительно увидели. Улица кончилась, и перед нами открылась круглая залитая солнцем площадь, в которую лучами впадало еще несколько аналогичных улиц. А на площади шумел огромный рынок...

Натка присвистнула.

— Вот этого я не ожидала...

— Обойти его трудно будет, — заметила я.

— Да... Может, и не надо обходить! — по угрозившемуся голосу и оживившемуся лицу подруги я поняла, что ей в голову пришла какая-то идея.

— Ну? — спросила я нетерпеливо.

— Я что думаю: рынок ведь крупный, народу тут куча. Если мы сделаем что-то привлекающее внимание, то об этом будет знать много людей, а слухи и до короля дойдут.

— Это что же надо отмочить такое, чтобы аж до короля дошло? — с подозрением поинтересовалась я.

— Что-то нестандартное. Посмотреть, чего они не делают, и сделать это. Не обязательно хулиганить, но желательно шуметь. Видишь, они тут все больно тихие и вежливые? Значит, надо выделяться.

— Ладно, Нат, но давай сначала походим разведем обстановку.

— Так я против, что ли...

Взявшись за руки, чтобы не потеряться, мы нырнули в рыночную толпу и завертели головами.

Варсотские сдержанные манеры проявились и тут: конечно, вокруг довольно громко разговаривали, но я не заметила, чтобы продавцы и покупатели торговались. Сами продавцы тоже никого не зазывали к своим лоткам, а стояли возле них с гордым видом, уперев руки в бока. Товар

выглядел эстетично и красиво: многие продавцы овощей-фруктов в буквальном смысле выкладывали из своих плодов на столах нечто вроде мозаики. Если покупатель забирал свой товар, продавец тут же восстанавливал узор. Общих навесов не было, каждый лоток или столик имел свой личный зонт, преимущественно белого цвета, с петельками, свисающими с краев. Под ногами людей и между палатками ходили длинные-предлинные звери, покрытые густой жесткой шерстью соломенного цвета. Морды у них тоже были длинными и узкими, глаза — прищуренными, носы — бежевыми, а большие острые уши были в основном уложены назад и только изредка поднимались и оттопыривались. За самим зверем по земле волочился растрепанный хвост, похожий на ершик для чистки, и этот хвост делал и так-то длинное животное просто бесконечным. Звери, судя по всему, заменяли в этом мире собак: они дежурили возле лотков, стойко дожидаясь, пока им что-нибудь перепадет, или бродили с уже выпрошенными продуктами в зубах. Суда по этим продуктам, среди которых я заметила и мясо, и хлеб, и овощи, и даже какую-то зелень, звери были всеядны.

Особой системой рынок не отличался: продукты шли вперемежку с одеждой, инструментами, украшениями из камня и книгами. Так мы постепенно добрались до центра рыночной площади, где располагался высокий столб из темно-красного камня с часами наверху. По крайней мере, нам показалось, что это часы, хотя никакого циферблата не виднелось, а вместо стрелок выступали несколько квадратных железячек, которые периодически чуть сдвигались относительно друг друга. Как раз когда мы подошли к часам вплотную, сдвинулась самая большая железячка, часы завибрировали и издали жуткий звук, похожий на рев бешеного слона. Мы чуть не дали стрекача, но увидели, что местные даже ухом не ведут, и сдержались. Звук сделался тише и в конце концов сдулся, часы молча продолжили двигать железячки.

— Это они так бьют, — неизвестно зачем сказала я. — Наверное, у них внутри что-то вроде трубы, куда накачивается воздух.

— Угу, или волынки, из которой воздух выдавливается. По звуку, кстати, больше похоже, что кого-то удавили... Ну ладно, Сонь. Ты придумала, как внимание привлекать?

— Не знаю... Не песни же орать. За психов, конечно, примут, но это же мелочь, до короля не дойдет.

— Да, надо чем-то еще запомниться... Что у нас запоминающегося?

— Наверное, наши вещи.

— Видимо, придется пожертвовать частью, — решила подруга. — Ну

и вести себя будем по-другому...

Через две минуты работа у нас уже кипела. Под часами мы организовали импровизированный лоток, постелив на камни плед и выложив сверху те вещи, которые по идее должны были заинтересовать местных: один фонарик, парочку батареек, мои заколки и резинки для волос, початую пачку жвачки, найденную в Наткином кармане, тоже слегка початый блеск для губ, а еще несколько ручек, блокнот с фотографией какой-то полураздетой певицы на обложке и парочку ярких кофточек, которых нам было не очень жалко. Сделав все, что смогли, мы уселись рядом со своим товаром, скрестив ноги, как йоги.

Проходящий мимо народ принялся на нас коситься с довольно ошарашенным видом, однако, встречаясь с нами глазами, тут же отворачивался. Вежливость варсотов явно перебарывала удивление.

— Не, так не пойдет, — минут через десять тряхнула головой Натка. — Давай зазывать.

— У них же не принято.

— Тем более.

— Да мы языка почти не знаем.

— Ты говорила, что знаешь. И вообще, можно и по-нашему... Сонька, как будет по-варсотски «идите сюда» и «у нас интересные вещи»?

— Ох... — я обеими руками почесала голову для стимуляции памяти и с трудом выговорила:

— Ди ксаринада ме-еда-а... Это идите сюда. А слово «интересный» я не знаю. И как «у нас» будет — тоже.

— Ну а «хорошие вещи» — это что?

— По-моему, «натса-а линка-а», если не путаю ничего...

— Ладно, сойдет. Давай начинать, а там разберемся, — решила подруга. Я кивнула. Натка скомандовала «три, четыре» и неожиданно заорала, перевирая сложные для нее варсотские слова:

— Эй вы там!!! Каринада меда! Нафталинка-а! Эксклюзивная распродажа содержимого наших рюкзаков! Сезонные скидки тридцать процентов! Цена десять ваших тугриков!!

— Добро пожаловать, хорошие вещи, идите сюда! — тоже набрав воздуха в легкие, закричала я по-варсотски голосом дурного попугая, стараясь заглушить жуткое Наткино произношение. Натка тоже не сдавалась, продолжая что-то орать про свою нафталинку.

От наших воплей несколько ближайших лотков пошатнулось, и из-под зонтов высунулись испуганные продавцы с расширенными глазами. Покупатели начали останавливаться: не знаю, из интереса или от

неожиданности, но мы, видя, что у нашего выступления есть эффект, продолжили свои крики.

— Каринада! Авилекса! Нафталинка! — равномерно гаркнула Натка и, с явным облегчением перейдя на русский, добавила:

— Фонарик китайский! Блеск для губ Сонькин просроченный! Батарейки дешевые деревенские потекшие! Кофточки застиранные растянутые! Эксклюзивно! Только у нас! Спешите приобрести!!!

Я одновременно пыталась перевести ее слова на варсотский с некоторыми коррективами, но словарного запаса не хватало, поэтому речь моя для здешних людей звучала в лучшем случае так:

— Огонь узкие глаза! Грязь мазать лицо хорошая! Огонь для огонь! Не — платья хорошие!

Варсоты начали скапливаться возле нас. Местная рыночная «собака» сунула свою узкую морду мне под локоть, пытаясь попробовать на зуб батарейку. Я сказала «кыш», и она обиженно отпрянула. Какая-то старая варсотка, глядя на нас с интересом, подошла поближе, пощупала фонарик и что-то мне сказала. Я поняла только пару предлогов и вопросительную интонацию, но, логично решив, что она спрашивает о цене, наобум показала десять пальцев. Варсотка явно удивилась и обрадовалась и полезла в карман. Натка подпихнула меня локтем и с лучезарной улыбкой добавила к моим пальцам свои десять. Варсотка вздохнула, но все же вынула из кармана несколько квадратных пластинок и сунула мне, попутно что-то спросив. Не поняв ее, я нажала на кнопку фонарика, и он мигнул. Варсотка покачала головой и повторила свой вопрос более раздельно. На этот раз я уловила словосочетание «другая страна» и, закивав, подтвердила:

— Да, да, другая: Э-эр, готса-а вара-а...

Варсотка, забрав свежеприобретенный фонарик, кивнула, и, озабоченно хмурясь, произнесла еще несколько слов, среди которых я узнала слово «ратсанатла». Опять король! Я усиленно закивала и сказала:

— Эр, эр, ратсанатла! Нам к нему и надо!

Варсотка глянула на нас странным взглядом и исчезла в толпе. Я сказала Натке:

— Кажется, действует! Она упоминала короля.

— Раз действует, тогда не прекращай орать, — скомандовала подруга и уже несколько хрипло закричала свою зазывалку на перевранном варсотском.

Через десять минут вокруг нас собралась уже весьма плотная толпа. Судя по одежде, она была небогатой, а судя по лицам, настроенной довольно доброжелательно. Покупали варсоты мало, зато пилились на нас

просто так, как на бесплатный спектакль...

— Что-то мало они берут, — заметила подруга недовольно, на немного перестав вопить. — А нам ведь деньги нужны, кто знает, сколько мы просидим тут еще без связи с Лидом...

— Нат, такую муру я бы по-честному тоже не взяла.

— Да понимаю я... Слушай, Сонька, ты же у нас бальными танцами занималась!

— В школе вообще-то...

— Ну и что! Давай я тебе саккомпанирую, а ты станцуешь. Может, за выступление больше дадут. А заодно откроем в этой стране эру уличных музыкантов.

— Где аккомпанемент-то взять?

— Мобильники на что? — Натка вытащила свой телефон, что-то понажимала, и тут же заиграла пищащая и хрипящая мелодия одного из звонков. Я сморщилась, но подруга прикрикнула на меня:

— Давай танцуй, а то щас батарейка сядет!

От нечего делать я поднялась и, махнув на все рукой, принялась топтаться на одном месте и размахивать конечностями в попытке изобразить подходящий к мелодии танец. Варсоты, судя по их лицам, обалдели окончательно и смотрели на меня, хлопая глазами. Я разошлась и чуть не заехала рукой по уху подруге. Натка подумала и переключила телефон на другую мелодию звонка, более медленную. Я сделала руки кренделем, откинула голову и закружилась сама с собой в вальсе. Среди варсотов пробежало хихиканье. Наверное, если бы они могли, они бы меня сфотографировали. Натка включила третью мелодию, какой-то тяжелый рок. Я затрясла головой над воображаемой гитарой. Подруга, положив телефон на землю, подхлопывала мне в ладоши. Толпа не хлопала, но не расходилась и лыбила.

На очередной мелодии, быстрой и дискотечной, у меня начали заплетаться ноги.

— Дай передохнуть! — крикнула я подруге, тяжело дыша. Натка кивнула и выключила телефон. Перестав скакать, я убрала за уши мокрые от пота волосы и раскланялась. Варсоты издали гул, судя по всему, одобрительный. Потом толпа дрогнула и расступилась, и сквозь нее к нам пробились два человека: молодые мужчины в богатых костюмах с зализанными назад чем-то намазюканными волосами. Я посмотрела на них вопросительно и увидела, что они оба колдуны.

— О, продюсеры, наверное, пришли, — прошептала Натка. Один из мужчин наклонился к нам и что-то вежливо спросил, чего я не поняла.

— Повторите, — сказала я по-варсотски. Он меня понял и повторил. На этот раз я разобрала часть речи: в ней опять что-то спрашивалось о другой стране.

— Да, другая страна, — согласилась я. Тут вступил второй мужчина, сообщивший что-то решительным тоном. Я распознала слово «идти» и, опять же, «король».

— Ратсанатла? — переспросила я для верности. Мужчины закивали и сделали манящие жесты.

— Они, кажется, хотят отвести нас к королю, — сказала я Натке. Подруга молча поднялась, поглядывая по сторонам с неуверенным видом. Я тоже осмотрелась и вдруг обнаружила, что от толпы вокруг не осталось и следа. Куда все делись? Неужели все так боятся короля? Что же он тут натворил...

Тут один из колдунов решительно взял меня за локоть. Второй ухватил Натку.

— Эй, вы чего?! — взвизгнула я и продолжила по-варсотски: — мы друзья вашего короля Лидиорета! Ди-и дакса-а ди-и Лидиорет ратсанатла!

Держащий меня колдун глянул на нас с удивлением и произнес:

— Ди-и ратсанатла Съедин.

— Ай, кажется, я его поняла без перевода! — завопила Натка в руках у второго колдуна. — Мотаем!!!

Опомнившись от шока, вызванного дикой новостью, я принялась отчаянно лягаться и толкаться локтями. Откуда здесь взялся Съедин?! Если мы не вырвемся, нам плохо придется!

Но вырваться мне удалось: видимо, мой поимщик не ожидал такого сопротивления. Немедленно я подбежала к Натке, у которой дела обстояли хуже, схватила из открытого рюкзака термос и со всей силы с громким гулом треснула им колдуна по башке. Колдун ойкнул и выпустил подругу, но второй к тому времени успел опять схватить меня. Я принялась было отбиваться, но вдруг обнаружила, что двигаюсь еле-еле, как в замедленной съемке. Руки не поднимались, голова закружилась, и навалилась жуткая дурнота, хотя он ничего не делал, просто держал меня за локти. «Он же колдун» — подумала я, повисая в его руках. В глазах у меня потемнело...

Но тут что-то резко меня качнуло, я опять начала видеть свет и обнаружила, что сижу на земле рядом с Наткой, а вокруг кипит самая натуральная драка. На наших врагов напала порядочная куча народу, человек пять: все в более бедной одежде и плоских кепках. Пока я пыталась прийти в себя, меня вдруг схватили под мышки и подняли на ноги. Я помотала головой и наткнулась взглядом на низкорослого

подростка с загорелым грубоватым лицом и двухцветными желто-кариими глазами. Пацан-колдун поднял и Натку, ухватил нас за руки и, быстро выплюнув несколько непонятных слов, потащил прочь с площади сквозь ряды и лотки. Зрение у меня еще не окончательно восстановилось, восприятие тоже, и я не сразу заметила, в какой момент к волокущему нас подростку присоединились еще люди, кажется, те самые, что затевали драку. Шумно переговариваясь, они заволокли нас в какую-то подворотню, а из нее — в подъезд полуразрушенного старинного дома. Там мы все, тяжело сопя, плюхнулись рядом на ступеньки.

— Вы кто? — жалобно спросила я по-варсотски, держась за кружащуюся голову. — Мы другая страна. Понимаете?

Кареглазый колдун-подросток хихикнул, кивнул и повторил мои слова остальным, видимо, забавляясь мои произношением. Те радостно загыгыкали. Я мрачно глянула на бескультурных варсотов и снова с трудом выговорила на их языке:

— Вы кто? Мы другая страна. Мы не знали... Съедин.

Подросток снял плоскую кепку, обнаружив под ней частую варсотскую мужскую прическу «под горшок» и поскреб немытую голову. После этого он попытался мне что-то втолковать, но это ни к чему не привело: у меня было слишком сильное головокружение. А Натка и вовсе могла только непонимающе моргать.

Рядом со мной на корточки, отодвинув подростка, присел тощий седой варсот с выцветшими желто-синими глазами. Тоже колдун, значит... Он положил руку мне на плечо, и голова у меня вдруг перестала кружиться. Старик медленно и раздельно сообщил примерно следующее:

— Вы — другая страна. Не знаете, что король Съедин — плохо. Опасно. Идите с нами, мы вас... — тут последовало незнакомое слово, которое я интерпретировала как «спрячем», сказала «эр, эр», то есть «да-да» по-варсотски и закивала. Наши спасители поднялись со ступенек. Подросток нетерпеливо дернул нас с Наткой за руки, и мы послушно встали.

Выйдя из дома, мы прошли еще через несколько подворотен и оказались, так сказать, в глубине города: старинные дома были в наличии, но улицы стали узкими и немощеными, кое-где паслись животные и бегали лисособаки — тощие и драные, не то что на рынке. Они, воровато оглядываясь, щипали редкую травку. Наши спутники шли молча, но что-то подсказывало мне, что топать нам еще порядочно, поэтому мы с Наткой в конце концов начали переговариваться. Переведя подруге, что мне сказали наши спасители, я добавила:

— Ума не приложу, откуда тут взялся Съедин и куда делся Лид. Но, кажется, это что-то вроде местного сопротивления.

— Эффективное, — вздохнула Натка. — По ним сразу видать, что они не дураки подрались... Жалко, вещички наши там остались. Ну это ладно, а вот с нашим величеством, думаю...

— Что? — спросила я настороженно. Подруга хмуро на меня покосилась:

— Сонь, а где мы, по-твоему, его найдем? Тут кругом Съедин. Даже если Лид где-то здесь, как мы привлечем его внимание? Ты в России-то пробовала хоть кого-то найти, не пользуясь интернетом? Да даже не в России, а в Москве?

— Ну а что ты предлагаешь?

— Предлагаю, пока мы еще живы, попросить этих ребят проводить нас обратно к дырке и выйти. Правда, Сонька, мы же тут ничего не сделаем...

— Ты как хочешь, — сказала я, — а я лично останусь. Но я могу поговорить с ними, чтобы они тебя проводили.

— Ну конечно, у нее приступ самопожертвования, — проворчала подруга. — То есть, как выгонять наше величество, так ничего, а сейчас... Ты же не зря его выгнала! Может, и фиг с ним? А то у тебя все шансы помереть не за него, а вообще просто так! Лид, если найдется, не порадуетсЯ этому. Мы можем, кстати, для него послание оставить у дыры, вдруг прочтет...

— На чем оставить?

— Да хоть на корове!

— Нат, не пойду я обратно, и не вяжись ко мне!!!

— Ладно, сейчас и не надо, — примирительно согласилась подруга. — Давай сначала поглядим, куда нас приведут.

— Вот именно.

Шли мы еще довольно долго, прошли какой-то противно воняющий завод, переделанный из несчастного белокаменного здания, которое от копоти стало уже почти чернокаменным, и нырнули в узкий переулочек. Он был весь в тени от нависающих с обеих сторон высоких для варсотов домов аж в четыре этажа. Проведя нас вдоль длинного темно-красного дома с обвалившимися резными колоннами, наши спутники вдруг рывком отворили появившуюся в стене дверь и указали нам в царящую за ней темнотищу. Мы с Наткой напряженно посмотрели на них, уцепившись друг за друга. Варсоты что-то поняли, невежливо заржали и вошли в дверь первыми. Мы, все равно без особой охоты, нырнули следом.

Внутри дома было не так темно, как нам сначала показалось: в стенах горела парочка тусклых синих фонариков наподобие тех, что зажигал колдун на улице, а из окон падали остатки дневного света. Мы обошли разрушившуюся лестничную клетку с кусками перил и ступенек, висящими на арматуре, и оказались в квадратном холле с низкими потолками, где было несколько плохо сбитых деревянных дверей. Наши провожатые к тому времени успели куда-то подеваться, остался только подросток. Он стукнул в разошедшиеся доски одной двери. Дверь приоткрылась, и из нее высунулся другой подросток, тощий, ушастый и в неизменной кепке блином. Мальчишки быстро заговорили. Я поняла, что наш подросток рассказал ушастому, кто мы, и спросил:

— Ди-и ветса Ре-ет?

— Ветса, ветса, — согласился ушастый и распахнул дверь.

— Что это они? — занервничала Натка, когда ее подтолкнули в спину.

— Они хотят отвести нас в какой-то Ре-ет, я не знаю, что значит это слово, — объяснила я. Подруга меланхолично вздохнула:

— Ладно, у них тут везде не дворцы...

— Не дворцы — это точно, — согласилась я, разглядывая обстановку длинной обитой досками комнаты, куда нас запихнули. В сущности, никакой обстановки и не было, просто на полу лежали две толстых соломенных подстилки, заброшенных тряпками, в углу примостилось нечто вроде печки, а рядом лежали мешки с продуктами, какая-то посуда и утварь. Впрочем, особенно грязно не было, варсотская аккуратность проявлялась даже здесь. Пацан продолжал нетерпеливо нас подталкивать, так что мы прошли сквозь комнату и обнаружили в другом ее конце еще одну дверь. Подросток открыл ее, схватил нас за руки и втянул во что-то типа темного чулана, где обнаружилась кое-как сделанная и очень вертикальная деревянная лесенка. С трудом поднявшись по ней, мы очутились у примерно такой же разошедшейся деревянной двери, но на этот раз подросток прежде, чем стучать, зачем-то откашлялся, выпятил грудь, поправил кепку и только потом осторожно поскребся в дверь. Из-за нее что-то неразборчиво буркнули по-варсотски. Пацан обрадовался, заулыбался, открыл дверь и втянул нас внутрь.

Мы оказались почти в такой же комнатке в форме пенала, как и внизу, только здесь было довольно большое окно, откуда падали косые солнечные лучи. В углу лежал маленький набор посуды и продуктов, стояла такая же переносная печка, а возле нее была циновка. Единственное отличие заключалось в том, что посреди этой комнаты стоял длинный и неожиданно высокий стол, а за столом среди невнятных бумажек и книжек озабоченно

ковырялся какой-то человек в неизменной плоской кепке.

— Ави, Ре-е-ет, — почтительно протянул подросток, и тут же, будто спохватившись, смущенно поправился: — Авилекса-а.

Я поняла, что «Ре-е-ет» было просто именем. Подросток похлопал нас по спинам и сообщил своему начальству, что мы, дескать, из другой страны, и с нами непонятно что делать. Человек за столом поднял голову и встал.

Первой взвизгнула Натка, у которой зрение было острее. Я же визжать не стала, потому что лишилась дара речи.

Перед нами был король собственной персоной, одетый в обычный для здешних мест наряд простого городского жителя: серо-бежевый длинный пиджак, такие же жилет и брюки и черная рубашка. На руке, которая опиралась о стол, были беловатые шрамы от ожога, но не виднелось ни одного перстня. Плоскую кепку он успел снять, пока вставал, и с еще большим удивлением я поняла, что волосы его теперь были в самом длинном месте до мочек ушей, а ближе к лицу и того короче. Теперешней прической он напомнил мне принца или пажа из детского мультлика. Ему бы сейчас вообще больше подошло обращение не «ваше величество», а «ваше высочество», потому что он, то ли из-за прически, то ли еще почему-то, неожиданно будто помолодел. Впервые мне пришло в голову, что он ведь, не считая отсидки на троне в виде статуи, старше меня всего лишь на девять лет...

— Лид-ид? — все-таки для верности спросила я, по-варсотски растягивая слова и нерешительно глядя в его двухцветные глаза. Глаза моргнули и приняли бесповоротно бездомно-собачье выражение. Лид, с сомнамбулическим видом человека, который не понимает, что ему снится: хорошим сон или кошмар, тихо сказал:

— Соня?

Я стартовала с места и, совершив прыжок через стол, повисла у него на шее. Стол хрустнул, бумажки разлетелись, и король поспешно стащил меня на пол. Я с разгону чмокнула его в щеку, слегка промахнувшись, попала почти по губам, и, несколько застеснявшись, опустила голову. Король в ответ осторожно, но, вроде бы, ласково пощупал меня за волосы.

— Ни фиги себе! — прокомментировала Натка позади нас.

— Лид, — сказала я, от волнения резко поднимая голову, так что его рука соскользнула мне на плечо. — Что у вас тут творится-то?! Откуда взялся Съедин? А ты здесь кто? Ты как их всех собрал, за четыре всего дня?..

— Соня-а, говори медленно-о, — попросил король с сильным

акцентом, внимательно выслушав мою речь.

— Так ты опять наколдуй, чтобы мы друг друга понимали, — удивилась я. — Зачем мучиться?

Лид покачал головой и повторил:

— Говори медленно-о, еще. Нельзя наколдуй... Колдова-ать нельзя.

— Час от часу не легче, — пробормотала я, но, временно приняв это как данность, отдельно повторила свои вопросы, повставляя даже кое-где те варсотские слова, которые знала, чтобы ему было легче. Король, не снимая руки с моего плеча, глубоко задумался: казалось, он вообще забыл, где находится. Но только я хотела уже потихоньку высвободиться, как он вдруг выдал более-менее развернутый ответ:

— Съедин король, пришел сюда, творит, как в своя страна... В своей стране, но хуже. Хуже, — повторил он с мрачным видом.

— А ты здесь кто?

— Гла-авный здесь, — отозвался Лид с усмешкой, кивнув на подростка, который глядел на нас с открытым ртом. — Нет высокородных больше тут. Они колдуют плохо-о, только Съедин. И я.

— И чего? — включилась в разговор Натка. Лид слегка вздрогнул, вскинул на нее глаза и, узнав мою подругу, сказал:

— А, Натка-а, ави... Здравсьте.

— Наше вам с кисточкой, — хмыкнула подруга. — Ну так и чего?

Лид пожал плечами.

— Чего-то-о надо дела-ать, — выговорил он и добавил, подумав:

— Было.

— А, ясно, и ты организовал что-то вроде сопротивления? — сказала я.

— Да, Соня.

— Это я все понимаю... Но за четыре дня?!

— Месяца, — сказал Лид.

— Да нет, ты путаешь, дня, это будет «день» по-русски.

— Месяца, — уперся король, с силой мотнув головой, так что его прическа а-ля «маленький принц» разлетелась во все стороны.

— Лид, боже мой, это день называется! — я порылась в памяти и сказала по-варсотски:

— Ксена-а, ксена-а! День, говорю. Четыре.

Я показала четыре пальца. Король тоже показал мне четыре пальца и упрямо заявил:

— Месяца.

Я переглянулась с Наткой. Та хихикнула. Король постучал мне по

плечу, и, когда я повернулась, указал на стену. Там возникла картинка. Вначале Лид показал мне солнечное утро, потом солнце пробежалось по небу и зашло, наступила ночь. Король выключил картинку и сказал:

— День. Месяц — это... — он задумался, и в конце концов три раза продемонстрировал мне десять пальцев.

— Действительно, — согласилась я испуганно. — Это месяц. Но как же так...

— Время, — успокаивающе сказал Лид. — Здесь одно, там, — он красноречиво ткнул пальцем куда-то вбок, видимо, имея в виду наш мир, — ...Там другое.

— Ох, — сказала я, и меня чуть заживо не съела совесть. Ведь я еще думала, не подождать ли пару дней! Теперь мне, наконец, стало ясно, почему здесь уже наступила осень и почему Лид выглядит так сильно изменившимся внешне: кажется, он даже похудел, наверное, потому, что не мог наколдовать себе еду. Кстати, почему не мог-то?

— Чего ты не колдуешь? — спросила я озабоченно. — Разучился?

— Нельзя. Увидя-ат если-и... — король неопределенно мотнул головой, как бы говоря, что последствия этого он не в силах предсказать.

— А картинки?

— Это они умеют тоже-е.

— Так они не в курсе, кто ты! — дошло до Натки. Лид поглядел на нее снисходительно и сказал:

— Да.

Тут пацан, которому, наконец, надоело молчать, что-то вопросительно затараторил. Лид произнес в ответ несколько слов довольно-таки властным тоном и недвусмысленно кивнул на дверь. Подросток с сожалением сказал «эр, Ре-ет» и ушел.

— Они тебя зовут Рет? — сказала я королю.

— Рет — коротко от Лидиоре-ет, — пояснил он.

— То есть мы тебя сокращали неправильно?

— Любое коротко — неправильно. Короткие имена у простолюдинов. Не король... Королей, — сказал Лид со вздохом.

— Ну да, ты же теперь у нас, выходит, тоже в шкуре простолюдина, — хихикнула Натка. Лид молча глянул на нее, но таким взглядом, что даже моя неугомонная подруга стушевалась и слегка попятилась к двери. Но Лид уже скорее с озабоченным видом перевел глаза на меня. Некоторое время он, то сдвигая, то поднимая брови, молчал — наверное, подбирая слова — после чего изрек:

— Соня-а, зачем вы пришли-и?

— Зачем? — растерялась я.

— Ты пришла-а? — еще более пугающе поправился король.

— Я... Ну... Чтобы... Я решила... Потому что... — забормотала я, глядя на него затравленным взором, но король вдруг энергично замотал головой. Я застыла с открытым ртом, а Лид снова принялся допытываться:

— Зачем ты пришла-а? А-авр, — вдруг гавкнул на меня он, так что я с испугу подскочила, и продолжил опять по-русски: — Например, ты хотела, когда меня встретила-а, чтобы я шел... К тебе-е?

Снова последовал красноречивый тычок пальца вбок, обозначающий наш мир.

— Ну да! — обрадовалась я подсказке, заодно вспомнив, что «авр» это варсотский аналог междометия типа «ну». И тут король неожиданно брякнул:

— Не могу.

— Что не можешь?

— Идти туда-а с тобой, — с трудом пустился король через тернии русского языка. — Ты пришла-а здесь, но опа-асно, Соня. Ва-ам лучше туда обра-тно, и ждать, пока я прийти... Приду.

— А сразу ты с нами уйти не можешь? — поинтересовалась осмелевшая Натка, которая опять подошла поближе и напряженно слушала королевскую речь. Лид непреклонно покачал головой:

— Не-ет, тут Съеди-ин, он... Это для нас.

— Из-за нас? — поняла я. Лид с облегчением кивнул.

— Да-а. Я не король тут, но страна-а моя, — он добавил несколько слов по-варсотски и сделал руками загребуший жест, видимо, означающий принадлежность ему всей Варсотии на веки вечные.

— А-а-а, дошло! — закричала Натка над моим ухом. — Он хочет Съедина свергнуть, а сам на его место сесть!

Лид снова наградил мою подругу взглядом, в котором на этот раз четко виднелось его обычное снисходительное презрение к плебейам, пожал плечами и ничего не ответил. Решив, что вникать в эти тонкости я буду не раньше, чем нормально выучу язык, я перешла сразу к делу:

— Короче, Лид, можешь свергать Съедина, а мы тебя тут подождем. Обратно мы без тебя выходить не будем... Ну, по крайней мере, я. Понимаешь?

Король ответил мне кивком и печальной улыбкой Маленького Принца, однако опять заладил свое:

— Опа-асно, хуже, чем было. И не быстро. Мно-ого, мно-ого дней.

— Ну и что, — откликнулась я бодро. — Ты же сам сказал, что время

здесь идет быстрее. Даже если мы тут еще четыре месяца проваландаемся, нас никто не хватится.

— Про-ва...

— Пробудем, — перевела я быстро. Король кивнул задумчиво, но на лице его я уловила явное облегчение, дескать, «я сделал все, что мог». И, видимо, уловила правильно, потому что Лид переехал из лирического русла в деловое и принялся на смеси русского и варсотского толковать о том, где мы будем жить. Из соображений безопасности король решил поселить нас прямо здесь, в своей комнате. Точнее, говорил он только про меня, но когда я напомнила про Натку, кивнул и указал в дальний угол, куда, как он считал, следовало положить подругу. Мое же место, по мнению короля, было то ли где-то под столом, то ли просто возле стены. Определившись, Лид подошел к двери, высунулся в нее наполовину и что-то рывкнул по-варсотски так, что с древних стен посыпалась штукатурка. Через секунду к нам влетел уже знакомый подросток в кепке, сжимая в объятиях две циновки и ворох тряпок. Он положил все это на пол и, под неодобрительным взглядом короля, краснея, медленно стащил кепку с головы.

— Спасибо, — сказала я пацану по-варсотски и представилась, ткнув в себя пальцем:

— Соня.

— Ге-еф.

Лид неодобрительно посмотрел на мое заигрыванье с низшим сословием и снова сказал пацану что-то по-варсотски. По тональности это звучало как «пошел вон отсюда», и, видимо, значило примерно это же, потому что Геф сделал быстрое «налево-кругом» и вылетел из комнаты. Лид снова повернулся ко мне и спросил:

— Еда?

Я кивнула. Король прошел в угол к печке, поковырялся там, сев на корточки, и через минуту выдал в наше распоряжение нечто вроде сухих хлебцев и нескольких кусков до странности светлого вяленого мяса. Лид молча освободил нам для трапезы место за своим столом, отгребя в сторону бумаги, и пододвинул единственный стул. Мы с Наткой уселись на него бок о бок и принялись грызть еду, вздыхая об утерянных на рынке бутербродах. Король все это время, скрючившись над столом, напряженно ковырялся в какой-то ободранной книжке, исписанной плотными варсотскими закорючками. Дождавшись, пока мы доглодаем последний кусок, он, взяв за плечи, повернул меня к себе и потребовал:

— Язы-ык.

— Да, давай учить, — поняла его я. — Натка, ты куда? Ты тоже слушай, что я тебе, потом переводить все буду?

Следующие часа три мы посвятили напряженному изучению варсотского, а Лид одновременно с нами учил русский. К концу занятия произношение и словарный запас короля намного улучшились, а вот мы забыли даже собственный язык и просто, моргая, пялились друг на друга.

— ...Мне надо идти, Соня, — нарушил молчание король на каком-то языке. — Понимаешь?

— А-а-а, да-да, — отозвалась я, сообразив, что это все-таки был варсотский. — Иди... А с тобой пойти нельзя?

— Если хоче-е-ешь... — отозвался он с сомнением.

— Я лично нет, — зевнула Натка. — Буду тут обживаться, с вашего позволения.

— Давай, — сказала я и пошла следом за королем.

Шаркаясь о стены и ловя друг друга, мы спустились по лесенке-стремянке, опять прошли под разрушенным лестничным пролетом, только на другую сторону дома, и зашли в очередную комнатку-пенал, где не было никакой мебели, если, конечно, не считать циновок на полу. Комнатка была до отказа набита довольно-таки бедно одетыми разновозрастными варсотами — кажется, их было не меньше сорока человек. В основном они были колдунами мужского пола, но и обычные мужчины и женщины тоже попадались. При виде Лида весь этот набор гаркнул краткое «ави», что, как я поняла, было сокращением от «авилекса» и означало нечто вроде нашего «здрасьте» или «привет». Лид, явно предпочитавший полную форму, слегка поморщился, но ничего не сказал и кивнул. Народ тоже покивал и шумно расселся на полу так, что в комнате вообще не осталось места. Я, подумав, решила не выделяться и тоже села на ближайший краешек циновки аккуратно рядом с тем стариком, который вылечил меня от головокружения. Лид же встал, прислонившись спиной к двери и, скрестив руки на груди, вдруг затараторил по-варсотски с такой скоростью, что я тут же перестала что-либо понимать, и только переводила глаза с короля на того, к кому он в данный момент обращался. Судя по всему, Лид по очереди расспрашивал о чем-то своих людей, а те о чем-то докладывали. Вид у большинства докладчиков был хмурый, и король, слушая их, хмурился тоже. Кажется, дело борьбы со Съедином пока что не венчалось большим успехом.

Когда что-то доверещал последний докладчик, худой мужчина с тонким голосом, король кивнул, и началось, суля по всему, обсуждение плана дальнейших действий. Варсоты, особенно молодые, скоро вошли в раж и принялись чуть ли не орать, взмахивая руками. Другие им возражали

не менее взволнованно. Лид то кивал, то качал головой, то тоже махал рукой, судя по всему, просто с целью заткнуть слишком ретиво орущих сограждан. На меня внимания никто не обращал, мне было скучно и душно, а голова пухла от усилий хоть что-то понять.

Через полчаса крики затухли, а противосъединовые заговорщики, снабжаемые какими-то напутствиями со стороны Лида, принялись выползать на вольный воздух. Я, жадно отдышавшись, тоже поднялась на ноги. И тут сидящий рядом со мной старик ткнул в меня пальцем и поинтересовался у Лида, то я такая. Присутствующий тут же Геф насторожился и вытянул шею, так же, как и несколько одновозрастных с ним подростков-заговорщиков.

— Это Соня, — представил меня Лид с нейтральным лицом. — Она из другого мира.

Другой мир тутошних жителей не удивил, они закивали, хотя и поглядели на меня с любопытством.

— Ты тоже был в этом мире, Рет? — поинтересовался старик. Лид почти без недовольства отозвался:

— Да, я был там довольно долго. Соня когда-то спасла меня.

Дед смерил меня уважительным взглядом. Я скромно потупилась.

— От чего спасла? — выкрикнул бесцеремонный Геф. Король этот выкрик просто проигнорировал, повернулся ко мне и сказал, переходя на русский:

— Идем, Соня. Темно-о.

— Ты хотел сказать «поздно»? — догадалась я. Лид с улыбкой кивнул и, подталкивая в плечо, вывел меня из комнаты.

Когда мы поднялись наверх, обнаружилось, что Натка уже спит, свернувшись на своей циновке и укутавшись тряпками. За окном было совсем темно, под потолком тускло горел синеватый магический светильник. Король, двигаясь на цыпочках, молча разжег печку и подтащил к нему вплотную свою циновку, предупредив меня шепотом:

— Соня, ты дальше-е, иначе жарко.

— Ничего, потерплю, отодвинусь, если что, — отмахнулась я, тоже подтягивая свою циновку вдоль стены так, чтобы она оказалась параллельной королевской. Вслед за этим мы дружно скинули верхнюю одежду и ботинки, оставшись в брюках и рубашках, и улеглись он на правый, а я на левый бок, глядя друг на друга с расстояния разделявших нас полутора метров. Некоторое время мы пытались заснуть, но то и дело снова открывали глаза и, наконец, опять заговорили шепотом, на смеси языков.

— Лид, что тут делается-то? — спросила я. — Все так плохо?

— Не очень хорошо, — тут же охотно отозвался король. — Здесь есть колдуны. Они за Съедина. Это хуже, чем было та-ам, в его мире...

— А почему это они за Съедина?! — возмутилась я. — С ума сошли, что ли?

— Обычные простолюдины, — сказал Лид, но не презрительно, а, скорее, даже печально. — Слава, богатство хотят. И страх, страх.

— Что страх?

— Съедин. Не-ет тут высокородных сильных колдунов, кроме него.

— И тебя.

— Да. Но они не знают про меня, и хорошо.

— Понятно. Короче, они от страха перед Съедином и из каких-то выгод согласились служить ему.

Лид кивнул лежа, отчего его непривычно короткие волосы на миг встали дыбом надо лбом.

— Обычное дело, — сказал он по-варсотски. — Так было, и когда я правил.

— Так, может, пусть он и правит? — вдруг пришло мне в голову. — Он же, сам говоришь, из твоего рода. Будет тут опять монархия, только и всего. Разве тебе есть до этого дело?

— Дело?

— Разве тебя это волнует?

— Да-а, — изумил меня Лид и уложил голову на локоть. — Съедин не правит так... Он... месть, мстит. И... у него нет... Границ. Плохой король, — заключил он по-варсотски.

— Может, он, конечно, и, как ты говоришь, ратсанатла ицаса, плохой король, но и народ тут, судя по тому, что ты рассказал, не очень-то. Он вроде и не против Съедина... Да вообще, зачем ты вдруг так в это вмешиваешься? Неужели тебе жалко каких-то простолюдинов?

— Не жалко, — признался Лид честно, но вроде бы неохотно, и снова, лежа, сделал загибающий жест одной рукой, добавив:

— Моя-а страна. Должен.

— Да чего ты им должен-то, если они тебя сами свергли и заколдовали? Ты все равно давно не их король.

— Неа-а-а, — протянул Лид по-русски. — Соня, я всегда король. Только я сам могу решить, что нет. А если не решил, я должен пробовать делать лучше... Моя страна.

Я прямо залюбовалась им и заслушалась его прекрасной и величавой речью, которую не портило даже то, что во время нее он лежал на боку и

косил на меня одним глазом, поэтому ничего не ответила, пока он меня не окликнул:

— Соня-а? Ты спишь?

— Ой, извини, Лид... Нет, не сплю. Ну ладно, я поняла, у тебя здорово развито чувство долга по отношению к своей стране. А как у вас успехи в свержении Съедина?

— Еще до-о-олго-о-о, — уверил меня король и вдруг добавил, улыбаясь:

— Тебе еще мно-ого будет скучно быть на наших разговорах.

— Мне не было скучно, — покраснела я от королевской пронизательности. — Но я ничего не понимала, вы очень быстро говорите.

— Учи-и, — просто отозвался на это Лид.

— Сама знаю, — вздохнула я и, закрыв глаза, отвернулась от жара, который испускала печь. Король не стал со мной больше говорить, и вскоре я заснула.

Первые полторы недели нашего проживания в стане заговорщиков мы с Наткой запомнили плохо: приходилось бесконечно учить язык, поэтому мы мало обращали внимание на окружающую обстановку. Лид каждое утро куда-то отлучался, как и большинство остальных его людей, но обязательно оставлял кого-нибудь присмотреть за нами. Чаще всего это был все тот же Геф или пожилая полная женщина не-колдунья, Иматса. Ближе к вечеру обычно к дому начинали подтягиваться со своих таинственных заданий заговорщики, усталые и довольно грязные. К нашему удивлению, Лид тоже являлся примерно в таком же виде и чаще всего приносил с собой какую-нибудь еду. Дальше, после торопливого обеда, мы до самой темноты занимались языком, а потом король обычно удалялся на очередное собрание, где подводились итоги и строились планы действий. Я, наученная горьким опытом, уже не пыталась сопровождать короля туда и просто сидела в комнате, болтая с Наткой и иногда Гефом который очень нами интересовался. Благодаря ему мы приобрели опыт в разговорном варсотском, однако заодно набрались слов и интонаций, от которых Лид неизменно морщился, хотя нас почему-то не поправлял.

Вечером десятого дня король, как всегда, отбыл на собрание, а мы с Наткой и Гефом сидели наверху, болтая о том-о сем. Вдоволь порасспрашивав нас о нашем мире, подросток сменил тему на более ему интересную, судя по загоревшимся глазам.

— Соня, ты давно знаешь Рета? — спросил он у меня.

— Немного больше вас...

— А Расскажи, почему он так говорит?

— Как?

— Смешно, — сообщил Геф и в доказательство заржал, показав большие желтоватые зубы. Натка проворчала:

— Ага, смешнее некуда...

— А почему смешно? — обиделась за короля я. — Он говорит нормально.

— Неа, смешно. Сейчас уже не так смешно, а вначале — очень. У меня был дедушка дедушки, который говорил чуть-чуть похоже...

— А, понятно, — вырвалось у меня, и тут Натка тоже закатилась.

— Представляю, — выдавила она по-русски. — Приходит наше величество к Гефу и говорит ему: «Соблаговоли, отрок, принести яства ко мне в светлицу, а после изыди, не мешай думам моим»...

— Да ладно тебе, Нат.

— А что, не похоже, думаешь? Спорим, это для них звучит именно так!

— Рет очень странный, — вмешался в нашу беседу Геф, которому надоело слушать незнакомый язык. — Но умный, — добавил он с почтением. Я разулыбалась, будто похвалили меня. Натка хмыкнула и поинтересовалась на ломаном варсотском:

— Геф, а что вам этот умный Рет придумал? Как свергать Съедина будем?

— А-а, — Геф зажмурился от досады и даже стянул с себя свою верную кепку. — У нас много планов было. И я предлагал, и Корант, и Вар, и Кут... Рет сказал, что это все ерунда. Что не получится. А как получится? Мы хотели попробовать, а он не разрешает...

— Почему?

— Много погибнет, говорит. Подумаешь, погибнет! — добавил Геф с таким обиженно-недоуменным видом, будто сам лично гиб каждый день вместо завтрака, обеда и ужина.

— Гм, — сказала Натка, переглянувшись со мной. — Действительно, подумаешь... И что же вы делаете, если он не разрешает вам гибнуть?

— Разве-е-едку, — отозвался Геф, скорчив унылую физиономию. — Смотрим, что делают Съединовы прихвостни, где они ходят, других людей к нам приводим. Рет говорит, надо, чтобы много, что если нас мало, вообще ничего делать нельзя.

— А сколько нас? — машинально спросила я. Геф почесал в затылке и изрек:

— Я не особо считал, но уже больше трех сотен, да. Больше колдунов, как я. Рет хорошо знает всякую историю, — оживившись, принялся

рассказывать он. — Говорит, что если будет много слабых колдунов, то можно победить даже Съедина. Но нужно что-то хитрить для этого... А зачем хитрить? Можно же сразу наброситься и как вцепиться в него, как навести на него боль, чтобы голова прямо отвалилась, и как...

Свирепые разглагольствования Гефа прервал громкий стук ног на лестнице. Дверь приоткрылась, в нее всунулась голова ушастого парнишки по имени Вар. Тот что-то так быстро и испуганно выпалил по-варсотски, что мы не поняли ни слова, зато Геф понял, вскочил и молча побежал к двери.

— Э, куда, чего там у вас? — закричала Натка, бросаясь следом вместе со мной.

Кубарем мы скатились вниз и почти сразу остановились. Под разрушенной лестничной клеткой на этот раз было полно народу. Народ этот стоял и сидел на корточках, образуя круг, а в его центре без движения валялось двое молодых колдунов. Кажется, их звали Кут и Аф. У Афа не было никаких видимых повреждений, однако он не шевелился и даже не моргал, зато у Кута, как я с ужасом заметила, вся рубашка пропиталась непонятно откуда натекающей кровью. Видимо, ребят притащили только что, потому что варсоты толклись над ними, мешая друг другу. Лида почему-то не было. Геф тоже ринулся в самую гущу толпы и вместе с несколькими колдунами вцепился в Афа, видимо, пытаясь магическим образом привести его в себя. Другие переворачивали Кута, мрачно переговариваясь:

— Че там было?

— К полиции полезли. Девушек для Съедина она собирала на посудном заводе... А еще двое наших там было, так их прямо на месте...

— Рет с Корантом идут! — с надеждой сказал кто-то.

И точно: из полутьмы возник король с напряженным лицом и старик-колдун. Они быстро пролезли сквозь толпу и присоединились к манипуляциям других колдунов. Точнее говоря, присоединился скорее старик, а Лид лишь слегка пощупал вначале одного раненого, потом другого, что никак не отразилось на их состоянии, и остался просто вхолостую сидеть на корточках, в то время как Корант, крича, пытался что-то сделать. Кажется, у него вышло, потому что Аф дернулся и пару раз моргнул, но вот Кут не двигался и становился все бледнее.

— Лид, кровь ему надо остановить! — не выдержав, заорала я. — У вас что, нечем?!

— Кроме колдовства, нечем, — отозвался Корант со вздохом. — А колдовство у нас, Соня, не такое сильное, как было у королей в

древности... Впрочем, короли все равно бы никого лечить не стали.

— Лид, так значит, надо... — снова начала я, но король, не глядя на меня, бросил:

— Уходи вверх, не мешай.

Натка потянула меня за руку. Я неохотно подчинилась, и мы ушли в верхнюю комнату.

Впрочем, одни мы оставались недолго. Король явился где-то через двадцать минут и молча хлопнулся на свою циновку. Следом за ним вошел Корант. На лицах обоих явно читались плохие новости, но я все-таки спросила:

— Лид, ну что?

— Аф жив, — информировал король по-русски. — Трое остальных погибли. Опять.

— Как это «опять»? — не поняла я.

— Много гибнет, часто, — Лид махнул рукой с видом почти что пренебрежительным, но я заметила, что его что-то сильно беспокоит, хотя, возможно, и не гибель конкретного простолюдина. Корант, кажется, тоже это заметил, потому что, хоть и не понял, о чем мы говорим, но сказал:

— Рет, ничего не сделаешь. Это еще малые жертвы. Мальчишки зря сунулись, но с другой стороны, если бы мы не совались, Соня и Ната тоже бы сейчас с нами не были... — он кивнул на нас. Лид покосился на меня и тут же отвернулся, ничего не ответив старику.

— Главное, нас все равно становится больше, — продолжал тот неизвестно зачем успокаивать и так спокойного с виду короля. — Надо еще немного подождать, пока Съедин утратит бдительность, и наши жертвы для него как раз означают, что у него нет серьезных врагов.

— Ну-ну, а в этой стране, оказывается, не одни короли такие обалденные гуманисты, — проворчала Натка, придвигаясь ко мне и обнимая руками колени.

— Возможно, это означает правильно, — сказал тем временем старику наш пессимистичный король. — Время прошло, но лучше не становится. Только хуже. Я знаю Съедина, он не утратит бдительность. Его можно иногда отвлечь, но ненадолго. И он очень сильный высокородный колдун.

— Да, ты прав. Провалились бы они, эти высокородные! — наконец, поддавшись чувствам, оскорбительно для Лида воскликнул Корант. Лид пожал плечами и чуть улыбнулся, но этой улыбки старик не заметил, поскольку уже успел, что-то мрачно бормоча, покинуть комнату.

— Планов, как победить Съедина, у вас, значит, нет? — нарушила я установившееся после его ухода молчание.

— Наоборот. Слишком много, — буркнул король. — И все они не очень хороши и могут не получиться. Я не понимаю, как использовать своих простолюдинов, — поделился он со мной с сокрушенным видом дрессировщика, у которого обезьянка плохо выполняет трюки. — Конечно, они способны причинить вред высокородному, но скорее по случайности, как это вышло со мной...

— Ну конечно, раз плебеи, так по случайности, — хмыкнула Натка. — Это у высокородных все по плану.

Я отмахнулась от подруги и в напряженном раздумье уставилась на короля.

— Слушай, Лид. А их нельзя научить колдовать, как вы... посильнее?

— Конечно нет, Соня. Они же плебеи, — на этот раз в ответе Лида вместо обычного превосходства послышалась скорее мрачная покорность обстоятельства м.

— Эм-м, ну а если... — снова начала я, но тут в дверь всунулась чья-то голова и озабоченно позвала «Ре-ет». Король со вздохом поднялся с циновки и вышел, оставив нас с Наткой ломать головы в одиночестве.

Впрочем, ничего толком надумать нам не удалось. Король вернулся поздно, общаться не пожелал и тут же заснул, как всегда, чуть ли не в обнимку с печкой. Мы, от делать нечего, тоже улеглись.

На следующее утро, когда Натка еще спала, я решительно поймала Лида, который уже хотел было смыться, и потребовала взять меня с собой на улицу.

— Зачем, Соня? — поинтересовался король без энтузиазма.

— Я свихнусь в четырех стенах скоро, вот зачем, — в сердцах сказала я по-русски. — И хочу развеяться, может, какие мысли в голову придут.

— Я, Соня, каждый день так развеиваюсь, однако ничего особенного не приходит, — Лид усмехнулся и шпанским жестом нахлобучил свою национальную плоскую кепку.

— Ну и что, — отозвалась я, подавив хихиканье. — Так ты можешь меня взять в город, или это опасно?

— Тут везде опасно... Хорошо, пошли. Но надень что-нибудь здешнее, будь возле меня, никуда не отходи и с простолюдинами ни о чем не разговаривай. Понятно?

— Да понятно, понятно, — протянула я, скорчив гримасу, и пошла выпрашивать у ребят «здешнюю» одежду.

С одеждой меня выручил все тот же Геф, дав напрокат сменные предметы своего гардероба. Десять минут спустя я предстала перед королем в широких серых штанах на подтяжках, слишком длинном

пиджаке и с плоской кепкой на голове, с тревогой ощущая, что похожа в этом наряде не столько на девушку, сколько на пугало среднего рода. Королю мой вид тоже не понравился: он проворчал, что нужно было взять женский костюм, но теперь уже нет времени, так что и так сойдет, и быстрым шагом направился к двери. Я, наступая на штаны, засеменила следом.

Наконец-то, впервые за много дней, я покинула пределы нашего дома и заморгала от яркого света утреннего солнца. Было не очень-то тепло, но сухо, слышался отдаленный шум города. Мы остановились на пороге и обменялись взглядами из-под кепок, после чего король мертвой хваткой вцепился в мою руку и потянул меня куда-то вдоль по переулку.

Переулок вскоре кончился, упершись в улицу с очень разрушенными и осыпавшимися домами. Изредка попадались прохожие, одетые бедно, как мы с Лидом, машин и велосипедов не было, а дорога наполовину заросла жухлой травой, пробивающейся между булыжниками. Король волок меня все дальше, а вид города становился все непригляднее: видимо, мы опять попали на окраину либо просто в бедный район. Городские дома стали перемежаться низенькими деревенскими, по обочинам паслись тощие лошади-альбиносы и лисособаки. Издавая странные звуки, будто полоща горло, вдоль низеньких оград вперевалочку шествовали толстые и серые взъерошенные птицы с мощными клювами и длинными узкими хвостами, волочащимися по пыли. Размером они были больше индюка, но, к счастью, агрессии не выказывали — хотя, может быть, просто потому, что рядом со мной шел король. Я, выворачивая шею, разглядывала дома и мелкие огородики, мимо которых мы проходили. Увиденное живо напомнило мне наш обычный совхоз: в огородах, скрючившись, обрабатывали почву варсотки. Другие варсотки развешивали белье, выбивали циновки, собирали плоды, загоняли животных... Примерно этим же занимались и замызганные дети разных возрастов. Мужчин почему-то не было видно.

— Лид, а мужчины-то где? — подергала я королевскую руку. Король глянул на меня из-под сени кепки.

— Работают. Здесь заводы, фабрики. Стале...литейный, посудный, деревообрабатывающий... Если я правильно сказал.

— Правильно. А мы-то куда?

— Сейчас, — ничего не объяснил король и кивнул вместо приветствия старой варсотке, поздоровавшейся с ним через забор. Я думала, что сейчас мы войдем в ее домик и займемся какой-нибудь подрывной деятельностью, но не тут-то было: мы двинулись дальше.

Мощеная дорога, наконец, совсем исчезла и превратилась в две колеи

из черной засохшей грязи. Эти колеи завели нас к довольно-таки странному жилищу. Видимо, в свое время это был старинный каменный дом, но с тех пор его так переделали и приляпали столько пристроек, что теперь даже трудно было понять, сколько в нем этажей. Кажется, местами все же было четыре, а вот другими местами — два. Судя по количеству обработанной земли рядом с домом и многочисленному сушащемуся на палках белью, в доме проживало несколько отдельных семей. Шумная куча мелких детей, не обращая на нас внимания, играла с двумя лисособаками, полная варсотка в аккуратном коричневом платье, засучив рукава, мыла посуду в чем-то вроде колодца с высоко стоящей водой.

— Авилекса-а, — вежливо обратился к ней Лид. Женщина подняла голову и как-то добродушно-жалостливо улыбнулась.

— А, Ре-ет, ави...

Король отпустил мою руку и подошел к ней. Между ними начался негромкий разговор, который я не успела понять из-за того, что не могла быстро переключиться с русского на варсотский, да еще и лезли в уши визги детей. Но вид у Лида, внимательно слушающего варсоткины слова, был крайне серьезный. Похоже, ему сообщались какие-то тайны. Посреди разговора варсотка вопросительно показала на меня и что-то у короля спросила. Тот сделал неопределенный жест, наверное, означавший, что я пока еще новенькая в организации, поэтому серьезных поручений мне давать нельзя. Я тряхнула головой и решительно пошла к ним, чтобы, наконец, услышать, о чем они говорят. Но как раз в этот момент женщина снова вернулась к стирке, а Лид сказал мне «пойдем» и двинулся в сторону серой пристройки-сараюшки. По дороге он зачем-то снял кепку и повесил на руку пиджак. Возле сараюшки кучей лежали корявые и покрытые мхом древесные стволы. Рядом в землю был воткнут здоровенный инструмент напоминающий помесь топора-колуна и секиры. Ручка его была в середине странно изогнута, наверное, чтобы удобнее держать. Я хотела было пощупать это орудие труда, но Лид меня опередил. Быстрым и каким-то привычным движением выдернув секирищу из земли, он примерился к толстому куску ствола и одним ударом расколол его вдоль.

— А... — начала я.

— Хрясь! — сказала очередная деревяшка.

— Лид, э...

— Хрясь! Хрясь!

— Слушай, а ты...

— Хрясь!

— Лид!

— Ну что? — наконец-то откликнулся король, опуская топор.

— Ты чего делаешь?!

— Дрова рублю, — ответил он вполне серьезно, не понимая невольного юмора своего ответа, и продолжил хрюскать.

— А... — помолчав, снова начала я. — ...А зачем?

— А откуда, ты думаешь, у нас берется еда? — отозвался Лид вопросом на вопрос.

— То есть мы на нее зарабатываем?! — выпучила я глаза.

— Не мы, а я, — поправил меня король. — Тебе работать не нужно, если тебя это беспокоит.

— Не беспокоит, а удивляет! Причем, нет слов, как! Ты же высокородный! Ты же этот... — от волнения я напрочь забыла, как будет «король» по-русски и докончила: — Ратсанатла-а!

— Тише, Соня, ты что! — зашикал на меня король, тревожно и быстро оглядываясь. — Если хочешь кричать, кричи хотя бы на русском...

— Извини. Но как же твоя высокородность?

— Так же, — Лид пожал плечами. — При чем тут она? Нам нужна еда, колдовать я здесь не могу, воровство привлечет внимание, значит, нужно работать.

— Логично, — согласилась я и почесала под теплой кепкой взмокший затылок. — А тебе не стыдно того... Брать что-то у простолюдинов?

— Брал у простолюдинов я и при своем правлении, — вдруг рассмеялся Лид. — А понятия о высокородных у тебя все-таки немного... Народные. Плебейские.

— Как ты научил, такие и понятия, — сообщила я злорадно. Лид расколол еще три бревна, воткнул секиру в землю и встал выпрямившись и поставив на нее одну ногу.

— Высокородность не снаружи, а внутри, — начал он лекцию на бойком русском. — Она есть, и ничто на нее влиять не может. Это как кровь: что ни делай, она будет всегда такой же.

— Ну почему же, если жесткая космическая радиация... — начала я, опять усаживаясь на своего астрономического конька. Но Лид меня явно не понял и просто слабо улыбнулся, глядя мне в глаза.

— Ну ладно, — сказала я, махнув рукой. — Руби... А может, кстати, и для меня работа у хозяев найдется?

— Работы у них много, но пока лучше будь рядом со мной.

— Да мне скучно, что я буду сидеть... Значит, вы просто ходите на работу? Людей не агитируете, листовки не клеите?

— И просто, и не просто, — отрывисто выдохнул король, снова

начиная рубить дрова. — Со всеми людьми, которые сейчас с нами, мы познакомились так. Сейчас стало легче. Другие приводят. Но мне не очень нравится. Я ведь должен каждого посмотреть...

— Зачем?

— Я понимаю простолюдинов, но мало кому доверяю. Хорошо, что обычно они скорее глупые и неразвитые, чем хитрые.

— Угу, — вздохнула я. — Классно...

Король вкалывал, в прямом и переносном смысле, еще часа два практически без отдыха. Я поочередно отсиживала себе ноги и разминала их. Мы болтали о чем попало, в основном обо всяких пустяках, а мне все время казалось, что разговор вот-вот должен повернуть на что-то важное: например, на то, как все-таки свергать Съедина, или на то, сильно ли король скучал по мне эти четыре месяца...

Но ничего такого не прозвучало. Дрова кончились, Лид аккуратно облачился обратно в кепку и пиджак, и мы пошли к варсотке за платой.

— Сегодня опять плачу едой, — виновато улыбнулась она, суя королю корзину. — Денег нет.

— Еда тоже хорошо, но деньги нам завтра нужны, — сообщил Лид своим обычным непререкаемо-королевским тоном.

— Постараемся, Ре-ет, — снова улыбнулась варсотка. — ...А вон как раз Енг пришел, ты иди спроси его, может, ему плату дали... Он хотел тебе что-то в своей леталке показать.

При слове «леталка» Лид слегка переменялся в лице и уставился на дорогу, по которой к нам приближался кто-то маленький и худенький — наверное, тот самый Енг.

— Лид, — шепнула я с любопытством. — Что это за леталка такая?

— Увидишь, — шепнул король в ответ. — Авилекса-а, Енг.

— Ави, Ре-ет! — очень обрадовался пришедший. Он оказался совсем молодым человеком — наверное, ему не было и двадцати пяти. Судя по ровного чайного цвета глазам, колдуном он не являлся. — А это кто?

— Соня, — представилась я.

— Я Е-енг, — рассеянно кивнув, парень тут же забыл про меня, повернулся к королю и, захлебываясь, затараторил:

— Представляешь, Ре-ет, он вчера заработал! Правильно ты мне подсказал! Теперь бы вот с углом наклона крыла разобраться, и полетит, а топливо-то я достал! Не очень, конечно, чистое, но чистое где найдешь, и дорого...

— Кто полетит? — перебила я его.

— Енг делает самолет, — пояснил король с индифферентным видом.

— Именно что самолет! Который будет летать сам! — подхватил парень. — Без помощи колдунов! Ре-ет сказал, что помогать мне своим волшебством не будет!

— Конечно, этого мне еще не хватало. Если я помогу, он, возможно еще и взлетит, а потом упадет, и тогда жертв будет больше, чем когда он просто взорвется от твоего неаккуратного обращения с топливом.

— Ре-ет, ты всегда такой веселый, как погребальный гонг! — зашелся смехом Енг. — На самом деле, Соня, он и не может мне помочь, это учиться надо специально... Это же так полезно будет для нас: свой самолет, без специально обученных колдунов, на котором может кто хочет...

— Упасть.

— Летать, Ре-ет, летать. Ну, идем, — Енг широкими шагами двинулся к очередной серой сараюшке, которая притулилась у стены дома.

Оказалось, что сараюшка была сквозной и вела она через дыру в стене в большой промозглый подвал. Резко воняло чем-то немыслимым вроде смеси бензина и горелой резины, а свет из мелких окошек сосредотачивался на дикой конструкции, которая, вся в веревках и подпорках, покоилась посреди подвала.

С некоторым усилием в конструкции и правда можно было признать самолет с открытой кабиной и четырьмя фанерными крыльями. Нечто похожее на пропеллер с сильно изогнутыми лопастями располагалось посреди конструкции, в носу, а может, наоборот, в хвосте, потому что я не разобралась, где у самолета перед и зад.

Енг, забыв про нас, стремглав бросился к своему детищу, мгновенно извлек откуда-то бочонок и начал булькать какой-то жутко вонючей жидкостью поблизости от мотора.

— Смотрите, как работает-то он! — выкрикнул через плечо изобретатель и принялся изо всех сил вращать какую-то ручку. Самолет издал бешеный треск, непонятно откуда полетели крупные искры, и все мгновенно заволокло черным дымом. Я закашлялась, Лид схватил меня под мышки и быстро вытащил из подвала. Мы молча постояли на улице, протирая глаза, стряхивая копоть и поджидая Енга. Он вылез минут через пять, весь продымленный, с черными руками и, кашляя, изрек:

— Ну, почти заработало! Это еще на каком плохом топливе! Вот если бы достать хорошего... Мы вчера когда с Лунгом, Рином и Марантом его испытывали, ребята сказали, что...

— Ты деньги получил? — прервал его прозаичный король. — Я колот твоей матери дрова, а плата опять едой. Деньги мне тоже нужны. Точнее, не мне, а нам.

— Ага, Ре-ет, я понимаю, — Енг довольно безуспешно попытался вывести на лице озабоченность и серьезность. — Но нам пока не платили. Поэтому и работа стоит... А ты не мог бы очистить мне топливо, а?

— Нет. Кто-нибудь из вашей компании должен приходить к нам на собрания, — сурово выговорил парнишке король, понизив голос. — Иначе какой от вас толк?

— Да мы хотели вчера прийти, а он вдруг как заработал, это же редко бывает, мы про все забыли... — развел Енг черными руками.

— Понятно. Пойдем, Соня, уже поздно.

Обратно мы шли молча. Корзинка с едой поскрипывала, начавшее клониться к закату солнце грело мне спину.

— Оказывается, у нас в организации и изобретатели есть? — сказала я, когда мы уже входили в наш дом.

— В нашей организации вообще состоит много простолюдинок, которые стали бы хорошими придворными шутами, — отозвался король неодобрительно, — но что это дает нам? Помнишь, ты просила меня определять свои чувства?

— Ну? — отчего-то заволновалась я.

— У меня сейчас это сомнения, страх, — отдельно произнес он, сдвигая брови. — Что-то может пойти не так при любом из наших планов, а второй раз... Не переделает. Съедин не даст.

— Лид! — воскликнула я, не выдержав, и остановилась у разрушенной лестницы. — Ты своим пессимизмом только все портишь!

— Пессимизмом?

— Ты все время говоришь, что ничего не получится, и ждешь чего-то плохого, — объяснила я. — Ну нельзя же так!

— А как можно? — заинтересовался король. Интерес его, кажется, был искренним. Я приободрилась от того, что он воспринимает меня всерьез, и заговорила поспешно и радостно, как пресловутый изобретатель самолета:

— Нужно искать всякие оригинальные возможности! Чем больше у нас будет неожиданностей задумано, тем лучше! Если этот его самолет действительно полетит, то будет здорово! Использовать его можно по-всякому. Хоть на разведку летать, хоть кирпич с воздуха на голову Съедину бросить! — я показательно взмахнула кулаком и продолжила:

— И зря ты даже не пробуешь поучить других колдунов набирать силу так, как ты это умеешь! А вдруг они научатся?

— Не научатся, Соня. Набирать силу могут только высокородные.

— Это я уже слышала. А ты это вообще проверял? Только честно?

— Нет.

— Так вот и давай проверим!

— Соня, я, наверное, опять сейчас буду называться пессимистом, — сказал Лид с легкой королевской улыбкой, — но научить плебеев набирать силу невозможно...

— Ну а если вдруг получится? Попробовать-то можно?

— От попробовать могут быть проблемы. Во-первых, из-за этого они могут догадаться, кто я, и неизвестно, чем это закончится. Во-вторых, если мы будем неосторожны, то привлечем колдовством шпионов Съедина. В-третьих, если даже предположить, что что-то получится, то нельзя обучать кого попало. Нужны проверенные и неагрессивные простолюдины. И умные, по возможности.

— А вот Корант, — предложила я недолго думая. Лид мотнул головой.

— Нет, он хорошо знает историю. Нужны умные, но неграмотные. И при этом неболтливые.

— Ну тогда Вург, Ли-итса, Мад...

— Подойдут, — кивнул король и, посмотрев на меня с чем-то вроде почтительного удивления в глазах, добавил:

— Спасибо, Соня. Хорошо, что ты пришла сюда. Твой опыт близкого общения с простолюдинами сейчас как раз пригодится.

— Именно поэтому и хорошо, что я пришла? — хмуро уточнила я, но мой сарказм пропал даром, потому что король не уловил значения фразы и, снова непонимающе улыбнувшись, попросил:

— Соня, скажи еще раз, по-другому. Я понял почти все слова, но смысл...

— Не было там никакого смысла, Лид, — махнула я рукой и привычно полезла по крутой лесенке в нашу комнату. Король, к которому как раз с каким-то вопросом подошел Корант, остался внизу.

Натка в мое отсутствие не скучала — это я поняла, едва зайдя в комнату, где подруга уже немного охрипшим голосом говорила с Гефом, который, болтая ногами, сидел на остывшей печке. Увидев меня, он неожиданно откашлялся, выпрямился, поспешно сполз на пол и стянул с головы кепку.

— Геф, привет, ты чего? — поинтересовалась я рассеянно.

— Да это... Меня Ре-ет пропесочил давече, — со вздохом признался подросток. — Что я при тебе в кепке хожу и сижу где попало.

— А при мне все это можно? — спросила Натка.

— При тебе можно, а при тебе, Соня, вроде как нет, потому что ты же евойная девушка. Он вообще такой на воспитании, кажись, малость чокнутый, а?

— Как есть чокнутый, — хором подтвердили мы с Наткой и со смехом переглянулись.

— Ну ладно, пойду, — солидно сообщил Геф, прислушавшись к каким-то звукам внизу, и пошел к двери. — Давайте, значит...

— Эй, свет-то нам зажги, а то темнеет уже! — крикнула ему в спину Натка. Геф разболтанным жестом поднял одну руку и сделал ей ленивое крутящее движение. Под потолком завертелся синеватый колдовской огонь, а подросток скрылся за дверью.

— Ну чего, Сонька? — сказала мне подруга. — Где вы были-то?

— Дрова рубили, — вздохнула я и коротко пересказала ей события этого дня, а также мой разговор с пессимистичным королем. Натка послушала и согласно затрясла головой:

— Правильно ты говоришь, Сонька, мне тоже кажется, что наше величество перестраховывается. Ты на него можешь влиять, так что давай начинай пилить, чтобы он своих все-таки попробовал магии выучить. А то мы тут год просидим еще!

Пламенную Наткину речь прервал громкий скрип двери: появился Лид. Натка скромно отвернулась куда-то в угол, а я вскочила с циновки и, осуществляя подружны указания, прицепилась к королю:

— Лид, ну почему бы все-таки не обучить твоих простолюдинов магии? Разве трудно попробовать? Ну не получится, тогда и...

Лид глянул на меня удивленно расширенными глазами и вздернув брови.

— Соня, ты потеряла память от разговоров с простолюдинами или думаешь, что ее потерял я? — поинтересовался он по-варсотски. — Мы же только что об этом говорили и даже решили, кого выбрать для обучения.

— Гы-ы-ы, — вырвалось у Натки. — Ой, ладно, молчу, ваше величество, не косись ты на меня...

Лид, не удостоив ее ответом, уселся на циновку рядом со мной и положил вытянутые руки на колени.

— Теперь у нас проблемнее-емы, — перешел он на русский. — Нужна мотивация.

— Какая?

— Откуда я знаю, как набирать силу?

— Ну, догадался.

— Плохо.

— Ну, э-э-э... Научился у кого-то.

— У кого?

— У кого-нибудь, кого потом убили! — лихо предложила Натка.

Король поморщился, одним движением руки взъерошил себе прическу, а другим — пригладил ее обратно и отрезал по-варсотски:

— Недостоверно.

— Что он сказал? — спросила у меня немного недоучившая язык Натка.

— Не пойдет, — хором перевели мы с Лидом, после чего король изрек с сомневающимся видом:

— Письменный источник...

— Это мысль, — согласилась я. — Нашел какую-то книгу, где рассказывается, как набирать силу... Кстати, такие книги есть?

— Нет.

— Так как же...

— Придется написать, — со вздохом пришел к выводу Лид. — Мой стиль письма для сегодняшних простолюдинов как раз старинный, бумагу старую найду. Если будете мне помогать, это получится быстро.

Обрадованные, что король вновь вошел в деловое русло, мы с Наткой истово закивали. Спустя мгновение подруга встала у двери на стреме, чтобы предупредить нас условным пением, если кто начнет подниматься по лестнице, а мы с Лидом устроились за столом на единственном стуле. Король порылся среди своих документов и извлек несколько листов великолепно желтой, рваной и отсыревшей бумаги.

— Здорово, — одобрила я. — А не узнают?

Лид пренебрежительно махнул рукой, выражая таким емким образом нелестное мнение о своих бывших подданных, взял подобие перьевой ручки, которой писали варсоты, и несколькими движениями раздраконил ее, расщепив перо так, что оно стало давать толстую неуклюжую линию. Проигнорировав услужливо пододвинутую мною чернильницу, он встал, прошествовал к печке, глубокомысленно поковырялся в ее жерле и вытащил несколько углей. Измельчив их дном все той же чернильницы, он принес чашку, налил в нее воды, бросил кусочек сухого клея, угольный порошок и удовлетворенно размешал получившуюся субстанцию.

— Здорово, конечно, — согласилась я, разглядывая странную кашку. — Но зачем так надрываться? Бумагу-то ты все равно не стал менять.

— Я не надрываюсь. Мне просто так привычнее писать, — дал потрясающий ответ Лид и, зажав изуродованное перо в левой руке, принялся выводить на листе что-то вроде развесистого вензеля.

— Лид, разве ты левша?! — изумилась я. Король вздрогнул, посадил кляксу и уставился на меня.

— Что? Кто я?

— Ты пишешь левой рукой? Это называется левша. Вроде бы меч ты держал в правой...

— Понятно... — король снова склонился над листом. — Нет, я не левша и не прав...ша, если я правильно произвел это слово. Я одинаково владею обеими руками, как все высокородные. Обычно пишем мы левой, а воюем правой, так удобнее. Перестань отвлекать меня, Соня.

— Пожалуйста, — обиделась я и уселась на циновку. Король продолжал с противным визгом водить пером. Я приготовилась скучать, но не тут-то было: Натка у двери вдруг заорала диким немзыкальным голосом:

— Ой, цветет калина в поле у ручья!!!

Я вскочила, король отбросил перо, мгновенно куда-то дел чашку с чернилами и бумагу и отпрыгнул от стола. Несколько секунд мы все тяжело дышали, после чего Натка смущенно глянула на нас, пожалала плечами и сообщила:

— Пардон, ребята, наверное, просто кто-то близко от лестницы прошел.

Я молча плюхнулась обратно на циновку, король также воздержался от комментариев и залез за стол. Минут через пять мне стало любопытно, чего там натворил Лид, я на цыпочках отправилась смотреть. Оказывается, король успел вывести развесистую заглавную буквицу, оформить витиеватую рамочку и настрочить две трети страницы аккуратных каллиграфических закорючек.

— Думаю, делать больше пяти страниц нет смысла, — сообщил он, не поворачиваясь. — Можно представить их как отрывок из одной книги.

— Ага, а еще надо придумать, где ты эту книгу нашел.

— Это не так трудно. В здешних старых домах много подобных вещей...

— Ой, цветет калина!!! — вдруг раздался вопль Натки от двери. Мы с королем попытались одновременно схватить чернильницу, спутались руками и чуть не стукнулись лбами. Помимо этого, кто-то из нас перевернул стул.

— Да тише, вы чего! — зашипела подруга. — Я же перестала петь! Ложная тревога.

— Знаешь, Натка... — посмотрел на нее Лид. — В следующий раз пой тише и тогда, когда действительно кто-то поднимается.

— Ты сам бы тут постоял, — вздохнула подруга. — Тут каждый звук чем-то не тем кажется...

Король ничего не ответил и со стоическим видом поднял стул.

— Лид, давай я тоже подежурю, а ты работай, — решила я. Он кивнул, и мы с Наткой встали по обе стороны от двери навтыжку, как стражи. Король продолжал подделывать документы, а мы вслушивались в жизнь ночного дома. И вскоре я поняла, про что говорила подруга. Оказывается, вокруг что-то то и дело подозрительно поскрипывало, скреблось, похрустывало и трещало, причем явно непосредственно за нашей дверью. Несколько раз я уже было открывала рот, но Натка трясла головой и шипела:

— Не вздумай, это ветер так слышно! А это просто окно, оно уже полчаса хлопает. А это, по-моему, Корант внизу кашляет, чтоб он пропал...

— А это что за скрип? — тревожно шепнула я.

— Какой?

Будто в ответ подруге, что-то настойчиво заскрипело. Мы обе обратились в слух, пытаясь понять, приближается скрип или отдаляется. Кажется, он вообще не меняется... Или меняется? Нет, он точно стал громче. Значит, кто-то крадется по лестнице?! Может, хочет нас подслушать или еще хуже, подглядеть?! Нет, не знаю, как Натка, а я подам знак!

Вообще-то, я хотела затянуть какую-нибудь тихую благозвучную песню, но все музыкальные произведения с испугу выветрились у меня из головы. Мне ничего не оставалось, как открыть рот и изо всех сил заорать:

— Ой, цветет калина в поле у ручья!!!

Натка, оказывается, в это же время провопила то же самое, только немного громче, слегка фальшивее и с отставанием на полслова. Король за столом подскочил и разлил чернильницу. Мы захлопнули рты, и наступила пронзительная тишина. Именно в этот момент до меня дошло, что так напугавший нас скрип гораздо тише, чем нам казалось, и раздается то ли на улице, то ли где-то на чердаке здания. Я горестно поглядела в выжидающие королевские глаза и, чуть не плача, сказала:

— Показалось...

Лид поглядел на чернильную лужу, снова на нас и вдруг рассмеялся.

— Что вы там слышите? — поинтересовался он сквозь смех. — Может, мне к вам третьим встать?

— Присоединяйтесь, ваше величество! — подхватила Натка, расшаркиваясь на занозистом полу. — Лучшие скрипы и шорохи этого старого противного дома только для вас!..

— Старого? — удивился король. — А, ну да... Просто я помню, как его строили, — объяснил он мне. — Здесь жили высокородные

родственники королевской семьи. Неподалеку находится дворец. То есть находился. Теперь он разрушен, а новое здание парламента довольно далеко отсюда... Уже поздно, давайте спать, — резко закончил он экскурс в прошлое и встал из-за стола.

— А как же рукопись... — заикнулась я.

— Ложись, Соня. Разберемся.

Вздыхая и виновато поглядывая на разжигающего печку короля, мы с Наткой отошли от двери и расположились на циновках. Усталость после длинного дня быстро взяла свое, я уснула, даже не дождавшись, пока уляжется сам король.

...Проснулась я довольно рано, судя по слабому розоватому свету за окном — видимо, солнце только вставало. Его слабые розовые лучи, скрещиваясь с синим светом, испускаемым магическим светильником, создавали экзотическое фиолетовое освещение. При нем довольно хорошо было видно Натку, сладко спящую крестом, выбросив руки и ноги за пределы циновки, и Лида, сидевшего за столом и бодро поскрипывающего пером. Помимо этого, он вроде бы что-то говорил себе под нос. Позевывая, я отбросила накрывающие меня тряпки и села. Король продолжал скрипеть пером и издавать звуки. Вскоре я сообразила, что он не бормочет, а напевает. Заинтересовавшись, я встала и подошла к столу, чтобы послушать, что поет его величество. Величество старательно выводило по кругу одну и ту же фразу:

— Ой, цветет калина в поле у ручья...

— Доброе утро, — прошептала я, давась смехом.

— Доброе, — согласился Лид. — Ой, цветет... Да почему же я все время это пою? Соня, что такое калина?!

— Ягода такая, наша местная. Песня привязалась, да? У меня тоже так бывает, напеваю и напеваю, никак не отвяжусь... Давай я тебе либо слова этой песни дальше скажу, либо другую напою, тоже привязчивую, например, «Очи черные»?

— Спасибо, Соня, я уже закончил, — король встряхнул исписанными листочками. — Без вашей помощи это пошло несколько быстрее. Теперь мы можем позвать моих простолудинов.

— Что, прямо сейчас? — удивилась я, когда он прошел мимо меня к двери.

— Почему бы нет?

— Так они же наверняка спят!

— Значит, проснутся, — пожал плечами незаботливый король и вышел. Вздыхая, я растолкала очумелую со сна Натку, мы кое-как убрали

постели. И как раз вовремя: в комнату ввалились ровно такие же очумелые со сна Вург, Мад и Литса, подгоняемые бодрым королем.

— Садитесь, — приказал он и занял единственный стул. Варсоты поглядели на циновки, уже занятые мной и Наткой, и остались стоять.

— А чего случилось-то, Ре-ет? — зевая во весь рот, поинтересовалась Литса, высокая сухопарая девица с лицом второгодницы и нечесаными рыжими патлами, торчащими из-под черного платка.

— Угу, — поддержал ее Вург, маленький, чернявый и мрачный мужчина средних лет. Мад, здоровенный детина с грубым лицом и огромными ручищами, ничего не спросил, потому что, кажется, спал стоя. Король смерил их скептическим взглядом, в котором читалось, что ему неохота изощряться во вранье ради каких-то простолюдинов, и небрежно сообщил:

— Несколько дней назад я колол дрова в доме на окраине города и нашел в одном из сараев эту бумагу. Судя по всему, это отрывок древней рукописи, в которой рассказывается, как увеличить свою колдовскую силу.

— И чего? — снова зевнула Литса.

— Я попробовал воспользоваться написанными в ней советами, у меня получилось. Поэтому нужно попробовать научить тому же еще нескольких человек.

— А-а-а... Чему научить-то, Ре-ет? — проснулся Мад.

— Увеличивать колдовскую силу, — терпеливо повторил Лид, вытащил откуда-то из кармана небольшую коробочку и аккуратно выложил из нее маленького жучка местной породы, похожего на долгоносика. Жучок побежал по столу, но небрежный мах королевской руки обратил его в маленькую щепотку пыли. Варсоты вытянули шеи. Литса поскребла ногтем прах, оставшийся от насекомого, и бесхитростно сообщила:

— Да чего его колдовством-то, раздавил бы, да и все.

— Суть не в этом, — ответил король ровным терпеливым тоном. — Я позвал вас не для того, чтобы давить жуков. Жук — это просто пример. То же самое можно сделать с травой и маленькими деревьями. Когда они превратятся в порошок, ваша сила соответственно увеличится, и нам будет легче победить Съедина.

— А делать чего будем? — снова проснулся Мад.

— Будете обучаться, — ответил Лид безо всякой надежды в голосе.

— Я читать не умею, — пробасил Вург сумрачно. — Ты, Ре-ет, на всякие мудрости лучше Коранта позови, он грамотный, типа тебя...

— Я позвал того, кого счел нужным, — процедил сквозь зубы король. — А грамотного типа меня сейчас найти вообще затруднительно.

Садитесь и начнем.

Мы с Наткой сообразили освободить циновки. Варсоты плюхнулись на наши места, без большого пиетета разглядывая короля, который возвышался над ними, помахивая квазистаринными бумажками. Лид, в свою очередь поглядывая на своих простолюдинов с легкой брезгливостью, принялся втолковывать им что-то про то, как держать руки и что напрягать во время колдовства. Мы с Наткой некоторое время мялись возле двери, потом плюнули и ушли вниз. Заглянули к уже проснувшемуся Гефу, позавтракали у него, поднялись по внешней галерее наверх, где помогли двум пожилым женщинам развесить выстиранное белье...

Потом мы занимались еще много чем. Прошло часа три или четыре. К Лиду мы заглядывали за это время раз десять и каждый раз видели одну и ту же картину. То один, то другой из обучаемых стоял возле стола и пыжился, пытаясь изничтожить ползущего по нему жучка. Король сидел по другую сторону, подперев рукой голову, и, когда жук подползал к нему близко, щелчком пальца отправлял его обратно к ученику. В конце концов Натка сказала, что у нее устали ноги, и присела отдохнуть на разрушенную лестницу, а я в очередной раз потащилась смотреть, как у короля дела, хотя надежда моя на благополучный исход эксперимента уже, честно говоря, изрядно подтаяла.

В комнате я появилась в драматический момент: Мад, отчаявшись распылить жучка колдовством, попытался втихую придавить его, за что Лид жестом рассерженной матери хлопнул варсота по руке.

— Ты чего это?! — заорал здоровенный Мад, сжимая кулачищи и явно намереваясь стукнуть Лида. Но что-то в короле остановило его: скорее всего, полное отсутствие страха и брезгливое спокойствие, отражающееся на Лидовом лице.

— Ничего, — помолчав, сказал король. — Значит, обучить можно не всех. Идите.

Мад, Литса и Вург кивнули, попятились и вымелись из комнаты с плохо скрываемым облегчением. Уже за дверью мы ясно слышали громкое Литсино восклицание:

— С ума он совсем сошел: все утро сидеть жуков давить!

— Как видишь, Соня, ничего не выходит, — взглянув на меня, сообщил король чуть ли не со злорадством в голосе. Его вредное настроение тут же передалось мне, и я с ходу отпарировала:

— Ну конечно, а ты, небось, и рад? Тебе и обучать-то их невыгодно: вдруг они правда обучатся, и ты тогда не сможешь все время говорить, что высокородные во всем лучше простолюдинов!

— Соня, ты намекаешь, что я намеренно плохо обучал их? — возмущенно вскинул голову король.

— А я не намекаю, я так прямо и говорю! — заорала я наполовину по-русски, наполовину по-варсотски. — Ты вообще за это взялся, только чтобы я отвязалась! Или чтобы доказать мне, что, кроме тебя и Съедина, других таких сокровищ на свете нет!!!

— Какая моя вина в том, что они необучаемы?! — тоже повысил голос Лид. — Да, мне изначально было известно, что набирать силу могут лишь высокородные, но ты просила меня проверить, я тебе не отказал!

— Ага, так проверить, чтобы наверняка ничего не вышло! Да если бы меня обучали с таким лицом, я бы до сих пор читать не умела!

— При чем здесь лицо? Мне что, нужно было исполнять перед ними песни? Ой, цветет калина?!

Тут мы оба замолкли от хлопка двери: вошла Натка.

— Орете, аж снизу слышно, — сообщила она укоризненно. — На минуту оставить нельзя. Имей в виду, Сонька, тебе выгонять его уже теперь некуда.

— Я его и не выгоняю, — фыркнула я. — Он просто нарочно ничего не хочет делать.

— Почему не хочу? — тут же возник король. — Я не могу! Не могу вложить в простолюдинов свои способности.

— Натурально необучаемые? — озабоченно поинтересовалась Натка.

— Необучаемые в натуре, — бандитски подтвердил король, видимо, неправильно истолковавший значение некоторых русских слов.

— Хм... А это не потому, что они тупые, как валенки?

— Нет, это от ума не зависит. Это не труднее, чем научиться одеваться или готовить. Если бы у них были способности, им бы хватило даже неподробных объяснений, а я объяснял подробно.

— Понятно... — Натка почесала подбородок и переглянулась со мной. — Значит, не вышло, да, Сонька?

— Не знаю, — я вздохнула, но упрямо добавила, не желая уступить королю: — я бы лично еще попробовала, но он, конечно, не станет...

— Какой смысл? — не остался в долгу Лид. — Может быть, в вашей стране простолюдины и склонны упорно пытаться пилить дрова топором вместо того, чтобы попробовать их порубить... Другой способ нужен, Соня. Этот не действует. Либо мои простолюдины вообще необучаемы, что скорее всего, либо, что менее вероятно, я не знаю, как можно их обучить... Эр, ксади ра-а, Корант?

— Опять посудный завод, разгоняли забастовку, — хмуро сообщил

всунувшийся в дверь старик.

— Много погибло?

— Больше двадцати... Пойдем, Ре-ет, я расскажу...

Король молча поднялся и вышел, не глядя на нас. Натка, схватившись ладонями за виски, плюхнулась на циновку:

— Уф, Сонька, как-то все тухло! А Съединовой полиции на улицах все больше становится! И фрейлин он из местных уже кучу набрал, мне Геф рассказывал. Да еще он, говорят, собрался всех жителей поставить на учет, типа перепись. Надо быстрее шевелиться, а наше величество не чешется!

— Да уж, — согласилась я, нервно ходя от стены к стене по скрипучим доскам. — Ну а что делать, Нат? Наверное, Лид для подпольной работы не годится. Он и так своих простолюдинов еле терпит. Лучше, конечно, было бы уговорить его уйти к нам в мир, но мне лично местных жителей жалко.

— Мне тоже, я ж не королева какая-нибудь...

— Ну тогда будем думать дальше, — вздохнула я. Подруга кивнула. Мы закрипели мозгами, но нас отвлек шум внизу, который постоянно усиливался. Потом сквозь него стали прорываться сердитые выкрики и чьи-то рыдания. Я беспокойно заерзала:

— Спуститься, что ли...

— Ага, так нас там и ждали, — хмуро отозвалась Натка. — Сиди, Лид себя в обиду не даст, а от нас все равно никакой пользы не будет.

Хлопнула дверь, и вбежал Геф, на ходу размахивая руками и громко говоря:

— Я извиняюсь, конечно, но все наши думают, что хватит ждать! Ты тут, Ре-ет, сидишь, как король, а этот поганец... А, его тут нету... Привет.

— Привет, — вздохнула я. — Он тоже вниз пошел — может, вы разминутесь?

— Запросто, там народу — тьма, — Геф обмахнулся кепкой и плюхнулся рядом с Наткой. Она сказала:

— Тогда понятно, откуда вопли... А кто там рыдает-то?

— Иматса. У нее сын погиб, — Геф нахмурился, положил кепку и зачем-то засучил рукава, показав грязные исцарапанные руки.

— Слушайте, я вас, конечно, уважаю и все такое, — произнес он, глядя при этом почему-то исключительно на Натку. — Но Ре-ет ваш сейчас вот совсем не прав! Чего мы тут ждем?!

— Он не наш, — буркнула я. — Он свой собственный.

Геф неожиданно понимающе кивнул:

— Да ясно, мы все свои собственные, особенно пацаны. Но вы же, девчонки, как-то можете того...

— А чего «того»-то? — фыркнула Натка насмешливо. — План у нас есть? Или ты предлагаешь просто так толпой пойти ко дворцу и вызван, Съедина на бой? Вот уж он нам устроит.

— Да чего страшного в этом Съедине? Я его раз видел — ему врезать хорошенько, и он готов будет, — горячился Геф. Мы с Наткой переглянулись. Подруга сказала:

— Гм, ну врезать, конечно, тоже идея, но второй раз, наверное, номер не пройдет... Потом у него полно помощников из ваших, колдунов.

— Ну и чего они могут?! Просто не давать им себя трогать, а на расстоянии они — суп без воды! Ничего не сделают, и...

Тут дверь снова открылась, и в комнату ввалились мрачный Корант, еще какой-то полужнакомый мускулистый черноволосый варсот, а потом со своим обычным неторопливым изяществом вплыл Лид. Его спутники не оценив этого изящества и королевской осанки, повернулись и уставились на него, как солдат на вошь.

— То есть, мы опять ничего не будем делать?! — злым голосом начал мускулистый. — Пусть нас дальше убивают?! А ты тут будешь сидеть и указывать?!

— Ты как раз обвинял меня в том, что я мало указываю, — не спасовал король, обходя его и усаживаясь за стол. — И потом, то, что случилось как раз и есть результат того, что вы решили что-то сделать.

— А надо было молча смотреть, как они детей бьют и работниц утаскивают?!

— Молча не обязательно, лучше в таких случаях возмущенно кричать для правдоподобия, — невозмутимо ответил король. Натка сказала шепотом: «ой, елки-палки», я поежилась, чувствуя, что мы того гляди будем иметь дело с кучей злющих простолюдинов... То есть заговорщиков. Мускулистый, глядя на Лида, прошипел, выдыхая сквозь зубы воздух, как мощный пылесос:

— Ты еще и шутишь? Хорошо тут устроился, да? А вот мы тебя с теплого местечка-то столкнем!

— Попробуйте, — отозвался король с непоколебимым спокойствием и некоторым презрением. — Но учтите, что тогда вам придется самим разрабатывать планы и организовывать людей, а это сложнее, чем махать на меня руками.

— А ты тут много наорганизовал?! — взорвался мускулистый. — Ты себе тут королевство организовал! Дожили! Наверху король, внизу король, от обоих один вред!

— Может быть, ты лучше закончишь кричать? — прервал его Лид. —

Какой в этом смысл? Если ты считаешь, что я не на своем месте, смещай меня и предлагай свою стратегию. Если ты стратегии не имеешь и пришел сюда разрядить нервы, то я тебя слушать не буду. Иди вниз.

— А я вообще пойду, — вдруг усмехнулся варсот, сдвинув густые брови. — И мои ребята с посудного со мной пойдут. А ты тут сиди, рисуй планы. Высокородного из себя тут строит! Пижон!

Развернувшись, он широким шагом вышел в дверь и хлопнул ею. Сразу же раздался отдаленный грохот и ругательства: похоже, что разгневанный варсот в ажиотаже от своего поступка спланировал вниз по лестнице. Корант издал тяжелый укоризненный вздох и медленно уселся на циновку рядом со мной, глядя на Лида.

— Если ты хочешь сказать, что тоже уходишь, иди молча и не утруждай себя объяснениями, — предупредил его слова король. Говорил он холодно и очень медленно, отчего мне сразу стало понятно, что он сильно нервничает. Корант вздохнул опять и проговорил:

— Куда я пойду, Ре-ет, ты думаешь, ты один понимаешь, что ничего у такой группы не выйдет? Плохо ведь не это, а то, что наша организация начала разваливаться прежде, чем мы сделали что-то толковое. Я знаю твои аргументы, и, в общем, согласен, что безопаснее еще подождать, но людей тоже нужно удерживать возле себя, иначе недовольных станет больше.

— Люди беспрестанно недовольны не одним, так другим, — возразил Лид со знанием дела. — Нет смысла подлаживаться под них, это никогда не помогает.

Корант покачал головой.

— Ты рассуждаешь так, будто у тебя в распоряжении вся страна, — заметил он справедливо. — А ведь ты помнишь, каких трудов стоило вначале набрать людей. Слухи — это такая сила... Если о нас разойдется дурная слава, то, боюсь, нашей организации придет конец. К тому же, недовольные могут сдать нас полиции. Ты об этом подумал?

— Еще нет, теперь думаю, — мрачно сказал Лид и чуть шевельнул руками, будто бы собираясь что-то наколдовать. Я в тревоге бросила на него взгляд, Корант тоже посмотрел, видимо, что-то решил и со вздохом поднялся:

— Ладно, пойду попробую успокоить людей, что-то они там раскричались опять. Нет, Ре-ет, ты лучше здесь посиди, может, что полезное тебе в голову придет. Думаешь ты всегда хорошо, а с людьми тебе лучше не говорить пока: ты их не особо любишь и это видно...

С тем он и вышел за дверь и заскрипел лестницей. Король, подперев подбородок сложенными руками и слегка сдвинув брови, пробежался

взглядом по комнате и наткнулся глазами на Гефа.

— А тебе что нужно? — спросил он резко. Геф почесал в затылке.

— Да вроде как и ничего, тут уж все сказали. А чего, тебе, Ре-ет, правда, что ли, людей не жалко?

— Не всех, — буркнул король, а Натка добавила шепотом по-русски:

— Это еще мягко говоря.

Король и Геф одновременно бросили на нее взгляды, после чего подросток помялся и сказал:

— Ну ладно, я пойду. Если чего, зовите.

Король ничего не ответил и Геф, потоптавшись у двери, вышел с понурым видом. Мы с Наткой, не сговариваясь, тут же сорвались с места и побежали к королю. Лид в то же самое время как раз поднялся и пошел к нам, так что мы встретились на середине комнаты, дружно попятились и уселись рядочком на мою циновку, лежащую под окном. Пока подруга, собираясь с мыслями, рассеянно ковыряла занозистую серую стенку, я подняла на короля глаза и выпалила:

— Лид, что с тобой такое? Ты ведь всю жизнь людьми управлял!

— Да, и ты видела, чем это закончилось.

— Ага, у его величества комплексы? — протянула Натка, но я шлепнула ее по плечу:

— Да тихо ты. Лид, ты же как-то людей собрал, и слушались они тебя, а сейчас, по-моему, все идет чем дальше, тем хуже.

Король молчал и смотрел, как Натка отковыривает от стены очередную занозу. Глаза его закрыла длинная челка.

— Мы тебе мешаем? — тихо догадалась я. Король тут же повернулся ко мне и радостно подтвердил:

— Да, правильно, Соня. Я как раз пытался подобрать слово.

— Ну и ну, — заморгала я. — Да чем же мы тебе так не угодили?

— Не вы, а ты.

— Знаешь что, Лид, если ты не был рад меня видеть, так и сказал бы сразу, и нечего...

— Нет, я был рад, — прервал меня король и перешел на варсотский, видимо, собираясь выразить какую-то сложную мысль. — Но чем мне радостней, тем сильнее мое... беспокойство, так, кажется.

— А, так ты опасаясь, что с нами может тут что-то случиться из-за мстительности Съедина, поэтому не хочешь ничего резко предпринимать? Слушай, поздравляю, наконец-то ты овладел эмпатией! — обрадовалась я.

— Спасибо, — отозвался король уныло. — Но поздравлять меня с ней не надо, потому что это абсолютно бесполезное простолюдинское чувство.

К тому же, я им не овладевал, оно у меня всегда и было, но применить его было не к кому.

— Лид, так, может, ты и сейчас погодишь его применять? — подняла голову Натка. — А то если ты еще хоть немного расчувствуешься, я боюсь, мы отсюда ноги живыми не унесем.

— Если бы у нас была задача унести ноги, все было бы гораздо проще, — отозвался король сердито, и, повернувшись, уставился на меня с какой-то немотивированной надеждой в глазах. Чувствуя себя обязанной эту надежду хоть как-то оправдать, я поерзала и сказала:

— Слушай, ты, конечно, можешь сердиться, но я опять хочу поговорить с тобой насчет колдовства. Я уверена, мы что-то упустили. Только мы-то колдовать не умеем и не знаем, как это делается. А ты знаешь.

— И что? — подстегнул меня внимательно слушающий король.

— Расскажи, как тебя учили колдовству, прямо как можно подробнее, сколько вспомнишь.

Король поглядел на меня исподлобья, однако покорно забубнил равномерным голосом, снова перейдя на варсотский:

— Колдовству нас никто не учит, мы рождаемся с нужными способностями. Но в детстве они не сильнее, чем у колдунов из простолюдинов...

— В каком детстве?

— Примерно до тринадцати-четырнадцати лет.

— А потом что? Способности возрастают?

— Да, высокородных начинают обучать набирать силу. Сначала на насекомых, потом...

— Погоди, — бесцеремонно прервала его я, похлопав по циновке. — Я не поняла. Так у вас способности возрастают перед тем как вас начинают учить, или до начала учебы остаются такими же?

Лид крепко задумался, взгляд его застыл, и мне показалось, что я увидела в нем тьму древних времен, куда он ушел, чтобы отыскать ответ на мой вопрос. Наконец король шевельнулся и сообщил уверенно и четко:

— Способности остаются такими же. Возрастают только с началом обучения.

— Угу, — сказала я и задумалась, чего бы еще спросить. Натка, пощелкав себя ногтем по губе, тоже задала вопрос:

— Слушай, Лид, а у всех высокородных есть эти способности набирать силу? Не было на твоей памяти, чтобы это не получалось?

Лид молча качнул головой. Мы с Наткой переглянулись и принялись

дружно чесать головы, стимулируя мыслительный процесс. Наконец из меня вывалился еще один вопрос:

— А вообще-то, генетически, вы с колдунами-плебеями одно и то же или нет?

— Как? — не понял Лид, напряженно заглядывая мне в лицо. Я спохватилась:

— Фу ты, ты же не знаешь, что такое гены... Ну, короче, простолюдин-колдун плюс высокородный колдун могут дать жизнеспособное потомство? Дети у них будут?

— Дети?! — поразился Лид, уставившись на меня расширенными глазами. — Какие могут быть дети у высокородного с простолюдином?!

— Мы у тебя и спрашиваем, какие, — хихикнула Натка.

— Никогда такого не было, чтоб высокородный и плебей вступали в брак.

— Понятно, короче, ты не знаешь. Только как же не было, если... — тут подруга, осененная мыслью, вдохновенно прищурилась и вывалила на короля неожиданный вопрос:

— А у тебя и Соньки дети могут быть?

Я покраснела и попыталась незаметно ущипнуть подругу, но та ловко увернулась, даже не глядя на меня. Лид, к моему удивлению, отреагировал совершенно спокойно, просто задумчиво сказав:

— Не знаю наверняка, но это довольно вероятно.

— Почему? — удивилась я такой странной уверенности.

— Вид наш, — Лид повел рукой в воздухе вокруг своего лица, — похож, пища одинаковая, жизненные привычки тоже схожи...

— Да, вот и видно, твое величество, как у вас в средние века фигово преподавали биологию и анатомию, — вздохнула Натка. Но Лид, не обращая на нее внимания, продолжал:

— К тому же, я колдун.

— И что? — спросили мы хором.

— Не знаю, как это вам в точности объяснить, — даже несколько замялся Лид. — Но за всю нашу историю, из какого бы мира ни был спаситель или спасительница высокородного колдуна, с детьми никогда проблем не возникало. И все они рождались тоже колдунами.

— Ого, — присвистнула Натка. — Нехилые у вас доминантные гены...

Король непонимающе моргнул, но подруга не дала ему опомниться:

— А среди колдунов-простолюдинов это так же действует? Если колдун-простолюдин женится на просто-простолюдине... Тьфу ты, на человеке обычном, дети кто будут?

— Колдуны.

— Всегда?

— Да.

— Так у вас же такими темпами колдунов будет все больше и больше! — сообразила я.

— Их и стало больше. И многие помогают Съедину.

— А, да, Съедин... — с трудом вспомнила я, на каком мы свете. Натка подытожила, загибая пальцы:

— Короче, твое величество, и высокородные, и простые колдуны — явные носители какого-то сильного доминантного гена, который все вокруг околдунивает. Это во-первых. Во-вторых, вы выглядите настолько одинаково, что ты можешь среди своих маскироваться. Это во-вторых. Почему вы, собственно, считаете, что вы — другой вид? Не похоже. Если ты хочешь сказать, что высокородные не загорают, то я тебе тоже скажу, что это чепуха. Погляди на свои руки: вы загораете, просто, похоже, очень медленно. Заводские рабочие из колдунов тоже незагорелые, как недорезанные аристократы, зато которые в поле работают, что колдуны, что люди, чернящие.

Мы с Лидом одновременно оглядели его руки и, видимо, тоже одновременно обнаружили на них блеклый, но все же явно видимый загар. Я честно говоря, не очень удивилась, король удивился больше, однако не сдался:

— Хорошо, на загаре я не настаиваю, я действительно за свою жизнь мало времени провел под открытым небом. Но речь не о загаре, а о силе, которую мы можем набирать, а они — нет.

— «А они — нет», — передразнила Натка его высокомерный тон. — А с чего им, собственно, не набирать-то? Как-то странно, что ваше отличие заключается только в этом, причем проявляется не с рождения. Сонька, чего сидишь, как украшение, давай вспоминай биологию!

— Ну, а... — начала я, но король перебил мою зреющую мысль очередным самовосхваляющим высказыванием:

— У высокородных гораздо лучше развито мышление и память.

Натка скорчила рожу и покрутила пальцами в воздухе:

— Это бабушка надвое сказала. Во-первых, может, ты один среди своих такой выскочка, мы же других не знаем. А во-вторых, может, вы просто развивались в хороших условиях. Ну, возможно, вы даже вывелись отдельной породой, как какая-нибудь там кошка с плоской мордой. Но морда хоть и плоская, а зверь-то кошка, а не собака! А, Сонь?

Король явно потерял нить рассуждений, потому что подруга говорила

быстро и по-русски, и тоже посмотрел на меня, только, в отличие от Натки, без всякой мысли в глазах. Подруга же, наклонившись ко мне, вещала:

— Так вот, как ты думаешь, Сонька, их это усиленное колдовство может быть свойством породы, как плоская морда, или свойством всего вида, как кошка?

— Плоская морда? — растерянно переспросил Лид. Я отмахнулась от него и тоже наклонилась к подруге.

— Вообще-то, Нат, колдовство может быть плоской мордой, почему нет? Хотя то, что оно начинается только после обучения, больше похоже на кошку...

— Девушки! — позвал король печальным голосом. — Я вас не понимаю. Говорите хотя бы на каком-нибудь языке.

— Ду ю спик инглиш? — съюморила Натка.

— Э литтл, — отозвался Лид, которому я еще в деревне у бабушки я ради забавы сказала несколько фраз на иностранных языках. — Но лучше по-русски или по-варсотски.

— Во ты полиглот... — уважительно зачесала в не очень мытом из-за дефицита воды затылке подруга. — Может, и правда плоская морда, то есть высокородность?..

— Лид, — я, обрадованная, что мне наконец удалось ухватить за хвост мелькнувшую до того мысль, потербила короля за шершавое пиджачное плечо. — Ты говоришь, что ваша сила увеличивается после начала обучения. А что будет, если вас не начинать обучать? Ну, у вас же была куча переворотов, вы друг друга свергали, может, забыли кого-то научить? Каким он тогда будет по силе?

— Не сильнее простолюдинского колдуна, — отозвался Лид уверенно. Я не стала уточнять, где он эту уверенность взял, приняла его слова за аксиому и поехала дальше:

— Ладно. Значит, способность к колдовству у вас, вроде как, потенциальная. Но может и не развиваться, если не обучать... А, вот еще что: вас всегда начинают обучать в одном и том же возрасте?

— Не совсем в одном и том же, — Лид явно взбодрился от того, что снова что-то понимает, и быстро подхватил мою мысль. — Примерно с двенадцати до шестнадцати-семнадцати лет.

— Очень хорошо, — на всякий случай похвалила его я. — А ты не знаешь, кого из высокородных обучали раньше или позже всего? Кого-нибудь учили, скажем, в восемь лет? Или в двадцать пять?

— Нет. Самое малое — в одиннадцать, а самое большое — восемнадцать, если я не ошибаюсь...

— И что это за промежуток-то такой...

— Ты чего, Сонька? — Натка удивленно на меня глянула. — Тоже в средние века впала вместе с нашим величеством? Ему-то позволительно не сообразить... Это же переходный возраст!

— Действительно! — дошло и до меня. — И что из этого?

— А то! Самые сильные гормональные и вообще всякие изменения! — завопила Натка, всегда больше меня интересовавшаяся биологией, и напала на короля с неожиданным вопросом:

— Лид, вы колдуете головой?

— Чего?! — изумился король.

— Если руки и ноги тебе оттяпать, колдовать сможешь?

— В принципе, смогу, — сообщил Лид, переводя взгляд со своих неоттяпанных рук на целые ноги. Я захихикала, а Натка воскликнула с облегчением:

— Что и требовалось доказать! Сто процентов у них либо какая-нибудь там колдовская железа работать начинает... Нет, вряд ли железа, они же, если обучатся, потом всю жизнь могут силу набирать... Значит, какие-то участки в мозгу развиваются и начинают работать, но если их вовремя не простимулировать, то потом это и не выйдет. Эх, томограмму головы бы ему сделать... — застонала она и хищно уставилась на короля.

— У Натки мама и папа — врачи, — объяснила я.

— Чего вы на меня лупитесь, как на нежить? — обиделась Натка. — Для вас тут стараюсь. Твое величество, вы в своем средневековье не ставили, случаем, эксперимент с младенцами? Не совали их на первые годы жизни в безлюдную комнату с немymi слугами, чтобы посмотреть, на каком языке они заговорят?

— Нет, до бессмысленных издевательств над простоллюдинами мы не опустились.

— А мы опустились, в свои средние века... Короче, выяснилось, что младенцы не заговорят сами по себе ни на каком языке, и, к тому же, если до трех лет они не овладели речью, то у них это никогда и не получится. Мозг изменяется, и привет! В общем, я думаю, что то же самое происходит и у вас.

— Точно! — в восторге подпрыгнула я и с энтузиазмом обняла улыбающуюся подругу.

— То есть, ты считаешь, Соня, что я должен был пытаться научить не взрослых, а подростков от двенадцати до шестнадцати лет? — подытожил Лид наши радостные выкрики.

— Ага, я считаю! — рассмеялась я. — А еще я считаю, что ваше

разделение на высокородных и плебеев по крови — полная ерунда, как я и думала! Ты такой же, как, например, Геф, только тебя учили, а его нет!

От сравнения с Гефом короля явственно покорило. Он выпрямил спину, величественно поднялся с циновки и возвысился над нами, сдержанно сказав:

— Прежде, чем радоваться, надо все же проверить вашу теорию.

— Какие проблемы? — Натка плюхнулась на спину и заложила руки за голову. — Возьми каких-нибудь подростков из наших и проверь.

— Вот именно, что каких-нибудь брать нельзя. Нужны, опять же, неграмотные, но не слишком глупые, и желательны уравновешенные. А среди подростков их...

— Извини, Лид, но, по-моему, подойдет Геф, — скромно сообщила я.

— За что ты извиняешься? — не понял король.

— Да я подумала, что он тебе неприятен...

— Не больше, чем другие простолюдины. Да, ты права, Соня, Геф при прочих равных — самый хороший вариант.

— Ну так и зови его! — потребовала я. — Куда уж резину-то тянуть!

Король сделал непонятное лицо, но все-таки торжественно прошествовал к двери и вышел, надо полагать, на поиски Гефа. Я проводила взглядом его скрывающуюся в проеме прямую спину и переглянулась с Наткой. Та пожала плечами и хмыкнула.

Гефа Лид искал довольно долго: они появились только минут через двадцать.

— Чего ты нашел, Ре-ет? — моргая, переспрашивал Геф по дороге. — Какую книжку?

Лид молча подошел к столу, приподнял свою квазистаринную рукопись, быстро махнул ею и отложил ее в сторону, добавив:

— Впрочем, там древний язык, понять который тебе не хватит образования.

— Терпения у меня не хватит, — буркнул Геф и под пристальным королевским взглядом стянул кепку. Король удовлетворенно кивнул и поманил его к себе.

— Подойди, я покажу тебе, что делать, на примере.

Привычным уже жестом он достал из кармана коробочку с неубиваемым жучком и вытряхнул его на стол. Мы с Наткой тихонько поднялись и подкрались поближе, чтобы лучше видеть происходящее.

— Гы-гы! — сказал Геф. — Это мне его, что ли, надо будет уничтожить?

— А ты попробуй, — холодно предложил король. — Только не руками,

а колдовством.

— За кой колдовством, прихлопнуть же быстрее, — строптиво возразил подросток, потянулся к жучку и получил по рукам. — Ой, ты чего дерешься?!

— Жуков не напасешься на вас. Жук — это пример. Я тебе уже объяснял, но ты, конечно, не понял, поэтому повторяю еще раз...

— А, дошло!!! — вдруг завопил Геф так, что король подавился собственным вдохом. — Если я много таких жучков укокошу, то силу наберу ого какую, и мы Съедина того!

— Правильно, — хрипловато согласился откашлявшийся Лид. — Теперь делай, что я тебе скажу, иначе сам его будешь потом ловить, если уползет.

Дальше еще битых двадцать минут Геф под руководством Лида постигал теорию. Король, несмотря на мои уговоры, так и не сменил манеру преподавания, которая у него была воистину средневековой и состояла преимущественно из издевок, высокомерных усмешек, снисходительного закатывания глаз, а также запугивания и хлопанья по рукам и затылку обучаемого. Обучаемый, то бишь Геф, потел и путался, мы с Наткой дружно ловили уползающего то в одну, то в другую сторону жучка и ставили его на исходную позицию. Потом Геф, вроде бы, научился правильно держать руки, накрыл ими жука, как-то странно напыжился... Руки поднялись, и мы увидели, что жук исчез!

— Ура! — завопила Натка.

— Получилось! — взвизгнула я.

Король вздохнул и повернул руку Гефа. Жучок полз по рукаву. Мы скисли, насекомое поставили на стол, и все началось сначала.

В какой-то момент я глянула на часы и увидела, что Лид с Гефом возятся уже битый час. Жучок выглядел бодро, а вот Геф был весь исхлопан учительствующим Лидом. Достижение минутной стрелкой цифры 12 как раз совпало со звонким звуком очередного подзатыльника.

— Хватит драться! — вышла из себя я, подскакивая к королю. — Если хочешь выразить недовольство, нас колоти, мы же придумали эту теорию!

— Спасибо, Соня, что ты сейчас хотя бы перешла на русский, хотя, помоему, ты сделала это не думая, — укоризненно посмотрел на меня король. Я осеклась и, потеряв боевой дух, попятилась обратно к Натке.

— Че это они? — спросил Геф, почесываясь. Лид мрачно сказал:

— Не отвлекайся.

Прошло еще полчаса. Мы с Наткой давно уже сели на циновку и, как две коровы, уныло двигая челюстями, медленно жевали с разных концов

одну длинную полоску вяленого мяса. Вот теперь даже мне казалось — точнее, чего уж там, я была уверена, что ничего не выйдет. Мне уже хотелось, чтобы Лид отпустил Гефа, и мы начали обсуждать другие планы, но занудный король почему-то не прекращал обучение.

— И шево он ш ним возитша? — прошипела я сквозь мясо в Наткину сторону. — Других он быштнее отпустил...

— А шем ты недовольна? — хмыкнула подруга. — Он пытается показать, что твое мнение для него шутко фажное...

— Не жнаю, — усомнилась я, разглядывая странные экзерсисы Лида. Король, конечно, явно не слишком-то годился в учителя, но все-таки хорошо соображал, поэтому решил сменить тактику. Ловким тычком усадил Гефа на стул, он встал позади и принялся лично придавать ученику нужную позу. Добившись удовлетворяющего его результата, он сказал:

— Пробуй.

Геф, явно стараясь не двигаться, попробовал. Жучок меланхолично отполз к краю стола. Король глубоко задумался и принялся расхаживать вокруг своего ученика, как модельер вокруг манекена, склоняя голову то и одну, то в другую сторону. Геф следил за ним, рискуя свернуть себе шею. Наконец Лид остановился, взял его одной рукой за локоть и что-то велел сделать — то ли напрячься, то ли выпрямиться. Геф от стараний выпучил глаза. Жук остался на месте.

— Черт! — сказала Натка, и, резко мотнув головой, разорвала мясную ленточку между нами. — Это хуже, чем футбол смотреть!

Я вздохнула и грустно глянула на Лида. Он тоже посмотрел на меня, но скорее задумчиво, простучал по краю стола какой-то ритм, подозрительно похожий на «ой, цве-тет ка-ли-на» и, решительным рывком сметя Гефа со стула, уселся сам. Геф хотел было отойти, но был подтянут королем обратно.

— Держи меня за локоть, — сказал ему Лид. — Другой рукой — за плечо. Смотри, что я буду делать.

С этими словами он не сделал ровным счетом ничего, но жучок с легким щелчком превратился в прах. Натка облегченно выдохнула:

— Уф! Хотя и бесполезно, но приятно. Как он меня достал!

Геф, напряженно вцепившийся в Лида, вдруг тоже издал громкий вздох облегчения, ослабил хватку и сказал:

— Ааа, вроде понял. Щас попробую. Жуки еще есть?

Лид вытащил из кармана пиджака коробочку. Мы вытянули шеи и привстали.

Коробочка была пуста.

— Меня сейчас удар хватит! — застонала я. Лид посмотрел на наши отчаянные лица, приподнял руку и легким движением пальцев воскресил ненавистного жучка. Тот продолжил свой путь по столу. Геф обрадовано протянул к нему раскоряченные руки и сказал:

— Ыть!!!

С легким щелчком жучок стал щепоткой пыли.

— Ого! — почему-то почти беззвучно выдохнула Натка. Я же вообще молчала, уставившись на короля с несколько злорадным интересом. Ну и что он теперь скажет? Сколько он мучил меня своим бормотанием про высокородных, которые во всем лучше простолюдинов, сколько задира л нос, как я с ним из-за этого намаялась, и все это оказалось чепухой! И мальчишке в деревне он не помог из-за обычных предрассудков! И если бы не они, я была бы сразу рада его интересу ко мне, и уж ни за что бы его не выгнала!..

Лицо Лиды не отразило сильных эмоций, но на нем вдруг проступило то, чего я совсем не ожидала увидеть: явное облегчение, которое сменилось чем-то вроде азарта пополам с вдохновением.

— Хорошо! — сказал он явно от всей души и добавил: — Сколько тебе лет?

— Ну, это... Пятнадцать, — удивился Геф. — А чего?

— Ничего. Значит так, послушай меня. Никому без моего разрешения ты о своем умении рассказывать не должен. Люди здесь разные, кто-то может доложить полиции. Понял?

— Да понял, — разочарованно вздохнул Геф, который явно уже представлял себе, как хвастается перед друзьями-пацанами.

— Хорошо. Дальше: ты должен найти еще хотя бы пятерых людей примерно твоего возраста или, в крайнем случае, до восемнадцати лет, не болтливых, на которых можно положиться. Их тоже будем учить.

— Да я даже шестерых найду, Рет! — оживился Геф. — Пацаны, с которыми мы на скотном дворе познакомились — вот такие ребята! Хоть пытай — не выдадут! Все, теперь Съедину хана!

— Не теперь. Сначала вы должны набрать силы, а потом — научиться с этой силой обращаться.

— А ты уже умеешь, да? Научился?

— Да.

— Слушай, Рет, а чего тебе только до восемнадцати лет нужны люди? — задал Геф закономерный вопрос. Я насторожилась, но король ответил спокойно:

— Вы легче обучаетесь, у взрослого человека на это же уйдет много

времени, а может и вообще не получиться.

— Я-асно, — протянул Геф, расплылся в гордой улыбке избранного и оглянулся на нас. Натка тоже улыбнулась и несколько раз хлопнула в ладоши, я помахала ему рукой, поглядывая при этом на Лида. Король менялся на моих глазах, как в Море Долгой Ночи, входя в какой-то другой режим поведения. По крайней мере, когда он снова заговорил, голос его звучал веселее и расслабленней, хотя сообщил он вещи не очень веселые:

— Здесь мы тренироваться не сможем. Если это делать регулярно, то практически наверняка привлечем полицию. К тому же, насекомых и растений здесь мало.

— А где? — озаботилась я.

— Надо выйти за пределы города, и чтобы что-то глушило производимые нами заклятья... — Лид чуть сдвинул свои высоко поднятые брови. — Лучше места, чем дыра в твой мир, Соня, в ближайшей окрестности не найти. Оно заброшенное и относительно безопасное, но есть существенная трудность...

— Лид, да туда же больше суток переть! — сказала Натка.

— Вот именно, — согласился король. — Если мы устроим такой поход, то привлечем внимание... Какой транспорт у нас есть?

Это уже был вопрос к Гефу. Тот огорченно сообщил:

— Ну, это... Телега, например.

Король поморщился.

— Геф, нам нужно убыстриться, а не замедлиться. Думаем дальше.

— Машина у Коранта была...

— Коранта мы в это не посвящаем.

— Ну и зря, я бы ему сказал, он же умный.

— Я забыл тебя спросить, сказал бы ты или нет, — цыкнул король на престоном варсотском. Геф удивленно заморгал. А меня вдруг осенило:

— Лид, а самолет!

Король ничего не ответил, но посмотрел на меня с ужасом.

— Ну а что? — поддержала меня Натка. — Перемещается он быстро, а разглядеть, чего там летает и куда, будет трудно. По последним новостям, он вчера прокатился по земле и почти взлетел. Если ты поможешь Енгу...

— Я не могу ему помочь, у меня нет нужных навыков, — отрезал король.

— Ну Ли-ид... — затянула я, но бесцеремонное величество прервало меня:

— Соня, не гундось.

— Шпана, а не король, — сказала я обиженно и обернулась, потому что в дверь начал кто-то судорожно стучать.

— Риала-ат! — хором крикнули Лид и Геф, что по-варсотски обозначало невежливое «войдите» или, если точнее, «ну кто еще там приперся».

Приперся легкий на помине Енг. Распространяя запах керосина и жженных покрышек, он взмахнул черными ладонями, привлекая наше внимание, и хрипло сказал:

— Взлетел!

— Да ты чего?! — вскочил Геф. — И обратно приземлился?!

— Приземлился! Всего-то колесо отвалилось, но я починил уже!

Я, сияя, посмотрела на короля. Тот сказал:

— Да. Удачный сегодня день.

...Следующее утро выдалось по-настоящему осенним. Было по-прежнему сухо, солнечно, зато ужасно холодно и ветрено. Когда мы с Лидом, Наткой и Гефом вышли из дома, в лица нам швырнуло колкую песчаную пыль с дороги. Мы дружно сморщились и одновременно надвинули на лбы головные уборы: Геф с Лидом — плоские кепки, а мы — темные платки. Одеты мы с подругой были теперь как обычные бедные варсотские женщины, хотя под длинными платьями для тепла все равно оставили брюки.

— Стоит ли лететь в такой ветер? — озабоченно сказал король, глянув на фиолетоватое небо, по которому быстро бежали маленькие облачка.

— Стоит, стоит, — заверила я его. — У Енга же планер, его лучше поднимать будет.

Король ничего не ответил, но отразил на лице сильное сомнение. Дальше мы шли молча, потому что из-за погоды трудно было разговаривать. Лид, по мере того как мы приближались к дому Енга, выглядел все напряженнее и даже начал потихоньку замедлять шаги. Я из солидарности придерживалась его скорости, и вскоре мы потащились в хвосте у Натки с Гефом.

— Ваше величество! — обернувшись, закричала подруга по-русски. — Вы там идете или уже пали жертвой аэрофобии?

— Слово «жертва» и самолет Енга хорошо сочетаются, — крикнул король в ответ, еще сильнее замедляясь. — Так что лучше на нем сегодня полетать тебе и Гефу.

— Почему это?! — возмутилась я. — Потому что они простолюдины?! Мы же выяснили вчера...

— Нет, потому что они гораздо больше этого хотят.

Натка расхохоталась, Геф тоже, хотя и не понял ни слова из нашего разговора. Я решительно подцепила короля под руку и потащила за собой вперед, набирая скорость.

Худо-бедно мы добрались до дома Енга. Его мать, которая снова возилась возле колодца, прибавила королю веселья озабоченной фразой:

— А, летать пришли? Он за двором, на лугу. Не расшибитесь там. Я так боюсь...

— Я тоже, — согласился Лид. Геф удивленно оглянулся. Я дернула короля за руку и прошипела:

— Лид, вообще-то не обязательно каждому сообщать свои чувства, даже если ты и тренируешься их называть.

— Соня, я просто считаю, что на этот самолет любая реакция, кроме испуга, ненормальна, — прошептал король в ответ.

Все же мы вышли со двора, подцепив в качестве свиты парочку лисособак, зашли за дом и действительно очутились на лугу, покрытом осенней жухлой травой. Во многих местах трава была выжжена дочерна, что указывало на несомненные следы деятельности Енга. Сам изобретатель варсотских безволшебниковых самолетов с гордым видом стоял неподалеку от нас на большом черном пятне. Рядом возвышалась его этажерка. С тех пор как я ее видела в последний раз, она не слишком-то изменилась — некоторые детали ее были привязаны чуть ли не веревочками. Я тоже немного струхнула, но перспектива разделаться со Съедином и мысли о том что Енг уже летал, а все равно живой, пересилили страх, и я решительно потащила короля к самолету.

— Ави! — крикнул сквозь ветер изобретатель. — С утра все прекрасно работало! Ну что, полетели?

— Натка и Геф хотели лететь, — услужливо сообщил Лид. — А мы, возможно, потом, если вам удастся сесть.

— Ре-ет, да места у меня на четверых хватит! — заверил короля Енг. — Пусть девчонки сядут к вам на колени. Только из кабины не вывалитесь!

— Давай, чего там! — тут же согласилась Натка и оглядела Гефа, который был одного с ней роста и комплекции: — Ну, кто к кому на коленки сядет?

— Лид, — потянула я за руку неожиданно вросшего в землю короля. — Ну ведь надо! Нормальный самолет, чего ты хочешь-то?

— Я, Соня, хочу две вещи, — наклонившись ко мне, признался Лид. — Не лететь самому и не пустить в полет тебя.

— А я полечу, — ляпнула я, сама ужаснувшись тому, что говорю.

Король вздохнул.

— Хорошо, тогда я полечу с тобой.

— Ну так пошли! — скомандовала я нарочито громко, чтобы не успеть испугаться, и полезла в этажерку. Самолетик зашатался, я тут же зацепилась юбкой за какую-то доску в его борте и чуть не вырвала ее вместе с гвоздями. Енг сказал «ничего-ничего», подтолкнул меня в спину и прицепил доску на место.

Кабина, в которой я очутилась, живо напомнила мне деревенский курятник. Она была квадратной, без потолка, с щелястыми стенками, а вместо скамейки в ней имелась плохо обструганная толстая жердь. Я вспомнила, что дома меня ждут родители и бабушка, и во мне назрело желание выскочить наружу, но уже было неудобно: Натка устраивалась на коленях у лыбящегося, как треснутый арбуз, Гефа, а Лид залезал в кабину. Конечно же, он тоже оторвал злосчастную доску, и, к тому же, погнул гвозди так, что на место она теперь не вставлялась, и Енг недолго думая попросту кинул ее на луг через плечо, оставив в борту дырку. Лид с трудом пристроился на жерди и притянул меня к себе, крепко обхватив за талию. Самолет вдруг взревел и мелко затрясся, содрокаясь всем хилым корпусом. Я мертвой хваткой вцепилась в королевские руки, напряженно глядя на затылок устраивающегося перед нами Енга. У него был отдельный курятник, то есть кабинка, в которой, правда, не было почти ничего, кроме каких-то торчащих досок на полу и двух палок: длинной и короткой.

— Спереди дуть не должно! — прокричал Енг, оборачиваясь к нам. — Тут стекло! Вот с боков задувает, но терпеть можно! Мы недолго летаем!!!

Я хотела ему что-нибудь ответить, но он уже отвернулся и начал настойчиво тянуть на себя короткую палку. Мотор взревел сумасшедшим голосом, винт впереди стал расплывчатым пятном. Самолет резко дернулся и, подсакивая на луговых неровностях, с нарастающей скоростью устремился вперед. Натка взвизгнула, у меня сердце подкатило к горлу, а желудок как будто сжался в точку.

— Лид! — пискнула я. — Я боюсь летать!!!

— Ну и почему ты, Соня, не сказала об этом раньше? — выдохнул король мне в ухо, усиливая свои объятия до почти удушающих. Нос самолетика начал задираться вверх. Я уже решила, что мы сейчас перевернемся, но неожиданно из-под колес исчезли неровности, и мы заболтались в воздухе.

— А-а... — начала я, но рот мне тут же забило ветром, так что пришлось умолкнуть. Король позади меня также молчал, но, вроде, был не

в обмороке. Мы поднимались с какой-то неестественной быстротой, иногда делая короткие, но резкие нырки вниз носом.

— Не бойтесь! — проявил понимание Енг. — Это в воздухе такие ямы! Между потоками ветра! Сейчас повыше залезем, и прекратятся!

Как ни странно, он нас не обманул: воздушные ямы и правда прекратились. Самолетик выровнялся и поплыл горизонтально. Енг, наклонившись, убрал своей палкой газ — мотор стал работать раза в два тише, но мы все равно не упали. Понемногу приходя в себя, я покосилась вправо, откуда мне ответила диковато-радостным взглядом сидящая на коленках у Гефа Натка, а сам Геф расплылся в восторженной улыбке и что-то сказал: наверное, «летает». Я кивнула, повернулась влево и попыталась свеситься через борт, но король с силой вернул меня на место.

— Ну Лид, да не держи ты меня так! — сказала я сердито. — Смотри, земля, как карта!

Под нами лежала выполненная в желтовато-коричневых осенних тонах Варсотия. По ее земле бежали тени от редких облачков, река, разделяющая город, была пронзительно-синей, а крыши оказались в основном красно-коричневыми. Разглядывая их, я пыталась угадать здание парламента, где сидит Съедин. Король, суда по всему, тоже повернул голову и вглядывался в землю.

— Дыра вон там, за полосой леса, — наконец информировал он.

— Не очень далеко, — прищурилась я. — Минут двадцать лететь, мне кажется.

Король пощекотал меня волосами: значит, кивнул. Я отодвинулась от борта, чтобы протереть слезящиеся глаза, и тут наш планер вдруг дрогнул, а что-то упругое и мягкое с силой шлепнуло о борт. Другое упругое и мягкое ударило меня по лбу, свалилось мне на колени и оказалось маленькой синей птичкой размером и видом похожей на воробья. Я еле сдержала визг и стряхнула ее, но тут взвизгнула Натка, а мотор издал жуткий чих.

— Стая! — выкрикнул Енг. — В винт попадают!

И правда: откуда-то сверху и спереди на нас словно летел крупный синий снег, и увернуться от него было невозможно. Лид откинулся назад и, придерживая меня одной рукой, другую вытянул вперед. Парочка ближайших птиц превратилась в пыль. Геф попытался последовать королевскому примеру, выпустил Натку, вытянул руки и даже издал свое любимое «Ыть», но ничего не произошло.

— Рет, почему ничего не получается?! — заорал Геф.

— Силы ты еще столько не набрал! — отозвался Лид.

— Ты меня будешь держать или нет?! — поинтересовалась Натка. Геф спохватился и вернул руки на место, а до меня вдруг дошло, что мы все друг друга слишком хорошо слышим.

— Енг! — позвала я. — Что случилось?!

— Да мотор заглох, — отозвался затылок пилота.

— Надо улететь от птиц, от птиц надо улететь! — как заведенная повторяла Натка.

— Теперь это неважно, они сейчас кончатся! — сообщил Енг безмятежно.

— А мотор?! — спросили, кажется, мы все вчетвером.

— Чего мотор? Мы же планируем. И без мотора сядем! Только держитесь крепче...

Он заложил плавный вираж, уходя от остатков стаи. Солнечная Варсотия качнулась под крылом, будто прощаясь со мной. Я закрыла глаза и откинула голову назад, упершись королю то ли в нос, то ли в подбородок. Ветер из щелей в кабине начал бить под другим углом — мы снижались. Натка заорала: «Слушайте, так нечестно, мне мало лет!», а Геф с хохотом ответил: «А мне еще меньше!». Я случайно моргнула, увидела впереди вместо неба приближающуюся землю и поняла, что сейчас самое время подводить итоги. Например, сказать королю о чем-то там... Вроде я хотела это сказать... Что-то про сны: я помнила, что вроде бы кто-то из нас снился кому-то, но мысли скакали вместе с самолетом, а земля была все ближе и ближе.

— Лид! — отчаянно вскрикнула я. — Я тебе снилась?!

— Эр, эр, — отозвался король на варсотском, который я вдруг забыла. — Лаксада ида-а ве-ет.

— А по-русски?! — завопила я, и тут самолет треснулся колесами об землю. Мы все подпрыгнули, наверное, на метр вверх и, в хаотичном порядке опустившись обратно, образовали под жердочкой-сиденьем кучу-мала.

...Меня вытянули за руки наверх и куда-то усадили. Шум ветра стих, вроде бы самолет больше никуда не летел и не ехал, хотя тряска оставалась... Тут я поняла, что трясутся мои собственные ноги, сфокусировала глаза и увидела, как охающая Натка с помощью Гефа перебирается через занозистый бортик. Неужели мы выжили?!

Сознание мигом прояснилось: я ловко и самостоятельно перемахнула через борт, за мной вылез Лид. Я подергала его за рукав и шепотом спросила:

— Ну как?

— Могло быть хуже, — удивил меня король. — У меня несколько раз было ощущение, что это мой последний час, но не все время.

— Да ну? Ох, теперь я поняла, почему ты боялся разбиться...

— Я не столько этого боялся, сколько того, что не вовремя решу избавить нас от гибели колдовством, а колдовать с такой силой над городом очень опасно. С другой стороны, не колдуя, можно упустить момент...

— Но вообще-то, если бы не птицы, было бы здорово! Никогда раньше не летала на кукурузнике... Кстати, а что ты мне сказал-то перед самой посадкой?

— Я ответил: «Да, конечно, не волнуйся», — не удивившись, перевел Лид. Вместо него удивилась я:

— Как это «не волнуйся»? Это ты к чему?

— Если честно, Соня, я не совсем понял, что ты спросила, — улыбаясь, признался король. — Во время посадки я мог нормально воспринимать только варсотский.

— Здорово поговорили! — расхохоталась я и чуть не упала на короля от смеха. Тот, тоже смеясь, подхватил меня и выпрямил. Продолжая вспоминать подробности полета и похохатывая на весь луг, мы обошли самолет, чтобы посмотреть, что случилось с винтом. Там уже вовсю ковырялся Енг, выглядевший таким же весело-спокойным, будто не летал только что с нами, а рядом стояла Натка, которая, держась за Гефа, оглашала пространство громким хохотом.

— Да чего ты такая веселая? — удивлялся Геф, отдирая ее от себя. — Давай прекрати, потом поржешь...

— Ой, Сонька, вы живые? — заметила меня подруга и утерла глаза. — И чего я-то, главное, поперлась, я же еще и высоты боюсь... Хотя до птиц было не особо страшно, скажи?

— Енг, а чего с винтом-то? — Геф, воспользовавшись тем, что Натка, наконец, от него отцепилась, тут же подошел к изобретателю.

— Да погнулся просто, крутиться перестал, а так все нормально. Выпрямим, и опять летать будем! — заверил он.

— Опять?! — вздрогнула Натка. Лид глянул на нее насмешливо.

— Естественно, причем не один раз. Как иначе быстро отвезти людей к дыре между мирами? Но ты можешь с нами не летать, и ты, Соня, тоже.

— Нетушки, — я помотала головой. — Если ты полетишь, я тоже полечу. Это легче, чем сидеть и представлять, обо что вы там разобьетесь...

...Полететь на Енговом самолете пришлось буквально на следующий день, потому что нас поторапливал Лид. Период нерешительности сменился в короле бурной активностью, он носился по нашему дому и его

окрестностям, иногда заглядывая в комнату, чтобы дать мне, Натке или Гефу очередное руководящее указание. Мы с Наткой поспешно собрали циновки, провизию и малое количество имеющихся у нас наличных варсотских денег, поскольку расположиться у дыры между мирами Лид хотел не меньше, чем на неделю. Геф уже с утра сбегал к тем своим друзьям со скотного двора, которых предполагалось обучать колдовству, вернулся радостный и сообщил, что кроме шести мальчишек будет даже одна девочка-колдунья со странным — как выразилась, Натка, «ослиным» — именем Иа.

Меня тревожил вопрос, что король собрался сообщить о нашем отсутствии другим простолюдинам, а в особенности Коранту. Но разговор с последним Лид провел как раз при мне: я на галерее снимала с вешалки просохшие накидки, чтобы взять их с собой, а они стояли в узком коридоре возле галерейной двери.

— Так куда это вы собираетесь с девочками, Ре-ет? — поинтересовался Корант негромко. Я перестала шуршать одеждой, застыла и обратилась в слух.

— Я хотел на несколько дней отправиться в их мир, — отозвался Лид непринужденно и вполне искренне, поскольку действительно почти не врал. — у них более высокий уровень развития науки, может быть, удастся кое-что использовать против Съедина, хотя я в этом не вполне еще уверен.

— А что именно?

— Я и сам не слишком разбираюсь в их технике, но это вид оружия, — еще более непринужденно поехал врать король.

— Оружия?

— Да. На Сонином языке оно называется... Моча-а-алка-а-а! — вдруг смачно рявкнул он по-русски с варсотским акцентом. Я даже пискнула от смеха, изо всех сил зажимая себе рот высохшим бельем. Но мой тихий писк унес ветер, гуляющий на галерее, а на Коранта, видимо, название нашего «оружия» произвело серьезное впечатление. Он уважительно повторил:

— Моча-а-алка-а... Хорошо бы оно и правда нам помогло. Дела-то у нас так себе. А сколько вас может не быть?

— Примерно десять дней.

— Почему же так долго?

— У них в мире время течет по-другому, гораздо медленнее, чем здесь.

— Ну что ж, удачи тебе. А где находится дыра в их мир?

— Не скажу, — отозвался Лид спокойно. — Ты нам все равно ничем помочь не сможешь, а чем меньше мы все друг о друге знаем, тем в плохом случае будет лучше.

Корант неопределенно побряхтел и вздохнул:

— Ну, может быть...

Дальше послышались затихающие шаги — похоже, король и старик разошлись по своим делам. Подобрав уроненную от смеха корзину, я комом запихала в нее белье и тоже поспешила с галереи: через два варсотских промежутка времени, примерно равных нашему часу, нам уже надо было бежать к Енгу.

После яркого уличного солнца глаза у меня сразу не привыкли к темноте коридора, и я со всей силы воткнулась в кого-то мягкого. Я по надеялась, что это Лид, но надежды мои не оправдались: я различила в темноте поблескивание бороды Коранта.

— Извини, — сказала я поспешно и попятилась.

— Ничего, Соня, — старик махнул рукой, но вместо того, чтобы посторониться, вдруг загородил мне дорогу. Я встала, задрала голову и мрачно спросила:

— Чего?

— Рет говорит, что вы уходите в твой мир за оружием.

— Ну да, за мочалкой, — подтвердила я, от испуга даже серьезно произнося название нашего так называемого «оружия».

— Понятно. Скажи-ка мне, дыра в твой мир случайно не находится...

— Не скажу, — отрезала я поспешно. — Лид мне запретил кому-либо что-либо говорить. Конечно, не потому, что я тебе не верю...

— Я знаю. Я просто хочу тебя кое о чем предупредить. Если дыра в ваш мир находится на поляне на краю города, где стоит каменная статуя короля на троне, ни в коем случае не трогайте ее.

— Какая еще статуя? — чуть не подскочила я на месте с испугу, почему-то вдруг подумав, что Лид был не единственным заколдованным королем в Варсоти. — Ничего мы такого не видели...

— Может быть, не обращали внимания. Если увидите, не трогайте ее сами и не давайте трогать Рету, — настойчиво внушал старик, пристально глядя на меня выцветшими глазами. Мне сделалось весьма не по себе от этого взгляда, который делал его слова какими-то двусмысленными, и я пробормотала:

— А почему нельзя трогать-то?

— Ты этого, наверное, не знаешь, и даже местные жители тоже уже забыли, а некоторые считают это сказками, но в статуе заключен заколдованный несколько веков назад древний король.

— Э? — экнула я за неимением связных слов.

— Когда я был маленьким, лет шести, — продолжал Корант, зловеще

блестя бородой в полутьме, — мы жили на окраине города, я мог дойти до этой поляны пешком, что я и сделал. Тогда еще зима была, это летом статуя в траве плохо видна, а в снегу я ее тут же увидел и подошел потрогать...

— И потрогал?

— А что ж — потрогал, конечно. Я к нему подошел, а этот древний король на меня смотрит своими каменными глазами. До сих пор это помню... Я его от снега немного отряхнул, руку ему на грудь положил, и чувствую, что он живой. Человек бы не ощутил, конечно, ну так я же колдун, мне понятно... Холодный, каменный, а живой. И такой нехорошо живой, смотрит, как будто ждет чего-то от меня... — Корант перевел дыхание и закончил тоном ниже:

— Бежал я тогда без оглядки. С тех пор туда не ходил. И никто не ходит.

— Ну да, а мы-то при чем?

— Может, и ни при чем. А Ре-ет случайно не говорил, что он хотел бы освободить этого древнего короля?

— Да нет! — воскликнула я искренне. — Зачем это нужно?!

— Вот именно, — сказал Корант значительно и поглядел на меня страннее прежнего. — Зачем? Если он все же что-то такое задумал, не давай ему этого сделать ни в коем случае, ты на него влияние имеешь. Он может стать худшей угрозой, чем Съедин.

— Кто? — вздрогнула я.

— Древний король, — проскрипел Корант. — Не вспомню в точности его имя... Кажется... Ли-и-диоре-ет.

После этого мы оба несколько секунд молча смотрели друг на друга. Потом я решительно подтолкнула старика корзиной и протиснулась мимо него:

— Слушай, Корант, дай мне пройти. Я все поняла, не беспокойся.

— Смотри, — прокрихтел он мне в спину.

Я припустила по коридору, очень стараясь не переходить на бег, но все равно в нашу комнату влетела бледная, запыхавшаяся и с выпученными глазами. Натка, сидящая на рулоне циновки, немедленно встревожилась и привстала:

— Ты чего, Сонька?

— Где Лид?

— Ждет нас возле выхода. Как раз я собиралась идти тебя искать, ты как провалилась с этим бельем...

— Нет, я здесь, — ответила я вяло и подхватила с пола мешок провизии. Подруга промолчала и протянула мне еще связку фляг.

Нагруженные вещами, мы с трудом спустились вниз, где нас ждали такие же навьюченные король с Гефом. Кивнув друг другу, мы взяли курс к дому Енга.

Я догнала короля и, слегка пнув его своими вещами, хотела было пересказать странный разговор с Корантом, но вдруг лисособаки, роющиеся у низких заборов, мимо которых мы шли, тревожно заскулили и удрали. Послышался громкий скрип, и на дороге показалась колдунья на велосипеде, в широченном золотом платье и с высоченной белокурой прической, покосившейся набок от ветра. Этого еще не хватало — Съединова фрейлина, видимо, набранная из местных жительниц! И чего она сюда-то заехала?! Теперь оставалось только надеяться, что проедет мимо, но не тут то было: фрейлина перестала крутить педали и с идиотски-царственным видом посмотрела на нас.

— Здравсьте, — пробормотал Геф, а вслед за ним — я и Натка. Лид промолчал.

— Здравствуйте, простолюдины, — важно сказала фрейлина, поднимая брови чуть ли не до макушки. Я вдруг поняла, что ей от силы лет семнадцать. — Именем короля Съедина спрашиваю вас, куда это вы идете? Учтите, вы обязаны ответить! — она сделала обезьянью гримасу, видимо, означающую угрозу. Я хотела было сказать, что никто ее тут не боится, но вовремя спохватилась, что мой акцент может вызвать массу ненужных вопросов, поэтому промолчала. Натка, к счастью, тоже не подала голос, заговорил Геф:

— Да мы и сами-то не знаем, куда идем. Нас хозяева за неуплату выгнали: собирайте, говорят, вещи, и идите куда хотите. Ну, мы и пошли. Может, где у знакомых пристроимся.

— За неуплату? Плохо, значит, работали! — сообщила фрейлина и укоризненно покачала головой. Мне захотелось хлопнуть ее по прическе, чтобы она сплющилась в лепешку, но я сдержалась. Фрейлина продолжала упиваться властью:

— А назовите свои имена! Именем Съедина!

— Ну, меня Геф звать, это мой старший брат и наши невесты, — нахально сообщил Геф и, дернув Натку за руку, добавил еще нахальнее:

— Эта вот — моя.

— Девушки, — доверительно наклонилась к нам фрейлина. — Зачем вам эти бедняки-простолюдины? Приходите на службу к королю Съедину. Он такой лапочка! — она хихикнула. — Он любых девушек к себе в приближенные возьмет! Будете жить во дворце, ездить на велосипеде!

— У-у, — замычали мы с Наткой, как глухонемые, дружно пятясь от

нее.

— Вот дуры! — рассердилась фрейлина, покраснев своим обезьяньим личиком. — Чего вы трусите! Я вот сирота, на пастбище работала, навоз выгребала, думала, всю жизнь так будет, а тут король пришел! Фрейлин набирает! Ну, я к нему припустила! Вот теперь ведите, какая... — она спрыгнула с велосипеда и покрутилась.

— Прекрасное платье, — вдруг негромко сказал Лид. Фрейлина доверчиво расплылась в улыбке, которой для полной ослепительности не хватало двух-трех зубов, повернулась к королю и сказала:

— Ну!

— Скажи, ты каждый день бываешь во дворце? — так же негромко продолжил он расспрашивать.

— Да не-е, зачем каждый-то! Все мы во дворе не поместимся, фрейлин-то ой как много теперь стало! Могу и по две недели не бывать, у меня дела сейчас немного. Вот в начале зимы, на празднике в честь коронации Съедина, надо будет явиться... В общем, пойдемте все со мной! Я вам приказываю! Я вас при дворе пристрою! Именем Съедина!

— Хорошо, — помолчав, отозвался король. — А как тебя зовут?

— Ма-да-а-а-а... — фрейлина закончила свое имя нечленораздельным стоном и свалилась к нашим ногам, потому что Лид неожиданно треснул ее по прическе небольшим мешком с углем. Все-таки сознания она не потеряла, скорее, была оглушена.

— Геф, усыпи ее, — приказал Лид быстро. Геф послушался и схватил фрейлину за плечи. Через секунду глаза ее закатились, а голова откинулась назад и заскребла по пыли прической.

— Придется брать с собой, — сообщил нам Лид. — И велосипед тоже. Быстрее, пока никто не увидел...

Мы лихорадочно принялись перестраиваться, слушая приказы короля. На фрейлину набросили длинную темную накидку, Геф и Натка схватили ее под руки и потащили ногами по земле, так что создавалось впечатление, будто она идет. Я вела велосипед, забросанный вещами, которые теперь не вмещались в Гефовы и Наткины руки. Вид у нас, на мой взгляд, все равно был очень подозрительный, а проклятый король почему-то шел медленно, да еще и действовал мне на нервы, здороваясь с каждой знакомой старушкой и женщиной, которые ковырялись в огородах. К моему удивлению, нам все же как-то удалось дойти до дома Енга. Мы поспешно втащили фрейлину и велосипед во двор. Геф сбегал куда-то и сказал, что Енг с самолетом и его друзья ждут нас на лугу.

— Пошли, туда, — приказал нам с Наткой король, поворачивая

велосипед. Натка и Геф послушно поволокли фрейлину вперед по травке. Я же, не выдержав, прошипела сквозь зубы:

— Лид, ты чего еле идешь и со всеми здороваешься? С ума сошел?

— Чтобы выглядеть спокойно и не вызывать подозрений.

— Нервы у тебя железные, — позавидовала ему я в очередной раз, заворачивая за угол дома.

Енгов самолет стоял на лугу в полной боевой готовности и даже трещал мотором. Возле него сидели на травке несколько мальчишек примерно возраста Гефа и одна девчонка, худенькая, с маленьким пучком черных волос на макушке.

— Сразу всех не увезем! — крикнул Енг, выходя из-за самолета.

Лид кивнул.

— Ничего, перевези вначале нас и ее, — он показал на обвисшую фрейлину. Енг попытался заглянуть ей в лицо, но ему это не удалось, и он, пожав плечами, залез за палку-штурвал своего планера. Мы принялись грузиться в задний самолетов курятник. Теперь, когда у нас в буквальном смысле на руках оказалась тяжелая фрейлина, усаживание и вовсе превратилось в акробатический номер. Одновременно Геф, перегнувшись через борт, успокаивал подбежавших к самолету своих друзей со скотного двора, что мы сей же час за ними вернемся, только быстренько слетаем туда-сюда. На этот раз взлет не произвел на меня такого уж жуткого впечатления, я вообще не обратила на него внимания, занятая тем, чтобы не свалиться с неудобно поднятых коленей короля. Фрейлину мы с Наткой держали, в свою очередь, на своих коленях, но когда планер принялся нырять среди воздушных ям, набирая высоту, наша шаткая конструкция развалилась: фрейлина упала куда-то вниз, под жердочку. Натка задумчиво понадеялась, что дырки в полу самолета не очень большие, чтобы в них можно было вывалиться, а я попросила Лида и Гефа подпереть фрейлину ногами, чтобы не перекатывалась на поворотах... Одновременно с этим король успевал давать указания Енгу, куда нам лететь, и, видимо, правильные, потому что минут пятнадцать спустя самолет пошел на снижение. Я осторожно выглянула за борт и увидела дорогу, отделенную лесополосой от знакомой поляны, которую заливало солнце. Енг повернул самолет, заходя на посадку, и спросил у Лида:

— Там ровно?

— Не особенно, — ответил король.

— Ну и ладно! — не огорчился Енг, опуская вниз рулевую ручку. Самолет слегка нырнул, очутился у самой земли, ткнулся в нее передним колесом, опять подлетел и, совершив серию мелких скачков, запутался в

конце концов в высокой сухой траве и остановился, треща винтом. Лид тут же отпустил меня, я, сложившись чуть не пополам, с помощью Натки подобрала с пола спящую фрейлину и вывалила ее за борт. Король с Гефом выскочили следом, что-то крикнув Енгу. Тот издал ответный вопль, нагнал газу, и самолет, подсакивая, покатился от нас по траве на взлет.

— Соня, раскладывайте вещи, только под деревьями или в зарослях, чтобы сверху было плохо видно, — сказал мне Лид.

— А вы нам можете помочь, а не командовать, — отозвалась я раздраженно.

— Я помогу, конечно, — согласился он мирно и взял у меня несколько циновок. — Геф, положи фрейлину под куст. Долго она еще проспит?

— До вечера, но потом я ее могу еще раз усыпить...

Пока мы разбивали лагерь в ожидании Гефовых друзей, я все-таки успела шепотом пересказать королю свой разговор с Корантом. Как я и думала, Лида это встревожило: он нахмурился под сенью своей плоской кепки и обернулся туда, где метрах в ста от нас высился пустой трон.

— Значит, не все мои простолюдины обладают нужной безграмотностью, чтобы окончательно забыть историю. Жаль, — заключил он. — Правда, правильных выводов они, конечно, сделать не могут. Так что не волнуйся, Соня, все уладим. Спасибо, что меня предупредила.

Я с облегчением улыбнулась ему и убежала помогать Натке.

Енгов самолет появился над нами почти через час, когда мы как раз закончили развертывать лагерь и даже устроили что-то вроде навесов, пользуясь ветками деревьев и кустов. При посадке самолет издал страшный треск и потерял переднее колесо. Оставшийся костыль распахал землю и быстро затормозил всю конструкцию. Семеро Гефовых друзей, которые, даром что были тощими, лежали в кабине чуть ли не штабелями, принялись выпрыгивать наружу. Геф выбежал им навстречу и подвел их к нам, а точнее, к королю. Подростки шумно представились, Лид, слегка поморщившись, кивнул, а я попыталась запомнить, как кого зовут.

Двух пацанов-близнецов лет четырнадцати звали Мир и Фир. Они были темноволосые, в темной же одежде, с острыми серьезными лицами. Потом поздоровались аккуратно одетый вежливый Лен и шумный хулиганистый на вид Сот с рыжей курчавой шевелюрой. Пацан по имени Адар, тихий и ушастый, был по виду младше всех, лет двенадцати. А самым старшим был юноша с комичным для нашего слуха именем Урот. Вопреки имени, он оказался широкоплечим красавцем с вьющейся пшеничной шевелюрой, белыми зубами и красивыми зелено-синими глазами. «Вот они, прекрасные принцы, какие!» — шепнула Натка,

подтолкнув меня локтем. Девчонка с черным пучком оказалась той самой Иа, о которой Геф рассказывал до этого. Недовольно смухортившись и завернувшись в плащ, она тут же принялась расхаживать по лагерю, требуя выдать ей самую толстую циновку, потому что ночи уже холодные. Лид, когда она ему надоела, рывкнул на Гефа, а тот цыкнул на Иа, и та недовольно умолкла, но к тому времени мы с Наткой начали ее понимать: осеннее солнце уже потихоньку уходило за высокие деревья, на луг надвигалась плотная тень, и поднимался пронизывающий ветер, от которого, в общем-то, нечем было защититься.

— Лид, а мы тут ночью дуба-то не дадим? — первой озвучила свои сомнения Натка, пока мы все вместе расчищали место под будущий костер.

— Дуба? — переспросил Лид, еще не выучивший все наши идиомы, и глянул на меня. Я кратко пояснила:

— Холодно.

— Это да, — согласился Лид. — Но сейчас мы близко к дыре, так что я могу на пару секунд сходить в твой мир, Соня, и наколдовать там несколько шатров из тех, которыми пользовались твои плохо переносящие алкоголь однокашники.

— А, палаток — ну давай, если можешь. А может, и бабушку тогда быстренько навестим, успокоим? — оживилась я. Лид покачал головой.

— Я же сказал: я пойду на несколько секунд, но здесь это займет, соответственно, несколько минут. А разговор с твоей бабушкой, даже не очень в ее понимании длинный, боюсь, может равняться здешним суткам. Лучше я схожу один, времени уйдет меньше.

— Ну ладно, — смирилась я со вздохом и, ежась, уселась в густую высокую траву, которая хоть немного защищала от ветра. Но тут же меня снова осенило:

— Лид! Так если ты можешь сходить к нам и наколдовать, что хочешь, может, наколдуешь какое-нибудь оружие против Съедина?!

— Какое?

— Сонька права, на него даже обычной ручной гранаты хватит! — подхватила Натка. — Хотя можно и бомбу с часовым механизмом... — Добавила она мечтательно. Лид чуть улыбнулся и приподнял руки, как бы заранее признавая свое поражение.

— Я не могу сделать того, принцип действия чего я не понимаю, — сказал он. — И почему-то мне кажется, что вы его не понимаете тоже.

— Эх... Ты прав, твое величество, — вздохнула Натка. — Ладно, давай хоть палатки.

— Только на всех, — быстро добавила я, предвкушая, какой скандал

закатит Иа, если Лид притащит палатку только мне и подруге. Король, уже вставший и направившийся к дыре, удивленно глянул на меня через плечо — видно было, что подобные мысли ему самому в голову не пришли — однако кивнул. Я проследила взглядом за его высокой фигурой, до тех пор пока она не обошла каменный трон и не исчезла в воздухе. Как оказалось, за Лидом следила не одна я, потому что ко мне тут же подбежали Сот и Адар с разинутыми от удивления ртами и хором спросили:

— Эй, а куда он исчез?

— Я не эй, а Соня, — на всякий случай навела я шороху. — Он пошел в мой мир, чтобы накол... Чтобы взять для нас шатры из материи, а то ночью холодно будет.

— Это щас еще не холодно! — уверил меня рыжий Сот, параллельно ковыряя в носу. — Вот я зимой спал в открытом загоне — чуть не помер! Гы-гы.

Адар тоже почему-то заржал, и оба убежали на зов Гефа. Я почесала в затылке, чувствуя, что, кажется, от долгого общения с королем разучилась понимать простолюдинов.

— Сонька, чего ты расселась, помоги! — недовольно тыркнула меня Натка: она пыталась ввинтить в землю рядом с костром рогули для будущего котелка. Я, кряхтя, навалилась на разветвленную ветку, безуспешно пытаюсь вогнать ее в твердокаменную почву.

— Девчонки, вам помочь? — Послышался рядом чей-то баритон. Подняв глаза, я увидела Урота, который склонился над нами, упершись руками в коленки.

— Помоги, — тут же согласилась Натка. — Вон, воткнуть никак не можем.

Урот взялся за наши рогульки, ввинтил их в землю чуть ли не одним мизинцем каждой руки, распрямился и поощрительно нам улыбнулся.

— Ну что, еще что-то нужно?

— Нет, — сказала Натка с сожалением.

— Ну ладно, если будет нужно, скажете. А куда делся наш предводитель? Геф болтал, что он нас собрался чему-то такому обалденному учить.

— В наш мир пошел за шатрами, потому что ночью... — начала было я по второму кругу, но увидела подходящего к нам Лида с ворохом брезентовых тряпок и с облегчением кивнула ему:

— Здорово, как ты быстро! Тут можно поставить палатку? По сколько человек у тебя в нее влезает?

— По два, — Лид, по своему обыкновению, пройдя мимо

вопросительно глядящего на него Урота, как мимо пустого места, шлепнул на траву одну из палаток. — Эта будет нашей, а остальные пускай распределяются, как угодно.

— Твое величество, ты не пугай, — встревожилась Натка. — Я чего, должна буду в одной палатке с этой Иа ночевать?

— Как хочешь, — отозвался король с рассеянным равнодушием, снова обходя Урота, словно фонарный столб, и начиная раскладывать палатку. Натка, хорошо знающая короля, только махнула рукой и отошла, Урот отошел тоже, но с таким лицом, что я поняла: популярность среди молодого поколения колдунов Лид вряд ли заслужит.

В конце концов мы все же устроились: под сенью лесополосы возник лагерь из довольно плотно друг к другу стоящих палаток. Мне так и не удалось уговорить Лида пристроить к нам Натку, и ее приютил Геф. Остальные тоже разбивались на пары и селились каждый в свою палатку. С Иа селиться никто не захотел, она осталась без пары, поэтому к ней решили положить дрыхнущую фрейлину. Иа попыталась возмутиться против такого соседства, но Лид опять нашипел на Гефа, а Геф отвел Иа в сторону и о чем-то с ней поговорил, показывая то один кулак, то другой. После этого разговора она с мрачной физиономией втащила фрейлину в палатку.

Впрочем, рассиживаться никому не дали. Как только Енг дочинил самолет, кое-как привязав на место колесо, и улетел, пообещав прибыть через неделю, Лид собрал вокруг себя подростков и принялся учить их колдовству. Обучались они, сидя вокруг пустого каменного трона, чтобы дыра глушила их неумелые попытки колдовать. Лид то вставал, то присаживался на траву в середине ученического круга, но на трон не садился и даже его не касался. Видимо, все-таки, как выражалась Натка, у короля была связана с ним слишком глубокая психическая травма.

Но только мы с подружкой растянулись у костра и, лениво поглядывая на обучающихся, начали болтать в свое удовольствие, как из ученического круга вылетел маленький ушастый Адар с таким видом, будто его пнули. Подлетев к нам, он косноязычно сообщил:

— Сказали, чтобы вы пошли тут на пруд, он засохший, за глиной, и чтобы много...

— Кто сказал? Какой пруд? За какой глиной? — изумилась я.

— Рет сказал... Что пусть сходят на засохший пруд, он вон в той стороне, и выковыряют из него глину... Мокрую. Много. И принесут туда, к трону.

— Зачем?

— Не сказал, — ответил Адар, переходя на шепот. Мы поняли, что все

равно от него ничего не добьемся, к Лидушний раз приставать не хотелось, поэтому мы решили лучше уж сделать то, о чем нас просят.

Засохший пруд оказался совсем недалеко: примерно на том же расстоянии от трона, что и наш лагерь, только в восточном направлении. В общем-то, это был даже не пруд, а, скорее, маленькое болотце, в котором стояла небольшая лужа воды, а остальное место занимала чавкающая грязь серовато-желтого цвета. Из нее торчали толстые высокие растения с полусохшими, разлапистыми, как у пальмы, листьями. Раздавалось тихое кваканье: значит, лягушки в Варсотии тоже водились.

— Это, что ли, глина? — пришла к выводу Натка, показав на грязь, не дожидаясь ответа, засучила рукава и ткнула в болото принесенной с собой длинной рогатой палкой. Я последовала ее примеру, взяла свою палку и принялась ей помогать. Выковырнутые куски грязи мы складывали на подобие носилок, собранных нами из веток и перевязанных веревочками. Носилки были, ясное дело, дырчатыми, грязюка тут же принялась с них стекать.

— Тряпку надо подстелить какую-нибудь, — пришла к выводу подруга, присаживаясь на корточки и встряхивая серыми руками.

Тряпку мы оторвали от моего циновочного покрывала. Теперь дело пошло на лад, и мы принялись таскать кучи глины, становясь с каждой ходкой все серее и серее. Король был занят обучением, ученики были заняты получением подзатыльников, на нас никто внимания не обращал.

— Слушай, мне уже даже нос нечем вытереть, все руки по плечи грязные, — пожаловалась Натка на тридцатом проходе, вываливая глину с носилок в общую кучу. — Может, хватит ему, а?

— Лид, может, тебе хватит глины? — сказала я в королевскую спину. Спина повернулась в профиль, оглядела кучку и, что-то прикинув, сказала:

— Нужно еще примерно столько же.

— Да на нас уже чистого места нет! — возмутилась я. — И сил нет тоже. Хоть бы ты помог...

— Через несколько минут, а пока идите, — разрешил нам Лид. Я показала его спине язык и мрачно потащилась следом за Наткой, шурша по траве мокрым подолом с налипшими комьями глины.

Несколько королевских минут продлились полчаса. Король оставил учеников сидеть в кружочке и подошел к болотцу как раз тогда, когда мы, убирая с потных лбов серыми руками серые волосы, начали наковыривать очередные носилки.

— С ума-а сойти-и, Соня-а, на кого вы похожи-и! — сообщил он нам по-русски. Из-за варсотского акцента эта фраза прозвучала еще более

издевательски.

— Я еще на тебя посмотрела бы, если бы ты столько в грязи возился, — огрызнулась я, стоя по колено в жиже посредине болотца. — Тут, вообще, где-нибудь есть вода, чтобы отмыться?

— Да, чуть дальше в мое время было несколько родников, думаю, и до нынешних времен какие-то сохранились. Наверное, вы бы так не испачкались, если бы сразу пользовались нужным инструментом, — король тоже засучил рукава, достал из-за спины варсотское подобие нашей лопаты и выкопал кусок глины.

— Тьфу ты! — сплюнула Натка. — А я думала, у нас ничего такого нет!

Король противно хмыкнул и продолжил аккуратно копать, ловко избегая грязных брызг. Я возмущенной лягушкой вылупилась на него из центра болота и отбросила палку.

— Знаешь что, Лид, мы вроде бы выяснили, что ты ничем не отличаешься от простолюдинов! Может, перестанешь, наконец, высокородничать?

— Я и не высокородничаю, Соня, но я не могу сразу забыть все, чему меня научили, и как меня воспитывали в то время, пока я был королем.

— Короче он хочет сказать, что он высокомерный чистоплюй и этим гордится! — заключила сердитая Натка и, выйдя из болота, принялась вытирать руки травой. — Между прочим, твое величество, ты так и не сказал, зачем тебе вообще столько глины. Троянского коня Съедину лепить будем?

— Статую, — ответил Лид кратко.

— Кого?

— Видимо, меня. Чтобы посадить ее на трон.

— Зачем? Как муляж, что ли?

— Чтобы у местных жителей не возникало лишних вопросов и тревожных мыслей, если кто-то из них тут появится. Некоторые простолюдины лучше знают историю, чем я надеялся.

— А, понятно, — протянула я. — Но зачем глину-то таскать?

— Потому что камней здесь все равно не найти.

— Ну ты бы мог наколдовать статую так же, как и палатки, в моем мире. И даже каменную.

— Это заняло бы гораздо больше времени, особенно на доделку, да и потом, как я перетащу камень такого веса через дыру? В общем, мне легче слепить, тем более, что я это все равно люблю.

— Любишь? — удивилась я такому прямому выражению королевских

вкусов.

— Я хочу сказать, что мне всегда это нравилось, — поправился король, видимо, решив, что я его не поняла. — И мне это нетрудно: думаю, примерно за ночь я справлюсь.

— А ребятам и Гефу что скажем?

Лид пожал плечами.

— Что угодно, они достаточно безграмотны и историей не интересуются.

— По-моему, зря ты их недооцениваешь, твое величество, — покачала головой Натка. — Надо бы придумать что-нибудь правдоподобное.

— Хорошо, придумаешь — скажи, — согласился Лид и бросил на носилки последний кусок глины. — Думаю, достаточно. Теперь мне это надо с кем-то донести. Натка...

— Да давай уж я, — махнула я серой рукой и принялась выбирать из болотца, но чуть задержалась, привлеченная негромким кваканьем, которое раздалось у меня чуть ли не под ногой. Я наклонилась и с любопытством всмотрелась в лежащий на грязи полуувядший разлапистый лист, ожидая увидеть там лягушку.

Но на листе, свернувшись толстым полукольцом, сидело нечто среднее между гусеницей и змеей длиной с полруки. На ее кольчатом, скользком, синем в красное пятнышко теле торчали длинные и одинокие черные шерстинки, а морду венчали огромные черные глаза и присоска в форме дудочки. Гусеница-змея встретилась со мной взглядом и, вибрируя присоской, тихонько сказала:

— Ква-а-а...

— А-а-а-а-а!!! — отозвалась я громким визгом, за пару секунд вылетела из болота и, вцепившись в короля, сделала попытку спрятать голову ему под пиджак. Лид, плохо переносивший резкие звуки, вздрогнул и, крепко прижав меня к себе, попятился назад. Поскольку я не желала выглядывать из-под пиджака, а он не видел, куда шел, не удивительно, что мы оба споткнулись об носилки и дружно сели в глину. Натка все это время, ничуть не сочувствуя нашим горестям, ржала, как конь.

— Авр, Соня, — сказал Лид на смеси русского и варсотского, осторожно пытаясь вытащить меня на свет божий. — Ну, что ты там увидела?

— К-квакучую г-гусениц-цу, — ответила я и еще крепче в него вцепилась.

— Кс-а-ар, что ли? — переспросил король, начиная хихикать. — Соня, он не опасный. Он как ваши лягушки. Вылезай.

— Неа, — отказалась я. Королю, судя по сбившемуся дыханию, не заржать во весь голос, подобно Натке, не дало только строгое высокородное воспитание. Он потрепал меня по затылку и сказал:

— Ну хорошо, можешь ходить так, но давай для начала встанем с глины.

— Давай, — согласилась я неохотно и высунула на улицу один глаз. Король, придерживая меня, с трудом поднялся и обратился к икающей со смеху подружке:

— Натка, если ксар Соне так не нравится, поймай его, он как раз подойдет для уничтожения Гефу.

— Кого поймать? — безмятежно спросила Натка.

— Ксара. Вот он сидит, видишь?

— Это мы запроста-а-а-а-а!!!!

По дикому воплю подружки я поняла, что до этого она гусеницу-змею не замечала. С любопытством высунув голову из-под Лидового пиджака, я увидела надвигающуюся Натку с разинутым ртом и выпученными глазами. Она налетела на нас с королем, и мы все трое шлепнулись, правда, к счастью, уже не на носилки, а просто на край болотца. Я, держась за Лида и поглядывая на подружку, заливалась злорадным смехом, а Натка повторяла дрожащим голосом: «к-к-вакучая г-гусеница!».

В конце концов ксар, которому надоел этот шум, квакнул, плюхнулся с листа в болотце и унырнул по своим делам. Мы, начиная приходить в себя, оглядели друг друга. Теперь король по грязиности не очень-то отличался от нас с Наткой: на его пиджаке, рубашке и почему-то даже на кепке виднелись следы моих скрюченных пальцев и пятерней. Из-под кепки на меня глянули светлые Лидовы глаза с каким-то укоризненно-веселым выражением.

— С вами, черт возьми, не соскучишься, — сказал король по-русски и вдруг хохотнул почти как Геф: наверное, набрался интонаций от своих учеников. Последние, кстати, уже явно посматривали в нашу сторону.

— Пойдемте, — король кивнул на носилки и медленно выпустил мою руку.

— Угу, — сказала я с сожалением.

Изменившийся вид короля подростки, конечно же, встретили дружным ржанием. Близнецы Мир и Фир подавились жеваными травинками. Сот аж упал на спину со смеху, а Геф не преминул спросить:

— Ре-ет, ты чего это так вывалялся?

— Не я, а мы, — поправил его король, кивнув на нас. — Это болото, там много грязи. Вы наловили жуков?

— Давно уже, — недовольно сказала Иа.

— Хорошо. Уничтожайте. Соня, Натка, можете идти.

Мы, смущенно хихикая, удалились в палатки переодеваться и чиститься.

Вскоре солнце совсем скрылось за деревьями, ветер успокоился, зато резко похолодало. Небо загорелось фиолетовато-розовым закатом, а ребята все не отходили от короля. Над ними повисли магические огни; при их свете они с воодушевлением копались в траве, ища насекомых. Старания в обучении им было не занимать, и отрывались от дела они весьма неохотно: только Геф по приказу Лида притащил нам пару ведер воды и тут же удрал обратно. Мы вымыли руки и принялись варить суп из вяленого мяса и корней. Закат постепенно потух, на посиневшем небе начали проявляться звезды.

— Красота, — нарушила молчание я, протягивая руки к костру. Натка задумчиво кивнула.

— Да, здорово. Если бы не Съедин, вообще было бы на сказку похоже...

Я молча уткнула замерзший нос в поднятые колени. К нашему костру, выступив из темноты, подбежал оживленный Сот, сказал: «гляньте, как я могу!», протянул нам на ладони толстенную ночную бабочку и со смачным треском превратил ее в пыль. Мы одобрительно кивнули, и Сот сменился Адаром. Тот стеснительно и молча достал из кармана трех жуков и уничтожил их одного за другим, так что получилось что-то вроде фейерверка. Мы заплодировали, Адар смутился и убежал. Кругом уже слышались громкие разговоры остальных подростков, возле палаток разгорались костры. Наконец, пришел и Геф, и, усевшись рядом с нами, восторженно сообщил Натке:

— А я сегодня целую ящерицу уничтожил! Рет сказал, скоро на птиц перейду, ух, как холодно! Прямо ужас какой-то... Пожрать чего есть?

— Присоединяюсь к вопросу Гефа, хотя я бы выразился менее грубо, — Лид, возникнув из тьмы, поприветствовал нас сдержанной улыбкой, аккуратно уселся рядом со мной и, стянув с голову кепку, тряхнул своей прической маленького принца, которая уже немного отросла.

— А что, тут супом, что ли, кормят? — послышался голос Урота, а голос Лена оживленно переспросил:

— Где?

Спустя миг к нашему костру сбежались все ученики. Последней пришла Иа, таща под мышки по траве спящую фрейлину. Указав на нее, девочка недовольно сказала:

— Ее-то тоже накормить надо.

— Подождет, она все равно спит, а мы есть хотим, — отодвинул ее плечом Сот. Остальные голодно загремели жестяными чашками и ложками.

— Да погодите вы, налетели, как саранча! — возмутилась Натка. — Объедайте нас хотя бы по очереди.

— А что такое? Это прямо ваш личный суп? — фыркнула Иа. — Может, вы тоже короли, как Съедин? А то мы вам забыли поклониться.

Мальчишки, даже Геф, одобрительно засмеялись. Я обиделась за подругу:

— Чего вы тут ржете? Сказали бы сразу, мы больше бы супа сварили.

— А сами не догадались, что ли? — насмешливо поинтересовался Урот. Доселе молчащий Лид, когда задела меня, сразу встрепенулся.

— Если уж вы собираетесь есть с нами, ведите себя нормально, — сказал он таким голосом, что все поежились, как от ледяного ветра, и хихиканье мгновенно прекратилось. Ученики, опасливо поглядывая на наше грозное величество, испуганно подождали, пока мы с Наткой возьмем суп себе и королю с Гефом, и принялись по очереди наполнять свои чашки.

Еды, как ни странно, хватило всем, даже фрейлине: она пребывала в полудреме, однако вяло глотала суп, который ей по очереди ловко вливали в рот Иа, Геф и Лен. Остальные шумно чавкали, с довольным видом стирали в порошок привлеченных костром ночных бабочек и спорили у кого это лучше и быстрее получается. Лид в прениях не участвовал: он отдал пустую миску Натке и сидел, положив руки на колени и с отсутствующим видом глядя в костер. Я проследила за его взглядом, и не зря: оказалось, что король втихую развлекался созданием огненных фигурок на краю костра. Сегодня ему пришла охота изобразить кого-то вроде танцовщицы в длинном платье, которая плясала на углях.

— Ого, — сказал Геф, тоже заметив огненную фигурку. — А я так не умею. Я лучше могу усыпить, головную боль сделать, или чтоб живот скрутило...

С этими словами он повел рукой. Все мы, кроме Лида, одновременно и опасливо поглядели на свои животы, но оказывается, Геф просто хотел попробовать управлять огнем. Никакой фигуры у него не вышло, зато костер на миг превратился в вертикальный столб и фыркнул снопом искр.

— Говоришь, что не умеешь, так не брался бы! — рассердилась Иа, хлопая себя по платью. — Теперь дыры будут!

— А у фрейлины юбка горит... — тихо сообщил Адар. Мир, хлопнув по фрейлине ладонью, сшиб маленький огонек, Фир рассмеялся и зевнул.

— Спать что-то уже охота...

— От колдовства, наверное, — догадался Лен и вопросительно поглядел на Лида. Лид отвел глаза от огненной танцовщицы, которая тут же потухла, и кивнул:

— Да, ты прав. Идите спать, завтра вам нужно будет целый день набирать силу. Геф, не забудь усыпить фрейлину, у нее один глаз открыт.

— А, ну да, — Геф небрежно придержал пытающуюся проснуться фрейлину за плечо, и она тут же уснула обратно.

— Мда, — сказала Натка. — Небось, на всю жизнь вперед она у нас выспится.

Геф подтверждающе гыгыкнул и, встав, нахально потянул мою подругу за руку.

— Пошли давай, Рет же сказал всем спать.

— Мне-то что, я не колдую, — удивилась Натка.

— Зато ты готовишь. И вообще, всем — значит всем. Кроме Сони, ясно, — добавил он, покосившись на короля.

— Ладно уж, пошли, — сдалась подруга. — Все равно зеваю уже. Сонька, до завтра.

Я махнула рукой. Остальные тоже начали постепенно расползаться от костра и забираться в палатки. Фрейлину утащила Иа. Король сидел на месте, я, хоть и хотела спать, тоже. Дождавшись, пока мы останемся одни, я, позевывая, поинтересовалась:

— Ну что, будем делать статую?

— Да, а то глина засохнет. Соня, ты можешь идти спать.

— Да ладно, я посмотрю, а может, подскажу тебе что, мне же со стороны виднее, как ты выглядишь.

Лид не возразил, спродуцировал волшебный огонь в форме маленького висячего фонарика, и при его синеватом свете мы, подойдя к трону, принялись в четыре руки ваять поддельного короля.

Я усиленно участвовала в первой стадии процесса, пока надо было облеплять глиной спинку трона и каркас, на который мы приспособили ветки. Когда вся куча глины пересела с земли на трон, Лид отогнал меня в сторону и принялся за дело сам. Я чистилась при свете магического огонька и готовилась подсказывать, так как хорошо знала, что без зеркала человек не сможет нормально увидеть себя со стороны. Но король помощи не просил и шлепал по глине, как автомат, без остановки. За считанные минуты бесформенная куча начала приобретать черты человеческой фигуры. Не успела я опомниться, как король с легкостью воссоздал точно такой же костюм, в каком я его впервые увидела, и даже, кажется, так же уложил волосы. Лицом статуя пока что смахивала на вареную мумию — из-

за нечетких линий носа, отсутствия рта и неровных глазниц. При синеватом свете магического огонька она выглядела, мягко говоря, неприветливо. Я отвела глаза и поежилась. Было холодно и очень темно из-за отсутствия луны. Вдалеке тихо квакали, как теперь я знала, далеко не лягушки, слабо чирикали, как я надеялась, именно птицы, от палаток доносился чей-то храп, хорошо слышный в общей тишине. Повернувшись обратно, я увидела, что статуя уже успела обрести вместо неразборчивых варежек руки, и даже с перстнями...

— Ли-ид, — решила я нарушить молчание. Король отозвался негромким звуком «эй», который меня не смутил: я знала, что это по-варсотски значит что-то вроде «ага».

— Что я хотела спросить, — продолжила я на вавилонской смеси наших языков, — а тебе перстни нравилось носить? Сейчас-то понятно, что ты их не носишь, а вот раньше...

— Не могу сказать, что нравилось. Просто это была обязательная часть моего вида, все высокородные их носили. Иногда это действительно удобно, если перстень жесткий, острый или тяжелый... — Лид показательно ткнул в воздух кулаком. — Со Съедином вот пригодился.

— Хм, — отозвалась я, от холода чуть ли не с головой уходя в свое просторное варсотское платье. — Ты лицо-то делать будешь? А то оно какое-то жутковатое. Может, тебе зеркало нужно?

— Нет, Соня, я помню, как я выгляжу, — уверенно отозвался король и прошелся пальцами по волосам статуи, подравнивая прическу. Магический огонек передвинулся ниже, еще лучше освещая неприятное лицо. Против воли я уставилась в темные глазницы.

— У-у-у-у... — тихо сказала нечто в басовом регистре, а из головы статуи начала расти странная подвижная чернота. Она ворочалась, будто вылезая наружу, а звук все не прекращался...

Я одним прыжком достигла короля и схватила его за запястье, намереваясь оттащить от статуи. Лид, повернув глаза, посмотрел сначала на меня, потом — на жуткую черноту, у которой к тому же вдруг прорезались зловещие рога, и сказал по-русски с варсотской выразительностью:

— Опя-ать приперлась.

— Кто? — заморгала я.

— Животное из вашего мира. Корова, правильно?

— У-у-у, — согласилась корова тихо. — Му-у-у-у.

— Ой, — рассмеялась я с облегчением. — Неужели та самая? Когда мы сюда входили, она с нами вошла, мы ее не могли запихать обратно!

— Наверное, она. Пока я обучал Гефа и его людей, она несколько раз входила и выходила через дыру. Видимо, траву выбирает, — король прищурился на коровий силуэт, который тряс рогами.

— Как же она это делает, ведь нужно же схватиться за трон! — удивилась я.

— По-моему, она касается его мордой. Наверное, уловила закономерность.

— Какая умная, — сказала я умиленно. — Просто дрессированная!

— Только иногда мешается. Пока я делал палатки, она пыталась жевать мою одежду.

Я хихикнула. Король не хихикнул в ответ: он, наконец, принялся за лицо статуи.

Одна за другой начали проявляться знакомые черты: тонкий Лидов нос с небольшой горбинкой, несколько удлинённый подбородок со впадинкой, высоко поднятые брови и большие, немного прикрытые глаза. Общее выражение лица было равнодушно-брезгливым, губы — крепко сжатыми, будто король устал на кого-то ругаться и умолк от безнадежности. Меня взяли сомнения.

— Лид, — сказала я. — Конечно, похоже, но ты уверен, что был таким мрачным? Мне ты как-то показался по приветливей...

Король покачал головой.

— Нет, Соня, я уверен.

— А по-моему, все-таки не совсем. Откуда ты это взял-то?

— Запомнил, — сказал Лид. — За триста лет.

Я примолкла. Король продолжал ковыряться над статуей, завершая отделку. Внезапно решившись, я слабо погладила его по плечу сквозь пиджак, и спросила шепотом:

— Лид, а если честно, очень страшно было?

Король, задержав руки в нескольких сантиметрах от лица статуи, крепко задумался. Я прямо видела, как он пытается втиснуться в непривычные рамки простолудинских чувств. Наконец он отозвался:

— Нет, Соня. Терять нечего было. Сейчас страшнее.

— У-у-у-у, — под настроение подвыла нам корова.

Король хихикнул, вытер руки об траву и принялся аккуратно подбирать глину вокруг трона. Я, зевая во весь рот, помогала ему. Наведением чистоты мы занимались, как мне показалось, чуть ли не дольше, чем непосредственно лепкой. Когда педантичный Лид наконец подобрал последнюю глиняную крошку, я уже почти спала сидя, а корова успела поесть, ткнуться мордой в трон и уйти в наш мир. Наконец король

поднял полуспящую меня с травы, практически волоком дотащил до лагеря и запихал в палатку, в которой на этот раз было весьма тесно и не было никакого собора.

— Ой, Лид, — последним усилием вырвалась я из сна. — А как ты спать будешь в таком холоде, ты же мерзнешь...

— Не беспокойся, Соня, я лягу возле выхода, тут близко костер, — отозвался король и с шуршанием улегся. Я хотела было предложить ему покрывало, но уснула в процессе открытия рта.

Проснулась я, конечно же, рано: утренний холод, сырость и жесткая земля под палаткам не способствовали хорошему сну. Открыв глаза и с трудом усевшись, я некоторое время, щурясь, молча смотрела на свернувшегося клубком спящего короля, которого колотило так, будто под ним был зарыт отбойный молоток. Наконец мои нервы не выдержали, и я начала трясти его по плечу. Лид с трудом приоткрыл глаза и приподнялся на локте. Выглядел он невыспавшимся, что, в общем, меня не удивило.

— Ну и чего ты над собой издеваешься? — укорила я бестолкового короля. — Надо было как следует костер разжечь или под себя хотя бы углей насыпать.

— Костер я разжигал, но он, видимо, уже потух. Неважно, все равно нужно будить простолюдинов, — отозвался Лид, встал на четвереньки и, все еще дрожа, выполз из палатки. На любом другом человеке, кроме короля, это выглядело бы комично, но за Лидом тянулся такой плотный шлейф собственного достоинства, что я даже не улыбнулась и вылезла следом.

Костры, ясное дело, потухли, из палаток доносился храп. Занимался серый рассвет, трава была мокрой. Невдалеке высился трон, на нем сидела поддельная статуя, а рядом, помахивая хвостом, паслась корова. Король, даже не дожидаясь, пока я реанимирую костер, пошел вдоль ряда палаток, громко говоря:

— Вставайте, будем продолжать учиться.

В палатках застонали. Чей-то заспанный голос спросил:

— Чего он орет там?

— Вставайте, — повторил упорный король, не меняя интонации. Из палаток начали показываться лохматые головы, а вскоре на четвереньках выползли и сами их обитатели.

— Ваше величество, да ты же жаворонок, — с отвращением протянула Натка, пытаясь пригладить всклокоченные волосы. — Может, тебя в свое время именно за это и заколдовали, а?

— Возьми Гефа и помогите Соне приготовить еду, — проигнорировал

ее слова король и обратился к остальным:

— Пойдемте.

— А поесть?! — возмутилась Иа. Король, не отзываясь, направился к трону.

— Поедим попозже, когда они приготовят, — примирительно сказал Лен, аккуратный и благодушный даже с утра, и пошел за королем. Остальные сумрачно направились следом.

К моему костру подбрела всклокоченная Натка и хриплый Геф, и мы принялись вяло и медленно варить суп для завтрака. Солнце, маленькое и белое, постепенно поднималось над дальними деревьями. Когда его лучи упали на палатку Иа, она неожиданно зашевелилась, и наружу выползла измятая фрейлина с травой в прическе. Сладко потянувшись, она зажмурилась и сказала:

— Ой, как я выпалась!

— Ну тебе и повезло, — сказал Геф с завистью, подошел к ней и положил руки ей на плечи.

— Э... — вякнула фрейлина и осела на землю. Геф ногой вкатил ее в палатку, широко зевнул и, почесываясь под кепкой, возвратился к нам. Натка хотела было что-то ему сказать, но на полпути передумала и тоже зевнула.

Через час суп доварился, мы почти проснулись, и ученики вместе с королем пришли на завтрак. Уже издали я заметила, что в их рядах происходят какие-то прения. И точно: Иа, идя следом за Лидом, возмущенно кричала:

— Я тебе кто, чтобы ты меня тридцать раз по затылку и рукам хлопал?! Я чего, слуга тебе, что ли?!

— Будешь делать все правильно, не буду хлопать, — отозвался король. — С остальными я делаю так же.

— Вот-вот, и долго ты так делать-то будешь? — поинтересовался Урот. — Мы, между прочим, рискуем тут жизнью, участвуя в революции, мы тут не малолетки, чтобы нас тумаками воспитывать.

— Кто как, — сказал Лид, пожав плечами. — И если вы рискуете жизнью, то хлопки вас не должны волновать. Они не болезненны.

— Зато они... Унизительные, вот! — воскликнула Иа, упирая руки в бока и сверкая глазами.

— Да ладно тебе, — попытался успокоить ее Геф. — Меня он тоже хлопал, подумаешь, голова-то не отвалилась.

— Так не учат! — заорала Иа. Король посмотрел в упор, но почему-то не на нее, а на Урота, и сказал ледяным тоном:

— А я и не учитель. Я вынужден учить вас, потому что никто другой не может этого сделать. Споря со мной, вы теряете время обучения, а его у нас мало. Лучше ешьте.

Ученики, кто быстрее, кто медленнее, подавленно опустили головы, молча расселись вокруг костра и взялись за миски. Я поймала себя на том, что сделала то же самое: хотя высказывания Лида меня не касались, сопротивляться его приказам, когда он так говорил, было крайне трудно.

— Мда, — нарушила Натка гнетущее молчание. — Всегда мне, твое величество, нравилась твоя принципиальность. Сколько усилий ты предпринимаешь, чтобы отстоять какую-нибудь фигню, приятно посмотреть! Смотри, какой шорох навел, теперь, небось, пару дней икаться будет, а мог бы просто прекратить свои средневековые подзатыльники, да и все.

Я думала, что король зашикает на подругу, но он вдруг ответил со вздохом:

— Прекратить трудно, я это делаю, как вы говорите, машинально. Вы считаете, что отучиться от такой манеры очень важно для общения с простолюдинами?

Обращался он явно ко мне и к Натке, но мы обе от неожиданности замолчали: впервые на нашей памяти король вообще просил у нас совета. Натка пришла в себя первой и заявила, тряхнув головой:

— Важно, твое величество, даже очень. Давай учись, мы с Сонькой тебя благословляем.

Я кивнула. Король тоже кивнул и перешел на варсотский:

— Я постараюсь не шлепать вас, если вам это не нравится. Я привык к такому способу, потому что меня самого учили так же.

На лицах некоторых учеников, в частности, близнецов, Адара и Иа, проступило явственное сочувствие.

— Ага, — сказал Мир. — Нас тоже хозяин колотил, пока мы к другому не сбежали.

— А меня хозяйка, когда я служанкой работала, за косу дергала, — вдруг добавила Иа. — Я тогда пучок сделала, и ей дергать стало неудобно.

Все, включая даже короля, рассмеялись. Геф одобрительно посмотрел на Натку, положил руку ей на плечо и потряс, спросив при этом у меня:

— Во она всех помирила, да? Головастая.

— Угу, — охотно согласилась я. Натка тоже рассмеялась и даже слегка покраснела.

Оставшийся день прошел мирно, но деловито. Мы готовили еду и следили, чтобы излишне выпавшаяся фрейлина не выползла из палатки,

Лид с учениками колдовали возле трона, рядом паслась, периодически уходя в наш мир и приходя обратно, довольная корова. Иногда к нам прибегали похвастаться успехами Адар или Сот. Теперь, по их словам, они уже набрали побольше силы и у них получается действовать на людей и предметы на расстоянии, тогда как раньше нужно было браться за них руками. В доказательство своих слов Сот повел рукой в воздухе, и Адар расчихался. Чихая, Адар тоже махнул рукой, и на Сота напала икота. Тут пришел посланный Лидом Геф и с ухмылкой увел за шивороты шебутную парочку, которая продолжала чихать и икать.

Про статую ученики, как ни странно, не спрашивали: точнее, что ее сделал Лид, они поняли, а зачем — их не интересовало, либо король уже успел соврать что-то подходящее. На солнце статуя подсохла и приобрела оттенок, близкий к оттенку камня, из которого был сделан трон.

Помимо приготовления еды мы занимались еще решением вопроса с королевским сном. Я рассказала Натке, как трясло Лида утром, мы напряженно покумекали, посоветовались с Гефом, и в конце концов к вечеру у нас было готово для короля специальное ложе. На вид оно было неказисто и вообще вызывало нехорошие адские ассоциации, потому что состояло из двух горшков с тлеющими красными углями, которые стояли, в свою очередь, в двух небольших костерках. Над всем этим мы воздвигли из крепких толстых веток и двух притащенных с помощью Гефа пней нечто, что, если накрыть его циновкой, отдаленно напоминало кровать, а над кроватью, в свою очередь, поставили навес, потому что такая конструкция в палатку не влезала.

После ужина, когда усталые ученики поели сами, покормили фрейлину и принялись разбредаться, мы с гордостью ухватили короля с двух сторон под руки, подволокли его к кровати и почти хором поинтересовались:

— Ну, как?

— Спасибо, девушки, — серьезно сказал Лид и посмотрел на нас почти растроганно.

— И Гефу тоже, — довольная Натка показала на ухмыляющегося подростка, который стоял рядом и по привычке теребил кепку. — Он нам пни притащил.

— Спасибо, — сказал король с сомнением в голосе.

— Да не за что, Рет. Мне чего-то даже завидно стало: ночи такие холодные сейчас, прямо будто на снегу спишь...

— Ночи тут ни при чем, — тихо сказал Лид, но Геф его не расслышал, потому что уже убрел в сторону палаток.

— Тоже пойду, — улыбнулась нам довольная Натка. — Давай, твое величество, не мерзни...

Король действительно не мерз: мерзла я, потому что часть ночи проболтала с ним на астрономические темы, наполовину высунувшись из палатки, и всунулась внутрь только когда окончательно перестала чувствовать нос и уши.

На следующее утро у меня появился небольшой насморк, но Лид выглядел гораздо более бодрым. В честь этого он вскочил чем свет и принялся вытаскивать учеников из палаток еще до восхода. Ученики, громко ворча, вываливались в полутьму и подбирались к костру, где я сочувственно кипятила воду. Попив кипятка и трясаясь как осиновые листья, они поплелись следом за Лидом к эшафоту, то есть к трону. Мы с Наткой дремали у костра, дожидаясь рассвета.

Рассвет толком не наступил. Варсотское время года решило напомнить, что оно все-таки осень, поэтому кроме холода показало нам хмурое низкое небо и морозящий дождь. Ученики, занимаясь, держали над головами циновки, Лид сидел просто так, в потемневшем от мороси костюме со слипшимися в сосульки волосами, с которых медленно капало, но все такой же величественный, как обычно. Корова разок заглянула к нам, но, видимо, оценив погоду, пропала и больше не появлялась. Было тихо, только иногда с шумом мимо нас пробежал очередной ученик, посланный за добычей: ксарами, жуками, бабочками и прочей живностью.

Мы уже думали, что отсыреем насквозь, но к обеду неожиданно распогодилось: тяжелые тучи над нами будто треснули, как толстая серобелая кожа, и в дырку хлынули солнечные лучи. Все вокруг оживилось: застрекотали, запрыгали и залетали насекомые, защебетали птицы, корова высунула морду из воздуха, опять оценила погоду и осталась щипать траву, из палатки снова полезла излишне выпавшаяся фрейлина, и нам пришлось спешно бежать за Гефом, чтобы тот ее усыпил.

После обеда Лид, подумав, вдруг поднял своих учеников на ноги, расставил их по полю рядочком и, махнув вперед рукой жестом полководца, велел им идти, прочесывая траву и уничтожая всех попадающихся насекомых. Ученики, скрючившись, послушно двинулись вперед. Натка рядом со мной стала, посмеиваясь, напевать вполголоса: «Косил Ясь конюшину», хотя на мой взгляд, движения учеников напоминали не косцов, а собирателей колорадских жуков на картофельном поле, до того они старательно гонялись за кем-то в сухой траве и так злорадно радовались, изловив очередное насекомое. Король оставил их и подошел к нашему костру. За ним попыталась отправиться корова, но у нее

кончилась оставшаяся в нашем мире привязь.

— Побуду пока с вами, отсюда лучше слышно дорогу, — сказал мне Лид. — Все-таки мимо иногда кто-то проезжает, а мои простолюдины далековато от дыры.

— Ты же сам их туда послал, — заметила я.

— Потому что так они быстрее наберут силу. На мелких животных это и без того получается не слишком-то скоро...

— А почему бы не перевести их на крупных животных? — поинтересовалась Натка и встретила взглядом с коровой, которая как раз на нас уставилась. — Гм, ну если не на животных, то на деревья, как ты делал.

— Вытягивать силу из деревьев может только тот, кто уже много вытянул ее из животных и людей, как я, например. Я не хочу учить их набирать такую силу. Простолюдины не приспособлены для этого, у них нет ни контроля, ни достаточной самодисциплины.

Натка сморщила нос.

— Ну да, мы помним, твое величество, что они не так прекрасны, как ты... А если кто-то из них сам догадается, как стереть в порошок какую-нибудь там лисособаку? Ты же сам говорил, что это не так сложно, тем более, что на маленьких животных они натренировались.

— Я им запретил это делать, — внушительно сообщил король. «И путь только попробуют» — так и витал в воздухе конец его фразы. Натка с сомнением поглядела сначала на меня, а потом на Лида, но промолчала. Ученики старательно «собирали колорадов», солнце светило почти полетнему...

Вечер тоже выдался неожиданно теплым. Точнее, теплым для нас, потому что ученики жались у костра и дружно стучали зубами. Особенно сильно мерз Геф.

— Чего это за холодрыга? — недоумевал он, сидя чуть ли не в обнимку с костром. — Даже зимой такой не бывает! Прошлой ночью, если честно, чуть не окочурился, а этой даже спать неохота лечь... Слушай, Рет, а это не может быть от колдовства?

Король подтверждающе наклонил голову.

— А, понятно, — повеселел Геф. — А надолго такая штука?

— На всю жизнь, — сказал Лид сумрачным тоном. — Чем больше твоя сила, тем хуже будет греть тебя твоя кровь.

Гул ученических разговоров разом умолк, все содрогнулись.

— А ты этого нам не говорил, — осторожно заметил Лен.

— А что бы изменилось? Все равно избежать этого нельзя. Или вы бы

передумали восставать против Съедина? — в королевском голосе проскользнул оттенок прежнего высокородного презрения к несовершенным простолюдинам.

— Не передумали бы, но кровати бы по-другому сделали, как у тебя, — сердито сказала Иа. — Опять ты только про себя думаешь! У самого-то кровать есть!

— Хорошо, можешь спать на моей, — тут же сказал король, которому явно было неохота вступать в долгие разборки со склочной ученицей. — Тем более как ты мне неоднократно уже рассказывала, все, кто женского пола, заслуживают отношения к себе, как к больным.

— Не как к больным, а уважения! — возмутилась Иа. — Ты как будто в лесу вырос. Соня, Натка, скажите ему!

— Ку-ку, — послушно сказала Натка.

— Ты чего?!

— А чего нам еще сказать? Давайте лучше спать, а? Иа, ты будешь ложиться на Лидову, то есть, Ретову кровать?

— Нужна она мне, — фыркнула Иа, уходя. — Завтра себе сама сделаю.

— Я тебе помогу, — пообещал Урот и тоже ушел. За ними потянулись остальные ученики. Только Геф все не отходил от костра: видно было, что он побаивается спать.

— Кажется, ты слишком много для себя набрал, — задумчиво посмотрев на него, пришел к выводу король. — Завтра ничего не уничтожай, как раз остальные тебя догонят. Спать будешь на моей кровати.

— А может, того, не надо? — покосился Геф на неприветливо сверкающее красными углями ложе. — Мне Натка обещала покрывало лишнее отдать.

— Ничего оно не лишнее, — проворчала Натка. — От сердца отрываю.

— Покрывало тебе не поможет, холод ведь идет изнутри, а не снаружи. Завтра будет лучше, ты привыкнешь, а сегодня ложись туда.

— А ты как же, Рет?

— Я уже привык, мне не так трудно спать в этом состоянии, — сверкнул благородством Лид и подтолкнул Гефа в спину. Тот не слишком охотно, оглядываясь на нас, взобрался на кровать и неловко натянул до подбородка покрывало. Лид сказал мне:

— Пойдем в палатку, Соня...

Оспаривать королевское решение я не стала, а, возможно, и зря, потому что на деле оно оказалось хоть и благородным, но дурацким. Король спал пунктиром, потому что его трясло, я не спала, потому что пыталась закидать его всеми имеющимися в палатке тряпками и

пододвинуть поближе к костру, отчего неблагодарный Лид во сне довольно сильно лягался. Проснувшись в пятидесятый раз я, стиснув зубы, слушала, как треплются о какой-то чепухе тоже неспящий Геф и не уходящая из сочувствия к нему Натка, которые думали, что говорят шепотом...

Часов в пять утра мы с королем полуживые вылезли из палатки и обнаружили пустую кровать и Натку с Гефом, которые сидели возле костра.

— Вы проснулись? — сердито спросила я.

— А чего, уже утро? Да мы чего-то не ложились, — безмятежно отозвалась подруга. — Спать не хочется. Да ладно, Сонька, нам же не на работу, завтра выспимся.

Я исподлобья поглядела своими красными глазами в красные глаза короля и прошипела:

— Ну, Лид, чтобы я еще раз!..

— Что, Соня? — заинтересовался король.

— Ничего, — буркнула я и полезла за кореньями и мясом для супа.

Погода в этот день снова была сумрачной и не исправилась даже в обед. Дождь сначала моросил, а потом пошел сильнее, насекомые попрятались, и Лид, решив прервать занятия, послал учеников за дровами в лесополосу, чтобы успеть сделать угли для будущих кроватей, пока все деревья не промокли. Сам он, как образцовый правитель, потащился со своими подданными, а я потащилась за ним. Лид, привычно скинув пиджак и засучив рукава, рубил сухие древесные стволы, велел мне и Натке следить за дорогой. Мы принялись следить и насчитали за два часа две машины и одну телегу: кажется, из-за плохой погоды варсоты потеряли вкус к загородным поездкам.

Нарубленные дрова мы принялись жечь под навесами на краю рощи, чтобы превратить их в угли для кроватей. Влажное дерево горело плохо и жутко дымило, отовсюду доносился кашель, но хотя бы никто ни с кем не ссорился. Правда, неугомонный Сот подговорил Адара наслать издали приступ чихания на Урота. Это им удалось: Урот расчихался так, что уронил себе на ногу не очень толстое, но увесистое бревно для кровати, тут же подобрал его и со зверским чохом швырнул в мальчишек. Те, хохоча, разбежались, но это происшествие почему-то сильно рассердило Лида. Вначале он подозревал Сота и Адара, наградил их увесистыми подзатыльниками и минут пять рассказывал, когда можно и когда нельзя использовать увеличившуюся силу, после чего подошел к Уроту, бить его, к счастью, не стал, но прочитал аж двадцатиминутную нотацию, которая сводилась к тому, что он как старший и более разумный не должен так сильно реагировать на выходки младших колдунов. После этого Урот с

нехорошо сверкающими сине-зелеными глазами подошел к костру, у которого возились мы с Наткой, и, слегка дернув головой вбок, будто отгонял комара, сердито сказал мне:

— Как ты его терпишь, Соня, такого нудного!

— Он не нудный, — встала я на защиту короля. — Он объясняет, как может, у него просто детство было... Гм... Трудное.

— А у нас у всех легкое, что ли? — хохотнул Урот. — Ну ладно.

Пожав плечами, он ушел, а я поглядела ему вслед с непонятным смутным чувством.

С кроватями мы провозились до самого вечера. Хотя по часам было не так уж много времени, из-за туч стемнело очень быстро, и темнота была густой, как чернила. Дождь в конце концов перестал лить, но перешел в противную морось. Поеживаясь под ней, мы таскали в наш лагерь ветки и бревна, вырубая их теперь уже не только в лесополосе, но и неподалеку от болота, где имелся небольшой древесный оазис. Ксары в болоте неодобрительно на нас квакали, но теперь даже мы с Наткой не обращали на них внимания.

Именно у болота мы с подругой, король и Геф и проторчали битый час, разрубая неподатливые деревья и обрубая ветки. Остальные ученики ушли в лагерь, оттуда слышался смутный гул голосов, сквозь морось мокрыми красными пятнами виднелись костры.

— Ну что, ребята, может, пойдем? — взмолилась, наконец, Натка. — Мы тут уже одни остались.

— Не считая ксаров, — добавила я, бестрепетно отпихивая палкой уныло вползающую на мое бревно квакучую гусеницу.

— Я смотрю, Соня, ты уже привыкла к ним? — спросил Лид с улыбкой.

— За кого ты меня принимаешь? — проворчала я. — Я и тогда-то заорала больше от неожиданности.

— Видать, ничего себе неожиданность была: даже мы слышали, — припечатал меня Геф со своим добродушным ехидством.

— Не тронь Соньку, — тоже добродушно хлопнула его по кепке Натка. Король, все еще улыбаясь, протянул мне руку, помогая перелезть через огромную травяную кочку.

— Пойдем, Соня.

Мы пошли. Я умиротворенно топала за королем, одной рукой придерживая на плече длинное бревно, а другой — крепко сжимая его мокрые холодные пальцы. Мне казалось, что должно случиться что-то

хорошее, а, может, и уже случилось...

Мы прошли мимо трона, на котором страдала под дождем осклизлая статуя. За спинкой трона, как ни странно, вырисовывался силуэт коровы.

— Смотри-ка, она чего, дождик полюбила? — хихикнула Натка.

— Лид, а статую не смоет? — тревожно посмотрела я на короля.

— Сразу — нет, а когда она подсохнет, я придам ей твердость колдовством, чтобы глина больше не текла.

— А-а-а, — успокоилась я.

Загребая ногами холодную мокрую траву, мы приближались к лагерю. Нам навстречу, как всегда, выскочили неразлучные Адар и Сот.

— Ре-ет, а тут к тебе... Мы сказали, что вы у пруда... — как всегда косноязычно и прерывисто выговорил Адар.

— Что? — резко переспросил король. Адар смутился и втянул голову в плечи, но тут необходимость в объяснениях отпала: навстречу нам, обойдя костер и тяжело шаркая, вышел мокрый Корант, обмотанный в несколько слоев тряпками, как все варсоты, которые предпринимали поездки на автомобиле. Он оглядел нас всех из-под насупленных седых бровей и остановил глаза на Лиде. Король спокойно сказал:

— Ави, Корант.

— Авилекса-а, — отозвался старик. — Здравствуй... Король Лидиорет.

Я с трудом сдержалась, чтобы не ойкнуть, и оглянулась на Натку. Та стояла с горестным лицом и бревном на плече, Геф переминался рядом, но у него вид был скорее спокойно-любопытный. Сам король, конечно, тоже не показал лицом никаких эмоций, только аккуратно положил топор-секиру и пару бревен, которые нес, выпустил мою руку, и, встав чуть ли нос к носу с Корантом, поинтересовался:

— Почему ты называешь меня королем?

— Потому что ты и есть древний король, которого заколдовали наши предки триста лет назад, — сказал Корант мрачно, но решительно. — Раньше наша семья жила не бедно, я хорошо учился. У меня сохранились старые книги. Я знаю историю. А тут и много размышлять не нужно было. Ты ведь не слишком скрывался. Когда мы с тобой встретились, ты говорил старым языком, каким были написаны древние книги в доме моих родителей. Ты плохо знал, что происходит у нас в стране, а вел себя иногда так, как будто ты выше всех и это само собой разумеется. Ты представился Ретом, но девушки называют тебя Лидом, и ты откликаешься. От какого еще имени могут быть два таких сокращения? Уж точно от имени высокородного. Я вначале подумал, что ты — один из приближенных Древнего короля, сбежавший в другой мир и вернувшийся сюда, чтобы

расколдовать короля и вместе с ним прийти к власти...

Лид, холодно слушавший старика, при этих словах брезгливо поморщился и сказал:

— Ты напрасно приписываешь мне свою логику.

— Логика у всех одинаковая, — усмехнулся Корант. — Я приехал сюда недавно, но вас не застал, и успел подойти к статуе. Ее даже трогать не надо, чтобы понять, что она поддельная: сколдована хорошо, но это глина...

— Не сколдована она! — не выдержала я и, опомнившись, замолчала. Король поглядел на Коранта сверху вниз, придав лицу выражение высокомерного сожаления.

— Корант, — сказал он. — Если ты провел такое тщательное расследование, ты должен был знать, какой силой обладали древние короли. По меньшей мере, неразумно являться к ним без поддержки и в одиночку.

Меня даже передернуло от явной угрозы, мягко проскользнувшей во вроде бы ровном Лидовом голосе. Я беспокойно глянула на короля: неужели он собирается стереть старика в порошок? А с другой стороны, что можно еще сделать? Усыпить его, как фрейлину? Но вдруг не один Корант такой догадливый, вдруг он кому-то рассказал? Усыпить и его? Перед моими глазами уже успело встать дрыхнущее заколдованным сном все Варсотское королевство и король со Съедином, растерянно хлопающие друг на друга глазами посреди него, но тут Корант, наконец, снова заговорил:

— Конечно, я бы не стал так поступать. Я оставил несколько писем, в которых написал все, что знаю, и приказал вскрыть их, если я не вернусь. Так что, что бы ты со мной ни сделал, тебе больше не удастся, король Лидиорет, прикрываясь революцией, морочить людям голову. Ты не сядешь на трон вместо Съедина.

— Чем меня всегда удивляли простолюдины, — помедлив, сказал король с интонацией главного злодея в каком-нибудь фантастическом фильме, — так это умением выстроить совершенно правильную логическую цепочку и сделать на ее основе абсолютно неправильный вывод. Ты в целом верно рассказал мою историю, но какие мои поступки позволяют тебе думать, что я хочу захватить власть вместо Съедина?

— Ты создал нашу организацию, а теперь ты обучаешь детей колдовать.

— Зачем?

— Вам, высокородным, виднее, зачем вы что делаете! — воскликнул

Корант в сердцах. — Может, поиздеваться над нами всеми хочешь. Или использовать и потом уничтожить.

— Я произвожу впечатление бессмысленно жестокого человека? — поинтересовался Лид.

— Да кто тебя знает, какое ты производишь впечатление! — Корант, будучи не высокородным, разговор с королем переносил плохо и начал хвататься за сердце. — Тебя ведь за что-то заколдовали! Ты мне даже был симпатичен, пока я не понял, кто ты такой...

— И это понимание изменило для тебя мое поведение и поступки? — допытывался король.

— Изменило, потому что твое поведение и поступки непонятны! И кто тебя вообще расколдовал, хотел бы я на него посмотреть!

— На нее, — сказала я, выходя вперед. — Я его расколдовала.

— Соня-а-а, не ле-е-зь, — с сильным акцентом, который показал мне степень его волнения, сказал король по-русски и, взяв за плечо, задвинул меня назад. Я успела заметить, что вокруг нас собрались ученики, которые стояли с таким видом, будто им показывали бесплатный остросюжетный фильм, и забеспокоилась еще больше. Чью сторону они вообще примут? А Геф?..

Король смерил Коранта взглядом с головы до ног и произнес с сожалением:

— Ты выяснил, как меня зовут и кто я по рождению, но не можешь ответить, что я за человек. Если ты меня как следует не понимаешь и не знаешь, то откуда ты взял, что мне хочется и нравится править?

— Я предполагаю... — пробормотал Корант.

— Ты бы хотел быть королем? — в упор спросил Лид. Глаза старика чуть не выскочили из-под бровей.

— Нет, никогда не хотел.

— Я тоже, — вдруг сказал Лид. — Я это делал, потому что умею это, потому что родился высокородным, потому что так было должно. Мои собственные склонности и устремления на тот момент никому не были важны, мне в том числе. Власть мне не нужна, потому что она мне ничего не прибавляет: самоуважение у меня есть и без нее, ума и счастья она не дает, богатство же меня, как и любого высокородного колдуна, не интересует. К тому же, ты не находишь, что было бы по меньшей мере странно, имея возможности переходить в другие миры, возвращаться в тот мир, где меня сумели уже однажды победить собственные простолюдины? Это же может случиться и во второй раз.

— Может, ты пришел, чтобы отомстить, — предположил Корант

неуверенно.

— Высокородные колдуны нашего мира не унижаются до мести, это плебейское чувство, — процедил король сквозь зубы.

— А вот Съедин его не чужд, — заметил Корант с сухим смешком.

— Он и не отсюда, а из Мира Долгой Ночи. Хотя он нам и родственник по крови, но не по воспитанию.

— Ну хорошо, а зачем ты пришел сюда? Ты мог бы остаться в мире своей спасительницы, какое тебе дело до нас, если тебя здесь не ждали, и ты не хочешь быть королем?

— Я всегда король, — повторил Лид то, что я уже слышала от него когда-то. — Не хотеть им быть так же бессмысленно, как тебе не хотеть быть колдуном. Если бы Съедин сам по себе пришел в Варсотию, я бы не вмешался, но он пришел из-за меня. Мы встречались с ним раньше, в Море Долгой Ночи, и поскольку мне удалось победить его, он в качестве мести решил прийти сюда и отыграться на людях. Варсотия — моя страна, — король сделал загибающий жест, который теперь выглядел скорее так, будто он пытается обнять что-то ускользающее. — Я отвечаю за своих простолюдинов, пока я сам жив. Значит, мне приходится исправлять последствия моих столкновений со Съедином, хотя мое личное желание — уйти в мир моей спасительницы. Съедин очень сильный колдун, сильнее многих варсотских королей и, тем более, меня. Один я с ним просто не справлюсь, а ведь на его стороне еще и полиция из колдунов. Поэтому я учу этих колдунов-простолюдинов набирать силу, чтобы они помогли мне, и тогда, при продуманной стратегии, шансы на победу будут велики.

— Тьма Египетская! — неожиданно и восторженно прокомментировала Натка. Геф на нее шикнул, но обстановка вдруг стала явно менее напряженной. Я выдохнула и обнаружила, что до этого задерживала дыхание.

— Набирать силу? — почти мирно переспросил Корант. — Я читал, что это умеют только высокородные.

— Я тоже так думал, — Лид улыбнулся и глянул на меня. — Но у Сони и Натки познания в биологии лучше моих, и они доказали мне обратное.

— И вообще, — неожиданно снова вмешалась Натка, обращаясь к Коранту. — Ты, прежде чем трагедию разводить, у нас с Сонькой бы спросил, чего мы о Лиде думаем: мы с самого расколдовывания с ним носимся, как дуры с писаной торбой, уж получше тебя его изучили.

— И что вы можете о нем сказать? — недоверчиво нахмурился Корант.

— Ну, наше величество, конечно, не без странностей, — обстоятельно начала подруга. — В целом ему на всех, кроме Соньки, чихать, сильно

жалостливым его не назовешь, но зато он у нас обязательный: если что обещал, уж точно не забудет, да, Лид? И на долге и всем таком прочем он здорово повернут: если думает, что должен, хочет-не хочет, а тащится, ну, как сейчас... Ну и, конечно, он не мстительный. Он у нас натура художественная, — Натка по-хозяйски оглядела короля, который, чуть щурясь, но не сердито, тоже смотрел на нее. — Рисовать любит, мультики показывает хорошие.

— И статую он, между прочим, сам слепил, а не сколдовал! — наконец-то вставила я и удовлетворенно умолкла. Корант потряс седой головой и осторожно спросил:

— Так кто из вас его спасительница?

— Вообще-то Сонька, — ткнула в меня пальцем Натка. — Но у нее взгляд на наше величество необъективный, мне со стороны виднее.

Старик пожал плечами.

— Ну что ж, король Лидиорет, пожалуй, девушкам я верю больше, чем тебе. Хотя, конечно...

— Ге-еф, — вдруг раздался голос Иа. — Так мы не поняли, кто Рет-то такой?

— Да он этот самый... Слушай, Ре-ет, объясни им, а то я не больно-то горазд, — как ни в чем ни бывало обратился Геф к королю. Тот кивнул, повернулся к ученикам и выдал им информацию, как говорится, адаптированную и в популярном изложении:

— Я — король Лидиорет, триста лет назад меня заколдовали, все это время я был каменной статуей вон на том троне. Потом появилась Соня, это моя спасительница, она из другого мира. Она расколдовала меня, пожелав, чтобы я ожил, и я ушел с ней в ее мир.

— В тот самый, откуда корова? — уточнил Сот.

— Ну да, — согласился Лид. — Так вот: пока я был у Сони, к ней приехали ее родственники, которые нечаянно попали через дыру в Мир Долгой Ночи. Там их взял в плен Съедин. Соня попросила меня их освободить, я согласился, хотя это было трудно, потому что сам я в Мире Долгой Ночи почти не мог колдовать. Нам удалось спастись от Съедина и забрать родственников Сони, мы вернулись обратно, а Съедин, видимо, из мести мне, пришел в Варсотию и захватил власть.

— А как ты узнал, что он здесь? — почтительно спросил Фир. Лид растерянно улыбнулся, подумал и в конце концов ответил честно:

— Я не знал. Соня сказала мне... возвращаться в свой мир, я вернулся, увидел, что здесь происходит, и решил создать организацию против Съедина. Для того и вы мне нужны, и другие колдуны, и люди. В одиночку

мне его не победить.

Кто-то хлюпнул носом: кажется, Иа. Я с гордостью посмотрела на Лида: король, несомненно, умел говорить с любыми людьми, если считал нужным правильно подбирать слова. Подростки тоже смотрели на короля, молча и изо всех сил вылупившись. А потом Сот вдруг подался вперед и брякнулся на колени в мокрую траву. Лид оторопело на него уставился, а мальчишка воодушевленно закричал:

— Король Лиди-и... Это... Ну, в общем, Рет, не знаю, как эти дураки, а я клянусь, что буду с тобой до конца!

— До чьего конца? — спросил Лид скептически, но пример Сота оказался заразительным: один за другим радостно возбужденные ученики валились на колени, будто их кто-то скопил серпом, и, воздевая руки, явно пытались воспроизвести в своих речах нечто вроде присяги или клятвы верности.

— Я тоже с тобой буду до конца, и присягаю, — с довольным видом произнес Лен. Урот, опустившийся, к счастью, только на одно колено, кивнул и сказал:

— Ты наш настоящий правитель.

— Мы тебя не обманем, честное слово! — уверили Лида близнецы, а Адар только и мог, что пробормотать:

— Король... Прямо ожил... Триста лет... — больше слов он не нашел, только старательно и неумело поклонился. Даже Геф, аккуратно обойдя нас, отодвинул Коранта, остановился перед Лидом, торжественно присел перед ним на корточки и склонил голову. Потом он, водимо, решил, что его поза недостаточно торжественна, стянул кепку и сказал:

— Во.

— Да здравствует! Король! Слава! Молодец! — недружным хором заорали остальные.

Лид чуть качнулся назад, и я посмотрела на него с беспокойством, настолько явственно исказилось его лицо. Изумление, грусть, жалость, граничащую с отвращением, я увидела с легкостью, а в последующей мимике уже разобраться не смогла. Корант и Натка тоже смотрели на Лида, а тот молчал, опустив глаза и нахмурившись, будто ему было стыдно или неудобно.

— Что вы делаете? — наконец спросил он у коленопреклоненных учеников тусклым голосом.

— Так мы это... Тебе клянемся, ваше величество! — поспешил заговорить Сот. — Когда встречаешь короля, надо встать на колени и поклясться в верности.

— Откуда ты это взял? — сказал Лид с кривой улыбкой.

— Мне дед сказки рассказывал. И я сам раз в какой-то книжке прочел.

— Да, я тоже читал, — добавил Лен.

— А я читала, что древние короли в старину прекрасно относились к дамам, — не преминула заметить Иа, не поднимаясь, однако, с колен.

— Иа, заткнись, — цыкнул на нее Мир. — В общем, мы клянемся, что будем погибать за тебя, король Лидиорет, до тех пор, пока нас вообще не... не... останется!

— Кошмар какой-то, — сказал Лид устало. — Вставайте. Это отвратительно.

— А чего? — встревожился Геф, с явным трудом поднимаясь с корточек. — Тебе как-то не так надо клясться? Я-то тебе сразу говорю, что я не особо умею — вот, может, Урот и Лен у нас еще кое-как образованные, а я как-то с королями не особо виделся, ты вот первый будешь...

— Мне не надо ни в чем клясться... — начал Лид и осекся, потому что из-за спин учеников вдруг выскочила фрейлина, в мокром измятом платье, со свалявшейся прической. С бодрейшим видом, чуть ли не приплясывая, она вприпрыжку приблизилась к Лиду и шмякнулась перед ним ниц. Короля передернуло, он отступил на пару шагов, встав рядом со мной. Фрейлина возопила:

— Ваше величество, я не знала, что вы-то настоящий у нас король! Я теперь вам буду служить, честное слово, только не надо меня больше усыплять, я выспалась! Ну его, этого Съедина, вы лучше, можете мне поверить! Ну можно я вашей теперь фрейлиной буду, а? У вас же, смотрю, фрейлин нету, бедствуете фрейлинами, а надо бы. Вот сядете вместо Съедина на трон, тогда...

— Я не сяду на трон! — повысил голос Лид. — Кто еще не слышал, что я не буду королем Варсотии? У вас республика, пусть она и остается. Я пришел только чтобы убрать Съедина, поэтому не надо меня сажать ни на какой трон, не надо мне ни в чем клясться и тем более не надо стоять на коленях и четвереньках.

— И фрейлин не надо?! — завопила фрейлина с ужасом. — Ну пожалуйста! Не хочу спать! Я вас не предаю! Ну честно! Вы мне больше нравитесь!

Лид медленно и устало прикрыл глаза, и так же медленно открыл их обратно.

— Ладно, Мада, — произнес он отдельно. — Днем ты будешь находиться у меня на глазах, но ночью тебя будут усыплять. А там посмотрим. Учти на всякий случай, что поскольку я — высокородный

колдун, то моя сила во много раз превосходит твою. И я могу применять ее на большом расстоянии. Показать тебе картинками, что я могу сделать с тобой, если мне твое поведение не понравится?

— Ой, лучше не надо, я это дело не люблю, — фрейлина встала и деловито отряхнулась. — Вот привыкли вы, короли, запугивать. К одному на службу пришла, говорит: «Что не так, в порошок изотру», вы еще тут пугаете...

— Я предупреждаю. Ну, вы будете подниматься? — обратился король к ученикам. — Нужно доделать кровати. — Он наклонился и поднял с земли два только что принесенных бревна и большой варсотский топор-секиру. — Корант, ты останешься ночевать или нет?

— Нет, поеду, — сказал старик деловито. — Иначе письма, которые я оставил, вскроют, и организация может развалиться. Думаю, что многие рабочие, в отличие от этих детей, не будут очень уж рады тому, что ты король. И убедить их будет труднее, чем меня.

Лид кивнул.

— Да, нужно постараться, чтобы больше никто не узнал, кто я такой.

— Постараемся, — Корант деловито замотал свой автомобильный костюм по самую бороду. — Я уничтожу письма и приеду к вам завтра вечером, привезу продуктов, а то ребята мне сказали, что суп им уже в горло не идет... Или ты можешь создавать еду?

— Могу, но стараюсь здесь вообще лишний раз не колдовать.

— Правильно. И так меня уже полиция останавливала: чем ближе к празднику в честь коронации, тем хуже обстановка. До завтра, Рет.

Корант махнул нам рукой и медленно зашагал по мокрой траве к лесополосе. Я, несмотря на то, что все окончилось благополучно, когда он скрылся, вздохнула с облегчением. Лид как-то тоже повеселел и вместе с Гефом пошел доделывать последние кровати, а мы с Наткой привычно поставили на огонь котел и собрались готовить, но тут к нам подскочила фрейлина.

— Это вы чего делаете? — сунула она нос в котел. — Это что за помойка? Да вы что, разве так можно короля кормить! А ну дайте я помогу. Где у вас продукты? Ну, продукты где? — повторила она, так как мы молча смотрели на нее и моргали.

— А, продукты... — наконец, сказала я. — Вон там.

Фрейлина стрелой подлетела к мешкам, подоткнула платье и принялась рьяно копать, что-то бормоча. Вернувшись с охапкой кореньев и сушеных плодов, она велела нам:

— А ну-ка отойдите, не мешайтесь. Можете вообще отдохнуть. Я

страсть как готовить люблю!

— Ну ладно, — сказала мне Натка. — Надеюсь, хуже не будет.

Мы уселись возле костра, а Мада принялась кашеварить. Через пару минут к нам прибавилась недовольная Иа, которой Лид приказал следить за фрейлиной.

— Что за ней следить, — ворчала она. — Видно же, что хорошая девчонка. Почему его величество такой недоверчивый? Соня, все короли такие?

— Ты знаешь, из королев я, как и ты, видела только Лида и Съедина, — рассмеялась я. — Они действительно оба недоверчивые, так что, можно считать, что все...

— А соли нету, что ли? — грянула от костра фрейлина. — Есть? Ну так дайте.

Натка кинула ей мешочек и поинтересовалась:

— Слушай, Мада, может, тебе другое платье дать? Ты же это спалишь скоро.

— Ну, вот еще! — обиделась фрейлина. — Это мое платье! Мне его месяц назад только дали! У меня никогда такого не было, а раз оно мое, так я его ни за что не сниму!

— А волосы тоже причесывать не будешь? — насмешливо фыркнула Иа. — Так и станешь с гнездом на голове ходить?

— Завидно, так и молчи — у тебя вообще там хвостик какой-то малюсенький, — отпарировала фрейлина и с удовольствием пощупала колтун на голове. — А эту прическу мне придворный парикмахер сделал!

— Тоже месяц назад?

— Ой, какая ты ехидная, — необиженно сказала фрейлина. — Ты так и замуж никогда не выйдешь, смотри.

— Очень мне это надо.

— А кому ж не надо? Вот я скоро выйду. Сейчас Съедина свергнем, король Лидиорет будет править, я буду его фрейлиной, богатой, приду к Латсу, сыну нашего пастуха, и женюсь на нем. Раньше-то его папашка против был, а теперь слова не скажет!

— Но Лид не будет королем, — напомнила я. Мада беспечно встряхнула прической.

— Да ладно... Как тебя зовут: Соня, да? Да ладно, Соня, они вначале все так говорят, а потом, небось, соглашаются.

— Он не согласится.

— Ну тогда мы его попросим. Если народ попросит, он же не сможет отказаться?

— По-моему, еще как сможет.

— Он чего у вас, совсем, что ли? — искренне удивилась фрейлина, К обернувшись, посмотрела на нас своими двухцветными глазами. Тут я заметила, что они такие же, как у Лида: каре-голубые, только, может быть, чуть темнее.

— Ничего он не совсем, — сказала ей я. — Много ты понимаешь в королях.

— А ты больше, что ли? Тебе просто повезло, что ты его расколдовала. Теперь королевой будешь, — позавидовала мне фрейлина.

— Да может, ты его еще у Соньки отобьешь, — с напускной серьезностью сказала Натка. — Вон, какое у тебя платье и прическа.

— Куда там, — усмехнулась фрейлина. — Он, небось, на платье и прическу не смотрит.

— Почему ты так решила? — не поняла я.

— Так ведь он и сам незнамо как выглядит, — объяснила Мада бесхитростно.

— Это он просто грязный, потому что мы дрова рубили для кроватей, — сказала я сквозь смех. Мада потребовала рассказать, зачем для кроватей дрова. Мы кое-как ей это объяснили, и фрейлина тут же заявила обиженным тоном:

— А почему меня не учили колдовать, а только усыпляли? Я, вообще-то, неплохая колдунья. И мне семнадцать, авось еще успею обучиться-то.

— Ну, не знаю, это надо у Лида спрашивать, — отмахнулась я. — Готов у тебя суп? А то уже вон люди ужинать идут.

— Это не суп, а фира. Блюдо такое. Готова.

Я с опаской заглянула в котел и увидела там невнятную густую массу. Но пахла она, вроде бы, нормально, поэтому я рискнула предложить ее ученикам. Те, явно обрадовавшись перемене меню, уплетали блюдо за обе щеки. Подошли, наконец, и Лид с Гефом. Не успел король опуститься на травку у костра, как к нему тут же пристала фрейлина с громогласным воплем:

— Ваше величество, а почему меня нельзя обучать сильнее колдовать, как вон их? Я хорошо умею! Показать?

— Не нужно, — король, морщась, повертел головой, спасая уши от звенящего фрейлинского голоса. — Я пока тебе не доверяю и не хочу, чтобы твоя сила увеличивалась. Готовила, кстати, тоже ты?

— Я.

— Тогда я это есть не буду и вам не советую. Не надо было вообще позволять ей готовить, Соня.

Ученики застыли с набитыми ртами. Адар подавился. Мада поджала губы, шмыгнула носом и вдруг разревелась в три ручья, продолжая сквозь всхлипывания громко выкрикивать:

— Ну чего за везенье такое! Чего я к первому-то королю побежала, второго не дождалась! Теперь мне никто не ве-е-ери-и-ит...

— Не никто, а я, — поправил ее Лид. — И я не верю вообще никому, поэтому можешь так не убиваться.

— А чего с едой-то? — спросил Геф. — А то я уже одну порцию срубал, и ребята вон тоже. Вкусно она готовит, даже если и ядовито...

— Ничего не поделаешь, посмотрим, как это на вас отразится, но я есть не буду, а у меня силы больше, чем у вас всех вместе взятых.

— И нам Наткой тоже есть нельзя? — спросила я тоскливо, но покорно.

— Не надо, Соня, — отозвался король сочувственно.

— До чего же вы противный, ваше величество, — укорила его фрейлина и с хлоппаньем утерла нос подолом своего многострадального платья.

— А ты сама своей еды поешь, — предложила Иа. — Тогда он, может, поверит, что все нормально.

— Не поверю, отравить еду можно разными способами, ведь она колдунья, — покачал головой Лид. — Но пусть, действительно, поест, потому что нужно ее усыпить на ночь.

— Опять спать?! — заорала Мада. — Вы что, издеваетесь?

— Мы же тебя предупреждали. Ты будешь есть или усыпить тебя сразу?

Фрейлина, стена и охая, нагребла себе массы из котла и принялась за еду. Впрочем, вскоре настроение у нее опять поднялось: видимо, она не любила унывать, как и говорить тихо. От ее болтовни у меня иногда звенело в ушах, но мальчишки радостно смеялись в ответ, а король молча терпел, так что я тоже смирилась и принялась грызть вяленое мясо. Предательская Натка тем временем успела нагнуть две миски фрейлиновой стряпни, прочувствованно сказав мне: «если чего, Сонька, завещаю тебе свою коллекцию вкладышей от жвачек».

Конечно, никому после еды плохо не стало. Довольные сытые ученики усыпили смилившуюся со своей участью фрейлину и разбрелись по огненным ложам, над которыми были теперь натянуты навесы, сделанные из палаток. Натка с Гефом тоже ушли. Король взгромоздился на свою кровать, я, голодно вздыхая, вползла в палатку и тут же высунулась из нее.

— Ну и тяжелый денек был, да, Лид?

— Да, — задумчиво согласился король. — Все-таки нелегко иметь дело с простолюдинами напрямую. Они оказываются то глупее, то умнее, чем я думаю.

— Не простолюдины, Лид, а люди, — вздохнула я. — Ну конечно, они все разные.

— Это для меня плохо. Я как будто все время решаю задачу с множеством переменных, мне трудно что-либо обобщать.

— Ну и не обобщай, подумаешь. Мы тебе поможем, если что, только ты от наших советов не отмахивайся, ладно?

— Э-эй, — согласился Лид. — Ты сейчас можешь что-то посоветовать?

— Угу. Обучи набирать силу фрейлину. По-моему, она хорошая девчонка.

— Откуда ты знаешь?

— Ну, вижу. Чувствую. Интуитивно. У тебя так не бывает?

— У меня бывает одно из двух: либо я подозреваю всех, либо вообще никого, — признался король. — Поскольку второе опаснее, я предпочитаю подозревать всех.

— Это потому, что у тебя неразвитая интуиция-а-апчхи!

— Соня, иди в палатку, ты так заболеешь. Или наоборот, сядь возле моей кровати, если хочешь поговорить.

Я не столько хотела поговорить, сколько побыть рядом с ним, но, конечно, вслух этого не сказала, только вздохнула и молча вошла в палатку, где довольно долго еще беспокойно вертелась и вздыхала. Конечно, мне было понятно, что высокородный колдун, выкопанный из средневековья, не должен проявлять свои чувства ко мне так же, как какой-нибудь однокурсник или парень на дискотеке, но меня нервировала неизвестность. В то время как король нравился мне все больше, я не могла предугадать, когда и, главное, как он что-то прояснит в наших отношениях. Вполне может быть, у них положено молча ходить за спасителем годами и ждать, пока он сам проявит инициативу. Но такое выходило за пределы моих возможностей: я умела лишь выражать свои чувства к избраннику нервным перетаптыванием и подергиванием, которые король как раз не одобрял. Прикинув так и сяк, я решила на всякий случай не особенно сильно в него влюбляться, а подождать, пока мы свергнем Съедина и вернемся в наш мир. На этом я договорилась с собой и уснула.

Наутро я, как это ни странно, не проснулась сама: меня разбудил король воодушевляющей фразой:

— Соня, думаю, ты можешь сегодня поесть то, что готовит Мада —

мои простолюдины и твоя подруга не отравлены и чувствуют себя нормально.

— А ты чего ожидал? — пробормотала я, трясая головой спросонья, но Лид уже ушел. Я выбралась из палатки и попала в теплые розоватые лучи восходящего солнца. Земля особенно не просохла, над травой клубился туманчик, но все же было не так холодно. Ученики сгруппировались вокруг костра и пили кипяток, уже издали слышался их смех и громкий голос фрейлины. Прежде, чем я успела кое-как пригладить немытые и нечесанные волосы и добраться к костру, ученики уже ушли за Лидом, оставив только Натку и Маду. Последняя сидела с недовольно перекошенным под прической лицом.

— Доброе утро, — сказала я Натке и кивнула на фрейлину:

— Чего это с ней?

— Ее Лид колдовать не взял, — сочувственно сообщила подруга.

— Да, еще, говорит, скажи спасибо, что я тебе доверяю обед готовить и одну оставляю, — добавила фрейлина. — Ну какой же он у вас! Можно подумать, что я чудище!

— Гм, ну, если вымыться и переодеться... — задумчиво начала Натка, но Мада, не слушая ее, уже принялась горестно рыться в мешках с провизией.

— Надо, все-таки, Лида еще поуготоваривать ее взять, а то как бы она нас с досады и впрямь не отравила, — усмехнулась подруга. — Сонька, пошли за водой...

Мы сходили на родник, помогли Маде нарезать сухие корни и развалились на солнышке греться. Небо снова стало ярко-синим и безоблачным, с дороги доносилось редкое гудение машин, вдалеке пролетела пара самолетов — все вокруг было спокойным и безмятежным. Да и разговор с Корантом вчера прошел благополучно, но я почему-то никак не могла успокоиться и даже пару раз цыкнула на громогласную фрейлину за то, что она издавала свои вопли чуть ли не у самого моего уха.

— Ты чего, Сонька, от нашего величества заразилась? — рассмеялась Натка. — Или просто голодная? Зря Лид тебе поесть вчера не дал...

— Отстань, — проворчала я и закрыла глаза.

Как оказалось, Натка все же была права: после обеда, во время которого я за обе щеки наварнула три порции, настроение мое намного улучшилось, и я, оглядев учеников и короля довольным сытым взглядом, поинтересовалась:

— Лид, ну чего, они уже много умеют?

— В общем, достаточно, — кивнул король, скидывая на траву

потрепанный пиджак и оставаясь в одной тоже довольно потрепанной рубашке со слабыми следами высохшей глины и потеков болотной воды. Волосы его искрились на солнце светлым золотом... Ну ни дать ни взять Маленький Принц, который только что копал картошку!

Лид поймал мой взгляд, но истолковал его неправильно. Он оглядел себя и учеников, слегка поморщился и решительно сказал:

— После обеда пойдем к родникам: нужно постирать нашу одежду и высушить ее, пока еще солнечно. И вымыться самим.

— Да ну, что за чепуха... — громогласно начал Сот, и закончил, спохватившись:

— То есть я хочу сказать, а зачем, ваше величество?

— Затем, что мы все скоро начнем вызывать подозрение одним своим видом, если сюда еще заглянут люди. К тому же, вы от грязи можете чем-нибудь заболеть, и получится, что я зря тратил время на ваше обучение.

— Ну ва-а-аше вели-и-чество... — заныли близнецы. — Да мы в навозе спали и то не болели! Ну можно мы не будем мыться?

— Нельзя, — отрубил король. — Все пойдут.

— И Соня? — тут же поинтересовалась нахальная фрейлина.

— Я-то — в первую очередь, — уверила я вполне искренне. Фрейлина расстроилась в предвкушении будущей помывки, которая могла испортить ее колтун на голове и замызганное нарядное платье, но Лид был неумолим и принялся порциями отправлять стонущих под его гнетом подданных к родникам, находящимся в овраге за болотцем. Корова, вытягивая шею, провожала каждую порцию длинным мычанием.

Мытье и стирка, конечно же, затянулись надолго: мы все бултыхались в родниках, пытаясь отмыть одежду и хотя бы кое-как вымыть лица, руки, ноги и головы. В лагере, чтобы его совсем не забросить, в качестве дежурного оставляли то одного, то другого человека. Маду удалось уговорить застирать платье, но мыть колтун на голове она отказывалась наотрез. Мы с Наткой и Иа, выйдя из терпения, наябедничали на нее королю. Мокрый Лид, сидящий на траве и сушащий на себе выстиранную рубашку, немного подумал, глядя на вопящую Маду, и сказал:

— Я могу сделать тебе похожую прическу, мне это нетрудно.

— Чего, честно?! — зашлась в восторге фрейлина. — Ваше величество, вы куда лучше Съедина, это факт!

С этими лестными словами она резво убежала мыть и расчесывать шевелюру. Мы с Наткой тоже на свой страх и риск вымыли головы и завернули их в платки, чтобы не простудиться. Расчесать вымытую фрейлину, как мы и думали, оказалось немыслимо: Иа вначале пыталась ей

помочь, но быстро сдалась, сказав, что здесь требуется мужская сила. В качестве мужской силы Мада, недолго думая, привлекла близнецов, которые разделили ей шевелюру пополам и обрабатывали каждый свою часть. Таким образом где-то через час волосы фрейлины были в первом приближении расчесаны и оказались длиной чуть ли не до колен.

— Мада, ну ты даешь! — в сердцах воскликнула Натка, теребя под платком свое «обгрызанное каре». — И зачем тебе вообще эта прическа, носи как есть, или косы заплети!

— Неа, мне его величество обещало... То есть прическу он мне обещал! — гордо заявила фрейлина и уселась перед Лидом, торжественно выпрямив спину.

— Соня, иди сюда, поможешь мне, — подозвал меня король, видимо, уловив мой тревожно-ревнивый взгляд. Я охотно подошла и имела счастье наблюдать, как король за каких-то пятнадцать минут безо всяких шпилек, используя только плетение и пару палочек, воздвиг на голове фрейлины довольно симпатичную башню.

— Ну как? — поинтересовалась у нас Мада.

— Здорово! — уверила ее Натка. — Лид, ты если в нашем мире останешься, можешь свадебным парикмахером работать!

— Ну что ж, уже вторая профессия: Сонин родственник еще рекомендовал мне гадать и заниматься приворотами, — рассмеялся Лид. Мада не выдержала и убежала: сначала глядеться в родник, потом крутиться перед мальчишками, требуя отзывов о своей персоне. Те послушно восторгались. Мы с Лидом сидели рядом и поглядывали друг на друга, перекидываясь фразами...

Наконец король, посмотрев на заметно опустившееся солнце, сказал, что пора возвращаться в лагерь, потому что нам надо готовить, а ученикам — заниматься.

Относительно чистой, хоть и сыроватой, толпой мы отправились обратно. Закатные лучи освещали трон и подсохшую статую, коровы почему-то не было. Довольная жизнью и прической Мада сразу же принялась за приготовление обеда, а мы принялись было ей помогать, но тут вдруг Натка подняла голову, оглянулась, и, беспокойно щурясь, сказала мне:

— Слушай, Сонька, чего это они там? Опять, что ли, ругаются?

Я тоже поглядела в сторону трона и одновременно прислушалась. Звуков я не уловила, но вот позы учеников и Лида мне не понравились: ученики сбились в кучку, понутив головы, как испуганные овцы, а король, стоя напротив, явно сверлил их взглядом. Я посмотрела на Натку.

— Пойдем-ка, — поняв меня без слов, кивнула она. Мы побежали к трону. За нами потопала любопытная Мада, бросив на произвол судьбы костер.

— Лид, что случилось? — крикнула я, подбегая и с трудом переводя дыхание. Король с непроницаемым лицом кивнул на землю рядом с троном.

— Ой, — сказали мы с Наткой.

Возле трона лежала, извиваясь змеей, черная цепь коровьей привязи, а рядом были пустой ошейник и... Рога!

— Корова, — прошептала подруга.

— Господи, зверя-то кто-то съел! — запрочитала Мада. — Такой хороший зверь был! Молоко давал! Я его на ужин подоить собиралась! Соня, у вас в мире кто-то страшный водится!

— Никого у нас не водится в деревне страшнее коровы! — сказала я хмуро, еле удерживаясь, чтобы не всхлипнуть: так жалко было животное. — При чем тут наш мир?

— А кто тогда съел-то ее? А, ваше величество? — Мада беззастенчиво потеряла короля за рукав.

— Ее не съели, ее уничтожили колдовством, — медленно сообщил Лид, обводя учеников еще более удавчим взглядом, чем до этого. — Хотя я запрещал вам это делать. И вы даже не сочли нужным это скрыть.

— Во теперь кто-то сильный среди нас... — пробормотал Геф. — Дурак какой-то.

— Лид, а кто ее уничтожил? — возмущенно спросила я, заглядывая в лицо королю. Тот пожал плечами и снова пристально посмотрел на учеников. Все они опустили головы, а фрейлина вдруг сказала:

— Вот чего-то помнится мне, ваше величество, что пока мы мыться пошли, и вы мне прическу делали, спасибо вам, кстати, одного парнишку в лагере оставили. Кажется, этого, — она ткнула пальцем в Урота.

— Чего, это ты, что ли? — удивился Геф, уставившись на него расширенными глазами. Урот поднял голову и, без особого страха поглядев на мрачного короля, пожал плечами:

— Ну, я, чего вы разорались? Я, вообще-то, и не собирался это скрывать. Не понимаю, что вы, ваше величество, злитесь-то? Вы сами подумайте: я бы такую силу жуками, наверное, год бы набирал. А у нас времени нет столько! Ясно, что на всех больших животных достать негде, но хотя бы у меня сила будет сравнимая с вами, уже Съедину плохо придется! Зря вы нас не учили больших зверей стирать: у меня получилось, но много времени ушло.

— Ты ее что, по частям стирал?! — ужаснулась Иа.

— Так я начал-то с головы, только рога не взялись почему-то. Чего ты на меня смотришь, как будто на скотобойне не работала. Чего нам, в конце концов, важнее, какая-то корова или люди, которые от Съедина гибнут?!

Ученики хмуро зачесали в затылках, и мы с Наткой вместе с ними. В общем-то, нельзя было не признать, что в словах Урота есть свой резон, но я взглянула на одинокие рога, и на глаза мне снова навернулись слезы. А фрейлина и вовсе откровенно заявила:

— Чего ты о людях, мы тех людей не знаем, а зверя жалко!

— Это корова, — дрожащим голосом подсказал Адар. — Была.

— Ну ладно вам, разохались, — нетерпеливо прервал их Урот. — Теперь уже ничего не поделаешь. Я сам не ожидал, что у меня так хорошо получится, но если вы сердитесь, ваше величество, я могу больше этого не делать...

Тут, наконец, заговорил Лид, и голос его разнесся по поляне, как порыв ледяного ветра, дав легкое эхо:

— Я запретил уничтожать крупных животных, и я предупреждал вас, что мой приказ нарушать нельзя. Ты его нарушил. Ничего не поделаешь.

Король шагнул к Уроту и сжал руками его плечи. Лицо юноши за пару секунд изменилось: он побледнел, а точнее, даже посерел, глаза его начали разъезжаться в разные стороны, а сам он зашатался. Вокруг его плеч и рук Лида закружилась какая-то неразборчивая блестящая пыль. Я в ужасе поняла, что король вытягивает из Урота жизнь, как он делал с деревьями в Съединовом мире. Что же он делает?! Что же я смотрю?! Он же его так убьет!

Одновременно со мной очнулись Натка, фрейлина и Геф. Все мы подбежали к королю и начали с криками хватать его за руки, но Лид вдруг сам выпустил Урота. Глаза юноши съехались обратно, но бледность не прошла: он держался за голову и явно не понимал, на каком он свете.

— Уходи, — с громким гипнозным эхом велел ему Лид. — Ты нас не знаешь и не будешь помнить, тебе нужно идти в ближайшие деревни искать работу.

— Слушаюсь, — редко моргая, согласился Урот. — А где дорога?

Лид молча ткнул ему рукой направление. Урот сказал «спасибо» и, пошатываясь, прошел мимо нас. Мы смотрели ему вслед, пока он не скрылся в лесополосе. Этот момент удачно совпал с минутой, когда солнце опустилось, и место, где мы стояли, накрыла густая тень деревьев. Ученики молчали, будто проглотив языки. Фрейлина, что-то бормоча, осматривала поднятые с травы коровьи рога. Я, тоже толком не зная, что сказать, взяла

короля под локоть и прислонилась виском к его плечу. Голова болела, будто это из меня вытянули полжизни. Первой слова сумела подобрать, как всегда, Натка.

— Черт возьми! — выразилась она энергично. — Лид, это чего такое было? Ты его дурачком сделал? Он хоть день-то протянет?

— Он протянет всю свою оставшуюся недалекую жизнь, — прищурившись, ответил король. — Я вытянул из него только ту силу, которую он набрал здесь с помощью меня. Его собственная изначальная сила осталась при нем. Впрочем, это неважно, потому что он ничего про нас не будет помнить следующие несколько месяцев. Плохо, что пришлось применить внушение, это может заметить полиция, но все равно это лучше, чем держать рядом с собой неуправляемого и непослушного простолюдина. Теперь ясно, что с вами будет, если вы попытаетесь сделать что-то подобное? — обратился он к ученикам. Те поспешно закивали, пялясь на короля с понятным испугом. Только Геф сказал спокойно:

— А я и не собирался ничего такого делать. Сам знаю, что умом не вышел.

Лид покачал головой.

— Теперь нас на одного человека меньше, и это тоже плохо. Сплошные убытки из-за его простолюдинской глупости.

— А можно я! — как отличница на уроке, выкрикнула Мада. — Ваше величество, меня научите! Я же просилась!

— Ну хорошо, — со скрипом согласился король. — По крайней мере, ты уже видела, что будет, если ты не слушаешь моих приказов. Что ты, Соня? — спросил он, сменив тон и наконец обратив внимание на держащую его под локоть меня.

— Ничего, — сказала я устало. — Корову жалко.

— Жалко! — тут же заворил мне Адар.

— Ага, жалко, хорошая, — нестройным хором подтвердили остальные ученики. Несколько секунд все мы, умолкнув, горестно смотрели на рога и служили мысленную панихиду по корове. Вдруг Лид, быстро оглядев нас, чуть улыбнулся и спросил:

— Жалко? Ну, возьмите ее обратно.

Он вытянул руки вперед, немного напрягся, и с его раскрытых ладоней заструился серый порошок. Он собрался над рогами в большое облако, стал густым и превратился в весьма обалделую с виду корову, которая возмущенно завопила:

— Му-у-у!!!

— Правильно, его уже выгнали, — согласилась фрейлина, подходя и

похлопывая ее по шее. — Ты хороший зверь, давай я тебя подою. Ваше величество, вы ее с молоком восстановили или без?

— Не знаю: какая была, такую и восстановил, — хмыкнул Лид. Фрейлина, наклонившись, пощупала коровье вымя и сделала вывод:

— С молоком. Вот вы молодец!

— Настоящий король должен быть грозный, но справедливый, — кивнув, согласился Лен, а остальные ученики закричали было нестройным хором: «Ура, молодец, слава», но Лид, едва услышав эту неумелую осанну, тут же развернулся и направился к палаткам, таща меня за собой, потому что я не успела отцепиться от его руки.

— Ох, ну и ну, каждый день какой-то сюрприз, — вздохнула я, когда мы подошли к костру.

— Сюрприз, Соня, насколько я знаю русский, это что-то приятное, — мрачно заметил король. — Так что такое происшествие я бы сюрпризом не назвал.

— Ну тогда корова стала сюрпризом. Тебе ее тоже жалко было, или ты нам хотел приятное сделать?

— Мне просто не нужна больше сила, я и эту переносу с трудом. Ведь я же набрал лишнего еще в королевстве Съедина. Еще немного, и меня не будет спасать ваша кровать, понадобятся специальные условия, которые можно создать только колдовством.

— Значит, совсем не было жалко корову? — огорчилась я.

— Нет, но я видел, что ты огорчена, а я могу это исправить, — правдиво ответил король и присел на траву, глядя в костер. Я уселась рядом по-прежнему держа его под руку.

— А на Урота ты очень рассердился?

— Я вообще не рассердился, меня не волнуют поступки простолюдинов в отношении друг друга. Я просто понял, что он опасен, потому что совершенно непредсказуем, а я не смогу его контролировать. Поэтому и пришлось забрать у него силы, чтобы заодно это стало поучительным примером для остальных простолюдинов. Надеюсь, больше они не посмеют меня ослушаться, потому что времени осталось мало.

— Понятно, — сказала я, отцепляя от него руку и потирая виски. Король обеспокоенно посмотрел на меня:

— Что с тобой, Соня?

— Голова что-то разболелась. Ничего, завтра пройдет.

Лид неожиданно положил руки мне на плечи, потом, словно что-то сообразив, быстро снял их, встал и сказал:

— Я позову Гефа, он говорил, что хорошо умеет лечить такие боли.

— Ну давай, — вяло согласилась я. Действительно: пришедший Геф вылечил мою голову за две минуты, и я смогла принять участие в приготовлении торжественного ужина в честь возрождения коровы. Виновнице торжества Сот и Адар преподнесли сухие коренья, которые она тут же выплюнула и принялась щипать траву.

Король тоже не особенно ел на этом импровизированном празднике. Его явно что-то беспокоило: он то и дело посматривал то на небо, то по сторонам, и сдвигал брови.

— Лид, ты чего? — прошептала я по-русски, улучив момент.

— Уже поздний вечер, а сегодня обещал прибыть Корант...

— Ну и?

— Его нет.

— И что это значит? — я почувствовала, как по спине мгновенно пробежалась горсть мурашек, и уставилась на Лида, готовясь к новым неприятностям.

— Не знаю, что значит, — отозвался король. — Что угодно.

— Что угодно плохое или что угодно хорошее?

— Хорошее меня не беспокоит, Соня, — вздохнул он и добавил: — Потому что я на него не особенно надеюсь. Значит, так, — сказал он громко, переходя на варсотский. — Если Корант в ближайшее время не появится, нам нужно будет свернуть лагерь, чтобы не было видно следов нашего пребывания здесь, и как можно быстрее уже с утра идти в город.

— Рет, ты чего думаешь, он предатель, что ли? Не будет он никому рассказывать, кто ты такой, мы же его уговорили! — Геф, произнося это, заранее замотал головой: — Да брось ты, я его с детства знаю, он не фискал!

— С твоего детства? — усмехнулась Натка. — Тогда у него на фискальство было лет шестьдесят, прежде чем ты вообще родился.

— А ты чего лезешь?! — неожиданно нервно среагировал Геф. Натка удивленно подняла брови и отодвинулась от него. Ученики умолкли и тревожно уставились на нас. У меня засосало под ложечкой. Лид, еще раз глянув на розоватое от прошедшего заката небо, встал.

— Идемте, продолжим занятия. Постарайтесь набрать как можно больше сил. Соня, Натка, наловите ксаров для Мады: нужно не меньше десяти штук, а лучше двадцать, она ведь только начинает.

— У тебя, ваше величество, запросы, как у хорошего зоомагазина, — проворчала Натка, вставая и отряхивая руки о платье. — Ладно, Сонь, пошли...

Напоследок обменявшись с королем озабоченными взглядами, я тоже

встала и побрела за подругой по влажной от росы траве.

Скоро закат совсем угас, и темнота стала почти чернильной. Коранта не было. Мы чавкали по болоту с тряпочными сачками, а Лид безжалостно требовал от нас все новых и новых ксаров. Когда я относила очередную порцию квакучих гусениц на колдовскую казнь, то видела, как над полем светится множество магических огонечков: это ученики прочесывали траву. Лид сидел у трона напротив Мады и ускоренно обучал ее набирать силу. Над ними возвышались статуя и корова, которая медленно двигала челюстями, что-то пережевывая.

...Я, уже не знаю в который раз, явилась пред королевские очи, держа заледеневшими руками мокрый подол, в котором бултыхались пять ксаров, и молча вывалила все это богатство на траву между королем и фрейлиной.

— Ой, еще ксарчики! — обрадовалась Мада и потеряла руки. Лид кивнул мне, сказал «спасибо, Соня» и передвинул вверх магический огонек так, что он встал над троном. Я вдруг поймала себя на том, что сходство между Лидом и статуей как-то потерялось. Прямой, гордый и аккуратный король, сидящий на троне с брезгливой физиономией, сложив на коленях царственные ручки, и живой Лид в мятом костюме, поджавший под себя ноги, сгорбившийся над ксаром и показывающий фрейлине, как проводить какие-то колдовские манипуляции одной рукой, а другой то и дело заправляющий за уши растрепанные волосы, были похожи, но не как близнецы, а, скорее, просто как братья... Но долго лирически поразмышлять мне не дали: Лид потребовал еще ксаров.

— Да сколько можно-то?! — взвилась я, выжимая мокрый подол. — Уже тридцать штук! Я думаю, они там вообще кончились! Скажи толком, сколько тебе надо, мы уже рук не чувствуем! И ног.

— Мне надо чем больше, тем лучше, — отрезал король, не глядя на меня. — И быстрее. Скоро начнем сворачивать лагерь.

Я довыжала подол, развернулась и сердито утопала во тьму. Дождешься от короля сочувствия, как же! Все-таки на свою статую он пока что не похож только внешне...

Сколько еще времени прошло, я сама не поняла, но как раз когда почувствовала, что вот-вот упаду лицом в болото, а Натка сказала «уф, Сонька, все, больше не могу, пальцы не гнутся», у воды появилась маленькая фигурка Адара с огоньком над головой.

— Это... Его величество сказал, чтобы вы шли в лагерь. Все ломать будем, — сообщил он и убежал. Мы молча вылезли из болота и, еле передвигая ноги, двинулись в обратный путь.

Лагерь мы застали в самом разгаре разрушения. Мальчишки, которым,

конечно, только дай было что-нибудь сломать, крушили кровати, навесы, комкали палатки и с оглушительным шипением заливали водой из котлов костры. Посреди этого хаоса, скрестив руки на груди, высился Лид и отдавал команды.

— Привет, твое величество, — прохрипела Натка, хлюпая носом. — Опять чужими руками трудишься?

— Нет, я жду, — король кивнул на маленькую кучку обломков рядом с собой, которая постепенно увеличивалась стараниями учеников.

— Чего ты ждешь?

— Пока наберется следующая порция. Я их выбрасываю.

— Куда? — удивилась я.

— В ваш мир, Соня. Я думаю, там мусор на лугу мало кого волнует.

— Это уж точно, — согласилась я, потирая ледяные руки, и для проформы спросила:

— Нам что-то тоже нужно делать?

— Стаскивайте обломки в одну кучу, — тут же дал нам задание король. — Еще нужно забросать землей и травой кострища, чтобы их было меньше видно...

Над маскировкой следов лагеря мы трудились битых два часа. Плюс был в том, что мы с Наткой за это время немного согрелись и подсохли, а минус — в том, что у нас уже не поднимались руки, а глаза закрывались сами собой. А Корант так и не приехал, и мне даже не хотелось думать о том, почему. Передавая Лиду последние обломки бревен и полотнище от палатки, я пошатнулась и чуть не упала на него. Король удержал меня в последний момент, так что я оказалась вместе с палаткой в его объятиях и ткнулась лбом ему в грудь.

— Сонь, осторожно, — сказал Лид вполголоса, однако, не пытаясь меня отодвинуть. — Ты, наверное, устала.

— Наверное, — согласилась я с юмором, поудобнее устраиваясь на королевской груди и еще крепче прижимая к себе бревна и полотнище. Лид, задумчиво похлопал меня по спине и неожиданно выдал:

— Вообще-то, лучше всего сейчас было бы, если ты бы вернулась в свой мир, пока мы близко от дыры.

Разом расвирепев, я мигом отпрянула от бестолкового короля и зашипела:

— Чего еще придумаешь?! Я же говорила, что не уйду! И если уж на то пошло, почему это я должна вернуться, а Натка нет?

— Я за Натку не отвечаю. Это дело Гефа, — еще больше поразил меня король и забрал бревна и полотнище себе, так как у меня отвисла челюсть и

разжались руки. После этого он быстрым шагом двинулся к трону, а я засеменила за ним, обалдело допытываясь:

— Лид, ты чего такое несешь? Где ты это взял? При чем тут Натка и Геф?

— Что тебе не нравится, Соня? Вполне нормальная простолюдинская пара, — король, наполовину исчезнув, выкинул мусор в дыру, высунулся обратно и отряхнул черные от копоти руки.

— Нормальная? — изумилась я громким шепотом, оглянувшись, нет ли поблизости Натки. — Да ей же 22, а Гефу только пятнадцать!

— Что в этом такого? Хороший возраст для вступления в брак.

— В средние века — может быть, — проворчала я. — А сейчас такой роман имеет гораздо меньше шансов, чем на...

Тут я поняла, что несу, и осеклась. Король поглядел на меня выжидающе. Я начала быстро придумывать, чего бы соврать, но тут позади послышались громкие голоса мальчишек, то ли тревожно, то ли радостно орущие «ваше величество»! Король резко развернулся и рысью бросился на зов, я помчалась за ним.

Поскольку все костры погасили, а магические огоньки светили слабо, я споткнулась о кочку и чуть не упала, но как раз в это время на меня наткнулся Лен.

— Соня, Корант приехал! — сказал он, выпрямляя меня.

— Да ты что? А где он?

— Вон там.

Мы вместе помчались «вон туда», то есть к краю рощи. Там уже стояли все ученики, окруженные огоньками, так что на траве распространялось пятно света, а среди них возвышались Корант с Лидом. Старик, опять замотанный в свои автомобильные тряпки, выглядел как-то не так, это я сразу заметила. Подходя, я услышала его слова, обращенные к королю:

— Хорошо, что ты догадался свернуть лагерь. Я с трудом сюда проехал. В городе беспорядки — слишком много недовольных Съедином, люди бастуют, и забастовки эти жестоко подавляются. Полиция совсем озверела...

— А что еще? — поторопил его король, правильно почуявший, что это еще не все новости.

— Енг был арестован, а его самолет разломали, — глухо сказал Корант. — И, видимо, через Енга же полиция отыскала наше здание и захватила всех, кто там находился из организации.

Наступило гробовое молчание. Натка в ужасе вцепилась в Гефа, я тоже

стиснула руки. В голове крутилась только одна мысль: «что же делать?».

Судя по лицу Лида, у него мыслей возникло побольше. Скорее деловитым, чем огорченным тоном, он принялся расспрашивать Коранта:

— Много людей находилось в здании, когда их захватили?

— Примерно человек двадцать, как я понял. Точнее сказать трудно.

— Ты знаешь, что полиции о нас известно?

— Они делали обыск: если где-то в твоих бумагах что-то было, они точно все прочли.

— По какому вообще поводу произошел арест Енга? Из-за его связи с нами?

— Да нет, скорее, наоборот... Как я понял, Рет, Енг и еще несколько человек активно помогали бастующим рабочим с фарфорового завода. Енг даже перевозил кого-то из их родственников на своем самолете за город... Чего от него хотеть, молодой парень, людям помогал, вот, видимо, полицию и подцепил. После забастовки его арестовали, и наших тоже. В здании теперь полицейские кишмя кишат...

Корант махнул рукой и умолк, тяжело дыша. Лид некоторое время тоже молчал, после чего вдруг спокойно сказал:

— Ну хорошо. Все лучше, чем я думал.

— Что тут хорошего-то?! — изумился Геф.

— А у меня другой вопрос, — встряла Натка. — О чем ты таком думал, если для тебя это хорошо?

Лид досадливо тряхнул головой, показывая, что ему неохота отвлекаться на неуместные шуточки, и опять обратился к Коранту:

— Двадцать человек — очень небольшая часть организации. Даже если кто-то из них кого-то еще сдаст полиции, все равно урон будет относительно мал. К тому же, сейчас волна возмущения сыграет нам на руку и позволит набрать новых членов куда быстрее. То, что у нас теперь нет самолета, тоже не такая уж потеря: все равно на моей памяти он куда больше ломался, чем летал, и пригодился лишь один раз, когда привез нас сюда. Никакой информации об организации полиция не найдет, потому что я ничего и не писал, а личную переписку сразу уничтожил. Планов свержения Съедина они не найдут тоже, потому что я не знал, как буду его свергать. В общем, все хорошо.

— Да, ваше величество, — покачал головой Корант, глядя на Лида со смесью уважения и сожаления. — У вас и правда государственный ум.

— А у тебя — не слишком, — отпарировал Лид. — Потому что ты приехал сюда, хотя за тобой тоже могла следить полиция.

— Мне же нужно было вам сообщить, что случилось...

— Послал бы кого-нибудь другого. У тебя, кажется, был внук.

— Еще не хватало сюда моего внука впутывать. И так слишком много людей пострадало, — сердито сказал Корант.

— Это еще не много, поверь мне как бывшему правителю, — успокоил его король и деловито огляделся. — Ну, я так понимаю, нам стоит как можно скорее вернуться в город, чтобы остатки организации в мое отсутствие не натворили еще больших глупостей, чем они уже сделали. Мы поместимся в твою машину?

— Конечно, нет. Туда вообще кроме меня только один человек поместиться может. Но я думал, что ребят лучше, раз такое дело, отпустить по домам, пусть отсидятся, пока все не успокоится...

— Никуда я их не отпускаю, я потратил время и силы на их обучение они будут мне полезны.

— Ваше величество, а мы и сами бы вас не бросили! — возмущенно заорал Сот. Король поморщился и поднял ладонь к уху: на лице его не отразилось ни тени благодарности за такую преданность. Корант устало вздохнул:

— Тогда нужна телега, чтобы прицепить к машине...

— Это в ближайшей деревне можно взять, — деловито сказал Геф.

— Как взять — без денег? Или будете красть?

— Его величество так возьмет, — хмыкнул Геф. — Вон он как Урота послал незнамо куда...

— Ты правда так можешь, Рет?

— Да, могу. Пошли к твоей машине, съездим в деревню за телегой. А вы, — скользнул он по нам всем глазами, — погасите огни, сидите здесь и молчите. Если вдруг, что, правда, маловероятно, появится полиция прячьтесь через дыру в другой мир. Геф, Мада, следите за Соней.

— Будет сделано! — выпрямился Геф и подмигнул мне. Я слабо улыбнулась. Король и Корант с шуршанием исчезли среди деревьев. Ученики погасили огни, и мы все принялись ждать королевского возвращения. Говорить, даже шепотом, никому не хотелось, все только напряженно прислушивались. Корова у трона время от времени издавала протяжное тоскливое мычание, издали неслось тоненькое кваканье ксаров. Надо же — значит, мы их не всех их еще с Наткой отловили...

— Сонь, — вдруг подтолкнула меня локтем Мада. — Ты чего трясешься, а? Дать тебе сухое платье?

— Не надо, — отмахнулась я.

— Ну смотри... — фрейлина поводила руками над травой, неожиданно достала оттуда крупного жука и с треском превратила его в

пыль. Я вздрогнула.

— Здорово, да? — хвастливо прошептала Мада. — Я еще не привыкла. Только утром ничего не умела, а сейчас, наверное, я себе и платье свадебное сколдовать смогу, представляешь? Или накидку. Эх, его величество говорил, что это нетрудно, жалко, времени нет...

— Тс-с-с, — прервал нас Фир. — Слышите, едет кто-то.

Со стороны дороги послышался рев и стук, который издавали варсотские машины. Мы все насторожились: те, кто сидел, вскочили, те, кто стоял, приняли стартовые позы, готовясь удрать. Только Геф остался спокойным — сидел, скрестив ноги, на земле и ел травинку.

— Да это Рет с Корантом обратно приехали, не слышите, что ли? — успокоительно сказал он нам с Наткой.

— Мы в разновидностях тряндения не разбираемся, — фыркнула подруга, однако тоже села обратно на траву. Геф оказался абсолютно прав: минуто спустя из-под спутанных веток рощи, пригнувшись, вынырнул Лид, первым делом нашел глазами меня, видимо, убедился, что я жива-здоровая, почти весело сказал:

— Идите за мной, теперь у нас есть телега, — и, развернувшись, канул обратно под деревья. Мы все поспешно вскочили и двинулись за ним. Я вылетела на дорогу первой. Здесь было немного посветлее, и можно было разглядеть черный силуэт машины Коранта, которая пыхтела на холостом ходу, а позади машины стоял импровизированный прицеп из деревенской телеги с большими колесами. В телеге смутно виднелась непонятная фигура, про которую я каким-то шестым чувством поняла, что это король. Он тоже меня узнал и прошептал, наклоняясь через борт тележки:

— Соня, залезай сюда.

Я ошупью нашла его протянутую руку и запрыгнула на дощатый пол, пахнувший силосом.

— Тут сиденья есть? — поинтересовалась я шепотом.

— Нет, Соня, эта телега на высокородных не была рассчитана, — отозвался Лид, как я поняла по его тону, с улыбкой, и снова перегнулся через борт, чтобы втащить внутрь еще две фигуры, в одной из которых по силуэту высоченной прически я узнала Маду, а во второй, когда она претенциозным шепотом пожаловалась, что ей жестко и неудобно — Иа. Пассажиры все прибавлялись, и вскоре я стала ощущать себя, как в метро в час пик, с единственным разницей, что теснились мы не стоя, а сидя. Король, услышав мой сдавленный писк, когда на мою ногу взгромоздился Геф, тут же подтянул меня подмышки и усадил, как в самолете, к себе на колени, Геф проделал то же с Наткой, Сот — с Адаром, близнецы — друг с

другом, фрейлина самостоятельно взгромоздилась на крякнувшего Лена, и в телеге неожиданно сделалось просторно. Я было успокоилась и решила, что смогу вздремнуть в дороге, но не тут-то было. Машина тронулась, и я сразу поняла, что, во-первых, она работает на очень плохом бензине, если это вообще бензин, а во-вторых, что у телеги нет никаких амортизаторов. Каждую неровность мы ощущали всеми костями и зубами, нас бросало от борта к борту и иногда чуть не выбрасывало из телеги на дорогу. Больше всего мучились мы с Наткой — остальные, как местные жители, были привычны к такому способу передвижения, и даже умудрялись спать. Лид тоже молчал и не жаловался, одной рукой вцепившись в борт, а другой — обхватив меня поперек туловища. Я дополнительно держалась за какую-то деревяшку и старалась, когда мы подсакивали на неровностях, не заехать затылком королю по зубам.

Ехали мы очень долго, так что я потеряла счет времени. Не светало. Вдоль дороги мигали редкие огоньки — это светились окна в домах. Король, подтверждая, что он тоже местный житель, в конце концов заснул: рука его, вцепившаяся в меня, разжалась, и теперь из всех не спали только мы с Наткой да ведущий машину Корант. Наткины глаза блестели в темноте и пялились на меня, а я смотрела на нее. Мы обе молчали: разговаривать сквозь непрекращающийся грохот и треск мотора было себе дороже. Я вдруг остро ощутила, какая я плохо вымытая, непричесанная и соскучившаяся по бабушке, родителям и квартире с удобствами. А ситуация все хуже, и когда мы все-таки свергнем Съедина, неизвестно. Я подумала об арестованном Енге, о доброй Иматсе, которую наверняка тоже арестовали, и попыталась представить себе варсотские тюрьмы на тот случай, если и мне вдруг придется в них сидеть. Король все равно если и помнит, то только какими тюрьмы были триста лет назад, а с тех пор, как я надеялась, условия в них все-таки улучшились...

Пока я занималась этими безрадостными размышлениями, наконец-то потихоньку начало светать. Машина остановилась у какой-то роци, заглушила мотор, и над бортом телеги появилось грязное и замотанное тряпками лицо Коранта.

— У вас тут ракса с топливом, дай-ка мне, — прохрипел он. Я поняла, что ракса — это что-то типа канистры, и тоже хрипло спросила:

— Где?

Ракса оказалась под близнецами. Население телеги, пока мы ее доставали, частично проснулось и вывалилось наружу размяться. Лид не проснулся, и я не стала его трогать, но тоже вылезла из телеги вместе с Наткой.

Корант, открыв в задней части машины отверстие бака, заливал туда топливо. Возле него ошивалась проснувшаяся Мада, мешалась и просилась прокатить ее в салоне, приводя убедительные аргументы:

— Вы меня возьмите, потому что я же фрейлина обоих величеств, и вашего и нашего, это мы сейчас на окраине, а в город-то все равно придется въехать, так если нас полиция остановит, я скажу, что я с вами именем Съедина, и они отстанут! Так что мне туда обязательно надо! Сиденья там, кстати, мягкие?

— Деревянные, — усмехнулся Корант. — Ладно, если Рет не возражает, можешь сесть со мной.

— Конечно, он не возражает! — успокоила фрейлину Натка. — Он спит.

— Даже если проснется, не будет против, точно говорю, — зевнула я. — Лезь, Мада. Корант, нам далеко ехать? Это еще не город?

— Город-то город, но мы просто едем вдоль него, по окраине. Не стоит туда соваться лишний раз. И так ночные патрули ходят. Правда, придется нам сейчас все-таки въехать, у прядильной фабрики, дальше дороги нет.

— А где мы теперь будем жить?

— Рет одно место знает, правда, мне не слишком нравится оно... Опять в старом городе. Больно близко к центру... Ну ладно, садитесь, поехали, а то рассветет того гляди, а днем полиции больше...

Мы послушно полезли обратно в телегу, Мада радостно устроилась в кабине рядом со стариком, и мы поехали. Я опять уселась на спящего короля, не столько для удобства, сколько чтобы погреть его, и бездумно смотрела по сторонам.

Постепенно светало, но небо осталось серым, и более того, поднялся противный пронизывающий ветер. От его порывов гнулись деревья вдоль дороги. Мало-помалу от холода и колющей лицо пыли все ученики проснулись. Самым стойким оказался король: он открыл глаза, только когда наша машина с ревом ринулась вверх по горбтому и узкому каменному мосту.

— Лид, это мы где? — тут же спросила я. Король покосился за борт и отозвался:

— Старый город. Видишь, какие дома? Тут раньше жили лишь высокородные, а теперь, поскольку город расширился, центр перенесли в другое место, к зданию парламента. Там сейчас Съедин...

Машина наша, все громче ревя, поднималась по узкой улице, по сторонам которой высились уже знакомые мне старинные дома из темно-красного камня. Прохожих было мало. Попались два-три разодетых в пух и

прах велосипедиста, но они, к счастью, то ли не обратили на нас внимания, то ли побоялись связываться.

— Долго еще, ваше величество? — поинтересовалась Натка.

— Не кричи и не называй меня так в городе! — цыкнул на нее король.

— Я вообще-то по-русски говорила, — хмыкнула подруга по-варсотски.

— Да-а? — спросил Лид по-русски.

— Ага. Я, в отличие от тебя, твое величество, ваш язык еще не так свободно знаю, чтобы со своим перепутать, — рассмеялась Натка. Лид тоже улыбнулся. Улыбка вышла усталая и печально-торжественная, из-за благородных и тонких черт королевского лица. Я перевела взгляд на разухабистую физиономию сидящего напротив Гефа, с большим носом, широким пухлым ртом и широко расставленными глазами, и сказала с беспокойством:

— Лид, надел бы ты кепку, что ли... От греха подальше. Людей больше становится.

Король что-то ответил, но я это не расслышала, потому что мы въехали на очередной мост: широкий, из красного камня, с остатками обвалившейся узорчатой ограды по краям. Приподнявшись, я попыталась разглядеть воду, и увидела ее далеко, чуть ли не в пятидесяти метрах внизу...

И тут машина резко остановилась. Нас побросало друг на друга, на миг образовалась куча мала. Наконец я, вроде бы, слезла с чужих ног и рук и была вытянута Лидом в вертикальное положение. Теперь мы все стояли в телеге. Шум мотора умолк, и стали слышны звуки: а именно, свист, грохот и агрессивные крики, которых я не понимала — наверное, какие-то варсотские ругательства. А еще через миг я поняла, что весь мост перед нами заполнен плотной орущей толпой бедно одетых и каких-то странно грязных варсотов. Толпа плеснула, как волна, и мгновенно вобрала в себя нашу машину, так что теперь, учитывая еще и телегу и неудобный уклон моста, назад стало подать практически невозможно. Корант, видимо, тоже это понял, потому что завел двигатель и медленно потащился вперед.

— Долой Съедина! Долой королей! — выкрикивали вокруг нас. — Мы требуем поднять зарплату! Долой рабочий день в 14 часов!

— Ух, как прижало-то их, — пробормотал Геф.

— Кто это бастует? — спросила Натка.

— Топливный завод, наверное, он тут рядом...

— Давайте, если будет полиция, рабочим поможем! Мы теперь можем! — замахал руками Сот. Лид с размаху шлепнул его по руке так, что мальчишка аж зашипел, и резко сказал:

— Никакой помощи! Не вмешиваться! Вылезайте все из телеги, пойдем назад пешком. Геф, позови Коранта с Мадой...

— Лучше вперед пройти, мы уже на середине моста! — быстро возразила Иа. — А так что, через реку плыть, что ли? Второй мост далеко!

Из-за ее слов возникло некоторое замешательство. Часть учеников попыталась вылезти из телеги, часть осталась стоять, глядя на нас. Лид, судя по всему, хотел рывкнуть на Иа, но не сделал этого, потому что толпа вдруг ускорила и начала обтекать нас с вихрями и водоворотами, то есть людеворотами, крича и вопя пуще прежнего. Один из людеворотов вбросил к нам в телегу Коранта и растрепанную Маду, которых Геф все-таки успел позвать. А среди общей массы людей, тесня ее, вдруг появились колдуны в богатой, но одинаковой одежде типа мундиров в красно-синих тонах. Они, с криками «разойтись, именем Съедина!» сноровисто орудовали кулаками и странными тонкими палками. Наверняка это была полиция. Часть бастующих — в основном, люди — бросилась врассыпную, другая часть, — колдуны — наоборот, кинулась драться с полицейскими, но почему-то победить в этой борьбе ей не удавалось. Полицейские делали своими тонкими палками непонятные движения, от которых одни рабочие как подкошенные падали на булыжники моста, а другие — начинали шататься как пьяные. Лид решительным рывком засунул меня себе за спину — я воткнулась в Натку и Маду, — а король, Корант остальные ученики встали вокруг нас.

— Никого не трогать, если не будут трогать нас, — велел нам король, Наверное, гипнозным голосом, потому что мы все его расслышали. — Силу в крайнем случае применяйте на поражение, сейчас вряд ли заметят...

— Слушаюсь! — торжественно прошептали мальчишки.

Из-за плеча Адара я увидела, что полиция подобралась уже близко, и отчаянно понадеялась, что, если мы ничего не делаем, то нас никто не тронет, однако раздался громкий варсотский окрик, который означал что-то вроде «а ну, слазьте!»

— Слазь, дед, ты что, оглох?! — повторил полицейский с квадратной челюстью и злобными глазками, такими маленькими, что даже не видно было, из каких двух цветов они состоят. Обращался он к Коранту.

— Зачем же слезать? — отозвался старик спокойно. — Мы не забастовщики...

— Вы все арестованы! Неповиновение королю! — не слушая его, выкрикнул второй полицейский.

— Мы здесь случайно! Именем Съедина! — закричала Мада, с неожиданной силой протискиваясь мимо меня к полицейскому. — Я

королевская фре...

Полицейские, вздрогнув от ее голоса, тут же вскинули свои палки. Одна палка уткнулась фрейлине куда-то в район бедра. Мада издала странный звук и вдруг, как тряпичная кукла, начала валиться вперед. Фрейлину подхватил Геф, а Корант, стоящий рядом с ней, ногой выбил палку из руки полицейского. Но тут подскочил второй колдун и ткнул в него своей палкой.

Я увидела, как дрогнула и резко согнулась прямая спина старика. И прежде, чем кто-то из нас успел его подхватить, Корант рухнул с телеги под ноги полицейским. Что происходило дальше, я плохо поняла. Король выкрикнул какие-то быстрые указания по-варсотски, но я от страха не уловила практически ничего. Зато остальные, кажется, поняли: близнецы за руки-за ноги схватили фрейлину и выпрыгнули вместе с ней в толпу с другой стороны телеги; Геф, Лен и Иа ухватили мешки с провизией и принялись охаживать ими полицию; а Лид, как самый мощный, вдруг оторвал от борта телеги здоровенную перекладину с торчащим из нее гвоздями и со всей силы треснул ею по рукам ближайшего полицейского, который пытался дотянуться до него палкой. Полицейский взвизгнул, выпустил палку и осел, правда, сбоку вынырнул еще один, но король лягнул его ногой прямо по физиономии и снова применил палку. Я чуть пришла в себя и тоже оглянулась, думая, что бы мне схватить потяжелее, но вдруг почувствовала, что меня тащат назад.

— Э-эй! — заорала я по-варсотски, начиная лягаться. — Как врежу! Полицейская сволочь!

— Сонька, это я! — раздался голос Натки. — Ты что, не поняла, что сказали?! Бежим! Назад, через тот борт, быстрее! Там полиции сейчас нет! Геф с Сотом прикроют!

— А Лид?!

— Разберутся! — подруга, как куль, вывалила меня из телеги, схватила за руку и потащила сквозь толпу. За нами быстро шел Геф, мешком провизии смахивая пытающиеся вцепиться в нас чьи-то руки, а впереди Натки мелькала голова Сота, таким же мешком пробивающего путь в толпе. Я попыталась оглянуться, разрываемая тревогой за короля, но в людском море его различить было невозможно, и, к тому же, мне тут же кто-то въехал локтем поддых и наступил на обе ноги. Я взвизгнула, Геф строго и напряженно сказал:

— А ну давайте быстро к перилам, тут уже можно спрыгнуть! — и подпихнул меня и Натку в спины мешком.

Из-за этого подпихивания мы пролетели сквозь толпу последний метр

и закачались на изъеденном временем крошащемся краю моста. Никаких перил там уже не было, зато была высота метров пять — внизу, в глубокой тени, виднелся поросший травой склон.

— Да ты чего, мы же все ноги переломаем! — запротестовала Натка, судорожно хватаясь за меня, но Геф, не слушая ее, вдруг сиганул вниз. Мы, вытянув шеи, со страхом проследили за ним, но он ловко прокатился по траве и тут же встал на ноги. Тут я поняла, что высота все-таки была не такой большой, как мне показалось — наверное, не больше трех метров. Пока я так раздумывала, Сот вдруг обошел нас и деловито толкнул своим мешком Натку. Подруга с коротким воплем слетела с моста и приземлилась на Гефа, который, конечно, тоже не удержался и опять растянулся на траве. Сот переглянулся со мной и деловито поинтересовался:

— Ну че, пнуть или сама?

— Сама, — тяжело дыша, сказала я, выдернула у него мешок и быстро сиганула вниз. На отобранный мешок я и собиралась приземлиться, потому что он был хотя бы немного мягким, и это у меня почти получилось, но все равно от удара я лязгнула зубами до звона в голове и разбила коленки. Сот тоже прыгнул и с шумом приземлился за моей спиной.

Только я помотала головой и, морщась, хотела потереть коленку, как ко мне нагнулся Геф, и, без лишних разговоров схватив меня за руку, дернул и поволок куда-то вверх по склону. В другой руке у него была Натка.

Потом мы долго бежали, петляя по очень узким и грязным улицам между старыми полуразвалившимися домами. Перед глазами у меня все мелькало и прыгало, кололо в боку, а спросить, куда мы бежим, уже не хватало воздуха.

Наконец мальчишки перестали волочь нас вперед, и Геф выпустил мою руку. Я молча рухнула на землю, поросшую суховатой густой травой. Натка, хватаясь за грудь и хлопая губами, как рыба, села на щербатый край серого каменного колодца, который торчал из бурьяна рядом с нами. А вообще, как я поняла, быстро глянув по сторонам, мы снова покинули пределы старого города и в данный момент находились на чем-то вроде заброшенного садового участка. На нас бросали тень развалины большого почерневшего и облезлого деревянного дома с крышей, проломленной огромным упавшим деревом. Дерево, хоть и с полувывернутыми из земли корнями, было вполне живо и бодро шумело на ветру большими, похожими на лопухи, листьями. В окружающем бурьяне, который поднимался выше человеческого роста, что-то шуршало, бежало и перекликалось похоже, птицы и насекомые. Между листьями-лопухами недоулавшего дерева били солнечные лучи. Было как-то по настоящему

тихо и спокойно.

— Э-это мы где? — наконец, выдавила из себя я, перестав хватать ртом воздух.

— Да мы тут, бывает, прятались, тутошние дома давно заброшены, — отозвался Геф, с беспокойством вглядываясь в бурьян. — Куда Мир с Фиром подевались? Сот, давай быстро сбегай поищи их, вместе соберемся и пойдем.

— Опять пойдем?! — ужаснулась Натка, глядя вслед нырнувшему в бурьян Соту. — Куда?!

— Да я знаю, куда, что ли? — Геф сдернул кепку и остервенело почесал в затылке загорелой рукой. — Просто и тут долго сидеть нельзя: могут выследить, они же колдуны, а мы недалеко убежали.

— А Лид как же? — сказала я жалобно. — А Иа, а Лен, а Адар?

— Адар должен был убежать с близнецами. А остальные... Придут, куда денутся, — успокаивающе ответил Геф. — Рет же нас легко сможет найти по следам. Уж он-то такой колдун, что...

Он не закончил говорить, потому что в бурьяне раздался шумный шорох, и к нам вывалился обсыпанный какими-то пушистыми голубыми семенами Сот. За ним, к моему облегчению, показался Адар, а за Адаром медленно и устало вылезли близнецы, чуть ли не по земле волоча неподвижную фрейлину, похожую на большую бледную куклу с закрытыми глазами. Прическа ее наполовину размоталась, а юбка платья выглядела так, будто на ней долго кто-то танцевал грязными ботинками. Впрочем, вид Мадиной одежды и прически нас не слишком беспокоил, в отличие от ее состояния. Мир и Фир молча уложили ее на траву, и мы все встали вокруг, опираясь руками на колени.

— Чего-то она вообще того... — правдиво заметил, наконец, Сот.

— Это палки их, — отозвался Мир злобно. — В меня немного попало, я чуть сам не того...

— Что это за палки-то? — хмуро спросила Натка, присаживаясь на корточки.

— Не знаю, по-моему, обычные палки, — Геф тоже присел и засучил рукава. — Адар, Сот, воды принесите из колодца... Чем-чем, кепкой!.. Палки-то обычные, но они ими передают свое же колдовство и направляют его в одну точку, вроде так. Сильнее получается. Так ведь обычные колдуны вреда не принесут, если рукой за тебя не схватятся, — дообъяснил он непонимающе хмурающейся Натке. — А с этими палками им удобнее. Дальше достают...

— А Корант? — помолчав, выдавила из себя я. Геф хмуро пожал

плечами, взял из рук подбежавшего Адара кепку с желтоватой водой и вылил ее на лицо фрейлины. Та вяло фыркнула и кашлянула. Геф вытер ей нос полый своего же пиджака и озабоченно поглядел на Натку, будто ища ее одобрения:

— Ну чего, придется полечить ее, что ли. А то кто знает... — Не договорив, он положил руки на Мадины плечи и сказал, будто стирал кого-то в порошок:

— Ыть!

Фрейлина не пошевелилась. Геф приподнял руки, вздохнул и с размаху шлепнул их обратно. Теперь уже он ничего не говорил, но лицо у него было такое напряженное, будто изо всех сил прорывался через какое-то препятствие. Через пару минут он снова приподнял руки и попросил воды, на сей раз, себе.

— Ну как, а? — тревожно спросила я, вглядываясь в бледное лицо фрейлины.

— Да ну... — пробормотал Геф.

— Помочь? — предложил кто-то из близнецов — кажется, Фир.

— А чего толку? Сила ж друг к другу не прибавляется... — возразил Геф и вылил воду из принесенной кепки себе на голову.

Потом он снова взялся за Маду. Мы сидели вокруг уже молча, и старались не встречаться взглядами. Никогда раньше, даже во время самых больших несчастий, у меня не лежало на душе такого громадного камня. Лид пропал, Иа и Лен — тоже, Корант, наверное, ранен даже сильнее Мады, а Маду Геф, кажется, не может вылечить... Или сможет?! Ну хоть бы смог! Ну пожалуйста! Пусть мы даже никогда не вернемся домой, а останемся в Варсотии и будем бить, бить, бить эту проклятую полицию и этого дрянного Съедина!

Тут я заметила, что от злости и напряжения вцепилась ногтями себе в ладонь, и с трудом разжала руку... И как раз в этот момент фрейлина неожиданно издала дикий вопль и взбрыкнула всеми конечностями сразу. Мы разлетелись во все стороны и, опешив, сели в бурьян. Однако Геф и близнецы, тут же вскочив, снова бросились к Маде и облепили ее, как коршуны. А та дергалась и вопила, будто ее режут.

— Ай, отстаньте, именем короля! Не трогайте меня! Больно же!!!

— Чего ты встала, иди ей рот заткни, — деловито позвал Геф Натку.

— Я не встала, я села, — отозвалась подруга и опасливо подошла к фрейлине, примеряясь к ее лицу сложенной ковшиком ладонью. — Э, а рот-то затыкать зачем?

— Чтобы не орала. Быстро, люди сбегутся! — Геф сам припечатал

фрейлинов рот одной рукой, а другую снова положил ей на плечо. Фрейлина продолжала извиваться, будто ее то ли щекотали, то ли кололи вилкой. Я тоже подошла и нерешительно сказала:

— Ей вообще-то же больно...

— Вот и хорошо, — пропыхтел Геф. — Когда внутри повреждено, всегда больно, как заживать начинает.

— Ага, — тихо согласился Адар. — Это как будто синяк, только сильнее...

— Видим, что сильнее, — сказала Натка хмуро и села на брыкающиеся фрейлиновы ноги. Наконец, поняв, в чем дело, я тоже подключилась, но процесс выздоровления фрейлины все равно проходил уж очень бурно. Иногда мы всемером не могли ее как следует удержать, и начинали, ловя руки и ноги, уговаривать потерпеть, но слов фрейлина почему-то не понимала. Из-за этой суматохи я забыла, где мы находимся и кого здесь ждем, поэтому, когда мне на разгоряченную спину неожиданно легла холодная рука, меня чуть нехватила кондрашка.

— Мама!! — подпрыгнув, взвизгнула я почти ультразвуком, и одним пружинистым прыжком развернулась, заранее выставив кулаки.

Передо мной стоял растрепанный король без пиджака в подрванном рубашке — с ее рукавов свисали черные клочья и что-то капало. Кажется, из-за моего вопля он тоже здорово испугался, потому что резко схватил меня за запястья и несколько раз встряхнул, глядя на меня дикими расширенными глазами, после чего, отдышавшись, произнес на каком-то языке:

— Соня, что ты, не пугайся, не пугайся... Все нормально, это я.

— И мы, — добавил мрачный голос, и рядом с королем возникла такая же растрепанная и порванная клочьями Иа. Рядом с ней, даже чуть улыбаясь, стоял Лен.

— Ребята! Живые, здоровые! — расцвела Натка и от полноты чувств похлопала короля по плечу. — Быстро вы нас нашли!

— Да вас найти-то немудрено. По крикам, — фыркнула Иа. — Вы что, очумели, что ли, так орать?

— Мы Маду лечили, — отозвалась я виновато. — И до сих пор, кажется, лечим...

— Нет, нет, полечите в другом месте, — замотала Иа головой. — Его величество знает, где можно спрятаться. Отсюда не очень далеко, если быстро идти.

— А здесь оставаться не стоит, — добавил Лен. — Мы и так еле выбрались. Если бы не его величество, нас бы точно арестовали.

Упомянутое величество на эти дифирамбы не прореагировал вообще никак, но хотя бы перестал лупиться на меня диким взглядом и убрал встрепанные, как репейник, волосы, за уши. При этом драный рукав рубашки упал до локтя, и я с ужасом увидела на его левой руке длинные глубокие порезы, из которых сочилась кровь.

— Лид, чем это тебя так? — спросила я тихо. Король посмотрел туда же, куда и я и, резко тряхнув рукой, опустил рукав обратно.

— Гвоздями, наверное. Неудобно драться в толпе. Простолюдины, как всегда за ними водится, гораздо больше приносят вреда друг другу, чем им может принести полиция...

— Ну, полиция тоже неплохо так постаралась своими палочками, — Натка мотнула головой в сторону фрейлины. — Хорошо хоть у Гефа получилось ее вылечить, а то она совсем неживая была...

— Лид, а Корант где?! — ужаснулась вдруг я. — Он тоже ранен? Почему вы его не принесли сюда?

— Смысла нет. Он не ранен, он убит, — кратко выдавил король сквозь зубы, отпустил мою руку и выпрямился во весь рост, глядя на нас исподлобья. Вид у него при этом был такой, будто он кого-то не добил и теперь очень об этом сожалеет. Мы все замолчали, даже фрейлина, которая был не в себе, тоже, что-то почувствовав, прекратила вопить. Адар шмыгнул носом, стянул с головы кепку и прикрыл ей лицо, Геф сжал челюсти до квадратного состояния. Натка водила по земле рассеянным взглядом, словно не понимала, что вообще происходит. Я же не делала ничего, потому что у меня в голове все никак не укладывалось, что доброго старика-колдуна, который спасал нас с Наткой от полиции и который привел нас вместе с Гефом к королю, я уже больше никогда не увижу...

— Берите Маду и пойдете, — тихо сказал Лид, наконец, выходя из своего злобного столбняка.

— Куда? — мрачно поинтересовалась я. Король ответил с усмешкой:

— Ко мне домой, — и нырнул в бурьян.

Но я была не в том настроении, чтобы впечатляться красивыми фразами. Врезавшись в траву, как пушечное ядро, я тут же догнала короля, и, схватив его двумя пальцами за локоть, поинтересовалась с сердитой усталостью:

— Какой еще у тебя тут дом?!

— Дворец, естественно, — отозвался король, ловко лавируя среди бурьяна и остатков сгнивших построек.

— Так он же разрушен!

— Вот именно поэтому никто туда и не ходит.

— Извините, ваше величество, но там же не то, что крыши, там стен нет, все просматривается, — послышался голос идущей за нами Иа.

— Раз я сказал, что там есть, где жить, значит, есть, — резко бросил король, не поворачиваясь. — Хватит ставить под сомнение каждое мое слово, если не хочешь, чтобы опять кто-нибудь погиб.

Иа аж захлебнулась от возмущения:

— Вы чего, хотите сказать, что Коранта убили из-за того, что я вам что-то там возразила на мосту?!

— Может быть, и не из-за того, но если бы мы раньше покинули машину, вполне возможно, все бы были сейчас целы, — холодно отчеканил король, приведя меня в изумление.

— Ваше величество, конечно, классно, что ты освоил сослагательное наклонение, а то Сонька все жаловалась, но, может, хорош ругаться?! — устало попросила Натка. — Потому что кто знает-то, что было бы. Может, мы все бы выжили, а может, нас, наоборот, всех бы прикончили.

Лид неохотно умолк и ринулся вперед с удвоенной энергией. Я неслась рядом, и, хоть говорить из-за темпа не могла, но бросала на него обеспокоенные взгляды. Вот и король теперь по-настоящему переживает, и это видно. Что же дальше-то будет?..

Дальше мы еще долго ломились напрямик через заброшенные участки, чихая и отцепляя от себя семена растений. Фрейлину тащили по очереди, даже король принял в этом участие. В довершение всего пришлось переправиться через небольшую речку с желтоватой холодной водой. К счастью, она оказалась довольно мелкой, но учитывая то, что солнце скрылось и опять задул пронизывающий ветер, приятного в мокрых ногах и прилипшем подоле юбки было мало. После речки мы прошли совсем немного по открытому пространству — кошеному лугу — и опять нырнули в заросли, только на этот раз довольно странные.

Вокруг нас высились прямые и ровные деревья. Их серебристые стволы резко сужались кверху, как большие морковки, и где-то на огромной высоте, усиливая морковное впечатление, шумела ботва, то есть листва, похожая на пальмовую. Под этими деревьями кудрявились плотные как будто из цельного куска зеленой резины, кусты, с очень мелкими листьями и гроздьями ярких желтых ягодок. Под ногами же вместо нормального бурьяна появились какие-то толстые синеватые лианы и трава с пышными белыми «метелочками» на кончиках.

— Ух ты, морковка! — послышался комментарий Натки, которая видимо, тоже взглянула на деревья. Я нагнала замедлившего шаг короля и осторожно взяла его за палец, чтобы привлечь внимание.

— Лид, что это за место?

— Королевский сад, — отозвался он задумчиво, скользя взглядом по стволам серебристых «морковок». — Это очень старые деревья, еще я их помню...

— Значит, мы почти пришли? — обрадовалась я. Он кивнул.

— Да, Соня. Вон там, смотри, дворец...

Деревья расступились, но смотреть-то как раз было почти не на что. Иа не соврала, когда сказала, что от королевского дворца не осталось даже стен. Из экзотического бурьяна, бывшего когда-то королевским садом, торчал серый фундамент. Он был большущий, но представить по нему общий вид дворца у меня не получилось. Король на секунду застыл, оглядываясь с мрачным видом человека, пришедшего на старое пепелище, но тут же вскинул голову и быстро устремился куда-то вдоль длинной стороны фундамента. Мы молчаливой вереницей потащились за ним, только Сот, на пару с Гефом тащащий фрейлину, потихоньку ворчал:

— Ну когда мы уже придем, у меня сейчас руки оторвутся!..

Король, наконец, остановился. Я встала рядом с ним и поняла, что мы пришли к фасаду дворца, потому что здесь из травы, как пирамида, поднималась огромная и широкая мраморная лестница. Ее потрескавшиеся белые ступени вели в небо — стен-то у дворца не сохранилось. Вид у лестницы был не столько величавый, сколько подозрительный, и я очень понадеялась, что мы на нее не полезем. И действительно: король только прошел вдоль лестничного бока и, присев на корточки, показал нам черную неровную дыру в земле.

— Хм, знаете, ваше величество, может, вы меня за это совсем заколдуете, но подвал дворца — это плохое убежище, — со вздохом сказала Иа. — Сюда полгорода в детстве лазало, и вообще, всем про него известно.

— Что, опять искать?! — вырвалось у меня. Лид подарил мне укоризненный взгляд через плечо, дескать, как я-то могла усомниться в его выдающемся уме, и устало отозвался:

— Ничего искать не надо, Соня, убежище немного дальше, но сначала надо зайти в подвал. Осторожно, по-моему, там сгнила лестница.

— Точно что сгнила, — подтвердил Геф. — Давай, Рет, мы с тобой и с Леном вниз прыгнем, а остальным поможем.

Король коротко кивнул и в буквальном смысле провалился сквозь землю. Через полсекунды что-то глухо бухнуло — видимо, он достиг дна подвала. Остальные столпились у дыры и принялись безбоязненно и даже радостно проваливаться следом. Я уныло ощупала разбитые и так не зажившие колени, но без возражений прыгнула, когда пришла моя очередь.

Летела я недолго: меня почти сразу же подхватили холодные королевские руки, поставили на невидимый пол и даже немного отряхнули от земли. Геф с Леном тем временем поймали безвольную фрейлину, которая что-то покрикивала про то, что у нее испорчено платье.

В подвале дворца оказалось не так уж и темно: свет шел из дыры сверху, и, к тому же, ученики сразу же зажгли свои магические огоньки. Я с любопытством огляделась, но посмотреть оказалось не на что: просто ровные каменные стены с какими-то скобами (может быть, на них раньше крепились светильники), холодный даже сквозь ботинки земляной пол и, прямо как и в Москве в общественных местах, большие кострища и кучки разнообразного мусора — тряпок, обглоданных костей и бумажных оберток от чего-то съедобного.

— А здесь ведь не только морковки-сосны, но и ели, как в том анекдоте, — гулко хихикнула Натка. — Лид, ты чего задумал-то? Мы будем притворяться перед полицией, что пришли сюда на пикник?

— Убежище не здесь, — повторил Лид, не растерявший своего нечеловеческого терпения, и медленно пошел вперед, скользя рукой по стене.

— Лид, ты чего ищешь? — не выдержав, влезла я.

— Это тебе, Соня, должно быть знакомо, — ответил король по-русски и с неожиданной улыбкой. — Как в твоих книгах: «Чиполлино», «Королевство кривых зеркал»...

— Чего в моих книгах? — заморгала я от неожиданности. — Лид, что еще за загадки на ровном месте?!

— Успокойся, Соня, — король просительно тронул меня за плечо. — Я имел в виду подземный ход. Думал, что ты догадаешься, потому что он есть почти в каждой из ваших книг, где вообще упоминается замок или дворец.

— А-а, вот что, — рассмеялась я. — А куда он ведет?

— В погреба и темницы. Можно устроиться, где вам будет удобнее.

— Мне удобнее в погребах, — сказала я поспешно.

— Нет, темницы комфортабельнее, — явно со знанием дела возразил король.

— Слушайте, — подошла к нам Натка, — а если кто-то уже нашел ход в эти твои комфортабельные темницы?

Король уверенно покачал головой:

— Нет, не может быть. Наш ход откроет только член королевской семьи, и только тот, который знает... Как у вас говорится... Шифр, да?

— Смотря, что ты имеешь в виду, — отозвалась я неуверенно,

представляя себе что-то вроде вытесанного из мрамора домофона. Но все оказалось куда изящнее: король, отмерив какое-то количество шагов от угла, встал напротив стены и развернул на ней яркую картинку. Она изображала белую, всю в резных завитушках-узорах, дверь. Узоры были, конечно, красивыми, но для Лида выглядели слишком вычурными, к тому же они постоянно менялись, словно он никак не мог остановиться в их придумывании. Но скоро нижняя часть двери застыла, только в верхней осталось какое-то слабое движение, которое постепенно угасало.

— А-а, код подбирает, — шепотом догадалась Натка, подпихнув меня локтем. Я неуверенно кивнула. Тем временем Лид вплотную подошел к собственной картинке и быстро нажал подряд на несколько завитушек. Раздался громкий скрежет, с каким во всех приличных фильмах отодвигаются камни, открывающие подземный ход. Картинка двери погасла, оставив квадратный черный провал в стене.

— Идемте, — житейски сказал король почтительно застывшим ученикам и раскрывшим рты нам с Наткой, и приглашающе махнул рукой.

Мы все потихоньку прошли внутрь, и Лид, таким же образом сделав картинку, закрыл за нами дверь. Вот теперь я ощутила себя в настоящем королевском дворце. Подземный ход, в отличие от подвала, был шикарным: с высокими потолками, покрытыми гладким белым камнем стенами и каменным же полом. Кое-где на стенах виднелись в высшей степени изящные надписи на древневарсотском, а также росписи и фрески, которые изображали, по-видимости, развлечения высокородных: то они, с постными лицами восседая на животных, что здесь заменяли лошадей, изволили охотиться на каких-то зверьков вроде диких лисособак, то, изящно отключившись, кружились друг с другом в танце, то принимали дары от каких-то бедно одетых людей с подобострастными физиономиями, то, с легким облачком недовольства на невозмутимом челе, обращали этих же людей в прах...

Оторвавшись от увлекательного древневарсотского творчества, я покосилась на идущего рядом короля. Тот тоже искоса взглянул на меня, и, может быть, мне и показалось, но вид у него в этот момент был какой-то стыдливый.

— Лид, — прошептала я, — а это настоящие короли нарисованы?

— В основном да. Вот это — король Сонародин, именно от него пошла ветвь, к которой принадлежит Съедин.

— Стремная рожа, — припечатала Натка. — Яблоко от яблоньки...

— Это — королева Итсалинея, — громким шепотом продолжал экскурсию Лид. — Прославилась, если можно так выразиться, тем, что

обратила в прах всех родственников по отцовской линии.

— Зачем?! — изумилась я. Лид хихикнул, как нашкодивший пятиклассник.

— Наверное, в вашем мире, Соня, ее бы назвали феминисткой. По крайней мере, она всегда много говорила о том, что женщины гораздо моральнее и лучше мужчин и должны иметь такие же права на трон...

— Ну и кто ее заколдовал? — догадливо поинтересовалась Натка.

— Собственная дочь, — отозвался Лид не без удовлетворения — даром, что был мужчиной. — А это — король Нивоксосейр, у него тоже была спасительница...

— И как, они жили долго и счастливо? — хихикнула подруга.

— В общем, да, пока их не заколдовал собственный сын. Вот от него я и потомок по прямой линии...

— А ты-то сам тут есть? — не выдержав, полубопытствовала я. Лид посмотрел на меня и сказал по-русски:

— Бог миловал, Соня.

— Нет, а правда, почему тебя не нарисовали? — пристала к нему и Натка.

— Королей рисуют только по их желанию. Я такого желания не испытывал. Мне никогда не нравился стиль этих фресок и не хотелось на века застыть в столь сомнительном виде, — Лид кивнул на очередного короля с королевой, которые с хитровато-святыми лицами принимали какую-то сложную трапезу. Рядом виднелся маленький принц — против обыкновения, даже довольно симпатичный белобрысый ребенок.

— Симпатичный, — сказала я вслух, чуть замедлившись и ткнув в принца пальцем. — Знаешь, даже чем-то на тебя похож.

— Неудивительно, — сказал Лид. — Это мой отец, король Сераногелий. Мы пришли. Темницы.

— Это ничего себе! — сказал Геф. — Чтоб я так сидел!..

Я была полностью с ним согласна. Теперь по обеим сторонам от коридора, словно в мебельном магазине, появились большие комнаты, которые можно было разглядеть в подробностях, потому что и двери, и стены, в которых они должны были быть, отсутствовали: были только перегородки между комнатами. Виднелись гладкие отполированные полы из разноцветного камня, витиеватые каменные столики, шкафы и даже трюмо — я увидела мелькнувшее в мутном зеркале свое обалделое чумазое лицо. Кое-где были и кровати — над ними висели истлевшие остатки балдахин. С потолков свешивались люстры на множество свечей.

— Эммм... Это чего за гостиница-люкс?! — наконец, прорвало

Натку. — Где цепи, где скелеты, где омерзительные казематы? Где хоть двери в конце концов?!

Ученики ничего не поняли, потому что она говорила по-русски, но на всякий случай рассмеялась. Лид покачал головой с несколько притворной, как мне показалось укоризной.

— Натка, омерзительные казематы омерзительны не только для пленных, но и для высокородных, которые здесь жили. Зачем делать уродливые тюрьмы, когда высокородным колдунам ничего не стоит оформить их в общем стиле дворца? Двери и стены тоже наколдывались по мере надобности, смотря кого здесь запирали. Но и вообще, разве обыкновенные простолюдины могли отбывать наказание в дворцовой тюрьме? Здесь обычно находились либо самые знаменитые преступники перед казнью, либо те же высокородные — только обычно в виде каменных статуй, а то ведь за ними сложно уследить... Фрейлину можете положить вот сюда, — повысил он голос, обернувшись назад. — В этой комнате сохранилась сетка на кровати, только подстелите мешок или одежду, здесь не жарко. А тут, если пройти все комнаты, будет стол, где ели дежурные стражи. А вот этот проход за ним ведет в погреб, но, думаю, ничего съедобного, кроме алкогольных напитков, мы оттуда не сможем взять.

— Нам только алкогольных напитков и не хватало, — устало сказала Иа. — Сейчас бы просто поесть...

— Поедим, — по-хозяйски уверенно отозвался Лид. — Устраивайтесь, мы здесь надолго.

Освоились мы под руководством короля действительно быстро. Разложив свои небогатые пожитки в наиболее привлекательных и шикарных камерах темницы, мы принялись за хозяйственные дела. Возле длинного каменного стола, за которым ели древние варсотские стражи, обнаружилось что-то вроде небольшой печки, встроенной в стену, и даже запас слежавшегося угля. Натка, на миг сунув голову в печкино жерло, быстро высунула ее и с озабоченным видом подняла на меня глаза:

— Слушай, Сонька, может, я заболела, но там в трубе как будто вода журчит.

— Да ну? — удивилась я, тоже сунула голову в трубу и действительно услышала слабый шум воды. Лид, стоя рядом, снисходительно наблюдал за нашими манипуляциями, но когда к печке подскочил заинтересовавшийся Адар с явным намерением нырнуть в нее чуть ли не с ногами, он открыл рот и обронил:

— Не удивляйтесь, там действительно вода. Труба печи проходит под небольшим подземным водопадом, это сделано, чтобы сверху нельзя было

различить дым.

— Ишь ты, какие шпионы, — присвистнула Натка уважительно. — Сонь, пойдем в погреб сходим?

— Пойдем, — согласилась я и, встав с корточек, первой нырнула в узкий темный проход в стене рядом с печкой.

— Подождите меня, — поспешно сказал король. — Я посвечу.

В подтверждение своих слов он зажег над собой яркий белый огонек. Вокруг нас по стенам заплясали искаженные черные тени. Коридорчик оказался коротким: он привел нас вниз, и, закончившись несколькими ступеньками, вывел в большее помещение из светло-серого камня, с несколько более низкими потолками, чем в темнице. Перегородок здесь не было, зато их роль с успехом выполняли ряды огромных темных бочек и бочонков. Некоторые из них, несмотря на общую промозглость и сырость, царящую в погребе, ухитрились, кажется, рассохнуться или просто лопнуть, и под ними виднелись липкие остатки алкогольных луж. Натка потянула носом.

— Ух ты, как спиртягой несет... Просто мечта алкоголика. Вот бы наших однокурсников сюда, правда, Сонь? Они бы тут развернулись...

— Не дай бог, — наморщилась я, вспомнив нашу не особенно удачную поездку в парк.

— Да, теперь это все нам, можем с горя упиться, — вздохнула подруга. — Твое величество, ты уже выучил наши народные песни? Их полагается орать, когда налижешься.

Лид бросил на мою подругу взгляд, в котором мелькнули остатки прежней высокородности.

— Никогда в жизни я не употреблял алкоголь так, чтобы потом себя не контролировать, — сказал он. — Впрочем, даже наши плебеи всегда пили его весьма умеренно.

— Наверное, климат у вас теплый, — сделала вывод Натка и постучала по ближайшей бочке. — А все-таки отсюда что-нибудь можно пить или мы отравимся?

— А кто знает, я сам тут триста лет не был, — вздохнул король. — Если хотите знать мое мнение, я бы здесь ничего не трогал. Одно время была традиция накладывать на вина долгоиграющие отравительные заклятья.

— Ну и традиции у вас, черт подери, — мрачно сказала я. — Что мы пить-то будем?

— В коридоре есть источник воды, мы мимо него прошли. Остатки еды у нас есть с собой, а вообще за пищей придется выходить на

поверхность. Тут я рассчитывал найти кое-какую посуду и, может быть, ткани — это все хранилось в комнатах за погребом, — с этими словами король, пролавиrowал между бочками и унесся куда-то, оставив нас в темнотище. Попереминавшись пару минут у какой-то сырой бочки, мы, наконец, сердитым хором закричали:

— Лид!

— Съели там его, что ли, — добавила подруга в сердцах. За бочками мелькнул свет, и к нам пролез умеренно довольный король, обвешанный блестящей посудой сложной формы и непонятого назначения и обернутый длинным куском светлой ткани с вышивкой.

— Большая часть, конечно, истлела, — обратился он ко мне, показательно дернув плечом. — Но то, что есть, подойдет, чтобы постелить на кровать.

— На чью? — хмыкнула Натка. — А, ну вообще, что я спрашиваю, на твою, ясное дело...

— Нет, на Сонину, — ответил король спокойно. — Под моей кроватью придется ставить угли, так что лучше обойтись без тканей, которые могут загореться.

— Да я тебе оторву кусочек, куда мне столько, — сказала я шепотом, глядя, как подруга завистливо щупает край ткани.

— Не кусочек, а кусок, — радостно поправила меня Натка. Лид, с трудом разворачиваясь в узком проходе между бочками, вдруг цыкнул на меня:

— Соня, там еще много ткани, перестань демонстрировать свою мелкую глупую щедрость.

Точнее, он употребил даже не слово «глупая», а варсотское жаргонное словечко, которое на русский можно было перевести скорее как «дурацкая». Я возмутилась до глубины души:

— Почему это моя щедрость дурацкая?

— Потому что дурацкая, — отрезал король.

— Ты, Лид, со своими плебеями вообще грубияном стал!

— Ты же, Соня, много раз мне говорила, что не признаешь деления на высокородных и плебеев.

— Здорово, — умиленно вздохнула Натка. — Ссорятся из-за ерунды, прямо как старые добрые времена. Давно вы не лаялись...

Мы разом умолкли. Король обвешанной утварью путеводной звездой зашаркал перед нами, освещая выход из погреба, мы засеменили следом.

Выбравшись, наконец, из коридора, мы увидели, что ученики уже успели развести в печке огонь и даже начали чего-то варить в котелке.

— Ой, ваше величество, тряпочки! — всплеснула руками Иа. — А там еще есть?

— Есть, можешь сходить и взять, — разрешил король, с грохотом и звоном сбрасывая свою поклажу рядом с Гефом, который сидел на полу, обняв руками колени. Вид у него был какой-то мрачно-задумчивый, от звона он даже не дрогнул. Натка наклонилась и заботливо постучала по его плечу.

— Эй, ты чего это?

— Да... Даже не знаю, — Геф озабоченно глянул сначала на нее, потом на короля. — Рет, я тут чего-то смотрю, мне вообще не холодно. Попробовал поколдовать — как будто ничего и не набирал.

Король тоже пощупал ученика за плечо, присел рядом, заглянул ему в глаза и медленно произнес:

— Действительно, сила у тебя опять как у обычного колдуна-простолюдина... Кто-то из тебя ее вытянул?

— Так он же Маду лечил, сила и потратилась, ваше величество, — сказал Лен и бросил в печку уголек.

— Потратилась? — король поднял брови. — Набранная сила не тратится от колдовства, она может стать чуть меньше от усталости, как... В батарееке, — добавил он по-русски.

— Так то колдовство, а то лечение, — возразил Лен мягко. — У меня бабушка лечила, я знаю. Один день лечит, неделю отдыхает. Только у нее само восстанавливалось, она так, как мы, не умела силу набирать.

— А набранная, наверное, насовсем уходит, — подал голос Геф. — Я так и чувствовал, что будто бы колдую наоборот... Эх, жалко, набирал-набирал... Зато если бы не набрал, Маду бы сейчас не вылечил.

— Да, ничего не поделаешь, — король коротко кивнул и сдвинул брови. Вид у него стал какой-то хмуро-задумчивый. Больше не произнес ни слова, он встал, взял парчовую тряпку и поволок ее в камеру, которую я присмотрела для себя. Я переглянулась с Наткой и пошла следом.

В камере, которую я себе облюбовала, видимо, сидела какая-то высокородная дама, потому что здесь была кровать с остатками балдахина и то самое трюмо, в котором я отразилась, когда мы только вошли в темницы. Возле трюмо стоял высоченный круглый стул на одной тонкой ножке, отлитый из какого-то рыже-красного металла. Я уселась на него, и, стараясь не смотреться в зеркало, спросила мрачно застилающего кровать короля:

— Лид, ты чего? Так плохо, что Геф силу потерял? Не успеет уже набрать?

— Плохо, конечно, но, думаю, набрать успеет, — отозвался Лид неохотно. — В конце концов я могу дать ему часть своих сил, на мне это вряд ли отразится...

— А в чем тогда дело? — подстегнула его я, потому что он опять умолк.

— Мне не нравятся мои догадки, хотя они весьма логичны, — честно сказал Лид. — Нам всегда говорили, что ниже достоинства высокородных заниматься лечением, поскольку мы болезням не подвержены, а плебеи для нас неважны. Но почему-то никто, даже мой отец, не говорил мне, что лечение просто быстро вытянет силы у высокородного колдуна. Думаю, всех моих сил едва ли хватило бы, чтобы вылечить сто человек со средней тяжести ранами...

— Эх, вот если бы заставить Съедина кого-нибудь лечить... — протянула я мечтательно. Король беззвучно усмехнулся, почти не изменившись в лице, и хлопнул по застеленной кровати.

— Вот, Соня, думаю, на этом вполне можно спать. По крайней мере, не хуже, чем в ваших палатках.

— Угу. А ты где будешь?

— Здесь, — он кивнул на комнату, которая располагалась как раз напротив моей. Видимо, там держали каких-то не очень важных преступников, потому что все ее убранство составляли высокая угловатая кровать, квадратный стол и люстра в виде плошки.

— Ну хорошо, — сказала я. — Пойдем чего-нибудь поедим и руку твою промоем, а то, не дай бог, воспалится. И не раздумывай ты о мотивах твоих высокородных родственников. Понятно, что они только и делали, что пытались власть захватить и удержать. Какое уж там лечение, или, как ты говоришь, дурацкая щедрость. Надо же всю родню еще успеть заколдовать!

— Знаешь, Соня, захват власти не всегда являлся главным мотивом, — Лид резко поднял руку, с его пальцев слетело множество белых огоньков и усеяло люстру вместо свечек. Полубовавшись на свое творение и разгладив какие-то невидимые складки на устилающей кровать ткани, король, наконец-то, подошел ко мне и dokonчил свою мысль:

— Я вот к власти не стремился никогда, но в то же время понимал, что если я не заколдую своего дядю, то он рано или поздно заколдует меня. Это... Как по-русски... Порочный круг.

— Да, кстати о круге, а что мы теперь делать-то будем? — спросила я озабоченно.

— Ближе к вечеру пойдем собирать тех, кто остался из нашей организации. План у меня кое-какой есть, его и обсудим и будем

осуществлять.

— Хорошо. Все вместе пойдем?

— Нет, тебя я лучше оставлю в темнице. Здесь безопасно, а там я буду вынужден за тебя беспокоиться.

— А если уйдешь ты, я буду вынуждена беспокоиться за тебя, — буркнула я. — И одна я тут не останусь.

— Тут будут Мада и Натка, и кого-нибудь из мальчишек оставлю на всякий случай, — он чуть улыбнулся и мягко подтолкнул меня в плечо. — Пойдем, Соня.

Остальные ученики, когда мы пришли, уже ели суп из общего котелка, стоя возле стола. Натка наливала кипяток из странной формы огромного чайника в антикварные металлические чашки с резьбой.

— Тут у нас завтрак в стиле «тюремный шик», — сообщила она, ставя чашку перед Лидом. — Держи, твое величество. Кроме кипятка и супа из кореньев ни фиги нет.

— Продукты добудем, — кратко успокоил ее король и, перейдя на беглый варсотский, сообщил ученикам то, что до этого говорил мне. Те деловито закивали.

— Только вы поосторожнее, — сказала я. — А то что мы тут с Наткой делать будем? Мада вон до сих пор не в себе, от нее толку никакого... Кстати, ее, наверное, долечить надо?

— Да не, сама отойдет, — махнул рукой Геф. — Пару компрессов, и все... Рет, давай, что ли, я тут посижу с ними?

— Хорошо, — согласился король с явным облегчением: я уже давно заметила, что Гефу он доверял.

Через полчаса король с учениками, предварительно отчистив и частично сменив изодранную и перепачканную в драке с полицией одежду, удалились наверх. Остались мы с Наткой, Геф и фрейлина. Последняя пребывала в полубреду и металась по своей огромной ковanej кровати с мощной толстой сеткой. Я подошла поближе и некоторое время задумчиво глядела на нее: мне в голову пришла мысль, что Мада со своей старинной, хоть и растрепанной, прической и навороченным платьем, гораздо органичнее вписывается в общий стиль темницы, чем даже сам король в его теперешнем виде... Прервал мои размышления всполошенный крик Натки: оказывается, Геф намылился в погреб, чтобы сделать фрейлине компресс с алкоголем. Сорвавшись с места, я бросилась к подруге, и мы хором объяснили Гефу, что вино может быть отравлено. Он поморщился и хлопнул в ладоши — так варсоты выражали крайнюю степень досады:

— Что за люди тут раньше жили? Зачем вино-то травить?

— Тут не жили, а сидели, — поправила его Натка. — Да и погреб, может быть, использовали больше для отравления заключенных...

— Ну тогда чего я могу поделать, — Геф, налив на тряпку для компресса холодной воды из чашки, пошел обратно к фрейлине. — Сил у меня все равно нет, ну, авось она сама оклемается, — с этими словами он шлепнул компресс на лоб Маде и отряхнул руки. — Ну чего, давайте пока по хозяйству обустраиваться?

— Давай, — безмятежно согласились мы с Наткой.

...Через два часа мы поняли, как были неправы. Геф загонял нас хуже, чем любой высокородный: мы грели воду, таскали из кладовых посуду и тряпки, вытрясали эти тряпки, полоскали эту посуду, застилали кровати и мыли полы. То, что Геф в этом участвовал вместе с нами, мало нас утешило: под конец руки у меня уже просто отваливались. Единственное, чем я занималась с каким-то подобием удовольствия, так это обустройством королевской комнаты. Я все-таки притащила для Лида большую красивую, хотя и полуистлевшую тряпку и постелила ее на кровать, а внизу под ней мы соорудили большую жаровню, высыпав угли на старый железный поднос. Геф аккуратно пустил магические огоньки во все люстры и лампы, и в темнице стало неожиданно светло, хотя освещение и вышло несколько мрачно-синеватым, как в метро. Но Геф остался вполне доволен и сказал:

— Ну вот, теперь хоть жить можно. Пошли поедем чего?

Натка согласилась, я — нет. Слушая разносящуюся под высокими полукруглыми сводами радостную болтовню подружки и Гефа, я еще разок навестила фрейлину, убедилась, что она перестала бредить и сладко дрыхнет, от нечего делать позаходила по разу в каждую комнату темницы, посмотрела в трюмо на свою синеватую физиономию в ореоле растрепанных не очень мытых волос, и, чтобы заняться чем-то, тщательно расчесалась, сделала хвост и надела на свое бессменное грязно-синее варсотское платье чистый серый платок, позаимствованный у Иа. Снедаемая уныло грызущим беспокойством за Лида и остальных учеников, я некоторое время сидела на кровати, покачивая ногами и наблюдая, как из-под длинного платья высовываются края обтрепанных джинсов и носки кроссовок. Наконец, вздохнув, я сползла на пол и побрела на экскурсию по коридору с древними варсотскими фресками. Свет из темницы падал довольно далеко, так что я могла разглядывать старые росписи в подробностях. Хитрые высокородные лица отрешенно пялились мимо меня навеки застывшими взглядами. Я поводила пальцем, с трудом разбирая древний варсотский язык: особенной возможности попрактиковаться в

чтении у меня не было. «Сонародин ратсанатла ра Арситсиея ратсенатла» — значит, король Со-Народин и королева Арситсиея, предки Съедина... Да, Натка права: судя по их физиономиям, сегодняшними достижениями Съедина они бы только гордились. «Елеорана ратсенатла» — королева Елеорана... Довольно симпатичная девушка, похожая на Маду, со светлыми волосами и веселой улыбкой. Жаль только, что с этой веселой улыбкой она на картинке стирала кого-то в порошок. Я вздохнула и пошла дальше. «Мадуерон ратсанатла» — этот король, против обыкновения и варсотской высокородной моды, оказался с бородой, весьма черной и дремучей. В интерпретации художника он смахивал на Бармалея, стырившего корону. Хорошо хоть, ничего плохого он на картинке не делал, просто торчал на троне и царил. Еще какое-то королевское семейство — имена неразборчивы, да и лица наполовину затерты... Разглядывая фрески поближе, я заметила, что их периодически пытались восстанавливать: краски кое-где отличались по оттенку, более свежий грунт был наляпан там, где осыпался старый. Непосредственно перед входом в темницу, уже за изображением Лидового отца в виде пацана-принца, фрески кончались и шел один светлый грунт, довольно неровно наляпанный. Хотя не совсем неровно... Неровность, можно сказать, была только в одном месте — примерно на уровне моей груди, да и видно ее было только под определенным углом. Я отошла так, чтобы свет падал на стену по касательной, наклонилась и прищурилась. И явственно увидела на ровной стене два слабых отпечатка ладоней. А под отпечатками, кажется, что-то было нацарапано по-варсотски. Надо же, высокородные — а все туда же, хулиганят. Я хихикнула и с интересом приложила свою руку по очереди к отпечаткам. Они оказались немного меньше: наверное, были женскими или даже детскими. Отпечатался тут явно не один человек, потому что у одного человека не могло быть две левых руки, да и форма отличалась: одна ладонь была поуже, с более длинными пальцами, а другая — пошире, похожая на мою собственную. Прищурившись, я попыталась разглядеть, что нацарапано под ладошками. Первая надпись была вроде бы варсотской, но нечитаемой, либо я ее просто не понимала. Вообще она смахивала больше на иероглиф или вензель, чем на обычные варсотские закорючки. Вензелями, судя по фрескам, пользовались варсотские короли — значит, все-таки тут какой-то король отпечатался, безобразник... Я начала было разбирать вторую надпись, но вдруг на меня накатило странное ощущение, будто я одновременно и понимаю и не понимаю, что там написано. Язык-то, кажется, был варсотский, но сочетание для варсотского совсем нехарактерное. Если попробовать прочесть это по буквам, то выходило...

С... О... Н... Соня?!

Голова у меня закружилась, будто я падала в темную пропасть. Я зажмурилась и оперлась обеими руками о стенку, и непонятно откуда из глубины сознания вдруг всплыл забытый детский сон. Причем теперь он не был таким обрывочным, как раньше.

...На эту же холодную шершавую стенку я опиралась рукой в самом начале своего сна. Только она была еще и противно сырой и чуть податливой. Я удивленно ойкнула и хотела было отдернуть руку, но вдруг безо всякого перехода оказалась на светлом весеннем лугу, залитом пронзительным солнцем. Рядом со мной откуда-то взялась Натка, вдаль за обычными деревенскими домиками, как в тумане, виднелось громадное белое здание с острыми башнями и частыми узкими окнами, окруженное высоченной стеной. Только теперь я поняла, что это, наверное, и был королевский дворец. А по лугу радостно носились друг за другом два пацана в странных костюмах, которые показались мне ужасно смешными — сейчас же я знала, что так выглядит богатая варсотская одежда. У одного из пацанов были темные глаза и черные волосы со стрижкой типа каре, и вообще своим остроносым худым лицом он немного смахивал на Съедина, а второй мальчишка — чуть повыше ростом и белобрысый, был похож на Лида, и вовсе даже не немного, а очень сильно.

Мы с Наткой знакомиться с такими странными пацанами не собирались, но не успели опомниться, как они сами подбежали к нам: темненький утащил за руку светлого, а тот, кажется, немного стеснялся. Темненький же и начал разговор довольно бодрым предложением:

— Привет! Давайте знакомиться!

— Меня зовут Соня, это Натка, — сказала я мальчишкам, — а вас как звать?

— Это принц Еленодарк, он мой дядя, хотя ему столько же лет, сколько мне, — вступил в разговор мальчик с длинными светлыми волосами, внимательно глядя на меня двухцветными глазами, — а я — принц Лидиорет.

— Ой, вас как девчонок зовут! — рассмеялась Натка.

— У вас самих имена странные! — обиделся принц Еленодарк, а Лидиорет рассудительно заметил:

— Так вы же не отсюда...

— А откуда мы?

— Не знаю. Мы еще не во многих мирах побывали.

— Я даже не поняла, как я сюда попала, — сказала я озадаченно. — Ты, Нат, чего-нибудь помнишь?

— Неа. Просто оказалась тут — и все. А ты?

— Я тоже... А, хотя нет: я вначале как будто схватилась за какую-то стенку, холодную и скользкую...

— За стенку? — обрадовался неизвестно чему принц Еленодарк. — Так это, наверное, та самая, в которую ты вляпался, Рет, помнишь?

Лидиорет кивнул и изрек с умным видом:

— Наверное, это такой переход в другой мир.

— Слушайте, раз уж мы встретились, давайте во что-нибудь поиграем? — предложила неугомонная Натка. — Может, в салочки? Мы вас научим, если не умеете.

— Ладно, — согласился Лидиорет охотно, аккуратно наклоняя голову, — давайте.

Салочкам мальчишки обучились быстро и тут же начали выигрывать, потому что бегали они, конечно, быстрее нас, да еще и, кажется, подколдовывали. В конце концов, когда Лидиорет в очередной раз дотянулся до меня и осалил, я со смехом схватила его за запястья и закричала:

— Вот и не выпущу тебя, ты жульничаешь!

— Не жульничаю! — отозвался он, тоже смеясь, но я мотала головой и не отпускала руки.

— Поза почти как в придворном танце, — сказал Лидиорет насмешливо.

— А мы тоже на танцах так держались, — согласилась с ним я, — только потом откидывались назад и кружились.

— Как? Вот так, что ли?

— Ага, почти... Ой, ты чего! У меня сейчас голова оторвется!

— А ты смотри в одну сторону!

— Ай!

— Да не бойся.

— Ничего, — сказала я и рассмеялась сама над собой. Принц Лидиорет, не отпуская моих рук, улыбнулся. И тут сон начал развеиваться...

Я помотала головой и неожиданно обнаружила, что сижу на кровати в своей шикарной комнате-камере. В трюмо отражались три всполошенных и искаженных моих лица. Это что еще за штучки?! Я же только что осматривала фрески! Заснула я, что ли? Сидя?! Странно, не настолько же я устала...

Поспешно спрыгнув с кровати на пол, я устремилась в коридор с фресками и стала, отклоняя по-всякому голову, осматривать пустое

загрунтованное место. Но как я ни старалась, ни отпечатков маленьких ладоней, ни надписей увидеть мне не удалось: стена была совершенно гладкой. Я схватилась за голову обеими руками и, пошатываясь, направилась к Гефу и Натке. Они сидели за столом и болтали, и оба с удивлением воззрились на мое перекошенное лицо.

— Сонька, ты чего? — забеспокоилась подруга, привставая.

— Где я была? — спросила я в лоб. — Я была в коридоре с фресками пару минут назад или нет?!

Геф и Натка озабоченно переглянулись. Потом подруга, пожав плечами, ответила:

— Тебе лучше знать, где ты была-то. Мы все время тут сидели, тебя было не видно и не слышно, наверное, полчаса уже.

— Да она, небось, заснула, — добродушно предположил Геф.

— Ну может быть... — пробормотала я, потирая виски. — Но все-таки...

Тут нас всех отвлек доносящийся со стороны входа шум. Мы одновременно подскочили, прислушиваясь, и почти сразу с облегчением уловили голоса короля и учеников. Слава богу, Лид здесь! Может быть, я как раз смогу как бы между прочим спросить его насчет отпечатков ладоней: видел он их или нет...

С этими мыслями я устремилась королю навстречу, но тут же попятилась, поскольку выяснилось, что пришел он, мягко говоря, не один. Кроме учеников в темницу ввалилась целая толпа варсотов — человек сорок, многие из которых мне были знакомы по организации. Варсоты потрясенно оглядывались, открывая рты, и тут я их вполне понимала.

— Это точно темница? — спросил кто-то.

— Ага, — отозвался Геф с довольным видом. — Просто мы тут слегка прибрались, пока вас ждали... Привет, Вар, привет, Имур!

Проходящий мимо король зацепил меня глазом и слегка кивнул, однако не остановился и прошел мимо стола в погреб. Все сорок человек заструились за ним.

В погребе король подвесил в воздух горсть огоньков и вдруг деловито впрыгнул на большую бочку.

— Мне так вас будет лучше видно и слышно, как и вам меня, — сказал он, отряхивая руки и выпрямляясь. — Теперь слушайте внимательно. Праздник по поводу коронации Съедина состоится совсем скоро, в начале холодного времени. Я считаю, что на этом празднике мы и должны будем на него напасть.

— Ура-а! — закричали было варсоты, но Лид так глянул на них, что

мгновенно воцарилась гробовая тишина.

— Но чтобы это было для Съедина действительно неожиданным, — продолжил в этой тишине король, — мы должны уже сейчас подготовить почву. Для этого нужно будет сделать много вещей, которые, я так думаю, будут неприятными для вас, но другого выхода я не вижу.

— Да ладно, нам уже давно и так неприятно! — выкрикнул хриплый голос. Лид с неудовольствием покосился в сторону выкрика и договорил:

— Мы должны будем разделиться на две части. Одна часть, большая, будет изображать тайные организации по свержению короля.

— А мы кто... — озадачился кто-то.

— Изображать плохие тайные организации, — уточнил Лид. — Ваша задача будет своими как можно более глупыми и недалёковидными действиями убедить полицию и вместе с ней Съедина, что любой бунт легко может быть подавлен и ему нечего опасаться.

— Так это что, нам нужно будет давать себя арестовывать или избивать?! — ужаснулся Вар. Король без эмоций отозвался:

— Поэтому я и говорил, что такие действия могут быть для вас неприятными и опасными. Но, повторяю, другого выхода я не вижу. Скрывать огромную организацию совершенно невозможно, и если нами снова заинтересуется полиция, то скоро свергать Съедина будет уже некому. Съедина, как всякого высокородного, взять можно только хитростью. Вы и ваши люди отвлекете его внимание, а тем временем я и мои ученики сможем обезвредить его. Поэтому вашей задачей является еще и устройство паники и неразберихи в толпе на самом празднике, чтобы рассеять внимание полиции. Детали мы, конечно, обсудим, но в общих чертах так, — он слегка развел руками и обвел толпу уже не королевским, а, скорее, озабоченным взглядом и сказал без всякой торжественности:

— У меня нет никаких средств заставить вас делать то, что я говорю, но это сделать надо, иначе от Съедина мы не избавимся. Если это вас утешит, я и мои ученики, пытаясь справиться с королем, будем подвергаться такой же опасности, как и вы, когда вы будете изображать плохие тайные организации перед полицией. Ну так что?

Он вопросительно приподнял брови. Среди варсотов стояло неразборчивое гудение, рядом с собой я видела хмурые лица и поеживающиеся плечи: видимо, план Лиды и правда казался всем чересчур рискованным. Я уже было расстроилась, но стойкий король держал МХАТовскую паузу и продолжал сверлить людей глазами. И постепенно что-то изменилось. Сначала один, а потом другой робкий голос, сказал:

— Ладно... Что делать...

— Давай, Рет...

И вдруг все эти невнятные перешептывания вылились в дружное и громкое:

— Мы согласны!

Король кивнул, глянул в толпу куда-то мимо меня, и на лице его мелькнула быстрая улыбка. Я ревниво проследила за его взглядом и увидела Сота с Адаром, лыбящихся просто до ушей. Они обменялись с Лидом какими-то странными заговорщицкими взглядами, попятились и выбежали из погреба.

Дальше было бурное обсуждение деталей плана, которое я, к своему стыду, практически все пропустила мимо ушей, потому что меня звали то разбирать котомки с едой, то греть воду, чтобы напоить всю организацию заваренными травками, то расставлять посуду...

Удалилось все общество уже глубокой ночью, оставив на память о себе обглоданные кости, грязные тарелки и звон в ушах. В конце концов за стражничьим столом осталась только наша компания. Король, подперев голову рукой и, кажется, засыпая на ходу, допивал остатки заваренной травы, ученики, зевая, собирали посуду, Иа и Геф кормили проснувшуюся и притащившуюся к столу Маду, еще бледную и слабую, зато вменяемую.

— Вот, значит, чего ты придумал, Лид, — вклинилась я в обсуждение каких-то вариантов заколдовывания Съедина, которое король вел с Леном и Гефом. — А мне вначале, кстати, показалось, что они ни за что не согласятся.

— Да уж, — вздохнула Натка озабоченно. — Я бы тоже не согласилась на их месте: не больно-то привлекательное предложение — свою шкуру подставлять. Да еще они и не знали, что ты король. Ты, все-таки, великий оратор, ваше величество.

— Твои похвалы не по адресу, — отозвался Лид с грустной улыбкой и кивнул на Сота и Адара. — Я тоже понимал все то, что вы говорите, поэтому заранее подговорил своих учеников, если что, склонить общественное мнение в нужную сторону. Это не слишком трудно, достаточно было нескольких одобрительных слов, ведь люди поставлены Съедином в такое положение, что и без того колебались.

— Ваше величество, зря ты отказываешься царить, ты же настоящий политик! — расхохоталась Натка. — У тебя цель оправдывает средства! Ты даже мухлюешь с таким величавым видом, что твоему вранью памятник можно ставить!

Король пожал плечами и изрек:

— Полная честность и искренность — это самое глупое и самое

последнее, что надо задействовать в общении с плебеями... С народом. Некоторую часть правды, конечно, нужно сообщать, но очень дозированно.

Ученики закивали и заподдакивали, любовно глядя на короля, будто сами не относились к тем же плебеям, и это убедительно доказало мне, что король в своих рассуждениях совершенно прав.

— Ну и денек был... Давайте-ка спать, — заключила Иа и, потягиваясь, встала со с одной из винных бочек, которые мы вместо стульев поставили рядом со столом. Мы все, включая короля, тоже без возражений поднялись и принялись разбредаться по своим шикарным темничным камерам.

Я думала, что едва я упаду на кровать, то тут же засну мертвым сном, но не тут-то было: стоило мне повернуться на правый бок, как прямо мне в глаза уставился Лид, лежащий на своей кровати в комнате напротив меня. По темнице неслись храпы и перешептывания засыпающих учеников, а мы все молча лупились друг на друга, и, похоже, оба прикидывали, с какой громкостью надо заговорить, чтобы и нам было друг друга слышно, и мы никого не разбудили. Первой, конечно же, раскрыла рот я, поскольку король имел в смысле выжидания бездну терпения.

— Лид! — сказала я громким шепотом. — Ты чего, что-то хочешь мне сказать?

Шипела я по-русски, а это далеко не такой звонкий язык, как варсотский, и, судя по всему, король половину недослышал, потому что переспросил на своем языке:

— Что ты говоришь, Соня?

От его варсотского шепота, громкого и гортанного, конечно же, сразу кто-то недовольно завертелся за стеной: очень возможно, что Иа.

— Ой, ладно, ладно! — замахала я руками, приподнимаясь на кровати. — Иди сюда, тут поговорим спокойно!

Лид охотно слез со своего ложа, притопал ко мне и уместился рядом.

— Ну, что ты хотела? — поинтересовался он, взглянув на меня. Я удивилась:

— Так это же ты чего-то хотел!

— Разве? — тоже удивился король. — А я думал, что ты.

— Почему?

— Ты на меня смотрела.

— По-моему, и ты на меня смотрел, — хихикнула я. Король тоже хихикнул. Некоторое время мы сидели молча, а потом я вдруг вспомнила о своем странном сне или не сне с исчезающими отпечатками ладоней и, решив, что сейчас как раз самое подходящее время об этом спросить,

медленно начала почему-то по-варсотски:

— Лид, слушай, я, когда ты только пришел, кое-что тебе хотела рассказать, но ты был занят революционными делами, а потом я забыла...

— Хорошее вступление, Соня, — ободрил меня король, наклонив голову набок, видимо, чтобы лучше слышать. Я тут же сбилась, некоторое время тупо смотрела на него, а потом начала с начала:

— Так вот, я хочу сказать, что случилась одна странная штука, здесь, со мной, в темнице, и я хотела тебе рассказать, а тебя не было... — я перевела дыхание и единым духом выпалила:

— Ты когда-нибудь видел на стене в коридоре с фресками отпечатки детских ладоней?!

Лид уставился на меня расширенными глазами, и в глазах этих я неожиданно увидела, кроме понятного удивления, еще и не совсем адекватный восторг и опасливо переспросила:

— Ну... Ты скажи, видел или нет?

— Я не знаю точно, — пробормотал король, опуская взгляд себе на руки, — как это тебе объяснить... В общем, можно сказать, видел.

— Правда?! — обрадовалась я и облегченно выдохнула: — Фу, ну, значит, я не совсем с ума сошла! Понимаешь, я сегодня рассматривала фрески, потом дошла до конца, посмотрела под углом к свету, а на стене — два отпечатка детских ладоней. И под одним написано по-варсотски «Соня».

— А под вторым? — быстро спросил король. Я виновато на него глянула:

— Не помню, там была какая-то жутко витиеватая загогулина...

Я умолкла, потому что король резким жестом поднял руку и спроецировал на стену большую картинку. На белом светящемся фоне сама собой написалась черная витиеватая штуковина. Лид повернулся ко мне и спросил:

— Вот такая?

— Такая, — согласилась я, взглядевшись. — А как она расшифровывается?

Лид дернул головой. Загогулина на картинке упростилась и распалась на несколько варсотских слов-слогов. Слова попрыгали, следуя за глазами Лиды, и, остановившись, составились в надпись: «Лидиорет ратсаниветла».

— Ратсаниветла — это же принц? — уточнила я по-русски. Лид кивнул.

— Ну да. Я ведь тогда не был королем, и мог бы и не стать.

— Это что же получается?! — сказала я, вытупляя на него глаза. — Ты

знаешь, откуда взялись эти надписи? Кто это написал?!

— Конечно, знаю, — отозвался король и опять взял паузу.

— Ну?! — зашипела я, быстро потеряв терпение.

— Соня, не сердись, я просто стараюсь подобрать слова. Это сделал я.

— Так, ладно, хорошо, — забормотала я, начиная растирать себе виски. — Надпись сделал ты. А теперь, пожалуйста, скажи, когда, зачем и, главное, ГДЕ?! Ведь я когда увидела эти ладошки, закрыла глаза, а когда открыла, то уже сидела тут, на этой кровати, а в коридоре никаких ладошек не было!

— Где сидела?! — взволнованно переспросил Лид. — А, вот оно что...

— Чего что?! — подпрыгнула я. Пружины взвизгнули, кто-то в соседней камере угрожающе замычал и заворочался. Король шикнул, я застыла изваянием. Переждав скрип и мычание, мы возобновили разговор уже в менее эмоциональном стиле. Король поглядел на меня и вдруг спокойно спросил:

— Соня, мы раньше встречались, до того, как ты стала моей спасительницей. Ты это помнишь?

— Я? — сказала я, комкая простыню. — Да... Наверное, если это был ты. Просто, если честно, мне казалось, что мне это все приснилось. Точнее, это мне и правда приснилось, я же потом проснулась в своей постели!

— Увидев отпечатки, ты тоже очутилась на этой кровати, и тем не менее, они реально существуют, — заметил король.

— Тогда я чего-то не поняла, — призналась я и придвинулась к нему, чтобы лучше слышать. — У тебя есть какие-то объяснения всему этому? Это какой-то другой мир?

Король задумался с таким умным видом, что я перестала дышать и ждала, пока он изречет истину. Король действительно открыл рот и выразился по-русски:

— Блин. Извини, Соня, — снова перешел он на варсотский. — Но в твоём языке я не знаю слов, чтобы это объяснить, а на моём ты, боюсь, не поймешь...

— Ты хоть попытайся, — простонала я. — Имей совесть, я от любопытства помру!

— Ну хорошо, — сдался король. — Значит так. Переходы между мирами бывают, как ты уже, наверное, поняла, разные. Поэтому они бывают не только... Физическими. Некоторые переходы не пропускают живого человека, то есть и не могут пропустить, и человек их не видит. Но при этом он все равно может перейти в другой мир, только не физически, а...

— Ментально, что ли? — догадалась я.

— Как?

— Ну, мысленно. Тело остается, а сознание переносится. Я такое знаю, я фантастику читала, Лид.

— К сожалению, у нас такого не писали, а из твоих книг я прочел только «Чиполлино», «Волшебника Изумрудного города» и прочие сказки, — развел король одной рукой. — Так вот, кроме обычных дыр в другие миры для физического переноса, существуют такие же дыры для сознания. Они открываются не всегда, а только в определенных обстоятельствах, и видеть друг друга могут только определенные люди. Как мы видели.

— Стоп: там же еще была Натка! — сказала я. — Ты ее помнишь? И еще твой дядя был, кажется...

— Я их помню, но, думаю, что на самом деле их там не было, — сказал Лид. — Они просто были в твоём и моём сознании. Я потом спрашивал своего дядю, видел ли он что, но он даже не понял, про что я говорю. А этот... Ментальный переход обычно всегда запоминается.

— Ну что ж... Значит, местом перехода была стена с отпечатками? — прошептала я взволнованно. — А почему она была сырая?

— Я не занимался исследованием переходов в другие миры, — покачал головой король. — Но место мысленного перехода обычно все-таки связано с определенным настоящим местом. Только оно тоже бывает не совсем настоящее... А, наверное, оно находится в другом... Времени... Нет, не то слово.

— Измерении, — подсказала я по-русски. — У нас так это называется. Лид кивнул:

— Да, я думаю, ты меня поняла, Соня.

— Поняла. Только чего я до сих пор не понимаю, так это зачем ты сделал эти надписи?

— Ну, я пытался запомнить дорогу, — отозвался король. По-варсотски это прозвучало как «Авр, ре равра тра-ар и-ирц», поэтому я сразу не уловила смысла слов, подумав, что он просто вдруг чихнул с рычанием. Потом до меня дошло. Я посмотрела на него и повторила:

— Траар И-ирц? Запомнить дорогу? Ко мне?

— Да. К сожалению, ничего не получилось. Мне больше никогда не удавалось найти эти отпечатки и надписи, вот только сегодня их обнаружила ты.

— А я дорогу запомнить даже не пыталась, — вздохнула я уныло.

— Да и вообще, я не знала, что ее нужно запоминать... Лид... Ты

почему сразу не сказал мне, что мы виделись?

— Соня, я же не слепой, — снисходительно отозвался король. — Я видел, что либо ты меня не узнала, либо какие-то мои действия тебя сильно злят. Не думаю, что напоминание о том, что мы когда-то виделись, что-нибудь бы сильно изменило в наших тогдашних взаимоотношениях.

— Это да, — признала я. — Наверное. — И, не удержавшись, добавила:

— Но вообще-то я после этого сна тебя даже частенько вспоминала. Ребенком ты был как-то немного... Поприветливее, что ли, чем когда я тебя расколдовала.

— Конечно, — сказал Лид. — Как раз после нашей встречи нас начали учить набирать энергию для колдовства. Животных в пыль обращали... — он чуть поморщился. — Если вспомнить свои тогдашние чувства, это было для меня крайне... неприятно. Дальше, когда мне исполнилось 16, моя мать заколдовала моего отца, через год дядя заколдовал мою мать... — он махнул рукой и умолк.

— Чувства, которые ты испытывал, можешь не описывать, — отозвалась я со вздохом. — И так понятно.

— Что? Да нет, Соня, к восемнадцати годам, когда я заколдовал своего дядю, особенных чувств у меня уже не было. В общем-то, не сказать, что и сейчас они есть. Я ведь высокородный, поэтому такая жизнь для меня была скорее нормальна, чем нет.

— Была? — посмотрела на него я. — То есть еще раз так не хотелось бы?

— Не хотелось бы. Хотя придется еще и не так, учитывая то, что здесь происходит.

— Вот если бы ты тогда был таким, как сейчас, ты бы стал хорошим королем, — я осторожно положила руку ему на плечо, шершавое от грубой ткани черной рубашки.

— Ну да, — согласился Лид с усмешкой. — Поэтому меня либо быстро заколдовали бы собственные родственники, как это случилось с моим отцом, либо, что, конечно, маловероятно, я бы умудрился проправить всю жизнь и умереть двести с лишним лет назад, так и не встретившись с тобой. Правильно я смоделировал альтернативную реальность?

— Видимо, да, — признала я. — Действительно, ничего хорошего...

— Помнишь, я тебе говорил еще в Море Долгой Ночи, что не всегда хорошее складывается только из хорошего. Часто как раз наоборот, сначала бывает много плохого.

— Ты, Лид, все-таки жутко умный, — прошептала я, глядя в его

двухцветные глаза, где отражались голубоватые магические огоньки.

— А ты страшно красивая, — тут же сообщил король. Я, вспомнив свой вид в зеркале, подпрыгнула:

— Лид, ты меня передразниваешь или просто издеваешься?!

— Нет. Я... — и король произнес какую-то дикую варсотскую фразу, от которой меня мороз продрал по коже. Может быть, это была поговорка потому что буквально ее можно было перевести как «не страшно, если мы сойдем в могилу».

— Не страшно?! — я аж отодвинулась от короля подальше, чтобы он не гипнотизировал меня своими странными глазами. — Не знаю, как ты, а я лично могилы побаиваюсь! И чего ты опять заладил свои пессимистические речи: победим мы Съедина, все будет хорошо!

Король посмотрел на меня с недоумением, прикрыл глаза и несколько раз щелкнул пальцами, явно что-то пытаясь до меня донести.

— Да нет, Соня, ты не поняла... Как это будет по-русски-то... А, вот: я тебя люблю.

После этого он вдруг громко хихикнул. Я уже в полном амоке уставилась на него с четким ощущением, что я доверила свою судьбу совершенно неадекватному человеку, и проскулила со слезами на глазах:

— Ради бога, Лид, в этом-то что смешного?!

— Да ничего, конечно, Соня, — король повернулся ко мне и провел рукой по моему плечу, после чего вдруг снова хихикнул и сказал:

— Просто этот ваш язык... Ты же знаешь, что в варсотском глагол «любить» используется только для прозаических вещей — например, чтобы сказать «я люблю вяленое мясо». А у вас это относится и к еде, и к явлениям, и к людям... Звучит это смешно.

— Ага, ухохочешься, — сказала я мрачно. — А от вашей формы любовного признания у меня до сих пор поджилки трясутся. Какие-то могилы, смерти...

— Могилы тут ни при чем. Больше всего это похоже на то, как у вас говорится в сказках: «Жили они долго и счастливо и умерли в один день», — процитировал Лид по-русски.

— Вот именно, что жили, — заметила я. — А у вас так сразу померли. Мрачный вы все-таки народ.

— Мы разный народ, — улыбаясь, сказал Лид.

— Ну хорошо, — тоже улыбнулась я. — Я, конечно, не могу сказать, что мне хочется сойти с тобой в могилу или как там это по-варсотски, но, если по-русски, то я тебя тоже люблю.

— Ура!!! — завопил вдруг, отражаясь от всех стен и потолка, хор

диких голосов. Послышался дружный топот, и к нам из всех комнат сбежалась толпа учеников во главе с хохочущей Наткой и Гефом. Ученики дружно и неумело аплодировали, видимо, повторяя за моей подругой.

Меня чуть нехватила кондрашка, и я бы, наверное, даже упала, если бы мы до того не успели крепко обняться. Сильно желая провалиться сквозь землю, я пискнула «Да что же это такое!» и спряталась на груди у короля. Король, в отличие от меня совершенно не обескураженный, похлопал по мне и сказал:

— Наверное, мы говорили слишком громко, а здесь такие потолки, что любые слова очень хорошо слышны.

— Ага, еще как хорошо-то! — подтвердила завернутая в покрывало фрейлина, хлюпая носом. — Разрешите мне, как королевской фрейлине, первой вас поздравить, ваше величество, с тем, что ваша избранница ответила на ваши чувства!

Она выдала глубокий поклон, тут же потеряла равновесие и чуть не свалилась прямо на колени королю. Лид удержал ее свободной от меня рукой и выпрямил обратно со словами:

— Осторожно, ты еще не совсем вылечилась.

— Ничего, отойду! — залихватски махнула рукавом фрейлина, пошатываясь, отступила назад, и на нас нахлынули остальные ученики, выражающие свои эмоции от подслушанного бесплатного спектакля, в смысле, поздравления. Я отворачивалась и пряталась, Лид вел себя как ни в чем не бывало, и даже, к моему ужасу, вдруг попытался меня поцеловать.

— Ты чего?! — зашипела я, уворачиваясь. — Тут же люди!

— Ну и что? — пожал плечами Лид. — Они же все плебеи по происхождению. Да даже если бы были высокородные, — видимо, заметил он мой бешеный взгляд, — чем люди мешают, они ведь не против.

— Ну и средневековое у тебя мышление, — выдохнула я и бессильно обвисла в его объятиях.

...Радостные ученики не отходили от нас еще полчаса, и могли бы не отходить и дольше, если бы король, заметив, что я судорожно зеваю и тру глаза, решительно их не выпроводил. Все неохотно разбрелись по своим комнатам, и в темнице снова воцарилась относительная тишина. Некоторое время мы с Лидом продолжали, обнявшись, сидеть рядом, но потом усталость меня все-таки одолела. Широко зевнув, я забралась под парчовую тряпку, служившую мне одеялом, и свернулась калачиком, а голову пристроила на королевских коленях. Лид положил мне руку на плечо и рассеянно постукивал по нему пальцами, движениями, которые, видимо, остались у него еще с тех времен, когда он носил перстни.

— Ты ведь тоже устал, иди спать, — предложила я шепотом — хоть мне и хотелось, чтобы он побыл со мной подольше, но совесть еще не окончательно уснула. Однако король, видимо, уловил мою нерешительную интонацию, потому что тут же отказался:

— Нет, Соня, я лучше побуду с тобой. Может, я и устал, но сейчас все равно вряд ли усну.

— Какой-то странный был день, — сказала я со вздохом, поворачиваясь на спину и глядя на него снизу вверх. — С одной стороны хороший, а с другой — жуткий... Мне даже радоваться совестно как-то.

Лид удивленно приподнял брови.

— Ну так Корант, — ответила я на его невысказанный вопрос. — Он бы за нас, наверное, тоже сейчас порадовался... — я шмыгнула носом и спросила с неожиданной надеждой:

— Лид! А ты, если бы умел лечить, смог бы его оживить?!

— Нет, такого никто из нас не может. А я, к тому же, даже лечить не умею.

— Что делать, — сказала я со вздохом, прикрывая глаза. Открыть их обратно я как-то забыла, и на этой печальной ноте провалилась в глубокий сон без сновидений.

Проснувшись я, кажется, довольно поздно, разбитая и вялая, как будто призрак сидевшей в моей камере высокородной дамы всю ночь гонял меня по комнате. Воспоминания о прошедшем дне, и плохие, и хорошие, смешались в кашу, голова нудно болела. Да, видимо, слишком много впечатлений — это тоже плохо. Пробормотав эту фразу вслух, я поморщилась от неожиданной боли в горле. Неужели я все-таки подхватила какой-нибудь варсотский грипп? Вот тебе и раз: нашла время болеть...

Морщась и переглатывая, я слезла с темничной кровати на ледяной пол, вздрогнула от озноба и поискала глазами короля. В комнате напротив его не было, жаровня под кроватью не горела. На другом конце темницы, у стола стражников, гроыхала посуда и слышались голоса учеников. Вздыхнув, я вделась в кроссовки и черепашным шагом выползла из комнаты.

Ученики и правда сгрудились вокруг стола и занимались приготовлением то ли завтрака, то ли уже обеда. Лида не было, Гефа тоже, зато была Натка. Увидев меня, подруга тут же устремила ко мне, отложив в сторону кривой кинжал, которым пилила вяленое мясо.

— Наше вам почтение, уважаемая недокоролева, — радостно поприветствовала она меня, вытирая руки о платье. — Выспались? Чего мрачная такая: представляешь будущую семейную жизнь с нашим

величеством?

— Да ну тебя, — поморщилась я и чихнула. — Лучше кипятку бы дала. У меня голова болит. И горло.

— Ну и ну, Сонька, как тебя от счастья скрючило, — покачала головой Натка. — Ладно, садись на бочку, будет тебе твой кипяток...

— А Лид где?

— А он с Гефом чем-то занят в погребке, кто ж его знает, чем, но велел их не трогать.

— Слушай, а тебя, может, вылечить? — предложил мне Мир. Лен возразил:

— Его величество не велел. Ты так всю силу, как Геф, потратишь.

— И чего теперь, ее величеству так и ходить сопливой?

Натка покатила со смеху и пододвинула ко мне монументальную кружку с кипятком. Я дернула ее на себя и сердито прохрипела:

— Во-первых, у меня нет насморка, а во-вторых, какая я вам «ее величество»? У нас чего, свадьба, что ли, была?

— Так, это-самое, — вступил Лен. — Я читал в книжке про старину, что кому король скажет, что хотел бы с ней сойти в могилу, та и будет называться его женой. И короли говорят эти слова раз в жизни. Или два: если прошлую жену за что-нибудь, например, заколдовали...

— Я ему заколдую, — буркнула я и уткнулась носом в кружку.

— Вот поэтому ты, Соня, и есть ее величество, — закончил Лен.

— А мне плевать, — отрезала я раздраженно. — В нашем мире положено ходить в ЗАГС, а потом два дня есть и пить с кучей родственников, и пока у меня этого всего не было, нечего меня королевой называть!

— Извини, — опасливо сказал Лен и слегка отодвинулся. Натка хмыкнула:

— Не называй ты ее величеством, не видишь, королева сердится. А ты, Сонька, давай пей и приходи в себя, а то тебя тут лечить особо некому...

— Кстати о лечении: а Мада-то где? — спросила я, заметив отсутствие фрейлины. Натка махнула рукой.

— Да дрыхнет до сих пор, еще почище тебя. Видимо, выздоравливает.

— Везет, — сказала я с завистью и передернулась от озноба.

В это время из разделяющего погреб и темницы коридора послышались гулкие шаги, и к нам вышли король с Гефом. Вид у них был, как говорится, усталый, но довольный, только Геф по дороге почему-то потирал затылок, будто Лид опять применил к нему свой средневековый способ вбивания знаний.

— Привет, — сказала я королю, кладя подбородок на чашку в попытке прогреть горло. — Вы чего там делали?

— Геф меня обучал, — отозвался король, усаживаясь рядом со мной, для чего ему пришлось подвинуть чуть ли не всех учеников. Ребята, уже привыкшие к королевским выходкам, молча переставили бочки-стулья и свои тарелки и продолжили есть.

— Чему это он тебя обучал? — удивилась я, поглядев на Лида слезящимися глазами. — И почему, кстати, если обучали тебя, трет затылок все равно он?

— Да не-е, — сказал Геф, втискиваясь рядом с Наткой и пододвигая к себе ее тарелку. — Это я сам нарочно об бочку треснул, чтобы шишка получилась...

Ничего не поняв, я опять переместила взгляд на короля. Он тоже посмотрел на меня и вдруг озабоченно сдвинул брови.

— Соня, что с тобой? Ты чем-то расстроена?

— ОРВИ у нее, — сочувственно пояснила Натка.

— Что? — явно забеспокоился король и быстро зашарил по мне глазами, будто ища блох. Я замахала руками и прохрипела:

— Да простудилась я! Насморк. Голова. Горло.

— О, как удачно! — неожиданно сказал Геф.

— Чего?! — возмутились мы с Наткой хором, но Геф, не обращая на нас внимания, кивнул Лиду:

— Рет, вот теперь на ней и попробуй.

Король кивнул и надвинулся на меня. Я отодвинулась. Лид наклонился еще ближе, я отклонилась еще дальше, и, держа перед собой растопыренные пятерни, захрипела:

— Эй, вы чего? Лид, что вы там придумали?! Мне и так плохо!

— Соня, не бойся, — сказал Лид с напряженным лицом и вдруг, сделав быстрое движение, ухватил меня обеими руками за плечи. Я сипло взвизгнула и попыталась вырваться, но тут что-то резко произошло. Что именно это было, я так и не смогла понять, но ощущение возникло такое, что по мне в молниеносном темпе туда и обратно проехался раскаленный поезд. В следующий миг мне захотелось одновременно зевнуть, чихнуть и кашлянуть, а потом все вдруг резко прекратилось, и я обнаружила, что моя одежда насквозь мокрая от пота.

Тяжело дыша, мы с Лидом, который все еще сжимал мои плечи, некоторое время смотрели друг на друга, потом я подала голос:

— Лид, э-это ч-чего такое было?

— Это ты, Соня, выздоровела, — сообщил Геф, хмыкнув в кулак, и

добавил:

— Рет, может, помедленней надо? А то она, вроде, и не поняла, что ее лечат.

Тут только до меня дошло, что ни голова, ни горло больше не болят, да и хрипа в голосе не было. А мокрая от пота одежда, видимо, объяснялась резко упавшей температурой.

— Ой, Лид, — сказала я, улыбаясь. — Ты научился лечить?

— Да, Соня, — он улыбнулся мне в ответ. — Только не могу научиться делать это медленно: может быть, потому, что у меня слишком много сил по сравнению с простолюдинами.

— Кстати, силы-то, может, не надо раньше времени тратить на всякую чепуху? — озаботилась я.

— Твое здоровье — это не чепуха, — ласково отозвался король и, кивнув на Гефа, добавил ничтоже сумняшеся:

— Но его ушиб я вернул на место, после того как убедился, что могу его вылечить. Поэтому он и тер затылок.

Я потеряла дар речи и беззвучно захлопала на короля губами, подбирая ругательные слова и с горечью осозная, что никакая любовь ко мне не сможет помешать ему и дальше вытворять всякие гадости. Однако кое в чем Лид все-таки поднаторел: а именно, научился хорошо ловить выражения моего лица.

— Геф, подойди сюда, — позвал он, не поворачиваясь. — Я тебя вылечу, чтобы Соня не злилась.

— Результат важнее мотивации, — подмигнув мне, сказала Натка и подтолкнула Гефа в спину. — Иди лечись, пока Сонька его величество запугала...

К тому времени, как Геф был вылечен и мы, дозавтракав, стали убирать со стола, проснулась фрейлина. Сладко позевывая и ероша образовавшийся на голове колтун, она сквозь зевок протянула:

— Доброе утро, ва-а-ах-ше величество...

Лид, чуть поморщившись от формы приветствия, кивнул. Но фрейлина, похоже, решила его добить:

— А у меня, кстати, прическа растрепалась — видали? Вы мне ее сделайте обратно, ага?

С этими словами она подобрала платье и плюхнулась на пол у Лидовых ног, откинув голову, как в парикмахерской. Натка сдавленно фыркнула, спрятавшись за Гефа. Лид с величественным и несколько печальным видом оглядывал фрейлиновский колтун. Наконец он подал голос:

— Сначала это надо расчесать, если ты не хочешь, чтобы я выдрал тебе половину волос.

— Ладно, щас расчешусь, — фрейлина резво вскочила на ноги. — Иа, гребень дашь?

Пока Мада с треском и хрустом причесывалась, осматривая вываливающиеся колтуны волос и сломанные зубья гребня, мы принялись более плотно обсуждать наш план.

— Площадь перед парламентом имеет примерно такую форму, насколько я помню, — начал Лид, без труда проецируя на стену большую трехмерную модель куска города, и даже несколько раз повернул ее под разными углами.

— Не, — вмешался Геф. — Вон там башню снесли, а вот тут — квадратную такую штуку построили. А здесь теперь мост.

Лид кивнул: одну башню на трехмерной модели всосало в землю, на другом краю площади вскочило уродливое квадратное здание, а через неширокую речку выгнулась арка моста. Геф и другие ученики довольно закивали.

— Это — здание парламента, — похоже, король пересидел-таки в нашем интернете, потому что возле нужного здания замигала белая стрелочка, разительно смахивающая на курсор мыши. — По логике, Съедин должен появиться где-то на площадке возле него, а остальную площадь заполнит толпа простолюдинов. Мада, ты мне нужна.

— Зафем, ваше величестфо? — поинтересовалась фрейлина сквозь зажатую в зубах прядь волос.

— Сюда иди, — не повышая голоса, велел король. — Ты все же служила при дворе, возможно, при тебе обсуждались планы празднования в честь коронации. Кто должен был стоять в первых рядах, ближе всего к королю? Не очень мне верится, что эти ряды составят из совсем случайных людей.

— И правильно не верится, ваше величество, — одобрила Мада, выпустив прядь из зубов. — Обычно в таких рядах стоят всякие придворные и дворцовые увеселители.

— Плохо, — заметил Лид кратко и задумался.

— Лид, а чего, нам нужно обязательно в первые ряды? — заволновалась я. — Может, не надо, ведь Съедин нас в лицо знает?

— Нам нужно подойти к нему как можно ближе, Соня, — со вздохом отозвался король. — Не совсем, конечно, в первый ряд, но хотя бы в пятый, чтобы можно было спрятаться за спинами. С помощью одежды можно сделать так, чтобы он не узнавал нас подольше, тем более, он не ожидает

нас там увидеть... — тут его взгляд снова обратился к фрейлине.

— Мада, — сказал он. — Ты единственная из нас можешь на законных правах быть во дворце. Наверняка у тебя там есть знакомства, и, судя по твоему характеру, среди дворцовых увеселителей в особенности.

— Ух ты, какой вы догадливый, ваше величество, никак не привыкну, — удивилась фрейлина и почесала нос. Король терпеливо выдержал паузу и поехал дальше:

— Значит, сейчас ты должна будешь вернуться во дворец и добиться того, чтобы нас приняли в команду увеселителей. Скажи, что мы умеем пускать фейерверки, делать большие картинки в воздухе и тому подобное. Но сами мы во дворце, естественно, появляться не будем. Если увеселители захотят с нами встретиться, то встречу организуем наверху, на развалинах дворца, когда стемнеет...

— Ровно в полночь на распутье трех дорог, — машинально добавила Натка. Король наградил ее взглядом для тупых подданных и отдельно объяснил, перейдя на русский:

— Развалины дворца — это вовсе не дикое место, а что-то вроде парка в вашем мире. А фейерверки и картинки виднее на темном небе.

— Так коронация же, небось, будет днем.

— Какая разница. Сейчас наша задача — произвести впечатление на увеселителей.

— Ладно, ладно, поняла, что я глупая, — проворчала подруга.

— Не глупая, а пристающая, — поправил ее король и снова перешел на варсотский:

— Так вот, Мада, что тебе надо сделать. И лучше иди во дворец уже сегодня.

Фрейлина прекратила драть волосы гребнем и мрачно задумалась. Мы молчали. Наконец Мада подняла на короля почти такие же, как у него, двухцветные глаза.

— Ладно уж, схожу, ваше величество. Только тут такое дело: меня полиция тоже видела, и даже своей штуковиной вон как ткнула.

— Тем больше у тебя будет поводов на нее пожаловаться, — отрезал король. — Если кто-то напомнит тебе о происшествии на мосту, представляй его как случайность. Отсутствовала ты эти дни, предположим, потому, что занялась поиском увеселителей. На пути обратно во дворец ты попросила старика на машине подвезти тебя, и вы нечаянно попали в забастовку.

— Ну да, я чего-то такое и хотела наврать, — согласилась фрейлина задумчиво. — А если они не поверят, а, ваше величество? И расскажут

Съедину? А он-то — это не вы...

— Значит, будешь действовать по обстоятельствам, — пожал плечами король и добавил с грустной насмешкой: — между прочим, не далее, как несколько дней назад, вы все приносили мне клятву верности и намеревались отдавать за меня жизни. Я, конечно, знаю, что простолюдинские клятвы никогда ничему не соответствуют, но ты все-таки перебори свой страх, потому что я во дворце все равно появиться не могу.

— Почему это не соответствуют! — возмутились вокруг нас ученики. Фрейлина тоже обиделась.

— Вот любите вы, короли, всякие гадости говорить. Можно подумать, сами бы на моем месте не трусились. Прическу вы мне сделаете или нет?

Король посмотрел на Маду с сомнением. Расчесанные наэлектризованные волосы приподнялись над ее головой, так что она стала похожа на большое мохнатое солнце. Наконец, он сказал:

— Сделаю. Иди сюда.

Пока король причесывал фрейлину, постоянно получая слабые удары током от ее волос и отдергивая руки, мы с Наткой и Иа прямо на месте застирывали подол ее платья и пытались кое-как его разгладить. Особенных результатов это не дало, но вид у Мады стал не такой замызганный, как был. Лид завершил башню у нее на голове и заставил ее умыться и вымыть руки, после чего приказал:

— Лен, Мир, помогите ей выйти. Мада, мы тебя ждем вечерами. Приводи увеселителей как можно скорее, если можешь, уже сегодня. Иди.

— Ага, ладно, ваше величество, уж постараюсь, — задумчиво отозвалась фрейлина, оглянулась на нас, помахала рукой и медленно удалилась по коридору темницы в сторону выхода. Справа и слева от нее шли высокие фигуры Лена и Мира.

Мы некоторое время тревожно смотрели им вслед, после чего перевели глаза на короля.

— Можете разойтись, — разрешил он нам. — Скоро должны прийти люди снаружи, которые изображают тайную организацию для полиции. Если будет нужно, я вас позову.

Ученики закивали и постепенно разбрелись, даже Натка с Гефом куда-то делись. Мы с королем остались сидеть рядом. Лид с задумчивым и нерадостным видом ковырял ногтем стол, я, тоже мрачно, пощелкивала по медному чайнику. Наконец мы взглянули друг на друга и вдруг одновременно спросили:

— Тебе что-то не нравится?

Вопрос прозвучал странно, потому что мы задали его каждый на своем

языке. Я хихикнула, но король даже не улыбнулся и продолжал смотреть на меня вопросительно.

— Ну конечно, не нравится, Лид, — призналась я со вздохом. — По-моему, ты все-таки злоупотребляешь обещаниями простолюдинов отдавать за тебя жизнь. Даже боюсь себе представлять, сколько народу погибнет из-за этого изображения тайной организации... А тебе что не нравится?

— Да то же самое, Соня, — сказал король и поерзал на стуле, будто стараясь получше умяться внутри одежды. — Но какой здесь выход...

Мы оба опять крепко задумались. Я хмуро перебирала наши небогатые возможности про себя, но так дело совсем не шло, и я забормотала вслух:

— Значит, так: надо, чтобы видимость организации была, а люди почти не страдали. Может быть, им нужно, завидев полицию, сразу же убегать, рассыпая по дороге тайные записки друг другу?

Лид у моего плеча фыркнул со смеху, наверное, представив это зрелище, однако возразил серьезным тоном:

— Излишняя трусость и поголовное нежелание не вступать в драку будет выглядеть подозрительно. Съедин молод, но он все-таки высокородный.

— Черт бы его подрал! — высказалась я и представила этот процесс. Стало полегче, и я продолжила размышлять:

— Ну тогда, может быть, для драки выбрать каких-нибудь специальных варсотов, которые и так не дураки помахать кулаками, и выставять их на полицию, а остальным — разбегаться... Только вот как бы их не поубивали, у полиции же палки...

— Соня, прими как данность, что жертв все равно не избежать, — прервал меня Лид. — Мы должны думать над тем, как это все свести к минимуму. Вообще, пытаться всех облагодетельствовать — главная ошибка правителя, потому что чем больше ты к этому стремишься, тем с большей вероятностью выйдет наоборот.

— А я и не правитель, — проворчала я. — Я даже и не королева, потому что ты отказываешься быть королем Варсотии... Но как все-таки сделать, чтобы создать видимость жертв, а на самом деле чтобы жертв этих было меньше...

Тут при слове «видимость» у меня в голове что-то щелкнуло. Я встрепенулась и подтолкнула плечом Лида.

— Слушай, а помнишь, как ты в Море Долгой Ночи делал фигуру рассыпающегося в пыль стражника? Она ведь была трехмерной? Ну, объемной?

Лид кивнул.

— А можно научить этому здешних колдунов? Ты ведь говорил, что они умеют делать картинки?

— Да, да, этому можно научить, — король закивал энергичнее, тряся отросшими почти до плеч волосами. — Единственное, — добавил он с меньшим энтузиазмом, — для этого нужно иметь развитый ум и пространственное мышление.

— Ну, я не думаю, что из такой кучи народа их ни у кого не найдется, — подбодрила его я. — Ты же сам уже понимаешь, что все это деление на высокородных и простолюдинов — сплошная фикция.

Лид на это никак не отозвался, и я решила сменить тему:

— Ну и вот, пускай они делают ненастоящие фигуры и выставляют их в первые ряды. Полиция как раз будет тыкать их не руками, а своими палками, так пусть они после этого упадут и немного полежат, а потом, когда полиция уйдет, растворятся. Сомнительно же, что полицейские подбирают убитых или раненых?

— Конечно, Соня, они этим не занимаются.

— Вот и здорово. Надо придумать, как отвлечь полицейских, чтобы те не трогали фигуры, а то ведь поймут, что они бесплотные...

— В зависимости от обстоятельств что-нибудь придумать можно. К тому же, я бы не старался это скрывать. Даже если все обнаружится, ничего особенного не будет. Полицейские только лишний раз убедятся в трусости народа, который пытается загородиться безобидными фантомами. Спасибо, Соня, что помогла. Мне бы такая мысль не пришла в голову.

— Да я знаю, что ты мыслишь более глобально, — улыбнулась я и осторожно пристроила голову на королевское плечо — все-таки я еще не совсем привыкла к перемене в наших отношениях. Лид, чуть помедлив, тоже склонил голову и прислонился виском к моей макушке. Еще как минимум полчаса нас никто не трогал, чем мы и пользовались, пока неожиданно я не услышала рядом с собой громовой смущенный кашель. Король, по своему обыкновению, даже не подумал ослабить объятия, зато у меня сразу пропала всякая тяга к поцелуям. Я отпрянула от Лида, села прямо и смерила хмурым взглядом заполнившую весь коридор толпу народа: пришли члены нашего тайного явного общества. Их обросшие физиономии были красноватыми, а глаза смотрели вниз — все-таки со средних веков в Варсотии явно изменились представления о приличиях.

— Идите сюда и рассказывайтесь, — спокойно сказал им король. — Соня подсказала мне план, как уменьшить число жертв среди вас, нужно его обсудить.

Народ послушно принялся усаживаться, бросая на меня уже не

смущенные, а, скорее, уважительно-благодарные взгляды. После того как король изложил нашу затею, оказалось, что несколько колдунов в детстве развлекались подобными штуками, поэтому им не составит труда сделать то, что надо. Я, вспомнив эскапады Лида насчет умственной недоразвитости простолюдинов, насмешливо на него глянула, но король этого не заметил, занятый созданием трехмерной модели грязного бородатого варсота, который закатывал глаза и падал, пораженный невидимым оружием. Те из пришедших, что были колдунами, тут же принялись повторять за ним, и скоро перед нами выстроился целый ряд фантомов, которые закатывали глаза и дружно помирали, напоминая мне падающий забор. Некоторые, правда, были пока что двумерными, а другие — полуобъемными, как магниты на холодильник, но большинство получалось хорошо, причем у колдунов были такие радостно-злорадные лица, что у меня мелькнула мысль, а не придают ли они этим фантомам внешность каких-нибудь личных врагов. Лид наблюдал за всем этим увлеченно и одобрительно, добился несколькими подсказками того, что все фантомы стали трехмерными, и принялся обсуждать с варсотами, где им лучше проводить восстания квазитайной организации.

На стене снова появился обширный план части города и замигали стрелочки. Некоторое время я пыталась с понимающим видом все это слушать, но потом, против своей воли, начала зевать и, наконец, решив, что военные планы — совершенно не женское дело, отправилась разводить огонь и ставить чайник. Сделала я это очень кстати, потому что варсоты принесли с собой какую-то еду и явно рассчитывали на чаепитие. Замучившись вытаскивать тяжелую посуду, я передала Лиду кучу тарелок. Некоторое время король, забыв о своем королевском достоинстве, обслуживал подданных, помогая мне расставлять посуду и наливая кипятка. Как официант, но, в конце концов, когда я нечаянно прищемила ему пальцы крышкой чайника, взбунтовался и повышенным голосом поинтересовался у пространства:

— Я не понимаю, Соня, разве кроме нас здесь нет никого, кто бы мог расставлять тарелки?

В ответ на это довольно злобное заявление в комнатах темницы послышался неохотный шорох, и к нам начали пробираться ученики — позевывающие, потягивающиеся и с отпечатками кепок, которые они подкладывали под голову, на щеках. Прибежала растрепанная и какая-то розоватая Натка и поспешно взяла у меня чайник, а Геф занялся почти совсем потухшей печью.

Члены нетайной организации, напившись и наевшись, убрались часа

через три. Только мы собрали со стола грязную посуду и хотели отдохнуть и перекусить сами, как вдруг Лид встрепенулся и сказал:

— Нужно выйти наружу, может прийти Мада.

— Да щас тебе, твое величество, она припрется в первый день, — сердито сказала Натка, потирая поясницу. — Наверняка пока не наестся дворцовой едой и кучу платьев не перемеряет, с места не двинется.

— Ты не права, Натка, — возразил Лид так уверенно, что я поглядела на него с подозрением. — Мада наверняка придет, если будет возможно. Судя по тому, что она о себе и своих родственниках рассказывала, в ней течет высокородная кровь.

— Высокородная?! — отвесила челюсть Натка, а Иа ехидно добавила, покрутив носом:

— Что-то не чувствуется.

— Нет, чувствуется, — снова возразил король. — Особенно по тому, как она колдует.

— Так она тебе родственница, что ли, Рет? — уточнил Геф, подумав.

— Судя по всему, да. Могу предполагать, что она мне... — король сделал паузу. — Троюродная прапраправнучатая племянница или что-то в этом роде.

Геф уважительно присвистнул. Я пыталась понять, что же это за родство, а Натка высказалась более откровенно:

— Извини, Лид, но тогда доля королевской крови в ней не намного больше, чем в нас. И вообще, из таких соображений вас тут всех можно назвать дальними родственниками, поскольку большая страна обычно разрастается из маленьких племен.

— И все-таки, — упорствовал Лид. — Сомнительно, что она будет бросать слова на ветер. Пойдемте наружу.

— Все? — сквозь зубы спросила я, начиная про себя горячо желать, чтобы фрейлина сегодня не притащилась: очень мне не понравилось Лидово уважительное лопотание про ее высокородность.

— Да, наверное, лучше все, — подтвердил Лид, беспокойно на меня глянув. — Впрочем, Соня, если ты устала, то можешь побыть здесь: ты ведь не колдунья...

— Ваше величество, Сонька у нас жуть какая ревнивая, — предупредительно заметила Натка, пока я скрипела зубами, пытаясь справиться с собой и изречь что-то достойное королевы. — Ты уж ее не провоцируй, а то, какой бы ты не был колдун, боюсь, получишь тяжкие увечья...

Ученики, оценив шутку, дружно расхохотались. Я, несколько придя в

себя, вздохнула и кисло улыбнулась королю.

— Ладно, пойду с вами...

Осторожно и с оглядкой мы вылезли из дырки под лестницей дворца на улицу. Там гулял ветер и было почти что темно и очень неуютно. Никакого освещения поблизости не было, поэтому ученики и король дружно засветили над собой магические огоньки и расселись на нижних ступенях мраморной лестницы.

Я подсела под королевский бок, сжавшись в комочек и утонув в платке. Платок был чистый — Лид велел нам перед встречей с дворцовыми увеселителями привести себя в хотя бы в более-менее приличный вид. Средствами для этого мы располагали небольшими, однако ученики расчесали пальцами волосы, умыли физиономии, и теперь с достоинством сидели, скрестив ноги и натянув пиджаки на коленки, чтобы скрыть большую часть дырок. Король, конечно, тоже вымылся и расчесался и приказал Иа зашить драные рукава своей черной рубашки, так как мы с Наткой в шитье были не асы. Иа оказалась швеей еще похуже нас, но Лид компенсировал странный пузырь на локте и то, что один рукав стал явно короче другого, своим обычным уверенным и величавым видом. На лестнице он сидел, как на троне: прямо, будто проглотил аршин, и взираал на расстилающееся перед нами смутно освещенные синеватым светом заросли бурьяна.

Стояла тишина, только изредка слышалось далекое гудение машин, стрекот и вопли птиц и насекомых. Ветер не унимался, похолодало еще больше. Я плюнула на величавый вид и перестала пытаться распрямиться. Сот с Адаром, чтобы согреться, принялись бегать друг за другом вокруг лестницы, пока не споткнулись об Лидовы ноги.

— Ха-агр! — цыкнул на них Лид, что на жаргонном варсотском значило примерно «уймитесь, пока не влетело по первое число». Мальчишки смутились и забрались по лестнице наверх. Снова стало тихо, и я уже хотела поинтересоваться, сколько же можно ждать, когда все мы услышали громкий треск и знакомый голос:

— Вот, Ла-ат, сюда проходи, они нас на развалинах должны ждать, я договорилась.

— Сюда? — переспросил тихий голос, и из бурьяна выступил высокий тонкий юноша с заостренным иконописным лицом, черными прядями волос, спадающими на бледный лоб, и большими печальными карими глазами. Расфуфыренный цветастый костюм, состоящий из обтягивающих красно-желтых штанов и синего камзола с буфами на плечах, висел на нем мешком, усиливая горестное впечатление. Я подумала, что никогда раньше

не видела такого печального специалиста по увеселению. За ним вынырнула фрейлина, конечно же, в новом платье канареечно-желтого цвета, но со старой прической: румяная, довольная и явно наевшаяся всяких вкусностей во дворце.

— Ну вот, — сказала она, обегая юношу, который, застыв, молча глядел на нас. — Познакомьтесь-ка. Это Лат, главный дворцовый увеселитель. Он говорит, что увеселители ему как раз нужны, потому что их не знали, где взять. Чего-то никто не хотел веселить нашего великого короля Съедина! — она пожала плечами и изобразила крайнее удивление. Юноша скривился, Лид слегка улыбнулся, Натка захихикала. Мада продолжала:

— Ну, Лат, знакомься: вот это — самый главный тут, его зовут Рет. Это его девчонка, Соня. Это его помощник, Геф, и его девчонка, Натка. А это — все остальные. Ну, чего вы смотрите, давайте сами представляйтесь, а то у меня уже весь язык устал!

Ученики неразборчиво забормотали свои имена, король кивнул. Я на миг вынырнула из платка и кивнула тоже.

— Здравствуйте, — сказал Лат, глядя на нас без особенной приязни. — Вы точно хотите служить при королевском дворе и отвечать за увеселения при празднике? Учтите, что если королю что-то не понравится, вас либо посадят в тюрьму, либо сотрут в порошок. Вы ребята, я смотрю, простые, — понизил он голос, глядя на Лида. — А во дворце все не так просто, того гляди заколдуют. Я бы на вашем месте отказался.

— А ты не на их месте, — поспешно заговорила фрейлина. — И вообще: чего это ты их уговариваешь, а сам стоишь такой красивый, из дворца? Не слушайте его, ребята, наш король Съедин такой лапочка, такой молодец!

— Да тем более, мы и во дворец-то не пойдем, что нам там делать, — сказал Лид на простонародном варсотском. — Мы с тобой тут разработаем программу, какую надо, а в день праздника придем и покажем. Или король захочет ее заранее посмотреть?

— Вряд ли, — отозвался Лат. — Он считает это ниже своего достоинства. Если ему что-то не понравится, он просто заколдует вас на месте.

— Весьма мудро с точки зрения экономии времени, — усмехнулся Лид и поднялся. — Давай мы тебе покажем, что умеем, а ты выберешь. Идите сюда, — подозвал он учеников. Те слезли с лестницы и окружили короля плотной кучкой, и вся эта кучка принялась оживленно шептаться. Наконец, видимо, распределив обязанности, они встали рядом, подняв глаза и руки

вверх. От их пальцев стали отрываться и улетать разноцветные магические огоньки, из которых, как из пазла, начала собираться в небе какая-то картинка. Тут Натка издала странный звук и ткнула пальцем. Я вгляделась и поняла, что вижу над собой большущую недовольную физиономию Съедина. Лид слегка кивнул, и все одновременно опустили руки. Съедин, к моему удовольствию, бесшумно рванул и распался на мелкие салютины-огоньки, которые брызнули в разные стороны. Глянув на сидящего рядом со мной на ступеньке Лата, я впервые заметила на его лице следы увеселения: он криво улыбнулся и сказал:

— Хорошо, только возьмите какую-нибудь другую картинку. Наш король таких шуток не поймет.

Лид с учениками покорно сотворили букет цветов, потом что-то еще, но пока это взрывалось, лицо Лата оставалось таким же похоронным. Потом король снова посоветовался с учениками, и они встали, повернувшись к нам лицами, в каком-то странном шахматном порядке. Обращаясь к увеселителю, король сообщил:

— Еще мы можем создавать пространственные движущиеся картины разной сложности и разного размера. Вот, например.

Мы с Наткой, не удержавшись, ахнули: перед нами возникла огромная трехмерная картинка. Теперь Лид с учениками, казалось, стояли посреди зеленого летнего поля. Поле колыхалось под ветром и цвело яркими сиреневыми цветами; кое-где на нем росли варсотские и земные деревья, а вдали виднелось большое синее озеро, в котором отражалась радуга, видневшаяся на небе между расходящимися тучами.

— Любой пейзаж, — сказал Лид, кивая ученикам, чтобы они перестали колдовать. — А можно и здание. Подойдите ко мне и посмотрите назад.

Хотя, возможно, он имел в виду одного Лата, но мы с Наткой тоже встали и подошли, глядя на еле виднеющуюся во тьме лестницу. Лид с сосредоточенным и вдохновенным видом медленно приподнял руки, и над лестницей и руинами начал медленно вырастать полупрозрачный дворец. Поднялись вверх белые каменные стены со стрельчатыми окошками, остроконечные башенки, крыши которых были покрыты какой-то блестящей кремовой черепицей... Над лестницей появились высоченные двустворчатые двери с мелкой резьбой. Они беззвучно открылись вовнутрь, и мы все невольно вытянули шеи, но король резко махнул рукой, и картинку как ветром сдуло.

— Да, — убито сказал дворцовый увеселитель. — Очень хорошо. Такой дворец тут стоял?

— Я не знаю, какой тут был дворец, — спокойно пожал плечами Лид. — Просто придумал, какой мне нравится.

— А, понятно. Красиво. Король будет впечатлен.

Мы почувствовали себя от этой похвалы примерно так же приятно, как если бы получили приглашение на чьи-то похороны. Ученики молча расселись обратно, Лид пристроился рядом со мной. Мада покашляла и сердито подопнула увеселителя в камзолный бок.

— Ну и хорошо, договорились, значит? Вы друг другу понравились? Давайте тогда придумаем чего-нибудь, чтобы порадовать нашего любимого короля Съедина?

Увеселитель так поморщился, что Геф, наконец, не выдержал и сообщил во весь голос:

— А я-то придворного шута себе повеселее представлял.

— Какой я тебе шут! — вскинулся юноша, блеснув запавшими глазами. — Дворцовый увеселитель — это тот, кто организует увеселения! Вовсе не обязательно для этого быть веселым!!

— Да мы уж поняли, — пробормотал Фир.

— У тебя бы девушку во дворец забрали, я бы поглядел, как ты веселился бы! — надрывно сообщил Лат, даже воздевая руки, будто актер древних трагедий.

— Во дворец? Для короля? — сочувственно спросила я, зная Съединовы привычки. Юноша мрачно кивнул и добавил:

— Сейчас она в темнице. Съедин обещал отпустить ее, если я организую хороший праздник.

— Ну просто сказочная ситуация, — умилилась Натка, а я, преисполнившись сочувствия к юноше, начала:

— Да ты не переживай, ты знаешь, это все скоро... — тут король незаметно взял меня за руку и я почувствовала, будто каждый его палец стрельнул в меня маленькой молнией. Видимо, это был колдунский аналог щипка. Я осеклась и кое-как dokonчила:

— ...Это все скоро пройдет. Найдешь себе новую девушку...

Юноша поглядел на меня трагическим взором, резко отвернулся и вдруг деловито сказал:

— Ладно, давайте обсудим программу.

В последующий час мы с Наткой дружно смотрели что-то вроде голографического шоу. В небесах и на развалинах дворца возникали пейзажи, лились водопады, падали звезды и взрывались салюты. Наконец дворцовый увеселитель вчерне утвердил программу, пообещал прийти еще завтра, попрощался с нами даже почти не гробовым голосом и нырнул в

бурьян. Фрейлина пошла его немного проводить. В бурьяне неожиданно раздался взрыв какого-то лошадиного хохота, и зашумели затихающие шаги. Мы недоуменно переглянулись, но Мада уже вылезла обратно, подошла к нам и устало плюхнулась в траву у моих и Лидовых ног.

— Уф! Сегодня во дворец не пойду, ни к чему каждый день там сидеть. Только вы все-таки Лату ничего не рассказывайте. Он же этот... лицедей.

— Чего? — не понял Адар.

— Ну, любит изображать из себя всяких людей. Сегодня, вот, несчастье разыгрывал.

— Он чего, хотел проверить, не будем ли мы ругать Съедина?! — ужаснулась Иа.

— Да не-е, он хочет на сцене в театре играть, вот всех и обманывает и смотрит, поверят или нет. По-моему, до Съедина ему дела-то нет, но вы все равно смотрите, чтобы он не узнал чего, а то он тот еще болтун, — она хихикнула и подышала на руки. — Пойдемте вниз, а? Погреемся.

Я встала и с уважением покосилась на Лида, думая, что его вечная королевская подозрительность все-таки иногда может вполне пригодиться...

Прошло еще две недели, за которые темница стала нам всем домом родным. Ученики обжили свои камеры, натаскав туда высокородных тряпок из кладовых. Готовить тоже было удобно, а продукты бесперебойно доставляли нам приходящие с воли члены квазитайной организации. Сами же мы, включая короля, наружу почти не выходили, если только по вечерам, отрабатывать программу увеселения Съедина. Дворцовый увеселитель, переставший играть из себя несчастного влюбленного, оказался вполне активным и деловитым юношей, напоминающим мне тех парней, которые участвовали в наших институтских командах КВН. Он приходил к нам вместе с фрейлиной, которая ночевала то у нас, то во дворце, и иногда приводил своих помощников-увеселителей, тоже молодых, тоже активных и тоже похожих на самостоятельных КВН-овцев.

Наша затея с фантомами осуществлялась довольно-таки успешно. «Тайная организация» регулярно устраивала бестолковые бунты по всему городу и легко давала себя усмирить. Жертвами полиции, к счастью, были в основном фантомы, которых колдуны ловко выставляли вперед. Однако постепенно и фантомов почти перестали убивать — полиция подавляла бунты все более лениво и нестарательно, привыкнув к глупости бунтовщиков. Слыша такие новости, я потирала руки, чувствуя себя гениальным стратегом, сидящим посреди большой паутины заговора. Лида

же вся эта романтика не волновала, видимо, потому, что он и так и так привык к управлению людьми. Он беседовал с заговорщиками, обучал учеников и, чем ближе была коронация Съедина, тем больше напрягался и тревожился. Прямо-таки видно было, как он пытается все предусмотреть и ничего не упустить, и сомневается, что это у него выйдет.

За два дня до коронации наше общее состояние напоминало сборы в кругосветное путешествие. Мы с утра не могли никуда выйти, потому что снаружи кто-то приперся на пикник, залез в подвал дворца и жег там костры. Ученики слонялись туда-сюда по комнатам, фрейлина, которая не могла уйти во дворец, сидела на кровати, нервно постукивая по ней ногой. Мы с Наткой и Гефом пытались что-то готовить, поглядывая на короля, который сидел за столом с оцепеневшим видом и смотрел в никуда неподвижными двухцветными глазами. Я прямо-таки слышала, как поскрипывают его мозги.

— Лид, — окликнула короля Натка, сидящая на корточках у печки. — Ты суп будешь? Э-эй! Я тебя спрашиваю! Фу ты! И как ты страной-то управлял, с такой гиперответственностью?

— Он не будет, — ответила я за Лида: насколько я знала, он никогда не ел суп по утрам. — Оставь ты его в покое.

— О покое, Сонька, сейчас говорить вообще глупо, — фыркнула подруга.

Я передернула плечами, положила половник и, предоставив Гефу с Наткой доканчивать готовку супа, пошла в коридор с фресками послушать, не убрались ли варсоты, устроившие пикник. Судя по глухим воплям за стеной, веселье у них, наоборот, было в самом разгаре. Я зевнула и рассеянно уставилась на ближайшую фреску, где изображались очередные двое высокородных, как-то странно скрючившихся друг напротив друга.

Скоро я услышала позади себя знакомые шаги — король отправился на поиски меня.

— Лид, — сказала я, не оборачиваясь, — чего это их так скорчило?

— Вовсе их не скорчило, Соня, — обиделся король. — Это просто поклон. — Он сцепил пальцы перед грудью, как мужчины на фреске, и опустил руки, наклоняя голову. — Таким поклоном высокородные колдуны выражали глубокое уважение...

— Ишь ты, — сказала я вяло и пошла к выходу из коридора. Король двинулся за мной. Такой вереницей мы пришли обратно и снова уселись за стол.

— Чего ходите-то, маетесь, — укорила нас Натка. — Твое величество, я бы на твоём месте лучше повторила наш план.

— А что повторять? — пожал плечами Геф. — Пятьсот раз все обсудили. Когда в небе появится картинка с распускающимся красным цветком, колдуны из тайной организации, которые будут стоять в толпе, выпустят кучу фантомов, чтобы отвлечь внимание полиции, да и Съедина. Они отвлекутся, а мы с Ретом тем временем проберемся через толпу и — р-раз! И все. Заколдуем Съедина.

Я вздохнула: «р-раз — и все» меня не слишком-то убедило либо я заразилась от короля неизбывным пессимизмом. Лид, конечно же, тоже не преминул заметить:

— Ты говоришь самый идеальный вариант развития событий, в реальности же может случиться что угодно.

— Что угодно не предусмотреть, — резонно заметил Геф, принимая у Натки огромный горшок с супом. — Так чего об этом думать, Рет?

— Простолюдинский способ мышления иногда отличается большой эффективностью, — обратился ко мне король, взглянув на меня с унылым видом. — Жаль только, что взрослому высокородному его, по-видимости, уже невозможно привить.

— Если только ваше величество поленцем по голове не огулять! — бесцеремонно рассмеялась Мада, подходя к столу с тарелкой. — Геф, плесни-ка мне супчика.

Лид, не обращая на нахальную фрейлину внимания, вдруг живо развернулся ко мне с какой-то мыслью в глазах и сказал:

— Соня, а ведь ты не колдуешь. Я думаю, тебе не стоит находиться рядом с нами в первых рядах, а лучше остаться здесь, а еще лучше — подождать результатов свержения Съедина в своем мире — там пройдет всего несколько часов. К Натке это тоже относится, но пусть думает сама.

— Чего?! — завопила я, вскакивая. — Она пусть думает, а я обязана в приказном порядке вернуться в свой мир и несколько часов ждать там неизвестно каких результатов?! А если они будут не положительными?!

— Тем лучше для тебя, ты ведь останешься невредимой.

Меня с ног до головы пробрала дрожь. Судорожно вытянув вперед руки, снедаемая желанием вцепиться омерзительному королю в воротник рубашки и оторвать его с мясом, я прохрипела:

— Ты мне тут давай без твоего паршивого благородства! Тоже мне, нашелся доморощенный жертвователю собой во имя ближнего! Не умеешь — не берись! В вашем признании даже говорится, что не страшно, если вместе сойти в могилу!

Король явно шугнулся от моего резкого порыва, потому что чуть подался назад и сдержанно ответил:

— Это фигуральное выражение.

— То есть на самом деле ты все врал и никуда со мной сойти не готов?! — заорала я в три раза громче прежнего.

— Куда-то готов, но почему обязательно в могилу? И почему ты все время кричишь?

— Хочу и кричу! Все равно мне до твоего высокородного идеала не доплюнуть!

— У меня нет никакого идеала.

— Ага, ври больше! Все время меня учишь, а теперь еще и в мой мир выпихиваешь!

— Интересно, почему простолюдины всегда требуют заботы, если никогда ее не принимают?

— Кто простолюдинка? Я?!

— Ну не я же, — сказал отвратительный король, омерзительно улыбаясь. Издав нечленораздельный вопль, я походкой зомби приблизилась к нему и вцепилась ему в плечи. Но тут же злость куда-то испарилась, будто ее и не было. Я размякла, как каша, и в результате безвольно повисла у Лида на шее, давясь слезами. Король со вздохом похлопал меня по спине и, подтянув вверх, втащил к себе на колени. В тишине раздался разочарованный голос Адара:

— А я думал, драться будут.

— Да, Сонька что-то сдавать начала, — согласилась Натка. — Раньше они так лаялись, что только щепки летели, а теперь чего-то форму потеряли...

— Нервничают все, — просто сказал Геф, глянув на нее. Подруга отвела глаза и почему-то нахмурилась.

— Вот и не надо, — вставила я, мрачно хлюпая, — еще больше друг друга нервировать этими дурацкими жертвами типа «я пойду, а ты останься». Вместе начинали, вместе и закончим.

— Точно, ура! — зашумели ученики, которые всегда были не прочь поиздавать патриотические возгласы.

— Хорошо, Соня, — сказал и Лид после небольшой паузы.

...День коронации Съедина выдался по-настоящему осенним — уже с утра небо обложило серыми тучами, из которых мерзко моросило. Мы намотали на себя кучу тряпок и для того, чтобы не быть узанными Съедином, и просто для тепла, но мне лично все время было зябко. Может быть, от волнения.

Унылой вереницей мы тащились следом за дворцовым увеселителем через город по направлению к площади, где должна была состояться

коронация, пригибаясь от порывов ветра. Я глядела на мир в щель между намотанными на меня верхними и нижними платками, будто сквозь скафандр. В таком виде я бы и сама себя не узнала, где уж было Съедину, который видел нас раз в жизни. Натка имела аналогичный облик, остальные меньше маскировались, но все равно напялили платки и кепки, затеняющие лица. Лид, в аналогичной кепке, черной рубашке и пиджаке варсотского рабочего, походил на прежнего себя, пожалуй, только прямой осанкой, а так даже динамика его движений изменилась — из них ушла львиная доля величавой замедленности. А в остальном, как я надеялась, Съедину в голову не придет приглядываться к какому-то рядовому подданному.

Город, через который мы шли, беспокойно бурлил. По улицам грохотали, разбрызгивая грязь, телеги, ездили редкие машины и озабоченные расфуфыренные велосипедисты. Полиции тоже было сколько душе угодно — она оглядывалась по сторонам и значительно помахивала своими «палками» в поисках нарушителей спокойствия. Мы прошли через рыночную площадь, часы на которой как раз издавали громкий вой, возвещающая какое-то там время. Рынок сейчас не работал, только стояло несколько пустых навесов, а между ними бродили отсыревшие лисособаки.

— Помнишь, Сонька, как мы тут танцевали? — прошептала мне на ухо Натка, сжимая мою руку.

— Помню, — вздохнула я. — Если вернемся, мобильники придется новые покупать...

— Девчонки, не отставайте! — позвала нас Мада, тряхнув высоченной прической. На ней было ярко-розовое платье, а сверху она накинула шикарный бордовый плащ с меховой оторочкой. «Все-таки служба при Съедине имеет некоторые плюсы», — подумала я мельком, оглядывая свои обмотки.

Чем дальше мы шли, тем больше сгущались толпы. Протискиваясь сквозь них, я поняла, что большинство варсотов настроено однозначно недружелюбно, и подивилась самоуверенности Съедина.

Наконец-то, перейдя реку по выгнутому аркой каменному мосту, мы попали на площадь перед парламентом. Я ее сразу узнала: трехмерные модели, которыми ее изображал Лид и другие колдуны, оказались очень достоверными. Сама площадь была покрыта брусчаткой и окружена разнокалиберными зданиями с трех сторон. С четвертой ее ограничивала река. Я увидела и само пятиэтажное здание парламента — довольно мрачное, в форме подковы, возведенное из какого-то шершавого бежевого камня типа гранита. У него были маленькие окошки и лепнина между

ними, изображающая колонны. Рядом пристроилось явно более древнее здание — из красного камня, с круглой крышей — по виду, какой-то музей. С другой стороны было тоже большое сооружение, слегка напоминающее земной Колизей. Это, собственно, и был театр. Кроме этих впечатляющих построек присутствовало несколько домов поскромнее, и всю огромную площадь, которую они окружали, заполняла угрожающе колышущаяся толпа: куда ни глянь — море кепок и темных платков. Неровными полосами в это море внедрялся красный цвет — это были полицейские в парадной форме.

— Дайте пройти дворцовым увеселителям, именем Съедина! — зычно покрикивал Лат, который сегодня не эксплуатировал свой образ меланхоличного юноши. Варсоты, нехорошо поглядывая на нас, расступались. Пока мы пробирались к парламенту, я сквозь свою амбразурную щель между платками тоже пыталась поразглядывать толпу, чтобы вычленить из нее знакомые лица нетайной организации, но бесконечные кепки, платки и бороды сливались у меня в глазах в нерасчленимую массу. Лид, идущий впереди, вдруг обернулся, приостановился и решительно ухватил меня за руку, выдрав у Натки. Натка молча прицепилась к Гефу. Остальные ученики тоже выстроились парами, как на утреннике.

Наконец парламент загородил от нас и так-то слабый свет осеннего неба. Оказывается, перед ним было возвышение вроде эстрады, на которую вело несколько ступеней. На самой эстраде стоял очень изящный трон из серебристого металла со светлой обивкой, а под ней, ошестинившись палками, шеренгой выстроилась полиция.

— Куда прете?! — раздраженно рявкнул на нас какой-то полицейский.

— Мы — дворцовые увеселители, — с достоинством отозвалась Мада.

— Так отойдите на двадцать шагов. Вон туда, слева, встаньте и увеселяйте, а в первых рядах придворные будут, убирай давай своих оборванцев — поприличнее не могли одеться, что ли...

Ученики встрепенулись и, казалось, собрались полезть на рожон, но Лид сделал молчаливый кивок и направился куда сказано: видимо, левый угол его совершенно устраивал.

В результате мы очутились метрах в тридцати от левого края эстрады с тронem и оттуда тревожно наблюдали, как площадь продолжает заполнять волнующаяся толпа. Несмотря на усилившийся дождь, варсотов становилось все больше, набивались они просто как сельди в бочку.

— Соня, держись ближе ко мне, — не поворачивая головы, сказал король по-русски. — Может быть давка, по крайней мере, в мои времена

такое часто бывало.

— Хорошо-хорошо, не волнуйся, — я и сама не горела желанием куда-либо отходить. За мной встали Мир и Фир, немного прикрыв от напирающей толпы. Геф цепко держал Натку, а Лен — Иа, бледную до зелени. Сохраняли относительную безмятежность лишь Сот с Адаром да Мада, болтающая с Латом и встряхивающая прической.

— И скоро начнется-то? — простонала я — у меня даже ноги зудели от ожидания.

— Скоро, — сказал король тихо. — Видишь, уже идут придворные и музыканты.

Лид был прав: к эстраде подтянулась вереница расфуфыренных донельзя варсотов. Часть из них тащила громадные, почти с себя ростом, толстые дудки, часть — такие же огромные помеси арфы с гитарой, еще несколько обнимали пухлые мешки с клапанами — то ли гармошки, то ли волынки, а трое, отдуваясь, волокли целую барабанную установку. Прикинув, как это все может грянуть, если захочет, я невольно потеряла сквозь платок ухо. Помимо варсотов с инструментами величаво пришеествовали придворные с пустыми руками, преимущественно женского пола, с редкими вкраплениями противного вида юношей, и заполнили все первые ряды перед эстрадой, а оркестр стал прослойкой между ними и полицией.

Лат, о чем-то посовещавшись с нашей фрейлиной, растолкал локтями оркестрантов и полицейских, вскочил на эстраду и нырнул прямо в здание парламента.

— Ребята, скоро начнется. Он переодеваться побежал, — обернулась к нам Мада и хихикнула. Я ее веселого настроения не разделяла: у меня засосало под ложечкой. Лид, впрочем, насколько я различала его лицо под кепкой, сейчас выглядел скорее деловитым, чем мрачным или испуганным. Это меня чуть успокоило, но тут же я снова вздрогнула, потому что дворцовый увеселитель выскочил из парламента обратно, хлопнув огромной кованой дверью. Только теперь он натянул бархатный синий пиджак с попугайски-зеленым жабо и держал в руке громадный блестящий рупор.

— Приветствуем всех, пришедших в этот радостный день на коронацию великого Съедина! — поднеся рупор к губам, рявкнул он на всю площадь. — Сегодня произойдет возрождение Варсотского королевства! Ибо к нам явился представитель древнейшей династии королей Варсотии — Съедин, потомок великого короля Сонародина!

Толпа неоднозначно зашумела: я расслышала крики «ура» и «долой»

примерно в равной пропорции. Но дворцовый увеселитель, конечно, не смутился, а кивнул оркестру. Варсоты схватили инструменты и издали громовой звук, от которого у меня чуть не лопнули барабанные перепонки, и я, вздрогнув, прижалась к королю. Лид, тоже содрогнувшись, сказал:

— Отвратительно.

— В твоё время играли так же паршиво? — крикнула Натка.

— По-моему, всё же немного лучше, — отозвался король, морщась от очередного оглушительного пассажа. Варсотский оркестр, кажется, не знал, что такое две вещи: тональность и ритм, зато прекрасно представлял, что такое громкость.

Звук умолк на самой тошнотворной ноте — хлопнула дверь здания парламента. Мы все, притихнув, исподлобья наблюдали, как к нам величаво выплывает Съедин.

Как и в первый раз, король Мира Долгой Ночи не произвел на меня особенно грозного впечатления. Он всё так же походил на подростка. На нём снова был синий камзол, штаны в обтяжку и длинная красная мантия, которая делала его небольшим росточек ещё приземистей и волочилась за ним по земле. Единственное, сейчас он был без короны, и его бледную физиономию с черно-синими глазами обрамляли лишь чёрные волосы, которые трепал ветер. С недоумением я глядела на него, пытаюсь понять, чего же я так боялась и чего ради мы столько готовились к свержению этого паренька. В прошлый раз Лиду достаточно было ему разок вделать, и всё...

Съедин остановился на краю эстрады и устремил взгляд поверх наших голов — явно он не собирался разглядывать каких-то простолудинов, а упивался собою. Выпрямившись так, словно наглотался копий из собственной коллекции оружия, он воздел унизанную перстнями руку и сообщил без всякого рупора, посылая гулкий голос во все концы площади, по примеру Лиды:

— Я пришёл забрать власть в своём королевстве. Те, кто поддерживают меня, будут жить гораздо лучше, чем при республике. А те, кто не поддерживают, долго не проживут. Потому что вас, слабые простолудины, я обращаю в пыль щелчком пальца.

Площадь притихла — Съедин таки умел производить впечатление речами. Я ждала, как он ещё нас припугнет, но он отвернулся, прошествовал к трону, без церемоний плюхнулся на него, и, вытащив из воздуха огромную корону-трезубец с красными камнями, рывком напялил её себе на голову со словами:

— Объявляю себя законным королём Варсотии. Увеселитель,

показывай, что вы приготовили в честь моей коронации.

Я встрепенулась, но Лид качнул головой: увеселитель объявил танец фрейлин. В этом танце, к нашей тревоге, участвовала и Мада: подмигнув нам, она полезла на эстраду вместе с десятью другими девушками в шикарных платьях и с высокими прическами. Оркестр попытался заиграть что-то похожее на танец, но то ли я не понимала варсотской музыки, то ли он опять фальшивил и не держал ритм. Фрейлин, впрочем, это не смущало — как следует танцевать из-за развесистых нарядов они и не могли, а просто топтались перед носом Съедина, взмахивая руками. Самокоронованный король Варсотии смотрел и слушал, перекашиваясь лицом при особенно фальшивых аккордах. Стоящий рядом со мной Лид в точности повторял его мимику. Адар пытался затолкать снятую кепку себе в ухо. Площадь шумела...

...Когда музыка достигла своего фальшивого апогея, Съедин приподнялся с трона и гаркнул:

— Достаточно!

— Не могу с ним не согласиться, — прошипела Натка.

— Танец хорош, девицы, — благосклонно кивнул королек на фрейлин, которые кокетливо захихикали. — А вот оркестр отвратителен. Особенно мерзко играла вон та дудка, — Съедин ткнул пальцем в соответствующего варсота и чуть тряхнул рукой. Варсот вместе с дудкой рассыпался в пыль. Площадь в ужасе затихла, а Съедин взгромоздился обратно на трон и кивнул увеселителю:

— Давай дальше.

— П-п-песня в честь коронации Съедина, — без следов веселья в голосе сказал Лат и подвинулся. На эстраду, загораживая от нас Съедина, вдруг полез целый женский хор с тощей солисткой во главе. Съедин недовольно рявкнул, хор послушно передвинулся, выстроился справа от него и раскрыл рты.

Оркестр заиграл вступление, видимо, с перепугу, почти не фальшивя. Зато хор с избытком восполнил это упущение, гнусаво затянув:

— О, король ты наш Съедин, Ты нам так необходим, Ты принес порядок и закон! Ты хороший, ты красивый, строгий, смелый, справедливый, так цари во веки ты веков!

Натка тихо застонала, но для Съедина, видимо, льстивые слова и женский пол хора перевешивали качество исполнения: слушая, он жмурился и улыбался, как кот перед сметаной. Лид, сжимая мою руку, глядел на него из-под сени кепки с легкой сожалеющей королевской улыбкой...

Наконец мучение кончилось: хор прогнусил еще несколько банальных славословиц и умолк. Съедин одобрил его словами «умницы, девочки», подойдя, ущипнул за щеку тощую солистку, которую больше щипать было не за что, и, слегка потирая ухо, направился обратно к трону. Оркестр выдохнул и заиграл вступление к следующему номеру — акробатическим трюкам в исполнении двух гимнасток-жонглерш. Я знала, что фейерверк должен идти за ним, но меня насторожило изменившееся гудение толпы. Некоторое время я убеждала себя, что это просто стучит усилившийся дождик, но, взглянув на Лида и учеников, поняла, что они тоже встревожены. Все громче в общем шуме толпы звучали чьи-то крики и вопли. Я поднялась на цыпочки и зашептала:

— Что такое, Лид, что случилось?!

— Похоже, люди дерутся с полицией, — бросил он коротко, тоже оглядываясь.

— Наши люди? — удивилась я.

— Нет. Обычные варсоты, Соня. Этого я и боялся...

Толпа пошла судорожными волнами. Теперь я ясно видела, что множество варсотов яростно пытаются прорваться поближе к Съедину, а полиция напропалую лупит их своими палками. Люди падали целыми рядами и напирали снова, опять попадая под те же палки. Съедин поглядывал на это все, ничего не предпринимая, ему-то народ было не жалко, наш король тоже застыл в каком-то оцепенении... Может быть, из тех же соображений?

Но оцепенение было недолгим. В следующий миг Лид вскинул руку с раскрытой ладонью, и в сером небе раскрылся огромный багрово-красный цветок. И тут же по краям площади началось сильное движение — наша нетайная организация, молодчина, тут же наплодила громадную кучу фантомов, размахивающих флагами с надписями «Долой Съедина» и угрожающими на вид железяками. Полиция хлынула от настоящих людей к фантомам и почти мгновенно тоже распределилась по краям площади. Геф и остальные ученики повытаскивали из-за шиворотов заранее приготовленные складные палки и принялись ловко тыкать ими в полицию позади нас и в ту, что побежала к нам от сцены.

— Очередь Съедина! — взвизгнула Натка, к счастью, по-русски, вцепляясь в меня, чтобы удержаться на ногах. Я откинула с головы платок, чтобы лучше видеть, и вытаращилась вперед. Лид, конечно же, не зевал, и тут же попытался что-то сделать со своим высокородным дальним родственником. К сожалению, Съедин не зевал тоже. На миг в его лице мелькнуло изумление при виде замызганного простолюдина, который,

сбросив кепку, оказался Лидом, но тут же пропало. Вскочив с трона, он вытянул вперед руки, и в результате между королями в пустом воздухе раздался оглушительный хлопок с громовыми раскатами: наверное, столкнулись заклинаниями.

— Ты подался в простолюдины, король Лидиорет? — насмешливо поинтересовался Съедин, который, видимо, никогда не упускал случая порисоваться. — Всегда говорил, что ты поганый демократ.

— С тобой республиканцем станешь, — отозвался Лид на простонародном варсотском, и короли снова столкнулись заклинаниями. Грохотнуло над оркестром, и он разбежался, зажимая уши, хотя, казалось бы, мог, при своей-то музыке, привыкнуть к отвратительным звукам. Я взволнованно привстала, высунувшись из-за плеча Иа, и вдруг встретила взглядом со Съедином. Лицо короля злорадно перекосилось: он явно меня узнал.

И дальше для меня все было, как в замедленной съемке. Съедин, шевельнул пальцем, и невидимая сила выбросила меня в первый ряд. А с помощью другой невидимой силы Съедин спродуцировал из воздуха толстенную блестящую стрелу и направил ее в меня.

Я почувствовала сильный удар куда-то в район солнечного сплетения и удивилась, что особенной боли нет. Да и на ногах я вроде бы пока стояла. И даже смотрела на Лида. А он смотрел на меня широко открытыми двухцветными глазами, таким взглядом, будто стрелой попали в него. По его глазам я сразу же поняла, что он собирается подбежать ко мне, и что Съедину только этого и надо, чтобы стереть его в порошок. Поэтому и целил он в меня! Я попыталась донести эту мысль Лиду, тоже с помощью взгляда, потому что ноги подкашивались, а рот не открывался, но внутренне я изо всех вопила:

«Лид, иди назад!!!»

И, к счастью, он меня понял. Наш немой диалог продлился, наверное, полсекунды, потому что Съедин еще ничего не успел сделать, а продолжал глядеть на меня со злорадной улыбкой, когда на сцену каким-то неестественным прыжком, наверное, помогая себе колдовством, вскочил Лид и вцепился обеими руками в узкие Съединовы плечи.

И от его ладоней, как плесень, поползли по Съедину серые пятна. За каких-нибудь несколько секунд он полностью обесцветился и превратился в неподвижную каменную статую, стоящую прямо и зырящую в пространство с противной улыбкой.

Я тоже улыбнулась и с чувством выполненного долга упала.

В глазах темнело. Меня теребили и разминали чьи-то руки, что-то

кричала Натка, Мада, и, кажется, еще кто-то из учеников, но меня это уже не волновало. Безуспешно попытавшись хлебнуть воздух, я погрузилась в черноту.

...Вначале из моей груди что-то дернули. Потом по мне проехался поезд. Мне это не понравилось, и я протестующе захрипела. Поезд, не вняв моим хрипам, развернулся и проехался еще раз, еще более смачно. Потом снова развернулся и пошел на третий круг...

Все это время меня держали мертвой хваткой чьи-то жесткие руки, в груди нарастало жжение, а поезд ездил уже просто со страшной скоростью. Я издала громкий крик и изо всех сил забрыкалась. Смутные голоса надоевшей забормотали «что ты, что ты», мои руки кто-то прижал, а на ноги кто-то сел. Я взвыла и, распахнув глаза, сквозь слезы уставилась вверх.

На меня, побледнев и сжав губы, пристально глядел Лид. Светлые растрепанные волосы его, свисающие по бокам лица, почему-то были в крови.

— Аа-а-а-отпусти, больно же! — обрела я голос.

— Потерпи, Соня, — ответил он непреклонно и прижал меня пуще прежнего. Я закашлялась, опять взвыла, попыталась укунить его за руку, промахнулась и от отчаяния начала с каждым новым проездом поезда ругаться на чем свет стоит. Как раз когда мой запас крепких выражений окончательно иссяк, жжение в груди сменилось щекотанием, которое и вовсе исчезло, а Лид медленно отпустил мои руки и выпрямился, держась за виски и моргая с совершенно измученным видом. Из одного его глаза неожиданно вытекла слеза и стекла вниз по щеке. Другим глазом король почему-то плакать не стал.

— Ой, Лид, ты чего?! — перепугавшись, я поднялась с земли, сразу забыв, как только что хотела его убить. — Ты что, плачешь?!

— Да? Я не заметил, — вяло удивился король, одной рукой крепко прижав меня к себе, а другой продолжая держаться за голову. Тут к нам неожиданно наклонилась растрепанная Натка и сказала хриплым голосом:

— Сонька, ты чего, все забыла, что ли?! В тебя стрелой попал вот этот каменный болван, — она кивнула назад, и я увидела пустую эстраду, трон и стоящую возле него каменную статую Съедина.

— Ой, точно же! — воскликнула я, ощутив прилив раздирающей радости.

— Мы тебя держали, а его величество — лечил, — сказала Мада.

— Ой, как ты ругалась... — восхищенно добавил Адар. Остальные ученики, стоящие вокруг нас, потрепанные, но живые, рассмеялись.

— Что тут делается? — завертела я головой, придерживая Лида,

который покачивался, даже стоя на коленях.

— Съедина Рет в каменюгу превратил. Полиция разбежалась, — деловито доложил Геф. — Придворные — смылись. Народу тут еще полно, но давки уже нету. Сейчас будем помогать лечить раненых, в нас пока силы больше...

— Подождите, я с вами, — тихо сказал Лид и рывком поднялся на ноги.

— Вид у тебя, Рет, не очень-то, — засомневался Геф.

— Неудивительно — это ведь была смертельная рана, — отозвался король, кивнув на меня. — Только с таким запасом магии, как у высокородных колдунов, можно было ее вылечить... Правда, она же и забрала у меня две трети этого запаса, — добавил он с неожиданным смехом.

— Ой! И что теперь будет?! — испугалась я.

— Да ничего, Соня, — он махнул рукой. — Без печки буду спать, как все нормальные люди...

Оставив меня переваривать эти слова и предоставив на попечение Натке и Маде, король удалился. Дождь кончился, и даже чуть-чуть символически выглянуло солнце, и лучи его заблестели, отражаясь от мокрых камней. Я, чувствуя себя совершенно здоровой, смотрела на варсотов, натываясь взглядом на радостные улыбочивые физиономии. Народ что-то тихо выяснял друг у друга насчет произошедшего, пытался понять, кто такой Лид, понимал, цокал языком... Некоторые залезали на эстраду и с наслаждением отвешивали пинка статуе Съедина: на это развлечением даже образовалась целая очередь. В зданиях вокруг нас что-то гремело, иногда вываливались стекла, кто-то за кем-то гонялся, но все это выглядело как-то празднично и безобидно...

Лид пришел нескоро — где-то через час, как и другие ученики, еле держась на ногах, но весьма довольный.

— Ну чего? Ну как? Какие новости? Ты садись! — засуетилась я, как примерная будущая жена обеспечивая ему комфорт с помощью постеленного на камни измазанного платка. Лид, аккуратно его расправив, осторожно уселся, но насчет дел не успел ответить, потому что не рассеявшаяся толпа вдруг начала что-то скандировать, причем что, не разобрали ни мы с Наткой, ни коренные варсоты. Мы в недоумении переглянулись, но тут какой-то варсот догадался выскочить на сцену и ухватить валяющийся без дела рупор.

— Смотри, Сонь, это наш премьер-министр! — прошептала Мада. — Только что из тюрьмы...

— Пожалуйста, те, кто превратил Съедина в камень, идите сюда! — хрипло гаркнул в рупор бывший глава Варсоти. — Король... Как-как? Да, король Лидиорет, его спасительница и его ученики! Выйдите, пожалуйста, вас просит народ Варсоти!

Толпа шумела, вразнобой требуя нас. Еле живой Лид неожиданно выпрямился и, приняв свой обычный осанистый королевский вид, сказал нам всем:

— Идемте. Не нужно заставлять людей ждать, если они хотят нас поблагодарить.

— Да, твое величество, примем уж поздравления, — хихикнула Натка и кокетливо загородилась платком.

Лид взял меня под локоть и легким шагом направился к эстраде. Ученики полезли следом за нами, а вместе с ними вполне законно набежало несколько членов тайной-не тайной организации. Такой толпой мы ввалились на сцену. Лида пошатнуло, и он выпрямился, подпираемый с двух сторон мной и Гефом. Но и Гефа от утомления клонило куда-то в сторону, как и остальных учеников, так что мы являли собой не торжественную шеренгу, а какой-то пошатывающийся забор.

Однако премьер-министр смотрел на нас с понятным умилением и даже утирал слезы. Похоже, в тюрьме нервы ему попортили основательно.

— Те, кто еще не слышал! — крикнул он в рупор. — Это — Лидиорет, древний король Варсоти, его спасительница Соня и его ученики!

— Да я теперь ровно такая же твоя спасительница, как и ты — мой спаситель! — сказала я Лиду. — Мы, в общем, квиты.

— А зачем нам вообще друг с другом расплачиваться, Соня? — резонно возразил Лид и устремил свои светлые глаза на народные массы. Массы что-то неразборчиво орали, но лучше всего в этом шуме выделялось слово «Спасибо».

Меня немного расперло от гордости. Я оглянулась на друзей.

Ученики стояли с улыбками шире ушей, пихаясь локтями. Геф и Натка тоже улыбались, но почему-то немного печально, и смотрели при этом исключительно друг на друга. Мада с мечтательным видом оглаживала мех на пальто — наверное, представляла, как сделает предложение своему возлюбленному конюху, или кто он у нее там...

Лид тоже немного улыбался: понятное дело, не до ушей, а по своему обыкновению сдержанно, но мне было видно, что в нем теснятся какие-то чувства. Словно услышав мои мысли, он обернулся ко мне и негромко сказал:

— Однозначно приятнее, Соня, когда тебя благодарят заслуженно, а не

из страха, что ты кого-то превратишь в пыль.

— Открыл Америку! — покачала головой Натка. — Доходит до тебя, твое величество, иногда, ты извини, как до жирафа...

Варсоты тем временем продолжали орать, и Лид, видимо, счел своим долгом как-то на это среагировать. Выступив вперед, он сплел пальцы перед грудью и медленно опустил руки, одновременно наклоняя голову в древнем варсотском поклоне, которым короли приветствовали равного и уважаемого человека...

В этот же день в наш мир мы уйти не смогли — было слишком много дел, встреч и обсуждений. Из тюрьмы выпускали насаженных туда Съедином узников, правда, с оглядкой, потому что среди них случались и заслуженно сидящие настоящие бандиты. Но Енга, конечно, выпустили он оказался жив-здоров и даже сделал в тюрьме чертеж очередной усовершенствованной модели самолета.

Нам же, как спасителям Варсотии, устроили шикарную ночевку прямо в здании парламента — залы там оказались большие, застеленные коврами, с высокими потолками, и вообще не хуже, чем в темнице под развалинами дворца. Нас всех пристроили рядом с покоями премьер-министра, который воспылал к нам еще большей любовью, когда выяснил, что Лид не собирается становиться королем вместо Съедина. Хотя некоторые варсоты принялись было его уговаривать принять обратно королевство, но Лид отказался с такой непреклонностью, что эти уговоры быстро затухли.

Вечером я стояла у окна зала, глядя с третьего этажа на темную улицу. Там что-то иногда тревожно грохотало, слышались вопли и вспыхивали огоньки — похоже, дорвавшийся народ гонялся за полицией, которая, несмотря на все свои палки, потеряв поддержку в лице Съедина, предпочитала скрываться и убегать, не вступая в борьбу. У нас в зале под высоким сводчатым потолком горел уютный ряд желтоватых магических светильников. Ученики укладывались спать на разнокалиберных ложах от скамей до кроватей с балдахинами, притащенных из других залов. Все мы, наконец, сняли обмотки, вымылись и переоделись в чистую одежду. На мне теперь было белое варсотское платье из плотной шерсти и кожаные башмаки — джинсы и кроссовки так истрепались, что их пришлось выкинуть. Спать я еще не очень хотела и ждала Лида, который опять ушел о чем-то трепаться с варсотским премьер-министром.

— Стоишь? — раздался за моим плечом тихий голос Натки. Я обернулась и, с удовольствием смерив взглядом незамыганную подругу в светло-коричневом платье, сказала:

— Стою. Придумываю, чего мы бабушке врать будем про то, где были.

Сколько мы тут просидели-то?

— Месяца два. То есть два дня по нашему времени. Можно особо и не врать, — Натка неожиданно так тяжело вздохнула, что я посмотрела на нее уже внимательней.

— Ты чего, а, Нат?

— Везет тебе, Сонька, — пробурчала подруга, упираясь лбом в стекло. — Тебя Лид аж на 300 лет старше... А у меня...

— Геф? — догадалась я. — Значит, Лид правильно мне тогда сказал?!

— Правильно, наше величество все замечает... Он мне, представляешь, замуж предлагал, — Натка невесело рассмеялась.

— Раннее у них тут развитие, — удивилась я. — Ему сколько? Пятнадцать?

— Скоро будет шестнадцать, но от этого не легче... Во-первых, он все равно мелкий. Во-вторых, я не могу остаться в Варсотии. В-третьих, если я в Варсотии не останусь, то не успею оглянуться, как он тут состарится и помрет. Ведь как тут время идет!.. Поцапалась с ним на этой почве, вон под балдахином сидит злой. Никакого выхода не вижу, Сонька.

— Да уж, — поежилась я и невольно оглянулась на безмятежно спящих учеников. Вполне может быть, что я вижу их сегодня в последний раз, по крайней мере, детьми, а не глубокими стариками...

Натка хлюпнула. Я шмыгнула. По каменному полу раздались четкие шаги с чавкающим эхом. Я обернулась, узнав походку Лиды.

Это и правда был король. В честь того, что больше не нужно было притворяться простолюдином, он опять вернулся примерно к тому костюму, что у него был в нашем мире: белая рубашка, красная тряпка вокруг пояса, темные бриджи и сапоги.

— О, наше величество опять при полном параде, — с деланной веселостью махнула ему Натка. — Костюмчик наколдовал?

— Да что ты, такую одежду при моей теперешней силе я бы колдовал не меньше недели, — рассмеялся Лид, и в его смехе я уловила явственное облегчение. — Зато мне больше не холодно.

— Совсем уже ничего не можешь? — огорчилась я.

— Могу, Соня, что и любой здешний колдун. Картинки, например...

— Картинками тут не поможешь... — протянула я, имея в виду Гефа и Натку. Лид тут же встревожился:

— Чему надо помогать?

— Натке с Гефом. Что им делать? Ведь мы должны идти обратно, а Геф...

Тут Геф, будучи легок на помине, вдруг сам подошел к нам и с хмурым

подозрением сказал:

— Это вы про меня, что ли, тут трете? Чего-то у меня уши чешутся.

— Это у тебя от непривычки к чистоте, — хмуро пошутила Натка.

— Да, мы говорим про тебя, — подтвердил Лид, пристально на него глядя. — Мне кажется, возраст для брака у тебя вполне нормальный, но для Наткиного и Сониного мира ты чересчур молод. Думаю, лучше сделать так: мы уйдем в другой мир и подождем там несколько месяцев, за которые для тебя пройдут несколько лет, и, когда ты сравняешься возрастом с Наткой, ты можешь тоже пройти через дыру и жить с нами в другом мире.

— Во спасибо-то, — растерянно сказал Геф, почесав затылок. — А почему это я должен столько ждать?

Лид удивленно поднял брови: видимо, это для него само собой разумелось, но все же ответил:

— Естественно, не должен. Но если ты вообще собираешься быть с ней, такие неудобства не должны тебе помешать.

— Да, вот некоторые, не будем показывать пальцем, дожидались своего счастья без малого триста лет, а ты тут физиономию кривишь, — ехидно заметила Натка.

— Триста восемнадцать, — уточнил король педантично. Геф взглянул на него со сложной смесью уважения, тоски и ужаса и перевел глаза на Натку.

— Знаешь что, я буду навещать тебя каждую неделю, — тут же смягчилась подруга. — То есть для тебя каждые семь месяцев... Или даже два раза в неделю. Каждые три месяца. А?

— Лады, — кивнул Геф сумрачно, явно прикидывая свое безрадостное существование на ближайшие несколько лет. Но Лид глядел на него с таким уверенным видом, а Натка так радостно повисла на шее, что он все же смягчился и ушел с подругой прогуляться по коридору — благо коридоры парламента годились не только для прогулок, но даже и для езды на велосипеде.

— Если мы приедем в Варсотию следующим летом, — нарушила я задумчивое молчание, — то у них пройдет 365 месяцев, а это...

— Чуть больше тридцати лет, — подсчитал король. — Что делать, Соня. Я тоже привык к этим простолюдинам. Зато мы сможем увидеть прогресс здешней науки и техники, так сказать, в ускоренном варианте.

— А если мы будем являться сюда раз в пару наших лет, то скоро станем живыми легендами, — хихикнула я. — Будем стоять с торжественными физиономиями и принимать чествования от правнуков сегодняшних людей.

— Очень может быть, — король тоже хихикнул. — Известно, что чем реже простолюдины видят человека, тем лучше о нем думают... Пойдем спать, Соня.

Провожать нас в дыру с толпой, чествованиями и помпой король своим бывшим подданным запретил, но от учеников мы, конечно, не смогли отвертеться. Тихим и мокрым осенним днем на нескольких машинах нас доставили к дыре. Луг под ногами чавкал, роща почти полностью облетела. Слепленная Лидом на троне статуя раскисла до состояния бесформенного кома...

Ученики выстроились печальной шеренгой, и мы принялись с ними обниматься, хлюпать носами и обещать, что будем приезжать по крайней мере раз в нашу неделю. Я похлопала по прическе расстроенной Мады, еще раз пожала руки близнецам, Лену, Адару и Соту и оглянулась на прочно вцепившуюся в Гефа Натку. Геф от расстройства выглядел старше и симпатичнее, чем есть. Иа начала кривить рот и вытирать слезы...

— Может, пойдете?! — взмолилась я, чувствуя, что прощание того гляди превратится в панихиду. К счастью, Лид был со мной согласен.

— Да, пойдём. Мы видимся далеко не в последний раз, поэтому вовсе не обязательно так горевать. Геф, если ты хочешь дожидаться Натку в здравом уме, ты должен вырабатывать терпение. До свидания всем.

— До свидания, ваше величество! — дружным тихим хором отозвались ученики. Лид улыбнулся, помахал им, взял меня за руку и потянул в дыру...

Я сделала шаг, и на меня пахнуло теплом. Горел закат, под ногами шуршала зеленая трава. Ну да, я совсем забыла, у нас же лето!

— Му-у, — протянул кто-то большой, надвинувшись на нас сбоку, и, лизнув мне руку, принялся жевать рукав.

— Ой, — умилилась я. — Корова!

— Чего ты сюсюкаешь, — проворчала еще немного расстроенная подруга. — Не видишь, эта белая, а наша черная была. Наверное, вторая смена...

Когда мы подошли к бабушкиному дому, закат уже почти догорел. Бабушка сидела на крыльце и при виде нас всплеснула руками и тихо заговорила:

— Господи, ребятки мои! Помирились? Вот молодцы! А что это вы, девчонки, на себя нацепили в такую жару-то, как обмороженные? А ты зачем так подстригся-то, а? Ты лучше уж обрежься под машинку, как нормальные мальчишки ходят...

— Я... — ошарашено начал король, явно не желающий превращаться

в «нормального мальчика», но бабушка не дала ему договорить и продолжила так же тихо восклицать:

— А загорелые какие! И ты загорел, а говорил, у тебя родители рыжие! А похудели-то как, господи! Два дня вас не было, а будто месяц не кушали! Ну давайте, давайте скорее в дом. Сонечка, родителям позвони, я их успокоила вчера, конечно, но на всякий случай-то...

— С твоего мобильного. Я свой, понимаешь, потеряла... — смущенно уточнила я. Бабушка вдруг вздрогнула.

— Ты чего так кричишь-то, Сонечка? Я тебя хорошо слышу.

— Я не кричу, — удивилась я.

— И слова тянешь как... Ты не заикаться у меня начала? — озаботился бабушка.

— Соня не заикается, — попытался успокоить ее Лид. Не тут-то было: теперь бабушка уставилась на него:

— А ты чего с таким акцентом вдруг говорить стал? Ты ж говорил хорошо. Ты к своим, что ли, ездил? Как они за два дня тебя обработали.

Тут я поняла, что бабушка говорит вовсе не тихо, а совершенно нормально, а мы привыкли к варсотскому языку и теперь тянем слова и орем дурными голосами, и порадовалась, что родители приедут еще не скоро.

— Бабушка-а, не обращай внима-ания-а, это пройдет, — сказала я, пытаюсь не очень тянуть слова и вопить. — Просто Лид — варсот, а у них такой характерный язы-ык, что мы заразили-ись...

— Варсот? — бабушка повернулась к Лиду и вручила ему батон колбасы. — А ты не из цыган, часом?

— Нет, — сказал Лид и рассмеялся.

— Смеется, ишь ты, — пробормотала бабушка. — А то какой смурной ходил. Вы что-то за два дня как по новой на свет родились...

Натка откинула назад сбившийся капюшон своего шерстяного варсотского платья и сказала:

— А может, и так.

* * *

Электричка громко стучала. За грязноватым подмерзшим окном быстро проносились снежные поля. Вагон был почти совсем пустой — кроме нас с Лидом, нашей трехлетней дочки Лизы и Гефа с Наткой в нем никого не было.

Мы сидели напротив, разглядывая друг друга с большим интересом — Геф и Натка только-только вернулись из годичной командировки по делам Гефовой инженерно-строительной работы, и мы, как встретились, сразу же поехали к дыре между мирами, решив наболтаться по дороге.

— Обалдеть, как Лизка выросла! — прервала короткое молчание моя подруга и попыталась пощупать светлые кудрявые волосы нашей дочки. Лиза поспешно, но с королевским достоинством увернулась от ее руки и прилипла носом к окну. Натка расхохоталась.

— Ты меня забыла, да, Лиз? Помнишь тетю Наташу?

— Нет, не помню, — пробормотала дочь по-варсотски — она всегда, когда стеснялась, начинала говорить на этом языке, и тут же, перейдя на русский, завопила:

— Мама! Смотри, домики! Приехали?!

— Нет, еще рано, это другие деревни, — ответил за меня Лид, взглянув на часы из-под очков. — Сядь спокойно и не кричи так.

Лиза покорно отлипла от окна, вывернула из-под себя ноги, распрямилась и уселась с постным видом, выложив руки на колени.

— Во послушная, — одобрил Геф. — А нашему Лешке хоть кол на голове теши. Два года, а хулиган. Я еще не рассказывал, как мы его по всему строительному объекту искали?

— Рассказывал пять раз, — оповестила Натка. — Он бы нам и тут показал, но у него, слава богу, насморк, я его с бабушкой оставила... Лид, слушай, только сейчас заметила, что ты в очках. Для форсу, что ли?

— Да нет, какой там форс, — махнул Лид рукой. — За компом сижу постоянно, вот зрение и посадил.

— Ну, зрение я тебе выправлю, — пообещал Геф, бодро потеряв красноватые от холода руки. — Парочку деревьев только наберу...

— Спасибо, — кивнул Лид, покопался в своей сумке, достал оттуда ноутбук и воткнулся туда. Геф и Натка устали в окно, что-то там разглядывая, Лиза, позабыв, что она их боится, подавала оживленные реплики то по-русски, то по-варсотски. Я же, глядя на них всех рассеянным взглядом, вспоминала времена, когда мы только вернулись из Варсотии после свержения Съедина.

Конечно, приехавшие родители, тогда, мягко говоря, сильно удивились, увидев, какого размера и вида теперь стала моя комната, и совсем уж обалдели, когда я представила им Лида, сказала, что он бывший король и мой будущий муж и жить будет у нас, поскольку дома у него нету. Для убедительности Лид продемонстрировал несколько картинок, и нам с трудом поверили. С женитьбой тоже обошлось почти без скандалов, хотя

родители проворчали, что я даже короля ухитрилась найти бездомного, без документов и без работы. Я в качестве ответа расколотила парочку тарелок и одну чашку, и все снова стало тихо-мирно.

У Натки с Гефом дела были, конечно, похуже: несколько месяцев подруга растила своего жениха, навеваясь в Варсотию чуть ли не через день, потому что опасалась, что за долгий срок он, чего доброго, положит глаз на кого-то другого. Глаза Геф не положил, но нервы у обоих наконец не выдержали, и они воссоединились раньше срока. Геф остался младше Натки, только теперь все-таки не на шесть лет, а на два года, зато моя подруга перестала быть нервной и дерганой и начала нормально есть. С учебой и работой, как я опасалась, будет хуже, однако все тоже сложилось благополучно. Поднабрав себе сил с помощью нескольких несчастных деревьев и кустов, Лид соорудил им с Гефом вполне приличные документы, и оба принялись в поте лица учиться, готовясь поступать кто куда: Геф — на строительный факультет, а король — на дизайнерский. Учились они заочно — отчасти потому, что туда легче поступить и было хуже видно их пробелы в знаниях, а отчасти потому, что оба работали. Лида и без всякого образования разрывали заказчики — он, пользуясь своими «мультиками» и компьютерными технологиями, делал оформление и видеоряды для концертов, а Геф просто пристроился помощником инженера. В Варсотию мы старались навеваться как можно чаще, но это не всегда получалось, и для местных жителей мы, как и предупреждал Лид, постепенно начали превращаться в живую легенду. Я очень надеялась, что в этот визит нас попросту не узнают — все-таки Геф в пушистой ушанке и дутой куртке, Натка с перекрашенной в медный цвет шевелюрой, Лид в черном пальто, в очках и с волосами, забранными в хвост, и я в красном пуховике и с относительно короткой стрижкой не очень-то походили на тех, кто когда-то помогал народу Варсотии свергать Съедина. А Лизы Варсотия еще вообще не видела...

— А там лето или зима? — приставала тем временем упомянутая Лиза к Натке.

— Да кто ж его знает, принцесса Елизавета, — отозвалась подруга. — Сезон не угадаешь. Ну, если что, куртки снимем.

— Я принцесса?! — встрепелась Лиза, подскочив на сиденье.

— Ну да, ты же дочь короля.

— Сейчас я не король, так что это не считается, — отрезал Лид, выглянув из-за экрана ноутбука. — Натка, не морочь ей голову, она и так всем в детском саду рассказала о своем происхождении.

— А еще я вылечила кошку! — вдруг перескочила мысль Лизы. — У

нее была лапа, а я положила на нее руку, сделала вот так, и...

— Нету лапы, — хмыкнул Геф. Лиза обиделась, вскинула голову, глянула на него свысока своими двухцветными зелено-голубыми глазами и отчеканила:

— Ты совсем, наверное, тупой простолюдин! У нее лапа болела!

Услышав про тупых простолюдинов, Натка с Гефом повалились друг на друга от смеха. Лид схлопнул компьютер и строго сказал по-варсотски:

— Лиза, перестань. Высокородные никогда не должны унижаться до пререканий с простолюдинами.

— Ох, как я тебя давно не видела, твое величество! — в восторге воскликнула Натка, утирая выступившие от смеха слезы. Я вздохнула:

— Лид, ну ты нашел, что сказать...

— Я просто имел в виду, что если уж она так подчеркивает свою принадлежность к высокородным, то пусть и ведет себя подобающе. Какой титул, такая и ответственность, — пояснил Лид.

— Тьфу ты! — наконец рассердилась я. — Ничего она не подчеркивает, она еще маленькая, чтобы подчеркивать! Она просто так мелет чепуху, и ты вместе с ней!

— Это в вашем средневековье детей от взрослых не отличали!!! — завопила вдруг Лиза на весь вагон. Заметив, что мы все умолкли и ошарашено на нее смотрим, она пояснила:

— Мама это обычно папе говорит, когда он говорит мне непонятные слова. А средневековье — это что?

— Это время, в котором жил папа, пока его не заколдовали, — пояснила я. Лиза кивнула — историю заколдовывания и расколдовывания Лида она, понятное дело, знала. Тут двери электрички зашипели, и неразборчивый голос машиниста что-то прорывал.

— Ой, чего мы сидим-то! — вскочила Натка. — Наша остановка!

Выскочив из электрички в последний момент, мы сошли с расчищенного перрона в поле и тут же по колено утонули в снегу. Лид одной рукой поднял барахтающуюся Лизу, а другой подхватил спотыкающуюся меня. Натка и Геф, тоже кое-как выровнявшись, побрели впереди нас, работая снегоочистителями.

— Найдем мы дыру-то? — пропыхтела я, чувствуя, как в сапоги насыпается все больше снега. — Лид, ты ее узнаешь?

— Я узнаю, — обернулась через плечо Натка. — Я ее, проклятую, после того, как тут Гефа выращивала, и во сне узнаю теперь... Нам вон туда.

Мы сменили направление и, оставляя за собой широкую снежную

колею, протопали к замерзшей речке. Дыру и правда первой обнаружила Натка — она остановилась, помахала в воздухе рукой, и в какой-то момент рука эта вдруг исчезла по локоть.

— Ну, говорила я? — закричала она, вытаскивая руку обратно. — Кстати, по-моему, там тепло. Пошли?

Не дожидаясь ответа, она повернулась и растворилась в воздухе. Геф зашел следом. За Гефом двинулся Лид с Лизой, которая вдруг начала вырываться и вопить, что не хочет исчезать.

— Лиза, успокойся, — начала я и обнаружила, что говорю с пустым местом. Я поспешно сделала шаг вперед.

Меня окатило жаром, как будто я залезла в вагон метро в час пик. В Варсотии явно был разгар лета — солнце стояло в середине безоблачного неба и шпарило так, что я вспотела за одно мгновение. Вокруг меня все поспешно расстегивали и сбрасывали верхнюю одежду; Лид, уже оставшийся в рубашке и брюках, выпутывал Лизу из дутого пуховичка с кучей застежек. Я тоже скинула пуховик и толстые сапоги на меху и огляделась. Под ногами шуршала слегка пожелтевшая от жары трава, роща вдали выглядела пыльно-зеленой — похоже, тут давненько не было дождя. Над нами со свистом пронеслось несколько самолетов — до реактивных двигателей варсоты успели дойти в наше прошлое появление, то есть лет пятнадцать назад, а неподалеку как раз находился аэродром. Со стороны дороги доносился постоянный ровный шум: хотя машины стали гораздо менее громкими, зато их количество сильно увеличилось.

— Дачники в город возвращаются, — подумала вслух я, повернулась и ойкнула.

Рядом с пустующим каменным тронем, который уже немного потрескался и оброс мхом, стоял обращенный в статую Съедин! На лице его была все такая же мерзкая улыбка, рука застыла на полувзмахе, и повернут он был так, что, казалось, собирался присесть на трон, но вдруг передумал.

— Ты чего, Сонь? — испугалась Натка и тоже повернулась. — О господи. Значит, они его сюда перетасили.

— И правильно, чего ему на главной площади-то делать, — резонно заметил Геф и с ухмылкой щелкнул Съедина по каменному носу. Лид членовредительствовать не стал, но смерил своего окаменелого сородича задумчивым прищуренным взглядом. Единственной, у кого реакция на Съедина оказалась бурной, была Лизка.

— Ты чего щелкаешь?! — набросилась она на Гефа. — Ему же больно!

— Да чтоб ему вообще провалиться, — буркнул Геф в сердцах.

— Ну ты чего! Он и так грустный, — снова изумила нас Лиза и пошла к Съедину с протянутой рукой. Я поспешно оттащила ее назад и строго сказала:

— Только не вздумай желать, чтобы он ожил. Это тот самый король, который нас чуть всех не убил, я тебе рассказывала.

— Действительно, не надо, — поддержал меня Лид и добавил странным тоном:

— Еще не время.

— Не время?! — ужаснулась Натка. — То есть ты хочешь сказать, что когда-нибудь наступит такое время, что и этого расколдуют?

— Конечно, — подтвердил Лид. — Для меня же оно наступило.

— Твое величество, прости меня, ну ты сравнил...

— Я ведь не так уж отличался от него, когда меня только заколдовали. Просто эти триста лет пошли мне на пользу, дав время поразмыслить над тем, что я делал и зачем, — Лид подхватил с травы свое пальто и мой пуховик. Натка тоже подняла свою куртку и пробормотала:

— Вот и пусть он еще посидит. И надеюсь, что я не доживу до того времени, когда какая-нибудь идиотка его расколдует. Пойдемте машину поймаем — и в город? Мне интересно, телики они там нормальные уже изобрели или опять одно радио будем слушать?..

Она пошла по направлению к роще, за которой слышался гул шоссе. Мы все двинулись следом за ней, только я через несколько метров почему-то оглянулась через плечо. Статуя Съедина, неподвижно торчащая в желтом солнечном мареве, казалось, смотрела на меня, и мне вдруг почудилось, что его улыбка и правда не столько противная, сколько усталая и грустная. Вот ведь паршивец, даже заколдоваться сумел в выгодном свете!

...А может, есть в нем и что-то хорошее, чего я разглядеть не могу. Наверное, через много лет это увидит другая спасительница.